

Ubanhuvung

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений
в десяти томах

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1998

И.А.ИЛЫИН

Собрание сочинений Том восьмой

Москва
·РУССКАЯ КНИГА·
1998

УДК 1/14
ББК 87.3
И46

Составление и комментарии
Ю. Т. Лисицы

Художник
Л. Ф. Шканов

Ильин И. А.

И46 **Собрание сочинений: В 10 т. Т. 8/Сост. и ком-
мент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. — М.:
Русская книга, 1998. — 576 с., 1 ил. портр.**

В настоящий том включены две крупные работы И. А. Ильина. Одна посвящена разоблачению планов Коминтерна по подрыву основ мирового порядка и установлению «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе. Вторая — это лирико-философские размышления о человеке, его жизни, душе и духе, путях его духовного обновления.

И **0301030000 — 011** б/об.
М 105 (03) 98

**УДК 1/14
ББК 87.3**

**ISBN 5 — 268 — 00965 — 6 — т. 8
ISBN 5 — 268 — 01393 — 9 — общ.**

© Лисица Ю. Т., 1998 г., составление и комментарии.
© Шканов Л. Ф., 1998 г., оформление.

**БОЛЬШЕВИСТСКАЯ
ПОЛИТИКА МИРОВОГО
ГОСПОДСТВА**
Планы III Интернационала
по революционизированию мира

ПРЕДИСЛОВИЕ

С радостью обращаем внимание всех интересующихся духовной проблематикой на этот чрезвычайно важный труд. В данной книге с большим знанием дела освещается работа организации Коммунистического Интернационала (Коминтерна), его стратегия и многообразные методы его воздействия на массы. Эта книга — документ основополагающего значения для всех тех, кого занимает серьезный вопрос о большевизме и проводимой им работе, угрожающей всему миру.

Название книги — «Большевистская политика мирового господства» — ясно показывает, что именно волнует автора и что необходимо рассматривать как цель, которую преследует Коминтерн. Речь и вправду идет о политике, *цель которой — завоевание мира*. Автор раскрывает работу Коминтерна по осуществлению этой цели и обосновывает ее страшные последствия, которых во всей их совокупности высокие государственные мужи удивительным образом упрямо не замечают или, по крайней мере, делают вид, что не замечают. Иначе как бы они решились дать место в Лиге Наций представителям Советского Союза, являющимся не кем иным, как агентами Коминтерна!

И сделали это вопреки мужественному протесту Швейцарии, Голландии и Португалии, который выразил в своей блестящей речи швейцарский представитель — государственный советник Мотта¹. Своим протестом эти три страны заявили, что не могут не обращать внимания на абсолютную несовместимость большевизма и христианской культуры, Москвы и Женевы. Эта двойная несовместимость отражена в книге и подтверждается многочисленными и неопровержимыми доказательствами.

Равнодушие к большевистской опасности кругов, безразличных к духовной проблематике, равнозначно их собственной гибели или самоубийству. Ибо победа марксистской власти есть смерть духовной культуры. А успешно бороться с фальшивой идеологией этой власти могут лишь те, кто хорошо изучил и основательно знаком с деятельностью Коминтерна. Книга «Большевистская политика мирового господства» дает каждому заинтересованному читателю необходимые знания в этой области.

Женева, ноябрь 1934 г.

Теодор Обер,
председатель Международного объединения
против III Интернационала

ВВЕДЕНИЕ

Вот он перед нами — план III Интернационала по завоеванию мира, подготовленный и продуманный им самим, правдиво и ясно изложенный нами. Кому не знаком этот план, тому лучше оставить политику до тех пор, пока он не ознакомится с ним. Кто с ним ознакомится, тому откроется одна из основных проблем современности.

Современность больна коммунизмом. Можно ли вылечить ее? Да. Каким способом? Двумя способами: отрицательным и положительным.

Отрицательным — по формуле одного из ведущих коммунистов: «Если буржуазия и буржуазный строй хотят сохраниться, они прежде всего должны расколошматить коммунистов как своего заклятого врага» (№ 7, том II, с. 30 — 31. Докладчик Белл²).

И положительным — когда человечество будет творчески созидать новый социальный строй, при котором живое братство устранил ошибки злоупотребления свободой и при котором живая справедливость исправит ошибки преувеличенного неравенства. Главенствовать должно братство; должно быть сохранено лишь столько свободы и равенства, сколько требуется для духовной и хозяйственной культуры. Тогда никто не будет пасынком в собственной стране. Тогда личность будет процветать в лоне своего народа. Тогда будет покончено с патологическим наследством и начнется новый период мировой истории.

Современность больна коммунизмом. У кого есть сомнения на этот счет, тому достаточно прочесть эту книгу.

В книге описываются планы и замыслы Коммунистического Интернационала; они описываются словами самих коммунистов. Собственно, — *одни лишь замыслы*; но за замыслами стоят и действительные достижения III Интернационала. Собранные и освещенные здесь «директивы» лишь очерчивают *указания* мирового коммунистического центра. С одной стороны, ни в какой стране эти указания не выполняются полностью, — так что действительные достижения отстают *от* указываемых, — их не успевают выполнять. С другой стороны, в этих указаниях *умалчивается* очень многое из того, что *на самом деле достигнуто и осуществляется* во многих странах. Настоящие достижения лишь проглядывают сквозь эти указания как исходный пункт и отправная точка.

План III Интернационала по завоеванию мира выдержан в довольно общих чертах: он распространяется на весь мир и особо на всякую страну. *Поэтому любой стране, стремящейся к оздоровлению, необходимо внимательно осмотреться вокруг и тщательно исследовать собственную ткань*; лишь тогда ей удастся поставить *правильный диагноз* самой себе, и только тогда возможно начало оздоровления.

Данная книга и задумана, и создана с целью этого оздоровления. Пусть она сослужит свою службу в мире.

Автор

Глава первая

ЗАВОЕВАНИЕ МИРА

Коммунистический Интернационал хочет завоевать весь мир. Миру приходится раз навсегда смириться с этим фактом и определить свое к нему отношение.

Всякий народ, большой или малый, богатый или бедный, процветающий или сражающийся с нуждой, должен представлять себе, что для него задумано моральное разложение, волнения, гражданская война и невероятная

бойня; что готовится посягательство на его имущество, на его культуру, на последние основы его национального и политического бытия; что неумолимая мировая история вырастила для него смертельного врага, который уже давным-давно, там, где можно, — открыто и вызывающе, а там, где нельзя, — украдкой и подстрекательством, творит свое черное дело. Этот враг и вправду *смертельный враг*, и его не сравнить с другими врагами. Ибо во-истину он возжаждал не куска территории, не дани и разоружения; он жаждет обладания *всем до последнего*, а именно — *национальным бытием народа...* Он стремится к тому, чтобы захватить и разложить духовную мощь народа; он хочет удушить любовь к Родине классовой ненавистью; он намерен через экспроприацию сделать *всех бедняками*, а через последовательную политику предоставления работы государством создать *всеобщую зависимость*; его цель — целиком растворить культуру всякого народа в варварстве коллективизированного примитивизма и коммунистического принудительного труда. Что по сравнению с ним все остальные «смертельные враги» и «заклятые враги» отдельных народов? Что потеря части территории по сравнению с *раздробленной духовной основой*? Но таковы перспективы, с которыми должен ныне считаться всякий народ...

Коммунистический Интернационал хочет завоевать мир... Это его торжественное и совершенно серьезное желание, а не хвастовство и не пустые фразы.

Здесь собрались люди, которым, вероятно, во многом можно отказать, но в одном они сильны: *беспощадно хотеть и с удивительным упорством и выносливостью добиваться желаемого*. Коммунисты — это не так называемые «эмоциональные натуры»; им знакомы лишь негативные эмоции, такие, как ненависть и жажда мести. Они и не мыслители; за них раз навсегда все продумали Маркс и Энгельс, а другие во главе с Лениным сумели лишь додумать за пророков коммунизма. Но в своих стремлениях они неуступчивы и тверды. Ленин сам признавался, что коммунисты «твердокаменны» и проводят «костоломную политику» (№ 49, с. 29); и это на самом деле так. Вся борьба задумана как борьба любой ценой. Ставка, которую надо выиграть — *мировое господство*, и

эта ставка оправдывает для главарей коммунистической политики любой риск. Дело идет о завоевании всего земного или о проигрыше всего земного; но навсегда и насовсем здесь отказались от всего небесного. И тем сильнее ведется неукротимая борьба не на жизнь, а на смерть. Для коммунистов нет ни «плохих», ни «запрещенных» средств; они знают только *нецелесообразные средства*; кстати, все целесообразное они считают необходимым и дозволенным. Ибо «высший закон» для них — «благо революции» (№ 30, с. 227). Так какой же народ в мире согласился бы помериться с ними силою в *этом* отношении и противодействовать их наступлению на *этом* уровне?..

Коммунистический Интернационал хочет завоевать мир и составил на этот счет хорошо продуманный, рассчитанный на долгий срок и до мелочей хитроумно разработанный стратегический план. Он вовсе не скрывает этого плана. Напротив, он уже давно предал его гласности и сделал это не только в общих чертах, а и в конкретных деталях; более того, из года в год, на тайных заседаниях и в долгих дискуссиях он старается отыскать и поправить вероятные ошибки этого плана и недостатки в его выполнении и после этого публикует эти дискуссии, а также принятые на их основе решения. В практической работе умалчиваются лишь «кто», «когда» и «где». Все остальное предоставляется в пользование любознательным. К сожалению, любознательных в этой области чересчур мало.

Принципиально решающими остаются заключительные слова известного «Коммунистического манифеста» Маркса и Энгельса: «Коммунисты не скрывают своих взглядов и намерений. Они открыто заявляют, что их цели достижимы *лишь насильственным свержением всего существующего общественного строя*. Пусть господствующие классы *содрожатся перед лицом коммунистической революции*. Пролетариям в ней *нечего терять*, кроме своих цепей. *Приобретут же они весь мир*».

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»*

* См. № 43, с. 56; напечатано, например, в программе Коммунистического Интернационала, 1928 г., № 10, с. 100. В тексте курсив автора.

85 лет минуло с тех пор, как в первый раз было провозглашено это дерзкое объявление войны миру всей буржуазной культуры. Но и сегодня оно все еще звучит так странно, так ошеломляет своей наготой, кажется таким невероятным в своей беспощадности, что одно поколение буржуазии за другим проходит мимо него, пожимая плечами: «Если бы у коммунистов были и вправду подобные намерения, они, конечно же, молчали бы о них; то есть это всего лишь радикальные речи». Это невнимание и пожатие плечами означают лишь одно: что авторам Манифеста на самом деле удался их замысел — политически ослепить своего врага. Слишком яростно луч ненависти, слишком сильно он воздействует на зрачок; ослепленный обыватель отворачивается; пораженный и рассерженный, он не хочет более обращать туда свой взгляд: «Нельзя же *т-т-такое* принимать всерьез»... Тем самым великая хитрость удалась: ослепленный обыватель туда более не смотрит и не принимает дела всерьез; в то время как подлежащие революционизированию массы все же поглядывают туда, прислушиваются и верят в серьезность предприятия. Желанная аудитория приохочена; нежеланная буржуазия проходит мимо. То же происходит и ныне: коммунисты находятся *под защитой кажущейся невероятности*, а их противники *ошарашены и усыплены*.

Теперь же им надо проснуться!

Большинству политиков в мире и впрямь кажется невероятным и сомнительным, чтобы отдельная организация, да к тому же еще и «частная», за которую она себя охотно выдает, — каким бы попутным ветром ее ни несло, — серьезно брала бы на себя ответственность за подобное заявление. Стремись она действительно к осуществлению своей цели, она не стала бы восстанавливать против себя весь мир... Если же коммунисты бросают вызов всему миру, то они, по всей видимости, слишком глупы, чтобы вообще достичь чего бы то ни было... Если они достаточно сильны, чтобы позволить себе подобные порывы, то они, конечно, уже чего-то достигли; однако, будучи небольшой и малосильной группой, они не заслуживают внимания... И наконец, добрый гражданин дает *каждому* возможность *свободно высказаться*; ведь через свободное

высказывание «наилучшим образом» преодолеваются и устраняются заблуждения и путаница во взглядах.

Однако этим Коммунистическому Интернационалу оказана на самом деле большая услуга. Он прекрасно умеет пользоваться «буржуазными свободами» в своих интересах в еще не захваченных им странах. Поэтому при малейшем возможном ограничении этих свобод он громко протестует и пытается разоблачить «непоследовательность» государственных мужей-ограничителей и провозгласить их «лицемерами». Он *нуждается* в свободном слове буржуазно-либерального государства, чтобы *воспользоваться им в своих интересах*, чтобы обратиться к подлежащим революционизированию массам через головы их вождей, завлечь и разложить их. Коммунисты стараются завоевать массы. А массы можно завоевать не шепотком, а трубными звуками и мощными, будоражащими делами; сами же массы не знают, *как* делаются революции: они способны лишь на импровизацию в форме болезненных массовых выступлений, и поэтому их надо научить верному и по возможности безошибочному *революционному методу*. Этот метод как *метод массовый*, естественно, может быть *обнародован лишь публично и публично же усвоен*. Тем не менее здесь все же не обойтись без шепота заговорщиков; и без него не обходятся. Но «конспиративными» путями слишком трудно и довольно медленно можно прийти к движению масс; а может быть, и вообще невозможно.

Коммунистический Интернационал хочет завоевать весь мир и должен для этого набраться *мужества для гласности* и взять на себя *риск огласки*, что он последовательно и делает. Но это мужество и этот риск не кажутся чересчур большими. Ведь коммунисты, несомненно, *безмерно презирают* буржуазию — за ее трусость и вялость, за ее мелочное корыстолюбие, за ее наивную доверчивость и за ее мировоззренческо-религиозное лицемерие. По мнению коммунистов, эти качества присущи буржуазному образу мыслей. Поэтому они твердо убеждены, что буржуазия не услышит это торжественное возведение революции, не услышит из трусости и бессилия; если буржуазия в мире все же кое-где и услышит это объявление войны, то ее наивную доверчивость мож-

но спокойно усыпить умелой и убаюкивающей ложью; в случае же, если буржуазия какого-либо государства захочет серьезно заняться проблемой наступления коммунизма и наберется мужества для серьезного противодействия, то — на это надеются коммунисты — местные «вспомогательные силы» нанесут удар в спину правительству этого государства и буржуазная оборона против коммунистического движения будет быстро подавлена. При этом коммунисты рассчитывают на поддержку следующих кругов: во-первых, местной коммунистической партии — это ее долг и особое предназначение; во-вторых, марксистско-социалистических групп, которым коммунизм нужен как средство, укрепляющее их леворадикальное крыло и которые видят в коммунистах своего нетерпеливого, «к сожалению», слишком темпераментного и слишком ретиво рвущегося вперед младшего брата; в-третьих, коммунисты рассчитывают на поддержку демократических партий, уговаривающих независимый народ с его возможными ошибками и заблуждениями, но не желающих признавать «применение насилия»; и в-четвертых, коммунисты надеются на определенную защиту со стороны либеральных партий, принципиально признающих «свободу заблуждений», но категорически отвергающих «принуждение к правде»... Сюда как возможных защитников «бедных» коммунистов, «на которых нападают», можно также причислить христианско-сентиментальные круги, которые увидели в коммунизме «братскую» идею «справедливости» и «общности имущества», но с порога отвергают применение насилия; пацифистов, желающих жить в мире и с самим сатаной, но признающих в коммунисте брата по «пацифизму», и Лигу за права человека — из уважения к правам человека у коммунистов, «подвергающихся нападкам» и т. д.

Оставим в стороне вопрос, оправдаются ли надежды коммунистов или нет. Но эти надежды реально существуют; они облегчают им вызывающее поведение на публике, а также их решение просто представить свой великолепный план наступления на весь мир мировой буржуазии.

Этот обширный план состоит из многочисленных стратегических и тактических директив, которые исходят из Центра III Интернационала и посильно и по

возможности пропагандистски и организационно осуществляются коммунистами всех стран. Но было бы принципиально неверно исходить из того, что коммунисты, будучи беспочвенными мечтателями, носятся с фантастическими планами и замыслами и ведут свою пропагандистскую и организаторскую работу наобум; что они совершенно не понимают исторически данную действительность, как бы пробегают мимо нее и потому занимаются просто невозможным. Это может и вправду быть так, пока имеются в виду так называемые коммунистические «*позитивные планы созидания*». Их творческое воображение, как у всех доктринерски мыслящих сектантов, чрезвычайно бедно и узко, а взгляд абсолютно поверхностен. Поэтому они не имеют ни малейшего представления о том, как будет выглядеть этот новый, с такой страстью провозглашаемый и прославляемый ими строй и во что он выльется. Они совершенно упускают из виду глубокую и таинственную силу творческого инстинкта человека; все, что они воспринимают и с чем работают, становится при их прикосновении плоским, примитивным, механическим и мертвым; в их саду увядают все цветы жизни; от их взора ускользают все глубины внешнего и внутреннего мира; и особенно сильно развито у них отсутствие понимания тех духовных и благородных инстинктов, которые свойственны отдельному человеку и всему человеческому обществу. В этом со всей его ментальностью находит свое выражение первородный грех марксизма и материализма. И это дает нам все основания говорить, что все их мировоззрение вовсе не замечает *реальной* ценности мира и практически минует ее.

Но кое-что «чересчур человеческое» в этом земном мире они понимают трезво и точно, а именно: элементарный механизм неорганизованной хозяйственной и политической конкуренции (в большом и малом); зависть и ненависть, накапливающиеся в душе человека, всю жизнь терпящего лишения; и в дополнение — искусство разложения и устранения духовного принципа в человеке. И это немало. Этого хватает, чтобы понять революционную конъюнктуру, а возможно, и

прямо ее подготовить и в подходящий момент вогнать в колеблющуюся *душу масс* клин восстания для совершения политического переворота. Коммунист — мастер *разъединения и восстановления всех друг против друга* на этом свете; он понимает в теории центробежные силы *души индивидуума и души масс*; и он умеет на практике разнуздать и разжечь эти силы. Трезво и со злорадством он наблюдает за развитием этих сил в мире; он умеет грубо и цинично к ним обращаться; и он умеет обратить их в неистовство и безудержность. Нужно признать за ним в этом отношении некий совершенно особый *реализм*. Он говорит не просто так; он хорошо знает, к кому обращаться, что этим людям говорить и что обещать. Он действует не наудачу; он старается каждый раз подготовить в своих целях как можно более благоприятную хозяйственно-политическую конъюнктуру. С ликованием он следит за распадом конкурирующего с ним в хозяйстве и политике буржуазного мира и выбирает подходящий момент, чтобы вонзить в него нож. Поэтому совершенно справедливо будет не проходить мимо его диагнозов и прогнозов.

Еще Маркс и Энгельс сумели описать опасности буржуазного строя, его хозяйственной дезорганизации и политической конкуренции и с неприкрытым злорадством сделать из этого свои выводы. Поучительно наблюдать, как этим мастерам гибели удалось *подслушать*, какие тяжкие возможности дремлют в лоне буржуазного строя, а *своими собственными теоретическими и практическими выкладками* они идентифицировали пути мирового зла. Вот два примера.

В обоих случаях речь идет о проблеме взаимосвязи войны и революции.

Сначала Маркс (год 1854)*:

«Но нам нельзя забывать, что в Европе существует еще и шестая власть, которая в надлежащий момент установит свое господство над всеми пятью так называемыми «великими державами» и заставит содрогнуться

* Статья «Европейская война», «New York Tribune», от 2 февраля 1854 года. Курсив автора.

каждую из них. Эта власть — *революция*. После долгого периода сдержанности и покоя она теперь снова *кризисами и призраком голода* вызвана на поле битвы... Нужен лишь сигнал, и шестая большая европейская власть выступит и замарширует в блестящем военном снаряжении, *с мечом в руке...*»

А теперь Энгельс (год 1887)* :

«Теперь невозможна никакая иная война, кроме *мировой войны*. Но это будет мировая война еще невиданных размеров и небывалого насилия. От восьми до девяти миллионов солдат будут убивать друг друга и при этом сожрут подчистую всю Европу так, как никогда не случалось стае саранчи сожрать какую-то страну. Опустошение, вызванное Тридцатилетней войной, произойдет за три-четыре года и распространится на целый континент; голод, эпидемии, всеобщее одичание как армии, так и народных масс, вызванное острой нуждой; безнадежная неразбериха в нашем искусном механизме торговли, промышленности и банков; все это закончится *всеобщим банкротством; гибелью всех прежних государств* и их рутинной государственной мудрости, такой гибелью, когда короны будут дюжинами выбрасываться на улицы и не найдется никого, кто бы их подобрал; абсолютно невозможно предсказать, чем все это кончится и кто станет победителем в этой войне — и только *один совершенно несомненный результат: всеобщее истощение и создание предпосылок для окончательной победы рабочего класса*.

Таковы перспективы, если доведенная до предела система нынешней конкуренции и вооружения в конце концов принесет свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела старушку Европу ваша мудрость. И если не останется ничего иного, кроме как начать последний военный танец, — *пусть так и будет*. Война, возможно, на время оттеснит нас на задний план, она, возможно, лишит нас некоторых уже завоеванных позиций, но

* Предисловие к брошюре Сигизмунда Боркхайма «Год 1887». Курсив автора.

если вы развяжете силы, которыми тогда уже не сможете управлять, то пусть произойдет то, что произойдет: в конце трагедии от вас останутся одни развалины, а победа пролетариата будет или уже завоевана, или станет все же неизбежной...»

Оба прогноза пронизывает злорадство революционера, который, возможно, все же не позволяет самому себе вызвать неслыханную катастрофу, разжечь и ускорить мировой пожар. Волевые члены III Интернационала настроены в этом отношении совершенно иначе, в чем вы убедитесь из последующего.

Но уже сейчас видно, что мировая буржуазия очень заинтересована в том, чтобы представить себе план завоевания мира этой организацией и основательно его изучить. Ибо воистину, кто не знает своего заклятого врага и не хочет узнать его, кто не может набраться мужества посмотреть в глаза своему неумолимому противнику и предпочитает прятать голову в песок, чтобы ничего не видеть и не слышать, — *тот не достоин этой жизни и может считать, что его часы сочтены.* Тот же, кто способен и хочет бороться, должен основательно изучить своего врага.

Ему надо не только знать, кто его враг и где он обретається, но и какими силами и средствами располагает, как собирается перейти в наступление и какие условия для победы кажутся ему наиболее благоприятными. Можно ли организовать оборону, ничего не зная о враге? Не является ли аксиомой стратегии хорошее знание о планах и замыслах нападения? Всем нациям сейчас необходимо понять, что на них надвигается хорошо продуманное и подготовленное наступление и что они не знают ни нападающего врага, ни его стратегических планов. Поэтому им нельзя более терять времени. Они должны пробудиться, понять и решиться. Для мира пробил священный час, как тогда, когда гуси в Капитолии своим гогогом предупредили римлян о подкрадывающемся враге. Что, у наций в нашем мире нет более святынь? Или их сон в ночи так крепок, что они будут спать вплоть до своей гибели? Или правы коммунисты, которые верят, что буржуазия без остатка потратила свое мужество в лицемерии и торгашеской жадности?

Как же изменилось в послевоенное время политическое положение в мире! Ранее оно выглядело так, будто каждое государство представляло собой сплоченное единство и, возможно, вынуждено было считаться с наличием нескольких внешних врагов. Единое внутри, оно должно было поглядывать по сторонам, чтобы предотвратить нападение врагов нации либо политических противников или, по крайней мере, не дать застать себя врасплох и перехитрить на дипломатическом поприще. Естественной принадлежностью политической жизни казались *гражданский мир* внутри страны и *опасность извне*. А теперь? Теперь культурный мир лишь тогда и лишь в той степени спасется от жалкого конца, в какой он поймет и усвоит, что все в мире поставлено с ног на голову. В лоне буржуазного общества медленно назревала провозглашенная Марксом и Энгельсом мировая борьба. Мировая война 1914 — 1918 гг. была мощным подземным толчком, который означал радикальный перелом в этой борьбе. Ни одно государство не представляет собой более сплоченного единства, а многие внешние враги везде отеснены и перекрыты *одним-единственным врагом*. По всей видимости, сейчас нет войны между отдельными государствами, и тем не менее повсюду дено и ночью идет опаснейшая и ужаснейшая война. Эта война есть *гражданская война*, которая в скрытой форме *классовой борьбы* распространяется по всему миру и разъедает и разлагает каждое отдельное государство изнутри. А внешние враги нации и политические ее противники, доньше угрожавшие друг другу войной, теперь уподобились двум соседям, которые, будучи «смертельными» и «заклятыми врагами», подложили мину под дома друг друга и уже готовятся подложить взрывчатку, — и еще не ведают о том, что каждый из них в кратчайшее время будет парализован распространяющейся изнутри эпидемической болезнью... Настоящий, единый и общий враг — именно эта эпидемия; отразить ее и справиться с нею можно лишь объединенными усилиями. Всякую другую борьбу она делает бессмысленной, роковой, да и просто невозможной. Ибо неразумно, бессмысленно затевать войну,

чтобы в начале, середине или в конце этой войны, даже одержав в ней победу, погибнуть в волнениях, в гражданской войне и в хаосе. Каждый будущий конфликт в мире ускорит наступление парализующей эпидемии и сделает ее неотвратимой. Необходимо, чтобы ведущие культурные слои разных стран и народов постигли эту опасность и занялись ею; тогда, чтобы не предать ведомые ими народы нищете и позору грозящего коммунистического рабства, они должны будут согласиться с *установлением международного гражданского мира*. Иными словами, чтобы уберечься от большевистской заразы и коммунистического порабощения, большим и малым народам в нынешнем мире необходим *гражданский мир вовне и социальное оздоровление внутри*. Иначе они погибнут.

Коммунистический Интернационал хочет завоевать мир; и ныне призвание всех культурных народов — ознакомиться с большим стратегическим планом этой организации, не только формально его просмотреть, но основательно проверить его *историческое возникновение вкупе с практическими и политическими шансами*. Как могло возникнуть такое? Где лежат отправные точки для подобной «работы»? Чему обязана пропагандистская и организаторская «работа» своими успехами? Как можно отразить и побороть эту атаку на весь культурный мир? И что произойдет, если не удастся ее отразить?... Это те необходимые, неизбежные для каждого ответственного политика вопросы, которыми он должен заняться после изучения предлагаемого стратегического плана. Но начинать ему нужно именно с него.

Эта книга предлагает для подобного изучения научно обоснованную, проанализированную и предельно ясно сформулированную подборку оригинальных материалов*.

* Об использованных источниках, а также о способе цитирования и обоснования см. «Литературное приложение» в конце книги.

Глава вторая

III ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Так называемый *III Коммунистический Интернационал*, сокращенно «Коминтерн», возник в 1918 году в *Советской России*, с соблюдением всех формальностей был образован в Москве на заседаниях I конгресса (2 — 9 марта 1919 г.). Ленин пишет об этом следующее: «III Интернационал был действительно создан в 1918 году, когда длительный процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образованию коммунистических партий у целого ряда народов. Формально Интернационал был образован в марте 1919 г.» (№ 46, с. 247).

«Тому обстоятельству, что на заседаниях коммунистов в Москве нам удалось сделать так много в такое короткое время, мы обязаны той гигантской подготовительной работе, которую проделали *Центральный Комитет нашей партии и организатор конгресса товарищ Свердлов*. Велась агитация и пропаганда среди иностранцев, находящихся в России, и образовался целый ряд иностранных групп. Десятки членов этих групп были целиком и полностью посвящены в основные планы и общие политические задачи, выдержанные в духе директив. После этого сотни тысяч военнопленных из армий, созданных империалистами для своих целей, разъехались в Венгрию, Германию и Австрию и добились того, что *бациллы большевизма полностью подчинили эти страны своей власти*». Все это произошло благодаря «работе иностранных групп в России; эта работа была одной из *важнейших страниц в деятельности Российской коммунистической партии* как одной из ячеек мировой Коммунистической партии» (№ 46, с. 128)*.

Для верной оценки этих данных необходимо иметь в виду следующее. Ленин был тогда в советском государстве председателем Совета народных комиссаров (нечто вроде рейхсканцлера), а признанный руководитель Рос-

* Курсив мой. (Авт.)

сийской коммунистической партии Свердлов как председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета советской республики олицетворял высшую государственную власть и пользовался в партии исключительным авторитетом**.

На этом I конгрессе Коминтерна были приняты и опубликованы программные «тезисы», тактические директивы, много решений, призывы «К рабочим и солдатам всех стран», «К рабочим всего мира» и, наконец, торжественный манифест к пролетариату всего мира. Началась пропагандистская и организаторская работа Коминтерна на благо мировой революции (№ 1; № 2).

С тех пор Коммунистический Интернационал провел II интернациональный конгресс (июль — август 1920 г.), III (июнь — июль 1921 г.), IV (ноябрь — декабрь 1922 г.), V (июнь — июль 1924 г.) и VI (июль — сентябрь 1928 г.). VII конгресс назначен на весну 1935 года. На каждом заседании произносили программные речи, принимали политические решения и издавали тактические директивы. Наряду с этим из года в год велась работа над самой организацией Коминтерна и его многочисленных ответвлений и разветвлений. Было бы слишком пространно и скучно описывать здесь историю всей этой работы; достаточно кратко упомянуть ее окончательные результаты.

По действующим уставам (принятым на VI международном конгрессе 29 августа 1928 г.), Коммунистический Интернационал образует *«единую мировую коммунистическую партию»*, составленную из «коммунистических партий разных стран» (Уставы, § 1 и № 2, с. 101).

Эти «партии разных стран» в каждом случае называются «коммунистическая партия соответствующей страны (секция Коммунистического Интернационала)». В каждой стране в состав Коммунистического Интернационала может входить лишь *одна* коммунистическая партия (Уставы, § 2, там же).

* Как теперь Калинин.

** Это было особо подчеркнуто самим Лениным в его речи у гроба Свердлова (№ 46, с. 82).

В работе VI международного конгресса принимали участие 52 таких секции, часть из них с правом решающего, другая — совещательного голоса*. Кроме Советского Союза, делегациями своих коммунистических партий были представлены следующие страны: Англия, Франция, Германия, Чехословакия, Италия, Польша, Швеция, Болгария, Югославия, Финляндия, Румыния, Австрия, Бельгия, Голландия, Дания, Швейцария, Ирландия, Исландия, Испания, Греция, Эстония, Латвия, Литва, Турция, Китай, Индия, Япония, Индонезия, Персия, Армения, Палестина, Внутренняя Монголия, Индокитай, Алжир, Тунис, Южно-Африканский Союз, Соединенные Штаты Северной Америки, Бразилия, Аргентина, Мексика, Канада, Чили, Уругвай, Колумбия, Эквадор, Парагвай, Венесуэла и Новая Зеландия; с опозданием приехали австралийские делегаты; Португалия, Египет и Корея были представлены на V, но отсутствовали на VI конгрессе.

В целом прибыли 470 делегатов, которые претендовали на представительство около 4 миллионов коммунистов**. Лишь 90 делегатов из 470 относились по своей нынешней профессии к «рабочим с производства»; наряду с ними присутствовали 70 «служащих», 108 представителей «свободных профессий», 13 крестьян, 3 сельскохозяйственных рабочих и 2 домохозяйки; кем работали остальные 184, *осталось невыясненным*. Однако можно с уверенностью предположить, что они не принадлежали ни к рабочим, ни к крестьянам; в противном случае они бы об этом не умалчивали; единственной профессией этих людей, по-видимому, была мировая революция. Огромное большинство присутствовавших были коммуни-

* В июне 1930 г. были 53 коммунистические и 3 симпатизирующие революционные партии (№ 32, с. 425. Доклад председателя Коминтерна. Стенограмма).

** Среди них организованы во всяком случае не все. Организованное ядро составляет не более одной пятой от общего числа. Ср. доклад Мануильского о работе делегации КП Советского Союза в Исполкоме Коминтерна, прочитанный на заседании XVII съезда КП Советского Союза: «Коминтерн насчитывает теперь 860 000 организованных борцов в капиталистических странах» (см. № 34).

стическими партийными функционерами. Так, например, было 145 членов коммунистических «Центральных Комитетов» из разных стран; 58 членов «районных комитетов»; 45 коммунистических «секретарей районов»; 12 членов «Центральных контрольных комиссий»; 31 редактор коммунистических газет; около 40 делегатов от Центра III Интернационала и т. д. Короче, конгресс состоял из интернациональных революционеров-профессионалов, чье главное дело в жизни как раз и есть мировая революция. Рабочие и особенно крестьяне составляли незначительное меньшинство.*

«Подавляющее большинство делегатов», а именно «359 человек», состояло «из лиц в возрасте от 21 до 40 лет». Итак, это по большей части люди, которым к началу великой мировой войны было 7 — 26 лет, следовательно, они принадлежат к военному или послевоенному поколению.

Соответствовал этому и «срок пребывания в партии». Лишь 32 человека были приняты в партию большевиков до 1905 года. Лишь 31 человек вступили в партию в 1905 — 1917 гг. «Подавляющее большинство», а именно 330 делегатов, стали исповедовать коммунизм *только после того, как большевики захватили власть в России***.

Об уровне образования этого международного объединения послевоенных профессиональных коммунистов, к сожалению, официально ничего не сообщалось. По другим официальным данным, этот уровень образования должен был быть довольно скромным.

«Как члены коммунистических партий и Коммунистического Интернационала наши товарищи и товарки обязательно должны соответствовать требованиям § 3

* Процентное соотношение *евреев* в составе Исполкома Коминтерна доньше не могло быть достоверно установлено, так как большая часть профессиональных революционеров-евреев для маскировки носит нееврейские имена. Руководство Коминтерна после его образования находится почти *исключительно в еврейских руках*. Точнее других до сегодняшнего дня этот вопрос освещен Германом Фестом в его книге «Большевизм и еврейство» (Изд-во «Нибелунген», Берлин, 1934 г.).

** Все оригинальные коммунистические данные. См. № 11, с. 565 — 570.

«Уставов». По этому параграфу к членам относятся те, «кто *признает* программу и уставы Коммунистической партии данной страны и Коммунистического Интернационала, *входит* в одну из низовых первичных организаций партии и *активно работает* в ней, *подчиняется* всем решениям партии и Коммунистического Интернационала и регулярно платит членские взносы» (№ 12, с. 101).

Это означает, что *строительство* III Интернационала ведется *снизу*, однако *власть* осуществляется *сверху*. Этот принцип называется в уставах «демократическим централизмом» (№ 12, с. 101, § 5).

Следовательно, на первом месте якобы «массы». Отдельный коммунист должен записаться в коммунистическую партию своей страны и регулярно платить членские взносы. Он должен входить в одну из коммунистических «производственных ячеек», т. е. работать, например, «на фабрике, в шахте, в мастерской, в конторе, в магазине, в усадьбе и т. п.»; всякая производственная ячейка должна «охватывать всех работающих на данном предприятии членов партии» (№ 12, с. 101, § 4). Затем он должен «работать активно». О «работе» в коммунистических уставах, программах и решениях говорится неустанно: коммунисты «работают» повсюду — с детьми, с молодежью, с женщинами, в парламентах общин и в парламентах государств, в школах, в профсоюзах и в армиях всех государств. Однако эта «работа» не имеет ничего общего с продуктивным и культурным созиданием: она всегда означает лишь *коммунистическую пропаганду* («просвещение», или, вернее, затуманивание мозгов), *коммунистическую агитацию* (подстрекательство к протестам, возмущению, мстительности и революционным действиям) и *коммунистическую организацию* (связывание и обязывание просвещенной и приземленной воли членов партии). Но в этой «работе» коммунист никак не свободен. Он должен *признавать* уставы Интернационала и подчиняться решениям партии своей страны и Коминтерна.

В этой «работе» коммунист подчиняется дисциплине, а именно «железной» дисциплине. Уже на II конгрессе Коминтерна условия приема в мировую партию гласили: централизм и повиновение (пункт 12 и пункт 16). До-

словно: «В нынешнюю эпоху обострения гражданской войны Коммунистическая партия лишь тогда будет в состоянии исполнить свой долг, если она *организована достаточно централизованно*, если в ней царит *железная дисциплина* и если ее партийный центр, основываясь на доверии членов партии, *будет обладать полнотою власти, авторитетом и далеко идущими полномочиями*». «Все решения конгрессов Коммунистического Интернационала, как и решения его *Исполнительного Комитета*, обязательны для всех партий — членов Коммунистического Интернационала» (№ 3, с. 114 — 115).

С тех пор этот дух «железной дисциплины» лишь укрепился.

Вышеназванный «демократический централизм» основывается на трех «основных принципах»: а) выборность всех без исключения партийных органов, б) периодическая отчетность партийных органов перед их избирателями и в) «*обязательность решений вышестоящих партийных органов для нижестоящих, строгая партийная дисциплина, пунктуальное и незамедлительное исполнение решений Коммунистического Интернационала, его органов и руководящих партийных органов*» (№ 12, с. 101, § 5).

Поэтому во всех уставах повсюду значится: «подчинение», «обязательны», «непременное проведение», «дисциплинарное взыскание» и, наконец, «исключение». Проследив, с одной стороны, ход всей организационной работы, все взыскания и исключения, и с другой — формальность коммунистических «выборов» и «отчетов», очень скоро приходишь к выводу, что «демократизм» — лишь игра и видимость, в то время как *диктаторский централизм* совершенно серьезен и реален. Достаточно установить, что нетерпима любая «оппозиция» — ни в отдельных партиях, ни на международных конгрессах Коминтерна; что Центру Коминтерна полагается господствовать над отдельными партиями стран, их центральными комитетами и всей их «работой»; что полномочия нижних слоев этой «интернациональной» партии никак нельзя сравнивать с полномочиями высших слоев; что право контроля и исключения, принадлежащее Центру, превращает всю «систему выборов» в *диктаторский отбор* и т. д.

Это также открыто признается и обосновывается.

«Коммунистический Интернационал знает: для того, чтобы достичь скорейшей победы, ассоциация рабочих, ведущая борьбу за уничтожение капитализма и создание коммунизма, должна обладать *строго централизованной организацией*. Коммунистический Интернационал должен действительно и на самом деле представлять собой единую Коммунистическую партию всего мира...» (№ 8, с. 83).

«Для координации действий и целесообразного руководства ими пролетариату нужна *интернациональная классовая дисциплина*, которую необходимо соблюдать прежде всего в рядах коммунистических партий. Эта интернациональная коммунистическая дисциплина должна найти свое выражение в *подчинении* отдельных и местных интересов общим и долговременным интересам всего движения и в непреложном проведении всех решений руководящих органов Коммунистического Интернационала» (№ 8, с. 79).

Всюду должна царить «*железная дисциплина*» и строгий революционный порядок (№ 12, с. 94. Программа Коминтерна) при *безусловном подчинении* меньшинства большинству (№ 12, с. 37).

«Централизация в коммунистической партийной организации означает не формальную и механическую централизацию, а централизацию коммунистической деятельности, т. е. образование *сильного, находчивого и одновременно умеющего приспособиться к руководству*» (№ 4, с. 107).

«По-настоящему большевистская партия» «должна быть такой централизованной партией, в которой не допускаются никакие фракции, течения и групповщина, она должна представлять из себя законченное целое» (№ 8, с. 31) и т. д.

Следовательно, руководящий Центр Коминтерна обладает также необходимыми полномочиями. Здесь у нас есть 1. — Международный конгресс, 2. — Исполком Коммунистического Интернационала и 3. — Президиум Исполкома.

1. *Международный конгресс* есть «высший орган»; он *решает* «программные, тактические и организационные вопросы» (Уставы, § 8); он «*избирает* Исполнительный Комитет Коммунистического Интернационала (ИККИ)

и Интернациональную Контрольную Комиссию (ИКК)» (Уставы, § 10). Международный конгресс является также как бы «Верховным судом» «Мировой партии».

2. «Исполнительный Комитет является руководящим органом» в период между международными конгрессами. Он «издает директивы для всех секций Коммунистического Интернационала и осуществляет контроль над их деятельностью» (Уставы, § 12). Его решения «обязательны для всех секций и должны непреложно ими выполняться» (§ 13). У него «есть право отменять или изменять решения как Центрального Комитета, так и съездов секций»... (§ 14). Он «наделен правом исключать из Коммунистического Интернационала партии, группы или отдельных членов, действующих наперекор программе и Уставам Коммунистического Интернационала или решениям международных конгрессов, а также ИККИ» (§ 15). Он определяет число делегатов отдельных секций для международных конгрессов и срок созыва последних (§ 8). Он заседает не реже одного раза в шесть месяцев (§ 23) и т. д.

3. Президиум Исполкома есть «постоянное образование, которое руководит всей деятельностью ИККИ в период между его заседаниями» (§ 19). Как и ИККИ, он обладает правом «создания постоянно действующих бюро» (§ 20); «секциям вменяется в обязанность «выполнять» руководящие указания и директивы этих постоянно действующих бюро» (§ 21).

Сюда надо добавить следующее. «Центральные Комитеты всех секций» и все «сочувствующие организации» «обязаны постоянно присылать в ИККИ протоколы своих текущих заседаний и сообщения о своей деятельности» (§ 29). Таким образом, око Центра закрепляет за собою открытый доступ повсюду.

V международный конгресс настоятельно напоминал «всем секциям об их обязанности более деятельно, чем до сих пор, ... коллективно сотрудничать в дальнейшем развитии руководства Коммунистическим Интернационалом через регулярную информацию и корреспонденцию...» (№ 8, с. 11). VI международный конгресс расширил эту обязательную службу информации. «Секции Коммунистического Интернационала, в особенности метрополии и их колонии, а также секции соседних стран, должны под-

держивать между собой тесные *организационные и информационные связи*» (№ 12, с. 106 Уставов, § 31). Коммунистические «ячейки» обязаны поддерживать друг с другом «интернациональную переписку». Она распространяется «на Францию, Германию, Чехословакию, Италию и Англию» и касается «организаторского опыта ячеек» и «*политической информации о положении в партии, в стране и на данном предприятии*». При этом «*вопросы следует излагать конкретно и по-деловому*» (№ 62, с. 120. Решение).

Это означает, что единство мировой коммунистической партии выражается не только в *централистском повиновении*, но и в *постоянно действующей службе информации* — из страны в страну и с периферии в центр.

Всю эту картину дополняют следующие распоряжения Коминтерна.

«Сложение с себя возложенных функций со стороны отдельных членов Центральных Комитетов одной секции или целых групп следует рассматривать как *дезорганизацию коммунистического движения. Любой руководящий пост в любой коммунистической партии предоставляется не обладателю соответствующего мандата, а всему Коммунистическому Интернационалу*» (§ 30). Таким образом, субъективное общественное право каждого функционера-коммуниста и каждого коммуниста — парламентского депутата превращается не только в общественный долг, но более того, «выборы его» снизу превращены интернациональным коммунистическим центром в *принудительные*.

Переезд членов Коммунистического Интернационала на жительство из одной страны в другую допускается лишь с разрешения ЦК (т. е. Центрального Комитета) их секции. Коммунисты, поменявшие местожительство, «*обязаны вступить в секцию страны, в которой они остаются жить*» (Уставы, § 37).

Это значит, что членство коммунистов считается не по их гражданству, а по их *местожительству, предоставленному коммунистическим начальством*. Гражданство не является более определяющим; определяющим становится разрешение и запись со стороны партийного руководства. Так, французский коммунист при переселении в Германию обязан вступить в Германскую коммунистиче-

скую партию; при переселении в Италию — стать членом Итальянской партии, и наоборот. *Тот, кто стал коммунистом, не является более гражданином своего государства; он есть верноподданный, послушный инструмент и информатор III Интернационала, интернационалист без подданства и Отечества.*

Однако Коммунистический Интернационал не государство. Прежде всего потому, что принадлежность к нему остается *добровольным делом*, и сам он не может предписывать, кто относится к его штату, как это происходит с государством. Во-вторых, потому, что Коминтерн не имеет своей *территории*, члены же его, напротив, принадлежат к иным территориальным организациям (например, какого-то государства, какой-то городской общины и т. д.). Сам Коминтерн называет себя *партией*, но такой *всемирной партией*, которая строится на «строжайшей дисциплине» и «непреложном повиновении». Это означает, что она притязает на *проникновение во все иные государства и страны, отрешение коммунистически настроенных граждан этих стран от обычной лояльности по отношению к своему государству и проводимой им политике и на их собственное повиновение*. Это притязание на господство и повиновение уже само по себе предназначено для того, чтобы ослабить нормальную дисциплину гражданина государства, подорвать и обессилить ее. Коминтерн старается привязать правовое сознание коммунистически мыслящего гражданина к центру созданной в ином месте и находящейся в ином государстве международной партии и к ее международному центру управления. У каждого коммуниста *есть особое, пребывающее за границей начальство*, которому он должен строго повиноваться. Он знает, что может получить от него определенные «взыскания» и может быть также «исключен»; однако он также знает, что за это оно может способствовать его *большой политической карьере в собственной стране, а возможно, и в мире*. Он предоставляет себя в его распоряжение, *открыто не выходя из своего собственного государства*; напротив, он самым активным образом участвует в политической жизни своего прежнего Отечества — он деятелен, он агитирует, он избирает, его избирают, он становится членом парламента

и т. д. Он совыступает и соучаствует. Эти совыступления и соучастие, однако, лишь политическая видимость. На деле он молится иной власти; его правосознание слушается иных законов и иного долга; его стремления идут совершенно иными путями, его бывшая верность стала неверностью; он непрестанно мыслит об измене.

Эти пути задаются ему *программными тезисами и тактическими директивами* Коминтерна, которые в совокупности составили большой план завоевания мира. Практические директивы, из которых состоит стратегический план Коминтерна, не советы, а *предписания и указания*, которым должны беспрекословно повиноваться коммунисты всех стран, поскольку они остаются коммунистами и членами определенной «секции». Сколько бы они ни нарушали законы данного государства, сколько бы ни предписывали действий, означающих измену и предательство Родины, которые в любой стране наказываются как тяжчайшие преступления, — *они тем не менее связывают коммуниста*. Ему нечего умничать, ему надлежит «работать». Он должен «непременно» выполнять эти директивы. И он их выполняет.

Что это за директивы? Как они возникают и какие цели преследуют? И откуда вообще берутся эти люди?

Глава третья

ПРОГРАММА

Откуда берутся эти люди? Во что они веруют? Чего они хотят?

Эти люди появляются из мрачной атмосферы полуобразованности, где они располагают достаточным *запасом вызубренных формул* и могут якобы что-то «объяснить» и где поэтому считают себя «призванными» «просвещать» всех остальных по поводу всего и вся. *Образованный человек* хорошо знает, что его знаниям есть предел, поэтому он скромнен. *Человек полуобразованный* воображает, что «знает всё» и понимает всё, и потому его притязания безмерны. Образованный человек обладает чувством ответственности, полуобразованный безответствен. Обра-

зованный исследует, ищет и обретает, полуобразованный не ищет, ибо он уже все нашел не ища, и случилось это так: он нашел *кого-то, кто раз навсегда объяснил ему все*. Образованный не верит никаким формулам, а вместо этого сохраняет свободную и живую веру во все святое и глубокое в жизни; полуобразованный не верит ничему, он верит лишь в своего мнимого «просветителя» и в его «формулы». То, что укладывается в эти формулы, для него «истинно» и потому «просто» и «ясно»; то, что в них не укладывается, для него не существует и игнорируется им как «предубеждение» или преследуется, а возможно, и искореняется как «злонамеренное лицемерие».

Коммунизм происходит от духовной заразы, которая называется *полуобразованностью* и которая, как эпидемия, распространяется в последнем столетии. Этот «кто-то», которого «нашли» коммунисты, — *Карл Маркс*; совокупность его «тезисов» — *марксизм*. «Мировоззрение» Коминтерна, его программа и его тактика, следовательно, не что иное, как *догматическая и практическая эксплуатация марксизма*.

«Коммунистический Интернационал», читаем мы в Программе, «отстаивает и пропагандирует диалектический материализм Маркса и Энгельса и применяет его как *революционный метод познания действительности для ее революционного преобразования*» (№ 12, с. 47. Программа Коминтерна).

«Опираясь на исторический опыт революционного рабочего движения во всех частях света и всех народов, *Коммунистический Интернационал в своих теоретических и практических знаниях безоговорочно стоит на почве революционного марксизма и его дальнейшего углубления, ленинизма, который есть не что иное, как марксизм эпохи империализма и пролетарских революций*» (№ 12, с. 47. Программа Коминтерна).

Или, как сказал один ведущий коммунист: «Без марксизма у коммуниста, по меткому выражению товарища Сталина, нет никакого мировоззрения» (№ 29, с. 564 — 565).

Всемирно известная и *вульгаризированная* коммунистами доктрина марксизма не нуждается в особом толковании. Однако в только что приведенном торжественном и про-

граммном заявлении о приверженности марксизму следует выделить и прокомментировать два важных пункта. Во-первых, речь идет о *революционном* истолковании марксизма; а во-вторых, о его *ленинистском* углублении. И то и другое связано друг с другом.

У коммунистов есть привычка предпосылать своей программе, а часто и каждому решению, да и почти всякой большой речи *доктринерское вступление*, в котором описывается и объясняется все их понимание нынешней исторической эпохи в марксистской терминологии. Все эти торжественно и самоуверенно провозглашаемые хозяйственно-политические диагнозы и прогнозы постоянно указывают на *неоспоримо установленную и непреодолимо приближающуюся мировую катастрофу, которую следует ускорять всеми силами*.

Коммунисты берут у Маркса не только его экономическую теорию, т. е. учение о капиталистическом товарном производстве, о получении прибавочной стоимости и ее превращении в капитал, об эксплуатации пролетариев, о процессе накопления и концентрации капитала, о финансовом капитале, об империализме и т. д., но и в особенности утверждение, что *производительные силы не могут далее развиваться в рамках капиталистических отношений собственности* и что делом организованной *классовой борьбы* является *скорейшее устранение буржуазного строя и введение коммунизма*. Это является «исторической миссией рабочего класса настоящего времени».

Коммунисты не верят в «эволюцию» ни в рамках капитализма, ни в плане возможности мирного перехода от капитализма к социализму. Приближается *гибель*; *неизбежен и необходим переворот*. По мнению III Интернационала, мировая война «потрясла» «всю систему мирового капитализма и тем самым положила начало периоду его всеобщего кризиса» (№ 12, с. 54. Программа Коминтерна).

«Война... разорила широкие слои населения и непомерно тяжким бременем легла на плечи промышленных рабочих, крестьян и колониальных народов. Она обострила классовую борьбу, перешедшую в открытые массовые акции и гражданскую войну» (там же). Короче, она *сдвинула с места камень, который*

покатился вниз, увлекая все за собой: полным ходом пошел процесс хозяйственного и политического крушения буржуазного общества. За 10 лет, пролетевших в России после революции — с 1918 по 1927 год, — список Коминтерна насчитывает следующие «революции и революционные акции»:

- 1918 г. январь — рабочая революция в Финляндии;
август — восстания на рисовых плантациях в Японии;
ноябрь — революции в Австрии и Германии.
- 1919 г. март — пролетарская революция в Венгрии;
восстание в Корее;
апрель — власть Советов в Баварии.
- 1920 г. январь — буржуазно-национальная революция в Турции;
сентябрь — захват заводов и фабрик рабочими в Италии.
- 1921 г. март — восстание пролетарского авангарда в Германии.
- 1923 г. сентябрь — восстание в Болгарии;
осень — революционный кризис в Германии.
- 1924 г. декабрь — восстание в Эстонии.
- 1925 г. апрель — восстание в Марокко;
август — восстание в Сирии.
- 1926 г. май — всеобщая забастовка в Англии.
- 1927 г. июль — восстание рабочих в Вене (там же, с. 55).

К этому очень неполному и осторожно составленному списку мы могли бы добавить еще и следующий неполный список проявившихся с тех пор симптомов вероятных достижений мировой революции:

- 1925 г. апрель — взрыв в Софийском соборе.
- С 1925 г. — революционное движение в Китае.
- 1926 г. декабрь — в голландской Восточной Индии (Ява) своевременно предотвращено коммунистическое восстание.
- 1927 г. — нарастание революции в Китае;
— демонстрации в поддержку Сакко и Ванцетти во всем мире;
— коммунистическое движение негров в Соединенных Штатах;
— ликвидация коммунистических агентов в прибалтийских странах.
- 1928 г. — бунты в Никарагуа;
— волнения в Судане;
— восстание в Персии;
— волнения в Мадрасе и Калькутте;
— восстание на Крите;
— ликвидация коммунистических организаций в Испании, Португалии, Венгрии, Боливии, Латвии, Италии, Финлян-

- дии, Эстонии, Литве и Японии;
 — коммунистические выступления в Китае;
 — коммунистическое брожение в Македонии;
 — бомбы коммунистов в Аргентине;
 — революция в Афганистане.
- 1929 г. февраль, март, апрель — брожение в Мексике, вооруженное восстание;
 март — брожение в Испании;
 март, апрель — брожение в Китае;
 май — баррикады в Берлине;
 август — коммунистический день «против империализма» в мире;
 август — восстание в Колумбии;
 август — столкновения в Австрии;
 сентябрь — взрывы бомб в Германии;
 сентябрь — брожение в Палестине;
 сентябрь — брожение в Афганистане и Китае;
 октябрь — вступление большевиков из России в Маньчжурию;
 октябрь — брожения в Австрии;
 октябрь — гражданская война в Китае.
- 1930 г. январь, февраль — брожение в Испании;
 февраль — коммунистические выступления в Германии;
 март — коммунистический день безработных в мире;
 апрель — брожение в Индии, отказ местных войск стрелять по восставшим;
 май — брожение в Испании;
 май — вооруженное коммунистическое восстание в Китае;
 июнь, июль — подавление коммунистического движения в Финляндии;
 июль — коммунистическая гражданская война в Китае;
 август — революция в Перу;
 сентябрь — революция в Афганистане;
 сентябрь — брожение в Гаване;
 октябрь — гражданская война в Бразилии;
 ноябрь — ликвидация коммунистического центра под Парижем;
 ноябрь — брожение в Перу;
 декабрь — аресты коммунистов в Италии;
 декабрь — брожение в Испании.
- 1931 г. январь — мятеж в Гватемале и Панаме; подавление коммунистических банд в Китае;
 январь — ведомственные разоблачения коммунистов в Соединенных Штатах;
 январь — брожение в Турции;
 март — брожение в Испании;
 март — брожение в Индии;
 апрель — восстание и гражданская война на Мадейре;
 май — разражается революция в Испании;

- май — брожение в Китае;
июнь, июль — борьба с коммунистическими бандами в Китае;
июль — брожение в Андалузии;
июль — революция в Чили;
август — подавление коммунизма в Аргентине, закрытие коммунистического торгового представительства в Южной Америке, аресты;
август — восстание на Кубе;
август — революция в Эквадоре;
сентябрь — брожение на английском флоте*;
октябрь — забастовка матросов на германских судах в Ленинграде;
ноябрь — «углубляется» революция в Испании;
декабрь — новое брожение в Китае.
- 1932 г. январь — анархия в Испании;
январь — коммунистическое восстание в Сальвадоре;
март, апрель — анархия в Маньчжурии;
май — кровавые волнения в Бомбее (Индия);
июнь — гражданская война в Чили;
июнь, июль — революция в Сиаме;
июль — волнения в Бельгии;
июль — восстание в Бразилии;
август — восстание в Испании;
август — коммунистические волнения в Чили;
с августа по октябрь — гражданская война в Бразилии;
октябрь — революция в Боливии;
октябрь — ликвидация коммунистического центра в Берлине;
октябрь — волнения в Белфасте;
октябрь — голодный марш на Лондон;
октябрь — восстание в Никарагуа;
ноябрь — коммунистические волнения в Женеве;
декабрь — ликвидация коммунистических центров в Берлине, Мюнхене и Бремене;
декабрь — коммунистические демонстрации в Лондоне и Глазго.
- 1933 г. январь — коммунистические волнения в Барселоне и Севилье;
февраль — бунты на голландском флоте (Ява);
февраль — коммунистические волнения в Бухаресте;
февраль — коммунистический заговор в Чили;
февраль — германский рейхстаг в огне;
апрель — коммунистическое брожение в Болгарии;

* См. об этом в журнале «Большевик», 1934 г., январь, с. 30, в статье Мануильского. На русском языке.

1934 г.

июнь — марш безработных во Франции;
август — бунты на шведском флоте;
август — волнения в Пенсильвании;
август — брожение на Кубе;
август — брожение в Ирландии;
август — ликвидация коммунистического центра в Польше;
сентябрь — революция на Кубе;
сентябрь — заговор в Бразилии;
октябрь — коммунистические волнения в Софии;
октябрь — восстание в Сиаме;
октябрь, ноябрь — волнения в Палестине;
октябрь, ноябрь — коммунистическая гражданская война в Китае;
ноябрь — волнения в Лемберге;
ноябрь — вооруженное восстание в Китае;
ноябрь — ликвидация крупной нелегальной коммунистической организации в Японии;
декабрь — ликвидация коммунистических центров в Варшаве, Париже и Финляндии;
декабрь — восстание в Испании;
декабрь — волнения на Кубе;
декабрь — гражданская война в Китае.
январь — волнения в Аргентине;
январь — коммунистическая пропаганда в Японии и Португалии;
январь — волнения на улицах Парижа;
февраль — борьба на улицах Парижа, Морское министерство в огне;
февраль — восстание в Австрии;
февраль — восстание на Кубе;
февраль — восстание в Аргентине;
март — брожение в Испании;
март — ликвидация коммунистического шпионского центра в Чехословакии;
апрель — коммунистическая пропаганда на флоте США;
апрель — бунты в Боливии;
апрель — ликвидация IV Интернационала (Троцкий) во Франции;
апрель — ликвидация коммунистического центра в Турции;
апрель — всеобщая забастовка в Испании;
май — коммунистическая пропаганда в Швеции и в Австрии;
май — подавление коммунизма в Латвии;
июнь — заговор в Мадриде;
июнь — пропаганда в английской армии;
июнь — волнения на Кубе;
июнь — коммунистическая пропаганда в Финляндии;
июль — бунты в Амстердаме;
июль — всеобщая забастовка в Сан-Франциско;

июль — социалистическо-коммунистический единый фронт во Франции;
июль — гражданская война в Австрии;
август — подавление коммунистических банд в Китае;
август — ликвидация коммунистических центров в Англии и Маньчжурии;
август — коммунистическая пропаганда в США и Греции;
сентябрь — массовая стачка текстильщиков и кровавые восстания в США;
сентябрь — стачка транспортников в Токио;
сентябрь — разоблачение подрывной коммунистической работы в шведской армии;
сентябрь — многочисленные, вызванные саботажем пожары на судах;
октябрь — мятеж в Испании; страшные опустошения;
октябрь — разоблачение коммунистического заговора на американском флоте;
октябрь — крупные акции китайских красных отрядов;
октябрь — коммунистический социал-демократический единый фронт в Греции.

Эта в любом случае неполная картина говорит сама за себя, но она включает лишь то, что стало известно общественности.

Все это означает, что нынешний хозяйственный кризис является не кризисом *в рамках капитализма*, каковых было уже несколько, а *окончательным кризисом капитализма*, которому не удалась «стабилизация» (№ 12, с. 58). «Обостряются внутренние противоречия» капитализма и назревают новые «конфликты между капиталистическими государствами» (№ 12, с. 60).

«Империализм с примитивной силой вскрывает и углубляет все противоречия капиталистического общества, максимально усиливает угнетение эксплуатируемых классов и доводит до предела борьбу капиталистических государств. Этим он неизбежно вызывает охватывающие весь мир империалистические войны, глубочайшим образом потрясающие весь господствующий режим и с железной необходимостью ведущие к пролетарской мировой революции» (№ 12, с. 45).

«Мирная борьба за нефть, каучук, хлопок, уголь и руду, за перераспределение рынков и средств вложения капитала неизбежно доводит дело до новой мировой войны, которая будет тем опустошительней, чем больших

успехов достигнет лихорадочно развивающаяся военная техника» (№ 12, с. 60).

«Это» также «неизбежно ведет к высвобождению всех сил интернациональной революции и с железной необходимостью к падению капитализма» (№ 12, с. 61). Здесь существует тысяча различных симптомов, свидетельствующих о том, что «крот истории отлично роет» (№ 12, с. 11. Манифест III Интернационала).

«Интернациональная пролетарская революция происходит, таким образом, из условий развития капитализма вообще и особенно в его империалистической фазе. Капиталистическая система в целом близится к своей *окончательной гибели*. Диктатура финансового капитала *терпит крах* и уступает свое место диктатуре пролетариата» (№ 12, с. 54. Программа Коминтерна).

Это исходный пункт революционного марксизма и, следовательно, Коминтерна, это его диагноз и его прогноз. Но в этом *диагнозе* уже звучит и *программа его устремлений*. И эта программа называется *подготовкой низвержения*.

Коминтерн представляет себе революцию в два этапа. Сначала — «период перехода от капитализма к социализму и диктатура пролетариата» (№ 12, с. 64 и др. Программа Коминтерна). В этот период, который примерно соответствует тому, что происходит в нынешнем советском государстве, *всякая страна через пролетарскую диктатуру будет подготавливаться к коммунизму*. Только потом наступит второй и окончательный этап коммунистического строя.

Итак, сначала пролетарская революция.

«Пролетарская революция есть *насильственное вмешательство* пролетариата в отношения собственности буржуазного мира, экспроприация эксплуататорских классов и переход власти в руки класса пролетариата».

«Завоевание власти пролетариатом *не является мирным завоеванием*» готовой буржуазной государственной машины через получение парламентского большинства...; «насилие буржуазии можно разрушить лишь *решительным применением насилия* пролетариатом. Завоевание власти пролетариатом есть *насильственное уничтожение* буржуазной власти, *разрушение* капиталистической государственной машины (буржуазной армии, полиции, чи-

новничьей иерархии, судов, парламентов и т. д.) и их замены новыми органами пролетарской власти, *являющимися прежде всего инструментом подавления эксплуататоров*» (№ 12, с. 65 — 66. Программа Коминтерна).

Это новое государство имеет форму так называемого «государства Советов», такого, которое уже существует в Советском Союзе (Россия). «Государство Советов» есть «диктатура пролетариата, его *единоличное господство как класса*» (№ 12, с. 66. Программа Коминтерна). «Оно есть *государство вооруженного пролетариата*» (№ 12, с. 67).

«Завоевание политической власти пролетариатом означает *уничтожение* политической власти буржуазии». Оно означает «уничтожение вражеского государственного аппарата»..., «разоружение буржуазии»... «и вооружение пролетариата, солдат революции, красной гвардии рабочих».

«Победа пролетариата... заключается в *разгроме буржуазного*» и «в построении пролетарского государственного аппарата» (№ 1, с. 22).

«Завоевание власти для возведения пролетарской диктатуры происходит путем социальной революции... Буржуазный государственный аппарат должен быть разгромлен, это тот большой урок, который Маркс почерпнул из опыта Парижской Коммуны 1871 года. Первой акцией пролетарской революции должен быть, таким образом, разгром буржуазного государственного аппарата и построение пролетарской диктатуры»...

«*Повергнутая* революцией буржуазия этой акцией не уничтожена. Она постарается задействовать все силы, чтобы снова добиться власти. Сопротивление и новые попытки вернуть себе власть *должны быть сокрушены железной силой...*» (№ 40, том 1, с. 88).

Это означает, что «классовые противники политического государства» будут «разоружаться и угнетаться» «лишением политических прав» (№ 12, с. 66. Программа Коминтерна) и иными террористическими методами, которые, начиная с 1917 года, можно в достаточной мере наблюдать во всех республиках советской страны.

Когда диктатура пролетариата в стране уже установлена, она с огромной энергией будет претворять свою «подготовительную» программу. В эту программу особо входит:

«Конфискация (*безвозмездное отчуждение*) и пролетарская национализация всех крупных промышленных предприятий... и передача Советам всех государственных и общественных предприятий». То же происходит и с «частнокапиталистическими железными дорогами, с автомобильным, морским и воздушным транспортом», с «телеграфом, телефоном и радио», со «всеми крупными землевладениями в городе и деревне», со «всеми производственным фондом крупных землевладений (здания, машины, скот)», с частными банками, оптовой торговлей, домовладением и т. д.

Промышленность организуется и управляется «рабочими». «Часть конфискованных земель получают крестьяне (их бедные, а частично и средние слои)»; эта часть «определяется хозяйственной целесообразностью». Продажа и покупка земли запрещена. Поощряются и финансируются «сельскохозяйственные кооперативы» и «все формы коллективного производства в деревне»; но в «высокоразвитых капиталистических странах (Соединенные Штаты, Германия, Англия и т. д.)» «особо» переходят к «*скорой коллективизации крестьянства*».

«Национализировать» типографии, крупные кинопроизводства, театры и т. д. «Монополизировать» газетное производство и издательства. Все это называют путем «к *оказанию идеологического влияния*».

На перспективу готовится также: заселение рабочими буржуазных жилых кварталов; сокращение рабочего дня до семи часов; запрещение ночных работ; социальное обеспечение любого вида; грандиозное упорядочение в здравоохранении; социальное уравнивание мужчины и женщины; радикальные изменения брачного и семейного права и борьба «с любыми ущемлениями и ограничениями» колониальных «народностей, наций и рас»; всякая нация получит право на «самоопределение вплоть до отделения от государства» и т. д. (№ 12, с. 68 — 71, 79. Программа Коминтерна).

Все это точно списано с мероприятий советского правительства в нынешнем советском государстве (Россия). Тот же, кто хотел бы ознакомиться с последствиями подобных мероприятий, может взять советский государственный строй, обратясь к оригинальным источникам.

Итак, в стране создается *всеохватывающая монополия работодателя, на милость которого безоговорочно выдано все экспроприированное и обедневшее население*. Распоряжается всем Коммунистическая партия, стремящаяся организовать все по своему методу и антиметоду, полностью исключая частную инициативу. Всякое имущество безвозмездно экспроприировано. Все экспроприированные слои пролетаризированы; и все население чувствует себя скрученным коммунистической партократией в бараний рог. Рабочий и крестьянин сделались крепостными коммунистического государства...

Стоит этому строю удалиться и стать повсеместным, стоит осуществить его во всех странах, и политически будет создан «Союз Советских Социалистических Республик Мира» (№ 12, с. 65, 101), а экономически — «мировая система коммунизма» (с. 61), где «отмерли» все отдельные классы и где якобы «ликвидирована» «эксплуатация человека человеком» (с. 62).

В конечном итоге — «мировая диктатура пролетариата» (№ 12, с. 79), Мировое Советское государство, мировой коммунизм; «объединение человечества под гегемонией государственно организованного мирового пролетариата» (№ 12, с. 65).

Конечно же, сначала пролетариат должен завоевать власть. *«Завоевание власти пролетариатом есть предпосылка для развития социалистических форм хозяйства и роста культуры пролетариата. Пролетариат преобразовывает свою собственную природу, вызревает для руководства обществом во всех областях человеческой деятельности, втягивает и остальные классы в этот процесс преобразования и тем самым создает основу для уничтожения классов вообще»* (№ 12, с. 65).

Вся эта программа Коминтерна может быть, таким образом, сведена к краткой и меткой формуле: *«Всеобщая экспроприация, пролетаризация и обобществление»*. Того, что отсюда возникает *всеобщее угнетение и обнищание*, коммунисты не поймут никогда. Вовсе ничему не научившись на своих неудачах в Советском Союзе, они, напротив, стремятся всеми средствами осуществить этот опустошительный строй во всем мире и прежде всего захватить власть через революцию и вооруженное восстание.

Коминтерн считает себя вообще *спасителем человечества*, идущим *единственно верным* путем, и соответственно характеризует сам себя и свое дело.

Коммунистический Интернационал есть «интернациональная боевая ассоциация рабочих», «которая воплощает истинное единство революционных рабочих всего мира» (№ 12, с. 45 — 46). Он — «единственный продолжает принципы I Интернационала на новой почве революционного пролетарского массового движения» (№ 12, с. 46). «II Интернационал» (социал-демократический, Амстердам) «в свои лучшие дни готовил массам почву для широкого распространения рабочего движения. III, Коммунистический Интернационал... *воспользовался плодами работы II Интернационала*, но решительно отбросил его оппортунизм и социал-шовинизм, а также буржуазную фальсификацию социализма и приступил к осуществлению диктатуры пролетариата. Коммунистический Интернационал продолжает славные героические традиции интернационального рабочего движения: традицию английских чартистов и французских участников восстания 1831 года; революционных рабочих Германии и Франции 1848 года; бессмертных борцов и мучеников Парижской Коммуны; храбрых солдат германской, венгерской и финской революций; рабочих бывшей царской деспотии и победоносных носителей пролетарской диктатуры; традиции китайских пролетариев — героев Кантона и Шанхая» (№ 12, с. 47).

Будучи верным этой традиции, Коминтерн стремится *пробиться* или *хитростью пробраться* к этой победе над миром, на деле же использует и то и другое одновременно.

«III Интернационал... есть единственная интернациональная сила, чья программа основывается на диктатуре пролетариата и коммунизме и которая открыто выступает организатором интернациональной пролетарской революции» (№ 12, с. 47).

«Мы — партия *мировой революции*, а не одной лишь русской или немецкой революции» (№ 13, с. 35. Речь Зиновьева).

«Как самое обширное и критическое обобщение всего исторического опыта интернационального революционного движения пролетариата, Программа Коммунистического Интернационала есть программа борьбы за миро-

вую пролетарскую диктатуру, программа борьбы за мировую коммунизм» (№ 12, с. 46. Программа).

Или иными словами: эта программа есть *последний и самый зрелый плод марксизма*. А учение о применении и осуществлении этой программы — стратегия и тактика коммунизма, — продуманное и разработанное для эпохи империалистических войн и социальных революций, есть не что иное, как *ленинизм*.

Глава четвертая

СТРАТЕГИЯ КОМИНТЕРНА

Стратегия Коминтерна есть не что иное, как так называемый «ленинизм», превращенный в охватывающую весь мир и захватывающую весь мир практику.

Основы этой стратегии «изобретены» Лениным непосредственно в борьбе за власть, так что соответствующая «теория», если злоупотребить этим серьезным и глубоким словом, возникла *из практики*. Ленин никогда не был ни ученым, ни исследователем. Его начитанность была большой, но хаотичной и насквозь дилетантской. Он был политиком и публицистом, начавшим с нуля и ушедшим из жизни диктатором великого государства. Всю свою жизнь он боролся за власть, вначале в русской социал-демократической партии, затем в русском государстве; он развил необыкновенную гибкость, выносливость и находчивость; он боролся, используя все средства, казавшиеся ему целесообразными. Троцкий характеризовал его как «самого жадного утилитариста» в мировой истории (№ 51, с. 20). Кривая этой борьбы вела его таким образом к победе. После победы методы его борьбы были названы его соратниками «гениальными» и «классическими»; они были как бы «канонизированы», и с ними обращались как с догмой. Так к «*марксистской*» программе присоединилась «*ленинская стратегия и тактика*»^{*}.

^{*} «Ленинизм» в трактовке и применении нынешних коммунистов есть доктрина «интернационального характера», формулирующая «стратегию и тактику великой армии мировой революции». См. в обзрении книги Сталина («Об основах ленинизма»), автор Бела Кун (№ 87, с. 21 — 29. Апрель 1934 года).

Эта стратегия основывается, конечно же, на марксистских предпосылках. Ее основы можно кратко и четко сформулировать так:

1. Весь мир разделился на две части, на два больших вражеских лагеря: *пролетариат* и *буржуазию*. Дело пролетариата единственно верное; оно ведет к неизбежной победе. Дело буржуазии есть предмет ненависти и презрения; оно безнадежно проиграно. Речь идет лишь о том, когда и как она погибнет, речь, таким образом, о победе, которую должен одержать пролетариат.

2. *Целью, единственной целью*, является победа пролетариата во всем мире. Все, что служит этой цели, не только «разрешается», но *просто необходимо*. У этой борьбы лишь один масштаб оценки: *революционная целесообразность*. Коммунист-революционер должен окончательно отбросить все «предубеждения»; он должен присягнуть радикальной непредубежденности. Политика не имеет ничего общего с моралью, религией и правосознанием, а также с их «требованиями» или «запретами». Оправданна и необходима сама по себе уже каждая хитрость, если она целесообразна. Ни один заключенный договор не связывает коммуниста ни в партийной жизни, ни в отношениях государства с государством; целесообразно и хорошо перехитрить и переиграть врага, кем бы он ни был.

3. Злейший враг пролетарской революции — «эволюционизм», или «реформизм», т. е. настроенность социалистов на гражданский мир в буржуазном государстве (II Интернационал). Это дозволение конституционного гражданского мира есть не что иное, как *предательство*. Реформисты союзничают с буржуазией и предают таким образом дело пролетариата. Потому социал-демократов и социалистов амстердамского направления надо беспощадно «разоблачать, компрометировать и низвергать» как «социал-предателей», «социал-шовинистов» и «социал-фашистов». Их надо бросать в тюрьму и ставить «к стенке» (т. е. расстреливать; № 48, с. 348; № 49, с. 174 и 240).

4. Вся борьба между коммунистами и буржуазией должна вестись не на жизнь, а на смерть. Здесь полностью исключаются всякая компенсация, всякое примирение и всякий компромисс. Именно так должна быть

воспитана мировая коммунистическая партия. Ее непримиримость должна быть настолько бесповоротной и радикальной, чтобы ей не могло повредить никакое «взаимопонимание» с врагом, достигнутое на время и до отмены. Отсюда главный ленинский лозунг: *твердокаменны и зубодробительны в своем стремлении к победе и гибки и легко приспособляемы в борьбе, в которой надо перехитрить противника*. Коммунистическая партия не будет делить власть ни с кем; но для достижения власти ей мил и дорог всякий помощник и всякий попутчик.

5. О мировоззрении и программе коммунисты думают *догматически*. Революционный марксизм для них неколебимая и неприкосновенная догма. В противоположность этому к стратегии и тактике догматически относиться нельзя. *Здесь отсутствует всякая догма*; здесь господствует одна лишь целесообразность борьбы. У всякого периода времени и у всякой страны есть свои собственные, исторически конкретные «место» и «время»; так же и у колоний. Коммунист должен верно и точно, руководствуясь разъяснениями основных тезисов марксизма, постичь это «место» и «время» (диагноз и прогноз) и стратегически и тактически приспособиться к ним. Следовательно, *конечная цель временной конкретной цели борьбы* (на данный период и в данной стране) может сузиться; и конкретная цель борьбы может быть разделена на небольшие непосредственно решаемые задачи. «Конкретизация»^{*} путей и средств самая сложная, но и самая важная задача «лениниста».

6. Для этого ленинисту необходимо знать оба пути: не только путь от своей максимальной, конечной цели к небольшой насущной задаче, но и путь от небольшой насущной задачи к «великой» конечной цели. За небольшой, частичной задачей ему нельзя забывать о социальной революции и диктатуре пролетариата, нет, он призван постоянно связывать малое с великим и *извлекать*

* См. остроумные формулы д-ра А. Эрта в очень интересной брошюре «Тотальный кризис — тотальная революция». Глава III В. «Германский ленинизм», с. 36 — 43. Изд-во «Нибелунген», № 11 экстренной серии, 1933 г.

из всякого малого тактического успеха максимальные стратегические последствия. Это главное искусство революционера «ленинской» школы.

7. К самым опасным предубеждениям, от которых должен отделаться ленинист, относится «предубеждение», именуемое «Родина». «У рабочих нет Родины» (Маркс и Энгельс, № 43, с. 42). Ни в мирное время, ни во время войны думать о буржуазной Родине нельзя, у коммуниста нет никаких обязательств по отношению к Родине, он не обязан ни служить ей, ни быть ей верным, он *последовательный интернационалист*. Ленинизм есть *последовательный интернационализм*. Заморские пролетарии для лениниста — товарищи, и товарищи по партии; «отечественная буржуазия» для него — заклятый враг. Измена Родине и Отечеству не более чем предрассудки, когда это касается буржуазного Отечества. Здесь окончательно оборваны все нити и все связи. Настоящее не является для коммуниста определяющим, а будущее так или иначе полностью растворится во всеобщей интернациональной неразберихе.

8. «Ленинист» не должен делать себе фетиша из законов своего мнимого государства. Легальность хороша, пока коммунист считает ее целесообразной; в ином случае она не стоит и ломаного гроша. Поэтому по-настоящему «ленински» настроенный коммунист не должен ни недооценивать, ни переоценивать легальность. Ему не следует останавливаться перед нелегальностью. Он должен бороться постоянно, *легально и нелегально*; как «гражданину» своей страны, ему следует использовать все свои легальные возможности и «права», и вместе с тем, как ловкий заговорщик, он должен развивать неутомимую конспиративную деятельность. Буржуазный суд и буржуазное наказание значат для него довольно мало.

9. «Ленинист» должен постоянно исходить из *вербовки широких масс*. Без пролетарских масс ему ничего не добиться. Ему надо вести борьбу также за массы из других общественных классов. Представители других классов никогда не смогут сделаться настоящими коммунистами; и все же мировая коммунистическая партия *не может иметь противниками* другие классы, в особенно-

сти крестьянство. Было бы также выгодно так переиграть буржуазию, чтобы она предала самое себя и свое дело и помогла коммунистам добиться мирового господства.

10. «По-ленински» обученный коммунист обладает единой революционной и неизменной программой: она включает в себя диктатуру пролетариата и мировой коммунизм. Кроме того он должен еще иметь столько «побочных программ», сколько отдельных групп или классов ему надо совратить и запрячь в телегу революции. Эти побочные программы могут не иметь ничего общего с главной, они могут даже просто противоречить ей; сами коммунисты вовсе не принимают их всерьез. Это лишь «отдельные требования», заимствованные у других политических партий, чтобы «поймать на удочку» их членов. В этом отношении коммунист-ленинист может быть очень «великодушен» в своих обещаниях.

11. С этим также связано требование, чтобы коммунист не противостоял своим врагам, а проникал в их среду, чтобы работать *среди врагов*, как бы тяжело и опасно это ни было. Вражеский лагерь должен быть подрыт, разложен и заражен коммунистическими агитаторами, он должен быть подорван изнутри и утратить всякую связь и опору. Необходимо проникать внутрь буржуазных государств, буржуазных партий и союзов, и они в процессе своего существования будут созреть для своей гибели изнутри. Ибо одна из основных, хотя и невысказанных, аксиом ленинской практики гласит, что коммунисты гораздо скорее придут к победе через слабость своих врагов, чем через собственную силу. Поэтому здесь действует общее правило: подстрекать, чтобы разделять; разделять, чтобы ослабить; ослаблять, чтобы захватить.

Основы ленинизма не были сформулированы в такой четкой и ясной форме ни самим Лениным, ни его

* Как представляют себе эту работу коммунисты в каждой отдельной стране, лучше всего видно, пожалуй, из книги д-ра Эрта и д-ра Швейкerta «Разнуздание черни. Обзор большевизации Германии» (Изд-во «Нибелунген», 1932 г., Берлин).

адептами*. Однако при внимательном изучении оригинальной коммунистической литературы эти формулы как бы напрашиваются сами как последняя идеологическая основа всей стратегии Ленина и Коминтерна. Ибо *эта стратегия на самом деле построена на приведенных основах*. Практически выраженные, эти основы создают единую атмосферу, *они происходят из единой марксистской лаборатории разложения мира и завоевания мира*. За этой лабораторией как теоретический вождь стоит Маркс; Ленин же стоит посреди этой лаборатории как практический руководитель.

Коммунистам самим прекрасно известно, что эти основы были найдены в процессе русской революции, и они впервые в этом процессе себя оправдали. Ими самими дух этих основ определяется как собственно «большевизм»; практическое применение и осуществление этих основ они определяют как «большевизацию». Так, мы читаем:

«Большевизация состоит в том, что мы учимся брать существенное из российского опыта и из опыта борьбы других стран и применять его соответственно требованиям конкретных условий отдельных стран. При этом нам необходимо учитывать социальное разделение и расслоение в данной стране» (№ 13, с. 46. Речь председателя Коминтерна).

«Самое необходимое для нас действительно внести в массы теоретическое понимание *русской революции*: как она произошла, как она готовилась и какова она сегодня» (там же, с. 64. Рут Фишер).

«Жить вечно и вечно большевизироваться. Было бы самообманом верить, что настоящую большевизацию можно осуществить за несколько месяцев, да и вообще ограничить каким-то сроком. Настоящая большевизация

* Меньше всего это могло получиться у Сталина, человека вовсе не расположенного к размышлениям и исследованиям. Ср. его попытки в книгах «Ленин и ленинизм» (№ 36) и «Об основах ленинизма» (№ 89), лишенные всякой четкости и ясности. В первой книге особенно с. 18, 19, 32, 33, 50, 58 — 59, 62, 93, 100 и др.

мозгов, партий и рабочего движения есть непрерывный процесс» (№ 13, с. 46. Зиновьев).

Так большевизация как таковая становится для поклонника Ленина своего рода идеалом стратегии и тактики, а сам ленинизм — «гениальным» «изобретением», чье основательное изучение нуждается во многих «ленинских институтах» и в усилиях целых поколений.

И одной из величайших ошибок, одним из величайших упущений буржуазного мира является то, что он *вовсе не знает* эту основу «ленинизма» и «большевизации»; если же он практически наталкивается на ее применение, *то он опасается последовательно продумать эти основы и сделать из них необходимые выводы*^{*}. И тем не менее с ним «обращаются», его завлекают, разлагают, размалывают и, возможно, завоевывают, исходя из этих основ.

Фактически «теория и практика» Коминтерна заключаются в *организации массового революционного движения против капитализма* (№ 30, с. 25. Сталин).

Эта «теория» и эта «практика» очень точно разработаны.

«То, что VI Конгресс (в 1928 году) *единогласно принял* общую и для всех коммунистических партий *обязательную программу революционного свержения буржуазии и империализма*, имеет необычайное историческое значение. Это значит, что рабочий класс *в мировом масштабе* пришел к самоосознанию. Империализм создал объективные предпосылки для мировой пролетарской революции. *Программа Коммунистического Интернационала полно и точно предписала идеологические и организационные пути для осуществления пролетарской революции и поставила эту революцию на повестку дня как ближайшую задачу рабочего класса*» (№ 41, с. 480).

И коммунисты твердо убеждены, что ленинизм дает основы *непогрешимой революционной стратегии*; и они стараются наиболее верно и ясно сформулировать соответствующие тактические директивы.

* См. гл. 1.

Авторитетно высказывается по этому поводу председатель конгресса Коминтерна:

«Задача коммунистов как авангарда рабочего класса состоит в том, чтобы всемерно способствовать процессу обострения классовой борьбы, взять на себя руководство и выработать верную тактику, которая приспособлена к новым обстоятельствам» (№ 31, с. 582. Бухарин).

Каковы же эти пути? Что это за «тактика, приспособленная к новым обстоятельствам»?..

Мировая коммунистическая партия возникла из катастрофы, из войны 1914 — 1918 годов. Возникнув из катастрофы, она сама вызвала катастрофу — самую кровавую и разрушительную революцию, коммунистическую революцию в России. Все, что ей видится в дальнейшем, это распространение этой второй катастрофы на весь мир. Коммунисты желают не что иное, как чтобы катастрофы одна за другой потрясали мир, чтобы все и повсюду расшатывалось, разлагаясь, чтобы все вывалилось в нужде и крови. Они верят, что тогда пробьет их час. Тогда III Интернационал одержит победу.

Это общее состояние брожения «предвидится» и «предсказывается»^{*} ими якобы объективно в их марксистских диагнозах и прогнозах; и у прочитавшего их они после этого непрестанно звучат в ушах воинственными фанфарами и криками ликования. Катастрофа для коммунистов не только что-то такое, чего нельзя предотвратить, как лунное затмение или землетрясение. Эта неизбежная гибель скорее требует от них неисчерпаемой активности: ибо на самом деле именно эта коммунистическая активность прежде всего предназначена для того, чтобы сделать мнимое неизбежное неизбежным в действительности. Катастрофа не исключена нигде и никогда. Задача же коммунистов — вызвать катастрофу везде и повсюду, обеспечить и ускорить ее возникновение. Они считают себя призванными усилить в наибольшей мере всякую неуверенность в хозяйстве и политике; обострить всякое противоречие интересов до противостояния классов; превратить всякую политическую ошибку и неудачу

^{*} См. гл. 3.

в социальное брожение и нужду; сделать любой спор непримиримым; напитать всякую борьбу ненавистью; углубить всякую трудность, довести ее до краха и всякий крах — до катастрофы.

Коммунист не просто «пророк» катастроф; он как бы их «приверженец» и «содеятель». Он пророчествует то, чего сам добивается. Примерно так, как если бы бактериолог предсказал эпидемию, сам выращивая денно и нощно *бациллы** в своей лаборатории, подкладывая и рассеивая их везде: пусть тупые люди поражаются его «метким пророчествам». Так что «прогнозы» коммунистов не что иное, как *злые и зловещие сокровенные мечты*; III Интернационал есть *творческая причина грядущей и близящейся мировой катастрофы*, которая бы без их неустанной, то ползучей, то стремительной активности, может быть, и вовсе не состоялась. Сначала всякая страна должна быть революционизирована и разложена; затем она должна быть «спасена»; спасение же может прийти только от советизма. Так, например, уже «созрел для советизма» Китай. И именно поэтому говорится: «Китай могут спасти только Советы» (№ 86, с. 56 — 69).

Коммунисту противопоказан покой. Его последнее и высшее призвание есть *уговаривающая, разлагающая и наступательная активность*.

«Для коммунистической партии не существует времени, когда она могла бы быть политически не активной. Организаторское использование всякой политической и экономической ситуации и всякого ее изменения в своих интересах должно быть развито и стать организационной стратегией и тактикой» (№ 4, с. 121. Тезисы).

«Первым условием для серьезного осуществления этой программы является привлечение всех членов к постоянному, ежедневному сотрудничеству» (№ 4, с. 109).

«Искусство коммунистической организации заключается в том, чтобы использовать вся и всех в классовой

* Слово о «*бациллах*» большевизма было первоначально произнесено самим Лениным (см. цитату в главе второй, № 46, с. 128), а затем употреблялось его верным учеником Зиновьевым (№ 29, с. 52), так что оно входит в лексикон самих коммунистов.

борьбе пролетариата и целесообразно делить партийную работу *между всеми членами партии*»... (№ 4, с. 109).

«Коммунистической партии, таким образом, в ее стремлении иметь только *действительно активных членов* необходимо требовать от каждого в ее рядах, чтобы все свои *силы и все время*, насколько вообще при данных обстоятельствах можно ими располагать, он *ставил на службу своей партии и всегда делал все ради этой службы*» (№ 4, с. 110).

«Введение *всеобщей трудовой повинности в партии* и организация этих небольших рабочих групп — особенно трудная задача для коммунистических массовых партий. Она не может быть осуществлена за один день, а требует *неутомимого упорства, зрелых размышлений и большой энергии*» (№ 4, с. 111).

При этом всегда надо «развивать в работе собственную инициативу»... (№ 14, с. 258 — 259. Пятницкий).

«Действуйте! Вы должны действовать, не дожидаясь напоминаний... В этом отношении нашим вождям надо проявить больше энтузиазма и больше инициативы»... (№ 19, с. 279. Лозовский) и т. д. и т. п.

Итак, это означает: *больше инициативы и всю энергию без остатка* — на поддержку мировой катастрофы!..

Эта мировая катастрофа может развиваться двумя различными путями.

Во-первых, по пути отдельных революций в отдельных странах.

Во-вторых, по пути новой мировой войны.

Совершенно ясно, что первый путь будет гораздо тяжелей и продолжительней, чем второй. Невозможно с самого начала или по крайней мере очень трудно создать так называемую «революционную конъюнктуру» в экономически и политически цветущей стране. Тут не поможет ни «неутомимое упорство», ни «зрелое размышление»; и активность мировой коммунистической партии уйдет в песок. Более того: можно предположить, что в такой стране вообще не возникнет ни коммунистическая партия, ни секция III Интернационала.

Коммунизм возникает и распространяется вообще лишь там, где потрясено социальное, душевное и духовное рав-

новесие в народе или оно постоянно находится в болезненном состоянии.

В любом случае все же возможно, что коммунисты настроятся в своей революционной работе на долгую перспективу и медленное продвижение вперед и терпеливо решатся на первый путь. Однако эта возможность существует только в теории, она — нереальный вымысел. На самом деле для коммунистов это невозможно. Почему? Дадим им самим возможность объяснить нам это.

В имеющемся стенографическом отчете тогдашнего председателя Коминтерна мы читаем:

«Главная наша трудность заключается в затягивании мировой революции. В начале нашей Октябрьской революции мы были убеждены в том, что рабочие других стран в течение месяца, по меньшей мере в течение немногих лет окажут нам поддержку. К сожалению, теперь доказано, что задержка мировой революции является фактом, и чтобы завершить наше дело, нам необходимо еще по крайней мере десять лет» (№ 30, с. 99 — 100. Зиновьев).

И далее:

«Из-за нашей технической и экономической отсталости нам не справиться с нашими внутренними трудностями (т. е. в Советском Союзе), если нас не спасет международная революция» (№ 30, с. 354. Зиновьев).

«Борьба в Советской России слилась с борьбой против мирового капитала. Вопрос о Советской России стал для всех организаций рабочего класса пробным камнем. Коммунистический Интернационал признал дело Советской России своим собственным делом. *Международный пролетариат вложит свой меч в ножны не раньше, чем Советская Россия вступит в Федерацию Советских Республик всего мира. Во всем мире на повестку дня поставлена гражданская война. Ее знамя — власть Советов*» (№ 50, с. 94. Троцкий).

«Европейская буржуазия рассчитывала на то, что мы переделаемся и превратимся в «упорядоченное» буржуазно-капиталистическое государство. Однако мы сделались опорным пунктом, а именно авангардом, в борьбе пролетариата с буржуазией» (№ 31, с. 125. Угланов).

«Советский Союз должен действовать как база мирового движения всех угнетенных наций и очаг междуна-

родной революции; на Коммунистическую партию Советского Союза возложена ответственность за общее руководство мировым коммунистическим движением...» (№ 41, с. 499).

«Безопасность пролетарской диктатуры, безопасность советского государства — этого *очага дальнейшего развития мировой революции*, покоится не только на нашей собственной силе, но и на мнении широких трудящихся масс иностранных государств, на том мнении, которое имеет международный пролетариат о нас и нашей стране» (№ 31, с. 312. Ларин).

«Уже само *существование Советского Союза* образует один из важнейших факторов разложения мирового империализма и подрыва его стабильности в Европе, как и в колониях. *Советский Союз* явно становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных колониальных народов» (№ 31, с. 46. Сталин).

Так же авторитетно и недвусмысленно высказывается в своих решениях о значении Советского Союза и его существования и VI конгресс Коминтерна.

«Советский Союз» «по необходимости станет базой международного движения всех угнетенных классов, *главным очагом международной революции, важным фактором мировой истории*». Советский Союз играет «*беспримерную революционную роль: роль двигателя международной пролетарской революции, который побуждает пролетариев всех стран к завоеванию власти; роль живого примера того, что рабочий класс не только способен разрушить капитализм, но также способен построить социализм; роль образца братских отношений между всеми народами земли*»... (№ 12, с. 85. Программа Коминтерна).

«Советский Союз есть *настоящая Родина* пролетариата, твердая *опора* его достижений и *главный фактор* его международного освобождения; это обязывает международный пролетариат помочь успеху социалистического строительства в Советском Союзе и всеми средствами защищать страну пролетарской диктатуры против нападков капиталистических держав» (№ 12, с. 86. Программа Коминтерна).

«Революция и пролетарская диктатура в Советском Союзе» есть «*часть мировой революции*. Как пролетариат международный по отношению к международной буржу-

азии пролетариат Советского Союза образует единую армию с армиями пролетариев различных капиталистических стран» (№ 11, с. 503. Докладчик Варга).

Или, кратко обобщая:

«Укрепление Советского Союза... одновременно означает рост мировой революции» (№ 12, с. 86. Программа Коминтерна).

Год спустя мы находим в Протоколе X Пленума ИККИ следующие высказывания одного из влиятельнейших членов Коминтерна, товарища Мануильского: *«Перехожу к вопросу об обстоятельствах, в которых происходит борьба коммунистических партий за большинство рабочего класса».*

Первое, что нужно здесь упомянуть, это то обстоятельство, что мы идем навстречу завоеванию большинства рабочего класса в капиталистических странах одновременно с существованием в Советском Союзе пролетарской диктатуры, которая опирается на большинство трудящихся. Это решающий момент. Пролетарская диктатура в одном государстве есть не только инструмент для завоевания большинства непролетарских трудящихся масс этой страны пролетариатом, но и мощное оружие, которое получают коммунистические партии тех стран, в которых еще господствует капитализм, чтобы они, в свою очередь, смогли завоевать большинство рабочего класса. Существование пролетарской диктатуры прежде всего во много раз увеличивает удельный вес наших организованных коммунистических «меньшинств» в капиталистических странах... Во-вторых, существование пролетарской диктатуры в Советском Союзе в любом отношении облегчает коммунистическим партиям капиталистических стран их борьбу за большинство рабочего класса... И наконец, существование организованного пролетарского государства является фактором, обостряющим борьбу между коммунистическими партиями и социал-демократией за руководство рабочим движением. Эта борьба будет проходить не только в форме внутренней гражданской войны, но и в форме спровоцированной и поддерживаемой международной социал-демократией войны против Советского Союза»... (№ 14, с. 59 — 60. Докладчик Мануильский)*.

* Также появилось в «Правде», № 175 от 2 августа 1929 года.

Эти высказывания различным образом повторяются в литературе Коминтерна. Так, например, в сентябре 1932 г.:

«Рабочие массы всего мира приступают ко второму кругу пролетарской революции и войн в иных обстоятельствах, чем в 1914 — 1917 годах. Они больше не безоружны и будут штурмовать капитализм не голыми руками, у них есть сильный оплот мировой пролетарской революции в Советском Союзе. Теперь они вступают в новый круг под руководством Коминтерна, этой единственной, по-настоящему мировой коммунистической партии. Сегодня Коминтерн имеет твердое руководство в лице лучшего и самого верного соратника Ленина — товарища Сталина. Если мировой пролетариат твердо и убежденно идет навстречу бурным событиям и крупным сражениям; если он с сознанием своей готовности вступает во второй круг революций и войн, то это заслуга товарища Сталина. *Под руководством товарища Сталина рабочие массы всего мира вступят в победоносную борьбу за уничтожение капитализма и диктатуру пролетариата*» (№ 71).

Так сами коммунисты объясняют свое революционное нетерпение.

Итак, первый путь отдельных революций в отдельных странах требует такого времени и терпения, какого ни субъективно, ни объективно коммунистам не хватает.

С одной стороны, они не уверены в том, как много времени им отпустила судьба на то, чтобы, чувствуя за собой великую мощь советского государства, использовать все вытекающие отсюда возможности. Но они твердо убеждены в том, что мировая революция призвана спасти их обособленное и в известной степени изолированное благодаря коммунистической системе государство и вывести его из состояния изоляции и ущемленности. Наряду с этим им отлично известно, что через свою пропаганду они восстанавливают против себя весь буржуазный мир и что они сами принципиально и неустанно обостряют отношения между лагерем пролетариата и лагерем буржуазии. Коммунисты подвергают буржуазный мир пропагандистским и революционным нападкам; и так как они не могут бросить эти нападки и не бросят их, то они рассчитывают на то, что буржуазный мир однажды сплотится для защиты и пойдет войной на гнездо коммунистов. По-

этому вся ведущаяся ими в мире пропаганда настроена не только на революционизирование отдельных стран, но и *прямо рассчитана на военную катастрофу**.

Коминтерн стремится не только к тому, чтобы вовлечь отдельные страны, каждую саму по себе, в революционную ситуацию и привести их к перевороту; он никоим образом не отвергает этот путь, каким бы тяжким и медленным он ему ни казался. Ему хорошо известно, что все эти *разрозненные толчки и попытки* лишь в том случае приведут к уверенному и скорому успеху, если *новая мировая война* или по меньшей мере война в Европе создаст для этого необходимые предпосылки.

Мировая война, собственно, уже идет: это *великая война между двумя социальными лагерями*, на которые, согласно принципу ленинизма, разделился мир.

«Мы приносим жертвы, — объявлял Ленин в одной из своих торжественных речей, — *в интересах войны, объявленной нами всему капиталистическому миру*» (№ 48, с. 180).

«Будущее не предвещает нам покоя, — высказался однажды председатель Коминтерна, — оно предвещает нам ожесточенную борьбу... И, возможно, мы... наконец разожжем такую огромную, подобную океану, революционную войну, которая окончательно сметет и унесет общество капитализма» (№ 31, с. 625 — 626. Докладчик Бухарин).

Но теперь этой «революционной войне» понадобилась новая *империалистическая война*, с тем чтобы весь буржуазный мир окончательно расшатался и погиб в руинах.

Новая война, как надеется Коминтерн, *просто создаст общую мировую революционную ситуацию. Только тогда действительно окупятся все отдельные усилия в отдельных странах.*

Теперь эта новая война может принять две разные формы.

Во-первых, это может быть *империалистическая война* между несколькими буржуазно-империалистическими государствами, причем она не затронет Коминтерн и

* См. гл. 17.

Советский Союз. Это было бы наиболее благоприятным и таким же желанным вариантом*.

Во-вторых, это может быть *вооруженная интервенция против Советского Союза*. Тогда осуществился бы великий кошмарный сон Коминтерна, и коммунистам пришлось бы вести свой *последний бой***.

Вся стратегия Коминтерна стремится предвосхитить эти пути и возможности и подготовить коммунистов всех стран к победоносной войне в любом случае. На основе доктрины ленинизма выявляются и анализируются все соответствующие опасности, вероятности и директивы, содержащиеся в решениях Коминтерна; а все вместе они как раз и составляют стратегию Коминтерна.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА МАССЫ

Чтобы получить верное представление о революционной стратегии Коминтерна, необходимо прежде всего подчеркнуть ее *общую и неизменную часть*. Еще неизвестно и неясно, удастся или нет Коминтерну развязать новую мировую войну, а если удастся, то *когда*. Но не должна прекращаться повседневная революционная работа. Пожалуй, она должна быть рассчитана на вероятность будущей войны; более того, со временем Коминтерн все строже приказывает своим секциям и членам настраиваться на новую империалистическую войну и подготавливать ее. Благодаря этому вся повседневная революционная работа коммунистов приобретает налет *лихорадочной деятельности, спешной подготовки, перестройки в соответствии с новой военной конъюнктурой*. Работа коммунистов в последние годы по этой причине все больше, и даже слишком явно, отмечена войной.

В чем же состоит эта повседневная работа? Она как раз и составляет общую и неизменную часть великого

* См. гл. 16.

** См. гл. 17.

стратегического плана завоевания мира, разработанного Коминтерном.

Прежде всего эта работа касается *масс*. В каждой стране должно усиливаться коммунистическое влияние. Должен повышаться *авторитет* коммунистов. Необходимо приобретать *симпатии* широких народных масс. В массах следует пробуждать *веру* в правильность программы коммунистов, в силу и искусство Коминтерна; более того, масса должна «понимать», что у *мира есть лишь один путь к спасению* — путь к коммунизму.

Завоевание масс естественно должно начинаться с завоевания *большинства пролетариев*.

«Перед нами с особой силой стоит вопрос борьбы за овладение массами... Где бы ни были рабочие, какими бы объединениями они ни были охвачены, *мы должны бороться за каждого из них*»... (№ 19, с. 268. Докладчик Лозовский).

«Нам важно заполучить массы в свои руки, *завоевать массы там, где они есть*» (№ 19, с. 269. Лозовский).

«Борьба за массы — военный лозунг всех коммунистических партий. Самая большая задача — организация масс на борьбу» (№ 34. Директивы от февраля 1934 года).

«Пленум ИККИ подчеркивает, что в условиях назревающего нового подъема революционного рабочего движения центральную задачу *коммунистических партий составляет завоевание большинства рабочего класса*. Ее предпосылкой является завоевание коммунистическими партиями *руководящей роли в рабочем движении*, т. е. руководства во всех действиях рабочего класса, в экономических стачках, в уличных демонстрациях и в советах предприятий, чтобы таким образом помочь коммунистическим партиям обеспечить руководящую роль в решающих битвах пролетариата» (№ 14, с. 900. Тезисы).

Это говорилось еще в 1929 году. Эта линия усиливается в 1933 — 1934 годах. «XIII Пленум ИККИ дал коммунистическим партиям лозунг в борьбе за советскую власть в качестве основного лозунга для постоянной агитации, пропаганды и действий. Коммунисты должны проявить максимум воли в борьбе за власть, волю к власти. Воля к власти означает упорную и изнурительную борьбу за завоевание широчайших масс рабочего клас-

са»... (№ 33. Речь представителя Коминтерна на XVII съезде Компартии Советского Союза 4 февраля 1934 г.). «Поэтому сегодня проблема всех проблем — борьба за большинство рабочего класса» (№ 80, с. 41. Лозовский. Апрель 1934 г.).

Время летит, нужно поспевать за ним. И новая ситуация ставит «перед коммунистическими партиями со всей остротой вопрос выполнения главной задачи на сегодня — подготовки рабочего класса и эксплуатируемых масс в процессе экономической и политической борьбы к предстоящим битвам за власть...» Как раз потому, что срок до провозглашения революционного кризиса слишком мал, для завоевания большинства рабочего класса и повышения революционной активности рабочих масс надо, не теряя ни одного мгновения, усилить и ускорить работу большевиков с массами (№ 17, с. 408. Решение пленума ИККИ). «В любой миг может наступить «перелом, который будет обозначать перерастание экономического кризиса в революционный кризис»; поэтому необходимо всюду «привести» «массы» «в движение», «развивая стачки и подводя пролетариат к массовым забастовкам» (№ 18. Тезисы пленума ИККИ, декабрь 1933 г.).

«Революционную активность» следует не только накапливать, но и учиться ей. *Лучше проигранное сражение, чем долгая пассивность.* Только сражаясь, учишься и созреваешь для победы, какими бы тяжкими ни были битвы!...

«Добиться завоевания большинства рабочего класса коммунистические партии могут лишь путем *гигантских классовых битв.* И теперь, и в будущем эти битвы будут проходить в тягчайших условиях. Каждая серьезная борьба придвинет к пролетариату весь фронт капиталистической реакции, прорыв которого будет означать начало революционного кризиса в ряде стран» (№ 14, с. 73. Докладчик Мануильский).

Первой задачей этой борьбы будет *подавление и ликвидация социал-демократии.*

«Ведь главное здесь — возбуждение рабочих против социал-демократической верхушки» (№ 19, с. 269. Докладчик Лозовский. 1929 г.).

«Только если главный удар будет направлен против социал-демократии — этой главной социальной опоры

буржуазии, можно будет с успехом бить и разбивать главного классового врага пролетариата — буржуазию» (№ 17, с. 384, сентябрь 1932 г.).

«Главным врагом революционного коммунизма в рабочем движении является «социалистический» реформизм, имеющий широкую организаторскую базу в социал-демократических партиях и через них в реформистских профсоюзах, сила, которая всей своей теорией и практикой противодействует пролетарской революции» (№ 12, с. 88. Программа Коминтерна).

Поэтому ни на каких выборах нельзя «идти совместно» с социал-демократами. «Надо сказать массам: ...тот, кто входит в социал-демократическую партию, не может и не должен быть вождем рабочих, такового нельзя предлагать на какой-либо пост в рабочем движении» (№ 19, с. 33. Докладчик Меркер).

Социал-демократия должна быть разбита; ее влияние должно быть подорвано.

«Правильное ведение этой борьбы против наступления буржуазии теснейшим образом связано с завоеванием большинства в рабочем классе и с подрывом и разгромом социал-демократического влияния на массы» (№ 17, с. 409. Решение 1932 г.).

Тем самым всем коммунистическим партиям во всех странах поставлены «следующие стратегические цели»:

1. *Завоевание большинства «собственного» класса, т. е. пролетариата.*

«Завоевание большинства собственного класса, включая пролетарок и рабочую молодежь. Для достижения этого необходимо обеспечить решающее влияние коммунистической партии на крупные массовые организации пролетариата (Советы, профсоюзы, советы на предприятиях, товарищества, спортивные и культурные организации и т. д.)»... (№ 12, с. 94. Программа Коминтерна).

2. Совершенно необходимо далее охватить пропагандой и агитацией также непролетарские массы населения.

«Достижение гегемонии пролетариата над широкими слоями трудящихся должно также служить предпосылкой для завоевания пролетарской диктатуры. Для этого коммунистическая партия должна подчинить своему влиянию массы бедных слоев в городе и деревне, низшие

слои интеллигенции и так называемых «маленьких людей», т. е. мелкобуржуазные слои вообще».

«Особое значение для поддержания влияния партии имеет работа с крестьянством» (№ 12, с. 94 — 95. Программа Коминтерна).

3. Но для этого совершенно необходимо *расширить «собственную» коммунистическую партию и сделать ее настоящей массовой партией.*

«Проблема образования массовых коммунистических партий есть кардинальный вопрос Коминтерна» (№ 8, с. 19 — 21. Резолюции).

«Предпосылкой успешной борьбы Коммунистического Интернационала за диктатуру пролетариата является наличие собранной, закаленной в борьбе, дисциплинированной, централизованной и *теснейшим образом связанной с массами коммунистической партии в каждой стране*» (№ 42, с. 471).

Таким образом, поставлены три «стратегических», или три пропагандистских и организационных цели: завоевание пролетариата, завоевание непролетарских слоев народа и создание массовой коммунистической партии в каждой стране. Эти три задачи образуют собственно одну единую задачу, а именно — *завоевание масс*. Поэтому имеются и стратегические методы, которые обслуживают все направления и одновременно способствуют верному решению всех трех вопросов.

Из этих главных методов — *тактика «единого фронта снизу» и тактика «частичных требований»* — хотелось бы сразу же выделить и описать два.

Коммунист в обоих случаях остается принципиально верен себе, своей партии и своей программе. Он не идет ни на какие политические компромиссы; ничто не меняется; все остается таким, как было: его воля, его путь и его борьба. Однако умело приспосабливается внешний облик программы, и в нее вносятся некоторые изменения. Нелегко было и по-прежнему совсем нелегко обучать коммунистические партии разных стран этим ленинским уловкам, соединять этот *твердокаменный радикализм* внутри с этой обманчивой гибкостью и политическим легкомыслием. И интересно наблюдать, как бьется Коминтерн над этим обучением.

В первом случае — с тактикой *«единого фронта»* — коммунист должен *вести себя «надпартийно»*, для того чтобы импонировать широким беспартийным массам и стать их руководителем. Он остается партийцем, но как бы уходит в подполье и говорит на языке широких масс. Это помогает ему завоевать их доверие и предложить им *«надпартийно»* сплотиться на широкой и целесообразной основе. Он предлагает отставить все *«маловажное»* и *«ведущее к расколу»* и соединиться на определенном уровне. Этот *«уровень»* должен представлять собою умело выбранную комбинацию из *«требований»* и *«лозунгов»*. В связи с этим коммунист должен поставить на передний план такие требования, которые находятся в соответствии с *повседневными интересами* данного социального слоя, чтобы люди видели, как защищают и заботятся об их интересах, чтобы массам это было выгодно. Наряду с этим необходимо увязать с насущными требованиями (например, для рабочих — семичасовой рабочий день и повышение зарплаты; для крестьян — уменьшение налогового бремени и т. д.) такие политические лозунги, которые придали бы всему движению характер политического и социального радикализма. *Минимальное* должно как бы слиться с *максимальным*; и в зависимости от ситуации и надобности этот, можно сказать, *«резиновый уровень»* нужно распространять, расширять или углублять.

Тем самым достигнуто много выгод. *Во-первых*, коммунист выступает якобы *«терпимым»* человеком, умеющим поднять *«деловое»* над всеми партийными требованиями и так с ним и обходиться; он смог подняться над всеми склоками и разделами; он — *деловой фронтовик единства*. *Во-вторых*, он обратился к беспартийным массам; а беспартийные массы всегда и повсюду составляют подавляющую массу народа. *В-третьих*, он *волевой и самый радикальный вождь* в глазах этих масс; он *говорит языком их заветных желаний*, умея ловко радикализировать эти заветные желания и сблизить их с коммунистической программой. Вот теперь он — настоящий демагог; его голос и голос его печатной пропаганды раздается повсюду; теперь к нему прислушиваются; теперь он на самом деле может подстрекать, чтобы разделить, разделять, чтобы ослабить, и ослаблять, чтобы завоевать. Он — *вождь масс*.

В-четвертых, он, конечно, поостережется, чтобы начинать создавать «единый фронт» *сверху* или дать ему возможность перерасти в настоящее «единение» коммунистов и некоммунистов. В действительности вся эта акция — *одно лишь лицемерное изображение единения*. «Единство» не может покоиться на одной договоренности между (скажем) вождями коммунистов и вождями социал-демократов или между верхушкой коммунистической и верхушкой социал-демократической партии. Это было бы тягчайшей ошибкой. Единый фронт *начинается и образуется* не сверху, а *снизу*. Коммунисту не требуется компромиссов с другими вождями; его задача состоит в том, чтобы парализовать, отключить и свалить всех других вождей. Коммунист обращается не к вождям, а к массам. Он хочет *увести* массы, привлечь их на свою сторону и их завоевать. Он призван провоцировать и надувать вождей. Он провоцирует их, выходя с конкретным лозунгом «единого фронта». «Отклоняют» другие вожди-конкуренты (например, социал-демократы) этот лозунг — и они будут без всякого «разоблачены» и «скомпрометированы» как «неделовые», «тщеславные» и «трусливые» партийные подстрекатели; под предлогом того, что интересы страдающих масс они «приносят в жертву» собственному «вождистскому тщеславию»; и тогда они становятся теми, кто «разлагает пролетарский единый фронт изнутри»; это они — «социал-предатели», «социал-лакеи», и любые оскорбления, какие только есть, не будут для них лишними, — они отвергают единение и тем самым делают невозможной победу. Если же это предложение будет *принято*, то конкурентов превзойдут в радикализме и демагогии, их отстранят травлей и оскорблениями и в очередной раз заклеят как «предателей». Всеми средствами массам будет доказано, что способствовать «делу пролетариата» могут одни только коммунисты, а «остальные» вообще ни на что не годятся и т. д. и т. п.

Таким образом, «тактика единого фронта» успешна не тогда, когда образуется истинное единение коммунистов и некоммунистов, а лишь тогда, когда массы, организованные массы других партий, а с ними и неорганизованные массы *идут за коммунистами*. Вся тактика единого

фронта есть тонко задуманный обман: *провокация для вождей других партий и демагогическая игра с массами.*

Сами коммунисты описывают сущность этой тактики следующим образом:

«Вопрос привлечения масс на свою сторону занимает каждый международный конгресс Коминтерна. Средство, революционный метод привлечения масс есть тактика единого фронта... Нам надо показать, что мы успешные представители их непосредственных повседневных требований во всех областях — и в области заработной платы, и в социально-политических, коммунальных и культурных вопросах. Эта тактика единого фронта может успешно осуществляться и применяться при правильной работе в профсоюзах, в хозяйствах и во всех массовых организациях, где нашим товарищам приходится показывать, что, пользуясь обстоятельствами, они умеют добиться в конфликтах в наибольшей мере практических результатов для масс, добиться таких успехов, которые крепко связывают с нами массы для ведения революционной борьбы» (№ 9, том 1, с. 525. Докладчик Титтель).

«Тактика единого фронта как средство в успешной борьбе с капиталом, классовой мобилизации масс и обличения и изоляции вождей реформизма есть важная часть тактики Коммунистического Интернационала всего предреволюционного периода. Правильное применение тактики единого фронта и привлечение масс вообще исходит из систематической упорной работы в товариществах и других массовых организациях пролетариата» (№ 12, с. 97. Программа Коминтерна)*.

«Я ограничусь только тем, что подчеркну чрезвычайную важность тактики единого фронта в ее новых формах, в ее *правильном осуществлении снизу. Сегодня более чем когда-либо недопустима и вредна тактика коалиций между революционными и реформистскими организациями.* Тем упорнее следует подчеркнуть всю важность борьбы за руководящую роль коммунистических партий в действиях масс»... (№ 14, с. 417. Докладчик Молотов).

* Борьба за единый фронт рабочего класса включена в программу Коммунистического Интернационала (№ 84, с. 7. Июнь 1934 г.).

«Наша задача заключается прежде всего в объединении на определенной платформе возможно большего числа рабочих. Если удастся создание единого фронта, то естественное логическое восприятие рабочих непременно двинет их еще левее. *Каждый, кто борется с буржуазией, независимо от его субъективных переживаний, объективно наш и в конце концов присоединится к нам.* Отсюда саботаж наших предложений со стороны социал-демократии»...

«Когда мы говорим, что готовы создать единую организацию, в которую войдут все направления, *то это не означает, что мы ищем среднюю линию между реформизмом и коммунизмом.* Никаких компромиссов, никаких комбинаций, никаких паразитических теорий, а жесткая борьба *внутри единой* организации за нашу идеологию, за нашу программу и нашу тактику»... (№ 13, с. 222, 223. Докладчик Лозовский).

Последняя цель — это то, что всегда имеется в виду в тактике единого фронта, и это значит... «разрушение буржуазной государственной власти и курс на революцию. Эта наша линия никоим образом не означает отмену тактики единого фронта... В большинстве случаев сейчас мы можем применять тактику единого фронта только *снизу*» (№ 9, с. 51 — 52. Докладчик Бухарин).

«Мобилизация масс на основе отдельных требований возможна только на базе тактики единого фронта. Но тактика единого фронта не есть ни коалиция с социал-демократической верхушкой, ни политика соглашения с ее функционерами снизу, она скорее непосредственное обращение коммунистической партии к рабочим массам, к рабочим социал-демократам, к беспартийным, организованным и неорганизованным рабочим».

...«1. Осуществляя тактику единого фронта, ты должен, не умаляя роли коммунистической партии, бороться за осуществление ею руководящей роли в каждой акции масс».

«2. Не затушевывай гегемонии пролетариата и не отказывайся от нее при осуществлении тактики единого фронта с широкими массами эксплуатируемых и трудящихся, и в особенности с крестьянством».

«3. Никогда не отказывайся от критики половинчатости и колебаний твоих союзников»... (№ 14, с. 78. Докладчик Мануильский).

«Я хочу кратко указать те органы единого фронта, которые имеют *временный* характер: боевые бригады, бригады забастовщиков, комитеты по подготовке экономической борьбы, женские рабочие конференции, конференции делегатов рабочей молодежи, комитеты действия, комитеты на производстве, органы самозащиты, майские комитеты, антивоенные комитеты и т. д., образованные в последнее время» (№ 14, с. 658. Докладчик Тельман).

«Некоторые товарищи опасаются вытеснения коммунистической партии этими организациями. Естественно, было бы предательством коммунизма представлять себе эти организации как организации, которые должны заменить коммунистическую партию» (№ 9, т. 1, с. 604. Докладчик Бухарин).

Иным «товарищам» эта тактика, возможно, покажется «тактикой компромиссов»: ведь «большевику не пристало связываться с небольшевистскими организациями»... Но это принципиально неверно.

«Тактика единого фронта не только не противоречит большевизации, но и составляет существенную ее часть.

Без этой тактики никакой большевизации!» (№ 13, с. 49. Докладчик Зиновьев).

Конечно, при работе с пролетарскими массами нужно обращаться с «реформистами» и «социал-демократами» как с главными врагами.

«Коммунисты, особенно в нынешний момент, должны развернуть острейшее контрнаступление против попыток реформистов по разложению пролетарского фронта изнутри, чтобы противопоставить реформистской политике раскола массовых организаций пролетариата (профсоюзов, товариществ, спортивных организаций и организаций культуры и т. д.) борьбу масс за единство классов» (№ 12, с. 22. Резолюция).

«Обострение борьбы с социал-демократами решительно выдвигает на первый план единый фронт *снизу*, но оно не снимает с коммунистов обязанности делать различие между рабочими социал-демократами, которые

только введены в заблуждение, и социал-демократическими вождями, играющими роль лакеев империализма; напротив, оно подкрепляет эту обязанность» (№ 12, с. 30. Резолюция).

После всего сказанного легко понять последнее замечание: рабочие социал-демократы это просто дети, которых коммунисты должны завлечь и увести за собою, в то время как социал-демократические вожди — истинные враги, которых нужно провоцировать и разоблачать.

Так выглядит официальная доктрина «тактики единого фронта». На самом деле коммунисты пользуются ею гораздо шире и применяют ее гораздо изощренней, чем это представляется большинству буржуазных политиков. Коммунисты отлично умеют так упростить и вместе с тем так сузить всю масштабность своей программы, что сочувствие и сотрудничество с ними делаются для наивного или близорукого человека совсем легкими. Наряду с этим они умеют также разделять бремя своей борьбы на крошечные частички и нагружать каждой такой частичкой одну из марширующих рядом с ними групп, так что многие даже не замечают, *чьему* делу они содействуют, что несут и *кому* помогают прийти к власти. Во всякой — и хозяйственной, и культурной — области коммунисты стараются выставить определенное «требование» (или «лозунг»), которое, с одной стороны, выглядит довольно невинно и легко может быть принято одной из находящихся рядом социальных групп; но, с другой стороны, в иной и вовсе не невинной связи представляет собою добрую часть программы Коминтерна или по меньшей мере привносит кое-что для упрочения его общего положения. Отсюда появляется как бы множество отдельных «программ-минимум», к которым в разное время может присоединиться — пусть даже только в известной мере — определенная социальная группа. Для «сочувствия» этого уже достаточно. Но тот, кто «сочувствует», теперь больше *не враг*; он *не борется* больше *против*, он скорее *защищает*; так что он *некоторым образом «друг»* или «*попутчик*». Он тянет вместе с ними; его до известной степени привлекли на свою сторону, а остальное завершит пропаганда.

Так что ни одной из групп этих «сочувствующих» нет необходимости принимать коммунистическую «программу-максимум» или «всю программу в целом»; каждой группе надо только согласиться с соответствующим «требованием» или «лозунгом», — и вот она уже *запряжена в колесницу III Интернационала*. Если смотреть на это с позиций политики и культуры, то всякое соответствие, всякое отдельное согласие способно достичь многого и незаметно послужить тому, чтобы коммунистическая колесница превратилась в триумфальную колесницу. Так, Коминтерн может предложить кое-что различным социальным группам в каждой стране, и тот, кто внимательно следит за акциями коммунистов, точно знает, в какие роковые последствия выливается это «частичное сочувствие».

Таким образом, Коминтерн предлагает *социал-демократам* марксизм, классовую борьбу, национализацию определенных промышленных предприятий и социальное обеспечение. *Демократам* — «истинную демократию» и единое народное просвещение. *Радикалам* — борьбу с церковным мракобесием и секуляризацию школ. *Либералам* — борьбу за права человека и особенно за буржуазные «свободы», которые позднее беспардонно используются коммунистической пропагандой в своих целях. *Патриотам* преподносятся видимость «национального государства», разговоры о «Родине трудящихся». *Верующим во Христа* — идея социальной справедливости и пафос всеобщей «человеческой любви». *Безбожникам* — материалистическое «просвещение», свободный выход из церковной общины, «разоблачение» духовенства и ликвидация церкви. *Благосклонность монархистов* они пытаются снискать централистской диктатурой и казарменной дисциплиной. *Республиканцев* — новой республикой трудящихся и казнью «отродья тиранов». *Национальным меньшинствам* коммунисты обещают культурное самоопределение, свободу языка и политическую автономию. *Националистам* — кое-что из своей программы (например, дипломатическое сотрудничество по определенному кругу вопросов или прямое укрепление через новый альянс). *Интернационалистски настроенному* — истинный и радикальный интернационализм. *Солдат с ра-*

достью слышит об ослаблении дисциплины; *модернист* — о новом искусстве без преград; *крестьянин* — об экспроприации помещиков; *жилец* — о законах об охране жилья; *промышленник* — о новых заказах и расширении экспортных возможностей и т. д. Каждый — стоит лишь зацепиться — впрягается и тащит, возможно, даже не отдавая себе в том отчета. Одни — позитивно, другие негативно участвуют в этом едином фронте; одни делают это непосредственно, другие опосредованно — через церковь или культуру, публично или частным образом, экономически или политически, из корысти или из самопожертвования, научно или публицистически, по долгу службы или частным образом... Не надо заключать никаких «договоренностей». Вполне достаточно, если *какой-то интерес или частица воли попались на удочку и дают себя захватить*. Далее все развивается как бы само собой: *массы завоевываются таким образом, что, возможно, не желая коммунизма и не думая о нем, они, тем не менее, вызывают его и помогают ему победить*.

Так выглядит метод «единого фронта снизу»; таковы успехи его применения.

С ним тесно связан метод «*отдельных требований*». Он заключается в том, что коммунист, с одной стороны, старается сделать радикальными и по возможности революционными настроения *пролетарских* масс; с другой — подступает к *непролетарским* массам (которым он, собственно, мало что может сказать), чтобы поймать их на отдельные провозглашенные требования и отдельные лозунги. Здесь он ведет себя не «надпартийно», чтобы лишь позднее проявить себя во всей своей ожесточенности. *Он выступает без маски и в первом случае (с пролетариями) стремится спровоцировать работодателей и направить на них массы*. Во втором случае он обращается к другим социальным группам и массам, среди них и к тем, которых ожидает лишь экспроприация, пролетаризация и обнищание, и *представляется им как решительный и успешный защитник их интересов*. Он несет им как «отдельные требования» своей программы то, что отвечает их заветным мечтам, и старается внушить, что их прежние представители лишь потому не добились успеха, что все они были безвольными людьми или просто

предателями. Метод, естественно, состоит в том, чтобы каждый раз завуалировать или замолчать неприемлемое в коммунистической программе и преподнести выделенное «отдельное требование» (а возможно, и «отдельные требования») как одну из основных составляющих программы коммунистов.

Этот метод может быть рекомендован всегда, если в стране *нет* «революционной ситуации», однако и тогда, если таковая имеется. О применении этого метода по отношению к «собственному» классу (т. е. пролетариату) Коминтерн издает следующие директивы.

«При установлении своей тактической линии каждая коммунистическая партия должна учитывать существующее внутреннее и внешнее положение, соотношение классовых сил, степень крепости и силы буржуазии, степень боеготовности пролетариата, позицию средних слоев и т. д. Сообразуясь с этими условиями, партия определяет свои лозунги и методы борьбы, причем она исходит из необходимости мобилизации и организации *как можно большего количества масс на возможно более высокой ступени этой борьбы*».

«При назревании революционной ситуации партия выставляет целый ряд переходных лозунгов и выдвигает в соответствии с данными условиями *отдельные требования*, которые она должна подчинить своей главной революционной цели — *завоеванию власти и свержению буржуазно-капиталистического общественного строя*. Так же недопустимо пренебрегать требованиями дня и ежедневной борьбой рабочего класса, как и ограничивать деятельность партии только ими. Задача партии, исходя из повседневных нужд, — *вести рабочий класс на революционную борьбу за власть*» (№ 12, с. 96. Программа Коминтерна).

Эти отдельные требования предназначены не для того, чтобы просто смягчать «повседневные нужды» рабочего класса, а скорее для *обострения конфликтов между работодателями и работающими по найму*. Борьба должна получить «революционное содержание», и поэтому «отдельные требования» должны быть составлены так, чтобы они на самом деле могли стать «трамплином» для радикализации борьбы.

«В этой связи» с радикализацией форм классовой борьбы) «отдельные требования приобретают большее значение. Это отправная точка, которая служит нам «трамплином» при завоевании преобладающего большинства рабочего класса».

«Бешеное упорство» «буржуазии» «объективно придает отдельным требованиям пролетариата революционное содержание. Победа рабочего класса на основе борьбы за отдельные требования сегодня есть прорыв капиталистического фронта, брешь, которая пробита во всей капиталистической системе капиталистического режима» (№ 14, с. 77. Докладчик Мануильский).

В этой связи коммунистам представляется целесообразным *всякий конфликт, да и всякое несчастье*.

«Сегодня мы получаем известие о взрыве на заводах в Гамбурге, при котором опять погибли шесть рабочих... Это та почва, с которой начнется борьба и с которой мы ее поведем». Частичные требования гласят: «Вопросы 8-часового рабочего дня..., повышения заработка..., борьба против налогового бремени, против политической реакции, за амнистию, против запрета демонстраций...» и т. д. (№ 13, с. 63. Докладчик Рут Фишер).

«Отдельные требования» являются, таким образом, хорошим инструментом революционирования рабочего класса и «усиления форм классовой борьбы». «Коминтерн призывает к настойчивой кропотливой работе на заводах и фабриках, в реформистских и фашистских профсоюзах, к борьбе за отдельные требования масс. В этом залог борьбы за успех тактики единого фронта снизу, за успех мобилизации масс для свержения диктатуры буржуазии и установления Советской власти» (№ 34. Директивы от февраля 1934 г.).

Тем самым борьба должна обостряться и стать радикальней, особенно в случае революционной ситуации.

«Если *нет революционного подъема*, коммунистические партии должны выдвигать *отдельные лозунги* и отдельные требования, исходя из повседневных нужд трудящихся, и связывать их с главными целями Коммунистического Интернационала. Нельзя выдвигать такие *переходные лозунги*, которые предполагают наличие революционной ситуации и в других обстоятельствах становятся лозунга-

ми сращивания с системой капиталистических организаций (например, лозунг контроля за производством и ему подобные). Абсолютным условием правильной тактики являются отдельные требования и отдельные лозунги, в то время как целый ряд переходных лозунгов неразрывно связан с наличием революционной ситуации. «Принципиальный» отказ от выдвижения отдельных требований и переходных лозунгов тем не менее также несовместим с принципами коммунизма, так как тактика такого рода практически обрекает партию на пассивность и изолирует от масс» (№ 12, с. 97. Программа Коминтерна).

В подобном случае отдельные требования означают, что Коминтерн как бы *опускается до действительности*, чтобы как-то охватить последнюю и поднять ее «из болота» повседневности до высоты «революционного подъема».

Но еще большее значение приобретают отдельные требования при обращении с *непролетарскими* массами, в особенности с крестьянами и колониальными народами. Самое главное здесь — *превзойти своими предложениями* всех «конкурентов» и таким образом исключить конкуренцию. Для этого отдельные требования надо демагогически резко и непомерно преувеличить; «отдельные требования» для данной социальной группы должны сделаться как бы «всеобъемлющими требованиями». По этому поводу говорится:

«Нам следует выдвинуть довольно элементарные требования, гораздо радикальней, чем любая другая организация» (№ 13, с. 245. Докладчик Бухарин).

Так, например, в случае с крестьянами.

«Пролетариат должен выступить с *самой радикальной программой аграрной революции*» (№ 31, с. 729. Докладчик Мифф), чтобы привлечь крестьян на свою сторону.

Вследствие этого отдельные требования «для крестьянства» должны были касаться «налоговой политики, задолженности крестьянства по ипотекам, подавления ростовщического капитала, нехватки земли у сельской бедноты, процентов за аренду, права пользования и т. д. Исходя из этих отдельных требований, коммунистическая партия должна усилить свои лозунги и свести их воедино в лозунге *«Конфискация крупного помещичьего*

землевладения» и в лозунге «Рабоче-крестьянское правительство...» (№ 12, с. 98. Программа Коминтерна).

Так Коминтерн обещает *все*; он подстрекает массы к радикальным всеобъемлющим требованиям, чтобы потом сократить «всё» до «ничего»: крестьянин якобы получит всю землю, чтобы потом в быстром темпе стать коллективизированным, т. е. *экспроприированным*. Сначала в массах пробуждают *безудержную алчность*; потом все выливается в нищету коммунистического строя.

Тем же манером обращаются с «колониальными народами» и используют их.

«В борьбе против угнетения колониальных народов» коммунистические партии должны выдвинуть в самих колониях отдельные требования, которые отвечают особым условиям, — такие, как полное равноправие всех наций и рас, уничтожение всех привилегий иностранцев, свобода всех рабочих и крестьянских организаций, сокращение рабочего дня, отмена детского труда, аннулирование ростовщических долговых обязательств, снижение или уничтожение арендной платы, облегчение налогового бремени, налоговые стачки и т. д. Все эти отдельные требования *должны подчиняться следующим основным требованиям коммунистической партии: полная политическая независимость страны и изгнание империалистов, рабоче-крестьянское правительство, всю землю — всему народу, 8-часовой рабочий день и т. д.* (№ 12, с. 99. Программа Коминтерна).

Задачи и методы и тут остаются прежними: недовольному ребенку суют в рот конфету с засахаренными трихинами³, которые затем катастрофически развиваются и размножаются в организме. Так называемые «отдельные требования» нужны для того, чтобы пробудить в душах людей *неудержимый максимализм*, из которого затем разовьются революционное настроение и революционная ситуация.

Оба коминтерновских метода пропаганды — «тактика единого фронта» и «тактика отдельных требований» — предназначены исключительно для того, чтобы верно показать его стратегию.

Следующие главы проследят эту стратегию далее и постараются осветить ее.

Глава шестая

ОБРАБОТКА РАБОЧИХ

В широких кругах европейской интеллигенции распространено предубеждение, согласно которому пролетаризированный рабочий класс в большинстве своем славит революционные настроения и социалистическо-коммунистически настроен. Со времен Маркса и Энгельса социал-демократы и коммунисты выдвинули притязания на исключительное и даже монопольное представительство и защиту интересов и чаяний пролетариата: *они* де призванные вожди рабочего класса; *они* призваны сказать решающее слово и т. д.

Но в действительности это не так; для того, чтобы представить себе это, достаточно познакомиться со сводками одного статистика*. На 1923 — 1924 гг. в Европе (в 25 европейских государствах) насчитывалось всего 476 миллионов населения. 44% этой массы, т. е. около 208 млн. человек, считались «экономически самостоятельными» лицами, которые сами зарабатывают себе на жизнь. 92 млн. из них зарабатывали себе на жизнь «продажей» своей рабочей силы и могли, таким образом, быть причислены к пролетариату. Лишь 34 млн. из 92 млн. входили в профсоюзы и иные организации подобного рода. Из этих 34 млн. организованных рабочих примерно 18,5 входили во II (социалистический) Интернационал и около 5¹/₃ млн. — в III (коммунистический) Интернационал. Менее 1 млн. сочувствовали анархистам, а около 10 млн. держались в стороне от всякой революционной деятельности. Иными словами, массу революционного пролетариата составляли в Европе примерно от 24 до 25 миллионов человек, т. е. около 12% «экономически самостоятельного» населения и около 26% всего европейского про-

* См. многотомный труд Войтинского, отредактированный берлинским профессором статистики Борткевичем. Том 1. Цитируя этот труд, мы приводим самые выгодные для социалистов и коммунистов цифры, они не могут иметь по этому поводу никаких претензий.

летариата. Однако это означает, что костяк европейского пролетариата остается неорганизованным и своей пассивной позицией позволяет революционно настроенной *четверти* общей массы говорить и действовать за весь пролетариат.

Активное революционное меньшинство пролетариата произносит речи и готовит социальную революцию в Европе... Организованные коммунисты в очередной раз составляют меньшинство в этом меньшинстве; и только представляя себе это, понимаешь, почему коммунисты так агрессивны в вербовке социал-демократических кадров и почему для них так важно привлечь на свою сторону рабочие массы вообще, а в особенности неорганизованные и беспартийные массы.

Здесь, в этой пропагандистской и агитационной обработке, возможно (кто знает?), заключается все будущее их движения и самой мировой революции...

Обработка рабочих Коминтерном заключается в «пробуждении» и «просвещении», революционизировании и организации пролетарских масс. Рабочему надо наглядно и грубо показать, что его положение может улучшиться только через коммунистов и их партийную работу, что *все* хорошее может прийти к нему лишь отсюда.

«Мы должны добиться того, чтобы *встряхнуть* каждого *отдельного рабочего*. А для этого требуется связать проблему единства и повседневную борьбу с удорожанием, с налоговой политикой и т. д., со всеми теми практическими вопросами, которые интересуют рабочих на предприятии и за его пределами... Конечно же, имеет большое значение увеличение заработка даже на несколько пфеннингов, ибо в борьбе за отдельные требования мы *как раз и создаем себе армию для борьбы с капиталистической системой*» (№ 13, с. 221 — 222. Докладчик Лозовский).

Это главная задача, ибо не бывает настоящей борьбы без «армии».

«Большевик в первую очередь человек масс. Но чтобы быть человеком масс, нужно иметь постоянную связь с социал-демократическими и беспартийными рабочими массами» (№ 13, с. 49. Докладчик Зиновьев).

Однако эта связь никоим образом не должна вылиться в коалицию. Ведь большевик не низший солдат масс, а «вожак...».

«Главной задачей коммунистических партий является завоевание большинства рабочего класса... Мы должны со всей решительностью подчеркнуть, что завоевание большинства пролетариата возможно только на почве завоевания коммунистическими партиями ведущей роли в рабочем классе. Ведущая роль в рабочем движении будет обеспечена коммунистическим партиям только тогда, если в каждом отдельном случае, в каждой стачке, в каждой демонстрации и на каждых заводских и фабричных выборах они сумеют действительно встать *во главе пролетариата* и сплотить вокруг себя рабочие массы. Только упорная борьба за ведущую роль во всех акциях рабочих масс обеспечит партиям твердую опору в рабочих массах. В этом и состоит наша центральная задача...»

«Нам нельзя сегодня ни в коем случае ограничивать наши практические задачи так называемыми «проверенными» методами, мы не должны забывать, что новая ситуация требует *новых методов, новых форм борьбы, новых организаций и новых подходов к массам*» (№ 14, с. 416 — 417. Докладчик Молотов).

«Ведущая роль коммунистической партии проявляется в том, что она мобилизует массы и при подготовке и в борьбе становится во главе масс. Так, сегодня, в третьем периоде, у нас совсем новые формы борьбы. Мы образовали органы единого фронта, стачечные комитеты, боевые комитеты, майские комитеты, делегатский корпус, антивоенные комитеты, органы самообороны и т. д. Это явление характеризует не только отдельные страны, но имеет и должно иметь интернациональный характер».

Прежде всего нам необходимо по-настоящему *серьезно подготавливать* нашу борьбу... Нам пришлось установить, что во всех странах, а частично и в Германии, мы, можно сказать, «захвачены» массами «врасплох». Они слишком часто устраивают забастовки, а красные профсоюзы или революционная профсоюзная оппозиция начинают заниматься подготовительными мероприятиями уже после вспышки движения» (№ 14, с. 657. Докладчик Тельман).

«Завоевание большинства рабочего класса»... «Успешное выполнение этой задачи требует установления, распространения и упрочения *постоянных, живых связей* каждой коммунистической партии с большинством рабочего класса повсюду, где есть рабочие массы. Для этого прежде всего необходимо: а) настоящее восстановление» (? — *Авт.*) «большевистской работы с некоммунистическими рабочими массами на производстве, внутри реформистских и других профсоюзов, а также среди безработных... б) защита насущных интересов рабочих и способность реагировать на каждую атаку классового врага, в каждом конкретном случае выставляя *конкретные лозунги*, действительно мобилизующие массы на борьбу»... (№ 17, с. 408. Решение 1932 г.).

«Как закрепить растущее влияние коммунистических партий? При помощи хорошей работы партийных организаций, путем тесной связи с массами. Как наилучшим образом установить эту связь? При помощи работы коммунистов в рабочих и крестьянских массовых организациях»... «При помощи работы в *партийках* на заводах и фабриках»... (№ 14, с. 244 — 245. Докладчик Пятницкий).

«Только опираясь на борьбу за *насущные интересы масс*, коммунистические партии будут способны утверждать и укреплять свою позицию в рабочем классе и подводить его ко все более высоким формам борьбы» (№ 14, с. 391. Решение 1932 г.).

«Глубже в массы! Завоевывайте крупные предприятия!» (№ 14, с. 390 — 391. Статья Ульбрихта). «Привести в движение массы» и «сконцентрировать силы парторганизаций на важнейших предприятиях» (№ 18. Тезисы XIII Пленума ИККИ, декабрь 1933 г.).

Чтобы решить эту основную задачу, коммунисты должны сконцентрировать свою работу прежде всего *на заводах и фабриках*; затем *завоевать профсоюзы*... или *расколоть* их; и наконец, занять ведущую роль во всевозможных *побочных организациях*. Само собой разумеется, что вся работа должна проходить одновременно и параллельно.

Предприятие — это элементарное, основное и самое первое. Ибо здесь рабочие собраны вместе; они сконцентрированы в одном относительно замкнутом помещении, их нервы натянуты, их внимание обострено. Здесь

можно незаметно натворить многое, что невозможно в ином месте; здесь господствует *массовая психология*: накапливаются и требуют разрядки аффекты; здесь они выливаются в забастовки; здесь часто выбирают «представителей» и «комитеты». А «дома» рабочий чаще всего сидит усталый, в одиночку, расслабленный, раздумывает о своих насущных заботах и частенько теряет мужество. Поэтому — на производство! Да здравствуют коммунистические ячейки на производстве!

Чтобы завоевать большинство рабочих и получить всдушую роль, коммунистическим партиям надо «бросить все силы на производство, превратить каждый завод, каждую фабрику в оплот коммунизма» (№ 14, с. 900. Тезисы 1929 г.). «Заводы и фабрики станут теперь важнейшими пунктами мобилизации рабочих масс» (№ 61, с. 23).

На каждом производстве должна быть единая коммунистическая ячейка («производственная ячейка»). Производственная ячейка есть постоянно действующая организация; она есть *орган* коммунистического центра, «*контрольный орган*» коммунистической партии и тем самым III Интернационала.

Постоянные организации — это, «конечно, наши ячейки на предприятиях, которые являются постоянными органами *политического центра и контрольными органами партии на производстве* и которые должны следить за *проведением политики*» (№ 14, с. 658. Докладчик Тельман).

«Верно функционирующая большевистская производственная ячейка, прежде всего на крупном предприятии, ячейка, которая действует постоянно, *но которую враг на производстве никогда не сможет уличить*, не это ли политически важное дело? Непонимание этого равнозначно непониманию значения применения на войне пулеметных подразделений. Производственная ячейка на крупном предприятии есть *важная база для борьбы с фашизмом, с социал-фашизмом и против военной угрозы, т. е. во всех самых важных вопросах*» (№ 14, с. 617. Докладчик Куусинен).

Создание таких производственных ячеек есть, собственно, первая и самая важная ступень коммунистической обработки рабочих во всякой стране.

«Работа на предприятии означает прежде всего то, что наша организаторская деятельность, наша агитация

и пропаганда концентрируются *вокруг предприятий* и имеют задачу втянуть всех рабочих данного предприятия в сферу нашего организационного и политического влияния. Предприятие есть важнейшее организационно-политическое единство, и отсюда необходимо исходить во всей повседневной работе. Задачей сторонников КИП (Красного Интернационала профсоюзов) поэтому является расширение своих позиций на предприятиях, не отступая под угрозой репрессий со стороны производителей и их фашистских и социалистических агентов» (№ 19, с. 548. Решение).

«Нет ни одного документа Коминтерна, в котором не было бы указано на необходимость работы на предприятиях». До 1924 года «организации строились по территориальному принципу, по принципу организаций в районах местожительства членов партии» (уличные ячейки), «в чем организация коммунистической партии не отличалась от организаций социал-демократической партии». Между 1925 — 1928 годами растет число уличных ячеек, а число производственных ячеек сокращается. «Товарищи, что здесь должно было произойти? Любой ценой из уличных ячеек необходимо было удалить коммунистов, работающих на заводах и фабриках, их надо было *вынудить присоединиться к ячейкам на производстве*; а на тех предприятиях, где не имелось ячеек, предназначенные для перемещения или удаленные из уличных ячеек коммунисты должны были образовать производственные ячейки». Уличные ячейки «в совокупности работают плохо, редко собираются вместе и оживляются только благодаря крупным кампаниям»... «Все значительные события десятилетия, прошедшего с момента образования коммунистических партий, показали, что без существования (и конечно же, без хорошей работы) производственных ячеек и коммунистических фракций в рабочих организациях (профсоюзах, советах на предприятиях и т. д.) невозможно организационно закрепить это влияние».

«Большие успехи отмечались в последние годы в области издания газет на производстве. Заводские газеты сыграли очень большую роль в мобилизации масс, они сыграли большую роль в подготовке идей коммунизма среди рабочих. Настоятельно необходимо обратить самое неукос-

нительное внимание на оформление и издание заводских газет» (№ 14, с. 245, 247, 249. Докладчик Пятницкий).

Однако «хорошая коммунистическая работа» и есть как раз пропагандистская и организационная «нелегальная» работа на предприятиях. Она намного важнее «централистской» управленческой работы коммунистических «функционеров» и «бюрократов». Главное здесь — «не издавать плакаты и не разбрасывать своевременно листовки, а (как) главная работа... установление связей с ячейками, заводами и фабриками и работа там, даже если при этом будет уделено меньше внимания количеству рассылаемых циркуляров».

«В коммунистических партиях часто господствует «преувеличенный» централизм... С этим надо покончить... *Необходимо развивать в работе самостоятельную инициативу*... Если воззвания пишутся центром, то они содержат лишь общие места. *Если же листовки сочиняют местные организации*, то даже если они получаются плохими, в них все же *учитываются местные условия и местные факторы*» (№ 14, с. 258 — 259. Докладчик Пятницкий).

Примечательно, что протоколы и решения Коминтерна неустанно со всех сторон обсуждают и регулируют эту работу производственных ячеек. Директивы Коминтерна при этом часто входят в детали; взвешивается и снабжается многократными советами каждый шаг.

«Коммунистические партии должны уделять особое внимание крупным ведущим промышленным предприятиям своей страны» (№ 62, с. 131). «Нам нужно иметь на всех крупных и средних предприятиях *активные производственные ячейки*, хорошо функционирующие производственные ячейки, выполняющие свою работу во всех областях и имеющие не только задачу *подготавливать борьбу за заработную плату*, но и *обязанность нести все политические вопросы в повседневную жизнь* предприятия. В Германии есть различные производственные коллективы, где мы уже начали *обсуждать с рабочими в перерывах, когда рабочие коллективы собираются вместе, все вопросы повседневной жизни*» (№ 14, с. 657. Тельман).

«Каждое крупное предприятие должно стать крепостью коммунистической партии» (№ 8, с. 21. Решение).

И каждая такая «крепость коммунизма» должна держаться центра международной партии — III Интернационала. Вот пример подобной сплоченности. В протоколах VI международного конгресса III Интернационала мы находим «приветствие», посланное коммунистической производственной ячейкой завода «Лёйна» — «крупнейшего химического предприятия Европы»: «Производственная ячейка завода «Лёйна» шлет горячий братский привет VI международному конгрессу революционной международной партии коммунизма и желает ему больших успехов в его работе. Верные указаниям нашего незабвенного вождя Ленина, мы обязуемся непрестанно работать над тем, чтобы превратить «наш» завод в настоящую крепость коммунизма, и в особенности — чтобы мобилизовать наш огромный коллектив против грозящей империалистической войны с Советским Союзом. Красные солдаты не должны быть убиты газами с «Лёйны»! Страна первого социалистического строительства для нас — святыня. И поэтому мы, а с нами и все революционные рабочие, своими телами защитим Советский Союз.

Вас приветствует воодушевленная борьбой за социалистическую революцию и в нашей стране производственная ячейка КПГ с завода «Лёйна».

Подпись: Кюн».

(№ 10, с. 480; приведено полностью по русскому стенографическому отчету № 9, т. 1, с. 540 — 541.)

Завоеванию *самого нижнего* этажа масс — предприятий и их рабочих коллективов — соответствует завоевание рабочих, объединенных в *профсоюзы*, — как бы *второго* этажа масс во всех странах.

Обработка коммунистами *профсоюзов* есть пример уже описанной нами тактики единого фронта снизу. Соответственно, коммунисты принципиально борются за «единство профсоюзов», но понятно, что — за *единство ведомых коммунистами профсоюзов*. Лозунг этого единства — «Подчинись власти и руководству III Интернационала», причем подразумевается, что если ты не подчинишься и признаешь *иное* (неважно, какое) руководство, то ты — «предатель и раскольник», предающий «великое дело» единства Интернационала профсоюзов. Профсоюзы лишь тогда на верном пути, когда они поклоняются

Коммунистическому Интернационалу и его профсоюзному ответвлению — «Красному Интернационалу профсоюзов» (русское сокращение «Профинтерн»). В ином случае профсоюзы называют «реакционными» и «реформистскими» или «социал-фашистскими» и *борются с ними всеми средствами.*

Мы опять даем слово самим коммунистам.

«Особенно большое значение для привлечения большинства пролетариата на свою сторону имеет систематическая работа *по завоеванию профсоюзов*, этих широких массовых организаций пролетариата, тесно связанных с его повседневной борьбой. Работа в *реакционных профсоюзах* — их умелое завоевание, завоевание доверия *широких масс, организованных в профсоюзы, снятие и вытеснение реформистских вождей с их постов* — вот в чем заключается одна из важнейших задач периода подготовки революции» (№ 12, с. 94. Программа Коминтерна).

«Революционизация экономической борьбы невозможна без укрепления революционных профсоюзных организаций, в которых пролетарские массы на своем опыте видят *надежного защитника своих интересов* и вокруг которого они спланиваются в период борьбы» (№ 20, с. 19. Решение).

Но вся эта борьба задумана как *«завоевание профсоюзных масс, а не аппарата профсоюзов»* (№ 14, с. 699. Доклад Лозовского). Как всегда, при применении тактики единого фронта снизу надо не заключать договоры с вождями-конкурентами, а выбрасывать их из седла и занимать их место.

«В некоторых «коммунистических» партиях имеются тенденции постановки вопроса завоевания профсоюзов как вопроса завоевания *аппарата профсоюзов*... Перед нами по-прежнему стоит вопрос завоевания *профсоюзных масс*» (№ 14, с. 644 — 647. Сообщение Тельмана).

«Что касается профсоюзов, конгресс решительным образом призывает все партии к максимальному усилению работы на этом участке фронта».

«Коммунисты»... «повседневной, терпеливой и самоотверженной работой в профсоюзных организациях... должны *добиться авторитета в глазах широких масс членов профсоюза* — авторитета опытных и умелых органи-

заторов, борцов не только за пролетарскую диктатуру, но и за любое актуальное отдельное требование рабочих масс, авторитета вождя хорошо проведенных стачек» (№ 12, с. 30. Резолюция).

«Коммунистам ни в коем случае нельзя выпускать из рук инициативу в борьбе за единство национального и интернационального профсоюзного движения, они должны вести решительную борьбу против раскольнической политики Амстердамского Интернационала и его национальных секций» (№ 12, с. 31. Резолюция).

«В противоположность попыткам раскола со стороны реформистов коммунисты представляют *единство профсоюзов* в отдельных странах и во всем мире на основе классовой борьбы и всесторонне поддерживают работу Красного Интернационала профсоюзов» (№ 12, с. 98. Программа Коминтерна).

Это означает, что *тактика выхода* из социалистических или христианских профсоюзов *отвергается* как нецелесообразная. Лозунг, в соответствии с основами ленинизма, звучит скорее как «Внутрь, в гущу вражеских организаций»...

«Нынешний период ставит перед Коминтерном не задачу выхода из реформистских профсоюзов, а задачу борьбы за завоевание большинства рабочего класса как в реформистских профсоюзах, так и в организациях, опирающихся на широкие массы (боевые группы, советы на производстве), преследующих одни и те же задачи, такие, как революционное профсоюзное движение, которое по-своему подходит к осуществлению этой задачи».

«Борьба за изгнание всех бюрократов и капиталистических агентов из профсоюзов, борьба за каждую выборную функцию в профсоюзах и особенно борьба за нижних уполномоченных в профсоюзах должна стать в наших руках мощным инструментом разоблачения и подавления роли социал-фашистской профсоюзной бюрократии» (№ 14, с. 920. Единогласно принятые тезисы).

«Особенно важно повести в наших собственных рядах решительную борьбу против всех тенденций к свободному выходу из профсоюзов, против тех, кто верит, что уже сегодня пришло время образования и развития новых профсоюзов» (№ 14, с. 644 — 647. Отчет Тельмана).

Коммунисты должны вступать в чужие профсоюзы и вести в них подрывную работу в форме *коммунистических фракций* и *коммунистической «оппозиции»*. Поэтому уже на V международном конгрессе III Интернационала предписывалось «образование разветвленных коммунистических фракций в профсоюзах» (№ 8, с. 21).

Раскол, таким образом, должен был произойти прежде всего не «вовне» вражеской организации, а *в ее среде*. На взгляд извне, профсоюзы остаются едиными, изнутри же коммунистическая тактика разделяет, разъедает и расшатывает их. Это коммунисты называют «борьбой за единство».

При этом совершенно естественно, что, ведя эту подрывную работу, они неизменно вступают в конфликты, с одной стороны, с «*пролетарской дисциплиной*», которая должна царить в профсоюзах, и с другой, с *законами государства*, которые с разнообразных позиций меняют и регулируют жизнь профсоюзов. Тем самым они нарушают так называемую «*легальность профсоюзов*» и делают это намеренно и сознательно.

«*Легальность профсоюзов*» при дальнейшем развитии отношений между профсоюзами и государственными органами называется государственной легальностью. Профсоюзный аппарат все более срастается с государственным аппаратом; потому нарушение легальности профсоюзов и реформистских профсоюзных законов означает в дальнейшем нарушение законов государственной власти»...

«Для нас главным является не дисциплина профсоюзов, а только революционная дисциплина партии и Коминтерна. Она — революционная конституция наших действий. Закону реформизма мы противопоставляем наш революционный закон организации и победы пролетарской революции» (№ 14, с. 655. Отчет Тельмана).

В «реакционных профсоюзах», и «в первую очередь в реформистских (а также в христианских и фашистских, которые на самом деле есть массовые организации)», должна проводиться «упорная работа» сторонников Красного Интернационала профсоюзов. Эта работа необходима, «чтобы *привлечь рабочих из этих организаций к классовой борьбе* и подвести их компактными группами к соответствующим красным профсоюзам или для укрепления революционной профсоюзной оппозиции и

создания *организационных опорных пунктов в этих реакционных союзах, а также для использования реакционных союзов как легального прикрытия нашей работы в рядах масс. При этом со всей решимостью бороться с любыми попытками толкования этой нужной работы в плане профсоюзного легализма*»... (№ 20, с. 29. Единогласно принятые тезисы). А легализм профсоюзов есть не что иное, как «страх перед нарушением профсоюзных уставов» (№ 14, с. 910. Тезисы).

«Главной ошибкой нашей профсоюзной тактики долгое время был легализм профсоюзов» (№ 14, с. 756. Докладчик Бела Кун). С 1928 — 1930 гг. коммунисты не желают более знать об этом; они сами переживают леворадикализацию, или большевизацию.

Естественно и неизбежно, что некоммунистическое большинство отвечает на эту подрывную работу *многочисленными исключениями коммунистов.*

Об этом повествует, например, немецкий коммунист Тельман в июле 1929 года: «С начала проведения нашей новой тактики в экономической борьбе и на выборах производственных советов у нас, в Германии, насчитывается от 1500 до 1700 отдельных исключений»...

«Эти исключенные» — «это лучшие силы, которые вместе с нами хорошо проявляют себя в экономической борьбе, на выборах советов на производстве и во всех областях пролетарской борьбы»... Поэтому мы ведем «энергичную, сконцентрированную борьбу за повторный прием исключенных в союз» (№ 14, с. 644 — 645. Отчет Тельмана; ср. № 68, с. 33).

Эти люди не могут быть потеряны для движения. Разворачивается борьба за их возвращение и допущение. «Необходимо положить конец политике исключений и надо стремиться к объединению самостоятельных союзов с реформистскими профсоюзами. Этого объединения можно добиться массовыми кампаниями, при этом нам нельзя соглашаться ни на какие ущемляющие условия, которые выдвигают реформистские профсоюзы (отказ в повторном приеме исключенных, расследования лишь против революционных рабочих и т. д.)»... (№ 13, с. 191 — 192. Докладчик Лозовский).

В случае, если это не удастся, они присоединятся с тыла к своим товарищам по партии и будут бороться дальше вместе с ними.

«Мы, а вместе с нами политсекретариат ИККИ, считаем..., что исключенных надо присоединять к профсоюзной оппозиции данного союза» (№ 13, там же).

Так коммунисты проявляют огромное упорство, чтобы добиться полной победы над существующими профсоюзами II Интернационала. Но все же это не единственный путь.

«Конечно, наша борьба за единство профсоюзов не та, какую представляют себе правые и примиренцы, — борьба за единство «любой ценой», но это есть борьба за революционную классовую линию, за создание *революционного единства* против социал-фашистских разделителей и раскольников профсоюзов» (№ 13, там же).

Есть случаи и конъюнктуры, когда на повестку дня встает задача *образования новых, самостоятельных, чисто коммунистических профсоюзов*. Нельзя, однако, механически вступать на этот путь.

«Раскол профсоюзов не есть вопрос механического образования новых профсоюзов. Надо решительно бороться против настроенности на раскол профсоюзов любой ценой. Образование новых профсоюзов возможно только на подъеме забастовочной волны, только там, где *сильно обострилась* политическая борьба, где *значительные массы пролетариата* уже постигли социал-империалистическую суть реформистской профсоюзной бюрократии и где *эти массы активно поддерживают образование нового профсоюза*» (№ 14, с. 922. Единогласно принятые тезисы).

Так образовались эти две формы коммунистических профсоюзных рабочих.

1. *Красные профсоюзы* — как отколовшиеся, самостоятельные коммунистические рабочие союзы, непосредственно присоединившиеся к *Красному Интернационалу профсоюзов* и часто сокращенно называемые Профинтерн. 2. *Революционная профсоюзная оппозиция*, так называемая РПО — как множество групп коммунистического меньшинства в уже имеющихся некоммунистических профсоюзах; эти группы продолжают в чужих союзах ра-

бочих свою упорную подрывную работу и также подчиняются Профинтерну*.

До 1933 года *Германия* считалась образцовой страной революционной профсоюзной оппозиции; эта форма культивируется также в Австрии, Швеции, Норвегии, Англии, Польше и Швейцарии, короче, везде, где еще нет почвы для создания самостоятельных коммунистических профсоюзов.

Классическими странами красных профсоюзов считаются *Франция*** и *Чехословакия*; эти формы мы находим также в Соединенных Штатах, Латинской Америке, Китае и Испании, где коммунистические союзы существуют на легальной основе; в Италии, Югославии и Румынии красные профсоюзы «оттеснены на нелегальное положение» (№ 20, с. 11, 12, 13, 21, 22, 29, 30, 31 и др.).

Об успехах революционной оппозиции профсоюзов до 1933 г. мы читаем, к примеру, в следующих сообщениях, которые представляют как бы «идеал» для других стран.

«Наибольшие успехи в отношении организации профсоюзной оппозиции достигнуты в последнее время в Германии. Революционная оппозиция профсоюзов Германии (РПО) сумела вызвать к жизни широкую профсоюзную печать — 58 периодических печатных органов отдельных секций РПО с месячным тиражом более 300 000 экземпляров. Ей удалось созвать собрания внутрирайонных делегатов и делегатов РПО, большие районные и областные промышленные конференции (горняки, металлисты Рурской области, Берлина, Гамбурга и т. д.), а также провести районные, краевые и земельные конференции советов на производстве, например, на заводах и фабриках химической и военной промышленности; РПО также удалось организовать и провести имперские конференции важнейших промышленных секций оппозиции, а также имперский съезд, в котором

* «Политическая тактическая линия» красной оппозиции профсоюзов определяется (кстати!) соответствующими партийными руководителями (№ 62, с. 11. Образцовая директива).

** Ср.: «Наши лучшие профсоюзные организации — красные профсоюзы во Франции» (№ 32, с. 422 — 423. Докладчик Молотов).

приняли участие организованные и неорганизованные рабочие и безработные» (№ 20, с. 40. Решения).

Для использования опыта этого съезда и «подготовки и проведения движения за рабочее время и заработную плату, а также выборы советов на производстве и местного руководства подготавливаются районные съезды революционной оппозиции профсоюзов. На первый имперский съезд были посланы 1122 делегата, выбранные на предприятиях, на биржах труда и в профсоюзах. На районных съездах будут присутствовать 6000 — 8000 выборных делегатов»... «они будут одобрены широкими рабочими массами».

«Для подготовки к съезду состоялись примерно 1000 собраний, на которых были выбраны депутаты». «Делегатов выбирали на заводах и фабриках более 2 миллионов рабочих».

Съезд состоялся «только благодаря самоотверженной финансовой поддержке широких масс. От них в короткое время поступило около 50 000 марок, которые полностью покрыли расходы по организации съезда» (№ 19, с. 253. Отчет Меркера).

«К революционной оппозиции профсоюзов Германии относятся красные советы на производстве, революционные уполномоченные, комитеты безработных, исключенные из реформистских профсоюзов местные группы, оппозиционные фракции реформистских союзов и тысячи отдельных членов, исключенных из реформистских профсоюзов».

«Была создана целая система местных, внутрирайонных, и районных руководящих органов революционной оппозиции, во главе которых стоит центральное руководство, избираемое на имперских заседаниях рабочими делегатами. Все руководящие органы революционной оппозиции профсоюзов еще раз распределены по отраслям промышленности, причем создана такая же система руководства революционной профсоюзной работой по отдельным отраслям».

«Однако успехи РПО в Германии еще не отвечают тем объективным возможностям, которые у нее имеются»...

«Революционная оппозиция профсоюзов в Германии должна создавать группы на производстве, работая тем самым на дальнейшее укрепление своих организаций. В эти группы должны входить как организованные в

профсоюзы, так и неорганизованные рабочие. Задачей оппозиции профсоюзов в Германии является распространение этих групп на производстве на всех заводах и фабриках, но в первую очередь на тех предприятиях, где профсоюзная оппозиция составила на выборах 1930 г. собственные списки и получила немалое число голосов».

«Для укрепления своих организаций германская РПО должна и впредь стараться создать себе широкую финансовую базу; для этого необходимо организовать в той или иной форме сбор однократных или постоянных взносов и добровольных субсидий, торговлю марками и регулярными абонементом революционных органов печати и т. д.».

«Следует отметить, что хотя РПО и смогла многократно добиться крупных успехов в своей работе вне профсоюзов, деятельность сторонников Профинтерна в реформистских и других реакционных германских профсоюзах в последние годы сильно ослабела...»

«Германская РПО должна как можно скорее преодолеть этот крупный недостаток в своей работе, т. е. незамедлительно перейти к строительству красных оппозиционных групп в реформистских профсоюзах. Главная работа должна проводиться на предприятиях, но ее следует проводить не только на производстве, но и в местных профсоюзных группах, на общих собраниях, на всех заседаниях и конференциях».

«Эти организационные формы германской РПО должны перениматься всеми сторонниками Профинтерна тех стран, в которых нет самостоятельных красных профсоюзов, однако это надо делать не механически. При перенимании другими странами организационных форм германской профсоюзной оппозиции надо предупреждать подобные упущения и с самого начала вести интенсивную работу как вне профсоюзов, среди неорганизованных рабочих, так и в самих профсоюзах» (№ 20, с. 40 — 41. Решения).

Эта директива, предписанная красной оппозиции профсоюзов в 1930 году, была подтверждена и подчеркнута особо на заседании XII пленума Исполкома III Интернационала в 1932 г.

«Тактика самостоятельного ведения борьбы... может быть успешной только в том случае, если РПО сконцен-

трирует все свои силы на завоевании рабочих, организованных в реформистские профсоюзы» (№ 17, с. 392).

«Поэтому в решениях XII пленума настоятельно подчеркивается необходимость для коммунистов борьбы за завоевание всех выборных функций, а именно: производственных, местного руководства, счетных комиссий и местных картелей» (там же, с. 394).

Так должна происходить коммунистическая обработка рабочих в рядах РПО. Намного проще стоит этот вопрос в *легальных коммунистических профсоюзах*: там надо лишь проводить верную пропаганду и коммунистическую работу, и делать это примерно в таком направлении:

1. «Наилучшая из возможных защит» «насуточных интересов рабочих», их «порядка жизни», «требований безработных» и т. д. — это умелое «увязывание» «экономических отдельных требований» с «общими политическими лозунгами классовой борьбы»; борьба... со всеми «остатками профсоюзного легализма»; «умелое самостоятельное проведение забастовок»; «неустанная работа на поприще организации борьбы безработных»; «упорная и смелая борьба на каждом заводе и на каждой фабрике против... проникающего фашизма» и т. д.

2. «Организационный охват неорганизованных рабочих (особенно молодежи и женщин), составляющих девять десятых рабочего класса»; «перевоспитание лучшей части старых кадров революционного профсоюзного движения» и «создание новых кадров из активно участвовавших в забастовочной борьбе рабочих»; борьба за *революционное единство* международного профсоюзного движения; «создание советов на производстве» в странах, где их еще нет (Франция, Англия, США и т. д.), и новых «выбранных на предприятиях органов боевых групп за революционное массовое движение» (№ 20, с. 26 — 32. Решения).

3. Наряду с этим надо перевести красные профсоюзы на «производственную базу». Центр пропагандистской и организаторской работы Профинтерна должен переместиться на предприятия.

«Главной формой организации красных профсоюзов, профсоюзной оппозиции и движения меньшинств должны стать группы на производстве, при этом необходимо *переместить на предприятия* и главные усилия

в работе революционной профсоюзной оппозиции, включая сбор профсоюзных взносов, распространение печатной продукции и т. д. Для лучшей координации деятельности групп на производстве местные организации красных профсоюзов и оппозиции должны строиться не по принципу расположения квартир, а по рабочим местам их членов».

«Для лучшего охвата и политвоспитания безработных членов революционных профсоюзных организаций, живущих вдали от предприятий, необходимо создавать вспомогательные органы на базе местожительства (уполномоченные, районное и местное руководство» (№ 20, с. 36. Решения).

4. Вся эта организация должна быть «построена на основе широкой пролетарской демократии» (№ 20, с. 37). Это означает, что *рабочие массы следует научить воспринимать коммунистическое заманивание и опеку, будто бы они вовсе таковыми не являются, будто все радикализирующее подстрекательство — не что иное, как добровольное самоопределение масс.* Отсюда возникают, например, следующие директивы: «массовые дискуссии», «отчетные доклады на общих собраниях», «выборность всех органов», «исключение командного тона», «отмена бюрократического сверхцентрализма», «самокритика» и т. д. (№ 20, с. 37. Решения).

5. Кроме этого, красные профсоюзы должны проводить «правильную финансовую политику» («не слишком высокие» членские взносы, забастовочные фонды, списки денежных сборов и т. д.); особо организовывать женщин и молодежь; «неустанно» вербовать новых членов; «побуждать» все «руководящие органы» в коммунистическом движении к «коллективному сотрудничеству»; организовывать «живую инструкторскую службу»; способствовать профсоюзной и производственной печати; образовывать «специальные органы для изучения ситуации» и т. д. и т. п. (№ 20, с. 37 — 39. Решения).

Короче, необходимо предпринять все, чтобы добиться «превращения революционной оппозиции профсоюзов» и «самостоятельных революционных профсоюзов в настоящие массовые организации» (№ 16, с. 22 — 23. Решения).

При этом каждая страна в протоколах и решениях берется особо и рассматривается со всеми ее особенностями. Часто возникает впечатление, что имеешь дело с внимательным лекарем, который совершенно индивидуально обращается с каждым пациентом, дабы выяснить, каким образом нанести ему наибольший и неизлечимый ущерб.

Так, например, характерно отметить, что на 6-й сессии Центрального Совета Красного Интернационала профсоюзов (1929 г.) были «представлены» и «освещались» своими коммунистическими профсоюзными деятелями следующие страны: Китай, Соединенные Штаты, Бельгия, Англия, Австрия, Германия, Индонезия, Франция, Италия, Польша, Болгария, Югославия, Чехословакия, Швейцария, Канада, Бразилия, Румыния и т. д.

Всю эту профсоюзную работу также соответствующим образом защищает и поддерживает и мировой центр коммунизма.

«Профсоюзы — школа Коминтерна. Коминтерн и Красный Интернационал профсоюзов обладают общими функциями. А Революционный Интернационал профсоюзов и Коммунистическая партия преследуют одну и ту же цель — установление диктатуры пролетариата. Пролетариат Советского Союза внимательно следит за развитием классовой борьбы в капиталистических странах и за революционной деятельностью братских профсоюзов и всегда готов оказать им любую помощь в их борьбе» (№ 70).

«За десять лет своего существования Красный Интернационал профсоюзов превратился из международного революционного центра пропаганды в мировой штаб революционного профсоюзного движения, в международную организацию, объединяющую миллионы организованных рабочих, причисляющую к своим сторонникам несколько десятков миллионов как организованных, так и неорганизованных рабочих, и ведущую их под знаменем коммунизма на борьбу с капитализмом к построению диктатуры пролетариата во имя победы социализма в мире» (№ 42, с. 603).

Таковы в целом директивы III Интернационала, в соответствии с которыми обрабатывают мировой пролетариат и ведут его к коммунистическому порабощению.

Глава седьмая

ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Вся та обработка рабочих, которую мы описали в предыдущей главе, на самом деле не что иное, как *организационная подготовка для развязывания революции*. Коммунисты стараются завоевать большинство рабочего класса, чтобы *привести его в революционное движение*. Главным была и остается *динамика*. Ибо здоровая жизнь и научное созидание буржуазного общества воистину не имеют для коммунистов абсолютно никакой цены; напротив, желанным и важным для них является подрыв здоровой жизни в буржуазном государстве, застой и крах буржуазной экономики. Принципиальный, естественный лозунг коммунистов гласит: *чем хуже положение в буржуазном обществе, тем лучше это для дела коммунистического пролетариата!*

Для коммунистов настолько принципиальным и настолько основополагающим является партийно-политический интерес к использованию *неудач и разрушению, стремление подвести к поражению и хозяйственнополитическое пораженчество*, что их революционная стратегия поддается верному пониманию лишь при постоянном учете этой их точки зрения. Коммунисты располагают хладнокровным мужеством, спокойно *обрекающим людей на страдания* при любых обстоятельствах — как на службе, так и в том случае, если они стали жертвой многократно воспетой коммунистической программы. *Fiat коммунизм — pereat mundus!*⁴... Легко понять это стремление к несчастью других. *Чем тяжелее будет общее положение в буржуазном обществе, тем более обострится кризис капитализма, тем слабее будет буржуазия, тем сильнее будет недовольство масс, тем больше возможностей получит революционное движение, тем больше шансов будет у пролетарской революции и тем ближе станет диктатура пролетариата*. Коммунист в лоне буржуазного строя есть принципиальный и самоуверенный вредитель. И он сам не только знает, но и открыто высказывает это. У него одна забота: убедить пролетариев в том, что печется о них *лишь он один*, и предмет его забот — не одно только

будущее счастье, но и насущные интересы, и их оспариваемые у работодателя заработанные гроши. «Вовсе не вина коммунистов», что предприниматели настолько «тупы», что отвергают справедливые требования рабочих и тем самым усиливают революционные настроения масс. Коммунист — «верный друг» и «единственный» друг пролетариата: он ведет борьбу за его благо; все остальное — фатально, и «виновна» в этом «буржуазия».

Это значит, что рабочим надо *бастовать* всегда и повсюду. Ибо забастовка в одно и то же время наилучшим образом усиливает требования, она — лучшее средство, чтобы парализовать аппарат экономики, а возможно, и политический аппарат буржуазии, лучшая тактика нападения и террора и лучшая школа революционной активности. Динамику приносит уже одно «освобождение» масс от работы; революционизирует уже одно только скопление на улицах или на остановленном предприятии; одно только организованное непослушание и массовый протест развязывают волю к перевороту...

«Забастовка — так авторитетно заявляет самый умелый и опытный вождь Красного Интернационала профсоюзов Лозовский — есть одна из форм борьбы, она применяется пролетариатом, чтобы путем прямого воздействия на работодателей «добиться» поставленных целей и задач. Основные методы борьбы рабочего класса можно перечислить в следующем порядке: *экономическая стачка, политическая забастовка, восстание* и, наконец, *«гражданская война»*. Но между «этими различными методами борьбы» *нет «границы», которую нельзя было бы преступить*, ибо «*в процессе борьбы одна ее форма переходит в другую*».

«Было бы неверным предполагать, что здесь имеются какие-то твердые границы, что переход одной формы борьбы в другую требует долгого времени или что первичные, примитивные формы не несут в себе черт более высоких форм или методов борьбы».

«Опыт международного рабочего движения доказывает, что забастовка — одна из сильных и действенных форм борьбы» (№ 14, с. 681 — 682). «Широкое забастовочное движение» есть поэтому «главное звено революционно-

го подъема во всех капиталистических странах» (№ 77, с. 1256. Доклад Ленского на XII пленуме ИККИ. 1932 г.).

Этим определено значение забастовки. Сюда надо добавить следующее.

«В той степени, в какой революционное руководство действительно справляется со своими задачами, экономическая борьба в настоящий период есть *важнейшая революционная школа рабочего класса. Накал борьбы обостряет и классовое сознание рабочих масс. Постоянные ожесточенные столкновения рабочих с вооруженными бандами классового врага непременно вызывают боевое сопротивление рабочих*» (№ 20, с. 20. Решение).

Поэтому далее говорится:

«Надо сознавать необходимость *проведения забастовки повсюду, где только можно*, потому что лишь собственный опыт масс дает им знание, которое способствует *применению этой тактики на широкой основе* (№ 14, с. 367. Докладчик Ульбрихт).

Забастовка успешно побеждает не только работодателей, но и социалистов II Интернационала. Задача состоит в том, «чтобы вытеснить реформистских вождей с их постов, поставить на их место по-настоящему революционных пролетариев, стать во главе стихийно вспыхнувшей забастовки и повернуть ее против буржуазии и реформистского профсоюзного аппарата, раз этот последний саботирует элементарные интересы рабочих масс» (№ 9, с. 411. Докладчик Лозовский).

Короче, забастовка служит методом борьбы с работодателями и с «реформистами», школой революции и начальной стадией вооруженного восстания и, насколько возможно, гражданской войны.

Потому так важно бороться за право на забастовку и за свободу забастовок.

«Особенно важна борьба за право на забастовку, *против принудительного умиротворения, против системы арбитража*, как и вообще против любого вмешательства в рабочие конфликты со стороны буржуазной государственной власти; против всяких наказаний со стороны предпринимателей за забастовку и революционную пропаганду на предприятиях; борьба за право каждого рабочего организовать и выбирать своих революционных

уполномоченных, борьба за право на активное противодействие штрейкбрехерам и т. д.» (№ 20, с. 17. Решение).

Совершенно ясно, что коммунисту не нужны ни здоровое хозяйство, ни гражданский мир в экономике. *Ему нужна забастовка как таковая, ибо в забастовке он проходит обучение революции.*

Коммунисты здесь не могут позволить своим социалистическим конкурентам запугать или остановить себя. Им необходимо преодолеть «оппортунистический страх перед забастовкой», «возглавить крупные забастовки и самостоятельно довести до конца много сражений». Им надо «успешно преодолеть противодействие социал-фашистского профсоюзного аппарата и разоблачить в глазах масс его роль как штрейкбрехера» (№ 20, с. 15. Решение).

Необходимо вести «непримиримую борьбу... со всеми тенденциями пассивности в этой области» (№ 20, с. 27. Решение).

Практика проведения забастовки есть *школа* не только для масс, но и для ведущего коммунистического партийного функционера: тут он учится исполнению своей революционной профессии. Руководство забастовкой есть коммунистическое «искусство» и «наука»; здесь необходимо учиться, здесь делают ошибки и терпят поражения.

Но всегда слышится сверху: *лучше несколько поражений в битве, чем никакой битвы.* Ибо «массы учатся на собственном опыте» (№ 77, с. 1215. 1932 г.).

«Не бывает стопроцентных шансов на победу в забастовке. А перспектива поражения нас не остановит... Бывают поражения, стоящие нескольких побед...» «Нет, мы подведем баланс лишь после свержения буржуазии... Может быть много — сотни и тысячи поражений, но окончательная победа останется за нами. Надо суметь в отдельных сражениях оставить за собой армию. Главное — *не утратить влияния.* Пусть предприниматели увольняют, но на предприятиях мы должны быть *неустрашимыми.* Уволили одних, на их место должны вступить другие. Ведь опираемся мы главным образом на предприятия. Это наша крепость. Мы должны в ней сидеть...» (№ 19, с. 267 — 268. Докладчик Лозовский).

Соответственно читаешь в коммунистических протоколах на каждом шагу:

«Во многих странах сторонники Красного Интернационала профсоюзов не только не *готовили* забастовки, но сами часто были *поражены и ошеломлены* вспыхнувшими конфликтами. Это отставание от движения масс представляет чрезвычайно большую опасность для революционного профсоюзного движения. Это как раз и есть тяжелейшее проявление правого уклона на практике. Это отставание означает *отказ от руководства экономической борьбой*, ибо нельзя руководить забастовкой, не *подготовив серьезно* наши организации и массы к *предстоящей борьбе*» (№ 19, с. 539. Решение).

«Далее течение многих забастовок показало, насколько мало наши кадры знакомы с элементарными правилами забастовочной тактики. Так, были случаи, когда сторонники Профинтерна отказывались от создания *выборного руководства забастовкой*, назначали руководство забастовкой сверху и превращали его во вспомогательный орган союза, не привлекали к участию в руководстве *неорганизованных рабочих, женщин и молодежь*, не сознавая того, что все эти действия *ослабляют переговоры с забастовочными органами* и тем самым уменьшают шансы на победу» (№ 19, с. 539 — 540. Решение).

«Еще опыт показал неспособность *вовлечения в борьбу новых резервов, расширения забастовки и превращения любой забастовки в дело всех революционных рабочих*»... «Наконец, правильное руководство экономической борьбой предполагает *умелое применение тактики единого фронта снизу и мобилизацию всех рабочих каждого предприятия на борьбу за выдвинутые требования*» (№ 19, с. 540. Решение).

Отсюда видны некоторые основные правила коммунистического руководства забастовкой: первое — *действовать всегда инициативно и наступательно*; второе — *всегда пробуждать у масс ощущение того, что маршируют они сами и сами же руководят собой* («выборное руководство забастовкой»); третье — *стремиться всегда к расширению забастовки*; и четвертое — *применять тактику единого фронта снизу*».

Кстати, было бы напрасным трудом выискивать все правила коммунистического руководства забастовкой отдельно, ибо они сформулированы самими руководителя-

ми Красного Интернационала профсоюзов достаточно скупю. Уже из этого перечисления видно, насколько тяжело выучить эту «науку» и как изощренно это искусство должно формироваться на практике.

В одном из докладов названного выше Лозовского мы находим следующую подборку:

«Если мы хотим, чтобы генеральный штаб, возглавляющий забастовку, независимо от ее масштабов, был на высоте поставленных перед ним задач и соответствовал требованиям Коминтерна, то этот штаб, возглавляющий забастовку, должен руководствоваться следующими правилами:

1. Правильно выбрать момент для рывка вперед.
2. Найти самое слабое место противника и направить удар против слабого звена в цепи.
3. Захватить инициативу и суметь ее удержать.
4. Попасть в самое слабое место противника (Клаузевиц).
5. Предвидеть возможные акции противника и парализовать самые опасные для нас.
6. *Всеми средствами* обезвредить организации штрейк-брехеров.
7. Быть в состоянии выполнить обходные маневры и сосредоточиться.
8. Установить степень давления на противника и способность последнего сопротивляться.
9. Не заходить слишком далеко, не дать успеху вскружить себе голову и своевременно прекратить забастовку.
10. После успешной забастовки никогда не поддаваться соблазну или провокации и в подходящий момент снова начинать борьбу.
11. В случае необходимости отступить и заключить перемирие, не теряя при этом головы.
12. Никогда не забывать, что любые договоренности с буржуазией — лишь перемирие; всегда готовить новое наступление. *«Договор — лишь средство собраться с силами»* (Ленин).
13. Быть в состоянии в решающий момент увлечь за собой новые резервы, главным образом, рабочих общественных предприятий.
14. После начала забастовки никогда не устраивать референдума о том, продолжать или нет борьбу.

15. Не вести за кулисами никаких переговоров с работодателями, а делать все в присутствии общественности и прежде всего делать сообщения всем интересующимся.

16. Организовать подробную информацию о ходе забастовки, чтобы парализовать таким образом деятельность буржуазной печати.

17. Организовать связь между забастовщиками разных районов, чтобы держать в постоянном напряжении всю армию борцов.

18. Привлечь к участию в забастовках и к борьбе со штрейкбрехерами не только работниц, но и жен рабочих.

19. Сразу же за вспышкой забастовки закрыть все пивные, обычно являющиеся местом притяжения штрейкбрехеров.

20. Пробуждать сочувствие к бастующим у трудящихся и рабочих всех категорий.

21. Разместить детей забастовщиков в другом районе или другой стране.

22. Организовать специальные отряды для борьбы со штрейкбрехерами и наемниками работодателей.

23. При больших забастовках начать агитацию в армии, чтобы предупредить возможное вмешательство военных.

24. Организовать особые подразделения для предотвращения вывоза товаров с предприятий и доставки сырья.

25. Дезорганизовать ряды и особенно тылы противника (заключить договоры с отдельными работодателями, первый удар нанести председателю рабочего союза и т. д.) (№ 14, с. 686 — 687. Отчет Лозовского).

В этом кратком руководстве по искусству проведения забастовки нужно прежде всего отметить, что несмотря на предупреждение о *соблюдении меры* в борьбе, преобладающей остается все же тенденция к возможному, а именно максимальному *расширению борьбы*. Это легко понять: расширяющаяся забастовка обеспечивает не только победу первого, небольшого очага забастовки, но и выполняет все остальные задачи забастовки как таковой. Забастовочной теории господина Лозовского известны различные виды забастовок. «Существуют забастовки следующих типов: 1. стихийные, 2. организованные, 3. на-

ступательные, 4. оборонительные, 5. солидарности, 6. изменяющегося характера, 7. локальные, 8. распространяющиеся на несколько районов, 9. забастовки отдельных отраслей промышленности, 10. общие забастовки, 11. международные забастовки, 12. экономические и 13. чисто политические забастовки» (№ 14, с. 686).

Но для всех этих разновидностей действует одно основное требование: с забастовкой как таковой следует обращаться как с *акцией борьбы*, а именно как с *революционной акцией борьбы*. Поэтому чем крупнее масштабы — тем лучше; чем глубже возбуждение психики масс, тем больше успех; чем радикальнее настроение, тем лучше; чем больше появляется политических требований, тем большее революционное значение имеет забастовка.

Расширение забастовки означает то же, что и привлечение новых резервов для превращения «отдельной» или «локальной» забастовки в забастовку солидарности, забастовку протеста, или, наконец, в массовую политическую забастовку. Тем самым забастовка не только обостряется, но и углубляется: через расширение забастовки уровень требований забастовщиков переходит к общему и классовому; из небольшой акции данного предприятия забастовка становится общепролетарским классовым меро-приятием, революционным марксистско-большевистским событием, что есть самое важное и таковым остается.

«Забастовку солидарности надо рассматривать как одну из важнейших форм развития отдельных забастовочных движений в сознательную классовую борьбу» (№ 20, с. 17. Решение).

«Массовая политическая забастовка, например забастовка протеста, забастовка солидарности, забастовка с отдельными политическими требованиями и т. д., может охватить целый район, целую отрасль промышленности или всю страну (общая забастовка). Главное в такой забастовке — ее общеклассовые требования» (№ 19, с. 538. Решение).

«В зависимости от значения и размаха экономических конфликтов руководящим органам революционного профсоюзного движения следует мобилизовать пролетарскую общественность *остальных предприятий, районов и всей*

страны для оказания наилучшей моральной и материальной поддержки забастовщикам» (№ 20, с. 39. Решение).

«Чрезвычайно большую роль при обострении всеобщей борьбы и забастовки играет привлечение новых резервов. В любой экономической борьбе мы не можем ограничиваться отдельными рабочими коллективами и забастовщиками, вся наша политическая борьба должна сконцентрироваться на *ближайшем движении* и, сверх того, на *всем пролетариате в данной стране*. Конечно, не при каждой забастовке, но если забастовка принимает обширный характер или включает большое число борцов, подобные меры необходимы» (№ 14, с. 659 — 660. Докладчик Тельман).

Эта директива Коминтерна может быть сформулирована и так: коммунисты всех стран призваны *найти в каждой забастовке скрытое в ней политическое ядро* и, не забывая об экономических насущных требованиях бастующих рабочих и не пренебрегая ими, довести до сознания рабочих это общеполитическое и, естественно, *революционное ядро* и широко пропагандировать его. Коммунист подобен поджигателю, который собирается разжечь огромный лесной пожар, раскладывает повсюду для этого тлеющие угли и пытается их раздуть. Для него, конечно, важно поджечь и сжечь не данное дерево или один-единственный куст, но разжечь *большой и всеохватывающий лесной пожар*; поэтому он безостановочно старается раскладывать много очагов огня на большой территории...

Коммунисты из опыта знают, что политизировать можно вовсе не всякую забастовку. Но это должно произойти там, где это в какой-то мере возможно.

«Маркс говорил, что *всякая классовая борьба есть политическая борьба*... Однако, как правило, нет сомнения в том, что в каждой экономической забастовке есть элементы политической борьбы» (№ 14, с. 682. Лозовский).

«Задача состоит не в том, чтобы всякую экономическую борьбу превратить в политическую (это невозможно, да и подобная попытка на практике может только повредить движению), речь идет главным образом о том, чтобы еще больше усилить начавшуюся экономическую забастовочную борьбу, *поднять ее на более высокий уро-*

вень борьбы революционного значения, расширяя программу борьбы такими конкретными политическими лозунгами, которые ясно и наглядно связаны с ходом данной забастовки или с выдвинутыми экономическими требованиями» (№ 20, с. 17 — 18. Решение).

«Нам нельзя в этой борьбе ограничиваться экономическими требованиями, одновременно с ними должен быть поставлен вопрос о борьбе против системы умиротворения, против буржуазного правительства, против социал-демократии, против заводского фашизма на предприятиях, против фашистских организаций, которые выступают вместе с предпринимательством и государственной властью, затем вопрос отвода полиции, освобождения арестованных и т. д. Массовая мобилизация должна подкрепляться массовыми демонстрациями всего пролетариата и ежедневным информированием самих бастующих, а также всех рабочих о ходе борьбы и всех политических событиях. Это особо необходимо для политизации забастовки, для осознания рабочими политического значения борьбы» (№ 14, с. 659 — 660. Докладчик Тельман).

III Интернационал рекомендует своим сторонникам не пытаться пробить головой стену невозможного; но...

«Но каждый революционный вождь должен уметь поднимать забастовки на более высокую ступень и расширять рамки забастовки, поставленные в первый день ее возникновения, не отходя от первоначальных требований. Надо суметь объединить все в сильное органичное целое»... «Абсолютно неожиданный внешний случай часто способен изменить характер забастовки. Нам надо только быть готовыми к этому. Мы должны извлечь из каждой данной забастовки максимальные политические результаты для рабочего движения» (№ 19, с. 267. Докладчик Лозовский).

Чем более зрелой становится революционная ситуация в стране, тем легче политизировать забастовку, тем более возможны и «чисто политические» забастовки.

«Чисто политические забастовки могут быть успешно проведены только в связи с особенно актуальными, жизненно важными для рабочего класса вопросами или в связи с такими новыми атаками классового врага, которые вызовут особенно сильное возмущение в широких

рядах пролетарских масс. Такие забастовки чаще всего являются забастовками протеста или демонстрациями и проходят исключительно и преимущественно под политическими лозунгами. Задача сторонников Профинтерна — постоянная борьба с целью преодоления тред-юнионистских, синдикалистских и легалистских традиций старого профсоюзного движения, осложняющих развитие массовых политических забастовок» (№ 20, с. 18. Решение).

Но подобные забастовки предполагают упорную и настойчивую подготовительную работу. Надо завоевывать предприятия, вовлечь в борьбу неорганизованные массы, повсюду ввести институт «революционных уполномоченных», научиться создавать боевые комитеты, готовить демонстрации и организации рабочей самообороны — и все это в тесной связи с забастовочным движением.

Одна из важнейших задач на заводах и фабриках состоит в завоевании «советов на производстве».

Советы на производстве обычно задумываются как органы гражданского мира на предприятиях, как органы классового рабочего объединения. Но это не удовлетворяло и не удовлетворяет коммунистов. Им надо выбросить из советов на производстве социалистов-реформистов и использовать их для себя и в своих революционных целях.

Для этого нужно прежде всего осуществить «основные решения Коминтерна об отрыве советов на производстве от реформистов (а также об образовании таких советов там, где их нет) и превращении их из органов классового рабочего объединения, в которые их превратили предприниматели и социал-империалистская профсоюзная демократия, в органы классовой борьбы» (№ 14, с. 916. Тезисы).

«Советы на производстве могут и должны стать естественной основой классового единства снизу — на предприятии. В отличие от органов, руководящих борьбой, они не временно, а постоянно действующие органы; они не заменяют профсоюзы и не могут быть ими заменены... Завоевание советов на производстве есть одно из важнейших направлений деятельности коммунистической партии»...

«Завоевание революционной оппозицией советов на производстве создает возможность, пробив легальные рамки, превратить советы на производстве в органы, которые возьмут на себя борьбу за насущные экономические интересы пролетариата и поведут *политическую борьбу на предприятии...*» (№ 14, с. 916. Единогласно принятые тезисы Тельмана и Лозовского).

«*Крепкая связь* советов на производстве с другими органами единого фронта на предприятиях и с массами, обучение профсоюзных функционеров и советов на производстве, повседневное представительство интересов на предприятии, образование корпуса революционных уполномоченных, *объединение местных и районных советов на производстве на конференциях* — наши следующие задачи. Надо воспитывать советы на производстве для руководства *политической борьбой* на предприятиях. Надо объединять фракции советов на производстве не только в местном и районном, но и в *центральной масштабе*» (№ 14, с. 662. Отчет Тельмана).

«При постоянном соединении обеих форм борьбы — политической и экономической, революционные советы на производстве станут образцом для остальных советов на производстве, в которых имеют влияние коммунисты, и *центром для охвата всех советов на производстве по всей стране*. Для этого революционные советы на производстве через совещания и конференции, проводимые по районам и отраслям промышленности, налаживают связи друг с другом».

Тогда «главная задача на следующем этапе» — «воспитание членов революционных советов на производстве и работа для преобразования советов на производстве в настоящие органы классовой борьбы»... (№ 14, с. 916 — 917. Единогласно принятые тезисы Тельмана и Лозовского).

Эти директивы особенно интересны и наглядны. Согласно основам ленинизма, надо использовать всякую легальную возможность, как бы всякую щель буржуазного строя, чтобы помочь организации революционных сил. Это использование получает тут еще большее значение, а именно: совет на производстве как таковой будет использоваться не только в целях боевой мобилизации масс, но станет, сверх того, *ячейкой нового революционно-*

го коммунистического экономического порядка в стране. Революционные советы на производстве по всей стране будут объединены в единый центр для обсуждения и руководства экономическими и политическими делами страны. Коммунистический «Верховный совет по экономике» *возникает уже в лоне буржуазного общества*; органы коммунистического господства будут инсинуированы (втиснуты⁵) в буржуазный общественный строй революционно-легальным путем. Так кукушка подкладывает свое яйцо в чужое гнездо; так стая ядовитых мух заползает в рот спящему человеку.

И только теперь становится понятным, что, собственно, значат слова: «Борьба за советы на производстве есть *борьба за единство*» (№ 13, с. 192. Докладчик Лозовский)... Это борьба за единство коммунистического господства — на производстве, в экономике и во всей стране.

Забастовки и борьба за советы на производстве — оба пути, по отдельности и вкуче, — служат решению следующей задачи: *завоевание неорганизованных масс*. Ибо неорганизованные массы, естественно, побегут за той самой партией, которая сумеет успешно провести забастовки и успешно бороться за советы на производстве.

Уже выборы в советы на производстве открывают коммунистам в этом отношении большие возможности.

«Вовлечение неорганизованных масс есть для нас важнейший вопрос *расширения классового фронта, возможного усиления революционного подъема* и организации масс через *самостоятельные органы борьбы*» (№ 14, с. 667 — 668. Докладчик Тельман).

«Товарищи, что самое важное в тактике выборов в советы на производстве? Важное, а возможно и самое важное, чего мы достигли в этом отношении, это то, что в этой борьбе сыграли большую роль самые угнетенные слои, неорганизованные слои пролетариата» (№ 14, с. 663).

«Эти новые слои» (работницы, молодежь и сельскохозяйственные рабочие) «являются *крупными резервами*, которые под нашим руководством вскоре приобретут большое значение во всех сражениях. Потому что с организационно-стратегической точки зрения сплочение и организация этих мятежных угнетенных слоев и их охват под нашим руководством органами единого фронта, со-

зданными рабочим классом, означают революционное единение в интересах укрепления нашей боевой мощи во всем мире» (№ 14, с. 669).

«Охват коммунистическими партиями неорганизованных масс есть чрезвычайно важная боевая задача ближайшего времени; ее следует решать, с одной стороны, завоеванием и организацией *советов на производстве*, а также сплочением неорганизованных масс вокруг *боевых групп* (а также вокруг всевозможных революционных массовых организаций, например МРП, МКП, Красный союз фронтовых бойцов и т. д.), а с другой — их организацией через революционные профсоюзы в странах с расколотым профсоюзным движением» (№ 14, с. 915. Единогласно принятые тезисы).

Ничто не может лучше послужить этому «охвату» и этому «завоеванию» неорганизованных рабочих масс на производстве, а также успешному руководству забастовками, чем *«институт революционных уполномоченных»*. Кстати, изобретенный и сбереженный немецкими коммунистами^{*}, этот «институт» предназначается для того, чтобы сослужить добрую службу всем целям коммунистов. «Уполномоченные» избираются по образцу единого фронта и служат *«посредниками»* между массами и коммунистическими вождями. Они образуют *полуреволюционное звено* между пролетариатом на предприятиях и коммунистическими центрами на производстве и в партии.

«Что означает *революционная система уполномоченных*? Мы упорно говорим: «революционная система уполномоченных», так как это не *партийная система уполномоченных*, состоявшая бы только из организованных коммунистов. Не это цель нашей борьбы за классовое единство. Мы боремся за все пролетарские массы. Чтобы развить в массах самостоятельность и инициативу, необходимо ввести в сеть уполномоченных на пред-

^{*} Это означает «Международная рабочая помощь», «Международная красная помощь».

^{**} См. статью в «Правде» от 16 августа 1929 г.: «Как это делается у нас, в Германии, где мы пришли к этой системе революционных уполномоченных».

приятнях также *беспартийных и честных рабочих социал-демократов, пользующихся в коллективе доверием революционных рабочих*».

«Система революционных уполномоченных тоже станет *мощной опорой нашей большевистской забастовочной тактики*. Забастовочная кампания — это политическая кампания. Политическая задача поставила перед нами и *организаторскую задачу*. Мы можем только тогда вести забастовочную кампанию на производстве, когда у нас есть определенная политическая и организаторская основа во всех крупных отраслях производства. Это и есть функция системы уполномоченных».

«Двинемся на шаг вперед. Удастся нам осуществить эту политику — и корпус этих уполномоченных сыграет для нас в случае перехода наших партий *на нелегальное положение* чрезвычайно большую роль...» (№ 14, с. 675 — 676. Отчет Тельмана).

«После приезда товарища Ульбрихта» (Германия) «мы получили от него информацию о роли и функциях этих революционных уполномоченных. Выясняется, что революционные уполномоченные на предприятиях должны работать под руководством советов на производстве. Они должны стать тем органом, через который революционные советы на производстве будут протягивать свои щупальца ко всем трудящимся и отделам предприятия» (№ 14, с. 256. Докладчик Пятницкий).

Этот «революционный корпус уполномоченных», или, как говорят в некоторых других странах, «корпус делегатов предприятий», должен, таким образом, стать «постоянной организацией» и «организационным средством единения» (№ 14, с. 658).

Он предназначен и *для поддержки революционных советов на производстве*. Это будет происходить следующим образом.

«Непосредственной опорой советов на производстве и важнейшей предпосылкой их создания является институт революционных уполномоченных, работающих на предприятии. Революционные уполномоченные должны избираться от отделов предприятий, групп и категорий рабочих, при этом норму представительства необходимо установить значительно ниже, чем для выборов в советы

на производстве. Совет на производстве сможет таким образом через разветвленный институт уполномоченных поддерживать *прямую связь* с различными отделами каждого предприятия. В таких странах, как, например, Франция, где еще нет советов на производстве, одной из непосредственных обязанностей революционных профсоюзов и профсоюзной оппозиции является создание института революционных уполномоченных» (№ 20, с. 47. Решение).

Итак, «революционный делегат», или «уполномоченный», одновременно является «*щупальцами*» *верхнего слоя, протянутыми вниз*, и «*рупором*» *нижнего слоя, массы, направленным вверх*. Он организует массы и одновременно «оживляет» и «политизирует» руководящий совет на производстве. Он приносит «настроение» *наверх* и «директивы» *вниз*.

«Для установления тесных связей членов массовых революционных профсоюзов и революционной оппозиции со всем коллективом предприятия надо взять на себя инициативу по созданию корпуса уполномоченных, который будет избран рабочими всех отделов на каждом предприятии. Эти революционные уполномоченные должны помогать *оживлению и политизации советов на производстве там, где их еще нет...*» (№ 14, с. 917 — 918. Единогласно принятые тезисы).

Так на каждом предприятии создались бы *две постоянные формы организации*. Совершенно ясно, что означают эти формы организации для успешного руководства забастовкой: на них, как и на красных профсоюзных ячейках и непосредственно на стачечном комитете, должна лежать *подготовка к забастовке*. Однако для осуществления забастовки нужен еще один «временный» орган, который надо создавать на основе «единого фронта снизу». Можно называть этот орган как кому вздумается: «комитеты борьбы», «боевые группы» или «стаечные комитеты», — однако их организация и их деятельность должны на самом деле выглядеть следующим образом.

«Комитеты борьбы», руководящие экономическими и политическими акциями масс, должны быть *широкими, беспартийными массовыми организациями*, ибо они предназначены для объединения рабочих и неорганизован-

ных лиц, принадлежащих различным партиям и разным профсоюзам. Но, будучи беспартийными массовыми организациями, *они тем не менее не могут быть политически нейтральны, равнодушны или аполитичны*».

«Комитеты борьбы объединяют вокруг себя широкие массы рабочих без различия профессий как *свободное временное объединение*. Их нельзя назначить *сверху*... Их надо избирать на общих собраниях коллектива рабочих и работниц или на собраниях делегатов».

«Комитеты борьбы есть *временные* организации, коммунисты должны проявить инициативу по их организации в связи с массовыми акциями пролетариата — на основе пролетарской демократии. Комитеты борьбы не должны ограничивать территорию своей борьбы, они должны стремиться *расширить ее*, чтобы превратить экономическую борьбу в политическую. После окончания борьбы и проведения отчета их *распускают*» (№ 14, с. 914. Единогласно принятые тезисы).

Коминтерн настоятельно рекомендует этим «комитетам борьбы», или «стачечным комитетам», усваивать и точно применять *решения знаменитой Страсбургской забастовочной конференции*. Пятый съезд Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерн) выработал для этого особую инструкцию, которую мы даем с некоторыми сокращениями. После всего сказанного читателю она покажется знакомой и естественной.

«1. Важнейшими органами борьбы на предприятиях, к чьим задачам относится подготовка и руководство экономической борьбой, являются *подготовительные комитеты борьбы*, стачечные комитеты и другие органы руководства борьбой, которые избирают на собраниях коллектива или делегатов предприятия. Задача стачечных комитетов и комитетов борьбы — готовить и вести забастовочную борьбу самостоятельно и вопреки воле реформистских профсоюзов.

«Красные профсоюзы и профсоюзная оппозиция должны взять на себя инициативу по созданию *демократически избранных стачечного комитета и комитета борьбы*; они должны работать на то, чтобы сторонники Профинтерна стали *важнейшей движущей силой забастовочного движения* и играли ведущую роль в этих органах борьбы.

Так обеспечивается руководящая роль революционного профсоюзного движения в экономической борьбе рабочего класса».

«Создавать комитеты борьбы и стачечные комитеты надо в том случае, если для этого есть необходимые предпосылки и благоприятное отношение рабочих масс, *их ни в коем случае нельзя назначать сверху*. Только тогда, когда из-за террора полиции выборы стачечных комитетов всеми рабочими предприятия невозможны, можно проводить выборы в таких собраниях, где присутствуют не все рабочие, а лишь влиятельные группы рабочих предприятия, но и в этих случаях стачечный комитет несет ответственность перед массами, он должен постоянно соприкасаться с ними и отчитываться перед массами за проделанную работу».

«В комитет борьбы и стачечный комитет должны избираться не только сторонники Профинтерна, но и *члены реформистских, христианских и иных реакционных профсоюзов, однако при том условии, что эти кандидаты обязуются бороться за требования революционного профсоюзного движения*, которые будут подтверждены на собраниях рабочих, принимающих участие в выборах комитета борьбы и стачечного комитета».

«Втягивая революционно настроенных членов реформистских профсоюзов и социал-демократических партий в комитеты борьбы, революционные организации профсоюзов должны всегда заботиться о том, чтобы сконцентрировать *твердое большинство* внутри органов комитетов борьбы в руках сторонников линии Профинтерна».

«На выборах *стаечного комитета* необходимо заботиться о том, чтобы в нем были представлены все отделы предприятия и все рабочие смены. Только при этом условии в стачечном комитете действительно будет представлен весь коллектив данного предприятия».

«Если в борьбу будут вовлечены еще и другие отделы производства, надо будет *расширить* стачечный комитет за счет представителей этих отделов. Стаечный комитет может быть частично или полностью снят или избран заново в том случае, если он не соответствует регламенту борьбы или если таково требование рабочих отделов предприятия. Если большинст-

во рабочих производственных отделов придерживается мнения, что их представитель в стачечном комитете проводит неверную линию, они должны быть в состоянии в любое время *заменить его на другого*. В стачечный комитет непременно нужно выбирать *работниц и молодых рабочих*. Последние могут образовать особые молодежные комиссии. В самостоятельных молодежных забастовках молодежь избирает свой стачечный комитет, в который должны входить и взрослые рабочие представители. Стачечные комитеты должны позаботиться *об организации жен рабочих-забастовщиков*, они должны вовлекать их в активную борьбу и избирать их представительниц в стачечный комитет».

«В стачечных комитетах должны быть *четко распределены обязанности* между их членами и соблюдаться *строжайшая дисциплина* в выполнении всех решений как стачечного комитета, так и собраний всего коллектива предприятия или его делегатов, перед которыми стачечный комитет *регулярно отчитывается в своей деятельности*».

«Стачечные комитеты должны с самого начала регулярно издавать *стачечные бюллетени*, основывающиеся на *сообщениях рабочих* со всех предприятий, отделов предприятий и рабочих смен».

«Члены красных профсоюзов и профсоюзной оппозиции, избранные в стачечные комитеты и комитеты борьбы, *не должны действовать вразнобой* в период стачечной борьбы, они должны сообразовывать свои действия с *директивами своей организации* и поддерживать постоянную связь с профсоюзной оппозицией».

«Сторонники Профинтерна должны настаивать на привлечении стачечными комитетами к *активному сотрудничеству всех участников стачки*, включая работниц, молодежь, а также *членов семей рабочих-забастовщиков*; из них следует формировать стачечные посты, службу связи, организации самообороны, активистов по сбору денег, по организации питания и группы агитпропа, в чью задачу входит *постоянное присутствие среди забастовщиков и работа в прилегающих районах*. Забастовщики должны наладить связь с Международной организацией помощи рабочим, фракциями в потребительских

кооперациях и городским собранием депутатов, чтобы мобилизовать их для оказания помощи забастовщикам (бесплатные обеды, питание для детей и т. д.)».

«Стаечные комитеты и комитеты борьбы, а также комитеты по борьбе с репрессиями, должны *зарегистрировать участников забастовки и выслать отряды забастовщиков на родственные предприятия, на биржи труда и в другие места, где собираются безработные, чтобы проинформировать их о ходе забастовки и тем самым предотвратить ее срыв и привлечь их для активной поддержки забастовки. Красные профсоюзы и профсоюзные оппозиции должны оказывать материальную и моральную поддержку забастовщикам, собирая деньги и мобилизуя пролетарскую общественность*».

«Красные профсоюзы и профсоюзные оппозиции должны расширять свои ряды, *вербуя новых членов*».

«После завершения борьбы стачечным комитетам и руководству профсоюзных оппозиций следует созывать *общие собрания всех рабочих, чтобы отчитаться за свою работу, подвести итог завершенной борьбы и извлечь из нее практические уроки*» (№ 20, с. 43 — 45. Решение).

Для создания полной картины коммунистического забастовочного движения необходимо учесть еще два пункта.

Во-первых, каждая руководимая коммунистами забастовка *пользуется поддержкой со стороны Коммунистической партии данной страны и ее вспомогательных организаций*, о которых пойдет речь в следующей главе, а в случае необходимости и со стороны самого *Коминтерна*. При необходимости вся мощь этих организаций будет использована для оказания поддержки забастовщикам, борющимся за цели Коммунистической партии и в соответствии с ее практическими указаниями.

Во-вторых, всякая руководимая коммунистами забастовка несет в себе стремление вылиться в массовую забастовку, вооруженное восстание, коммунистическую революцию. Это выразительно и однозначно подтверждается тенденцией связывать забастовки с демонстрациями и заботой о создании вооруженной рабочей самообороны на заводах и фабриках и в ходе демонстраций.

Проблема демонстраций сюда не относится; ее надо рассматривать в связи с вооруженным восстанием*.

Однако пролетарскую самооборону, которая, кстати, самым тесным образом связана с вооруженным восстанием, надо рассмотреть уже сейчас. Коммунистам надобно «оборонять» следующее: *во-первых*, их деятельность на предприятиях от якобы агрессивных «фашистов»; *во-вторых*, забастовку и забастовщиков от штрейкбрехеров; *в-третьих*, свои демонстрации от полиции. На честном и человеческом языке это означает, что во всех этих случаях коммунистам необходимы *вооруженные банды для нападений на инакомыслящих рабочих на предприятиях, на инакомыслящих товарищей во время забастовок и на полицию во время демонстраций*. Так оно и происходит. *Нападающий стремится к победе и создает постоянные вооруженные отряды, которые он называет «отрядами самообороны»*.

«Одна из важнейших задач революционного профсоюзного движения — создание на предприятиях пролетарских организаций самообороны для защиты от нападений фашистов. Строительство пролетарских организаций самообороны является в настоящий момент, ввиду все более усиливающихся репрессий в отношении рабочего движения, неотложной задачей» (№ 20, с. 47. Решение).

«Так, все настоятельнее встает вопрос о создании организаций самообороны для отпора фашистским бандам внутри и за пределами предприятий. Самооборона приобретает в период экономической борьбы все большее значение, ибо опыт показывает, что буржуазия и социал-фашисты создают для удушения забастовок и разгрома забастовщиков специальные банды. Вследствие этого создание самообороны есть требование, вызванное необходимостью» (№ 19, с. 548. Решение).

Как уже говорилось, особенно актуальной эта проблема становится во время забастовок и «проведения демонстраций». Видный немецкий коммунист высказывается по этому поводу так:

«Образование организаций самообороны должно происходить на предприятиях. При нынешнем усилившемся полицейском терроре демонстрации, как прави-

* См. гл. 15.

ло, могут проводиться только предприятиями. Поэтому вопрос создания организаций самообороны зависит от работы наших партийных ячеек. Органы самообороны должны быть настоящими органами единого фронта. Когда нам создавать организации самообороны? Лучше всего создавать их на широкой основе — в связи с забастовками, когда классовый враг защищает штрейкбрехеров, когда реформисты и их моторизованные отряды защищают штрейкбрехеров и пытаются разгромить забастовки, когда фашистские банды стремятся взорвать собрания на предприятиях и во время подготовки демонстраций» (№ 14, с. 367. Докладчик Ульбрихт).

Этот доклад до конца проясняет нам главное. Вся рабочая политика, и в особенности коммунистическое забастовочное движение, направлена на то, чтобы превратить предприятие в живой центр гражданской войны и революции. Здесь коммунист находит недовольные массы; здесь он организует первые выступления; здесь он «наращивает» свои формы борьбы; здесь он стремится создавать кадры для революции и для управления будущим коммунистическим государством и его хозяйством; здесь он мобилизует свои вооруженные отряды.

И за всем этим стоит сама Коммунистическая партия со своими вспомогательными организациями, и во главе ее III Интернационал.

В этом — последний смысл коммунистического забастовочного движения.

Глава восьмая

ПАРТИЯ И ЕЕ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Коммунистическая партия, стоящая за всей этой работой в мире, есть, как мы уже показали, единая всемирная партия.

Коммунистические партии отдельных стран есть лишь ее «секции». Эти секции, сплоченные строгой и жесткой

* См. гл. 2 «III Интернационал».

дисциплиной, связанные обязательствами постоянной подотчетности и «беспрекословного послушания», работают по общим директивам и конкретным указаниям своего единого центра. По внешней видимости всякий коммунист находится в *двойном подчинении*: с одной стороны, он принадлежит своему мнимому государству, а с другой — «всемирной партии», систематически практикующей измену Родине и предательство своего Отечества. Первая принадлежность дает ему общественные права (защиту, свободу, право выбирать и быть избранным и т. д.), которые он вовсе не отвергает и не оставляет втуне, более того, использует целиком и полностью, чтобы систематически пользоваться ими для измены Родине и предательства Отечества. Обычно всякая партия во всяком государстве принципиально есть партия *этого государства*, живая и созидательная, т. е. *органичная его часть*. Коммунистическая партия определенного государства *вовсе к нему не относится*. Правда, она называется именем своей страны: «английская», «германская», «французская», «итальянская», «чешская», «японская», «Соединенных Штатов» и т. д. На самом же деле она работает в этой, так сказать, «своей» стране лишь в смысле *разложения и разрушения*. «Ее» страна есть та страна, которая «*доверена*» ей III Интернационалом для *революционной обработки и завоевания*. Это не созидательная и не органичная связь, и «живой» ее можно назвать лишь в том смысле, что довольно живо, т. е. непрерывно, неустанно и интенсивно, идет работа коммунистов.

По мнению Коминтерна коммунистическая партия работает в *partibus infidelium* (т. е. в чужом окружении, среди врагов). А с точки зрения данного государства она есть *чужеродный, неперевариваемый и ядовитый элемент, который не может быть ни ассимилирован, ни извергнут* государственным организмом.

Это отношение *чужака, притязающего на все права для себя, отрицающего все связи и обязательства и настроенного на подрыв неосторожно выдавшей ему себя страны*, — основное во всей работе всех коммунистических партий.

Пожалуй, лучше всего выражают это отношение директивы Коминтерна по деятельности коммунистов в *буржуазных парламентах и органах городского управления*.

По этому вопросу остается основополагающим «циркулярное письмо Исполкома Коммунистического Интернационала» от 1 сентября 1919 года. На него еще и сейчас ссылаются руководители Коминтерна.

Это циркулярное письмо «строго различает два вопроса»: «вопрос парламентаризма как желаемой формы государственного строя и вопрос *использования парламентаризма с целью развития революции*».

«Какова форма пролетарской диктатуры? Мы отвечаем: Советы... Можно ли совместить Советскую власть с парламентаризмом? Нет, и еще раз нет. Она абсолютно несовместима с существующими парламентами, потому что парламентская машина олицетворяет концентрированную власть буржуазии. Депутаты, палаты депутатов, их газеты... — все это путы для рабочего класса. Их надо *разорвать*. Государственную машину буржуазии, а следовательно, и буржуазные парламенты, *необходимо сломать, разогнать и уничтожить*, на их руинах надо организовать новую власть... поэтому наш лозунг для всякой буржуазной страны: Долой парламент! Да здравствует Советская власть!»

«Теперь мы переходим ко второму главному вопросу.

Можно ли *использовать буржуазные парламенты с целью развития революционной классовой борьбы?*» «Но ведь можно стремиться к уничтожению какой-то организации, вступив в нее и «используя» ее. У партии большевиков были свои депутаты и в царской думе Российской империи». «Не зря же царское правительство приговаривало большевистских депутатов к тюремному заключению за «измену Родине». Большевистские вожди работали также нелегально и *использовали*, хотя и временно, свою неприкосновенность*, сплачивая массы для штурма царизма. Однако подобная — парламентская — деятельность наблюдалась не только в России. Возьмите Германию и деятельность Либкнехта. Покойный партиец был образцовым революционером, и есть ли что-нибудь антиреволюционное в том, что с трибуны проклятого прусского ландтага он призывал солдат поднять восстание против

* Автор циркулярного письма подразумевает парламентский иммунитет депутатов.

этого самого ландтага? Напротив. И здесь мы видим полное допущение и выгоду использования... В этом нас убеждает и парламентская работа *шведских коммунистов*. В Швеции ту же роль, что Либкнехт в Германии, играл и играет товарищ Хёглунд... То же самое мы видим в *Болгарии* (Благоев, Кирков, Коларов и др.)...»

«Такая «парламентская работа» требует особой смелости и особого революционного духа: люди здесь находятся на особенно опасном посту; *находясь во вражеском лагере, они подкладывают врагу мины*; они для того идут в парламент, чтобы овладеть этой машиной и помочь массам, находящимся далеко за стенами парламента, его взорвать».

«Выступаем ли мы за сохранение буржуазных «демократических» парламентов как формы государственного управления? Нет, ни в коем случае. Мы за Советы. Но за использование ли мы парламентов в нашей коммунистической работе, пока у нас еще нет сил свергнуть парламент? Да, мы за это»...

«Мы хорошо знаем, что во *Франции, Америке, Англии* еще не было таких парламентариев из рабочей среды» (в 1919 году)... «Но это не доказательство неправомерности тактики, которую мы считаем правильной. Речь здесь только о том, что там нет такой революционной партии пролетариата, как большевики или германские спартаковцы. Когда такая партия появится, *все может перемениться*».

«Особо необходимо: 1. чтобы центр борьбы располагался вне парламента (стачки, восстания и другие виды массовой борьбы); 2. чтобы эти акции в парламенте были связаны с этой борьбой; 3. чтобы депутаты вели и нелегальную работу; 4. чтобы они действовали по поручению Центрального Комитета* и в своих действиях ему подчинялись; 5. чтобы они в своих выступлениях не считались с парламентскими формами (не боялись прямых столкновений с буржуазным большинством, говорили, не обращая на них внимания и т. д.)».

* Автор подразумевает Исполком III Интернационала.

«Нам хотелось бы особо подчеркнуть следующее: истинное решение вопроса в любом случае произойдет вне парламента, на улице. Уже сейчас ясно, что стачка и восстание являются единственными методами решающей борьбы между трудом и капиталом».

«Поэтому главным стремлением товарищей в их работе должна стать мобилизация масс. Образование партии, создание своих групп в профсоюзах и их завоевание; организация Советов в ходе борьбы, руководство массовой борьбой, агитация за революцию в массах — все это в первую очередь; парламентские акции и участие в выборной кампании — не больше, чем одно из вспомогательных средств в этой работе» (№ 2, с. 139 — 146)*.

К этим веским словам трудно что-либо добавить.

Есть аналогичные директивы и для парламентов общин.

«Коммунистам надо использовать парламенты общин точно так же, как парламенты государства и выборные институты, — в качестве трибуны для мобилизации масс на революционную борьбу». «Депутаты общин должны... быть главными агитаторами партии и инициаторами созыва массовых собраний, на которых они как представители рабочих и трудящихся должны указывать на связь между классовой борьбой в стране и борьбой по внутриобщинным вопросам на местах» (№ 15, с. 22 — 23. Решение 1930 года).

«Подлинная коммунистическая социальная политика может и должна быть рычагом для мобилизации трудя-

* Эта директива вовсе не устарела. В книге «Основы политических знаний молодого коммуниста», т. 1, с. 103 — 104, мы читаем: «Речь здесь идет, разумеется, о революционном использовании трибуны парламента, это означает установление тесных связей между парламентской деятельностью и внепарламентскими акциями масс. До тех пор, пока авангард рабочего класса еще не в состоянии разогнать парламент, он должен использовать его как революционную трибуну». Это 1927 год. «Революционное использование парламента и других форм буржуазной демократии с целью усиления своего влияния на массы — обязательно для коммунистов тех стран, где еще не установлена Советская власть». Это год 1929-й (№ 32, с. 392). Директивы «Расширенного Президиума ИККИ» от 1930 г. дословно повторяют резолюции II всемирного конгресса в цитатах (№ 13, с. 20 — 22 и др. Резолюция о «Задачах секций Коминтерна в области политической борьбы»).

щихся масс, для освобождения широких слоев от влияния буржуазных партий, фашизма и социал-фашизма» (№ 15, с. 20).

Коммунистическим депутатам государственного и общинных парламентов, кроме того, вменяется в обязанность «популяризировать социальную политику Советского Союза и ее результаты»; ее программа была примерно следующей: «Экспроприация крупного помещичьего землевладения и буржуазии, лишение имущих классов права на участие в социальной деятельности, передача домов представителей класса буржуазии под квартиры для рабочих, соблюдение классового принципа в области налоговой политики, во всем строительстве и работах, проводимых общинами, особо обращая внимание на рабочие кварталы, широчайшая поддержка безработных, бесплатное обучение, использование трудящимися институтов культуры, которые некогда были привилегией буржуазии» (№ 15, с. 25).

При этом коммунистам не разрешается сотрудничать с социалистами II Интернационала. Напротив, — «необходимо добиться решительного разрыва всякого сотрудничества с социал-демократической партией».

Рабочее большинство в представительстве общин есть лишь там, где *большинство составляют одни коммунисты* или где кандидатов выбирают по спискам рабочих или беднейших крестьян, которые заявляют о своей готовности работать на коммунистической платформе и *под руководством коммунистов* (№ 15, с. 21 — 22).

Если же это уже произошло и коммунистическая партия располагает большинством в парламенте, то это большинство должно *немедленно браться за проведение революционной политики*.

«Во всех общинах, где коммунисты имеют большинство, они должны вести борьбу за осуществление социальной политики партии, не боясь *по этой причине вступить в конфликт с буржуазной властью*» (№ 15, с. 25 — 26, 28).

Более того, они должны просто провоцировать этот конфликт.

«Получив большинство в представительствах общин, коммунистам надо:

а) образовать *революционную оппозицию* по отношению к буржуазной центральной власти;

б) предпринять все, чтобы оказаться полезными беднейшим слоям населения (экономические меры, организация или попытка организации *вооруженной рабочей милиции* и т. д.);

в) по любому поводу указывать на трудности, которые создает каждой настоящей реформе буржуазная государственная власть;

г) не страшась конфликтов с государственной властью, проводить на этой почве решительную *революционную пропаганду*;

д) при определенных революционных условиях (в острой революционной ситуации) заменять местные органы самоуправления *местными рабочими советами*.

Вся работа коммунистов в представительствах общин должна, таким образом, являться частью их работы по разложению капиталистического государства» (№ 15, с. 22. Со специальной ссылкой на Резолюцию II конгресса Коминтерна о парламентаризме).

Так коммунисты открыто признают, что *вся их работа во всяком отдельном культурном государстве не преследует иной цели, кроме разложения данного государства*. Их участие в политической жизни служит лишь созданию для себя более благоприятных стратегических и тактических позиций. Так называемая «работа» коммунистических партий есть не что иное, как *скрытая гражданская война, ведущаяся путем разложения*.

Совершенно ясно, что коммунистам разных стран не так легко овладеть этими верными методами гражданской войны. Надо сначала освоить, понять и отработать все приемы, уловки и махинации этой борьбы. Здесь нужно *настоящее обучение*, а кроме него — разветвленная сеть помощников и помощниц из полностью или наполовину замаскированных «побочных организаций».

Еще каждой коммунистической партии непременно нужны:

1. *хорошо обученные и контролируемые партийные кадры и*

2. *живая система открытых и замаскированных вспомогательных организаций.*

«Укрепление коммунистической партии возможно лишь на основе формирования кадров, тесно связанных с массами и «пользующихся доверием масс» (№ 17, с. 408. Решение 1932 года).

«Как воспитывать кадры? Кадры воспитываются в действующих и работающих организациях. В партиях, в которых нет кадров, плохо ведется и партийная работа. Русские большевики получили свои закаленные кадры *из практической работы*. Чем хуже ведется работа, чем бездеятельнее партийные ячейки, тем меньше надежд на получение кадров, нужных коммунистическим партиям в капиталистических странах... Все политические работники, включая и редакторов газет, *должны работать в ячейках и местных партийных организациях*. Это поможет активизировать партийные организации, и тогда будут должным образом настроены и нужные кадры» (№ 14, с. 262 — 263. Докладчик Пятницкий).

«Коммунистические партии должны таким образом произвести *отбор лучших* из старых кадров, должны пополнить их новыми кадрами, вышедшими снизу в процессе классовых боев, и планомерно и систематически развивать *самокритику* как важнейший инструмент нового революционного воспитания и *большевистской закалки* партийных кадров» (№ 14, с. 900. Тезисы).

Здесь решающее значение «приобретает» это «пополнение и воспитание новых кадров руководителями забастовочных битв»... «Надо смело и решительно ставить на руководящие посты активных и революционно настроенных» рабочих и «работниц»; то же относится и к рабочей молодежи (№ 14, с. 924 — 927. Единогласно принятые тезисы).

«Кадры воспитывает только прямое и активное участие в борьбе. Откуда брать эти кадры? С предприятий, из стачечных комитетов, из числа активных бойцов передового фронта классовой борьбы. Экономическая борьба втягивает в себя сотни тысяч рабочих, и теперь надо суметь извлечь из этой массы сотни и тысячи молодых рабочих и работниц и поставить их на руководящие посты. Надо смелее выдвигать на передовые позиции *молодежь*. *Ежедневная борьба — лучшая школа* для кадров революционного профсоюзного движения. Организация,

не умеющая черпать новые и свежие силы с предприятий, обречена на истощение и тред-юнионистское пере-рождение. Необходимо *смело, решительно* взяться за эту работу, и мы скоро убедимся, какой непочатой энергией, самоотверженностью, инициативой и волей обладают рабочие заводов и фабрик. Надо уметь найти новые кадры и выгнать их на свет. В то же время следует внимательно отнестись к созданию курсов и школ, где можно было бы совершенствовать эти кадры, при этом *ни на минуту не забывая, что самое важное — воспитание в борьбе, а обучение — в практике ежедневных сражений*» (№ 19, с. 547. Решение).

Этим мы выделяем один из важнейших коммунистических тезисов в данной области: овладение борьбой идет через обучение — к борьбе. Активная революционная «работа» есть собственно лаборатория по воспитанию коммунистических кадров, и обучение только тогда имеет смысл, когда оно одновременно носит характер практических семинарских занятий по только что проведенным битвам. Это называется не «учиться», а бороться, учиться в борьбе; и выученное сразу снова вкладывать в борьбу.

Лишь хорошенько отметив себе это, мы верно поймем и оценим «систему и методы» коммунистической «работы по обучению». Эта система задумана таким образом:

«Надо использовать разные формы школ и курсов:

1. *Вводные курсы:*

Эти курсы с определенными интервалами организуются для вновь принятых. Чтобы удержать поступающих новых членов, действуют два основных принципа:

- а) сразу же занять их любой небольшой работой;
- б) сразу же посвятить в основы нашего движения.

Курсы необходимо вести не дольше трех вечеров подряд. Круг учащихся не должен быть слишком велик, чтобы облегчить совместную работу каждого учащегося. За основу следует взять программу КИМа*.

2. *Курсы основ политических знаний для учащихся.*

3. *Курсы для активистов союза.*

* Программа Коммунистического Интернационала Молодежи.

4. *Вечера политической информации для функционеров.*
 5. *Школы производственного обучения.*
 6. *Курсы для молодежных уполномоченных и уполномоченных школ производственного обучения.*
 7. *Самообразование.*
 8. *Школы молодого рабочего.*
 - а) Школы для неорганизованной молодежи.
 - б) Школы для спортсменов.
 - в) Школы для молодых членов профсоюза.
 - г) Курсы для пролетарской вооруженной обороны.
- Организованы КСМом* для антифашистской молодой гвардии и др. молодежных военных организаций.

9. *Районные школы (восьмидневки).*

10. *Работа по обучению и учебная литература».*

«Чтобы двинуть вперед работу по обучению, необходимо издание через ЦК дешевой литературы для обучения молодежи, особенно издание массовой брошюры об основах для рабочей молодежи» (№ 22, с. 57 — 59. Решение)**.

Вся эта система, однако, задумана лишь для широких слоев. Все это, так сказать, лишь *подготовительные школы* для начинающих и молодых членов партии. *Кадровые школы* должны быть организованы и устроены особо. Они близко связаны с системой *инструкторов* и так называемыми *ударными бригадами*. «Во всей партийной организации, от центрального аппарата до нижестоящих и ячеек, надо расширить систему инструкторов, чтобы с помощью этих инструкторов направить нижестоящие партийные организации на осуществление решающими предприятиями и биржами труда важнейших задач в данной ситуации... Для ускорения и укрепления работы по важным позициям... назначить *добровольные ударные бригады из активных рабочих-партийцев*».

«Метод ударных бригад одновременно помогает нам привлекать новые кадры рабочих функционеров к выполнению руководящих партийных функций. Лучших товарищей

* Коммунистический Союз Молодежи.

** Под «ЦК» понимается коммунистический «Центральный Комитет».

из ударных бригад следует привлекать к руководящей партийной работе и охватывать специальными курсами обучения» (№ 17, с. 400 — 401. Ульбрихт).

Так уполномоченные центра объезжают местные партийные организации, контролируют и руководят отбором кадров.

«1. Вместо руководства местными партийными организациями, только зафиксированного на бумаге, необходимо *живое инструктирование*... Это инструктирование предполагает долгое пребывание инструктора в организации и его усердие при оказании помощи в ее работе».

«2. Необходима организация *контроля* за выполнением решений».

«3. Во главе организаций надо поставить лучших функционеров...» Их можно (не) «удерживать в центре»...

«4. Необходим созыв периодических совещаний по партийному строительству в масштабе страны, областей и районов».

«5. Во всех школах секций Коммунистического Интернационала необходимо вести *преподавание* партийного строительства» и т. д. (№ 14, с. 262. Докладчик Пятницкий).

В самой тесной связи с этим обучением находится неутомимая работа коммунистических партий по агитации и пропаганде среди широких масс (так называемый «агитпроп»). Оба этих метода работы, собственно, и составляют единую систему, которая на своем нижнем этаже имеет дело с неопределенно большими массами и дает в чисто популярной форме *чисто демагогическое содержание* (так сказать, «экзотерику коммунизма»); каждый этаж, расположенный выше, занимается меньшим числом людей и дает всегда по-марксистски более откровенное и *конспиративно-доверительное* содержание (как бы «эзотерику коммунизма»). С каждый шагом вверх число обучаемых и посвященных снижается; обучение становится настоящим «посвящением» в методы большевистского заговора.

Клубы агитации и пропаганды относятся, таким образом, к низшей ступени этого здания. Чрезвычайно показательно, что директивы по созданию этих клубов были

особенно тщательно разработаны «интернационалом молодежи». Сразу же несколько примеров.

«Нашим союзам необходимо использовать все возможности для создания домов молодежи и клубов *молодого рабочего*, где будут библиотеки, читальные и игровые залы, спортивные отделения, радио и т. д. Хотя бы в каждом крупном городе должна быть возможность оборудовать несколько помещений, открытых в послеобеденные и вечерние часы, где молодые рабочие могли бы встретиться с друзьями и приятелями и провести свободное время за чтением, развлечениями, игрой и танцами» (№ 22, с. 32. Решение).

«На всех собраниях в группах и ячейках должен действовать принцип, в соответствии с которым проводится как можно меньше пространных докладов. Вместо обычной формы доклада интереснее обсуждать многие вопросы на вечерах в форме дискуссий, вопросов и ответов, описаний биографий вождей революции и т. д. Вечера с докладами тоже должны включать в себя пение, подходящую краткую декларацию и лекцию, а возможно, показ диапозитивов и т. п.»

«Наряду с вечерами, на которых прочитывают доклады, группы и ячейки должны также устраивать *развлекательные мероприятия* хорошего революционного содержания, например вечера революционных поэтов с декламацией и лекциями, вечера политической сатиры, вечера песни, политические игры с вопросами и ответами, вечера с показом диапозитивов и т. д., а также организовывать посещения театров и музеев».

«Если в распоряжении ячейки или группы есть ресторан или кафе с постоянным составом посетителей, то ей нужно украсить его плакатами, картинами и фотографиями о собственной жизни и работе. При любой возможности надо создавать *Ленинский уголок* и *стенную газету*, которая будет освещать рабочие вопросы данной группы».

«Внутри крупных ячеек или местных организаций при определенных предпосылках можно прийти к образованию добровольных групп и кружков, в которых сообразно своим склонностям и талантам собираются для занятий их члены. Наряду с группами «Синеблузников» или «Красной ярмарки», хорами декламаторов и группа-

ми агитпропа можно готовить музыкальные и певческие группы, мастерские по изготовлению всякого рода агитационных материалов и т. д. Такие кружки требуют *особенно осмотрительного и подготовленного руководства*, умеющего распределить кружки в зависимости от общей работы групп, не подавляя инициативы и не заботясь о том, чтобы они не нарушали работы группы или не отделились от нее» (№ 22, с. 35. Решение).

Схожие директивы для *«клубной работы»* мы находим и в других коммунистических источниках. Например:

«Для психологического воздействия на посетителей мероприятий важно *украшение помещений или площадей*, где проводятся мероприятия, знаменами и транспарантами с лозунгами солидарности или актуальными политическими и социально-политическими лозунгами. Кроме того, в середину программы надо непременно включать паузу (10 — 15 минут) для проведения вербовки, предназначенной только для приема в клуб новых членов, и продажи литературы. Руководитель вербовки должен энергично и беспощадно освобождаться от всех других дел и заниматься в продолжение мероприятия или в конце его только вербовкой, продажей литературы и *сбором средств* (тарелка или банка), иначе мероприятие частично не оправдывает цели» (№ 25, с. 188. Резолюция).

«Члены клуба сбегут, если увидят, что на собраниях все идет вверх дном, если не готова повестка дня, если на собраниях функционеры спорят друг с другом. Они сбегут, если увидят, что все собрание заполнено одними организационными вопросами, зачитыванием длинных планов работы или распределением механической работы. Тут должен быть высший принцип: каждый член клуба уходит домой с собрания, *убежденный, что он политически чему-то научился*. Его надо убеждать, он должен быть убежден в том, что и для него есть срочное задание, требующее решения. Каждый из членов клуба должен после собрания иметь внутреннее убеждение, возникшее как раз благодаря политическому просвещению, *что поставленные задачи совершенно необходимы и что ему следует внести свою лепту в решение этих задач*. Так что местное руководство групп должно тщательно готовить каждое членское собрание».

«Должно стать принципом: ни одного членского собрания производственных или местных групп без докладчика, и одновременно — позаботиться о необходимой замене докладчика».

«Другой принцип: ни один докладчик не говорит дольше получаса или 3/4 часа. Большая часть вечера должна быть отдана дискуссии» (№ 25, с. 184 — 185. Резолюция).

Главный принцип агитпропработы состоит, таким образом, в том, чтобы *как можно больше приблизиться к массам и их вкусам, чтобы их по-настоящему охватить*; как только это произойдет, как только массы почувствуют, что их инициативу не подавляют, что, напротив, принимают их вкусам и интересам, — коммунистическое руководство будет подмешивать в эти пропагандистские и дискуссионные вечера *марксистское содержание* и продолжит это до тех пор, пока наполовину одуревшая, наполовину «убежденная» масса действительно не пойдет за ним. Тогда она уже наверняка оседлана коммунистами.

Коммунисты уже много лет назад поняли, что эта пропаганда будет иметь гораздо больший успех, если она будет вестись не непосредственно коммунистической, а *более широкой и наполовину замаскированной организацией*. Потому они стараются создавать такие организации во всех областях и со всеми мыслимыми целями. Эти так называемые «побочные», или «вспомогательные», организации создаются по принципу «отдельных требований» либо «единого фронта снизу». «Отдельным требованием» становится часть коммунистической программы; это отдельное требование образует общий уровень, на котором объединяются коммунисты и некоммунисты, причем последние присоединяются в неорганизованном состоянии, и потому, будучи неприкрепленным и пассивным человеческим материалом, *организационно подчиняются*, а первые, являющиеся организованными и заговорщиками, повсюду *становятся формирующим и ведущим элементом*.

Когда «отдельным требованием» выхвачено безбожие, то создается Союз свободомыслящих. Когда лозунгом берутся так важные для коммунистов буржуазные свободы, то используется Лига за права человека. Захотят по-

мочь «страдающим» и «преследуемым» пролетарским борцам, то организуется так называемая Международная Красная помощь (МКП). Ставится задача поспешить на помощь рабочему движению, и в особенности бастующим рабочим, — то расширяется так называемая Международная рабочая помощь (МРП). Захотелось использовать спортивные состязания в революционных целях, и создаются Красные рабочие спортивные организации. Понадобилось охватить инвалидов и жертв войны, и появляется Международный союз жертв войны. Выхвачен в плане отдельного требования антиимпериализм, — и вот готова Лига борьбы с империализмом и колониальным угнетением. Захотели коммунисты защитить Советский Союз, и они образуют «Общество друзей Советского Союза» или комитет «Руки прочь от Советской России»...^{*} и т. д. и т. п., вплоть до коммунистического «Интернационала коллекционеров почтовых марок».

Решения VI Международного конгресса Коммунистического Интернационала «обязывают» коммунистов «оказывать этим организациям *всемерную поддержку*, помогать им в распространении их прессы, поддерживать местные группы и т. д. (№ 12, с. 33. Резолюция). При организации массовых кампаний коммунисты, работающие в этих массовых организациях, должны заботиться о том, чтобы эти организации «образовали рабочий комитет по координированию этих кампаний» (№ 12, с. 260. Резолюция).

Задачи этих «побочных» и «вспомогательных организаций», которые коммунисты порою называют «массовыми организациями», хотя их «массовость» нередко остается под вопросом, состоит в том, чтобы создать вокруг

^{*} Все эти организации, за исключением Лиги по правам человека, открыто называются в протоколах заседаний Коминтерна и соответствующих решениях коммунистическими вспомогательными организациями. Например: «Необходимо усиление и улучшение работы коммунистов в таких организациях, как «Комитеты единства», «Лига борьбы с империализмом», «Общества друзей Советского Союза», «Международная Красная помощь», «Международная рабочая помощь» и т. д.» (№ 12, с. 33. Резолюция).

коммунистической партии во всякой стране благоприятную атмосферу и готовность к оказанию ей помощи, обеспечить вербовку, предварительное обучение и, прежде всего, организационную поддержку в жестокие времена конфликтов, преследования и возможного запрета коммунистической партии. После событий, произошедших в дореволюционной России, большевики прекрасно знают, что запрещенная и нелегальная партия может продолжать свою работу лишь в том случае, если она получает помощь от нейтральных, легальных и в особенности пользующихся достаточным политическим и коммунистическим иммунитетом и в силу этого стоящих за рамками преследования кругов.

«Чего мы ждем от агитации масс, от побочных и массовых организаций? Какие цели мы ими преследуем?»

«1. Мы хотим заинтересовать те миллионы апатичных и равнодушных рабочих, которые нигде не принимают участия в политических событиях... у которых просто нет еще слуха, чтобы внять пропаганде коммунистической партии; мы хотим по новым каналам и на новых путях встряхнуть их и постараться возбудить их интерес».

«2. Наши побочные организации должны образовать мосты для беспартийных рабочих, для рабочих-социал-демократов и для рабочих буржуазных партий»... «для тех, у которых еще не хватает мужества сделать последний шаг в коммунистическую партию, но которые готовы сочувствовать коммунистическому движению и пройти вместе с ним один шаг пути».

«3. Мы хотим достичь массовыми организациями расширения самой по себе коммунистической сферы влияния».

«4. Мы преследуем цель организационного соединения слоев, симпатизирующих Советскому Союзу и коммунистам».

«5. Нам нужно расширить наши организации для создания обороны против атак буржуазных и социал-демократических партий».

«6. Побочные и вспомогательные организации должны стать источником пополнения рядов нашей партии толпами новых членов и организационно подготовленных

функционеров коммунистической партии» (№ 9, с. 102 — 103. Докладчик Мюнценберг).

Бросается в глаза, что в коммунистических протоколах и решениях говорят и пишут обо всех этих побочных организациях *не соразмерно. О некоторых* совсем ничего не находишь, *о других* находишь мало, *о третьих* гораздо больше или даже очень много. Для подобного замалчивания должны существовать достаточные организационные причины: или значение данной организации невелико и она еще не расширилась; или дипломатически и стратегически *нецелесообразно много говорить о ее работе*, как, например, об обществах друзей Советского Союза. Крайне редко встречаются ссылки на них; но и эти упоминания появляются исключительно в русских стенографических протоколах, а при переводе на другие языки они опускаются. Так, например, в речи немецкого коммуниста Мюнценберга, которую он держал на пятом заседании VI конгресса Коминтерна, мы находим следующее, в немецком языке опущенное место: «Важными организациями являются образованные недавно по собственной инициативе Союзы друзей Советского Союза. Я вспоминаю, как в этом зале» (в Москве) «в ноябре 1927 г. заседал съезд друзей Советского Союза. Ныне Союз друзей Советского Союза во Франции объединяет более 20 000 человек, аналогичный Союз существует и в Англии и т. д.; эти Союзы призваны оказывать важную поддержку в антивоенной борьбе».

«Важную задачу предстоит решить и *организациям культуры и кино*. На выставках были представлены статистические данные, показывающие, что только один фильм «Броненосец Потемкин» — и только в одной Германии — посмотрели 5 миллионов рабочих. Эти цифры показывают, насколько огромным, еще не использованным нами в достаточной мере средством является кино» (№ 9, т. 1, с. 105. Докладчик Мюнценберг).

Так, например, мы находим кое-что об «Антиимпериалистической лиге», что годится для освещения ее сути и задач. Вот этот луч света:

«Думаю, что та *поддержка*, которую мы оказываем такой организации, как Антиимпериалистическая лига, недостаточна... Опыт... свидетельствует о том, насколько

велики потенциальные силы и возможности этих организаций и как мало делается нами, чтобы действительно помочь развитию эти сил. Говорят, что конгресс Лиги был большим парадом и крупной политической демонстрацией. Но ведь это не случайно. Этот парад потому стал крупной политической демонстрацией, что была объективная потребность в таком параде и *революционные силы действительно нуждались в объединении. И с точки зрения нашей общей стратегии* нам надо сказать, что наша готовность к моменту катастрофических потрясений будет тем выше, чем больше узловых пунктов *станет образовываться на линии наших или сочувствующих нам сил* — будь то в Европе, Азии, Африке или в какой-то другой стране, — и что мы *объединим в лагере революции по-настоящему живые организации в каком бы ни было количестве*» (№ 10, с. 62 — 63. Докладчик Бухарин).

Луч света появляется неожиданно и быстро гаснет. И вокруг этой Лиги опять темнота. Мы можем лишь отметить, что речь Бухарина была произнесена 19 июля 1928 г. на третьем заседании VI всемирного конгресса III Интернационала и что 20 июля 1929 г. во Франкфурте-на-Майне на самом деле собрался «Всемирный антиимпериалистический конгресс», в «почетном президиуме» которого числились госпожа Сунь-Ятсен, Максим Горький, Анри Барбюс, Альберт Эйнштейн и Эптон Синклер. Более точные директивы Коминтерна для сотрудников этой Лиги, насколько нам известно, опубликованы не были.

Тем недвусмысленней звучат директивы для красных спортивных организаций.

«Задачи в спортивных организациях.

1. Цели, которые мы ставим перед молодыми спортсменами в их деятельности, следующие: заинтересовать все рабочие организации в программе и содействии революционному спортивному движению (*Красный спортивный Интернационал*), вовлекать рабочие спортивные объединения и спортивные союзы во все битвы рабочего класса и особенно в экономическую борьбу (стачечные посты, курьерская служба, служба обороны и др.), в борьбу против угрозы империалистических войн».

Эта цель достигается через:

а) Активнейшее участие коммунистической молодежи в ежедневной практической и спортивной работе, имеющей такое же значение для *приобретения доверия молодых рабочих из рабочих спортивных объединений*, как и практическая работа в профсоюзах для привлечения членов профсоюза. Одними кампаниями (принятие резолюций и время от времени высказывания по отдельным вопросам спортивной работы) не привлечь на свою сторону спортивные организации.

б) Интенсивное *преодоление*, используя конкретные примеры и опыт, *склонности* рабочих спортивных организаций к *политическому нейтралитету* и так называемому «только спортивному движению». Членам и функционерам необходимо проводить во всех спортивных организациях систематическую воспитательную работу с *позиций классовой борьбы*.

в) Завоевание максимальной пролетарской демократии, выборность руководства, определяющее право членства при решении всех важных вопросов и возможно более широкая самостоятельность отдельных объединений, филиалов и отделов.

г) Активное сотрудничество в рабочей печати и спортивных приложениях рабочих газет.

д) Активная деятельность всех коммунистических молодежных союзов по вербовке рабочей и крестьянской молодежи с целью их вступления в рабочие спорторганизации» (№ 22, с. 191 — 192. Решение).

Еще ярче и интереснее следующее признание председателя III Интернационала:

«Организации Спортивного Интернационала начинают играть у нас довольно большую роль, так как в Германии и Чехословакии эти спорторганизации представляют собой *будущие ячейки Красной армии*» (№ 30, с. 678. Докладчик Зиновьев). В соответствии с программой Коминтерна после успешной социальной революции каждая страна должна будет образовать свою «Красную армию»*. Красные спортивные организации есть не что иное, как готовые ячейки этой армии.

* См. об этом в гл. 14 и гл. 16.

В коммунистических протоколах и решениях подробно обсуждаются также задачи Международной красной помощи и Международной рабочей помощи.

Что касается Международной красной помощи (сокращенно МКП), то нам надо установить следующее.

Она «представляет самостоятельную и стоящую вне партий вспомогательную организацию» (№ 12, с. 205. Резолюция). В чем состоит эта «самостоятельность», сказать нелегко*; в любом случае ее задачи предписываются ей Коминтерном; вне всякого сомнения то, что часть своих средств она получает за счет взносов собственных членов и пожертвований революционно («красно») настроенных буржуазных слоев. Более точных сведений о ее финансовом положении, как и о других подобных «вспомогательных организациях», получить нельзя. Но это, во всяком случае, «красная» и «классовая» организация.

«Международная красная помощь как надпартийная организация охватывает... большей частью слои, которые вообще просто так не могут быть охвачены коммунистическими партиями как партиями политическими» (№ 14, с. 107. Докладчик Будих). Это следует понимать так, что некоторые личности из слоев мелкой, а возможно, и крупной, буржуазии из сентиментальности, трусости или «подстраховки» тайно поддерживают Международную красную помощь. Эта «вербовка» «членов без различия их партийной принадлежности» (№ 12, с. 205. Резолюция) как раз и затрагивает таких «аполитичных» политиков. Тем не менее это не «массовая организация»: «Ни МКП, ни МРП, — которые, несмотря на то что они не коммунистические организации, все же находятся под нашим влиянием, — ни другие организации не являются массовыми» (№ 21, с. 194. Докладчик Мюнценберг).

Во всяком случае «работа МКП поддерживается коммунистами в первую очередь» (№ 62, с. 133. Решение).

Главные задачи МКП:

1. Она «оказывает поддержку всем жертвам революционной борьбы» (№ 12, с. 205. Резолюция).

* Иногда говорят: МКП — «сочувствующая массовая организация» (№ 62, с. 133).

2. Она «один из важнейших инструментов *по осуществлению тактики единого фронта*» (№ 12, с. 205).

3. «Так как одной из важнейших задач Международной красной помощи сегодня является *борьба с фашизмом*^{*}, то необходимо поддерживать МКП и МРП в этой их деятельности» (№ 12, с. 205. Резолюция). Перед МКП стоит задача «показывать рабочим массам внутреннюю связь фашизма с белым террором и опасностью войны. По мере того, как империалистическая буржуазия готовит войну, растет и угнетение в отдельных странах...» (№ 14, с. 105. Докладчик Будих).

4. «Задача Международной красной помощи в борьбе против войны и военной опасности состоит прежде всего в том, чтобы мобилизовать широкие массы, охваченные ею организационно (?!), и чтобы 1 августа» (1929 года — «международный день против империалистической войны») «прозвучал голос и этих масс» (№ 14, с. 105. Докладчик Будих). «Поэтому Красная помощь призвана оказывать поддержку всем *противникам войны*, неважно, в штатском они или в *военных мундирах*» (№ 14, с. 106). Красная помощь предоставила для этой кампании (1 августа 1929 г.) «очень интересный материал. Это разработка о *вооружениях* различных империалистических государств и список *приговоров* противникам войны в отдельных странах» (№ 14, с. 106).

«Поэтому коммунистические партии больше других партий заинтересованы в деятельности МКП и должны оказывать ей *постоянную поддержку* в работе как участием во всех кампаниях МКП, и особенно в кампании за *амнистию и право на убежище*, так и предоставлением МКП специального места в своих газетах» (№ 12, с. 205. Резолюция).

Соответственно «коммунистические партии империалистических стран»... должны «поддерживать секции Международной красной помощи в ее создании и организации; а занятые в секциях МКП коммунисты долж-

^{*} В Соединенных Штатах — «борьба с Ку-Клукс-Кланом» (№ 12, с. 205. Резолюция).

ны стараться привлечь в МКП широчайшие массы города и деревни» (№ 12, с. 205 — 206. Резолюция).

«МКП имеет в разных странах примерно 35 собственных газет. Но мы стараемся также использовать еще газеты и журналы всех организаций, близких МКП, например коммунистическую печать, газеты профсоюзных организаций, присоединенных к нам в качестве коллективных членов, товарищества и т. д.» (№ 14, с. 106. Будих).

Большой интерес представляют и дополнительные материалы о сотрудничестве *молодежи и детей* с МКП, которые мы находим в решениях V конгресса молодежи (1928 г.).

V Всемирный конгресс коммунистических союзов молодежи принимает решения:

«1. Каждый член Коммунистического союза молодежи должен состоять в организации Международной красной помощи.

2. Связь между Красной помощью и Конгрессом молодежных организаций должна укрепляться *активной поддержкой* работы Красной помощи и посылкой представителей КМО в органы Красной помощи.

3. Там, где нет организаций и ячеек Красной помощи, организации и ячейки КМО должны проявить *инициативу для создания организаций Красной помощи*.

4. Все организации и печать Коммунистического Интернационала молодежи должны активно участвовать в политических кампаниях и *кампаниях по сбору средств* для Международной Красной помощи. Деятельность Красной помощи должна систематически освещаться в органах печати Коммунистического Интернационала молодежи.

5. Коммунистические союзы молодежи должны *систематически информировать компетентные инстанции Красной помощи о случаях террора и классового характера судопроизводства*.

6. Юным пионерам и коммунистическим детским союзам необходимо сообщать о деятельности МКП и побуждать их к *активной поддержке* МКП путем вступления в ее организации.

7. Особое внимание в коммунистических союзах молодежи *следует уделить организации шефства над тюрьмами, в которых содержится молодежь, и далее над детски-*

ми домами для детей политических заключенных и жертв революционной борьбы.

8. КСМ должны активно участвовать в борьбе за *право на убежище и право на труд* (Германия, Швейцария и т. д.) для политических эмигрантов.

9. Во время международных дней молодежи КСМ должны в своей агитации уделять особое внимание вопросам *белого террора* и агитировать за вступление в МКП» (№ 22, с. 202 — 203. Резолюция).

Чтобы получить полную картину деятельности Красной помощи, нужно еще учесть, что так называемые «жертвы революционной борьбы» в девяноста девяти случаях из ста — *активные коммунисты, слишком часто стремящиеся осуществить свои нелегальные цели незаконными путями и преступными средствами*^{*}. Тем самым каждый член Красной помощи обязуется, активно или пассивно, идти этими незаконными путями и готовить для этого необходимые средства, но самих преступников защищать и заговорщически покрывать...

Конечно же, все это относится и к *Международной рабочей помощи*. О ее задачах и деятельности коммунистические источники высказываются столь обстоятельно, что мы можем просто предоставить слово им самим.

«Международная рабочая помощь — боевая пролетарская вспомогательная организация, которая строит свою работу и деятельность, исходя из сознания того, что самым важным является ликвидация капиталистического хозяйства».

«С этим убеждением МРП обязуется в будущем вести еще более широкую и успешную работу, направленную на помощь и поддержку массовых забастовок и массовой экономической борьбы».

«МРП должна прежде всего готовиться к тому, чтобы ее деятельность в специфической для нее области работы и борьбы — в сфере помощи и поддержки при массовых забастовках и массовой экономической борьбе — в будущем стала еще более широкой и успешной».

«Первая и настоятельная задача, которая стоит сегодня в каждой стране перед организацией МРП, — это

^{*} См. гл. 13.

проведение всех политических и организационных мероприятий для превращения МРП в *дейтельную и активную массовую организацию* для поддержки массовых забастовок и экономической борьбы масс».

«Международная рабочая помощь — это международная *самодетельная* помощь всех трудящихся женщин и мужчин в *революционной борьбе с империализмом и капитализмом во всех странах*».

«МРП есть *надпартийная массовая организация*. В ее рядах социал-демократические и беспартийные рабочие *вместе с рабочими-коммунистами* трудятся на фронте международной солидарности. Рядом с рабочим-производителем на фронте солидарности стоит *интеллигент*».

«Международная рабочая помощь совместно с революционными профсоюзами и комитетами безработных должна усилить свою деятельность среди безработных, организовать особые агитационные походы *безработных* и подвести миллионы безработных к фронту политической борьбы» (№ 25, с. 167 — 170. Решение)*.

Так что задачи у МРП такие:

1. Подготовка экономической борьбы и забастовок.
2. Объединение рабочих с производства «со всеми безработными и членами их семей».
3. «Борьба против социальной реакции во всех ветвях системы социального обеспечения».
4. Работа по активизации в рядах служащих и чиновников» (№ 25, с. 174 — 175. Решение). Естественно, все это под руководством и в соответствии с директивами III Интернационала.

«МРП была основана в 1923 году. К 1 мая 1929 года она насчитывала 40 секций и братских организаций. В одной только Германии насчитывалось 186 000 индивидуальных и 572 000 коллективных членов. За один только 1928 год было проведено 13 международных и 89 национальных кампаний. В течение последних четырех лет» (1925 — 1929 гг.) «МРП оказала помощь жертвам

* В другом источнике значится: МРП является «независимой беспартийной организацией» (№ 62, с. 133).

белого террора на общую сумму в 28 000 000 марок» (№ 68. Статья Шмераля).

Работа этой организации регулируется хорошо продуманными директивами.

«Ядром организации МРП являются *группы жилых районов*. Расширение группы жилого района с целью охвата всех слоев жилого района немаловажно, но в центре внимания такой группы — а в небольших местах местной группы — находится работа на соседних более или менее крупных предприятиях. Если на предприятии нет хотя бы нескольких членов МРП, то первым шагом должен быть *поиск сочувствующего*. Самое главное здесь — личные связи. Функционер, получивший задание установить эти связи, должен принимать участие в собраниях на производстве, он должен установить связь с другими пролетарскими организациями (RGO⁶), чтобы заполучить с этого предприятия хотя бы одного человека. Многие местные группы идут самым легким путем и просто пишут этому представителю предприятия. Необходимо *лично посетить* его и не принуждать, а убедить человека взяться на своем предприятии за работу в интересах МРП, а тем самым и в интересах всего пролетарского движения. Он будет доставлять на предприятие литературу, побуждать к посещению мероприятий МРП. На предприятии должны узнать о задачах и работе МРП. Если на предприятии есть группа, то через тесные связи местной группы, через политическую организационную работу и самое широкое использование литературы МРП *влияние должно быть быстро расширено*. Наряду с этим МРП должна идти новыми путями. МРП должна охватить также *семью рабочего с предприятия — его жену и детей*. Женщин — в кружках кройки и шитья или на дискуссионных вечерах в женских отделах; детей — в детских садах или школах во время детского полдника. Там, где в группах есть пункты информации, надо привлечь к ним внимание рабочих с предприятий. Благодаря своей обширной работе МРП должна настолько прочно закрепиться на всех больших предприятиях, чтобы в акциях солидарности эти предприятия сделались неприступными твердынями пролетарской солидарности».

«Второй задачей каждой местной группы является работа на близлежащей бирже труда. Связь с биржей труда — это связь с 5 — 7 миллионами безработных, а вместе с их семьями — более чем с 15 миллионами человек. Безработные товарищи из МРП должны быть сплочены организационным руководством для того, чтобы их *инструктировать* и поручать им *специальные задания* на биржах труда. Эти товарищи из МРП будут постоянно вербовать сторонников среди безработных. Необходимо решительно покончить с так называемыми акциями на предприятиях, которые устраиваются спонтанно и ненадолго. МРП должна приглашать людей на все мероприятия, проводимые у бирж труда. Она обязана создать условия в особенности для членов семей, чтобы они могли спокойно посещать эти мероприятия. Она должна в послеобеденное время особо приглашать на биржи труда детей, группы пионеров и детей безработных. Безработным это не будет ничего стоить, а если и будет, то самого минимального взноса».

Когда производится вербовка?

«Вербовка производится всегда».

«Лучшая вербовка в МРП есть борьба за интересы рабочих заводов и фабрик, за интересы безработных и жертв ущемляющей социальной политики, лучшей вербовкой в МРП остается акция солидарности с борющимися рабочими, с борьбой против обнищания народных масс. Ни одного собрания, никакой агитации в домах, во дворе и в стране, никакой продажи литературы и газет, ни единого политического или увеселительного мероприятия МРП без материалов для вербовки» (№ 25, с. 183 — 184. Решение).

«Вербовать надо лично, лично завязывать связи, убеждать, тогда в организации появятся новые твердые члены» (№ 25, с. 184. Решение).

«МРП не союз, собирающийся раз в месяц в собственных целях, она — *активная часть ведущего борьбу пролетарского массового движения*. МРП должна постоянно вести живую работу. Для занятий своим ежедневным трудом местной группе требуется *политический руководитель*».

Он должен быть самым способным из товарищей, должен быть в курсе всей проводимой работы, должен быть наилучшим образом информирован о политической ситуации и задачах и должен заботиться о том, чтобы при всей многообразной политической работе МРП никогда не теряла из виду великую цель социализма».

«*Руководитель организации.* Товарищ, который умеет в перспективном плане обобщить в рамках местной группы всю работу, который следит за осуществлением этого плана, работой отдельных функционеров и всех членов, который постоянно следит за ростом рядов организации, вербовкой, миграцией, участием женщин и молодежи».

«*Кассир,* который в зависимости от величины местной группы создает себе аппарат сотрудников, контролирует не только выдачу марок, списки денежных сборов, раздачу значков и медалей и регулярную приемку денег в кассу и денежную отчетность, но должен вместе со своими сотрудниками играть важную политическую роль в укреплении группы и информировании всех ее членов, в контроле за причинами выхода из группы и в привлечении пассивных членов к выполнению мелких поручений».

«*Функционер, отвечающий за обучение и вербовку,* который, с одной стороны, заботится о настоящем социалистическом обучении всех членов местных групп и функционеров, обеспечивает необходимых для этого референтов и должен быть осведомлен об учебной литературе, с другой — заботится о том, чтобы все кампании и мероприятия, а также агитация масс всегда соответствовали нуждам поставленных политических задач, и связан с постоянной и систематической работой по вербовке».

Ответственный за литературу, в чью задачу не входит самому распространять всю литературу, но кто должен воспитать из каждого члена группы продавца литературы и кто в каждом жилом квартале и на каждом предприятии создает уполномоченных по массовому сбыту литературы МРП».

«*Ответственный за предприятия,* который совместно с руководителем организации устанавливает связи со всеми важными предприятиями, создает там сеть уполномоченных МРП с целью образования на всех важных

предприятиях группы RGO для подготовки борьбы и проведения акций солидарности и борьбы в других промышленных группах».

«Кроме этих главных функционеров активной местной группе МРП сразу же понадобится еще ряд функционеров, которые будут полностью загружены практической работой: руководительница женщин, руководитель молодежи, руководитель пионеров, руководитель по всей стране, руководитель по работе со средним классом в городе и, наконец, товарищ, занимающийся в МРП вопросами служащих и чиновников» (№ 25, с. 181 — 182. Решение).

Эта картина коммунистической агитационной и организационной работы настолько жива и полна, что из нее получаешь исчерпывающее представление о всей работе партии и ее вспомогательных организаций. В следующих двух главах эта работа описывается еще подробнее.

Глава девятая

ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

События, происшедшие в мире за последние 15 лет, дают много прямых и косвенных доказательств того, что коммунисты III Интернационала в определенном смысле хорошо понимают массовую психологию и располагают искусством подлаживаться под эту психологию. Это утверждение, однако, не следует понимать так, что коммунистам известны и подвластны лучшие, благородные и потому предназначенные для творческого созидания побуждения народной души. Как раз напротив. Вся их работа направлена на то, чтобы *игнорировать* именно эти благороднейшие побуждения, на которые возлагает надежды каждое политически преданное интересам своего государства и Отечества правительство, чтобы *разлагать, осмеивать и дискредитировать их*. Коммунисты понимают психологию на свой манер. Они видят в человеке и народе только *корыстные и жестокие побуждения классового инстинкта* и стараются *возбудить и разнуздать* эти побуждения. До тех пор, пока народ остается духовно и

социально здоровым, коммунистическая пропаганда и агитация найдет лишь небольшой отклик или не найдет вовсе никакого. Но в усталом, обедневшем или подверженном духовному разложению народе, в народе, пребывающем в социальном или хозяйственном кризисе или непосредственно на грани психического срыва, почва для этой пропаганды возделана. Поэтому для нынешнего мира нет ничего опаснее, чем подобные потрясающие и разлагающие события, какими являются обострившийся *мировой кризис и новая мировая война*. Тогда коммунист пожинает то, что посеяла на всех ветрах всеобщая нужда.

В своей пропагандистской работе коммунисты столкнулись также с тремя различными силами, оказывающими совершенно различное влияние на политическую борьбу: с *женщинами* — инстинктивно самой консервативной частью населения; *детьми* — самой незрелой и наивной его частью; и, при всей ее необразованности, самой восторженной и импульсивной частью — *молодежью*.

При этом они хорошо понимали, что женщина как хранительница семейного очага представляет собою опору правопорядка и частной собственности. Разложить и завоевать женщину в коммунистическом духе — это примерно то же, что устранить и уничтожить самое главное антикоммунистическое препятствие в народной жизни; разнуздание женщины на большевистский лад означает преддверие коммунистической революции. А дети и молодежь — это «новое поколение»; в лоне их души дремлет будущее; привить им большевистско-коммунистический менталитет означает то же, что завоевать будущее всех культурных народов.

Что касается работы с женщинами, то стоит отметить, что эта работа *дается коммунистам вовсе не легко*. Почему — нетрудно объяснить: для революционной и коммунистической работы годятся лишь женщины с нарушенным или вовсе разрушенным половым инстинктом. Своеобразная помесь *доктринерства и беспощадности, закоснелой жестокости и моральной толстокожести*, отличающая коммунистов, плохо подходит здоровой женской душе; так же, как и коммунистическая *манья разрушения*, и особенно их *склонность к ликвидации*

семьи. Потому коммунистам в их пропаганде среди женщин надо искать иных возможностей.

Вот то, что на данный момент изобретено ими для этого: *проблема заработной платы, тщеславие политизированных женщин, грошова психология домохозяйки и молчаливый ужас женщины перед угрозой войны*. Они главным образом рассчитывают на две первые возможности: стараются привлечь *работницу* на свою сторону, втягивая ее в *забастовочное движение* и *организационную политическую работу*. Здесь на самом деле представляются важными слова Ленина, которые являются результатом истинной коммунистической государственной мудрости и которые так много и так часто цитируют коммунисты во всех странах: «Каждая кухарка должна научиться управлять государством». В любом случае коммунистический лозунг в этой области можно выразить так: «Через экономическую борьбу ты насильственно вовлекаешь женщину в борьбу политическую; через повышение заработной платы и тщеславие ты привлекаешь ее в коммунизм; без коммунистического женского движения нет победы; вперед к работнице!»...

Итак, снова на предприятие...

«В предстоящей работе с женщинами надо не только уметь *переключить ее на женщин*, но еще суметь придать этой работе *наше коммунистическое содержание*. Это должно произойти так, чтобы коммунистические задачи сделались понятными этим слоям. Надо пользоваться популярным и понятным языком и не бояться простых формулировок...»

«Товарищи, надо энергично взять курс на работниц и с этой целью необходимо любой ценой начинать с *организации собраний делегатов*. Это как раз и есть та форма, с помощью которой мы сможем охватить широчайшие круги трудящихся женщин. На собраниях делегатов мы соберем представительниц со всех предприятий, а после собраний делегатки опять разъедутся по предприятиям. Благодаря этим собраниям делегатов мы протянем свои щупальца на все предприятия» (№ 14, с. 354. Докладчик Моирова из женского отдела Исполкома III Интернационала).

«Важнейшими задачами женского движения являются следующие: усиление работы на предприятиях и в проф-

союзах, усиление работы ячеек на предприятиях, расширение системы делегатов и т. д. Выполнив эти задачи, мы успешно охватим *работниц на предприятиях и домохозяек* и подведем их к *классовой борьбе коммунистической партии*. Коммунистическая партия должна понять: *без армии пролетарских революционных женщин не будет победы мировой революции»* (№ 10, с. 336. Нишвиц; ср. № 9, т. 1, с. 368).

Охват женщин на предприятиях должен стать особой заботой Красного Интернационала профсоюзов (соответственно — красной оппозиции профсоюзов).

Ввиду нарастания экономической борьбы сторонники Красного Интернационала профсоюзов должны поставить перед собой задачу привлечения всех работниц к активной борьбе за общие интересы рабочего класса. Для этого необходимо:

«1. Для выработки требований работниц, для определения форм и методов борьбы необходимо постоянное привлечение *выборных делегатов из работниц*.

2. Необходимо выбирать работниц во все подготовительные комитеты и органы борьбы.

3. Привлекать работниц к активному сотрудничеству в *стачечных комитетах* и органах поддержки бастующих.

4. На предприятиях и в отраслях производства, где большинство составляют женщины, стачечные комитеты также должны в большинстве состоять из женщин.

5. До и во время забастовки надо обратить особое внимание на *организацию жен рабочих*, которых вместе с рабочими и работницами надо привлекать к активному участию в борьбе» (№ 19, с. 556. Решение).

«Работницы должны присоединяться к революционной оппозиции профсоюзов на предприятии и к профсоюзам, помогать в реализации решений имперского конгресса революционной оппозиции профсоюзов и бороться под руководством оппозиции».

Поэтому для работниц действуют следующие лозунги:

«*Не подчиняться договоренностям профсоюзных бюрократов с предпринимателями*».

«*Не подчиняться приговорам миротворческих инстанций и диктату социал-демократических министров*».

«*Не подчиняться тарифным договорам, заключенным социал-демократическими вождями вопреки воле борющихся рабочих*».

«Борьба за повышение заработной платы вопреки существующим тарифным договорам» (№ 24, с. 15 — 16. Решение).

Международная рабочая помощь также должна следовать твердым директивам в этой области.

Задачей женских отделов МРП является:

«Лучше, напористей и по каждому подходящему случаю компетентно обращаться к массам женщин через посредство «Женского труда», связывая все с определенными событиями на предприятии и в общественной жизни, и вести их от помыслов о нуждах семьи, о своих детях, о своем горьком существовании к осознанию необходимости международной пролетарской солидарности в борьбе. Опыт сто раз доказал нам, что женщины могут быть самыми лучшими и выносливыми борцами и активными функционерами в забастовках, классовой борьбе и на фронте солидарности».

«Женщины, кроме того, должны знать, что нынешние забастовки проводятся совсем иначе. Реформистские вожди профсоюзов жесточайшими методами душат экономическую борьбу. Расширение красной оппозиции профсоюзов является самой срочной задачей в целях ведения борьбы за повышение заработной платы и тарифов. Применяемое полицией насилие, террор предпринимателей по отношению к бастующим приняли самые жесткие формы».

«Акции солидарности чаще всего проводятся в тяжелых обстоятельствах. Однако меры, применяемые полицией, распространяют ожесточение среди тех, кто не участвовал, и среди женщин» (№ 25, с. 198 — 199. Решение).

Особое значение придается собраниям делегатов.

«На предприятиях должны проходить постоянные собрания работниц-делегатов, на которых делегированные отделами предприятия работницы обсуждают задачи борьбы на своем предприятии, получают информацию о политической ситуации и обучаются политически, чтобы стать руководителями и примером для работниц на предприятии».

«Собрания работниц-делегаток служат также для установления связей с другими предприятиями с целью выработки общего отношения к задачам борьбы».

«Помимо собраний делегаток по важным поводам (экономическая борьба, политические акции) надо проводить *конференции трудящихся женщин* в рамках отраслей экономики, на которые наряду с делегатками предприятий надо делегировать женщин-ветеранов из безработных, сельскохозяйственных работниц, пролетарских домохозяек и представительниц других слоев трудящихся женщин. Они служат усиленной мобилизации трудящихся женщин на массовую борьбу пролетариата».

«На общие конференции рабочих предприятий и безработных надо, конечно, делегировать женщин».

«Женщинам надо бороться в первых рядах, регулярно посещать собрания и *выступать* на них со своими *требованиями*».

Нести вахту во время забастовок, маршировать во главе демонстраций, мужественно отражать атаки фашистов и социал-фашистов и оказывать деятельную поддержку акциям солидарности МРП. В борьбе, которую ведут другие предприятия или определенные промышленные группы, работницы также проявляют солидарность, собирая средства для борцов, предотвращая любую возможность срыва забастовки, вливаясь в ряды пролетарской самообороны и отказываясь от выполнения поручений, направленных на срыв забастовки» (№ 24, с. 16 — 17. Решение).

«В акциях солидарности МРП есть целый ряд функций, которыми особенно интересуются женщины и для которых они особенно хорошо предназначены. 1. *Сбор продовольствия*. Так как в большинстве случаев продукты для семьи покупают именно женщины, они знают, к каким торговцам можно успешно обратиться со своим списком для пожертвований. Женщины МРП часто показывали при сборе продовольствия наилучшие результаты. 2. Женщины устанавливают прямую *связь* с женами бастующих. Готовя пищу и распределяя еду, они не забывают о политической пропаганде среди женщин. 3. Женщин привлекают на собрания коллектива и в комитеты борьбы. Само собой разумеется, что женщины

широко представлены в комитетах солидарности МРП» и т. д. (№ 25, с. 199. Решение).

Речь, однако, идет не только о работницах, но и о не работающих на предприятии женах рабочих, о *домохозяйках*.

«Жен рабочих, и особенно жен борцов, надо шире привлекать для участия во всех видах борьбы. Их надо привлекать на собрания коллектива и забастовщиков, избирать в комитеты борьбы и втягивать во все боевые действия. Без самого активного участия домохозяек в борьбе нет уверенной победы!» (№ 24, с. 17. Решение).

Тут возникает проблема войны и использования страха женщин перед войной.

«Помимо домохозяек перед нашей пропагандой открывается еще прекрасное поле деятельности среди занятых на предприятии женщин с низкой заработной платой... Нам надо суметь связать борьбу за улучшение условий жизни этих работниц с *борьбой против войны*, так как именно эти женщины будут *специальным объектом пропаганды в случае войны* и их можно будет завербовать в качестве *вспомогательной силы в промышленность, производящую боеприпасы, и во вспомогательные отрасли военной промышленности*».

«Положение этих женщин, как правило, приводит к тому, что они очень легко становятся жертвами военной промышленности. Поэтому нам нужно научиться *использовать ненависть женщин к войне вообще*, обратить их против поджигателей войны и оторвать от пацифистов и от религиозной буржуазии: нам нужно показать им, что не пацифизм, а только *революционная борьба* может устранить империалистических поджигателей войны и саму войну» (№ 10, с. 579. Докладчик Белл).

«На трудящихся женщин во время войны ляжет новое бремя, женщины будут отливать *снаряды и сделаются солдатами на этом этапе*. Поэтому нам нужно добиться, чтобы они поняли, чего хотят коммунисты...» (№ 14, с. 354. Докладчик Моирова).

Поэтому женщины особенно подходят для «антивоенных кампаний», например на демонстрациях «в местах, где проходят отправляемые на фронт отряды, а также в портах»;

или вместе с детьми и инвалидами на демонстрациях «перед парламентами» и т. д. (№ 12, с. 151. Резолюция*).

Эта коммунистическая работа на женском фронте теснейшим образом связана с пропагандой *среди детей*. Здесь, к сожалению, кстати как во всех областях, говорится и рекомендуется публично гораздо меньше, чем делается на самом деле...

«Завоевать» детей коммунисты стараются всеми возможными путями. Конечно же, речь идет прежде всего о *детях пролетариев*; но затем и о детях вообще. Детям необходимо привить *новый менталитет*: их нужно освободить от религиозного обучения и патриотических настроений («империализм!»); а также им нужно в нравственном и культурном отношении освободиться от парализующего давления буржуазной *морали*.

«Против империалистического и религиозного обучения в школах нам надо в ближайшее время мобилизовать наши силы интенсивнее, чем прежде» (№ 22, с. 176 — 178. Решение).

Вследствие этого, например, немецкие коммунисты выдвинули в рейхстаге (1930 — 1932 гг.) следующие требования:

«Запрет религиозного обучения в школах.

Отмена параграфа о богохульстве и правовой защите религиозных обществ.

Отмена закона об ограждении молодежи от бульварной литературы и порнографии, а также закона о кино» и т. д. (№ 39, с. 173 — 174).

Окончательно религиозное обучение будет радикально отменено лишь позднее, после коммунистического переворота; но борьбу с воспитанием в духе Отечества (говоря коммунистическим языком, «с империалистическим подстрекательством») надо начинать сейчас. К ней надо привлечь «пролетарские организации» а) учителей, б) родителей и в) школьников; *красные учителя, красные родители и красные дети* должны сплотить свои ряды и помогать новому интернациональному духу в школах.

* См. гл. 16.

«Надо использовать имеющиеся пролетарские организации учителей, родителей и школьников и коммунистические детские группы, а также создавать новые организации с целью борьбы против империалистического подстрекательства в школах» (№ 12, с. 151. Решение VI всемирного конгресса).

Те же силы должны вступить за *«революционные детские организации»* и обеспечить им свободу, содействие и поддержку. Красная рабочая помощь составила целую *«Программу борьбы с нуждой и эксплуатацией детей, за социалистическое воспитание и обеспечение»*; эта программа для школ наряду с *«горячим завтраком и обедом»*, наряду с *«достаточным отоплением и вентиляцией»*, наряду с *«бесплатным обеспечением учебной литературой и письменными принадлежностями»* содержит следующие требования (ведь надо же бороться): *«Против преследования революционных детских организаций. Против поддержки антинародных детских союзов. Предоставление помещений революционным детским организациям. Устройство детских садов для детей дошкольного возраста под контролем пролетарских организаций родителей»* (№ 25, с. 205. Решение).

При этом коммунисты должны позаботиться об *«организации борьбы детей за их требования»*: о *«проведении школьных собраний, выпуске школьных газет и различных иных формах детских мероприятий. Самая активная поддержка акциям по сбору средств Международной рабочей помощью и привлечение к ним равнодушных детей... Придавать самое большое значение укреплению и умножению школьных ячеек, введению в классах старост, устройству школьных конференций и т. д.»* (№ 23, с. 38. Решение). Конечно, все задумано *«красным»* или *«революционным»*: *красные школьные ячейки, революционные школьные газеты, коммунистические школьные конференции.*

Для оживления всей этой работы настоятельно рекомендуются или, напротив, отвергаются следующие *«методы»*:

«1. Надо устранить из работы ячеек и групп ряд методов, которые схематически заимствуются у молодежи и партии. Большую, чем прежде, роль должны играть в жизни низовых организаций такие формы, как игры, спорт, экскурсии, рукоделие и т. д. Всю работу надо организовать так, чтобы в наибольшей мере развивать детскую инициативу.

2. Для удовлетворения интересов групп разного возраста большие школьные ячейки должны *разделять свою работу по классам*, а при распределении работы в группах (особенно в лагерях) надо также уделять этому внимание.

3. Для усиления вербовки нашей организацией и оживления массовой работы необходимо создавать при сильных ячейках и группах *различные кружки (спорт и техника, музыкальные и т. д.)*, в которые могут входить как пионеры, так и равнодушные дети.

4. Для оживления массовой работы необходимо как можно шире использовать следующие формы: *живые газеты, организованные детские праздники, показ диапозитивов, лагеря, экскурсии, массовые игры и походы*.

Важно в этом отношении применять в нашей работе такие методы буржуазных детских организаций, особенно бойскаутов, которые развивают интерес и инициативу и привлекают широкие массы равнодушных детей (единая форма одежды, массовые встречи, музыкальные оркестры, спортивные игры, лагеря и т. д.). Но мы *против методики бойскаутского движения* в целом (например, в форме особых подразделений «Красные бойскауты»), а также *против методов, возвращающих индивидуализм, конкуренцию и охоту за внешними отличиями* (система ступеней и рангов, индивидуальные соревнования и т. д.).

5. Чтобы укрепить массовую работу в школах, надо поставить в школах школьных уполномоченных и классных старост и через них повести движение школьников вперед.

6. Трудная, но важная область деятельности — семья.

Здесь не только надо привлекать в пионерскую организацию братьев и сестер школьников, но и агитировать старших братьев и сестер, а также родителей за партийную печать, за партию и молодежную или вспомогательную организацию.

7. Особая роль в организации и во влиянии, оказываемом на широкие массы детей, принадлежит *коммунистической детской печати*. Ее нужно в гораздо большей степени, чем прежде, распространять среди непионеров и вовлекать их в общую борьбу и общую работу. Слишком мало внимания уделялось до сих пор всеми союзами выпуску специальных школьных газет или газет школьных ячеек. Также важной задачей является *привлечение корреспондентов-детей* (также и в партийную печать)» (№ 22, с. 180 — 182. Решение).

Ребенка с малых лет надо воспитывать *не индивидуализированным*, а массовым ребенком, ребенком с *классовым мышлением и чувствованием*. Он должен быть «охвачен», политизирован и революционизирован даже в играх и развлечениях, за ним надо следить и обрабатывать его даже в лоне семьи...

Конкуренция в этой области касается прежде всего социалистов II Интернационала. Так было, например, в Германии: «Социал-демократы в Германии создали в последние годы детское движение, насчитывающее 100 000 членов, и смогли предоставить для этого детского движения 10 000 руководителей» (№ 21, с. 397. Докладчик Дарси).

Но она также особенно касается буржуазных обязательных и добровольных организаций так называемого «военного обучения».

«Члены нашей организации должны участвовать в обязательном военном обучении детей и молодежи в ряде стран. Во время занятий и в лагерях они должны постоянно разъяснять империалистический характер всех этих военных приготовлений, требовать отставки реакционных руководителей, выступать против казарменного режима и препятствовать подчинению детей офицерам. Наши пионеры всегда должны принципиально высказываться против империалистического военного обучения. Поэтому необходимо, чтобы там, где только еще собираются ввести обязательное военное обучение, наши организации вели активную кампанию против него как империалистического мероприятия и в противовес ему организовывали собственные лагеря, массовые игры и занятия, носящие революционный характер».

«Нам необходимо вести разоблачительную кампанию против добровольных буржуазных военных организаций, побуждать пролетарских детей к выходу из них и дискредитировать эти организации в глазах трудящихся».

«Кроме того нам надо во всех школах вести пропаганду против религиозного обучения или заменяющих его учебных предметов под лозунгом: «Долой религиозное обучение. За светский характер всего школьного обучения!» (№ 22, с. 176 — 178. Решение)».*

* Об антирелигиозном воспитании см. особо № 52, гл. XI, с. 184 — 192.

Этот «дух» наилучшим образом представляет и поддерживает организация «красных пионеров».

«Коммунистический союз молодежи организует под своим руководством союз детей рабочих «Юные пионеры», дающий детям пролетарское воспитание, и борется в школах и на производстве за их требования. Так дети рабочих в соответствующих формах принимают участие в борьбе своего класса. Воспитательные методы в детском союзе построены на *наибольшей самостоятельности детей*. Основу детского союза составляют *школьные ячейки*, а там, где есть детский труд, также и *ячейки на производстве*» (№ 40, т. II, с. 18).

Такие «пионерские группы» организуются и Международной рабочей помощью (МРП).

«В пионерские группы МРП принимаются дети в возрасте от 6 до 14 лет, если они не входят в другую пролетарскую детскую организацию. Дети от шести до десяти лет объединены в особых отрядах под названием «МРП-Jungscharen». Наряду с детьми членов МРП в пионерские группы МРП могут приниматься и все другие дети».

«Пионеры МРП регулярно собираются, устраивают школьные вечера и вечера с докладами, на которых рассматриваются *принципиальные вопросы* и обсуждаются *практические задачи*. Пионеры МРП занимаются вопросами антирабочей деятельности буржуазных и христианских детских организаций, которые под маской благотворительности отчуждают детей рабочих от их класса. Они ведут борьбу, *радикальную борьбу против системы принудительного воспитания*».

«Пионеры МРП связаны между собой *крепкой групповой дисциплиной*. Боевым отличием пионеров МРП являются готовность оказать помощь, товарищество и солидарность. Многообразие форм групповой жизни, выражающееся в создании кружков читателей, музыкальных кружков, групп агитпропа и гимнастики, должно отвечать индивидуальным склонностям».

«Пионерская группа должна, как правило, насчитывать не более 50 детей. Если детей больше, следует создать новое отделение» (№ 25, с. 206. Решение).

Эти пионерские группы и организации образуют *Красный Интернационал пионеров*, с успехом работаю-

ший во многих странах. Так, например, было перед национальным подъемом в Германии: «В Германии издательством Германского Интернационала пионеров, на гектографе на немецком языке издается небольшая газета «Народный школьник». 1 мая 1928 года это издательство также выпустило напечатанный призыв немецких пионеров к детям покинуть 1 мая школы» (№ 64).

Это приводится здесь лишь для примера; ибо в Германии до 1933 года в действительности было много красных школьных газет.

Особенно усиленно коммунистическая пропаганда среди детей ведется в тех местах, где *на предприятии* есть *детский труд*. Там надо образовывать «неприкрепленные группы работающих детей». Эти группы (клубы) объединяют определенные категории детей (продавцов газет, детей, работающих на одном предприятии, занятых сельскохозяйственным трудом и т. д.) и ведут борьбу за отдельные требования, связанную с борьбой взрослых (сокращение рабочего времени, повышение заработной платы, возможности для учебы, охрана здоровья и т. д.). Это *вспомогательные организации для привлечения на нашу сторону* этих детей, которыми руководить должны мы. Нам надо использовать следующие формы борьбы: *детские конференции, демонстрации, делегации в профсоюзы* и т. д.» (№ 22, с. 176. Решение).

Это, однако, не означает, что в экономическую и политическую борьбу рабочего класса должны быть втянуты лишь *работающие дети*; то же самое касается и *неработающих детей пролетариев*.

Детские организации активно участвуют во многих битвах рабочего класса, например, «*в экономических битвах и на выборах*» (№ 21, с. 67. Докладчик Горкич. Ср. также с. 397 — 398, 401, 405 — 406 и т. д.).

«Наше детское движение должно быть мобилизовано для *любой борьбы* и применять в борьбе революционные методы» (№ 21, с. 398. Докладчик Дарси).

«С одной стороны, по причине роста масштабов детского труда, с другой — в целях организации помощи в забастовках и поддержки бастующих, а также для развития борьбы в школах в поддержку требований детей рабочих, мы должны уделять всем экономическим акциям

детского рабочего движения наибольшее внимание» (№ 23, с. 38. Решение).

«В связи с забастовками, локаутами и т. д. мы должны противопоставить антизабастовочной пропаганде в школе — детей забастовщиков и наших пионеров. Мы должны *мобилизовать* детей для *несения забастовочной вахты* и т. д. Во время выборов нам надо организовать специальные детские митинги со специальными детскими требованиями, чтобы дети самостоятельно отстаивали свои интересы» (№ 21, с. 397. Докладчик Дарси).

«Во время проведения забастовки и в ходе борьбы против локаута женщины занимаются также тем, что собирают детей и организуют детские вечера и детские праздники, устраивают им встречи с пионерами МРП и зачисляют их в детские группы МРП. Благодаря детской помощи, детскому обмену, контролю, квартирам, анкетам и т. д. *всегда происходит политическая обработка детей и их матерей*» (№ 25, с. 199. Решение).

Здесь, как и повсюду, коммунисты остаются верны своим методам: нужда, даже если в ней оказался и ребенок, — момент для начала пропаганды и прельщения... Детей воспитывают для социальной ненависти, для классовой борьбы и для революции по тем же рецептам, что и взрослых. Ведь у коммунистов, как мы уже видели, не много времени и терпения: при следующем поколении переворот уже должен быть совершен. Потому их надежды обращены на детей и молодежь.

Глава десятая

МОЛОДЕЖЬ

Ни одна политическая партия не может завоевать молодежь, не обладая определенным энтузиазмом, силой воли и активностью.

Во-первых, молодежи нужно показать определенный идеал, будь он даже мнимым или совершенно иллюзорным; иллюзии не играют здесь никакой роли хотя бы потому, что людям в большинстве случаев необходима способность к зрелому суждению, чтобы верно отличить

иллюзорное от реального в политике; а юность никак не может обладать способностью к подобному суждению. Каким бы кривым и ложным ни был идеал, при умелых уговорах всегда найдутся юные сердца, которые будут открыты для этого идеала и воспламенятся им. И коммунисты прекрасно умеют внушить молодежи нечто об «эксплуатации», «угнетении», «освобождении», «братстве» и «справедливости»; обо всех этих вещах, которыми всегда легко увлечь юное сердце, и тем легче, чем строже и авторитарней данная семья и особенно отцовская власть...

Без *силы воли* и *активности* не найти признания у молодежи.

Как уже сказано, молодежь импульсивна; она хочет сразу осуществить задуманное, она хочет проявить себя во всей полноте, самореализоваться, утвердиться. Часто она не замечает трудностей, нежизнеспособности и сложности задуманного или понимает это намного позднее — возможно, когда уже слишком поздно. Коммунисты строят свои расчеты на этой безрассудной импульсивности молодых. Они увлекают молодежь не столько своей «просветительской», т. е. разлагающей, подрывной и отвергающей *пропагандой*, сколько *агитацией*, т. е. демагогическим призывом к «равноправному», категоричному поступку. Коммунисты прекрасно умеют внушить завлеченному и возбужденному агитацией человеку убеждение, что он сам «зрелый вождь». И тем самым завоевывают молодежь.

Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ) есть «самостоятельная и «равноправная» «секция» Коминтерна. Она находится в одном ряду с другими секциями, построенными по географическо-политическому принципу, как некая возрастная секция. При этом она идет на поводу у Коминтерна и абсолютно послушна старшему поколению коммунистов. У нее собственные «вожди», которые на самом деле сами ведомы; свои задачи она получает сверху; и ее конгрессы и решения есть не что иное, как слепок или вариации протоколов и резолюций центра. Но формы ее движения и организации подлажены под потребности широких масс молодежи.

Что касается ее менталитета, то он хорошо виден из следующей торжественной клятвы, которая была дана на

У всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи.

«В духе наших великих вождей Ленина и Либкнехта мы клянемся мобилизовать трудящуюся молодежь всего мира на непримиримую борьбу с империалистами всех стран, которые готовят войну с Советским Союзом — оплотом мирового рабочего класса.

Мы клянемся в борьбе за коммунизм быть в первых рядах и, памятуя о славных традициях КИМа, на всех фронтах во всех армиях, во все времена действовать для того, чтобы в надвигающейся войне солдаты всех стран были в готовности взять в руки оружие:

Для защиты Советского Союза!

Для защиты угнетенных народов!

Для свержения буржуазии!

Для победы рабочего класса!

Для мировой революции!» (№ 21, с. 5).

Коммунистический Интернационал молодежи начал со своей довольно расплывчатой революционно-агитационной работы много лет назад. Коммунисты называли тогда эту работу «авангардистской» задачей и занятием. За последние годы характер этой работы принципиально изменился. Главный лозунг звучит теперь по-иному: «От авангардизма — к практической работе с молодежью, от союза — к массовой организации» (№ 40, т. II, с. 41 и др.).

К делу относятся серьезнее и ведут его намного строже. Задача Коммунистического Интернационала молодежи такова:

«Завоевание всего нового поколения рабочих», ибо «не может быть большевистской партии без массовой организации коммунистической молодежи на ее стороне» (№ 13, с. 109. Докладчик Вуйович).

Так говорили уже в 1925 — 1927 годах. Решения последних лет уточнили эту задачу.

«КИМ должен быть боевой организацией, он должен вмешиваться в политику Коминтерна, как другие секции КМ, он должен поддерживать работу Коминтерна в борьбе с оппортунистами, с правыми и со всеми теми, кто не проводит линию КМ, но часть своего времени, большую часть своего времени, он должен использовать

для работы с рабочей молодежью» (№ 14, с. 267. Докладчик Пятницкий).

Краткий обзор основных формул главных задач молодежного движения (как бы оно ни называлось: КИМ — Коммунистический Интернационал молодежи или КСМ — Коммунистический союз молодежи) дает нам исчерпывающее представление.

«Роль КСМ мы можем теперь обобщить следующим образом:

1. КСМ борется с капиталистическим воспитанием и эксплуатацией трудящейся молодежи и организует ее участие в классовой борьбе на стороне рабочего класса.

2. КСМ — массовая школа коммунизма для трудящейся молодежи. Его воспитательная работа осуществляется на основе активного и сознательного участия в классовой борьбе, связанного с теоретическим просвещением и дополняемого им.

3. КСМ формулирует и представляет особые требования трудящейся молодежи и ведет борьбу в рамках общей борьбы рабочего класса за эти требования. Тем самым он ведет трудящуюся молодежь на ее борьбу и является ее вождем и представителем ее интересов в рамках рабочего движения.

4. КСМ — самоотверженный помощник коммунистической партии в борьбе за уничтожение капиталистического и построение социалистического общественного строя. Он является резервом для Коммунистической партии» (№ 36, т. II, с. 10).

VI всемирный конгресс (1928 г.) так формулирует основные задачи Интернационала молодежи:

«Экономическая борьба и участие в руководстве забастовками, а в особых случаях самостоятельное руководство, работа в профсоюзах, борьба за прием молодежи в профсоюзы, проникновение Коммунистического союза молодежи во все организации, в которых есть рабочая молодежь (профсоюзы, спортивные организации и т. д.), антивоенная работа, решительный перелом в тактике и методах в направлении усиления работы с массами» (№ 12, с. 32. Решение).

На следующий год (1929) говорится:

«То обстоятельство, что подавляющее большинство молодых рабочих не организовано и сознательно игнорируется реформистскими профсоюзами, вызывает необходимость специальной борьбы за вступление молодежи в профсоюзы на основе программы *революционной оппозиции*. В тех случаях, когда профсоюзы отказываются от организации молодежи или там, где вообще нет профсоюзов, надо создавать *особые экономические объединения молодых рабочих*, которые носят временный характер, и бороться как за требования молодежи, так и за ее вступление в профсоюзы. Особое значение для укрепления революционной оппозиции имеет борьба за *образование и равноправие* молодежных секций со взрослыми рабочими. Революционным профсоюзам необходимо безотлагательно принять меры для создания таких секций. Так же, как и в отношении женщин, здесь необходимо смело и энергично вступить на путь *привлечения новых сил*» (№ 14, с. 926. Решение).

Тем самым молодежная работа все более сливается с обработкой взрослых с использованием тех же организационных форм. Мы находим и у молодежи все те же повторенные и выработанные лозунги последних лет, уже знакомые нам из предыдущего описания: завоевание масс, вербовка, обучение, агитпроп, антивоенная пропаганда и т. д. Говорится: «более широкий охват рабочей молодежи», «большее разнообразие методов вербовки», «более живое и активное реагирование на экономические, общекультурные и теоретические потребности молодежи при одновременном сохранении характера КСМ как политической боевой организации» (№ 12, с. 32. Решение).

Или еще: «Чрезвычайно большое значение принимает вопрос *революционной мобилизации и массового охвата* рабочей молодежи ввиду растущей роли рабочей молодежи и в связи с военной угрозой. Это требует повышенного внимания к вопросу молодежного движения и действенной поддержки КСМ со стороны всех коммунистических партий» (№ 14, с. 901. Единогласно принятые тезисы).

По этим директивам каждая Коммунистическая партия прежде всего должна *зывать* молодежные массы. Коммунисты, ведь они постоянно выполняют условия

«революционных методологов», отмечают в этой области некоторые успехи.

«В области нашей агитации и вербовки различные союзы уже разработали целый ряд *успешных форм работы*, которые мы можем передать и другим союзам. Одной из них является организация вербовочных представлений, революционных *вечеров искусств* и празднование революционных *памятных дней*. Для молодежи очень притягательны такие мероприятия, дополненные театральными представлениями, показом фильмов, музыкой и пением, выступлениями «синеглазников» и «Красной ярмарки» и т. д. Особенно горячими аплодисментами сопровождаются выступления «Синей блузы» и «Красной ярмарки». Нам надо поддерживать и поощрять группы «синеглазников» и «Красной ярмарки», хоры декламаторов, группы агитпропа и т. д., уже существующие в некоторых странах, и стремиться ввести их и в других странах. В тех союзах, где уже существуют такие группы (Германия, Чехословакия), неотложной задачей является их охват и руководство со стороны центра».

«Хорошим средством для содействия и поддержки работы на предприятиях являются производственные праздники, агитационные мероприятия и представления «Красной ярмарки» на предприятиях, где в *развлекательной и юмористической* форме изображаются обстановка на данном предприятии и требования коллектива» (№ 22, с. 31. Решение).

Так начинают с «отвлечения» и «развлечений», затем происходящее становится серьезней и активней, чтобы закончиться кровью вооруженного восстания*.

Мы находим и конкретные сообщения о применении этих методов «Красной ярмарки» в Германии. На заседаниях VI всемирного конгресса товарищ Шюллер (Германия) выделил «вопрос... о более оживленных методах работы в области агитации и пропаганды... Нам вообще надо стремиться к тому, чтобы больше *приспособить* внутреннюю жизнь союзов к требованиям молодежи... внутренняя жизнь должна быть оживленней и лучше

* См. гл. 15.

оформленной. Нужно найти *новые методы работы* в области вербовки и пропаганды, например революционные вечера искусства, показ фильмов, «синемблужники», «Красная ярмарка», группы агитпропа и т. д. Большим успехом пользуются *встречи молодежи* в масштабах страны и в отдельных районах. На них, как и вообще на *демонстрациях*, нам надо показать мощное единое выступление и *определенную дисциплину*. В этой связи хочу также упомянуть, что, по нашему мнению, та форма, которую носит «Deutsche Jungfront» (Германский фронт молодежи), КСМ и другие подобные организации, очень притягательна для молодежи. Руководствуясь опытом германских и других молодежных союзов, мы намереваемся ввести определенную *единую форму одежды*. Выступление будет выглядеть мощнее и внешне, и станет содействовать *усилению нашего влияния*» (№ 9, с. 583 — 584. Докладчик Шюллер).

Этой же цели должны служить и создаваемые повсюду для Интернационала молодежи красные клубы. Там, где нет возможности для создания самостоятельных молодежных клубов, необходимо устраивать хотя бы особые *молодежные комнаты*.

«Там, где существуют рабочие общежития, рабочие клубы, клубы моряков в портовых городах и т. д., нам нужно постараться оборудовать *особые комнаты молодежи*».

«Особое внимание мы должны уделить тому, чтобы пробудить заинтересованность *молодежи крупных предприятий* в таких клубах, сооружая их по соседству с крупными предприятиями или заводскими квартирами, приспособляя мероприятия к интересам и потребностям соответствующих заводских коллективов молодежи и организуя на предприятиях особую рекламную кампанию за посещение этих клубов».

«Там, где мы не можем создать такие рабочие общежития и клубы, надо позаботиться хотя бы о том, чтобы помещения, в которых группа проводит свои заседания, были *открыты* на несколько часов раньше начала вечера, или проводимого группой представления, либо открыты в свободный от мероприятий вечер на неделе» (№ 21, с. 32 — 33. Решение).

Как мы уже видели*, очень обстоятельно решается и проблема обучения молодежи. Работа по обучению вообще «очень важна в повседневной работе, в борьбе с реформизмом и реформистскими теориями, в революционном преобразовании молодежных секций и в организации экономических битв» (№ 22, с. 91. Решение). При этом под обучением подразумевается, во-первых, *пропагандистская и агитационная работа в профессиональных училищах* и, во-вторых, *специальное партийно-политическое обучение*.

«Ремесленная и профессиональная школа — это особое средство идеологического влияния буржуазии на молодежь. За работу с этими учениками надо взяться с удвоенной силой. *Выставляя особые требования*, такие, как свобода обучения, перенос времени посещения школы на рабочее время, право участия в совместном решении для школьников и учеников, советы школьников, борьба против преподавания на национальном языке, против религиозного обучения и т. д., — надо создавать *оппозиционное движение*. Необходимо в широчайшей форме развернуть борьбу за выборы *школьных советов*. Здесь следует применять такие средства, как особые *школьные собрания, школьные газеты* и т. д.» (№ 22, с. 91. Решение).

Нижеследующие директивы действительны для партийного и политического воспитания молодежи.

«Линия нашей работы по обучению.

1. Никакой «чистой» теории. Каждое обращение к теоретическим вопросам должно вытекать из проблем и практических задач, стоящих в определенный момент перед союзом.

2. В противоположность прежнему обучению, преимущественно для функционеров, теперь на первом плане стоит *массовое обучение* всех членов.

3. Специальное обучение *рабочих масс* и теоретическое закладывание основ у наших товарищей, работающих на важнейших участках фронта и особенно на производстве и в школе.

* См. гл. 8.

4. Обучение в среде *рабочей молодежи*, т. е. за рамками союза, становится *настоятельнейшей задачей КСМ*. Сюда относится проведение школ молодого рабочего для неорганизованной молодежи, оппозиционных, христианских и социалистических молодых рабочих прежде всего на производственной основе, организация КСМ среди рабочей молодежи, организация *опросов* по важным, актуальным и теоретическим вопросам, проведение заседаний *молодежных клубов с курсами*, организация работы по обучению среди сочувствующих, в секциях рабочей молодежи, среди молодых спортсменов, в *антифашистских организациях молодой гвардии* и других подобных военных организациях, а также среди безработной молодежи. Массовое распространение нашей теоретической литературы, в особенности программы КИМа и устройство библиотек для молодежи» (№ 23, с. 56 — 57. Решение).

«Кроме явно политических тем и проблем нашей работы в союзе, нам надо включить в нашу программу общеобразовательной работы и более общие вопросы. Однако при этом необходимо *связать* эти области знания с нашей *принципиальной ориентацией и нашей актуальной политической работой*. Так, например, развитие техники следует изучать в связи с вопросами *капиталистической рационализации или империалистическим военным оружием*, вопросы естественных наук — с нашей *антирелигиозной пропагандой*» (№ 22, с. 38. Решение).

Эти директивы с убийственной силой показывают, что вообще понимают коммунисты под обучением молодежи. Здесь не может быть и речи об истинном обучении. Это не что иное, как практическое воспитание и муштра молодежи для *революционной* (пропагандистской и организационной) «*работы*». Собственно предметы образования только искажаются и используются в партийных целях.

Коммунистам как раз и нужны *партийные функционеры*, и ничего более. Молодой пролетарий должен получить лишь столько «образования», сколько ему необходимо как *члену партии, обладающему организационными способностями*. В этом случае он становится «постоянным революционным молодежным функционером, молодеж-

ным уполномоченным» или членом революционного школьного совета, и задача выполнена. Это обосновывается и разъясняется так.

«Боевой опыт последних боев преподавал нам серьезный урок: чтобы руководить борьбой, недостаточно начинать создание молодежных комитетов борьбы для мобилизации и руководства экономической борьбой непосредственно на ее начальной стадии. Для подготовки рабочего коллектива к экономической борьбе и для укрепления руководства в борьбе с реформистской бюрократией на предприятиях неизбежно *создание постоянных революционных молодежных функционеров на заводах и в школах профессионального обучения*. Эти революционные молодежные функционеры на предприятиях есть *молодежные уполномоченные предприятий и школьных советов*».

Этих молодых коммунистических партийных функционеров необходимо сплотить. Задачи таковы:

«а) Революционное сплочение всех молодежных уполномоченных на предприятиях и в школьных советах через создаваемые в каждом районе *комитеты* молодежных уполномоченных на предприятиях и в школьных советах для борьбы против реформистской бюрократии за требования нашей боевой программы.

б) Созыв *конференций* молодежных уполномоченных предприятий и школьных советов по вопросам подготовки экономической борьбы, социальных и политических выступлений.

в) В плане руководства борьбой за требования молодых рабочих — *революционное обучение* всех молодежных уполномоченных предприятий и школьных советов, охваченных комитетами, по вопросам их практической работы. Кроме того — специальные мероприятия на курсах выходного дня и в надпартийных школах молодых рабочих-функционеров» и т. д. и т. д. (№ 23, с. 39 — 41. Решения).

И при этом считается само собой разумеющимся, что эти молодые партийные функционеры предназначены для борьбы и наилучшим образом «обучатся» в ходе ее. Они должны прежде всего участвовать во всех «формах экономической борьбы»; под этим подразумеваются «агитация», «конференции молодых рабочих», «промыш-

ленные кампании», «экономическая борьба на заводах и фабриках», «забастовки молодежи» и «участие в битвах профсоюзов» (№ 40, т. II, с. 62 — 65). В особенности молодежь должна принимать участие во всех «трех видах забастовок».

Они таковы:

«а) Участие молодых рабочих в борьбе взрослых рабочих;

б) втягивание учеников в забастовки взрослых;

в) самостоятельные забастовки молодежи» (№ 22, с. 100 — 101. Решение).

Эти директивы очень подробны. Далее говорится: «В экономических битвах должны применяться следующие формы борьбы:

а) *Рабочая молодежь делегирует* своих представителей в общие комитеты борьбы в соответствии с их удельным весом и их значением в данном экономическом конфликте.

б) В самостоятельных битвах рабочей молодежи и учеников необходимо избирать *стачечные комитеты из молодежи*. В эти комитеты борьбы революционные профсоюзы и революционная оппозиция профсоюзов должны делегировать своих представителей.

в) Во время молодежных забастовок для обороны от фашистских банд и штрейкбрехеров организуются *специальные группы обороны*.

г) Для подготовки, проведения и оценки битв молодых пролетариев созывать по предприятиям, трестам и промышленным районам *конференции молодых рабочих*, привлекая безработную молодежь и пролетарские массовые организации. Эти конференции будут вырабатывать программы борьбы и меры борьбы, причем они *должны быть теснейшим образом связаны со злободневными политическими вопросами* (борьба против угрозы войны и против предприятий военной промышленности); на этих конференциях необходимо также оценивать и обобщать уроки борьбы.

д) Для *проведения определенных кампаний*, касающихся непосредственно молодежи, на предприятиях надо избирать *особые секции молодежи, комитеты*. В этих комитетах должны быть представлены револю-

ционные профсоюзы и революционная оппозиция профсоюзов.

е) Необходимо уделять особое внимание *сельской рабочей молодежи*. Борьбу необходимо теснейшим образом связывать с борьбой молодежи на производстве.

ж) Необходимо во всех экономических конфликтах учитывать защиту интересов детей, работающих на предприятиях, и *привлекать их*, а также детей бастующих рабочих, к *экономическим битвам молодежи*.

з) В странах, где запрещены организации молодежи в возрасте до 18 лет, а значит и образование секций молодежи, *охват молодежи специальными секциями профсоюзов должен происходить нелегально*» (№ 19, с. 558 — 559. Решение).

Это последнее указание на *нелегальную работу молодежи* вовсе не случайно. Цели партии во всех областях остаются неизменными и едиными: здесь вовсе не напрасно говорят о революции; *здесь революцию делают*; и молодежи надо точно так же, как и всем другим слоям, готовиться к *политической массовой забастовке* (т. е., точно выражаясь, к *вооруженному восстанию*).

Задачу завоевания большинства рабочей молодежи Союз молодежи сможет «выполнить, только решительно и беспощадно применяя новую наступательную политику и завоевывая руководство во всех экономических и политических битвах».

«Союз должен своевременно подготавливать битвы молодых рабочих, *категорически и решительно втягивать молодых рабочих и учеников во все экономические битвы рабочих*».

«Для решения задачи завоевания большинства рабочей молодежи необходимо пропагандировать *массовую политическую забастовку* и мобилизовать ее против нарастающего наступления буржуазии».

«Средством мобилизации масс молодых рабочих на все битвы и на *политическую массовую забастовку* является *неустанное применение тактики единого фронта снизу*. Для организации и проведения битв нам необходимо сплотить всех молодых рабочих — организованных и неорганизованных, *женщин и мужчин* — на основе наших революционных боевых требований. Особое внимание следует обратить

на вовлечение всех категорий молодых рабочих в руководящие органы борьбы» (№ 23, с. 35. Решение).

Задача привлечения *«молодых рабочих-женщин»* подчеркивается и выделяется особо. В решениях V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала молодежи мы среди прочего читаем:

«Одной из задач, которой до сих пор сильно пренебрегали все союзы, является работа по привлечению *девушек-работниц* и особенно молодых работниц предприятий. Необходимо усилить эту работу, применяя *также специальные методы, учитывающие особенности девушек*. В первую очередь мы должны стараться вовлекать девушек в наши общие мероприятия по вербовке, в демонстрации, проведение дней молодежи и т. д. Кроме того, могут быть организованы и специальные мероприятия. В их числе можно назвать *праздники и художественные представления*, рассчитанные специально на работниц данных предприятий. Конференции молодых рабочих отдельных предприятий и отраслей промышленности, где заняты преимущественно женщины, для обсуждения положения молодых работниц на этих предприятиях, а по особым поводам — и организация общественных собраний девушек» (№ 22, с. 33. Решение).

Так, например, в Германии «наряду с Союзом красных фронтовиков» организован также Красный союз женщин и девушек и т. д. (№ 9, т. II, с. 129. Докладчик Грубе).

По этим, уже достаточно известным директивам работают в последние годы (с 1928 г.) во всех странах. Подводя итоги 1931 года, коммунисты отмечали определенные успехи в своей работе. А именно: «Главным характерным моментом в развитии Коммунистического Интернационала молодежи после ноябрьского пленума 1929 года является его борьба за преобразование всего коммунистического молодежного движения, за превращение секций КИМа в действительно политическую воспитательную *массовую организацию* пролетарской молодежи. Надо отметить, что за последнее время КИМу удалось достичь значительных успехов в выполнении решений конгрессов и пленумов.

Принципиально они состоят в следующем:

1) Внутри союзов были созданы предпосылки для ясной и четкой постановки вопросов в борьбе с «левой» угрозой»; 2) велась решительная борьба с конкретными носителями «левой» угрозы и последние были удалены с руководящих постов; 3) в Германии, Чехословакии и Англии был проведен ряд молодежных забастовок и созданы новые ячейки на производстве; 4) ряд секций КИМа отмечает численный прирост (особенно в Германии, где число молодых коммунистов возросло с 20 000 до 30 000 человек)» (№ 42, с. 602).

При рассмотрении этих «успехов» создается впечатление, что в организационном плане они не слишком велики. Это знают и сами коммунисты. Но они знают также и то, что «работу» их Агитпропа нельзя выразить в твердых цифрах; что их сила скорее выражается в неопределенной *разлагающей атмосфере* «отрицания» и «противления», чем в крепкой организационной форме. Провоцирующее действие, соблазнительный пример, провалившийся мятеж, передаваемая из рук в руки брошюра творят гораздо больше бед, чем может показаться. Душевная и духовная скорлупа как бы незаметно раздробляется или даже разъедается изнутри; новые поколения начинают уже по-иному воспринимать, думать и желать, они делают это в заданном коммунистами направлении. Ядовитые газы коммунистических убеждений незаметно вдыхаются и всасываются молодежью. А когда на свет Божий как результат появятся видимые последствия, будет уже поздно.

Это коммунисты знают лучше всех, и потому они уверенно ведут речи о больших успехах там, где наивный взор гражданина угрозы не замечает. Это касается не только пролетарской молодежи, которую призывают к наступлению, но также и буржуазной молодежи, чью любовь к Отечеству и правопорядку, чью способность к сопротивлению подрывают и обессиливают.

Глава одиннадцатая

СРЕДНЕЕ СОСЛОВИЕ И КРЕСТЬЯНСТВО

С самого начала ясно, что коммунистическая партия как таковая мало что может сказать и ничего не может обещать *частному собственнику*. Ибо ее программа принципиально требует *всеобщей экспроприации и пролетаризации*. «Созреть» для коммунизма и покориться ему люди могут лишь тогда, когда они раз и навсегда утратят *частную собственность* как источник своей частной жизни и частного хозяйства: не на время, не вследствие личной неудачи, но принципиально — по причине публичного запрещения, запрещения «навсегда». Этому законодательному «навсегда» люди должны покориться; лишь в этом случае они смогут примириться с коммунистическим строем. Это твердое и окончательное убеждение коммунистов. *Общественное благосостояние возникает лишь из всеобщего личного обнищания*; поэтому всеобщему личному обнищанию надо повсеместно содействовать и добиваться его с помощью государства законами и насилием.

Кажется совершенным безумием, что партия, готовящая в перспективе насильственную безвозмездную экспроприацию, добьется успеха у масс, верящих в частную собственность, рассчитывающих на частную собственность и лишь благодаря частной собственности создающих благосостояние. Это равносильно тому, как если бы эта партия сказала: «Приходи, отдай мне свой голос и доверь мне свою судьбу — и я сделаю тебя нищим и из самостоятельного, свободного человека превращу тебя в тварь запеленутую, в коллективизированного крепостного коммунистического партийного государства...» Кто отдаст свой голос этой партии? Где крестьянин, который пойдет на это? Где частный собственник, который добровольно проголосует за свою экспроприацию и пролетаризацию?

Однако современник, объективно наблюдавший события последних лет, должен будет отметить, что коммунистам, несмотря ни на что, удалось *заставить своего*

классового врага в какой-то мере работать на коммунизм; ибо коммунисты прекрасно сумели «ловко использовать друг против друга» «противоположные интересы» «капиталистического мира», сумели «обострить эти интересы, разжечь алчность», «натравить врагов друг на друга и совершить это как в международном масштабе, так и среди членов одного и того же класса, чтобы тем самым использовать всех их...» (№ 29, с. 117, 118. Докладчик Красин). 15 лет коммунисты ловко ведут свою игру с «дьяволом» частного мирового рынка (Троцкий), конкуренцией государства с государством, концерна с концерном и завода с заводом; и они *выигрывают в этой игре*. Таким способом мировой экспроприатор до конца использует свою будущую жертву и откармливается на всеобщей междоусобной борьбе частнохозяйственных элементов.

Совсем по-иному обстоит дело со *средним сословием*, которое, со своей стороны, мало что может дать коммунистам и мало что может от них ожидать. Здесь у коммунистов есть лишь один-единственный выход: размалывать перспективы коммунистического рая яркими зазывными красками и охватить уже опустившихся, собственно, почти или совсем пролетаризированных (т. е. бывших) представителей среднего сословия. Кроме этого коммунистам нечего сказать среднему сословию, за исключением разве что тех его представителей, которые уже сами по себе склоняются к безбожию, социализму и т. д.

Политическое содержание, с которым коммунисты обращаются к среднему сословию, чрезвычайно жалко и скудно. Международная рабочая помощь получила в этой связи следующие директивы:

«Привлечение средних слоев на свою сторону.

Для проведения этой работы необходимо:

1. Образование в составе правления комиссии по охвату средних слоев.

Образование комиссии — первый шаг на пути проведения работы по охвату этих слоев. (Имперское руководство будет регулярно *издавать материалы* для этой комиссии.) В задачу комиссии входит *планомерное издание материалов*, рассчитанных на эти круги, взятие этих кругов на заметку, *планомерная обработка* и включение их

в ряды фронта солидарности (специальные встречи по специальным темам — особые доклады для *мелких ремесленников, лиц свободных профессий, медиков*).

2. Расширение комиссии за счет всех категорий и включение в *практическую работу по обеспечению солидарности*.

а) Комитеты солидарности.

В рабочих районах создаются не только движения работников наемного труда, но и как постоянные рабочие образования — *комитеты солидарности*, которые займутся регистрацией торговцев, поиском помещений для кухонь, подготовкой их к вводу в эксплуатацию в любое время, пополнением *списка свободных столиков* и контролем за квартирами при *детском обмене*.

б) Создание комитетов при кухнях-столовых.

Буржуазная благотворительность особо обращена к «слоям среднего сословия» для оказания им помощи, не взирая на то, что эти слои — такая же *жертва обанкротившегося капиталистического хозяйства*, как и голодающие безработные. Поэтому им надо говорить, что, дав привлечь себя к «делу благотворительности», они берут на себя дополнительное бремя, не уменьшая этим нужды, так как через «дальнейшее обострение кризиса массовая нищета» превратится в *голодную катастрофу*. Вовлечение этих кругов в дело пролетарской взаимопомощи поможет разъяснить им истинный смысл «помощи» виновников массовой нищеты.

в) Создание единого фронта борьбы.

Если МРП выступает за единый фронт борьбы вообще, то важно также и создание единого фронта мелких ремесленников и интеллигентов. Нам надо разбудить их инициативу для борьбы за собственные интересы и в этом проявить «нашу солидарность» с ними» (№ 25, с. 196 — 197. Решение*).

* Ср. особенно с характерной статьей Зарецкого (№ 88, с. 38 — 56 от 15 июня 1934 года), в которой говорится о планах Коминтерна во Франции и о ближайших задачах французских коммунистов по отношению к французской «мелкой буржуазии».

По этому же рецепту действуют и в отдельных странах, например, в Германии.

«Коммунистическая фракция рейхстага имела по отношению к средним слоям следующую задачу:

1. Показ истинных *причин их бедственного положения* в условиях монополистического развития капитализма и его империалистической политики насилия;

2. Описание безвыходности положения этих слоев внутри капиталистической системы и указание на *единственный возможный путь спасения их личного существования через союз с революционным пролетариатом и постепенное растворение в нем и через участие в его социалистическом хозяйстве по примеру Советской России*» (№ 38, с. 437).

Все это, в общем, почти что ничего: «проблема заработной платы», «свободные столики» и «просвещение о причинах их бед». Все это годится лишь для пролетаризированной интеллигенции и обнищавших представителей средних классов, собственно, к таковым уже *не относящихся*. В остальном... «ты должен готовиться к социальному краху; обанкротившееся капиталистическое хозяйство обессиливает тебя; тебе придется раствориться в революционном пролетариате, и твое спасение — единственное твое спасение — заключается в том, чтобы дать себя спутать по рукам и ногам коммунистической партийной бюрократии в будущем коммунистическом государстве...» Воистину немного... Можно еще больше восхвалять будущие жилищные условия в коммунистическом государстве (особенно перед обществами квартиросъемщиков), но вряд ли где-нибудь среднее сословие захочет голосовать за социал-политическое самоубийство. Угроза для него может прийти откуда-нибудь еще: возможно, от вероятной левой радикализации и революционизации, когда среднее сословие (например, по причине вероятного экономического кризиса!), *само того не желая*, поработает на руку коммунистам, вызывая *неясную революцию*, чтобы в последний момент беспомощно пробудиться посреди коммунистической революции...

Коммунистическая *крестьянская программа*, напротив, гораздо содержательнее. В этой области коммунисты, с одной стороны, рассчитывают на некую социал-

политическую близорукость и наивность крестьянской массы, с другой — на собственную способность к приспособлению и энергию; они надеются, что уловки их «тактики единого фронта» и «отдельных требований» придутся здесь как нигде кстати и принесут победу, и это случится тем вернее, чем острее будет общий мировой кризис, и особенно *сельскохозяйственный кризис* и его последствия в данной стране. В остальном коммунист следует своим обычным принципам: он старается настроить крестьянство против крупных землевладельцев, кроме того, привлечь бедные слои крестьянства, особенно сельскохозяйственный пролетариат, на свою сторону и «стратегически» натравить *против более зажиточных крестьян* («кулачества»). Т. е., как повсюду: *натравлять, чтобы разделять; разделять, чтобы завоевать; завоевать, чтобы экспроприировать и пролетаризировать*. Кстати, коммунисты предпринимают все, *чтобы ни слова не сказать крестьянам о принудительной коллективизации, которая им предстоит в будущем*; они стараются найти для нее смягчающие или вовсе скрывающие смысл выражения. Ибо они хорошо помнят важнейшие слова Ленина: «Без союза с крестьянством невозможна политическая власть пролетариата, как и ее существование» (№ 48, с. 460). И еще: «Крестьяне нам не доверяют...» (№ 46, с. 400). Потому при обработке крестьян надо действовать *решительно и обольстительно, травливая и проявляя дружелюбие*. Как же это выглядит на самом деле?

Надо прежде всего отметить, какие слои крестьянства имеют в виду коммунисты. Это *пролетаризированные* или *полупролетаризированные* слои. О твердых признаках «полупролетаризированности» можно, конечно, долго спорить, что и делают в советском государстве уже более 15 лет. Мы же можем ограничиться одной *тенденцией*: чем ближе к промышленному пролетариату, чем больше сходства между бедным крестьянином и рабочим на предприятии, тем симпатичнее он коммунисту; и наоборот, чем зажиточнее крестьянин, тем враждебнее к нему коммунист. В программе Коминтерна действительно говорится:

«Особое значение имеет работа по сохранению влияния партии среди крестьянства. Коммунистическая партия

должна заручиться полной поддержкой *ближе всех стоящих к пролетариату слоев сельского населения, т. е. прежде всего сельскохозяйственных рабочих и сельской бедноты*. Для этого потребуются *специальные организации сельскохозяйственных рабочих*, всесторонняя поддержка их борьбы с *сельской буржуазией* и энергичная работа среди *малоземельных и безземельных крестьян*. Что касается *средних слоев крестьянства*, то по отношению к ним коммунистическая партия (в странах с развитым капитализмом) должна проводить политику *нейтрализации*» (№ 12, с. 95). Все крестьянство делится, таким образом, на 4 слоя: 1. *«сельская буржуазия»*, т. е. зажиточные крестьяне, она вкупе с помещиками есть враг; 2. *средние слои* (которые в богатых странах тоже довольно богаты) должны быть *нейтрализованы* (ни друг, ни враг; «оставь нас в покое, нам тебе сказать нечего»; или: «смотри, ты еще выгадаешь от нашей политики»...); 3. *городская беднота* — привлеченная, отделенная от среднего крестьянина, натравленная на богатых, присоединенная к сельскому пролетариату, которой руководят коммунисты; 4. *сельский пролетариат* следует освободить от всякого другого влияния и он в полном составе должен идти вместе с коммунистами*.

Те же указания мы находим и в других коммунистических источниках.

«При растущей угрозе новых империалистических войн приобретает особое значение работа коммунистической партии среди широчайших слоев *трудящихся на селе*. Опираясь на результаты выборов во Франции и в Германии, VI всемирный конгресс принимает решение усилить работу с *сельскохозяйственными рабочими и малоземельным крестьянством*» (№ 12, с. 32 — 33. Решение).

«Таможенная охранная политика в том виде, как она проводится почти во всех странах, ложится именно на *малоземельное крестьянство* невероятным бременем. Мы были в Германии свидетелями того, как возмущение ви-

* Богатый и достоверный материал, касающийся этого, содержится во 2-й части сборника «Мир перед пропастью» (издательство «Нибелунген-Ферлаг»).

ноградарей в Рейнланде наложенным на них новым бременем достигло такой силы, что они пошли на штурм финансовых ведомств. *Малоземельные крестьяне* бунтовали и штурмовали финансовые ведомства также в некоторых других местах Пруссии. К сожалению, этими бунтами руководили реакционные земельные союзы. Тот факт, что борьбой миллионов *малоземельных крестьян* руководит не пролетариат, а реакционеры, показывает, что большая часть секций не понимает всей важности работы с малоземельными крестьянами» (№ 9, т. 26, с. 129 — 130. Докладчик Грубе).

Это и есть те слои, которые раз и навсегда должны быть освобождены от влияния реакционных сельских богатеев и в особенности «монархистов-помещиков». Еще важнее освободить от этого влияния и сельский пролетариат, в противном случае коммунист никогда не привлечет крестьянина на свою сторону.

«Если половина *сельского пролетариата* в Германии состоит в общих организациях вместе с крупными землевладельцами, с крупными помещиками-монархистами, показывает ли это, что общая организация крестьян и *сельскохозяйственных рабочих* невозможна? Опыт утверждает как раз противоположное. Почему бы нам также не делать то же самое, что делают крупные аграрии? Почему? Мне кажется абсолютно логичным, что если *сельскохозяйственный рабочий* может быть организован вместе с крупным землевладельцем, то при мало-мальски умелой тактике его еще скорее можно организовать вместе с *малоземельным крестьянином*» (№ 13, с. 270. Докладчик Бухарин).

Так что когда Коминтерн говорит о «крестьянах», то он думает о наемных работниках на селе, о малоземельных и безземельных крестьянах и о сельской бедноте. Они — «трудящиеся», носители неотвратимого, многообещающего будущего, где им предстоит утратить все. Вообще имеется еще более полный перечень тех слоев в деревне, которые коммунистами причисляются к «своим».

«Надо охватить все категории трудящихся на селе. Это — малоземельные крестьяне, арендаторы, исполщики, поселенцы, виноградари, рыбаки, батраки и лесорубы».

«Лозунгу собственников замков и высокородных господ-землевладельцев: «Крестьянину место с крестьянином!», выдвинутому вождями зеленого фронта, должен быть противопоставлен лозунг: *«Неимущим место с неимущими, эксплуатируемым — с эксплуатируемыми!»* К тому же в деревне уже создан *единый фронт* из поселенцев, виноградарей-арендаторов и батраков, который смыкается еще и с батраками и мелкими ремесленниками в городе» (№ 25, с. 196. Решение).

Для этих слоев и из этих слоев коммунисты стремятся создать Международный крестьянский совет, или *Крестьянский Интернационал*.

«Крестьянский Интернационал должен быть внепартийной политической массовой организацией крестьян, которая на главной линии союза рабочего класса с крестьянством ставит себе задачу *организации крестьянских масс для революционной борьбы*» (№ 9, т. 1, с. 440).

Поэтому VI конгресс III Интернационала поручил «ИККИ срочно принять меры для оживления работы Международного крестьянского совета» и потребовал «от всех секций поддержки этой работы» (№ 12, с. 32 — 33. Решение).

«Главной задачей является развитие Крестьянского Интернационала и *организаций*, входящих в него, как действительно *внепартийной массовой организации* крестьян и как *приводного ремня компартии*, связывающего ее с самыми широкими крестьянскими массами».

«Работа коммунистической фракции в *Крестьянском Интернационале* и его организациях, конечно, должна быть непосредственно связана с работой *Коммунистического Интернационала* и его секций, но главным является то, что коммунистическая фракция не должна быть заменой всему Крестьянскому Интернационалу или крестьянской организации».

«Что касается массовой работы среди крестьянства, то у нас имеются секции в следующих странах: в Польше, в Германии, в Болгарии, во Франции, в Италии, в Мексике, в Швейцарии, в Норвегии, в Соединенных Штатах, в Чехословакии, на Филиппинах, в Индонезии и в Индии. Наряду с этим мы создали левые течения в ряде стран...» (№ 9, т. 1, с. 440 — 441), т. е. своего рода красную

оппозицию профсоюзов в крестьянских организациях других партий.

Так осуществляется тактика единого фронта в пропаганде на крестьян. Коммунистическая ли организация этот Крестьянский Интернационал? И *да*, и *нет*. Нет — ибо это «внепартийная массовая организация», в нее могут входить и некоммунисты. Да — ибо она создана коммунистами, и руководят ею с целью коммунистической пропаганды коммунисты III Интернационала.

В отдельных странах она как «внепартийный» (и все же *красный*) крестьянский союз может быть возвращена на место. Эта форма как единственно верная была отмечена еще в 1925 г.

«Важнейший вопрос... какую организационную форму» (для крестьян) «нам предпочесть. Думаю, что не форму политической партии, а *форму союза крестьян...*

Мы имели бы среди крестьян только коммунистические группы, только федерацию и никаких *широких организаций* крестьянства. Коммунистические крестьянские секты, маленькие группки — совсем не то, что нам нужно. *Нам нужна большая масса безземельных и малоземельных крестьян.* Форма крестьянского союза для этого куда удобней. *Не обязательно предлагать этим крестьянам полную коммунистическую программу. Нам не нужно вызывать коммунистический запор желудка (веселье)»* (№ 13, с. 245. Докладчик Бухарин).

Это указание чрезвычайно примечательно: красным крестьянским союзам и красному Крестьянскому Интернационалу «полную коммунистическую программу» *вовсе не предлагают, ибо тогда даже среди малоземельных крестьян появились бы лишь небольшие коммунистические группки!* Итак, широкие массы малоземельных крестьян должны быть обмануты, чтобы присоединиться к красным товарищам. Предстоящая принудительная коллективизация просто замалчивается, ибо только тогда появляется надежда на совместный марш. То, что коммунистам нужно, есть *революционизирование малоземельного крестьянства.* Надо добиться, чтобы малоземельный крестьянин *возненавидел* буржуазное государство; тогда он станет собакой на поводке у коммунистической революции. И это вполне достижимо через разнообразные

отдельные требования, особенно в области налоговой политики.

«Вопрос о налогах приобретает для крестьянина повсюду все большее значение. Ведь *вокруг вопроса о налогах концентрируется все, что крестьянин думает о буржуазном государстве.* В нем буржуазное государство демонстрирует крестьянам свои интересы, *противоречащие* крестьянским интересам. Отталкиваясь от вопроса о налогах, мы можем побудить крестьянина занять враждебную позицию по отношению к буржуазному государству. Налоговая политика — это политика государства. Если крестьянин протестует против налоговой политики, он протестует против государства. *Самое важное для нас — привести крестьянина к конфликту с буржуазным государством. Налоговая политика и коммунистические требования к налоговой политике — это прочный мост, по которому мы приведем крестьянина от позиции любви к буржуазному государству к позиции ненависти к буржуазному государству*» (№ 13, с. 243. Докладчик Бухарин).

Тактика ясна: это попытка вбить клин в органичную структуру *народного государства* (здесь: *крестьянского государства*), отделить буржуазное государство от крестьянской души и противопоставить его крестьянину как врага, как предмет ненависти. Конечно, тот же смысл имеют и остальные «отдельные требования»: эти требования «разоблачают» («Видите, товарищи, буржуазное государство не хочет позволить вам *ни того, ни этого!*») и в то же время провоцируют буржуазное государство («Мы, коммунисты, готовы дать всё это вам, крестьянам, без всяких условий, почему же оно вам этого не дает?!»). Само собой разумеется, что «отдельные требования» мыслятся совершенно радикально и скоро поднимаются до революционных.

«Отдельные требования для крестьян затрагивают: налоговую политику, долги крестьян по ипотекам, преодоление ростовщического капитала, недостаток земли у сельской бедноты, арендную плату и права пользования и т. д. Исходя из этих отдельных требований, коммунистическая партия должна *соответственно повысить свои лозунги и соединить их в лозунге: «конфискация крупных*

земельных владений» и в лозунге: «*правительство рабочих и крестьян*» (в развитых капиталистических странах как синоним пролетарской диктатуры)» (№ 12, с. 98. Программа Коминтерна).

Короче говоря, чтобы привлечь крестьян на свою сторону, надо предложить и пообещать им желаемое, т. е. примерно следующее: землю, небольшие налоги, дешевые товары, подавление промышленности, мир и т. д. За это «глупый крестьянин» отдаст свой голос коммунистам и поддержит их; а там он и не заметит, как его запихнут в пролетарско-марксистско-коммунистическое государство; и в один прекрасный день он проснется в экспропрированном и коллективизированном состоянии. Ибо программа III Интернационала принципиально одаривает крестьян «быстрой коллективизацией» (№ 12, с. 79. Программа*).

«Я считаю вопрос распределения земли, т. е. аграрный вопрос в отсталых и цивилизованных странах, вопрос налоговой политики, борьбы с трестами, борьбы за низкие цены на товары и борьбы с угрозой войны важнейшей точкой опоры в нашей политике по отношению к крестьянству».

«Я снова и снова повторяю: привлечь крестьянство на свою сторону можно, только объединив наши *общие цели с этими конкретными требованиями*. Было бы в корне неверно исключать эти отдельные требования из наших требований» (№ 13, с. 244. Докладчик Бухарин).

Как далеко могут зайти демагогические «отдельные требования» и насколько велико искусство приспособляемости коммунистической политики, видно из следующих «отдельных требований сельской молодежи». На заседаниях V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала молодежи были приняты следующие отдельные требования в этой области:

«1. Регулирование рабочего времени в сельском и лесном хозяйстве на основе *6-часового рабочего дня* для молодых рабочих мужского и женского пола в возрасте до 16 лет и *8-часового рабочего дня* для молодежи стар-

* См. гл. 3.

ше 16 лет. (Независимо от того, постоянные это рабочие или поденщики.) *Время посещения школы включается в рабочее время.*

2. Запрещение фермерам и сельским хозяевам брать на работу молодежь в возрасте до 14 лет.

3. 42 часа свободного времени в неделю, двухнедельный оплачиваемый отпуск раз в год.

4. Отмена принудительного труда и любой аккордной и сверхурочной работы.

5. Запрет на тяжелый наемный труд в поле для молодежи в возрасте до 15 лет.

6. Уравнивание законодательства об охране труда рабочей молодежи, трудящейся в сельском и лесном хозяйстве, с законодательством, действующим для рабочей молодежи в промышленности.

7. *Моментальное повышение заработной платы до уровня средней реальной заработной платы молодого рабочего в промышленности* данного района. Заработная плата для сельской рабочей молодежи соответственно прожиточному минимуму.

8. *Одинаковая заработная плата за одну и ту же работу для рабочей молодежи и взрослых.*

9. Выплата заработной платы в тех случаях, когда работа прерывается не по вине рабочего.

10. *Запрещение штрафов и вычетов из заработной платы.*

11. Договоры должны заключаться с классовыми профсоюзами и коллективами.

12. Батраков и сельскохозяйственных рабочих можно использовать лишь для выполнения определенной, а не всей работы; им должны быть предоставлены отвечающие гигиеническим требованиям помещения для жилья; запрет на выселение уволенного рабочего из квартиры, принадлежащей предпринимателю, пока уволенный не найдет нового жилья.

13. Принятие законов об ограждении от несчастных случаев и строгое их выполнение.

14. Молодые рабочие в сельском хозяйстве должны быть застрахованы от несчастных случаев на работе и получать за счет хозяина первую медицинскую помощь.

15. Выплата полной заработной платы *заболевшим* молодым рабочим и сохранение за ними рабочего места.

16. Отмена любой натуральной оплаты.

17. *Контроль* за питанием и натуральной оплатой со стороны комитетов рабочего контроля и профсоюзов.

18. Гарантированное пособие для безработной сельской рабочей молодежи в размере пособия, получаемого взрослыми.

19. Отмена всяческих ограничений *свободы передвижения* сельской рабочей молодежи.

20. Создание общественных бюро устройства на работу, работающих под действенным контролем организаций рабочего класса, и запрещение любых других посредников в трудоустройстве и особенно бюро предпринимателей по набору рабочей силы.

21. Неограниченное право организации для сельской рабочей молодежи: *право на забастовку*, полная свобода собраний и печати.

22. Неприкосновенность *уполномоченных и представителей* занятых в сельском и лесном хозяйстве рабочих, избранных для защиты своих интересов.

23. Создание *рабочих комитетов* с участием представителей молодых рабочих во всех крупных хозяйствах, которые будут независимы от аграриев и владельцев леса.

24. За действительно бесплатную *светскую школу*, доступную для всех детей рабочих и крестьян. Доступность сельских школ для бедной крестьянской молодежи независимо от расовой и национальной принадлежности.

25. *Отмена всех наказаний*, в том числе и телесных» (№ 22, с. 167 — 169. Решения).

Всякий знаток сельского хозяйства и всякий сельский хозяин сразу же поймет, насколько ловко в этих «отдельных требованиях» справедливые, желанные и исполнимые требования перемешаны с неисполнимыми, демагогическими и просто провоцирующими. Рядом с охраной труда и гигиеничной квартирой стоят разъедающие и разнуздывающие революционные требования. Преднамеренно и целенаправленно вплетено невозможное, чтобы *лишить возможности уладить миром*, чтобы подтолкнуть к стачкам, задействовать революционных «уполномоченных» и т. д. Все происходит так, как повсюду у комму-

нистов; не имеет значения, какой человек и как он работает; не имеет значения ни справедливость, ни «общественное»; все вращается лишь вокруг революции; все кроме нее есть лишь орудие.

Потому так важно для коммунистов самым непосредственным и тесным образом привязать деревню к революционным очагам *городского* и *промышленного* пламени. Красному пролетарию вменяется в обязанность присоединиться к красному малоземельному крестьянину и создать таким образом *«красную деревню»*. Соответственно Международная рабочая помощь должна создать специальную *«сельскую комиссию»*, и эта комиссия получает множество директив по революционизированию малоземельного крестьянства. Прежде всего:

«Сельская комиссия должна приобрести аграрно-политические знания. Сюда относятся:

а) *Ознакомление с противниками* трудящегося крестьянства. Средства для эксплуатации и закабаления трудящегося крестьянства. Это налоги капиталистического помещичьего государства, ростовщические проценты, высокая арендная плата, закладывание под залог и продажа с аукциона.

б) Комиссии полагается знать *насуточные вопросы сельского населения*. Это план улучшения хозяйства, которое якобы смягчит нужду: животноводство, птицеводство, возделывание овощей и фруктов должны сделать крестьянское семейное производство рентабельным. Но откуда крестьянину взять денег для таких преобразований?

К насущным относятся вопросы откорма свиней, кукурузной монополии (корм для птицы). Кроме того, возделывание сахарной свеклы, которое является привилегией великих. Сюда относится вопрос высокой арендной платы, пожирающей крестьянина, и доказывание того, что посредническая торговля живет за счет рабочих и крестьян» (№ 25, с. 195. Решение).

После того как революционный рабочий «усвоит» эти огромные познания в сельском хозяйстве, ему, вероятно, будет нетрудно создать «братство» города и деревни. Для этого особенно хорошо так называемое *красное «шефство»*, которое должно быть вызвано к жизни «сельскохозяйственной комиссией» МРП.

«Шефство на селе.

Комиссия возьмет на себя регулярную связь с шефскими организациями, которые необходимо создать. Через сельскую пропаганду и связи с сельским населением она собирает адреса и занимается регулярным обменом письмами. Шефские организации не должны представлять собой образования, которые числятся лишь на бумаге, но должны *наряду с регулярной корреспонденцией* обеспечить *тесные связи на основе личных контактов*. Они должны организовать выступления докладчиков на общественных мероприятиях, показы диапозитивов и кинофильмов, для чего особенно приспособлена изготовленная сейчас узкая киноплёнка (кинолента «Народ в нужде») (№ 25, с. 195. Решение).

В связи с этим необходима широкая и продуманная до деталей пропагандистская и агитационная работа. Здесь нужно пользоваться все — от брошюры и газеты до «научного исследования».

«Что касается агитационной работы, то кроме целого ряда коммунистических крестьянских газет у нас в таких странах, как Германия, Франция, Польша, Греция, Швеция, Норвегия, США и др., есть еще и *внепартийные* крестьянские газеты. Хотя их тираж мал, в отдельных странах он все же достигает 16 000 экземпляров, что для крестьянской газеты довольно значительный показатель. Наряду с этим мы издали ряд брошюр к предвыборной кампании, ряд брошюр о Советском Союзе и альбом «Советская деревня» (80% которого уже продано).

Что касается наших достижений, то нам уже удалось создать международный аграрный институт — наш научный базис, работа которого расширяется и на который должно быть направлено внимание всех компартий» (№ 9, т. 1, с. 441 — 442. Докладчик Домбал).

Это большие пути пропаганды. Но не забыты и малые, и совсем крошечные.

«Нам надо распространить уже хорошо зарекомендовавшие себя методы работы среди городской молодежи на работу в деревне, так, например, мы можем организовать в деревнях по воскресеньям *вечера отдыха и танцев* и постараться придать традиционным сельским *праздникам* новое политическое и революционное содержа-

ние. В зимние месяцы надо устраивать общественные курсы по естественнонаучным, техническим и т. д. вопросам, а также вести антирелигиозные кружки и т. д. Все эти мероприятия должны быть рассчитаны на сельскую рабочую молодежь и деревенскую бедноту».

«Важным средством поддержки в агитационной работе и работе на селе должно стать создание *сельских групп агитаторов* (возможно, групп велосипедистов), которые по воскресеньям отправлялись бы в деревни, агитировали, распространяли газеты и литературу, организовывали и проводили собрания и революционные праздники. Важное средство для укрепления союза рабочего класса и крестьянства и налаживания более тесной связи между городскими и сельскими организациями — принятие шефства городскими группами и ячейками на производстве над сельскими группами, *взаимные посещения* и т. д.» (№ 22, с. 34. Решение).

Когда благодаря этой пропагандистской работе подготовлена почва, следует дальнейший шаг: *образование рабоче-крестьянских комитетов*».

«С помощью пропаганды на селе, поездок, корреспондентских связей, шефства будет сделан первый шаг на пути образования рабоче-крестьянских комитетов. Эти рабоче-крестьянские комитеты являются выражением братства между городом и деревней. Позже они займутся проведением мероприятий (доклады, сопровождаемые показом диапозитивов, вечера с демонстрацией кинофильмов, доклады). Летом — беседы по вечерам, на свежем воздухе или в заведениях, по воскресеньям — общие прогулки в соседние деревни. Комитеты регулярно собираются и обмениваются письмами с местными группами, шефствующими над ними. Связь не должна прерываться» (№ 25, с. 196. Решение).

Обмен детьми между красными предприятиями и красной деревней вносит в общую революционную музыку еще одну созвучную ноту.

«Для укрепления союза организуется регулярный *обмен детьми*. До этого мы использовали сельское население для размещения детей бастующих в деревне во время забастовок и экономических битв. Сельская молодежь должна познакомиться с жизнью городской молодежи,

поэтому — обмен между селом и городом» (№ 25, с. 196. Решение).

Нельзя забывать также о взаимной забастовочной поддержке. Тогда революционное братство станет полным.

«Во время забастовок в городе и на селе (забастовки сельских рабочих) организуется совместный сбор продовольствия» (№ 25).

И таким образом атмосфера на селе созревает для более крупных событий.

«Особенно большое значение для организации сельскохозяйственных рабочих и их вовлечения в революционное движение имеет создание массовых забастовочных комитетов и установление прямых связей между забастовочными комитетами и рабочими промышленных предприятий. Завоевание широких масс сельского пролетариата — дело тем более срочное, что оно является вернейшим и кратчайшим путем для расширения революционного влияния на сельскую бедноту и крестьян-середняков, от которых любой ценой нужно и можно добиться поддержки во время проведения забастовок» (№ 19, с. 545. Решение).

Но все же нельзя забывать и упускать еще одно, а именно: борьбу против вражеского влияния на крестьянство и сельскую молодежь. Коммунистические союзы молодежи (КСМ) не смогут расцвести, прежде чем они без остатка не разложат и не обессилят буржуазные крестьянские организации. Фашизм и религия есть злейшие враги коммунистов на селе.

«а) По отношению к фашистским, политическим и религиозным организациям крестьянской молодежи, которыми руководит буржуазия, линия коммунистических союзов молодежи есть линия беспощадной борьбы и разложения этих организаций изнутри для освобождения слоев сельской молодежи из-под их влияния и вовлечения ее в наши организации (КСМ, революционные крестьянские организации и т. д.). Ту же политику нам надо проводить по отношению к экономическим и культурным организациям верхов сельского населения. По отношению к религиозным организациям (если массы охватывают полупролетарскую и малоземельную крестьянскую

молодежь) можно наряду с *разоблачениями* и борьбой против реакционной политики проводить *тактику единого фронта* с низшими организациями, состоящими из бедных слоев крестьянской молодежи.

б) По отношению к разным хозяйственным, культурным и иным «нейтральным» организациям крестьянской молодежи, которые охватывают ее различные слои, но находятся под руководством аграриев и капиталистических слоев деревни, КСМ надо применять следующую тактику:

а) *разоблачение* реакционного капиталистического характера этих организаций и их вождей;

б) им надо добиться того, чтобы молодежь из мало-земельного крестьянства (а насколько возможно, и молодежь из крестьян-середняков) *покинула* этих вождей;

в) они должны *любым образом поддерживать и укреплять левые группы*, завязывать с ними связи и прежде всего организовывать с этими группами *совместные акции снизу*; они должны добиваться того, чтобы эти группы ясно и недвусмысленно *встали на почву союза рабочих и крестьян под руководством пролетариата* и т. д.;

г) целью их работы должно стать завоевание левыми руководящих постов в этих организациях.

д) По отношению к *оппортунистическим, колеблющимся* (мелкобуржуазным) организациям крестьянской молодежи (Крестьянский союз молодежи в Болгарии и т. д.) коммунистические союзы молодежи должны применить следующую тактику: *критика оппортунистической политики и руководства организаций; работа в низовых организациях*, чтобы направить их на путь совместной борьбы рабочих и крестьян; *необходимо оказывать всяческую поддержку левым группам*, стоящим на этой платформе; надо стремиться к тому, чтобы *левые завоевали руководство*; надо применять *тактику единого фронта*, и делать это прежде всего в низах, а не только в одних верхах» (№ 22, с. 164 — 165. Решение).

Обобщив и просмотрев все эти директивы по завоеванию крестьянства, сразу же понимаешь, насколько тяжело коммунистам работать и добиваться успехов в этом принципиально чуждом им мире. Коммунисты могут, собственно, предложить сельскому пролетариату и мало-земельным крестьянам *одну только землю помещиков* и

зажиточных крестьян, и именно на основе *безвозмездной экспроприации*; но с перспективой также быть безвозмездно экспропрированными и коллективизированными в будущем. Остальные «отдельные требования» есть лишь повод для классовой травли и политической агитации. Зажиточному крестьянину и крестьянину-середняку коммунисты могут сказать лишь следующее: «Мы погубим тебя»; а малоземельному крестьянину и батраку: «Вы нужны нам, чтобы погубить помещиков и все остальное крестьянство»; а всем вместе взятым: «Ибо в будущем мы всех вас сделаем наемными батраками или крепостными коммунистического партийного государства»...

Трудно достичь таким образом на селе чего-то большого. И лишь невероятные *кризисы в сельском хозяйстве, лишь новые мировые войны и возникающее из них всеобщее обнищание* могут здесь по-настоящему помочь коммунистам.

Именно поэтому и требуется коммунистам в деревне вся их беспардонная хитрость и все их искусство политической лжи, чтобы одурачить и «завоевать» крестьян.

Глава двенадцатая

КОЛОНИИ

Всему восприятию и мышлению коммунистов свойственна исключительная склонность к *упрощению и уплощению*. Ни наблюдать, ни оценивать многообразие и запутанность, ни обращаться с ними они не умеют; они успокаиваются лишь тогда, когда им удастся свести существующее богатство глубоких и таинственных явлений к скупому и плоскому марксистскому злопахательству.

Национальное своеобразие народов и вся жизнь и глубина этого струящегося родника (национальная культура! ее богатство! их разнообразие! чувство Родины! и т. д.) для коммунистов не значат ничего... Сложное переплетение отношений между метрополией и колонией, между культурными народами и диким примитивом, между разными расами и религиями для коммунистов нечто чрезвычайно простое: все объясняется грабежом, эксплуатацией, *классовой борьбой* и, соответствен-

но, *революцией*; неравное выдается за равное, разнообразие сводится к двум-трем типам; нижнее должно быть поднято вверх, а верхнее либо опущено вниз, либо — еще лучше — вообще уничтожено; и делу конец. Потом наступает социальная революция, коммунистический строй, и все (что еще осталось после великой мировой резни!) живет по-коммунистически и наслаждается жизнью под единым мировым руководством...

Тот, кому однажды стали понятны плоские предпосылки марксизма, — капитализм как причина пролетаризации, классовая борьба, интернационализм, ниспровержение, гражданская война, обобществление, — и кто может их последовательно всюду применить, тот и без особого чтения и изучения сможет сам написать для колоний национальную и колониальную программу. Ведь эта программа заключается в том, что все воззрения, масштабы и директивы, которые мы ранее вскрыли и проследили, *применяются и по отношению к огромному миру разных рас, национальностей и колоний, существующих на всех континентах*. И в этом безмерном, пестром мире важно лишь одно: кто, *какой класс владеет средствами производства* — землей, машинами, заводами и т. д., и соответственно, кто обладает политической властью в стране. Все остальное, т. е. все эти культурные, религиозные, национальные или патриотические предрассудки могут иметь значение лишь для «непросвещенных» людей. Ибо «разумный» коммунист никак не станет придавать значения всему этому так называемому европейскому культуртрегерству, всему этому «принудительному напичкиванию местного населения водкой, Библией и прочим барахлом, производимым наихристианнейшими странами Европы» (№ 12, с. 160. Тезисы о революционном движении в колониях и полуколониальных владениях). Ибо на самом деле за этим кроется лишь «повышенная разбойничья агрессивность колониальной политики Великобритании, Японии, Соединенных Штатов, Франции, Италии, Голландии и т. д.» (№ 12, там же). И вот этому «грабежу» следует уготовить радикальный конец; надо беспощадно перечеркнуть все счета и интересы; надо повсюду разжечь *классовую борьбу*, организовать *революционное движение*, надо повсеместно *вышвырнуть ев-*

ропейских «грабителей»; весь колониальный мир должен подняться в пламени революции и повсюду (без расовых и национальных различий) должен прийти к власти пролетариат. Стратегическая цель всюду одна и та же — «гегемония пролетариата» (№ 12, с. 173. Тезисы); хорошо и верно все то, что соответствует этой цели; то, что ей противоречит, должно беспощадно искореняться; все, что в какой-либо мере может быть применено для осуществления этой цели, должно быть *очень умело охвачено и разыграно, тщательно выверено и без тактических ошибок*. Естественным образом повсюду должны применяться все положенные «стратегические» и «тактические» уловки Коминтерна. Так гласят директивы.

Самим III Интернационалом автором этой программы и стратегии назван Ленин, который всегда и цитируется. Его «Тезисы по национальному и колониальному вопросу», составленные летом 1920 г. для II всемирного конгресса Коминтерна и принятые конгрессом*, «в полной мере сохранили свое значение и должны быть направляющей линией в дальнейшей работе коммунистической партии» (№ 12, с. 154). В этих тезисах Ленин высказывает следующее.

Вся политика III Интернационала по национальному и колониальному вопросу должна быть постоянно направлена на *«сближение пролетариев с трудящимися массами всех национальностей и стран с целью совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии»*. «Ибо это сближение обеспечивает победу над капитализмом», и без этой победы «невозможно уничтожение национального угнетения и неравноправия» (№ 47, с. 286). *Все события мировой политики вертятся вокруг «одного центрального пункта», а именно, вокруг «борьбы мировой буржуазии против русской Советской республики, неизбежно группирующей вокруг себя, с одной стороны, просоветские движения передовых рабочих всех стран, с другой — все национальные движения за освобождение в колониях и движения угнетенных национальностей»*, причем последние «на тяжком опыте учатся понимать, что

* При трех голосах против, с незначительными изменениями.

у них нет иного пути спасения, *кроме победы советского правительства над мировым империализмом*» (№ 47, с. 286 — 287).

Формой этого «сближения» считается федерация. Однако она — лишь *«переходная форма к полному единству»*. Поэтому она должна «все более сужаться»; появляющиеся «советские республики» должны смыкаться *хозяйственно, чтобы наконец «установить единое мировое хозяйство как единое целое, регулируемое по общему плану пролетариатом всех народов»* (№ 47, с. 287).

В национальном вопросе надо повсюду и неустанно доказывать и пропагандировать, что *«только советская форма государственного устройства может дать национальностям действительное равноправие, объединив сначала пролетариев, а затем и все трудящиеся массы в борьбе против буржуазии»*. Поэтому «все коммунистические партии обязаны оказывать непосредственную поддержку всем революционным движениям зависимых или неравноправных национальностей, а также колоний» (№ 47, с. 288). Оказывать поддержку необходимо также *«всем буржуазно-демократическим освободительным движениям»* этих стран; но особо необходимо вести борьбу *против духовенства и против помещиков*, причем коммунистам следует обращать особое внимание на то, чтобы не затуманивалось и не путалось классовое сознание пролетариата... (№ 47, с. 289 — 290).

Многое в этих руководящих директивах заслуживает того, чтобы быть выделенным особо.

Во-первых, все *национальное и колониальное освобождение народов*, о котором так страстно и провокационно говорят коммунисты, заменяется здесь совершенно иным, а именно *социальной и коммунистической революцией*; к проблеме подходят так, как будто нация или колония может *приобрести самостоятельность* лишь через *проведение у себя всеобщей экспроприации, пролетаризации и обобществления*. На деле же национальная самостоятельность (например, чехов, поляков, латышей и т. д.) или самостоятельность любой колонии (например, английского доминиона) не имеет с разрушительными мерами коммунистической революции ничего общего. А это очень распространенный у

коммунистов пропагандистский обман: они заменяют «освобождение» всеобщей экспроприацией и обобществлением и стараются уговорами внушить доверчивым людям, что только у коммунистов есть ключ и монополия на любое освобождение...

Во-вторых, здесь авторитетно *высказывается коммунистическая мысль о том, что советское государство образует живой центр всемирного освобождения и таким образом центр мировой революции*. Есть лишь две возможности: с одной стороны, капиталистическая и империалистическая эксплуатация, с другой — *присоединение к пролетарскому государству Советского Союза*. Надо выбрать одну из них. Эта основная руководящая мысль, первоначально сформулированная Лениным, в тысячах образов бродит по страницам всей коммунистической литературы*.

В-третьих, здесь публично демонстрируется мания величия *планового мирового хозяйства*, которое предстоит создать, и эта фантастическая задача предназначается не кому иному, а именно «пролетариям всех стран». То, чего до сих пор не удалось добиться образованным слоям всех стран и что вряд ли когда-либо может быть осуществлено, то есть план уничтожения свободной хозяйственной инициативы и создания бюрократического руководства продуктивными силами человечества всего мира из единого всемирного центра, — всенепреренно удастся осуществить необразованным революционным рабочим мира и особенно культурно отсталых колоний.

В-четвертых, здесь дается директива раздувать во всех колониях и среди всех «зависимых наций», будь то национально-либеральное или «буржуазно-демократическое движение», пожар *революционной борьбы* и оказывать им «непосредственную поддержку». В конце концов не столь важно, в какой форме начнется брожение, лишь бы оно началось. Для начала хороша любая форма разложения и социальной борьбы. *Любой ценой, всяческим способом и манером* надо привести мир в состояние

* См., например, гл. 2 и 3.

революционного кипения. А коммунисту надо лишь следить за тем, как лучше приладиться и каким образом добиться того, чтобы революция началась, чтобы она углубилась и чтобы он «в чистом виде» получил свое марксистско-ленинское классовое сознание...

III Интернационал до сегодняшнего дня остается верен этому завету Ленина и никогда не отступится от него. Ленинскими мыслями руководствуются и их практически применяют в директивах Коминтерна так, что конкретной обработке подвергается каждая колониальная страна.

Со времени II конгресса, для которого писал свои тезисы Ленин, «значение колоний и полуколоний лишь возросло». Ибо, с одной стороны, колонии сделались настоящим *«кризисным фактором мировой империалистической системы»*: как объекты эксплуатации они — *«постоянные источники конфликтов и войн»*, и империалистические государства все решительней вооружаются для новых *«войн за новый передел колоний»* (№ 12, с. 154. Тезисы VI конгресса). «Мир уже поделен». «Империалистическая первая мировая война была первой попыткой нового передела уже поделенного мира. За эту попытку капитализм заплатил победой революции в России и расшатыванием устоев империализма в колониальных и зависимых странах. Не стоит и говорить о том, что за первой попыткой передела должна последовать вторая, к которой уже ведется подготовка в лагере империалистов. Вряд ли стоит сомневаться в том, что вторая попытка передела обойдется мировому капитализму гораздо дороже первой» (№ 55, с. 131; ср. № 31, с. 40 — 41. И то и другое — Сталин).

«С другой стороны, огромный мир колоний и полуколоний стал *неугасимым очагом революционного движения масс»* (№ 12, с. 154. Тезисы); «усилились» «элементы капиталистического индустриального развития», «обострился» «аграрный кризис», «умножается пролетариат», появляются «пролетарские организации» и нарастает «пауперизация широких крестьянских масс» (№ 12, с. 154). Обе эти тенденции определяются в протоколах III Интернационала с тем же примерно ощущением, с каким биржевой спекулянт наблюдает приближение «своей конъюнктуры» или отравитель наблюдает за первыми судорогами своей жертвы.

Сюда надо добавить «агрессивную колониальную политику» крупных государств, «революционное влияние» Советского Союза, «усиление коммунистического движения» в мире и «выступления в защиту колоний». «Все эти обстоятельства невероятно ускорили процесс политического пробуждения народных масс в колониальных и полуколониальных странах и вызвали целый ряд значительных революционных массовых восстаний...» (№ 12, с. 154 — 155. Решение).

В деталях, сполна наслаждаются массовыми восстаниями. В Китае — массовые стачки в Шанхае, Тяньцзинь, Ханкое, Кантоне и Гонконге в 1925 г., вооруженное восстание в Шанхае (1926 г.), «гигантский рост крестьянского движения», далее восстания Хо Лунга и Е Тинга, «крестьянские восстания в Хунани, Хупе, Квантуне, Кьянгсу» и т. д. В Индии, где первое крупное движение было «предано» «индийской буржуазией»; но «истинная угроза британскому господству идет не из буржуазного лагеря, а от нарастающего массового движения индийских рабочих, развивающегося в форме мощных забастовок; в то же время обострение кризиса в деревне является доказательством назревания аграрной революции» (№ 12, с. 155 — 156). Далее идет Индонезия, где восстание против голландского империализма (1926 г.) «большей частью проходило под руководством коммунистов» и где «предстоят неизбежные новые массовые акции рабочих и крестьян» (№ 12, с. 157). Затем Марокко, Сирия, Палестина, Тунис, Алжир, Латинская Америка, в которой многие государства существуют лишь как полукolonии Великобритании или Северной Америки и т. д. Повсюду заглядывает заботливое око III Интернационала; повсюду он прилагает руку; отовсюду он получает точные известия и повсюду рассылает своих агентов*.

«В большинстве случаев до сих пор империализму удавалось утопить революционные движения в колониальных странах в крови. Но все главные вопросы, вызываемые к жизни этими движениями, так и остались

* Ср., например, статью о коммунистической «платформе деятельности» в Корее, в № 83, с. 18 — 26, июнь 1934 г.

нерешенными. Объективное противоречие между колониальной политикой мирового империализма и самостоятельным развитием колониальных народов даже в малейшей степени не снято ни в Китае, ни в Индии, ни в любой иной колониальной или полуколониальной стране; напротив, оно все больше обостряется и может быть преодолено только победоносной революционной борьбой трудящихся масс колоний» (№ 12, с. 158. Тезисы).

«Единство» этого пути остается тем не менее не доказанным; да его и нельзя доказать. То, что подобные революционные движения сеют хаос и нищету, видно повсюду, где они есть; здоровому развитию они не содействовали нигде. Потому это утверждение Коминтерна как *прогноз* никуда не годится; его скорее надо понимать как *стремление и практическую линию* коммунистов. Так оно и есть в действительности. Далее читаем:

«Но большое значение для развития революционного движения в колониях имеют противоречия между *империалистическим миром*, с одной стороны, и *Советским Союзом и революционным рабочим движением* капиталистических стран — с другой».

«Главное и решающее значение в нынешнюю эпоху мировой истории имеет образование боевого фронта, разделяющего *активные силы социалистической мировой революции* (Советский Союз и революционное рабочее движение в капиталистических странах), с одной стороны, и *силы империализма*, с другой. Трудящиеся массы колоний, борющихся против империалистического рабства, образуют *могучий вспомогательный отряд социалистической мировой революции*. Колониальные страны в настоящее время — *самый опасный участок фронта* для мирового империализма. Революционные освободительные движения в колониях и полуколониальных странах все теснее собираются под знаменем Советского Союза и ценой тяжких испытаний приходят к убеждению, что для них нет другого пути избавления, кроме союза с революционным пролетариатом, кроме победы пролетарской мировой революции над мировым империализмом»^{*}.

^{*} Ср. процитированный выше ленинский тезис.

«Пролетариат Советского Союза и рабочее движение в капиталистических странах, руководимое Коммунистическим Интернационалом, будут со своей стороны оказывать все более действенную поддержку освободительной борьбе всех колониальных и иных народов, они являются единственной надежной опорой колониальных народов в их борьбе за окончательное освобождение от ига империализма. Даже больше: союз с Советским Союзом и революционным пролетариатом империалистических стран создает для трудящихся народных масс Индии и всех остальных колониальных и полуколониальных стран возможность самостоятельного, свободного хозяйственного и культурного развития, минуя стадию господства капиталистического строя или даже стадию начального развития капиталистических отношений вообще» (№ 12, с. 159. Тезисы).

Это на самом деле «совершенно новая перспектива»: капитализм, «уже исполнивший свою прогрессивную роль в истории» и «уже находящийся в процессе разложения», *может быть вообще обойден* отсталыми колониями — тогда эти примитивные народы сподобятся великого счастья из натурального хозяйства скользнуть прямо в рай коммунистического порабощения... А именно:

«Существует объективная возможность некапиталистического развития отсталых колоний, возможность превращения буржуазно-демократических революций в передовых колониях в пролетарскую социалистическую революцию при поддержке победоносной пролетарской диктатуры других стран». «Реальный ход развития при этом будет определяться борьбой и только борьбой». «Поэтому подготовка такого развития в теории и на практике и самоотверженная борьба за это развитие являются долгом всех коммунистов. Эта перспектива ставит и перед колониями проблему революционного захвата власти Советами» (№ 12, с. 159 — 160).

Такова главная линия Коминтерна по национальному и колониальному вопросам: повсеместная революционная классовая борьба, повсюду свержение и советское правительство, повсюду социалистическая революция и федерация с Советским Союзом. *Долг всех коммунистов — сделать все, чтобы... завоевать все колонии.*

«В этой борьбе надо *использовать любой военный конфликт* между двумя империалистическими государствами, а также войну империалистов против Советского Союза для *мобилизации масс в колониях* и вовлечения их в *решительную борьбу* с империализмом, за национальное освобождение и победу рабочих и крестьян» (№ 12, с. 159 — 160. Тезисы).

Отсюда как бы сама собой вытекает «коммунистическая стратегия и тактика» в колониальных странах.

Поскольку вначале речь идет о «буржуазно-демократической революции», должно быть сделано все для того, чтобы в ее лоне «создать предпосылки для пролетарской диктатуры и социалистической революции». «Соотношение сил» должно быть «преобразовано» «в интересах пролетариата» под примерно такими лозунгами: «1. Уничтожение господства империалистов; 2. Конфискация иностранных предприятий и банков; 3. Объединение страны и признание права на самоопределение каждой нации; 4. Свержение власти милитаристов...; 5. Установление советской власти рабочих, крестьян и солдат; 6. 8-часовой рабочий день, увеличение заработной платы, пособия по безработице и социальное страхование; 7. Конфискация всей земли у помещиков и передача ее крестьянам и солдатам; 8. Отмена всех налогов: правительственных, военных и местных; единый прогрессивный налог с дохода; 9. Союз с Советским Союзом и международным пролетарским движением»... (№ 12, с. 169 и 192).

Сюда же можно добавить: «создание Красной армии»; «национализация земли»; «распространение профсоюзных организаций рабочего класса, укрепление влияния коммунистической партии среди трудящихся масс»; «равноправие женщин»; «разделение государства и церкви и отмена кастовых ограничений» и кое-что еще (№ 12, с. 169. Тезисы).

Что касается «перехода революции в социалистическую фазу», то важнейшее условие для этого есть «развитие сильной коммунистической партии, обладающей большим влиянием на массы...» (№ 12, с. 170). «Что препятствует этим непрекращающимся движениям в колониях и зависимых странах, где созрели объективные

предпосылки для революционного кризиса, превратиться в победоносную колониальную революцию? Слабость и молодость коммунистических партий»... (№ 34. Доклад представителя Коминтерна Мануильского на заседаниях XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. Февраль 1934 г.). Потому Коминтерн постановляет:

«Коммунистические партии в колониальных и полуколониальных странах обязуются направить все усилия на то, чтобы *самим воспитать кадровый состав функционеров из рядов рабочего класса*; они должны использовать партийную интеллигенцию в качестве руководителей и преподавателей в кружках пропаганды, легальных и нелегальных партийных школах, чтобы воспитывать из передовых рабочих агитаторов, пропагандистов, организаторов и вождей, проникнутых духом ленинизма».

«Коммунистические партии должны сделаться настоящими коммунистическими партиями и по своему *социальному составу*. Вбирая в себя лучшие элементы революционной интеллигенции, закаляясь в повседневной борьбе и крупных революционных сражениях, они должны обратить главное внимание на укрепление партийных организаций на фабриках, в шахтах, среди транспортников и среди полурабов на плантациях».

«Всюду, где капитализм концентрирует пролетариат: в рабочих кварталах, в рабочих казармах на заводах, в рабочих казармах на плантациях, куда доступ агитаторам сделан невозможным, — коммунистическая партия должна *создавать свои ячейки*. Нельзя упускать из виду и работу с ремесленниками-подмастерьями, учениками и кули. Местные рабочие метрополий должны быть охвачены одной и той же организацией».

«Опыт старших партий в области правильного сочетания *легальной и нелегальной работы* необходимо использовать соответственно ситуации в колониальных странах»... (№ 12, с. 186. Тезисы).

Кроме того, «коммунистам надо с большим вниманием следить за развитием аграрного кризиса и обострением классовых противоречий в деревне», ибо *аграрная революция* (наряду с национально-освободительной борьбой) есть вторая «ось» колониального движения. Поэтому коммунистам надо «с самого начала придавать недовольству

рабочих масс и зарождающегося крестьянского движения *сознательное революционное направление*, направлять их против империалистической эксплуатации и порабощения, а также против ига существующих разного рода феодальных и полуфеодальных докапиталистических отношений, от которых страдают крестьяне...» (№ 12, с. 171. Тезисы). Коммунисты должны также *организовывать новые революционные крестьянские союзы и крестьянские комитеты*. Необходимо поддерживать регулярные контакты между ними и коммунистической партией. Как среди крестьянских масс, так и среди пролетариата надо вести энергичную пропаганду за боевой союз крестьянства с пролетариатом» (№ 12, с. 187). Этот боевой союз может найти свое выражение в тщательно подготовленных и периодически собирающихся совместных конференциях и съездах... крестьянских союзов и профсоюзов» (№ 12, с. 188).

И «наконец, одной из главных задач коммунистической партии *в период восстания является образование выборных советов рабочих и крестьян*»... (№ 12, с. 188).

Обычные директивы были даны и для «работы» с *колонимальной молодежью и женщинами колоний*^{*}, причем особо сообщается о «самоотверженном участии китайских трудящихся женщин в революционных событиях (массовые забастовки женщин, героизм отдельных тружениц, вступление крестьянок в партизанские отряды)...» (№ 12, с. 190).

Нельзя забывать о соединении *революционных сил метрополии* с революционными силами колоний при их взаимной поддержке: колония, охваченная брожением, должна заразить им и метрополию, и наоборот. Задача гласит: «Установление активных контактов между коммунистическими партиями и революционными профсоюзными организациями метрополии, с одной стороны, и соответствующими революционными организациями колоний, с другой» (№ 12, с. 199).

Как к неприкрытому врагу надо относиться к *миссионеру*: «особая задача... состоит в борьбе с миссионер-

* См. гл. 9 и 10.

скими организациями, являющимися одним из активных оплотов империалистической экспансии и порабощения колониальных народов» (№ 12, с. 199).

Предназначение коммуниста также предполагает его обращение к *неграм* и содействие их «освобождению» под коммунистическими лозунгами. Лозунги должны быть такого характера: «полное равноправие»; против «шовинизма белых» и против «всяких «расовых предрассудков»; вовлечение рабочих-негров в коммунистическую партию и в белые профсоюзы; и наконец: «партия должна решительно и последовательно выступать под лозунгом создания независимой национальной республики» (т. е. негритянской республики) «при одновременном сохранении прав белого меньшинства, бороться за претворение этого лозунга в жизнь *действием*» (№ 12, с. 196 — 197; ср. также № 7, с. 52 — 54. Резолюция). Партия отмечает «уже определенные успехи среди негритянского пролетариата» (с. 197).

Далее коммунистические партии получают конкретные указания по каждой отдельной стране — Китаю, Индии, Индонезии, Корее, Египту, Северной Африке и Латинской Америке. Так, например, во французских колониях Северной Африки коммунистам надо работать во всех уже существующих массовых национально-революционных организациях... Организация «Этуаль Нордафрикэн» не должна развиваться в форме «какой-либо партии», она должна развиваться «в форме боевого союза различных революционных организаций», причем «руководящую роль» должен играть «революционный пролетариат» (единый фронт!)... «Лучше организовывать забастовки батраков и укреплять профсоюзы батраков в Алжире» и т. д. (№ 12, с. 195. Тезисы).

Чрезвычайно характерно и решительно составлена программа для южноамериканских стран.

«1. Экспроприация (*без компенсации*) и передача одной части крупных плантаций и латифундий для *коллективной обработки* батракам и распределение другой части между крестьянами, арендаторами и поселенцами».

* Ср. гл. 11.

2. Конфискация иностранных предприятий (горное дело, индивидуальные предприятия, банки и т. д.), крупных предприятий национальной буржуазии и крупных землевладельцев. 3. Аннулирование государственного долга и отмена всякого контроля империализма над страной. 4. Введение 8-часового рабочего дня и ликвидация условий работы, почти граничащих с рабством. 5. Вооружение рабочих и крестьян и преобразование армии в рабоче-крестьянскую армию. 6. Установление рабоче-крестьянско-солдатской советской власти...» (№ 12, с. 198. Тезисы).

Серьезное отношение коммунистов к революции в колониях и полуколониях и кровавые способы ее проведения видны из следующего описания члена Исполкома III Интернационала (от 1927 года). В нем говорится о Китае: «На территории целого ряда провинций мы отмечаем брожение, а в области Гуандун, если я не ошибаюсь, в пяти районах у власти находятся крестьянские Советы, т. е. советское правительство. Впервые в истории китайского крестьянского движения на крестьянской основе создано советское правительство, такое правительство, которое принялось за настоящую истребительную войну против помещиков. Примерно 300 — 400 помещиков обезглавлено». (Аплодисменты в зале. Выкрик: «Слишком мало, нужно еще больше».) «На этой территории, насчитывающей несколько миллионов человек населения, помещики физически уничтожены...» (№ 31, с. 604. Докладчик Бухарин).

Успехи в «работе» коммунистов «в колониях» легко прочитываются в следующем кратком отчете. «Забастовочное движение на Тихоокеанском побережье и в Латинской Америке привело к созданию двух центров профсоюзного движения: Тихоокеанского секретариата и Латиноамериканской федерации профсоюзов. Центральный совет Красного Интернационала профсоюзов на своей шестой сессии с удовлетворением отмечал, что Тихоокеанский секретариат и Латиноамериканская федерация профсоюзов объединили подавляющее большинство организованных рабочих Тихоокеанского побережья и Латинской Америки на платформе классовой борьбы».

«Обе эти организации единого фронта, объединяющие как входящие в Красный Интернационал профсою-

зов, так и не входящие в него организации, имеют тем большее значение, что они вовлекли в международное организованное рабочее движение такие рабочие группы, которые до недавнего времени не поддерживали связей ни с одним Интернационалом (Австралия, Филиппины, Индия, Эквадор, Колумбия, Перу, Парагвай, Куба и т. д.). Со стороны Красного Интернационала профсоюзов эти организации заверены в установлении «братских отношений» и «оказании всяческой поддержки»* (№ 19, с. 550 — 551. Решение).

Итак, в этой интернациональной среде на побережье с ее пестрым расовым составом, из которой с самых древних времен набирались самые жестокие пираты, широкий отклик нашел III Интернационал. Вот уже пять-шесть лет, как он основал здесь свой питомник для проведения истинно марксистско-большевистского отбора среди негров, малайцев, утративших свои корни белых авантюристов и пополнения рядов будущей мировой коммунистической элиты самыми отчаянными парнями. Тот, кто однажды заглянул за кулисы этой коммунистической мировой лаборатории, может легко представить себе, что за фрукты взращиваются в этом питомнике и что за беспрецедентные акции готовятся человечеству в грозящей новой мировой войне.

Невозможно, да, пожалуй, и бесполезно вникать в дальнейшие подробности. Картина ясна. Национальное и колониальное движение будет взбудораживаться с помощью всех коммунистических уловок и с большим искусством приспособления, будет радикализироваться, распространяться и использоваться в революционно-коммунистическом духе. Мировая война 1914 — 1918 гг. оживила и ускорила это движение; коммунисты с нетерпением ожидают следующей, «империалистической войны», чтобы окончательно развязать колониальную революцию. Только что мы сравнивали коммунистов с нетерпеливым биржевым маклером и отравителем. Но он имеет сходство и с поджигателем, который, серьезно все обдумав и

* Ср. «Резолюцию о работе и задачах интернациональных клубов», касающуюся портовых городов (№ 26, с. 92 — 93).

подготовившись, научившись на прежнем опыте и вдохновившись, мечется в большом и красивом доме с зажженным факелом в руках, преисполненный стремления предать его пламени.

Этот дом — наш мир.

Глава тринадцатая

НЕЛЕГАЛЬНАЯ РАБОТА

Нет никаких сомнений в том, что *всюду*, где бы они ни «работали», коммунисты вступают на нелегальный путь и прибегают к неразрешенным, а возможно, и запретным средствам. Но этого они и сами не оспаривают, напротив, III Интернационалом совершенно открыто выпускаются указания и директивы, прямо предписывающие использовать нелегальные методы и делающие их обязательными для коммунистов. Недостаточно, однако, лишь установить этот факт; надо еще и осветить его принципиальные идеологические основания.

Коммунист принципиально *отвергает буржуазный государственный строй и правопорядок*. Они для него — не что иное, как проявление классового господства, эксплуатации, принуждения и грабежа. Все то, что для здравого правосознания священно, для коммуниста «ложь» и «лицемерие». Ни религиозные, ни отечественные основы буржуазного правопорядка ничего не говорят коммунисту. Его «правосознание», если у него вообще есть таковое, не чувствует себя связанным законами своей страны: для него эти законы — лишь нечто, что надо разоблачать, подрывать и искоренять. Революция для коммуниста — не просто «лозунг» или желанное будущее событие; она для него *сегодня* — его личное, обыденное поведение; не то, которое ему только бы хотелось реализовать: он уже реализует его *теперь*, сегодня, непосредственно и неумоимо: с каждым шагом он растаптывает буржуазный правопорядок там, где это ему кажется целесообразным, и делает это с необыкновенной легкостью потому, что он презирает его. Это поведение последовательно: *как мо-*

*жет тот, кто хочет разрушить все, чувствовать уко-
ры совести из-за растапывания жалких мелочей, тем
более что, как ему кажется, растапывание этих мелочей
служит «великой» цели разрушения всего и оно для него целе-
сообразно? И все правомочные формы повседневной жизни
для коммуниста — лишь те же незначительные мелочи.*

То, что для буржуазного правосознания — завет или долг, для коммунистов — *ни то ни другое*; для них они — лишь докучная *легальность*. Там, где буржуазное правосознание отступает, пугаясь запрета, коммунисты хладнокровно и сознательно преступают границу. Эту традицию коммунистическая партия унаследовала от русского революционного нигилизма 70-х годов XIX века, когда анархисты Бакунин и Нечаев проповедовали и осуществляли своеобразную смесь революционного и преступного. На этой своеобразной смеси позднее воспитывалось несколько поколений русских революционеров (в общем насчитывающих несколько сотен или тысяч), чья так называемая «подпольная деятельность» долгие годы подрывала и разлагала правопорядок в России. Затем эта традиция была впитана и сохранена III Интернационалом и употреблена им для обучения целого клана заговорщиков, действовавших в мире.

Легальность, законопослушное поведение не просто так и не во всем отринуты коммунистами. Это было бы и неумно; ибо легальность часто, с одной стороны, создает полезные гарантии, а с другой, нелегальность как таковая постоянно предполагает возникновение неких частично определенных, частично неопределенных неприятных последствий. К чему идти на риск подобных последствий, если можно их избежать? Но там, где кажется целесообразным или необходимым пойти на запрещаемое законом или преступить определяемую законом границу, там у коммуниста принципиально не возникает угрызений совести, чего бы это ни касалось, — цензуры, пропаганды, паспортного или визового вопроса. Надо сполна использовать все легальные возможности; но никогда нельзя «превращать» легальность «в самоцель» (№ 30, с. 356. Докладчик Ларин). Заговорщик, у которого не хватает для этого мужества, — вовсе не заговорщик. Никуда не годится революционер, не владеющий методами

конспирации и отступающий перед нелегальностью. Коммунист призван работать нелегально, ибо *его главная цель противозаконна* (революция). Ему надо лишь рассчитывать и знать, до каких пор ему удастся скрывать свою нелегальную деятельность и с какого момента он сможет открыто и беспощадно выступить как ниспровергатель.

Нам пришлось установить это еще в связи с проблемой профсоюзов. Если коммунистические партии призваны вести рабочие массы на революционную борьбу, то непреодолимым препятствием становятся для них боязнь закона и уважение законной формы жизни. «Главная угроза заключается в легализме, и в особенности в легализме профсоюзов. *Главная угроза в этой ситуации* — подчинение коммунистической политики тем социал-демократическим законам, которые изложены в решениях и уставах профсоюзов, *уважение законов капиталистического государства* и законов социал-демократии (№ 14, с. 360. Докладчик Ульбрихт). Коммунист должен умело обращаться с законом: здесь — повернуть, там — нарушить; здесь — нарушить незаметно, там — провокационно и вызывающе; здесь — в малом, там — в большом. Повсюду — спокойно, смело и презрительно. Или по определяющей формуле V международного конгресса Коминтерна: «там, где можно — легально, где нет — нелегально» (№ 8, с. 21. Тезисы и резолюции).

Было бы, таким образом, неверно излагать дело так, что коммунистическая партия работает легально в той стране, где она не запрещена, и решается пойти нелегальным путем лишь там, где она находится под запретом. Напротив, *везде и повсюду коммунисты работают обоими способами: там, где им предоставляется свобода, они, несмотря на это, ведут нелегальную работу*, только что не подвергаясь на каждом шагу преследованиям; а там, где коммунистическая партия запрещена и преследуется, все же наряду с нелегальной работой находят возможность ловко использовать легальные формы жизни для запрещенных деяний.

Само собой разумеется, что угроза запрета коммунистической партии в каждой стране возрастает в той мере, в какой становится решительней, откровенней и агрессивней наступление коммунистов. *Сама коммунистическая*

пропаганда как бы вынуждает появление этого запрета. Коммунистам это прекрасно известно. Отсюда возникает коммунистическая директива, предписывающая своевременную подготовку к переходу на полную нелегальность. Эта директива была сформулирована еще на заседаниях II международного конгресса (1920 г.). Тогда она гласила:

«Почти во всех странах Европы и Америки классовая борьба вступает в фазу гражданской войны. В этих условиях коммунисты не могут более доверять буржуазной легальности. Они обязаны создать повсюду параллельный нелегальный организационный аппарат, который в решающий момент поможет партии выполнить ее долг по отношению к революции. Во всех тех странах, где коммунисты, вследствие осадного положения и чрезвычайных законов, не имеют возможности легального проведения всей своей работы, настоятельно необходимо сочетание легальной и нелегальной деятельности» (№ 3, с. 112. Решение).

В «Уставах Коминтерна», опубликованных V международным конгрессом, параграф 34 гласит:

«Коммунистические партии должны быть готовы к тому, чтобы нелегально продолжить свою работу. Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала обязан оказывать поддержку подготовке к нелегальной деятельности и следить за тем, чтобы эта работа продолжалась» (№ 8, с. 88. Уставы Коминтерна).

Это неоднократно отмечалось и обосновывалось на заседаниях VI международного конгресса. Коммунистов тревожит возможность новой мировой войны и «угроза фашизма».

«Нам надо уже сейчас заняться нелегальной работой и уже сейчас поставить задачу сочетания легальной работы с нелегальной».

Не подлежит никакому сомнению, что непосредственно перед тем, как разразится война, и уже за некоторое время до этого на наши партии обрушится град чрезвычайных законов. Это вне всякого сомнения. Это

* См., например, статью «О правильном сочетании легальных, полулегальных и нелегальных методов партийной работы» в № 82, с. 54 — 61, май 1934 г. И это в официальной газете Коминтерна.

следует предусмотреть уже сейчас. Поэтому нам также надо уже сейчас заложить фундамент наших нелегальных организаций, особенно на флоте, в армии и т. д.* В противном случае события застанут нас врасплох и благодаря нашей неподготовленности мы многое потеряем. Вопрос о нелегальных организациях, в том числе вопрос нелегальных и легальных связей в армии и на флоте, сегодня чрезвычайно актуален. Всем вам должно быть понятно, почему я не буду особо распространяться на эту тему, почему я не буду вдаваться в подробности и не могу давать советы и директивы»... (№ 9, т. 1, с. 56 — 57. Докладчик Бухарин).

Эти высказывания нашли свое отражение и в решениях конгресса и даже в уставах III Интернационала. В решениях говорится:

«Рост репрессий и дальнейшее обострение классовой борьбы, особенно в связи с перспективой возможной войны, ставят перед коммунистическими партиями задачу своевременной проверки и проработки вопроса о нелегальном аппарате, который должен сохранить за собой руководство предстоящими битвами, единство коммунистической линии и единство коммунистических действий» (№ 12, с. 33. Решение).

Это решение уже говорит непосредственно о «нелегальном партийном аппарате», который должен быть создан и проверен до запрета, чтобы сразу же после запрета по-настоящему заработать.

«Во время мобилизации, происходящей в начавшейся войне, террор, направленный против всего революционного движения и против коммунистической партии, достигнет невиданных размеров. По заранее составленным спискам десятки и сотни тысяч революционных рабочих-коммунистов и революционных крестьян-коммунистов будут брошены в концентрационные лагеря. Империалистические меры будут направлены на то, чтобы разгромить не только легальные коммунистические партии, но и аппарат, и руководство нелегальных партий.

* Ср. особенно директиву XIII пленума ИККИ в декабре 1933 г., № 18.

Коммунистические партии должны уже сегодня подготовиться к этому. Легальным коммунистическим партиям следует уделить повышенное внимание *своевременной* подготовке к переходу на нелегальность. Нелегальным партиям следует подготовить свой аппарат, свое руководство и организации к обстановке еще более тяжкого террора» (№ 12, с. 151 — 152. Решение).

Здесь взвешивается ситуация для партии, которая возникнет в момент развязывания войны и непосредственно *после* него. Но нелегальный аппарат партии необходим и *перед* возникновением войны, для того чтобы бороться против нее (пропаганда на предприятиях и особенно в армии и на флоте!).

«Чтобы иметь возможность вести революционную работу и *после* начала войны, Ленин считал *единственным* возможным *средством* создание нелегальной организации. Но нелегальная организация необходима также в борьбе против войны *перед* ее возникновением» (№ 12, с. 118 — 119. Решение).

Соответственно и параграф 36 Уставов Коминтерна гласит: «Коммунистические партии должны быть готовы к нелегальному продолжению своей деятельности. ИККИ обязан оказывать поддержку партиям при подготовке к нелегальной деятельности» (№ 12, с. 106. Уставы).

С 1918 года это предписание повторяется ежегодно. Вследствие террора предпринимателей против ячеек на производстве коммунистическая партия должна «на всем партийном фронте» произвести «поворот» в сторону «перевода даже формально легальных партий на нелегальную основу» (№ 14, с. 71 — 72. Докладчик Мануильский, 1929 г.).

Коммунисты должны «быть готовы к тому, чтобы в любое время сочетать нелегальные методы работы с легальными» (№ 14, с. 901. Единогласно принятые тезисы. 1929 г.).

«Перед всеми нашими легальными партиями стоит актуальная задача преобразования в нелегальные партии... Готовы ли наши партии к этому? Больше всего готова германская партия, но и она не на все сто процентов...» (№ 14, с. 394. Докладчик Лозовский, 1929 г.).

Точно так же гласит директива 1930 года. Коммунистам надо позаботиться о сохранении «легального суще-

ствования», «к тому же эта борьба за легальное существование *не исключает* соответствующих мер на случай запрета коммунистической партии» (речь опять идет о Германии), «а *предполагает их*» (№ 15, с. 49 — 53. Резолюция).

Это предписание мы находим в протоколах 1931 года. Здесь предписывается «своевременное принятие коммунистическими партиями целого ряда организационных мер на случай перехода на *полное нелегальное положение*» (№ 16, с. 24. Резолюция). Почти теми же словами это предписание выражено и в конце 1932 года: «своевременное принятие мер, чтобы в случае необходимости обеспечить переход партий на нелегальное положение» (№ 17, с. 412. Решение). В директивах Коминтерна от декабря 1933 года мы среди прочего читаем: «Все окружающее требует от коммунистической партии своевременной подготовки нелегальных кадров, серьезной организации в борьбе с провокациями, сочетания методов тщательнейшей конспирации с максимальным обеспечением связей с массами»... «Только концентрация всех усилий партийных организаций на создании нелегальных партийных ячеек и подъеме работы коммунистических фракций во всех массовых организациях может обеспечить максимальную конспирацию и дееспособность»... (№ 18). Но здесь нельзя терять времени: «В целом 15 секций Коминтерна имеют сейчас возможность для более или менее легальной работы, остальные находятся в глубоком подполье и ведут свою героическую работу в окружении неслыханного террора» (№ 34. Из отчета представителя Коминтерна на заседаниях XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, февраль 1934 г.). III Интернационал, полностью отдавая себе отчет в преступном характере своей работы, предчувствует надвигающуюся грозу и во всех странах заботится об укрытии.

Это беспокойство, как отмечается в предписаниях, проявляется по двум направлениям. Во-первых, коммунистические партии всех стран должны сделать *все*, действительно все возможное для того, чтобы *их запрет не состоялся*; надо постараться отразить надвигающуюся грозу в ее начале и *предотвратить запрет*.

«Ввиду опасности потери легальности, грозящей ряду до сих пор легально работающих коммунистических партий, X Пленум ИККИ вменяет этим партиям в обязанность срочно и в обязательном порядке осуществить все необходимые политические и организационные мероприятия с тем, чтобы *всеми средствами развязать массовую борьбу против надвигающейся угрозы* и обеспечить продолжение и расширение их массовой работы даже в условиях нелегальности...» (№ 14, с. 901. Единогласно принятые тезисы).

Эта опасность исходит от фашизма. Фашизм и коммунизм не выносят друг друга. Для коммунизма фашизм означает нелегальность.

«Все формы фашизма означают нелегальность или большую вероятность для коммунистических партий нелегальности, и следует предположить, что и те коммунистические партии, которые до сих пор работали легально, вынудят перейти на нелегальное положение» (№ 14, с. 513. Докладчик Вольф из Венгрии).

Коммунистам хорошо известно, откуда исходят трудности их международной революционной работы. И поэтому они видят в фашизме своего смертельного врага; поэтому считают необходимым *поднять всех* против фашизма.

«Конечно, необходимо развязать *неукротимую борьбу и напрячь все силы, чтобы не дать загнать себя в подполье, но может возникнуть такое соотношение сил, что какой-то отрезок времени мы будем вынуждены работать нелегально. И к этому надо быть готовыми*» (№ 14, с. 394. Докладчик Лозовский).

Это относится и к коммунистическим профсоюзам.

«Возрастающее обострение классовой борьбы заставляет правящие классы прибегать к суровым репрессиям, к подавлению и разгрому революционных профсоюзов... Главная задача в этих условиях — *не допустить*, чтобы легально существующие организации были вынуждены перейти на нелегальное положение» (№ 14, с. 922 — 923. Тезисы).

Это первое направление коммунистических забот психологически более чем понятно. Преступнику вовсе не хочется препятствий в своей преступной деятельности; изменник Родины стремится открыто подготовить и

«легально» выполнить свою измену Родине. Он полон решимости развязать неукротимую борьбу за свободу своей пропаганды...

Тем не менее возможно противление его предательству и возможен запрет его занятий. Что же тогда?

Коммунисты сами описывают, какие изменения в их организации и деятельности вызовет такой запрет.

Во-первых, коммунисты могут не подчиниться этому запрету: *распущенная партия должна по-прежнему существовать, но нелегально*. В этом смысл нелегальности: коммунисты не могут стать пассивными и сложить оружие под предлогом того, что работать в таких условиях невозможно, наоборот — борьба должна обостриться еще более.

«Нелегальность не означает *отдыха*. В нынешних условиях нелегальность — это переход к более *острым формам борьбы*, к борьбе с целью *разрушения той машины*, которая стремится нас подавить, и разрыву тех пут, с помощью которых нам стремятся помешать завоевать большинство рабочего класса для революции» (№ 14, с. 386. Докладчик Эрколи, итальянец).

До запрета партии существовали и «легальные» пути; после запрета партии существуют *одни лишь* нелегальные пути. Все разбито, но все существенное должно функционировать далее. Нет более открытых кафе для собраний, нет клубов, бюро, редакций и т. д. Но именно потому все необходимое должно быть сразу же восстановлено. Прежние партийные работники арестованы или сбежали; кадры как бы сметены; итак — да здравствуют кадры! Масса бывших членов расплывена и больше не собирается. Тем важнее *объединить несколько тысяч мужественных товарищей-партийцев на конспиративной почве*. Прежние методы организации («пролетарская демократия») более не годятся; сделались невозможными публичные собрания с речами, «отчетными докладами», «дискуссиями» и «выборами». Поэтому собираются *тайком, маленькими группами*; а на место выборов пришли «назначение» и «кооптация». Должна быть перестроена и связь с массами. Массы при всех обстоятельствах должны иметь возможность слышать голос запрещенной партии; но этот голос должен звучать «отовсюду» и «ни-

откуда». Ячейки на производстве становятся маленькими и конспиративными; начинают работу новые, вымуштрованные для конспиративной работы и настроенные на нее функционеры; партийная пресса печатается тайно и тайно распространяется; даже руководящие органы должны «исчезнуть» и делать свою работу «в подполье».

«Мы видим, что переход на нелегальное положение означал *ломку кадров, потерю членов* и глубокий кризис...» (№ 14, с. 386. Докладчик Эрколи).

«Необходимо подготовить соответствующие *изменения методов организации* и связей организации сверху донизу, членов партии необходимо своевременно подготовить к той новой ситуации, которая возникнет в связи с мобилизацией и началом войны» (№ 12, с. 151 — 152. Решение).

«В нелегальных условиях допускается *назначение низших органов высшими и кооптация при утверждении высшими партийными органами*» (№ 8, с. 84. Уставы).

«Эта борьба возможна не иначе, как при условии, что у нас останутся связи с массами, которые будут продолжать существовать и в нелегальных условиях» (№ 14, с. 386. Докладчик Эрколи).

Речь же здесь идет о:

«1. *Расширению партийной организации за счет ячеек на производстве, которая, вследствие террора со стороны предпринимателей и полицейского режима, при определенных обстоятельствах должна полностью перейти на нелегальное положение, и принятии всех мер для подготовки этого перехода*».

Без крепких нелегальных ячеек на производстве, без преобразования всей работы ячеек коммунистических партий на производстве невозможно во всеоружии выступить навстречу реакции и перейти на основательное нелегальное положение при поддержке связей с массами. Нелегальные коммунистические партии без сильных ячеек не имеют возможности организовать массы на борьбу за свержение полицейско-фашистской диктатуры буржуазии и руководить ими» (№ 74, с. 946).

«2. *Подготовка руководящих органов, аппарата связи и партийной печати, чтобы обеспечить их дееспособность*

и в самых суровых нелегальных условиях» (№ 12, с. 118 — 119. Решение).

«При создании нелегального партийного аппарата» надо идти такими путями: а) обеспечение места для сохранения партийного архива; б) оборудование подпольных типографий, в которых при запрете и закрытии легальных партийных газет и журналов могут печататься партийные издания; в) создание аппарата для распространения нелегальной партийной литературы; г) подготовка к переходу на нелегальное положение определенной группы ведущих партийных функционеров; д) подставные адреса для нелегальной корреспонденции, кафе для конспиративных заседаний руководящих органов партии, квартиры для нелегальных партийных функционеров и места для встреч с товарищами, еще пребывающими на легальном положении; е) обучение определенного числа функционеров самым элементарным правилам нелегальной работы (например, обслуживанию нелегальной типографии, шифрованию, технике личного общения и переписки, охране нелегальной части партийного аппарата и т. п.). Соответственно этому надо принять необходимые меры: а) чтобы в кафе для проведения партийных собраний не хранилось документов, которые на основе существующих законов и полицейских предписаний могли бы дать полиции повод для каких-либо репрессий против партии; б) всех членов партии надо обучить правильному хранению секретных партийных документов (это означает, что каждый член партии должен знать, какие документы секретны, а какие нет, что можно говорить полиции, а что нет); в) определенная часть партийных функционеров должна воздерживаться от посещения легально работающих партийных учреждений. Эти учреждения должны создать существенную возможность для легальных контактов между партией и массами, для того, чтобы предоставить сочувствующим и вообще беспартийным рабочим, лишенным контактов с вынужденными уйти в подполье партийными организациями, возможность, имея эти адреса, установить такие контакты, передавать партии важные сведения и получать ответы на волнующие их вопросы» (№ 74, с. 941. Статья Васильева; эта статья заслуживает внимания).

Само собой разумеется, что публично не дается каких-либо уточняющих сведений о практических методах отмеченных преобразований: для этого существуют подпольные партийные школы. Врагу не дозволяется взглянуть за кулисы; тем выше оценивается значение этой работы.

«Хочу напомнить вам о том, что говорил Ленин о нелегальной партии и о роли нелегальной партии в массовых битвах.

От двухсот до трехсот подпольных партийных работников... выражают интересы и нужды миллионов и десятков миллионов, говоря им правду об их отчаянном положении, открывая им глаза на необходимость революционной борьбы, внушая им веру в такую борьбу, давая им правильные лозунги и ограждая эти массы от влияния ширококвещательных и насквозь лживых реформистских лозунгов буржуазии» (№ 14, с. 709 — 710. Отчет Лозовского).

«В то время как небольшая нелегальная партия, в которую входят несколько тысяч прогрессивных, глубоко преданных делу рабочего класса революционеров и которая работает в условиях жесточайшего белого террора, если она проявит выдержку и сумеет *проникнуть на предприятия*, может — ввиду нарастающих революционных настроений рабочего класса — *иметь такое же влияние на массы*, как и крупная массовая партия, выступающая открыто. Многолетняя героическая борьба такой нелегальной партии в тяжелейших условиях создает ей такой *авторитет* среди масс, который с годами превратится в прочную *традицию доверия* к ней».

«...Действительно по-большевистски подойти к завоеванию большинства рабочего класса сможет только такая партия, которая сумеет сочетать открытые формы движения с нелегальными формами работы, которая сумеет быстро переформировать свои ряды, приспособляясь к нелегальным условиям. Плохо придется тем партиям, которые приспособляются только к условиям легального существования: в момент войны, перед лицом классового врага такие коммунистические партии окажутся полностью безоружными» (№ 14, с. 55. Докладчик Мануильский).

Это относится ко всей коммунистической партийной работе вообще, но особенно к *нелегальным профсоюзам*.

Эти последние после запрета партии *сильно уменьшились*, однако они выполняют функцию как бы пылесоса, засасывающего людей: при их посредничестве коммунистическая партия получает возможность сохранить свои ячейки на предприятиях и удовлетворять свою потребность в партийцах-революционерах из рассеянной массы рабочих. Особого внимания заслуживают оригинальные высказывания о роли и значении нелегальных профсоюзов.

«Сохранение нелегальных профсоюзов имеет смысл и значение прежде всего в том случае, если эти небольшие нелегальные профсоюзы (*больших массовых организаций в нелегальных условиях быть не может*) охватывают по крайней мере небольшую часть рабочих, не входящих в коммунистическую партию. Только такие условия оправдывают существование нелегальных профсоюзов. Второго экземпляра партии нам не нужно... Итак, главная задача при сохранении профсоюза в условиях нелегальности состоит в том, чтобы *так построить этот профсоюз, чтобы он охватывал определенные слои сочувствующих партии, которые затем при посредничестве профсоюза могут быть привлечены к решению задач, стоящих перед партией*» (№ 14, с. 707 — 708. Отчет Лозовского).

«Несомненно, что профсоюз, перешедший на нелегальное положение, потеряет большую часть своих членов... *Наш собственный опыт показывает нам, что возможно сохранение нелегального профсоюза, который не будет скверным подобием партии...* Мы думаем, что *метод раздачи членских билетов нехорош*, так как рабочий возьмет билет и сожжет его. Лучше будет метод, при котором каждый месяц или раз в два месяца собираются небольшие взносы и регулярно организуются собрания платящих взносы рабочих...» (№ 14, с. 785. Докладчик Эрколи, итальянец; ср. № 19, с. 23. Доклад Лозовского).

Так постепенно выясняется, что проблема нелегальных профсоюзов подводит непосредственно к проблеме «новых» нелегальных методов работы. Внимательный исследователь найдет в коммунистических источниках интересные указания и отдельные основополагающие предписания, касающиеся этой области.

«Перед Коминтерном и Красным Интернационалом профсоюзов теперь стоит ряд сложных вопросов, связан-

ных со строительством нелегальных профсоюзов, ибо постоянно увеличивается число стран, в которых классовое профсоюзное движение вынуждено уходить в *подполье*... Повсеместно распространено мнение, что профсоюзы не могут быть нелегальными. Для нелегальных профсоюзов особенно актуальным является вопрос *связи с массами*. Каждому понятно, что нелегальное профсоюзное движение организаторски не может привлечь миллионы рабочих. Нелегальные профсоюзы не могут проводить регулярных докладов, иметь членские билеты и т. д. Ясно, что при таких обстоятельствах нужны *особые формы* связи с массами... В чем же состоит наша главная задача по отношению к нелегальному профсоюзному движению? Она состоит в объединении лучших, предрасположенных к борьбе элементов рабочего класса вокруг профсоюзов и в *установлении связей со всеми фабриками и заводами*. Организация может не быть большой, но ее влияние может охватывать сотни, тысячи и миллионы людей, все зависит от способов и методов работы...» Для таких стран Красный Интернационал профсоюзов всегда давал следующую директиву: надо не покладая рук одновременно *укреплять и расширять* нелегальные профсоюзы. «Ты должен работать всюду, где есть рабочие. Если рабочие загнаны в фашистские, государственно-политические профсоюзы, ты должен непременно пойти туда, чтобы их *дезорганизовать, разложить изнутри* и перетянуть тех рабочих, которые еще в них остались, на сторону классовой борьбы. Для стран с нелегальным профсоюзным движением эта директива остается верной и далее. Для этих стран *проблема руководства экономической борьбой* имеет особое значение. Это вопрос жизни и смерти для коммунистических партий и нелегальных профсоюзов... Это кратчайший путь к массам...» (№ 9, том 1, с. 416 — 417. Докладчик Лозовский)*.

«Сохранение *нелегального аппарата* революционных профсоюзов ни в коем случае не должно стать для нас

* Перевод с русского. В сокращенных «протоколах», напечатанных в Германии, вся глава отсутствует.

причиной для того, чтобы ограничить нашу работу кругом актива, находящегося под нашим влиянием, и лучшими революционными элементами рабочего класса. Наша задача теперь состоит в первую очередь в марксистском вовлечении беспартийных рабочих в эти союзы» (№ 14, с. 851. Докладчик Лозовский).

В тех странах, где буржуазия совместно с социал-фашистами смогла загнать профсоюзы в подполье (Италия, Югославия и т. д.), где революционные профсоюзы по-прежнему работают нелегально, важнейшая задача заключается в том, чтобы укрепить нелегальные профсоюзы, привлечь в них как можно больше беспартийных рабочих и развернуть их работу на базе растущей волны забастовок. Надо вести решительную борьбу против любой ликвидаторской и капитулянтской линии на ограничение работы нелегальных профсоюзов под предлогом того, что образование какого-то нелегального профсоюза вообще невозможно. Особое значение для стран с нелегальным профсоюзным движением имеет образование многочисленных комитетов борьбы для ведения экономической борьбы. Эти комитеты борьбы могут стать наилучшим средством для прорыва всей системы полицейско-фашистских запретов и для перехода нелегальных профсоюзов к открытому существованию» (№ 14, с. 922 — 923. Тезисы).

Таким образом, мы получили для работы нелегальных профсоюзов следующие директивы: 1. Не падать духом. 2. Начинать с небольших союзов. 3. Не раздавать членских билетов. 4. Удовлетворяться небольшими суммами и регулярными конспиративными собраниями. 5. Осторожно, но постоянно охватывать сочувствующих рабочих. 6. Раз за разом устанавливать связь со всеми предприятиями. 7. Вступать в фашистские профсоюзы; разлагать и дезорганизовывать их изнутри; вести ползучую марксистскую пропаганду. 8. Привлекать на свою сторону все больше рабочих. 9. Вставать во главе всех забастовок и создавать растущую забастовочную волну. 10. Создавать многочисленные комитеты (единый фронт!) и вступать в борьбу за легальное существование.

Мы находим в связи с этим изрядное количество основополагающих советов для такой работы. «Важнейшие конкретные специфические задачи в странах с нелегальными профсоюзами таковы:

1. Основной низшей организацией нелегальных профсоюзов является *группа на производстве*, в которую входят все члены красных союзов, работающие на предприятии. Во главе группы на производстве стоит *нелегальное руководство (организатор или правление, состоящее из трех членов)*. Вокруг руководящих органов организаций нелегальных профсоюзов на предприятиях объединяются активные члены профсоюза. Важнейшей задачей подпольного руководства и активистов является *привлечение возможно более широких слоев рабочих данного предприятия* к активной профсоюзной работе.

2. С целью лучшего охвата рабочих масс на предприятиях *нелегальные профсоюзы опираются на различные легальные, полулегальные и открыто действующие вспомогательные организации* на предприятии, например, на группы Международной красной помощи, спортивные союзы, кассы взаимопомощи, образовательные кружки, группы для распространения профсоюзной литературы, общеобразовательные клубы. Руководящие органы нелегальных профсоюзов принимают все меры для того, чтобы объединить группы членов нелегального профсоюза *внутри этих вспомогательных организаций*. Таким образом руководство организации нелегального союза на производстве, опираясь на группы, может руководить всей работой вспомогательных организаций.

3. Огромное значение имеют *революционные уполномоченные и особенно различные комитеты борьбы*.

Эти комитеты могут быть лучшим средством для прорыва всей системы полицейских и фашистских запретов.

«Существующие наряду с нелегальными легальные реформистские, фашистские, христианские и прочие профсоюзы или другие легальные массовые организации должны быть использованы *в качестве легальной возможности* с тем, чтобы развернуть в них обширную массовую работу. Нелегальным профсоюзам надо *стараться*

*проникать** в эти легальные массовые организации, создавать в них *оппозиционные группы*, разоблачать руководителей этих организаций и таким образом пытаться завоевать все еще идущие за ними массы рабочих».

«Из-за полицейских условий нелегальные профсоюзы не в состоянии полностью соблюдать профсоюзную демократию. Руководящие органы и наиболее активные члены профсоюзов в нелегальных союзах *должны находиться в нелегальных убежищах*. Руководящие органы нелегальных союзов должны быть *немногочисленны* и избираться на небольших собраниях депутатов при соблюдении *необходимых правил конспирации*. Несмотря на все полицейские препоны, руководящие органы все же должны *время от времени отчитываться перед членами* за проделанную работу, а также информировать о ней широкие массы рабочих в группах и на собраниях делегатов, в узком кругу и на представительных общих собраниях. Регистрацию членов нелегальных союзов и сбор членских взносов надо проводить, как правило, на предприятии по отделам и сменам при *соблюдении необходимой конспирации и без составления списков*».

«Огромное значение имеют в странах с нелегальным профсоюзным движением *нелегальная профсоюзная печать и особенно нелегальные заводские газеты*. В то же время нелегальные союзы должны *использовать любую малейшую возможность для издания легальной газеты* и связывать кампанию по созданию такой газеты с задачами общей борьбы рабочего класса. Для поддержки нелегальной и легальной профсоюзной печати нелегальные профсоюзы должны *создавать на предприятиях специальные вспомогательные группы*, которые возьмут на себя сбор средств и распространение печати» (№ 20, с. 56 — 57. Решение).

Один из руководящих деятелей-коммунистов описывает нелегальную работу на производстве следующим образом:

* В особенности — в «фашистские массовые организации» и в «лагеря службы для рабочих», где необходимо вести «революционную работу изнутри». Директива от декабря 1933 г. № 18.

«Как еще можно установить связь с рабочими, если коммунистические партии находятся в подполье, как не на фабриках и *предприятиях*? Как бы трудно это ни было и как бы ни шпионили за нами предприниматели, нет такой силы, которая помешала бы коммунистам распространять на фабриках и предприятиях листовки или обмениваться мнениями у станка на фабрике, неподалеку от фабрики, направляясь вместе на фабрику или уходя с нее, находясь вместе в транспорте по дороге на работу и т. д. Основой коммунистической работы на время нелегального положения могут и должны быть только фабрики и предприятия» (№ 14, с. 257. Докладчик Пятницкий).

Но это не означает, что можно упускать другие возможности. Кипящая вода выбрасывает пар из каждого отверстия всюду, где только можно. Точно так же и коммунисты должны хвататься за любую возможность и использовать ее, это особенно относится к *коммунальному и общинному управлению*.

«Каждая общинная функция, особенно в период нелегального положения, должна использоваться для продолжения партийной работы» (№ 15, с. 23. Резолюция).

Аналогичные и не менее интересные директивы сформулированы и для работы *Коммунистического Интернационала молодежи*.

Эти «нелегальные союзы» также должны «вернуться лицом к новым методам работы». Применение методов агитпропа, обращенных к молодежи, возможно и абсолютно необходимо нелегальным КСМ, они не вредят нелегальной работе, а напротив, лишь облегчают и укрепляют ее.

«Рабочие методы, применяемые в легальных союзах, конечно, не могут быть механически перенесены на работу нелегальных союзов. В нелегальных союзах особенно нужны перенимание и применение новых методов, соответствующих конкретным условиям каждой отдельной страны. Поэтому каждому союзу следует самому определять, на каком пути и в какой форме вводить *новые методы, рассчитанные на молодежь*, и применять опыт других союзов.

Следует различать два основных типа:

а) в странах, в которых существуют различные легальные вспомогательные молодежные организации, проф-

союзы и т. д. (в большинстве случаев); б) в странах, где все легальные организации рабочего класса и рабочей молодежи *запрещены* (например, в Италии).

В странах первого типа мы прежде всего должны оживить и интересно оформить *легальные организации* и заново создать другие легальные клубы молодых рабочих, литературные и драматические кружки, певческие группы, группы любителей путешествий и т. д. В самом Коммунистическом союзе молодежи надо сначала построить работу ячеек на производстве соответственно интересам молодежи и оживить работу на производстве. В странах второго типа нам следует уделить *оживлению ячеек на производстве* и интересному оформлению *агитации на производстве* еще большее внимание. Кроме того, и в этих странах возможна организация *экскурсий и путешествий* под руководством КСМ и использование таких совершенно элементарных и неформальных видов работы, как *встречи друзей*, где отсутствует жесткая организация, а также *экскурсий, семейных праздников, танцев* и пр.».

«Печать наших нелегальных союзов отличается излишней сухостью. Даже в тех странах, где имеются кое-какие возможности для легальной печати, легальная пресса слишком серьезна. И здесь необходим поворот. Наши *нелегальные газеты* тоже должны в пределах возможного выдерживаться в том духе, о котором говорится в разделе о печати. Для нелегальных условий особенно рекомендуется *создание заводских газет* разной формы».

«Мы должны стремиться оживить агитацию и в нелегальных союзах, например, путем выноса *знамен и плакатов* на нелегальные демонстрации, путем вывешивания *красных флагов и транспарантов* в труднодоступных местах и т. д.»

«Применение новых методов в нелегальных союзах создает угрозу усиления определенных легалистских тенденций, поэтому необходимо *теснейшим образом* связывать эти методы с *нелегальной работой*» (№ 22, с. 41 — 42. Решения).

Что касается директив для *повседневной конспиративной работы* коммунистов, то они, естественно, публикуются редко и с большой осторожностью. Один прекрасный исследователь волею случая мог продолжительное время внимательно наблюдать за этой работой в не-

посредственной близости. В дальнейшем он подытожил свои наблюдения почти в форме катехизиса.

1. Коммунисту нужно постоянно быть готовым к обыску в своем доме. Он должен хорошо спрятать те партийные документы, которые у него есть. Он знает, что если у него при обыске ничего не найдут, то ему позднее будет легче освободиться.

2. Если коммунист куда-то идет, ему необходимо внимательно и осторожно оглядеться вокруг, не следит ли кто за ним; но он должен делать это так, чтобы не было заметно, что это его интересует. Он должен идти так свободно и спокойно, как только может.

3. Коммунисту нельзя иметь при себе ничего, что могло бы скомпрометировать его (документы, записки, заметки), за исключением случая, когда нужно перенести эти вещи из одного места в другое. Тогда ему надо идти прямо в нужное место и нигде не задерживаться. На встречу ему следует приходить с математической пунктуальностью. Он должен пунктуально и аккуратно работать; ему нельзя ничего откладывать, особенно если проволочка может повредить делу (например, при приеме и передаче материалов).

4. Коммунист должен так одеваться, чтобы не обращать на себя внимания.

5. Ему нельзя хвастаться или рассказывать о том, что он знает и чем он занимается, никому — ни вернейшему товарищу, ни вышестоящему товарищу по организации; исключаются из этого правила лишь те товарищи, совместно с которыми он выполняет данное поручение; но и тут лишь в известных границах.

6. Во время доклада или беседы он должен быть осторожен и убедиться в том, что никто не подслушивает. Ему известно, что зачастую достаточно одного слова, чтобы убедиться в том, кто он и о чем идет речь.

7. Если ему надо перевезти материалы, необходимо так их упаковать и так перевозить, чтобы никому и в голову не могло прийти, что он перевозит что-то запрещенное. Ему известно, что полиция обращает особое внимание на набитые карманы.

8. Знакомясь с новыми товарищами, не знающими его настоящего имени, он должен присвоить себе кличку

независимо от того, будет он с ними работать в дальнейшем или нет.

9. Коммунисту нельзя громко называть своих товарищей по имени на улице или в ресторации, ведь в этом случае он может выдать их полиции.

10. Коммунист никак не может допустить, чтобы материалы, и особенно списки членов партии или инструкции, попали в руки полиции.

11. В случае ареста коммунист должен все отрицать и как можно меньше говорить. Лишние слова могут осложнить его положение и повредить всей партии.

12. На допросе коммунист никогда не должен верить тому, что полиции что-то известно, и особенно в том случае, если ему скажут, что другой товарищ во всем признался. Ему нельзя говорить о том, что, как ему кажется, «всем известно»; ему нельзя ничего рассказывать о прошлом и о том, кем «были» его товарищи «в прошлом». Ни в коем случае ему нельзя называть имен своих товарищей.

13. Если коммунист арестован при таких обстоятельствах, которые не оставляют сомнения в роде его деятельности, например, с партийными бумагами в руках, и он не сможет привести никаких объяснений и оправданий, то ему следует показать, что эти предметы «случайно попали ему в руки». Если он не умеет молчать, то он должен сказать, что получил эти вещи от такого-то и такого-то, назвать вымышленное имя и дать описание вымышленного лица; если же он назовет настоящее имя, или точно опишет лицо, от которого он получил материалы, или назовет еще и дом, в котором он получил материал, то это будет сочтено величайшим предательством. Лучше всего говорить, что материалы даны ему незнакомцем, встреченным на улице.

14. Если коммунист-конспиратор берется за работу, он должен заранее запастись готовыми ответами на вопросы, куда он ходил, зачем, с кем встречался, о чем разговаривал и пр. Точно так же при встрече с товарищами ему следует договориться с ними о том, каким образом они все встретились друг с другом и о чем говорили, чтобы при допросе они могли представить это как совершенно обычные встречи и обычные частные беседы.

15. Во время допроса коммунист всегда должен помнить о том, что тех, кто много говорит после ареста и кто сознается в том, что делал, на допросах (якобы) «избивают» и им приходится дольше сидеть в тюрьме, чем тем, кто держится, как подобает революционеру.

16. Коммунисту строго наказывают, что если он выдержал при допросе первый натиск полиции, то «уже спас» дело. При этом ему следует думать о тех тысячах людей, которые пошли на смерть за «великое дело пролетариата», и т. д.

Эти правила полностью совпадают с теми оригиналами директив Коминтерна, которые появились в печати. При этом мы имеем в виду в высшей степени интересную книжечку Феликса Галле «Как пролетарию защититься перед полицией, прокуратурой и судом за противозаконную политическую деятельность?»*. Среди прочего мы здесь читаем:

«Рассматривать молчаливость как высший закон. Каждое лишнее слово — зло» (с. 1).

«Осторожность при сочинении и хранении писем, рукописей и адресов» (с. 4).

«Избегать любого лишнего слова» (с. 4).

«Нельзя упоминать в написанном никаких имен и адресов в связи с политическими деяниями и функциями» (с. 4).

«Во времена запрета партии избегать использования старых бланков» (с. 4).

«Будучи на нелегальном положении, избегать партийной терминологии» (с. 5).

«Проявлять молчание в отношениях с женщинами» вопреки «страсти заинтересовать и похвалиться». «Никакого хвастовства» (с. 5).

«Не оставлять» «никаких материалов» «в публичных местах» (с. 5).

«Предостережение от выпивки» (с. 5 — 6).

«Осторожность даже в мелочах при составлении полицейского протокола» (с. 7).

Протокол лучше «не подписывать» (с. 7).

* Приведена в списке литературы под № 57.

Каждый партиец «должен быть готов к тому, что полиция внезапно потребует у него удостоверить себя» (с. 7).

Не рекомендуется «иметь при себе документы не на одно, а на два, три или более имен», обладание несколькими паспортами (с. 10).

«Избавление от материалов доказательств» или «уничтожение этих материалов» должно производиться осторожно и с приведением «достоверной причины» (с. 11).

«Партиец должен быть совершенно убежден в том, что извне, со стороны его товарищей и ответственных учреждений, которым это поручено, будет сделано все для оказания ему помощи» (с. 12).

«Коммунисту нельзя чувствовать себя в одиночестве, даже в одиночном заключении он должен оставаться звеном борющегося пролетариата» (с. 12).

«Предостережение против душевной депрессии, против других психических последствий заключения (злоба, ярость и т. д.) и выманивания признания в подобном состоянии» (с. 13).

«Осторожность на транспорте» (с. 15).

«Предостережение против приема на допросах: «остальные уже признались» (с. 16).

«Предостережение относительно шпииков в тюрьме» (с. 16 — 17).

«Осторожность со стороны находящихся в предварительном заключении в отношении тюремных врачей» (с. 17).

Далее речь идет о «предварительном заключении и аресте», о «поведении во время домашнего обыска», «поведении на месте свидетеля», «защите политических заключенных» и т. д. Книжечка в целом есть важный путеводитель на тяжких и темных тропах «попавшего в переделку», т. е. застигнутого на месте преступления коммунистического ниспровергателя (№ 57, с. 1 — 75).

Два этих кратких обзора коммунистической техники заговора дают обо всем партийном механизме гораздо большее представление, чем это кажется на первый взгляд. Мы имеем здесь дело с конспиративной муштрой, в которой людей обучали искусству вкрадываться в доверие и лгать, непримиримости и стойкости вплоть до смерти. Это искусство доходит до *техники медитации*, где человеку внушается, на каких мыслях ему следует

сосредоточиваться, чтобы отразить внешнего врага или внутреннее искушение. Коммунист принимается за дело, наполненный директивами и советами, которые должны последовать за ним и в тюремную камеру. «Нелегальность» доводится до тонкости паутины, которой опутывают душу коммуниста и держат его в ее сетях. Техника заговора достигает здесь своей кульминации.

Но это вовсе не означает, что коммунист хотя бы на одно мгновение удовольствуется нелегальным положением. Напротив, главной его задачей остается такое овладение внутренней и внешней техникой заговора, чтобы *нелегальность пала* благодаря его усилиям. Здесь его лозунги гласят: *«Вырваться из-под сводов подполья!»*, *«Вперед, в открытую схватку!»*, *«Вперед, к «высочайшим формам» классовой борьбы!»*. Однако это не три разных лозунга, а единый и единственный; ибо лишь через обострение борьбы и форм борьбы, лишь через подъем забастовочной кривой и лишь на пути массовой борьбы можно сокрушить «фашистский режим», а вместе с ним и нелегальность.

«Наша задача заключается в энергичной и неукротимой борьбе за каждую позицию, за каждую пядь земли для того, чтобы выйти из подполья».

«Надо всегда ясно осознавать, что выход из подполья в этих странах возможен лишь при возрастании кривой забастовочной борьбы и забастовочного движения» (№ 14, с. 851. Докладчик Лозовский).

«Очень важен вопрос руководства массовой борьбой из подпольных укрытий... Надо уметь создавать связи между союзами и предприятиями, несмотря на нелегальное положение, руководить забастовками и в каждом подходящем случае выходить из нелегальных укрытий» (№ 16, с. 23. Докладчик Лозовский; ср. также № 9, т. 1, с. 416).

«Такие невероятные забастовки последнего времени, как забастовки варшавских трамвайщиков и текстильщиков Лодзи, которыми с начала и до конца руководила коммунистическая партия, приобрели размеры генеральных забастовок именно потому, что Коммунистическая партия Польши сумела сделать строго нелегальные партии главной движущей силой легально действующих комите-

тов единого фронта борьбы всех рабочих» (№ 78, С. 53, от 10 января 1933 года).

«Нелегальные союзы должны вести постоянную борьбу за то, чтобы *покинуть нелегальные убежища и снова начать легальное и открытое существование*. Надо решительно осудить тенденции, направленные на отказ от использования легальных возможностей и от борьбы за открытое существование, ибо подобные тенденции на деле являются признаками пассивности и грубого оппортунизма.

Надо *использовать* с этой целью все массовые движения, чтобы, опираясь на них, вызвать к жизни различные открыто существующие боевые организации и организации солидарности, точно так же надо непременно использовать все легальные и полуполегалынные возможности.

Необходимо мобилизовать общественность предприятия на борьбу за признание дирекцией и полицией легального существования делегатов предприятий, избранных на общих собраниях и собраниях депутатов» (№ 20, с. 57. Решение).

«Борьба за преодоление нелегальности, за открытое существование должна находиться в центре внимания революционных профсоюзов. Она только в том случае может быть успешной, если нелегальные профсоюзы свяжут эту борьбу с борьбой за *повседневные нужды рабочих* и действительным руководством экономической борьбой» (№ 14, с. 922 — 923. Тезисы).

«Перед нашими партиями» стоит «задача создания в условиях фашистского террора нелегальных, полуполегалынных, а также легальных организаций; ...это единственный путь для прорыва фашистских преград, вставших перед рабочим движением; ...лишь через предприятия и на основе предприятий, ...через непосредственную связь с массами фашистский режим может быть сломен».

«Я думаю, что мы должны сказать всем этим партиям: если вы хотите выбраться из подполья, — а таких партий, которые бы этого не хотели, не существует, — вы должны незамедлительно направить ваше внимание на *наращивание экономических битв и суметь стать вождями и руководителями в этой экономической борьбе*».

«Коминтерн должен оказывать всем этим партиям всяческую поддержку, и, предъявляя к ним целый ряд

требований, мы должны учитывать все их трудности. Надо иметь в виду, что преодоление этих трудностей возможно лишь при активном участии и помощи всего Коминтерна» (№ 14, с. 712 — 713. Отчет Лозовского).

То обстоятельство, что Коминтерн оказывает нелегальной партийной работе коммунистов *«всяческую поддержку»*, *«предъявляет к ним требования»* и что *«предстоящие попытки развязывания путча»* имеют шансы на успех *«лишь» «при активном участии и помощи всего Коминтерна»*, есть чрезвычайно ценное признание, имеющее международное значение.

Общую картину вряд ли можно описать лучше, чем это сделают следующие строки:

«Задача состоит в том, чтобы любой ценой, но не оставляя своих политических позиций, выйти из подпольных убежищ. Для осуществления этой цели надо уметь сочетать все формы нелегальной, полулегальной и легальной работы и организовывать рабочих под любым предлогом и под любыми наименованиями. Слабость сторонников Красного Интернационала профсоюзов в Китае, Италии и Югославии заключается в том, что они не смогли достаточно умело развить деятельность нелегальных союзов, уделяли недостаточное внимание важнейшим отраслям промышленности и промышленным центрам, не закрепили организационно влияние нелегальных союзов на массы, недостаточно активно боролись за свободное существование и не проявляли достаточной гибкости.

Систематическое и настоятельное укрепление нелегальных союзов не только не освобождает нас от деятельности, направленной на достижение свободного существования, а напротив, предполагает использование всех наших нелегальных связей и влияния для создания *полулегальных и легальных опорных пунктов*, чтобы добиться для нас *свободного существования и деятельности внутри фашистских союзов* и возможности привлечь на свою сторону рабочих, являющихся членами этих организаций. Особенно большое значение для стран с нелегальным профсоюзным движением имеет *руководство массовым движением вопреки нелегальному положению*. Здесь требуются большая изворотливость и гибкость, а

также способность соединить *нелегальное положение кадров со свободным руководством массовым движением*» (№ 19, с. 544. Решение).

Задача обрисована очень ясно. Нелегальное положение нужно использовать как настоящее *обучение революционной борьбе*. В подпольной работе коммунистические кадры должны закалиться, как бы стать железными, не только для того, чтобы произвести прорыв к легальному существованию, а для того, чтобы превратить этот прорыв в настоящую и окончательную победу, в революцию.

В состоянии нелегальности коммунистическая партия набирает силы и готовится к победоносному сражению.

Глава четырнадцатая

АРМИЯ

В одной области коммунисты могут вести свою пропаганду *исключительно нелегально*: это *пропаганда в некоммунистической армии*; ибо лишь полностью разложенное и полностью *разваленное* буржуазное правительство допустит и будет терпеть такую пропаганду. Можно спокойно сказать: там, где коммунистическая пропаганда в армии и на флоте ведется *легально*, там государство и страна стоят непосредственно *перед* революционной катастрофой или катастрофа уже разразилась (Россия в феврале — октябре 1917 года). Вооруженные силы — последняя причина и последний аргумент (*ultima ratio*) государственности; они есть — внешне и внутренне — последний оплот данного правопорядка. Разложить и завоевать эти силы означает обезоружить и лишить защиты государство; а обезоруженное и лишенное защиты правительство никогда и нигде не сможет утвердиться. Это известно всякому приверженцу своего Отечества: поэтому армия его Отечества ему так же дорога и так же свята, как и само Отечество. Известно это и коммунистам: поэтому им так же *ненавистна* всякая буржуазная армия, как и всякое буржуазное Отечество; а может быть, и еще более, ибо они воспринимают буржуазную армию как главное препятствие на своем пути к револю-

ции, можно сказать, как концентрированного классового врага и как вымуштрованную свору буржуазии...

Но для правильного понимания работы коммунистов в буржуазной армии и на флоте необходимо прояснить их основную идеологию в этой области.

Во-первых, коммунисты не желают ничего знать о «буржуазном Отечестве»; в этом отношении они совершенно категоричны и абсолютно последовательны. Они верны основной формуле Маркса и Энгельса: «У рабочих нет Родины» (№ 43, с. 42). В соответствии с ней мы читаем, например, в решениях VI международного конгресса Коминтерна следующее, что далее сотни раз в различных вариациях повторяется в других коммунистических источниках:

«У пролетариата нет Родины до тех пор, пока он не завоеует политическую власть и не вырвет средства производства из рук эксплуататоров». Выражение «защитник Родины» — не что иное, как лозунг, и чаще всего лозунг мелкобуржуазный, для оправдания войны. В войнах, которые ведет против империализма сам пролетариат или пролетарское государство, пролетариату необходимо защищать *свою социалистическую Родину*. В национально-революционных войнах пролетариат выступает в защиту страны против империализма. А в империалистических войнах пролетариат должен острейшим образом обличать «защиту Родины» как защиту эксплуатации и предательство социализма» (№ 12, с. 113. Решение).

Ясно видно отличие этой формулировки от первоначальной марксистской доктрины: у Маркса и Энгельса еще не было «социалистической Родины», и они не могли еще о ней говорить. III Интернационалу уже известна «социалистическая Родина», и он требует революционной верности ей и *только ей*. Настоятельно говорится:

«В Советском Союзе пролетариат впервые в истории завоевывает свою Родину» (№ 12, с. 85. Программа Коммунистического Интернационала).

«Советский Союз есть истинная Родина пролетариата, прочнейшая опора его достижений и главный фактор его международного освобождения» (№ 12, с. 86. Программа).

«В Советском Союзе — на руководимой Коммунистической партией Родине пролетариата...» (№ 12, с. 202. Резолюция).

«Победа Октябрьской революции дала рабочим всего мира социалистическую Родину: Советский Союз» (№ 12, с. 127. Решение).

«Советский Союз, Родина международного пролетариата» (№ 12, с. 127. Решение) и т. д. и т. д.

Из этого делаются логические выводы: коммунисты не должны никоим образом разделять ни чувства, ни действия буржуазных патриотов. Им *нельзя защищать* ни страну, ни народ, из которых они происходят; им надо их *предать*. Единственная страна, которой они должны служить и которую должны защищать, — это Советский Союз (СССР).

«Неоспорим тот факт, что число рабочих и трудящихся, которые готовы активно и революционно защищать Советский Союз как свою единственную Родину, неуклонно растет и выходит далеко за пределы сферы влияния коммунистических партий» (№ 16, с. 33. Резолюция 1931 года).

«Активная и революционная защита» «единственной Родины» означает, что буржуазную Родину необходимо подвести к *поражению*. Эта *пораженческая политика* обозначается словом «дефетизм» (от французского слова «defaite», которое означает *поражение* в одном сражении или в целой войне).

Потому всякий коммунист обязывается «пропагандировать» на войне «коммунистические лозунги», и в первую очередь лозунги *поражения «собственной, империалистической Родины»* (№ 12, с. 28. Резолюция). Программа III Интернационала есть «радикальная дефетистская программа» (№ 12, с. 136. Решение); ее главная линия есть «ясная дефетистская линия» (там же). Тактика эта названа ленинской тактикой (№ 12, с. 119. Решение). Для каждой войны между двумя буржуазными государствами она выставляет два главных лозунга: 1. «Отрицание защиты Родины...» и 2. «Дефетизм, т. е. содействие поражению собственной буржуазии в этой войне» (№ 12, с. 120. Решение). Это настоятельное требование настоящего интернационализма: «Настоящий интернационализм — значит революционная дефетистская работа пролетариа-

та в каждой из воюющих стран для свержения собственной буржуазии» (№ 12, с. 120. Решение).

«Пролетариат борется с этими междоусобными войнами империалистических государств программой поражения собственного правительства...» (№ 12, с. 113. Решение).

Борьбу с войнами между буржуазными государствами III Интернационал определяет как *единственный верный пацифизм*. Это означает, что *всякий некоммунистический пацифизм* необходимо обличать как ложь и лицемерие, неважно, идет ли речь об «официальном пацифизме», пацифизме II Интернационала, «радикальном» пацифизме некоторых левых социалистов, «полурелигиозном пацифизме» или «кооперативном пацифизме». Все приверженцы этих пацифистских теорий скопом — «фразеры», с которыми надо «беспощадно» бороться (№ 12, с. 115 — 116. Решение).

«Распространение пацифизма представляет на настоящем этапе большую опасность для революционного пролетариата. *Пацифизм — обманчивая форма усыпления масс* в то время, как буржуазия готовится к войне...» (№ 9, т. II, с. 27. Докладчик Белл). «Эти пацифистские надувательство и обман» — «мерзкая идеология империализма» (№ 12, с. 7, 11. Манифест). Поэтому в решении говорится:

«Первый долг коммунистов в борьбе против империалистической войны — *разорвать те покровы*, под которыми буржуазия скрывает свою подготовку к войне, и показать широким массам действительное положение вещей. Это прежде всего означает острейшую политическую и пропагандистскую борьбу с пацифизмом» (№ 12, с. 114 и др. Решение).

Показному и лживому пацифизму противопоставляется коммунистическая *приверженность миру* и коммунистическая *мирная политика*.

«Советский Союз — единственная страна, последовательно и в полной мере проводящая мирную политику» (№ 8, с. 14. Резолюция). Эта мнимая, но демонстративно проводимая «мирная политика», конечно, включена в расчеты Коминтерна и живо приветствуется им. Так, например, мы читаем в тезисах XIII Пленума ИККИ от декабря 1933 года: «Своей настойчивой и твердой мирной политикой в интересах всех трудящихся Советский

Союз добился значительных успехов (ряд пактов о ненападении, ряд новых признаний, определение агрессора, вынужденная отмена английского эмбарго)»... (№ 18). На этих «достижениях» Советского Союза Коминтерн теперь строит собственную политику и пропаганду.

«Международная политика Советского Союза, отвечающая интересам пролетариата, стоящего у власти в Советском Союзе, и интересам международного пролетариата, тесно связывающая всех перечисленных союзников с пролетарской диктатурой и представляющая наилучшую основу для использования противоречий между капиталистическими государствами, — есть политика мира» (№ 12, с. 127. Решение).

Этот своеобразный коммунистический пацифизм иногда формулируют еще яснее и недвусмысленнее. Например: «Мирная политика пролетарского государства... это лишь иная — в нынешних условиях, преимущественная форма борьбы с капитализмом, которой, начиная с Октябрьской революции, неуклонно следует Советское правительство» (№ 12, с. 128. Решение).

Итак, коммунистическая мирная политика базируется на следующей основе:

1. Коммунистическое государство не участвует ни в одной войне, однако оно создает Красную Армию («мир»), которая полностью отвечает требованиям времени.

2. III Интернационал стремится разложить своей пропагандой все буржуазные армии во всех других странах и повсюду создать «революционную ситуацию».

3. В случае войны эту «империалистическую войну» надлежало «превратить» «в гражданскую войну» (№ 12, с. 28, 113 и др. Решения*). Тогда все рухнет, и коммунисты как победители в гражданской войне захватят власть.

Красный пацифизм ведет, таким образом, не к умиротворению на земле; он также не отвергает ни армии, ни вооружений. Он стремится сначала *переместить войну в другую сферу*, а именно: из отношений между государством и государством в отношения между классом и классом; международная («империалистическая») война

* См. гл. 16 и 17.

должна послужить для того, чтобы, если это возможно, повсюду развязать революцию и гражданскую войну. Коммунистический пацифизм *вовсе не страшится крови*; напротив, его цель состоит в том, чтобы вызвать огромную, неслыханную в истории мировую кровавую бойню; только что эта бойня должна происходить не между государством и государством, а между классом и классом.

Для этого надо прежде всего и превыше всего осуществить следующую кратко обрисованную программу:

«Разоружение буржуазии» и «вооружение пролетариата» (№ 12, с. 138. Решение, § 50).

Этим, собственно, уже все сказано; это есть основное условие для завоевание пролетариатом советской власти.

«Значительную часть завоевания власти рабочим классом составляет *разрушение буржуазной монополии на вооружения и их концентрация в руках пролетариата*. Разоружение буржуазии и вооружение пролетариата должны стать в ходе борьбы *главной целью*. Именно так должна происходить дальнейшая организация вооруженных сил, которая должна опираться на строгую дисциплину на основе классового принципа построения пролетарской диктатуры, обеспечивающей руководящую роль пролетариату» (№ 8, с. 66. Резолюция V международного конгресса).

И здесь, как всегда, коммунисты ссылаются на Ленина: «Порабощенный класс, не стремящийся обучиться владению и обладанию оружием, заслуживает того, чтобы с ним обращались, как с рабами» (№ 44, с. 450; срв. № 9, том 2, с. 29 — 30. Докладчик Белл).

Нам кажется совершенно ясным, что эта программа тесно связана с отказом от буржуазного Отечества и с «ясной дефетистской линией».

Попробуем подробнее рассмотреть первую часть программы — разоружение буржуазии.

Для коммунистов все государства сегодняшнего мира, кроме Советского Союза, — «буржуазные государства»; все армии, за исключением Красной Армии, — «буржуазные армии». Тем самым трибуналом Коминтерна определена их судьба и подписан приговор. Эти армии «контрреволюционны» и их надо уничтожить. «Любые офи-

циальные вооруженные силы внутри капиталистического общества, в какой бы форме они ни существовали, имеют капиталистическую природу» (№ 23, с. 53. Решение).

«Контрреволюционной военной политике на службе буржуазии коммунисты противопоставляют *революционную военную политику* в интересах мировой пролетарской революции. Конечно, не существует единого рецепта по отношению ко всем армиям и к любой из армий. Пролетариат скорее определяет свою позицию по отношению к определенной армии, исходя из *тех классов* и из той политики, инструментом которых эта армия является. Все решает не форма устава вооруженных сил или организация армии, а их политическая роль, в зависимости от нее это *империалистическая, национальная или пролетарская* армия. Здесь коммунистические партии следуют учению Маркса и Энгельса, которые в эпоху крупных национальных войн выступали против милицейских утопий демократических обывателей, за всеобщую воинскую повинность, демократизацию имеющейся армии и ее *превращение в революционную армию*, но после Парижской Коммуны провозгласили важнейшим своим учением в интересах пролетарской революции *разрушение буржуазного государственного аппарата*, а в военном вопросе — *ропуск существующей буржуазной армии* и ее замену всеобщим вооружением народа. Ленин... восстановил и продолжил их учение» (№ 12, с. 133. Решение).

Поэтому «армия, — неважно какова форма ее организации, — есть часть буржуазного государственного аппарата, которую пролетариату следует *не демократизировать...*, а *разрушить*. Вопреки этому представлению исчезают организационные различия между регулярной армией и милицией, армией со всеобщей воинской повинностью и наемной армией»...

«Буржуазия всеми силами стремится создать себе надежное войско»; она «переходит» «к образованию наемных войск из отборных элементов».

«Важной задачей коммунистов, однако, является тщательное исследование этих методов работы, созданных специально для наемных армий, и противопоставление

новым буржуазным методам работы новых методов революционной работы» (№ 12, с. 133 — 134. Решение).

«Вооруженные силы, обороняющие господствующие классы как внутри страны, так и от нападения извне, имперская армия, имперский морской флот, полиция, как и другие вооруженные формирования, есть *составная часть капиталистического государства*. Пролетариат ни в коей мере не может ни перенять, ни «демократизировать» армию, как и само государство, поэтому ему остается лишь *разгромить ее своими силами в ходе гражданской войны*. Коммунисты — принципиальные противники буржуазных вооруженных сил; они не подарят буржуазным вооруженным силам «ни одного солдата и ни одного гроша» и стремятся к их *ропуску, разоружению и разгрому в ходе революционной борьбы пролетариата*. Коммунисты обязаны придерживаться необходимости насильственного разгрома капиталистических вооруженных сил и пробуждения у рабочей молодежи ненависти к наемному войску господствующего класса» (№ 23, с. 52. Решение 1929 г.).

Поэтому коммунисты охотнее всего *распустили* бы регулярную армию буржуазного государства на законном основании, но поскольку это невозможно (из-за недостаточного количества голосов в парламенте!), «реформировали» бы ее таким образом, чтобы сама эта реформа неизбежно вызвала полное разложение армии. Соответствующая практически безнадежная, но программно примечательная попытка была предпринята в 1927 году в германском рейхстаге в виде следующего коммунистического «Обращения к имперскому военному бюджету»:

«*Рейхстагу следует принять решение о роспуске рейхсвера*. Его место должна занять милиция трудящихся. Отряды и нижние офицерские чины будут переобучаться профсоюзами и советами на предприятиях избранным ими самими профессиям.

В случае отказа... провести с целью реорганизации рейхсвера следующие мероприятия:

1. Отменить все постановления, ограничивающие политические и профсоюзные права солдат и офицеров рейхсвера. Солдаты и офицеры рейхсвера получают активное и пассивное избирательное право, право на уча-

стие в политических собраниях, на проведение солдатских собраний, на создание солдатских профсоюзов. Далее они получают право на политическую организацию и свободный выбор газет. Отменяются все запреты на эти права компетентных вышестоящих органов. Солдатам предоставляется специальный отпуск для решения профсоюзных вопросов, не укорачивающий полагающегося им отпуска.

2. Отменяются все ограничительные постановления, касающиеся заключения брака, выбора врача, участия в церковных делах, посещений кафе, в которых собираются рабочие, правовое представительство и ношение гражданской одежды. Упрощается принудительное казарменное положение, а также отдание чести на службе. Вводится больничное страхование для военнослужащих вермахта.

3. Избранные нижними чинами и рядовым составом уполномоченные получают право решающего голоса в вопросах общественного призрения солдат — таких, как довольствие, выплата денежного содержания, жалобы, отпуск, повышение по службе, заболевания, смерть и т. д.

Комитет уполномоченных и представителей рабочих организаций решает вопросы зачисления добровольцев на службу в вермахт. Уполномоченные объединяются в рамках батальонов, полков, дивизий и т. д., они избирают уполномоченных на вышестоящие посты.

Не реже одного раза в полгода собирается имперская конференция уполномоченных.

4. Изменение устава дисциплинарных наказаний при участии уполномоченных. Упразднение строевой подготовки в качестве наказания и денежных штрафов. Никаких вычетов у подследственных и отстранения их от должности.

5. Допускаются общие жалобы. Отменяются сроки для прохождения жалоб. Для внесения жалоб допускается привлечение уполномоченных и правозащитников (секретарей-рабочих и адвокатов). Возникшие расходы оплачиваются из армейской кассы.

6. Отменяются предпочтительные права для офицеров. Командиры войсковых соединений избираются рядовыми и нижними чинами.

7. Солдатам предоставляется право в трехмесячный срок подавать заявление об увольнении. При этом ни в

кчем случае не может быть сокращено выходное пособие» (№ 37, с. 109 — 111).

Надо отметить, что эта программа реформ в основном соответствует мероприятиям, за несколько месяцев полностью разложившим русскую армию в 1917 году, во время первой мировой войны. Коммунистам отлично известно, что эти мероприятия могут по-настоящему способствовать одному лишь разложению любой здоровой армии, и, создавая собственную, коммунистическую армию, они и не заикаются о подобных формах организации. Один известный коммунист высказывается по этому поводу так: «Мы очень хорошо сумели рассказать о демократии в армии, которую хотели разложить; а когда нам понадобилась собственная армия, мы построили ее на основах дисциплины, которая остается обязательной для всякой армии» (№ 27, с. 151. Докладчик Солыц).

Это означает, таким образом: *разлагающая пропаганда в буржуазной армии и добрая военная дисциплина в коммунистической.*

Коммунист *обязуется* проводить систематическую разлагающую пропаганду в армии своей страны. Это строго внушили недавно, в 1931 году, всем секциям III Интернационала.

«XI Пленум Исполкома Коминтерна напоминает всем коммунистам об указаниях II конгресса Коминтерна, продиктованных Лениным» (1920 г.):

«Обязанность распространения идей коммунизма включает в себя особую необходимость ведения настойчивой систематической пропаганды в армии. Там, где эта агитация запрещена чрезвычайными законами, ее надо вести нелегально. Отказ от этой работы был бы равнозначен предательству революционного долга и несовместим с принадлежностью к III Интернационалу» (№ 16, с. 34. Резолюция).

Так что пропаганда в «буржуазной» армии с самого начала была серьезной заботой и задачей мероприятий Коминтерна. И могло ли быть иначе?

Так, например, в резолюциях V международного конгресса (1923 г.) мы читаем: «Истинная большевистская партия» «должна вести *регулярную и настойчивую пропа-*

ганду и организационную работу в буржуазной армии» (№ 8, с. 31).

VI международный конгресс (1928 г.) принимает решение: «Необходима основательная работа в войсках буржуазии по их разложению, которая в момент восстания перейдет в борьбу за армию» (№ 12, с. 125. Решение).

XIII Пленум ИККИ (декабрь 1933 г.) постановляет: «Необходимо усилить политическую разъяснительную работу в армии и на флоте» (№ 18).

Итак, «исходя из противоречия между объективными классовыми интересами солдат и массы мелких чиновников, имеющих пролетарское или полупролетарское происхождение, и капиталистическим характером вермахта, коммунисты обязаны нести в вермахт революционную пропаганду, увязывая ее с социальными противоречиями между солдатами и офицерами, и представлять интересы солдат и мелких чиновников, для того чтобы развязать внутри вооруженной власти классовую борьбу и разложить ее. Предпосылкой успеха этой пропаганды являются социальные противоречия внутри самого буржуазного вермахта» (№ 23, с. 52. Решение).

Революционная пропаганда, проводимая внутри армии, есть предпосылка освободительной борьбы пролетариата... Эту работу нельзя начинать во время войны; она есть скорее повседневная задача всего «Коммунистического союза молодежи и партии» (№ 52 — 53, Решение).

Эту работу по разложению III Интернационал предписывает вести всем своим секциям во всех странах.

Для того чтобы организовать эту работу повсеместно, создается «антивоенное движение». О размахе его дает представление следующая подборка: «В августе 1932 г. состоялся международный конгресс в Амстердаме: 3000 делегатов из 30 стран; в марте 1933 г. — антивоенный конгресс в Лондоне: 1500 делегатов; в марте 1933 г. — южноамериканский антивоенный конгресс в Монтевидео: 800 делегатов из всех стран Южной Америки; в апреле 1933 г. — скандинавский конгресс в Копенгагене; в апреле 1933 г. — австралийский конгресс: 750 делегатов, прошел под лозунгом борьбы с японским и британским империализмом; в июне 1933 г. — голландский конгресс: 545 делегатов; в июне 1933 г. — болгарский

антивоенный конгресс; в сентябре 1933 г. — всемирный конгресс молодежи против войны и против фашизма: 1150 делегатов; в сентябре 1933 г. — дальневосточный конгресс в Шанхае: 2000 делегатов, которые из-за нелегального положения выбрали из своей среды 62 делегата, действительно принявших участие в конгрессе; в конце октября 1933 г. — североамериканский конгресс: 3500 делегатов». Об энтузиазме участников этих конгрессов можно судить по следующим фактам: «для участия в конгрессе группа австрийских делегатов проделала пешком путь до Парижа; другой раз группа солдат с той же целью пришла пешком из Парагвая в Монтевидео...» (№ 33. Речь Белы Куна на заседаниях XVII съезда Коммунистической партии Советского Союза, февраль 1934 г.). Эта работы замышлялась, таким образом, как работа *международная*, вне зависимости от дипломатических отношений и договоров. Коминтерн солидаризируется в этой работе со своими секциями, а каждая секция с остальными. Бунтующие солдаты любой страны могли быть уверены, что с ними «солидарны» коммунисты всего мира. Так, например, коммунисты *германского* рейхстага проявляли «свою солидарность» с мятежными японскими солдатами (№ 39, с. 145, с 1930 по 1932 г.). Так, мы находим в протоколе VI конгресса Коминтерна, в выступлении одного русского коммуниста, среди прочего следующее: «Правда, у Коммунистической партии Германии есть такая организация, как Союз «Рот-Фронт», которая по своей многочисленности и своему значению представляет собой в значительной мере нечто до сих пор небывалое, а в отношении своего дальнейшего развития выходит за рамки того, что нам удалось сделать в условиях нелегального положения (т. е. в дореволюционной России). Однако и *Коммунистическая партия Германии также должна совершенно серьезно нацелить себя на работу в рядах государственной армии Германии*» (№ 10, с. 781. Ярославский).

Однако ни в одной стране III Интернационал не достиг на этом поприще таких успехов, как во Франции. Французский коммунист Барбэ поведал кое-что об этом на VI конгрессе Коминтерна, разумеется, умолчав о многих важных моментах. Особое внимание он уделил

значению *союзов новобранцев*: «Это было для нашей партии и коммунистической молодежи одним из самых действенных средств мобилизации рабочей молодежи против французского империализма и его военных законов» (№ 10, С. 618. Докладчик Барбэ). Кроме этого, был основан целый «ряд крупных организаций для охвата резервистов»; «больших успехов добились» также организации «жен рабочих и домохозяек для борьбы против военных законов и политики подготовки новой войны, проводимой французским империализмом» (№ 10, с. 619).

Хорошей школой подготовки для французских коммунистов стала борьба против войны в Марокко в 1925 г., где впервые были широко применены «ленинские принципы борьбы против политики империализма» (№ 10, с. 619). «В самом Марокко, где французская армия встречалась с отрядами местной армии, Коммунистический союз молодежи вел работу против империалистической войны и на самом деле организовал братание с населением» (№ 9, т. 1, с. 73. Сообщение Шюллера, запечатленное лишь в русском стенографическом протоколе). Однако «*важнейшей частью работы, принесшей наибольшие результаты*, была наша партийная пропаганда в армии и на флоте» (№ 10, с. 619. Докладчик Барбэ). В течение лишь одного года (с середины 1927 г. до середины 1928 г.) коммунисты насчитали «70 бунтов» во французской армии; «бунтами были охвачены солдаты, матросы и резервисты. В пору призыва новобранцев состоялось более 60 демонстраций. Кроме того, были организованы демонстрации в военных тюрьмах для пехотинцев и флотских. Надо также выделить «забастовку» нижнего технического персонала в одном из летних батальонов в Касабланке (Марокко)...; там бастовали, а вернее, бунтовали 300 человек. Надо также вспомнить о демонстрациях, прошедших во время различных проверок на флоте» (№ 9, т. 1, с. 72 — 73. Сообщение Шюллера, содержащееся лишь в русском стенографическом протоколе). «О том, что может сделать в военных вопросах пресса, можно судить по французской солдатской газете «La caserne», а также по французской матросской газете «Jean-le-Couin» и газете новобранцев «Le Conscriit» (№ 9, с. 72).

С 1928 года французские коммунисты работали над созданием «особой политики и тактики для разложения огромной кадровой армии... создаваемой французским империализмом благодаря его военным законам» (№ 9, с. 619). И уже в 1929 году французская секция имела возможность сообщить о «забастовках на государственных военных предприятиях» и о случаях «братания» французских солдат «с забастовщиками» (№ 14, с. 651).

В протоколах Коминтерна, разумеется, о многом полностью умалчивается. И все же можно составить себе в общем довольно подробную картину этих методов работы*.

Прежде всего, конечно, — *пресса*.

Часть пропагандистской коммунистической печати для солдат создается *на местах*; другая часть (особенно брошюры) пишется на всех языках в центре и *импортируется* в соответствующую страну.

«*Антivoенная печать — наше лучшее оружие*. В этой работе рекомендуется придерживаться трех практических методов:

1. Применять *общую печать*, издаваемую партией и союзами молодежи, введя солдатские и матросские колонки, где помещаются отдельные требования или актуальные факты, связанные с нашими лозунгами и нашей борьбой. Но наибольшее место в этих колонках следует отводить *солдатским и матросским письмам*, к ним надо привлекать внимание и их редактировать (№ 82, с. 9 — 14, май 1934 г.).

2. *Казарменная, корабельная или гарнизонная газета*. Эта газета для солдат — то же, что заводская газета для рабочих, и представляет собой одну из самых практических форм антивоенной агитации и пропаганды. Ее должны в основном выпускать сами солдаты и матросы. В ней может обсуждаться конкретное положение дел в казарме или на корабле, могут выставляться требования, она может служить для поддержания связи с рабочи-

* О работе коммунистов во Франции см. особо: а) подробный отчет о бунтах во французской армии в 1917 г. (№ 83, с. 44 — 57, июнь 1934 г.); б) статью Эрколи «Рост фашизма и силы пролетарской революции во Франции».

ми заводов и фабрик, расположенных вблизи данной казармы.

3. *Специальная печать для солдат и матросов.* «La Caserne» во Франции или в Чехословакии и выпуски периодических газет при призыве молодых новобранцев в армию и при возвращении солдат, отслуживших свой срок.

Все союзы должны включить этот важный вопрос создания и развития антивоенной печати в повестку дня» (№ 22, с. 60 — 61. Решение).

Кроме того, Исполкомом Коминтерна должна оказываться помощь из центра.

«...ИККИ должно быть поручено наконец-то организовать необходимую для этого литературу; целую серию брошюр, во-первых, знакомящих коммунистические партии с опытом революционной работы большевиков в армии и на флоте, и, во-вторых, излагающих опыт, полученный при пропаганде в войсках во время минувшей империалистической войны. Необходимо выпустить целую серию популярных изданий для разных стран с целью серьезно поставить эту работу в войсках...» и т. д. (№ 10, с. 785. Докладчик Ярославский).

Нигде нельзя также упускать возможность устной пропаганды, завязывания отношений и обработки в личной беседе. Надо, чтобы этим прежде всего занимались молодые коммунисты.

«Антиимпериалистическая работа должна быть постоянной задачей каждого коммуниста, а старый лозунг: *«Каждый молодой коммунист должен быть другом одного солдата»* по-прежнему остается в силе. *Каждый член партии должен завязать отношения с двумя или несколькими солдатами* с тем, чтобы разъяснять им наши лозунги и необходимость борьбы и создания антивоенных организаций» (№ 22, с. 60. Решение).

Так постепенно образуются солдатские и матросские «ячейки», которые, в свою очередь, превратятся в разветвленные нелегальные организации.

«В армии необходимо образовать целую сеть ячеек» (№ 40, т. II, с. 72).

Нельзя, однако, ограничиваться одними этими ячейками, пускай даже целой сетью.

«Нам понятно, что нельзя ограничиваться одними коммунистическими ячейками, необходимо кроме ячеек и наряду с ними создавать для *революционных солдат и другие, в большинстве случаев, разумеется, нелегальные организационные формы.*

Но мы можем *также бороться за их признание и легализацию.* Подобные массовые организации могут иметь следующую форму: *солдатские клубы, комитеты резервистов, комитеты новобранцев, союзы новобранцев, солдатские комитеты и т. д.* Можно также провозглашать и пропагандировать лозунг организации профсоюза для солдат-профессионалов» (№ 9, т. 1, с. 72 — 73. Выступление Шюллера).

Такие организации должны получить определенные, хорошо продуманные и пропагандистски целесообразные программы, которые необходимо составить в соответствии с обычными правилами: начинать следует с *«отдельных требований»*, продолжить чисто политическими лозунгами и двигаться в направлении коммунизма.

«В части антивоенной борьбы мы видим необходимость, основываясь на накопленном опыте, выработать внутри армии разностороннюю систему борьбы и организации. Мы уже создали почти во всех странах довольно широкую программу отдельных требований солдат, матросов, резервистов, новобранцев и т. д., выставили целый ряд *отдельных требований*, по которым ведем агитацию и пропаганду в армии. Здесь речь идет не только о далеко идущих требованиях, но и о *совершенно простых* вещах, таких, например, как право солдат носить вне казармы гражданское платье, увязывая, однако, подобные требования с более важными вопросами, например, с таким, как продолжительность службы в армии. *Все это возымело свое действие и привело к определенным последствиям в плане разложения армии.* Мы выработали целую систему... для внутриармейской работы» (№ 9, т. 1, с. 72 — 74. Выступление Шюллера. Есть лишь в русской стенограмме).

«Самые простые» требования нацелены на то, чтобы привлечь солдатскую душу к осознанию трудностей ее повседневного бытия, внушить ей недовольство и таким образом «завоевать» ее.

«Солдаты, матросы и представители военно-воздушных сил капиталистических армий живут *трудной жизнью*, и их требования касаются многих не порядков... *Невыносимая дисциплина, варварские наказания. Жалкое довольствие... плохая кормежка...*»

Из них возникает «конкретная программа непосредственных отдельных требований (сокращение срока службы в армии, улучшение питания, повышение денежного довольствия и т. д.)...» Но эту борьбу «надо связывать с нашей принципиальной борьбой против милитаризма и империалистической войны» (№ 40, т. II, с. 72).

Все *отдельные требования* солдат «только тогда имеют революционное значение, когда они выдвигаются в связи с ясной политической программой дефетизма по отношению к буржуазной армии» (№ 12, с. 137. Решение).

«Защита таких требований, как, например, «Политические права — солдатам!», «Право на организацию профсоюза!», «Право на уход в любое время!», «Отмена всякого личного бесправия» (женитьба, выбор врача, правовая защита, выборное право и т. д.) должна стоять в одном ряду с нашей принципиальной борьбой против буржуазного вермахта» (№ 23, с. 52. Решение).

Однако Коминтерн не ограничился этими общими словами и указаниями, он выработал целую образцовую программу таких «отдельных требований».

Итак, коммунисты обязаны «выдвигать и поддерживать такие отдельные требования солдат, которые в данной ситуации дадут толчок классовой борьбе внутри армии и укрепят внеказарменный союз между солдатами пролетарского и крестьянского происхождения с рабочим классом».

Примерами таких отдельных требований являются:

«а) *Требования в части воинского устава.*

Роспуск наемных войск, кадров и кадровых войск, разоружение и роспуск жандармерии, полиции и иных специальных военно-гражданских подразделений. Разоружение и роспуск фашистских союзов.

Конкретные требования по поводу сокращения срока службы.

Территориальная система отправления военной службы. Вывод из казарм, солдатские комитеты.

Право рабочих организаций на обучение своих членов владению оружием при свободном выборе инструкторов».

«Тот факт, что сокращение срока службы в отдельных случаях планируется и проводится самим капиталистическим правительством, вызвал определенные сомнения в том, допустимо ли выдвижение подобного требования». Поэтому Коминтерном выдвинуты «условия его допустимости», а именно: «1. Ясная дефетистская линия. 2. Резкое разграничение со схожими требованиями социал-демократов. 3. Борьба с иллюзией, что это путь к устранению милитаризма» (№ 12, с. 135 — 136. Решение).

«Конечно, отдельное требование всегда должно быть конкретным», «популярным» и «понятным массам»; оно должно «содействовать» «революционизированию» последних (№ 12, с. 136).

«б) Требования из области права и материального положения солдат.

Повышение оплаты, улучшение питания, комиссии по котловому довольствию.

Отмена дисциплинарных наказаний.

Отмена обязанности приветствия.

Суровые преследования за физические наказания со стороны офицеров и унтер-офицеров.

Право на ношение вне службы гражданской одежды.

Ежедневный выход из казармы.

Отпуск и отпускные прибавки.

Право на бракосочетание: гарантии семье.

Право на получение газет.

Право на организацию профсоюза.

Право на выборы и право на участие в политических собраниях» (№ 12, с. 130. Решение).

«...Среди отдельных требований, выдвигаемых нами в интересах солдатских масс, «должны» занять подобающее место и национальные требования (например, воинская служба на родине, использование родного языка как языка обучения, языка команд и т. д.)».

«Требования обеих этих категорий (вышеуказанное перечисление дает лишь несколько примеров) необходимо защищать не только в армии, но и вне нее — в парламентах, на массовых собраниях и т. д. Успешная про-

паганда этих лозунгов возможна лишь в том случае, если они носят конкретный характер. Это предполагает:

1. Чрезвычайно точное знание армии, всего прохождения службы в ней, потребностей и чаяний солдат и т. д., что возможно только при постоянных личных контактах.

2. Подстраивание под конкретные формы воинских уставов соответствующей страны и актуальную позицию по отношению к военным вопросам.

3. Учитывание морального состояния армии и политического положения страны в настоящий момент. Так, например, требование об *общей выборности офицеров* может выдвигаться лишь *во время заметного разложения в армии*.

4. Тесное соединение частичных требований с главными лозунгами коммунистической партии, вооружения пролетариата, пролетаризации милиции и т. д.

Однако все эти требования только тогда имеют революционное значение, если их выдвигают в связи с ясной политической программой *дефетизма* по отношению к буржуазной армии» (№ 12, с. 137. Решение).

Было бы поучительным сравнить эту программу «отдельных требований», разработанную на VI конгрессе III Интернационала, с приведенным выше законопроектом, представленным в рейхстаг немецкими коммунистами. Практический результат проведения таких требований был бы одним и тем же в обоих случаях.

То, что эти требования служат, собственно, одному только разложению армии, т. е. «разоружению буржуазии», беззастенчиво признается коммунистами. Например: «Коммунистические молодежные союзы должны всегда выступать за *сокращение срока службы*, выдвигать его отдельным требованием и применять как средство, способствующее *проникновению революционного духа в массы и разложению милитаризма*».

«Мы должны, таким образом, любой ценой разоблачать характер этого сокращения срока службы, предложенного и осуществленного буржуазией, и показывать молодым рабочим, что это означает вовсе не сокращение военного бремени, а напротив, — усиление военного давления, и что только «*милиция трудящихся*» социалистического государства способна принести нам освобож-

дение от милитаристов и вместе с ним освобождение от буржуазного военного гнета. Вопрос *разрушения регулярной армии* со всеобщей воинской повинностью, *вооружением пролетариата и милицией трудящихся* надо ставить в исторически конкретном виде.

Лозунг «милиции трудящихся», предусматривающий уничтожение регулярной армии, имеет ныне одно лишь пропагандистское значение. Его претворение связано с *победой пролетарской революции в нескольких крупных капиталистических странах*. Используя этот лозунг в своей пропаганде, коммунистические партии должны обращать внимание прежде всего на разоружение буржуазии и фашистских отделений полиции и жандармерии» (№ 22, с. 55 — 56. Решение).

Правда, коммунисты рассчитывают на то, что их работа по разложению будет иметь наибольший успех у еще не закаленных военной дисциплиной и не воспитанных новобранцев, у этих «детей» в солдатской среде. Этой работе постоянно придается большое значение. Например:

«а) Коммунистические союзы молодежи должны систематически и наиболее подходящими средствами (курсы, школы, встречи новобранцев-коммунистов) обучать молодых новобранцев, входящих в нашу организацию, той работе, которую им предстоит вести в буржуазной армии. Параллельно с этой работой по обучению необходимо составлять надежный список их гражданских и военных адресов.

б) Коммунистический союз молодежи должен перед призывом каждого контингента и на смотрах устраивать собрания рабочих и крестьян-новобранцев, развернув широкую публичную агитацию в данной местности, на заводах и фабриках, а также на квартирах. Эти собрания могут носить разный характер: демонстрации новобранцев, праздники новобранцев, проводы новобранцев, съезды новобранцев и т. д. На различных демонстрациях необходимо систематически разъяснять отдельные требования новобранцев, солдат и матросов и методы борьбы против буржуазной армии в империалистической войне.

в) Коммунистическому союзу молодежи надо заняться организацией работы в обширных *объединениях* но-

вобранцев в тех странах, где таковые уже существуют, проникать в них, усиливать свое влияние в них и завоевывать в них руководство. При помощи объединений новобранцев (союзы, общества и т. д.) коммунистическому союзу молодежи будет легче сблизиться с массами молодых рабочих и крестьян. Как средство поддержки солдат и матросов и завязывания связей между ними и рабочими организациями особо надо выделить создание касс взаимопомощи на манер французских *Soldentensous*» (№ 22, с. 53 — 55. Решение).

Эту работу, разумеется, надо рассматривать как самую легкую: молодых людей легче соблазнить и разнуздать, чем людей более зрелого возраста и хорошо обученных. Вероятно, поэтому тяжелее всего коммунистам дается *разложение профессиональной армии*.

«Условия революционной работы в *наемных армиях* отличаются от условий работы в войсках со всеобщей воинской повинностью. Здесь агитация в форме отдельных требований, подобно описанным выше, в основном проходит *тяжелее*. Несмотря на это нельзя ни при каких обстоятельствах отказываться от этой работы. То обстоятельство, что наемная армия в большинстве своем состоит из пролетарских элементов (безработные) и бедных крестьян, создает *социальный базис* для работы с солдатскими массами. Надо особенно тщательно приспособлять формы работы к социальному составу и особенностям отдельных войсковых частей. Следует вести активную массовую агитацию против специальных классовых военных отрядов буржуазии (жандармерия, полиция) и в особенности против ее добровольческих вооруженных банд (фашистов). Особенно непримиримо следует выступать против реформистских фраз об «общественной пользе» этих отрядов, о «народной полиции», за «равноправие» фашистов и пр., а на эти отряды, вскрывая их истинный характер, надо *навлекать ненависть населения*. Но и здесь надо испробовать все для внесения социального разложения в их ряды и стремиться вернуть пролетарские элементы в их собственные классы» (№ 12, с. 137. Решение).

Итак, здесь есть две возможности, два образа действий для подстрекательства в профессиональной армии:

разложение изнутри или натравливание извне. Молодые коммунисты надеются, что им удастся добиться успеха на первом пути.

«Коммунистическим союзам молодежи надо решительно бороться с любой тенденцией или любым мнением, которые считают, что в *профессиональной армии* невозможна никакая революционная работа. Требования *солдат-профессионалов*, среди которых следует особо называть право *расторжения* своего *служебного договора*, их *политические права*, право не обязательно *проживать* в казарме, — требуют особых организационных форм и борьбы за создание организаций.

Для профессиональных солдат это в первую очередь организация *профессиональных союзов* и увеличение *денежного содержания*, а для солдат-новобранцев — дозволение участвовать в профсоюзной работе ближайшей профсоюзной секции. Надо создавать широкие организации и солдатские общества под руководством *казарменных и корабельных ячеек*, чтобы побудить солдатские массы выступать со своими непосредственными требованиями и, далее, чтобы организовать их досуг в свободное время, например, коллективный поход и связь со штатскими пролетарскими организациями. Эти солдатские общества следует в наибольшей степени организовать так, чтобы войсковое начальство под давлением солдатских масс и борьбы вынуждено было их терпеть. Однако ни в коем случае нельзя допускать, чтобы их создание зависело от официального соизволения буржуазного командира. Необходимо развернуть широкую агитацию за политические требования солдат среди всех военнослужащих, как наемников, так и призванных в принудительном порядке (право участия в выборах и т. д.)» (№ 22, с. 56, 57. Решение).

Проводя эту агитацию, коммунистам надо приспособливаться и соответствующим образом изменять некоторые лозунги. Так, «для наемной армии» применять не «требование укорачивания срока воинской службы, а *право на увольнение в любое время*» (№ 12, с. 136. Решение).

Это о солдатах-профессионалах. Однако коммунисты надеются привлечь на свою сторону и определенную

часть *офицеров*; и история уже показала, что в некоторых странах эта надежда не была напрасной.

Так, например, Ярославский рассказывает о большевистской пропаганде в русской царской армии следующее: «Мы считали необходимым перетянуть сочувствующих нам офицеров на свою сторону. Но членами самой военной организации должны были стать лишь абсолютно надежные, абсолютно проверенные люди, ибо следует сказать, что офицеры показали себя в пролетарской революции менее надежными, чем солдатские массы. Поэтому мы принимали в нашу военную организацию только отдельных офицеров — членов наших организаций и членов нашей партии. Уже тогда в нашей организации имелись значительные военные силы. Мы привлекали их на технические совещания, использовали их военный опыт, а некоторые из них были инструкторами наших боевых кружков.

Мы пользовались, кроме того, их военными знаниями, чтобы получать непосредственную информацию о силах врага. Надо сказать, что с этим вопросом сталкивается каждая коммунистическая партия, которая серьезно занимается вопросами восстания. Любая партия, серьезно занимающаяся этими вопросами, не может игнорировать вопросы организации восстания и вопросы подготовки этого восстания, не может не учитывать эти вопросы. Часть этой подготовки, часть этой организационной работы составляет сбор сведений о вражеских силах, о вражеской технике и средствах врага»... (№ 9, т. II, с. 193; № 10, с. 784).

Переход отдельных офицеров к коммунистам произошел с тех пор уже во многих странах. Коминтерн рассчитывает на то, что многие офицеры явятся лишь «после победы революции».

«Когда в 1920 году положение в Германии казалось революционным, мы увидели в этом зале господ Криспиена и Дитмана. С победой революции к нам придет множество буржуазных элементов, буржуазные офицеры будут вступать в Красную Армию и т. д. Это произойдет, когда рабочий класс победит» (№ 13, с. 75. Докладчик председатель Коминтерна Зиновьев).

Как бы там ни было, коммунистам никогда нельзя забывать, что все их действия в буржуазной армии, т. е. все их усилия по разоружению буржуазии, должны оставаться «неотъемлемой частью» подготовки к революции и массовой агитации. Разлагать *народ и армию* надо одновременно и совместно; оба процесса разложения должны проходить параллельно, оказывая друг другу взаимную поддержку и тесно переплетаясь друг с другом.

«Антимилитаристская деятельность, работа в армии и на флоте, среди рекрутов и резервистов, в буржуазных военных организациях буржуазии, в которых сильно присутствие пролетарского элемента, должна составлять неотъемлемую часть всей революционной массовой работы партии и охватывать весь пролетариат» (№ 12, с. 118. Решение).

«Революционная работа в армии должна сочетаться с революционным движением рабочих и неимущих крестьянских масс вне армии. В непосредственной *революционной ситуации*, когда пролетариат заводов и фабрик перейдет к созданию *Советов*, на повестку дня встанет лозунг солдатских Советов, который свяжет солдатские массы с пролетариатом и бедным крестьянством в борьбе за власть» (№ 12, с. 138. Решение).

«Особое значение следует придавать организации солдат для защиты своих интересов *в союзе с революционным пролетариатом* как до военной службы (союзы рекрутов, кассы взаимопомощи), так и во время нее (солдатские комитеты), и, наконец, после службы (союзы ветеранов). Заниматься своими членами в период службы в армии или содействовать всем этим организационным формам — дело прежде всего *рабочих профсоюзов*» (№ 12, с. 137. Решение). Самым внимательным образом надо также поддерживать «живую связь» «армии», состоящей в основном из крестьян, с «лучшей частью крестьянства» (№ 8, с. 22. Решение).

Рекомендовано и коммунистам призывать свои *общественные фракции* к завязыванию «связей с трудящимися солдатами и матросами и на территории общин» посредством установления «опеки» и т. д. (№ 15, с. 23. Резолюция).

«И в наемных армиях, там, где для этого существуют предпосылки, коммунисты постараются организовать

солдатские массы на борьбу с генералитетом и буржуазией под лозунгом солдатских Советов. Там, где этому препятствует социальный состав войск, они потребуют немедленного разоружения и роспуска данных войсковых частей» (№ 12, с. 138. Решение).

Картина ясна: работа коммунистов по разложению в армии и на флоте проводится во всех государствах по единому плану и связывается с подготовкой к мировой революции. Медленно, но систематически и умело, *всеми путями и всяческими средствами осуществляется психологическое «разоружение» мировой буржуазии* — задолго до того, как она будет действительно обезоружена.

Параллельно с разоружением буржуазии происходит процесс вооружения пролетариата.

Пролетарии всех стран также «вооружаются» всеми возможными путями и всяческими средствами. Дело не только в том, чтобы добыть материальное оружие, а в том, чтобы создать *социальные и организационные основы* пролетарской армии. Что касается материального оружия, то коммунистам известно лучше, чем кому бы то ни было, с какими трудностями они при этом столкнутся: пока заводы и фабрики, производящие вооружение и боеприпасы, находятся в руках врага, шансы на успех невелики. Отсюда возникает необходимость: 1. завоевать рабочих этих заводов и фабрик; 2. привлечь на свою сторону уже вооруженные войсковые соединения; 3. и выждать момент, когда народ как таковой, огромные народные массы будут вооружены самой буржуазией, т. е. дожидаться большой войны. Коммунисты открыто признают, *что революция в России произошла так легко потому, что у 10 миллионов в руках было оружие. «Народ», «массы» уже были вооружены; вооружены и устали от войны, считай, на добрую половину разложены. Коммунистической пропаганде оставалось лишь довести дело до конца, что ей и удалось.*

Бесконечно медленнее и тяжелее происходит все в мирное время. Здесь существуют такие пути.

Надо вырвать из рук буржуазии *военную подготовку молодежи*: коммунисты призваны устранить буржуазию и справиться с этой задачей на свой лад. Так возникают лозунги: «Идти в армию и в спортивные союзы!», «Разложить и заменить!».

«Мы ставим перед собой задачу *заменить* буржуазные организации по военной подготовке молодежи. Мы будем неустанно призывать молодых рабочих вступать в армию, овладевать оружием в интересах пролетариата и вести работу по разложению в коммунистическом смысле точно так же, как мы это делаем в вопросах воинской обязанности» (№ 9, т. 1, с. 74. Сообщение Шюллера).

«Мы боремся против военной подготовки молодежи, которую осуществляет буржуазия, но *не в смысле пацифизма, а только из-за классового содержания*. Мы противопоставляем этому необходимость военного обучения пролетариата, добровольное военное обучение рабочего класса в пролетарских организациях, как того требует Ленин. Нам надо также проводить работу по разложению изнутри буржуазных организаций военной подготовки молодежи, которую следует вести соответственно местным условиям в каждой стране» (№ 10, с. 78 — 79. Докладчик Шюллер).

«Милитаризируя рабочих и обучая их применению оружия, империализм одновременно создает предпосылки для победы пролетариата в гражданской войне... Так как мы ведем борьбу за революцию и социализм, мы не отказываемся от ношения оружия» (№ 12, с. 135. Решение).

«Империалистическая буржуазия милитаризирует ныне не только весь народ, но и молодежь. Возможно, завтра она начнет милитаризацию женщин. Нам надо сказать по этому поводу: что ж, тем лучше! Скорее вперед! Чем скорее, тем ближе к вооруженному восстанию против капитализма» (№ 44, с. 452. Ленин; ср. № 9, т. 2, с. 29 — 30. Белл).

Пролетарские матери должны поэтому сказать своим сыновьям:

«Вскоре ты вырастешь. Тебе дадут ружье. Возьми его и хорошо изучи военное дело. Пролетариям нужна эта наука не для того, чтобы обстреливать твоих братьев... как тебе советуют предатели социализма, но чтобы бороться с буржуазией их собственной страны, чтобы положить конец эксплуатации, нищете и войнам, и сделать это не добрыми пожеланиями, а победой над буржуазией и ее разоружением» (№ 44, с. 453. Ленин; ср. № 9, т. 2, с. 30. Докладчик Белл).

«Там, где военная подготовка молодежи обязательна, Коммунистический союз молодежи занимает по отношению к ней позицию, схожую с той, которую он занимает по отношению к самой армии, частью которой является подготовка. Это касается как вступления в эти организации, так и работы по разложению внутри них. Коммунистический союз молодежи говорит молодым рабочим, которых призывают на службу в эти организации, чтобы они шли в эти организации и вели там разъяснительную работу и работу по разложению. Коммунистический союз молодежи проводит, далее, *извне внутреннюю работу по разъяснению и разложению* в добровольческих организациях по обучению. *Недопустим* отказ от работы внутри по разложению в военных подготовительных и молодежных организациях, т. е. отказ от разъяснительной и организационной работы среди трудящейся молодежи, входящей в эти организации. Однако Коммунистический союз молодежи не приглашает рабочую молодежь вступать в добровольческие буржуазные организации военной подготовки, а призывает их вступать в оборонные организации рабочего класса или *создавать таковые*» (№ 22, с. 54. Решение).

Это относится и к *спортивным организациям*.

«У нас начинают играть довольно важную роль организации спортивного Интернационала, т. к. эти спортивные организации в Германии и Чехословакии представляют собой будущие ячейки Красной Армии» (№ 30, с. 678. Речь председателя Коминтерна).

Коммунистам, однако, надо не только разлагать, но и заменять, т. е. создавать что-то «положительное». Образцовым в этой области считается германский союз «Рот-Фронт».

«Было бы большой ошибкой считать «Рот-Фронт» лишь организацией для борьбы против фашизма... Союз «Рот-Фронт» — организация, которая соответствует ленинским директивам, по ним рабочий класс должен *создавать собственную организацию, в которой военное обучение пролетариата будет проходить под руководством пролетариата и в собственных интересах пролетариата*... (№ 9, т. 1, с. 74. Сообщение Шюллера).

Рядом с союзом «Рот-Фронт» (см. № 10, с. 17, 71, 105, 148, 150, 303, 597, 606, 696, 781 и др.) в Германии

имелись организации *Красного фронта молодежи*, Красного военного флота (№ 38, с. 172), а также Красный союз женщин и Красный союз девушек (№ 10, с. 683, 696).

На заседаниях VI всемирного конгресса Коминтерна делегация германского «Рот-Фронта» вручила плакат с изображением церемонии красной присяги и подписью в защиту Советского Союза. По данным этой делегации, число сторонников «Рот-Фронта» — этих будущих борцов германского Октября, подразделенных на полки, батальоны и роты, — составляет 200 000 человек. Председатель этой делегации Ольбрих заявил: «Товарищи, мы пришли сегодня к вам, чтобы передать вам приветствие боевых организаций мировой революции. За четыре года мы мобилизовали в наши ряды сотни тысяч рабочих. «Рот-Фронт» располагает миллионами сочувствующих нам. Наша борьба против войны связана с борьбой *в защиту Советского Союза*. «Рот-Фронт» доказал буржуазии, что руки у нее коротки. От имени 200 000 бойцов «Рот-Фронта» и от имени Коминтерна мы клянемся продолжать борьбу против войны и против фашизма, защищать *революционный Советский Союз* и привлекать в ряды нашего «Рот-Фронта» широкие рабочие массы. Да здравствует пролетарская революция в Германии, да здравствует мировая революция. Рот-Фронт, Рот-Фронт!» (№ 65. Сообщение о заседаниях VI конгресса, ср. № 9, т. 1, с. 158; № 10, с. 148 — 149; о германском Фронте молодежи см., например, № 21, с. 140 — 141. Сообщение Юппа).

Такие организации, разумеется, лишь начало вооружения пролетариата, которое может последовать и последует в истинной форме лишь позднее. Наступит «непосредственная революционная ситуация», и все временные формации соединятся в Красную гвардию; последняя осуществит вооруженное восстание; и лишь после того, как она «одержит победу», на ее место вступит регулярная Красная Армия — орган «советского государства», ибо оно — «государство вооруженного пролетариата», «строящее» свою армию «на классовых принципах» (№ 12, с. 67. Программа Коминтерна). «Первой задачей, с которой пролетариат начинает свою работу по созиданию, является создание классовой Красной Армии» (№ 60, с. 51).

До тех пор, пока все это звучит музыкой будущего, коммунисты должны провозглашать и пропагандировать «переходный лозунг» — «милицию трудящихся», который следует понимать и толковать как революционный «призыв» к пролетарским массам.

«Лозунг милиции трудящихся, выдвинутый партией и союзом молодежи как пропагандистский лозунг, не может быть реформой, данной буржуазным обществом, это форма вооружения пролетариата. Это переходный лозунг во время вооруженного восстания, и его можно выдвигать только в соединении с пропагандой пролетарской диктатуры» (№ 23, с. 53. Решение).

В таком случае общая картина выглядит примерно так.

Главным лозунгом остается: «Разоружение буржуазии, вооружение пролетариата».

«Вооружение пролетариата принимает на разных этапах революции разные формы. Периоду захвата власти и первому времени после захвата власти соответствует пролетарская милиция или милиция трудящихся и Красная гвардия. Сюда относятся и отряды красных партизан. Красная Армия есть форма военной организации Советской власти, это пролетарская армия пролетарской диктатуры».

«Лозунг пролетарской милиции (милиция трудящихся, рабоче-крестьянская милиция) для империалистических стран — лишь иная форма лозунга вооружения пролетариата и соответствует необходимой переходной стадии военной политики пролетарской революции в период создания Красной Армии. Непосредственно в революционной ситуации он имеет чисто пропагандистское значение. Но и в этом случае он может быть актуальным в борьбе с фашизмом».

«Но в любом случае лозунг пролетарской милиции или милиции трудящихся — это призыв, обращенный к самим пролетарским массам, а не требование к буржуазному правительству...»

«Красная гвардия — это *орган восстания*. Ее пропаганда и ее создание — долг коммунистов в непосредственно революционной ситуации»...

«...после создания и укрепления пролетарской диктатуры... для защиты против империализма пролетарское

государство нуждается в *могучей, дисциплинированной, хорошо вооруженной и боеспособной Красной Армии*. Но при нынешнем положении вещей эту задачу способна выполнить только регулярная армия, образующая ядро вооруженных масс трудящегося народа... Только победа пролетарской революции в ряде главных капиталистических государств смогла бы... привести в пролетарских вооруженных силах к замене регулярной Красной Армии одной *классовой милицией*».

«Но в любом случае вооруженные силы пролетарской диктатуры должны иметь *неприкрытый классовый характер* как по своему духу, по своей дисциплине, так и по своему составу. Элементы эксплуататорских классов должны быть отстранены от воинской службы» (№ 12, с. 138 — 139. Решения).

Коммунисты придерживаются мнения, что прообраз этой Красной Армии уже существует: это Красная Армия Советского Союза, которую должно *считать интернациональной армией* всех коммунистов.

Отсюда и лозунг «Красного Мая»: «Да здравствует Красная Армия — щит угнетенных и меч восставших» (№ 67. Тезисы отдела пропаганды и агитации). «Красная Армия Советского Союза — единственная в мире армия, которая защищает не поработителей, а поработенных, и высоко несет красное знамя международного братства трудящихся» (№ 67).

Или, как сказано в «Приветствии Коммунистической партии Германии»:

«Мы видим в *Красной Армии нашу собственную армию*. Наши *рот-фронтовцы* заверяют вас в своей боевой солидарности, и пусть наша буржуазия только осмелится напасть на вашу страну.

Наши *рабочие-революционеры* с гордостью смотрят на Красную Армию Советского Союза как на *свою собственную армию и боевой авангард революционного пролетариата*» (№ 63).

Эти роковые постановления и директивы последовательно осуществляются во всех аспектах и во всех странах всеми членами III Интернационала. Они дополняют общую пропагандистскую картину и не оставляют даже намека на двусмысленность.

Кстати, в последних главах нашей книги нам придется еще раз вернуться к этим заключениям и этим лозунгам.

Глава пятнадцатая

ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Все, что готовят коммунистическая пропаганда, агитация и организация, куда направлена вся эта работа и что Коминтерн никогда не упускает из виду, можно охарактеризовать одним словом и свести к одному лозунгу: *вооруженное восстание*. Когда принципиально объявляют: «Ты должен организационно проникнуть во все и повсюду» (№ 29, с. 114), то смысл тут лишь один — подготовка к вооруженному восстанию. Создание ячеек, пронизывание вражеских организаций, нелегальная работа, разлагающая пропаганда в армии — все это устремления, которые нацелены на последнее наступление, на *«лобовую атаку»*. Ибо коммунисты, при всем их презрении к буржуазии и буржуазному правительству, хорошо знают, что их классовый враг не сдастся им просто так до последней минуты.

Вооруженное восстание предназначено для того, чтобы решить *вопрос о государственной власти*. В любом государстве оно есть попытка коммунистов развязать гражданскую войну, свергнуть существующую государственную власть и уклад жизни и присвоить себе политическую «машину». Коммунисты не только не скрывают это свое намерение, но, наоборот, делают его достоянием общественности в печатном слове, призывах и манифестах. Более того, они и вправду пробуют время от времени то в одном государстве, то в другом начать это наступление, чтобы провести «простую» или «генеральную репетицию»; ибо они убеждены в том, что всякая неудачная попытка в качестве практического обучения ценнее, чем трусливая и пустая болтовня.

Удивляет, что буржуазный мир созерцает все эти «репетиции» и «генеральные репетиции», с любопытством отмечает их и спокойно выжидает развития событий. Как будто во сне, когда в минуту грозящей опасности у

спящего как бы отнимаются ноги, как бы исчезает голос, руки отказываются подняться, чтобы отвратить опасность и пр., и он, обессиленный, предается таким образом опасности или врагу; так и мировая буржуазия, кажется, видит страшный сон — сон о *предательстве самих себя в состоянии полного бессилия*. Может показаться, что III Интернационал на самом деле держит перед мировой буржуазией парализующую «голову Медузы», взгляд на которую всякого, еще не заболевшего большевизмом, лишает его всей жизненной энергии... Так на глазах пребывающего в сумеречном гипнозе человечества III Интернационал все работает и работает... пока не созреет конъюнктура.

Эта работа происходит по следующим принципам и в следующих направлениях.

Основной принцип гласит:

«Свержение капитализма невозможно без насилия, без вооруженного восстания и войны пролетариата против буржуазии» (№ 12, с. 112. Решение).

Или в расширенном варианте:

«*Ближайшая задача пролетариата всех стран — завоевание политической власти*. Окончательная победа пролетариата после захвата власти может быть обеспечена только посредством пролетарской диктатуры, ее образцом считается рожденная революцией *Советская власть*, которая гарантирует широким пролетарским и полупролетарским массам города и деревни участие в управлении государством. Целью пролетариата на ближайшую эпоху является организация интернациональной Советской республики, а средством — *все виды массовой борьбы и ее высшая форма — вооруженное восстание*» (№ 41, с. 386).

Это означает, что вооруженное восстание как вид борьбы не стоит особняком, подобно высокой вершине в широкой долине; оно образует, пожалуй, горный перевал, к которому поднимаешься по длинному, *постепенно восходящему пути*. Коммунисты непрестанно говорят о «нарастании» «лозунгов» и «методов борьбы», о подъеме к более высоким формам борьбы. Начинают с простой дневной забастовки; затем идут «забастовки из сочувствия» и «солидарности»; движение политизируется и расширяется; возникают «массовые забастовки» с демонст-

рациями; демонстрации завязывают борьбу за улицу; происходят столкновения, строятся баррикады; разгорается «политическая массовая забастовка», создана революционная ситуация и начинается вооруженное восстание.

Но вся линия требует принципиально не только не избегать «прямых столкновений», но и прямо вызывать их. Это значит: нападать, вести атаку по всему фронту, при всякой, даже ничтожной возможности...

«Революционная эпоха требует от пролетариата применения таких методов борьбы, в которых концентрируется вся его энергия, методов массовых акций и как логическое завершение — *прямых столкновений в открытой борьбе с буржуазной государственной машиной*. Этой цели следует подчинить все другие методы, например, революционное использование буржуазного парламентаризма» (№ 2, с. 27 — 28. Решение).

Эта *открытая борьба* начинается, собственно, тогда, когда массы забастовщиков выходят на улицу и на публичных митингах и в *демонстрациях* проявляют *политическую подоплеку* первоначально чисто экономической забастовки.

«Теперь задачей партии является прежде всего *охват стихийного примитивного массового движения и превращение его в демонстрации и политические забастовки*. Партии надлежит *координировать* отдельные, не связанные друг с другом *экономические* акции рабочих и крестьян, направлять их в исключительно *антифашистский фарватер*, при объективно благоприятных предпосылках организовать в определенных промышленных отраслях *крупные забастовки, взять курс на всеобщую забастовку, вызвать к жизни массовую оборону, прорвать границу фашистского режима* и, руководствуясь повседневным опытом масс, убедить их в необходимости *борьбы за власть, за диктатуру пролетариата*» (№ 14, с. 223. Докладчики Ленский и Поле). Это и вправду удастся, ибо «в рабочих массах зреет сознание необходимости революционного свержения капитализма» (№ 32, с. 413. Доклад председателя Коминтерна).

Смысл этих демонстраций, как уже сказано, — *борьба за улицу*. До тех пор, пока революционное движение

не решается выйти на улицу, оно вынуждено довольствоваться более или менее «мирными» формами борьбы или *отдельными актами насилия*.

Лишь с того момента, как мятежные массы завоюют улицу и обеспечат себе возможность свободного «передвижения», они могут решиться на непосредственное вооруженное нападение на *главные здания* в городе и на городские *вокзалы*. Но это ни в коей мере не означает, что эта подготовительная борьба за улицу должна вестись *без применения оружия*; напротив, борьба за улицу очень легко переходит в *борьбу на баррикадах*, продолжающуюся много дней, но тем не менее не становящуюся прямым вооруженным восстанием.

То есть демонстрации коммунистов есть не что иное, как «борьба Коммунистической партии за улицу, за активное вовлечение пролетарских масс в экономическую и политическую борьбу» (№ 13, с. 2. Докладчик Зиновьев). Ее задача — «завоевание улицы» (там же); «мы снова видим, как классовая борьба завоевывает улицу» (№ 13, с. 34. Докладчик Зиновьев), и завоевывает ее в одно и то же время во многих странах.

С этой точки зрения особенно благоприятно для коммунистов движение *безработных*, у которых нет ни заводов, ни фабрик, где они могли бы собираться, и которые в любом случае вынуждены довольствоваться улицей; они образуют непрерывно бастующую массу, и им не надо «решаться» выходить на улицу.

Потому в директивах последних лет записано:

«Наряду с забастовочным движением постоянно расширяется и движение безработных, которое принимает форму *голодных маршей* и *политических демонстраций* рабочего класса, причем правительствам и парламентам предъявляются требования о предоставлении работы и хлеба голодающим» и т. д. «Эти демонстрации кроваво подавляются объединенными силами буржуазии и социал-фашистов. Движение, охватывающее не только все более широкие массы безработных, но и рабочих заводов и фабрик и местами ведущее к образованию комитетов безработных и советов безработных, прорывается сквозь преграды буржуазного законодательства, осуществляет право рабочих масс на улицу и мобилизует широкие массы

рабочего класса на основе политических лозунгов Коммунистической партии» (демонстрации «в Германии, Польше, Соединенных Штатах, Румынии»). «На повестку дня ставится лозунг массовой политической забастовки» (№ 15, с. 14 — 15. Решение 1930 г.).

Тем самым коммунистическая демонстрация выполняет целый ряд задач: 1. она придает мужество трудящимся; 2. она сплачивает рабочих с различных заводов и фабрик; 3. происходит своего рода братание бастующих и неорганизованных народных масс на улицах; 4. она выливается в пропагандистский и агитационный митинг с коммунистическими лозунгами и коммунистической программой; 5. она учит массы завоеванию улицы и господству на ней; 6. она доказывает, что рабочим срочно нужны вооруженные «организации обороны», и дает тем самым повод для создания таких организаций; 7. она очень легко становится генеральной репетицией вооруженного восстания.

Не в последнюю очередь директивы Коминтерна упоминают *пропагандистское* значение демонстраций. Здесь даются следующие указания:

«Мы должны уделять большое внимание внешнему оформлению наших демонстраций. Союзу молодежи надо сплоченно выступать и *оживлять демонстрацию* плакатами, транспарантами, карикатурами и пр. не только на собственных демонстрациях, но и на всех демонстрациях всех рабочих. Необходимо готовить большие демонстрации и дни молодежи, для этого в рабочих кварталах надо развешивать плакаты, транспаранты, карикатуры и т. д. и приглашать рабочее население, сочувствующее нашим демонстрациям, проявлять это сочувствие, *украшая балконы красными флагами, плакатами и т. д.*».

«Как отличное средство для придания нашим демонстрациям дисциплинированного, сплоченного и энергичного характера проявила себя в ряде стран *единая форма одежды* членов союза. Конгресс рекомендует легальным организациям проверить целесообразность введения такой формы или единой формы одежды, которая бы не выделяла каждого молодого рабочего из остальной рабочей массы, но придавала каждой группе единообраз-

ный вид. Точно так же мы по мере сил должны поставить себе задачу организации оркестров Союза молодежи».

«Хорошим средством для оживления наших демонстраций и поддержки нашей работы по агитации, особенно при обработке сельских местностей, является организация групп Красных велосипедистов» (№ 22, с. 31 — 32. Решение).

Еще большего интереса заслуживают директивы, касающиеся *стратегии и тактики* проведения демонстраций.

«Во многих странах, — говорит один из коммунистических руководителей, — демонстрации, вероятно, будут запрещены. Мне кажется, что коммунистические партии, которых это коснулось, должны использовать опыт Коммунистической партии Советского Союза до 1917 года, ведь этот опыт идет из того времени, когда и мы (т. е. русские большевики) устраивали демонстрации, находясь в подобном положении».

«Мы, во-первых, заранее *обезопасили наших руководителей*, чтобы их не арестовали накануне демонстрации и демонстрация не лишилась своих вождей. Думаю, что многие из наших партий должны сделать то же, особенно там, где демонстрации запрещены. Если они находятся у себя дома и полиции известны адреса, то их могут арестовать, как это случилось во Франции перед майскими праздниками. Я здесь приглядываю за особенно активными функционерами центрального руководства и местных партийных организаций.

Во-вторых, для проведения демонстрации должны быть избраны такие *центральные места, в которых сходится много улиц и переулков*; далее необходимо назначить для каждого такого места сбора *специального руководителя*, который в определенное время приведет массы к месту, где должен состояться запрещенный митинг или должна начаться запрещенная демонстрация... Это нужно прежде всего для того, чтобы в случае, если прекратит действовать центральное руководство, они могли взять руководство на себя. Разумеется, необходимо поддерживать связи с фабриками, чтобы вести на эти демонстрации рабочих...» (№ 14, с. 146. Докладчик Форд).

Если демонстрация на улице не удалась, то *она все же во многих отношениях — удача*: прежде всего удача пропагандистская; но и стратегическая, и тактическая, ибо на отдельных успехах и провалах *учатся как народные массы, так и их вожди*. Надо лишь усвоить следующую информацию: «Товарищи, ... необходимо добиться осознания широкими пролетарскими массами того, что эти организованные демонстрации могут быть проведены успешно вопреки запрету, однако должны быть созданы определенные предпосылки для того, чтобы рабочие сопротивлялись полицейскому террору. Опыт, накопленный полицией в части демонстраций, обобщен в полицейском докладе о боях в Вене». (Июль 1927 г.)

«Я считаю, что мы должны популяризировать эти сообщения из полицейского доклада. В нем устанавливается, что рабочие, *даже не имея оружия*, нашли немало средств для успешной борьбы с полицией. Они *разделили группы полицейских и разоружили их*. Это... *железные гайки, скобы и болты, принесенные со строительных площадок, а также части железных решеток, использованные как оружие в борьбе против полиции*. Восставшая толпа принесла с собой песок и швыряла его в лицо полицейским чиновникам, лишая их возможности видеть и препятствуя таким образом их деятельности».

«В другом докладе говорится о том, что *против полиции применялись, также в качестве оружия, соль и перец*. Восставшая толпа забирала из стоящих на улицах насосов автомобильное горючее и использовала его для *устройства пожаров...*»

...«Рабочие *Веддинга и Нойкёльна*⁷ *пошли на шаг дальше, построив как средство борьбы с полицейским террором баррикады*. Мы говорим, что прибегнуть в борьбе с полицией к строительству баррикад соответствовало конкретным условиям борьбы в этом районе, оно было средством обороны и самообороны против полиции, против полицейского террора и преследовало цель *пресечь способность полиции к маневру, создать разложение в лагере противника, укрепить самосознание рабочих и заставить массы осознать, что полиция не непреодолима*. Хотя ситуация не созрела для проведения вооруженного восстания, нам в нашей ситуации надо сделать так, что-

бы рабочие массы поняли, что те меры полицейского террора, которые применялись в Варшаве, Берлине и т. д., будут в нынешней ситуации правилом и что в соответствии с этим и рабочие должны, как правило, применять соответствующие меры самообороны».

«Политика полиции, без сомнения, была провокацией. Я думаю, надо открыто сказать, что противник до тех пор, пока власть в его руках, будет вновь и вновь пытаться провоцировать рабочих, будет со своей стороны пытаться назначить сроки борьбы, чтобы изолировать нас, ослабить организованную мощь рабочего класса и пресечь массовые выступления Коммунистической партии и рабочего класса. Нам надо применить такую тактику, чтобы не противник изолировал нас, а мы изолировали противника» (№ 14, с. 367 — 369. Докладчик Ульбрихт).

«Вопреки полицейскому террору рабочие утвердились на улице. Полиции пришлось отступить, так как рабочие применили такие средства, которые сделали невозможными дальнейшие действия полиции. Рабочие разбили уличные фонари, погрузили в темноту целые кварталы города и построили баррикады. Эти боевые средства, примененные рабочими в Веддинге и Нойкёльне, повысили их самосознание и заставили понять, что несмотря на свои бронированные машины, полиция не непреодолима» (№ 14, с. 369. Докладчик Ульбрихт).

Можно и нужно также вести «на демонстрациях» «работу по разложению», «выкрикивая обращенные к полицейским призывы», затрагивающие их «самую чувствительную, пролетарскую струну» (№ 59, с. 28). Надо в любом случае стремиться к «изматыванию противника мелкими нападками» (№ 58, с. 153).

Подобные «акции» соответственно ценятся и перевозносятся Коминтерном:

«Пленум Исполкома III Интернационала солидарен с героическим пролетариатом Берлина» (1 мая 1929 г.), «с мужественными защитниками баррикад Нойкёльна и Веддинга и заявляет о своем полном согласии с тактической линией Коммунистической партии Германии во время майских событий в Берлине» (№ 14, с. 897. Тезисы).

Вышеописанная картина «еще невооруженного восстания» (в Вене) или «еще не совсем подготовленного восста-

ния» (в Берлине) совершенно ясно показывает, что имеют в виду коммунисты, говоря о «перерастании» массовой забастовки с демонстрациями в *настоящее вооруженное восстание*. Директивы Коминтерна как бы рисуют единую восходящую лестницу, по ступеням которой движение должно подниматься от простой забастовки к массовой забастовке и от нее к вооруженному восстанию. Кстати, это не всегда возможно. Предварительным условием служит наличие «революционного подъема» или «революционной ситуации».

«В случае революционного подъема, когда господствующие классы дезорганизованы, а массы находятся в состоянии революционного брожения, когда средние слои симпатизируют пролетариату и массы проявляют себя готовыми к борьбе и к жертвам, задача пролетарской партии — вести массы к *прямому наступлению* на буржуазное государство. Это достигается непрерывной пропагандой *переходных лозунгов* (советы рабочих, контроль рабочих за производством, крестьянские комитеты по насильственному отчуждению господских земель*, разоружение буржуазии и вооружение пролетариата и т. д.) и организацией *массовых акций*, на которые должны быть направлены все ветви партийной агитации и пропаганды, включая парламентскую деятельность. Такими акциями являются: *забастовки, забастовки в соединении с демонстрациями, забастовки в соединении с вооруженными демонстрациями и, наконец, генеральная забастовка, соединенная с вооруженным восстанием против государственной власти буржуазии*. Эта *высшая форма борьбы* подчиняется законам военного искусства и предполагает наличие *плана кампании, наступательный характер военных действий* и безграничную отдачу и героизм пролетариата. Абсолютной предпосылкой акций этого рода является *организация широких масс в боевые подразделения*, которые уже своей формой должны охватить самые широкие массы трудящихся и привести их в движение (*Советы рабочих и крестьян, солдатские Советы и т. д.*), и усиление

* Автор программы Коминтерна, по-видимому, имеет здесь в виду «землю помещиков».

революционной работы в войсках и на флоте (№ 12, с. 96 — 97. Программа Коминтерна).

Таким образом, «массовая забастовка», «массовая политическая забастовка» или, по-иному, «генеральная забастовка» образует *предпоследнюю ступень* на пути к вооруженному восстанию.

«Если высшая форма классовой борьбы — восстание, то *ступенькой к нему служит массовая политическая забастовка*. Массовая политическая забастовка как оружие классовой борьбы соответствует такой ситуации, когда коммунисты учатся считать на миллионы, но еще не умеют считать десятками миллионов; когда движение уже имеет тенденцию к выходу за пределы экономических форм, но еще не достигло этапа вооруженного восстания».

«Задача коммунистических партий будет состоять в том, чтобы использовать в борьбе за большинство рабочего класса все формы классовой борьбы и *не делать фетиша ни из одной из них*, и непрерывно стремиться к тому, чтобы заводить любое движение все дальше и *поднимать его на более высокую ступень*» (№ 14, с. 76. Докладчик Мануильский).

Это стремление «поднимать любое движение на более высокую ступень» есть определяющее для всей коммунистической стратегии. Его часто повторяют, из года в год; например:

«Основные задачи коммунистических партий в ситуации развивающегося кризиса... состоят... в переводе этих акций, часто носящих стихийный характер (забастовки, движение безработных, демонстрации) на рельсы организованной политической борьбы, особенно в форме массовых политических забастовок, подводящих рабочий класс к задачам революционной борьбы за власть» (№ 15, с. 17. Решение 1930 г.).

Или еще следующие задачи коммунистов: «развитие движения широких масс от сравнительно *примитивных акций к более высоким формам борьбы, продолжительным экономическим и политическим забастовкам* и другим революционным акциям *крупного масштаба*».

Утвердить и укрепить позиции рабочего класса, а его самого подвести *ко все более высоким формам борьбы*. Подготовка и проведение массовых забастовок при на-

личии соответствующих условий составляют одно из важнейших последующих звеньев революционной борьбы пролетариата» (№ 7, с. 409 — 410. Решение).

Сущность, развитие и значение массовой политической забастовки коммунисты представляют себе следующим образом.

«Нынешняя массовая забастовка имеет ту же самую задачу, о которой Ленин в свое время говорил: «Это средство — *революционная забастовка, стойкая забастовка, перебрасывающаяся с одного места на другое, из одного конца страны в другой*, повторная забастовка, забастовка, поднимающая отстающих к новой жизни в борьбе за улучшения в экономике, забастовка, клеймящая и осуждающая каждый бросающийся в глаза акт господства, насилия, произвола и преступлений царизма, забастовка с демонстрациями, которая разворачивает на улицах столицы красные знамена и несет в толпу, в народные массы революционные речи и революционные лозунги»... и т. д.

«Чего мы достигнем началом революционной массовой забастовки? Во-первых, того, что массам становится ясно: государственный аппарат и *реформисты* находятся целиком на службе капитализма... Во-вторых, мы воспитываем массы к *осознанию собственной силы*... мы наполняем их *доверием к Коммунистической партии* и революционной оппозиции профсоюзов и красных профсоюзов... Народные массы обретут это доверие к нам и к нашему руководству только в бою. В-четвертых⁸; в сегодняшних битвах, в массовой политической забастовке *отсталые слои* пролетариата намного теснее сплавиваются с передовыми классовыми элементами, и так образуется *единый фронт борьбы*. В-пятых, мы организуем массы посредством собственных органов борьбы, *развертыванием их самостоятельности*, созданием системы революционных уполномоченных» (№ 14, с. 673 — 674. Докладчик Лозовский).

Поэтому массовая политическая забастовка стала в последние годы главным лозунгом III Интернационала. Это означает, что вся обстановка в мире *еще не созрела* для лозунга непосредственно вооруженного восстания. Для этого коммунистам нужна еще *мировая война*, которая может очень быстро создать и создаст общую революци-

онную ситуацию. Итак, пока что — только массовая политическая забастовка.

«Таким путем нарастающего подъема революционного рабочего движения ныне может быть в первую очередь *массовая политическая забастовка*. Проблема массовой политической забастовки есть решающая проблема всего ближайшего периода для коммунистических партий».

«Ставя проблему политической массовой забастовки на первое место, мы движемся в направлении к *высшим формам революционной борьбы* рабочего класса. Успех этого лозунга на практике будет означать, что революционный подъем перерастает в более высокие формы революционной борьбы. С лозунгом политической массовой забастовки мы идем к решительным революционным битвам, мы идем к *непосредственной борьбе за власть* — к пролетарской революции» (№ 14, с. 418 — 419. Докладчик Молотов).

Вооруженное восстание должно стать началом «непосредственной борьбы», началом «пролетарской революции». Над директивами для осуществления вооруженного восстания работа ведется уже сейчас, причем подробности и главные моменты, разумеется, держатся в секрете. Публикуют и представляют на обозрение дилетантов лишь общие и основные моменты. А то, что попадает в печать, в основном следующего содержания.

Срок вооруженного восстания и его форма остаются неизвестны, скрыты в сомнительном будущем. Существует большая вероятность, что вооруженное восстание разразится *в одно и то же время* во многих странах, и разразится в связи с будущей мировой войной. Предвидя это, коммунисты обязаны сделать все, чтобы самим подготовиться к этому моменту и подготовить все «субъективные предпосылки» (разложение души!) и «объективные предпосылки» (организация! запас оружия!).

«Нельзя предсказать, каким путем следует развязать решительную битву между пролетариатом и буржуазией. Наша задача — сделать все, чтобы как можно шире *мобилизовать массы*, прежде чем империалисты зажгут факел войны, и, когда в странах возникнут объективные и субъективные предпосылки, перейти к революции» (№ 9, т. 1, с. 333. Докладчик Тельман).

Однако не исключено, что эти крупные и решающие битвы разразятся в отсутствие войны, совершенно неожиданно. Величайшее потрясение может даже произойти в любой момент неожиданно для всего мира. Это было высказано руководящим органом III Интернационала еще в конце 1933 года.

«Мировой экономический кризис теснейшим образом переплетается с общим кризисом капитализма и так сильно обостряет все принципиальные противоречия капиталистического мира, что в любой миг может принять такой оборот, который означает превращение экономического кризиса в революционный кризис. Главная задача международного пролетариата состоит в том, чтобы превратить этот кризис капиталистического мира в победу пролетарской революции» (№ 18. Тезисы XIII пленума ИККИ в декабре 1933 г.).

«Эта неожиданность и внезапность революционных взрывов составляет особенную характерную черту всей внешней ситуации» (№ 34, февраль 1934 г.).

«По всем отдельным экономическим и политическим битвам мы видим, какая масса ожесточения скопилась у рабочих, и это показывает нам, что мы можем настроиться не только на продолжительную систематическую подготовку определенных битв, так, как мы это сделали 1 мая. Коминтерн должен настроиться на *неожиданное начало крупных политических и экономических битв*» (№ 14, с. 369 — 370. Докладчик Ульбрихт).

Во всех случаях — с войной или без нее, ожидаемой или неожиданной — коммунистическим партиям надо придерживаться ленинских «советов», сформулированных им еще до вооруженного восстания в России под влиянием чтения трудов Клаузевица.

«Советы, которые Ленин дал непосредственно перед Октябрьской революцией 1917 года, знаменитые «Советы постороннего», были не только советами (и они были даны вовсе не «посторонним»), но также директивами. В них Ленин изложил в 5 пунктах в соответствии с марксистским учением, как вести себя партии в момент восстания:

«1. *Ей никогда нельзя играть с восстанием, если она берется за него, она должна твердо сознавать, что надо идти до конца.*

2. Необходимо собрать *большой перевес сил в решающем месте и в решающий момент*, т. к. иначе лучше обученный и лучше организованный противник уничтожит восставших.

3. Когда восстание началось, надо *действовать очень решительно и непременно при всех обстоятельствах наступать*. «Оборона — смерть вооруженного восстания».

4. Надо стремиться *застать врага врасплох* и атаковать его, *пока его войска разбросаны*.

5. Надо день за днем (можно сказать, и час за часом, если речь идет об одном отдельном городе) *стремиться к достижению хотя бы небольших успехов* и любой ценой поддерживать «моральный перевес»...

Ведь эти знаменитые «советы» — теперь общее достояние международного большевизма...» (№ 14, с. 683 — 684. Докладчик Лозовский*).

Сравнение с советами Клаузевица ясно показывает, у кого учился Ленин, чтобы произвести на свет это «общее достояние международного большевизма».

Не менее поучительны определяющие высказывания о гражданской войне и вооруженном восстании, которые мы находим в решениях VI международного конгресса:

«Гражданская война пролетариата против буржуазии.

Империалистическая война 1914 — 1918 гг. превратилась в ряде стран Восточной и Центральной Европы в гражданскую войну, а в России она принесла победу пролетариату. *Уроки Октябрьской революции* имеют решающее значение для позиции пролетариата по отношению к войне. Они показывают: 1. что в своих империалистических войнах буржуазия сама вынуждена давать оружие в руки рабочих, но в критической военной обстановке, при поражениях и т. д., она теряет власть над армейскими массами; 2. что единственная последовательная борьба против этой войны заключается в революционизировании солдатских масс, т. е. в подготовке гражданской войны; 3. что гражданские войны непре-

* Следуют ссылки на стратегические правила Клаузевица, но они неточные, цитируются совершенно неверно.

менно требуют основательной подготовки пролетариата и его партии.

Однако гражданские войны последующих лет — в 1920 и 1923 гг. в Германии, в 1923 г. в Бельгии, в 1924 г. в Эстонии, в июле 1927 г. в Вене — доказывают, что гражданская война пролетариата возникает не только из империалистических войн буржуазии, но и из условий нынешнего капитализма, которые до предела обостряют классовую борьбу и быстро приводят к непосредственной революционной ситуации. Важные уроки для пролетариата, и особенно для народов угнетенных колоний и полуколоний, содержат пролетарские восстания в Шанхае в марте 1927 г. и в декабре — в Кантоне; Шанхай показывает применение пролетарского восстания в качестве оружия в национальной войне с империализмом и его лакеями.

Этот опыт возлагает на коммунистов обязанность прямо поставить перед массами, прежде всего в связи с борьбой против империалистических революционных войн, вопросы пролетарской гражданской войны и обсудить, усвоить уроки названных восстаний.

Эти уроки таковы:

а) Что касается *предпосылок* восстания: необходимо наличие революционной ситуации, т. е. *кризиса* господствующего класса, например, в результате военных поражений; обострение выше обычного нужды* и бедствий народных масс, а также возрастание их активности и способности массовыми революционными акциями свергнуть правительство. Необходимо наличие испытанной Коммунистической партии и ее влияния на массы пролетариата».

б) Что касается *подготовки* восстания: восстание не может опираться на ведущую партию, оно должно опираться на широкие массы рабочего класса. Решающее значение имеет подготовительная работа в пролетарских

* Один коммунистический руководитель основополагающе формулирует, обращаясь к «мировому пролетариату»: «Это верно, что нам, большевикам, помогла война, *вам же в этом случае поможет мировой кризис*» (№ 76, с. 1123. Мануильский).

массовых организациях и прежде всего в профсоюзах, их активное участие, создание особых, укоренившихся в массах *органов* восстания. Вопросы восстания надо открыто ставить перед массами».

«Восстание должно опираться на революционный пласт всего трудящегося народа, и прежде всего на полупролетариев и беднейшее крестьянство».

«Необходима основательная *работа по разложению* в буржуазных войсках, которая в момент восстания перейдет в борьбу *за армию*».

«Как организация восстания, так и военное обучение должны занять ведущее место в работе с пролетарскими массами, а также в колониях и полуколониях».

«Выбор *срока* восстания зависит от назревания этих объективных и субъективных предпосылок, он может быть удачно выбран лишь при теснейшей связи партии с массами революционного пролетариата».

«в) Что касается *проведения* восстания, здесь должно быть правилом, что в восстание нельзя играть: начав, его следует всеми силами наступательно довести до конца, до уничтожения противника. Колебания и нерешительность означают смерть каждого вооруженного выступления; главные силы надо применять против главных сил противника; следует стремиться к тому, чтобы в решающий момент и в решающем месте перевес оказался на стороне пролетариата; незамедлительное распространение очага восстания на возможно большую территорию. Восстание прежде всего *искусство*, но оно не чисто военная, а в первую очередь *политическая проблема*. Его может проводить только сама революционная партия. В момент восстания партия должна подчинить всю свою деятельность необходимости военной борьбы»... (№ 12, с. 124, 125. Решение).

Все эти директивы и указания, кажется, так ясно разработаны и сами по себе говорят таким выразительным языком, что не нуждаются ни в каких аналитических комментариях. *Кризисы и войны* нужны для того, чтобы двигать вперед дело III Интернационала: чем больше *нужда* («выше обычного обострение нищеты»!!), чем *великолепнее* военное поражение народа, — тем ближе придвигается победа Коммунистического Интернационала.

К этому моменту катастрофы должны быть подготовлены коммунистическая партия в каждой стране и массы: т. е. нужно укреплять все революционные организации и разлагать изнутри все «вражеские» организации; и наряду с этим непрестанно учиться «искусству восстания», так как этому служит каждая забастовка, каждая демонстрация и каждое выступление организации самообороны...

Или, резюмируя еще короче: крепить партию; завоевывать массы; разлагать врага; воспользоваться благоприятным моментом; свергнуть и беспощадно *уничтожить* на основе правильной стратегии все буржуазные и «реформистские» правительства.

Будущая война, которая «неизбежно» сделается *мировой войной*, должна без всякого труда создать этот благоприятный момент, эту революционную ситуацию.

Глава шестнадцатая

ВОЙНА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Возникший как тяжелое последствие мировой войны, III Интернационал полагает посредством новой мировой войны добиться дальнейшего революционного подъема, да и окончательной победы. До тех пор пока дела в мире идут более или менее спокойным, правильным, пусть даже отягощенным трудностями, но тем не менее сохраняющим равновесие ходом, желаемая «революционная конъюнктура» может слагаться лишь то тут, то там, частично, рывками, изолированно. Лишь новая мировая война вновь радикально заставит буржуазные государства трещать по швам; лишь такая война, как ураган, вынесет все суда коммунистической революции в открытое море.

Поэтому проблема новой войны определяется и трактуется коммунистами как *центральная проблема*.

«Центральной проблеме угрозы войны подчиняются все остальные проблемы. Подходить по-иному к вопросам внутренней политики и связанным с ними тактическим проблемам недопустимо и совсем не революционно» (№ 9, т. 1, с. 600. Докладчик Бухарин).

«В нынешний период... когда центральную проблему составляет проблема войны»... (там же, с. 49), коммунисты постоянно должны думать о том, как им подготовиться к разрешению этой практической задачи. «Почти все внутривластные вопросы, и среди них вопросы рабочего движения в каждой стране, сталкиваются с этой проблемой» (там же, с. 50).

Как мы уже показали*, коммунисты не отвергают ни применение оружия вообще, ни войну. Они различают лишь *правильную* войну и войну *неправильную*. Правильная война есть война «пролетариата» против буржуазии, т. е. как бы война в горизонтальном делении, в которой нижние социальные слои *свергают и уничтожают* верхние социальные слои. Неправильная война есть война двух или нескольких буржуазных государств, т. е. как бы война в вертикальном делении, в которой буржуазия и пролетариат одного государства объединенно воюют с объединенными буржуазией и пролетариатом другого государства. Коммунистический «пацифизм», как мы уже показали, относится *лишь к войне неправильной* и продолжается до тех пор, пока нет возможности развязать войну *правильную*.

Этот коммунистический пацифизм провозглашается и пропагандируется коммунистами как «подлинный» и «единственно подлинный» для того, чтобы убедить уставшие от войны массы в том, что *III Интернационал не хочет никакой войны вообще, то есть чтобы потрафить инстинктивному стремлению масс к миру, снять с себя вину за якобы «неотвратимую» войну и уже заранее возложить ее на буржуазию*.

Потому задача коммунистов состоит в том, чтобы *всеми средствами бороться против войны неправильной, превратить ее в войну правильную (между пролетариатом и буржуазией) и обеспечить победу в этой правильной войне мировой Коммунистической партии*.

Когда войну ведет буржуазия, то (независимо от ее целей и задач) это война «империалистическая», «реакционная» и несправедливая; поэтому должно быть пред-

* См. гл. 14 и 15.

принято все, чтобы буржуазия (неважно, в каком государстве) эту войну проиграла. При этом совершенно не имеет значения, какое из государств напало первым и кто подвергся нападению; эти общечеловеческие, международно-правовые и естественно-правовые различия значения не имеют.

«Несправедливую войну ведет не тот, кто первым предпринял военные действия, а тот, кто представляет реакцию, контрреволюцию, эксплуатацию и империализм против национальной или пролетарской революции» (№ 12, с. 113. Решение).

Потому «пролетариат ведет борьбу» с «междоусобными войнами империалистов», а также с «порабощающими войнами империалистов против национально-революционных движений, прежде всего против колониальных народов, и в случае открытой контрреволюционной войны империализма против пролетарской диктатуры. В то же время он *поддерживает и возглавляет* пролетариат в национально-революционных войнах и войнах социализма против империализма и организует защиту национальной революции и государств с пролетарской диктатурой»... (№ 12, с. 113. Решение).

Коммунисты, таким образом, ни в коем случае не против любой войны. Напротив.

«...Свержение капитализма невозможно без насилия, без вооруженного восстания и *войн пролетариата против буржуазии*. В нынешнюю эпоху империалистических войн и мировой революции, как доказал Ленин, *неизбежны революционные гражданские войны пролетариата с буржуазией, войны пролетарской диктатуры с буржуазными государствами и мировым капитализмом, национальные революционные войны угнетенных народов с империализмом*. Поэтому пролетариат, именно из-за того, что он борется за социализм и уничтожение войн, *ни в коем случае не может быть против любой войны*» (№ 12, с. 112. Решение).

Мир стоит перед «периодом национальных войн и колониальных восстаний, которые, сами по себе не являясь движениями революционного пролетариата, объективно становятся *составной частью пролетарской мировой революции*, поскольку они подрывают господство империализма» (№ 8, с. 63. Резолюция).

Пролетарская мировая революция есть сама по себе не что иное, как система войн, которые выливаются то в «национальные войны», то в «колониальные войны», то в «вооруженные восстания», то в «гражданские войны» или «интернациональные, империалистические войны». Ленин был откровеннее всех, когда однажды сказал открыто: *«Мы несем жертвы в войнах, которые мы объявили всему капиталистическому миру»* (№ 48, с. 180). Или как однажды осторожнее выразился председатель Коминтерна: *«Итак, борьба продолжается. И это больше не та классовая борьба довоенного времени, а классовая борьба послевоенного времени, т. е. в ней всегда и непременно скрыты зародыши гражданской войны»* (№ 13, с. 34. Докладчик Зиновьев).

Это «верная», или, как выразился Маркс, *«единственно справедливая война»*, которой содействуют и которую разжигают коммунисты, надеясь развязать ее в связи с будущей империалистической войной.

Это окончательно разоблачает скрытый и последний смысл коммунистического «пацифизма». Коммунисты не хотят никакой «империалистической войны»; но не потому, что они стремятся к миру, а потому, что они стремятся ко всеобщей, гражданской войне, которую хотят развязать повсеместно. Как мы уже показали в главе 14, программа всех коммунистических партий требует «поражения собственного правительства» и «превращения империалистической войны в гражданскую» (№ 12, с. 113. Решение).

Этот лозунг датируется еще 1914 годом (сентябрь), когда на одной из конференций партии большевиков было принято решение: *«Превращение нынешней империалистической войны в гражданскую является единственно правильным пролетарским лозунгом, происходящим из опыта Коммуны (Париж, 1870 г.)»* (№ 35, с. 123). Этот же лозунг был подтвержден и на следующей конференции большевиков в 1915 году (март), причем практические директивы требовали решительного разрыва с позицией сохранения мира, создания нелегальных революционных организаций в воюющих странах, солдатского братания на фронтах и поддержки массовых революционных движений (№ 35, с. 126). В России в 1917 году проводилась систематическая работа именно

под этим лозунгом и по этим директивам, и это привело к катастрофическому успеху. С тех пор этот лозунг считается в Коминтерне самым испытанным и непоколебимым. Его из года в год подтверждают, провозглашают и развивают.

«Задача коммунистов заключается в том, чтобы мобилизовать и организовать все силы международного пролетариата с целью превращения империалистической войны в гражданскую для свержения буржуазии» (№ 31, с. 124. Докладчик Угланов. Декабрь 1927 г.).

VI всемирный конгресс Коминтерна (июль — сентябрь 1928 г.) очень обстоятельно занимался этим лозунгом и развил его в целую программу. Совершенно ясно, что от него происходит лозунг «о поражении «своего» империалистического отечества и превращении империалистической войны в гражданскую» и формулировка «главных задач коммунистических партий в этой области»: «работа среди солдат и матросов, а также образование нелегальных ячеек» и соответствующая «работа с крестьянством» и т. д. (№ 12, с. 28. Резолюция). «Единственная последовательная борьба» против империалистической войны «заключается в революционизировании солдатских масс», т. е. «в подготовке гражданской войны» (№ 12, с. 124. Решение)*.

Коммунисты должны «делать все, чтобы предотвратить новые империалистические контрреволюционные войны. Если это не удастся, то рабочий класс всего мира под руководством Коминтерна поставит себе задачу превратить империалистическую войну в гражданскую для уничтожения империализма и установления диктатуры пролетариата» (№ 69, 1929 г.). Этот лозунг должен пойти в массы. В 1931 году III Интернационал пенял всем своим секциям на «недостаточную популяризацию учения Ленина о войне» и решений VI всемирного конгресса; это значит, «лозунги превращения империалистической войны в гражданскую против собственной буржуазии надо популяризовать дословно среди широчайших слоев народа» (№ 16, с. 34. Резолюция).

* См. гл. 15.

В 1932 г. все «коммунистические партии» обязываются «проводить в жизнь с особым упорством и энергией» все «решения Коминтерна» в этой области (№ 17, с. 405). Наконец в декабре 1933 г. (XIII пленум ИККИ) публикуется следующее решение: «В борьбе против войны коммунистам уже сейчас необходимо подготавливать превращение империалистической войны в гражданскую и сосредоточивать свои силы в каждой стране на узловых точках военной машины империализма» (№ 18) и т. д.

В процессе этой подготовки и в ходе самих акций коммунисты не должны испытывать страха: они сами и ведомые ими рабочие массы могут быть уверены, «что если начнется эта война, пролетариату будет оказана серьезная, пролетарская, честная и твердая помощь со стороны Советского Союза как государства и со стороны Коминтерна как международной организации, что подтвердила небольшая проверка во Франции в связи с ее войной в Марокко» (№ 30, с. 676 — 677. Докладчик Зиновьев, тогдашний председатель III Интернационала).

Эта новая война вызовет «несравненно большие потрясения и разрушения всего экономического и социального порядка, чем война 1914 — 1918 г.» (№ 53, с. 85); кроме того, она «неизбежно приведет в действие все силы международной революции и с железной необходимостью к свержению капитализма» (№ 12, с. 61. Программа Коминтерна). Новая война пробудит «мощные революционные движения, которые охватят индустриальных рабочих в Америке, широкие крестьянские массы в аграрных странах, и миллионы угнетенных и колониальных народов (№ 12, с. 110. Решение). «Вместе с Фридрихом Энгельсом мы, коммунисты, говорим всему господствующему классу: «Попробуйте только, господа, развязать все силы и выпустить духов вашей войны! В ответ на это Коммунистический Интернационал сплотит свои ряды для революции, для гражданской войны, для победы диктатуры пролетариата!» (№ 9, т. 1, с. 615; ср. то же на немецком языке в № 10, с. 554. Сообщение Бухарина, тогдашнего члена Исполкома Коминтерна*).

* Ср. такое же обещание у Троцкого (№ 50, с. 30).

Если последние слова звучат как обещание, то Коминтерн высказал их уже как призыв и приказ: «Через четырнадцать лет после первой крупной мировой бойни, приведшей к первой социалистической революции, Коммунистический Интернационал призывает рабочих и крестьян всех стран готовиться к тому, чтобы *превратить следующую мировую войну в социалистическую мировую революцию*»... (№ 12, с. 222. Призыв VI всемирного конгресса).

Так звучит главный лозунг Коминтерна в этом «центральном» пункте его нынешней мировой политики. Но он вовсе не останавливается на этом главном лозунге. Напротив, вот уже несколько лет, как разработан зрело продуманный и широко разветвленный план для проведения этого лозунга в жизнь, который теоретически и практически вдалбливается коммунистам всех стран.

Этот *план новой гражданской войны* и, следовательно, всеобщей кровавой мировой бойни изображается и «популяризируется» коммунистами, как уже говорилось, в своеобразном пацифистском обличье; он называется «борьба против империалистической войны» (например, № 12, с. 107 и др.). Этот план распадается на две части: 1. «Борьба против империалистической войны до ее начала»; и 2. «Борьба во время империалистической войны» (№ 12, 114 и др. и 119 и др.). Все директивы, содержащиеся в этом плане, на самом деле поучают коммунистов всех стран вначале тому, как им *подготовить гражданскую войну*, а затем тому, как им во время внешней войны, изменив родине и отечеству, *осуществить гражданскую войну*. После всего того, что мы описали в предыдущих пятнадцати главах, здесь можно быть кратким, ибо все, чем занимаются коммунисты, какой бы области жизни это ни касалось, есть не что иное, как *подготовка к кровавейшей из войн — к гражданской войне*. Здесь, как в фокусе, собираются все лучи этой злосчастной планеты (Коминтерна); и выясняется, что вся деятельность коммунистов на самом деле подразумевает и готовит этот катастрофический час новой мировой войны.

И Коминтерн открыто признается в этом. Задача состоит в том, чтобы сделать всякую страну *неспособной к ведению войны, политически и в военном отношении пар-*

лизовать ее изнутри и готовить гражданскую войну уже теперь. Итак, директивы первой части плана гласят:

1. *Вся работа коммунистических партий уже сейчас должна быть подчинена этой центральной задаче.*

«Коммунистические партии в нынешнее время должны подчинить всю свою работу центральной задаче подготовки, завоевания и организации масс на борьбу против империалистической войны. Все битвы пролетариата и других слоев против усиления эксплуатации и угнетения — в вопросах заработной платы, рабочего времени, налогов, таможенных пошлин, жилищной и социальной политики, политического лишения прав и преследований, усиления фашистской опасности, — должны быть через выполнение непосредственных требований этих битв сознательно направлены на пресечение и препятствование империалистической политике войн. Все важные вопросы внешней политики, вооружений, военных маневров, ввода новых боевых средств и т. д. должны быть вынесены на суд широчайших масс общественности и использованы для организации массовых революционных организаций. Коммунистическая партия должна смело и решительно возглавить массы в этой борьбе, не упуская из виду трезвую оценку своих сил» (№ 12, с. 119. Решение). «Для борьбы против войны Коминтерн проводил и проводит мобилизацию широких рабочих масс» (№ 32, с. 414. Сообщение председателя Коминтерна).

2. *Массы необходимо убедить, что война приближается и им уже сейчас необходимо готовиться к восстанию*.*

«В разработке методов борьбы против войны мы должны придерживаться одной-единственной цели: нам необходимо убедить массы, что война не только неотвратима, но что она приближается; надо увязать нашу работу с массами с перспективой надвигающейся войны; научить наши партии такой организованности, которая позволила бы им играть руководящую роль в случае войны.

Готовиться к войне, готовить массы к борьбе против империалистической войны — это значит готовить массы к восстанию. После того как война началась, во всех ох-

* См. гл. 12, 14 и 15.

ваченных войной странах на повестку дня встанет вопрос о проблеме восстания» (№ 9, т. II, с. 43. Докладчик Гарланди).

3. *Разоблачение всех врагов коммунизма должно быть акцентировано в связи с войной и как можно более обострено*^{*}.

«В этой ситуации преступной войны, непосредственно надвигающейся и особенно ускоряющейся фашизмом, коммунистическим партиям следует противопоставить абстрактным и лицемерно пацифистским заявлениям социал-демократии подлинную борьбу против подготовки войны» (№ 17, с. 405. Решение).

Предписывается «беспощадное разоблачение социал-шовинизма, социал-империализма и пацифистских фраз, лишь маскирующих империалистические планы буржуазии» (№ 12, с. 99. Программа Коминтерна).

В другой формулировке той же задачи говорится: «Разоблачение разбойничьих воцелений различных империалистических групп во всех странах», и в особенности «империалистов Соединенных Штатов и Великобритании», а также Японии.

«Надо разоблачать также социал-демократические предложения ограничения вооружений».

«Разоблачение пропаганды «мира в промышленно-сти», трудовой общности классов, неполитических проф-союзов и профсоюзов предпринимателей...» (№ 12, с. 150. Решение).

Короче, все, что касается гражданского мира в стране во время войны и оборонительной военной мощи данного народа, уже сейчас необходимо подрывать, дискредитировать, ругать, высмеивать и вытравливать из души.

4. *Лозунги дефетизма и гражданской войны надо уже теперь прививать массам*^{**}.

«Уже сегодня надо начинать работу для разъяснения того, почему рабочие в будущей войне должны выступать за поражение империалистического отечества. Лозунг «Превращение империалистической войны в граж-

* См. гл. 6, 7 и 8.

** См. гл. 14 и 15.

данскую войну» должен уже ныне, до начала войны, стать ведущей идеей нашей пропаганды» (№ 12, с. 150. Решение; ср. там же, С. 99. Программа Коминтерна).

«Одной из важнейших задач... является постоянная пропаганда дефетизма против собственного правительства»... (№ 23, с. 49. Решение).

«Мы не можем ждать, пока начнется война, чтобы осуществить наш лозунг превращения ее в гражданскую, ведь перед нами стоит задача противопоставить нашу борьбу политике войны уже в довоенное время, используя левое движение, обострение классовых противоречий и массовых битв, чтобы мобилизовать массы на социальную революцию» (№ 10, с. 603 — 604. Сообщение Шнеллера, Германия).

Сюда относятся также директивы, такие как углубление идеи революционного интернационализма» и «просвещение молодежи в вопросе о значении победы Октябрьской революции» и т. д. (№ 23, с. 49 — 50. Решение).

5. *Необходимо усилить, правильно организовать и систематизировать революционную пропаганду в армии и на флоте*^{*}.

Предписания гласят: «органичная работа в войсках и на флоте» (№ 12, с. 99. Программа Коминтерна); «систематическая просветительская и организационная работа в армии, на флоте и в военно-воздушных войсках»... (№ 40, т. II, с. 16.)

Какой бы тяжелой ни была эта работа, «тем не менее есть возможность вести пропагандистскую и разлагающую работу» и в «наемном войске», каким является «германский рейхсвер» (№ 10, с. 605. Докладчик Шнеллер).

«Работа в войсках и особенно среди рекрутов, в связи с разложением капиталистической армии в преддверии новой войны приобретает исключительное значение» (№ 9, т. II, с. 176. Докладчик Димитров).

6. *Необходимо также разлагать и парализовать военную подготовку молодежи, и, напротив, заботиться о пролетарских организациях обороны и расширять их*^{**}.

^{*} См. гл. 14.

^{**} См. гл. 7, 10 и 14.

«Общее усиление политической борьбы против буржуазных организаций молодежи, военных союзов, заводских спортивных и заводских фашистских организаций. Ежедневное разоблачение их социальной демагогии. Усиленная пропаганда и организация пролетарской бое- способности антифашистских организаций обороны» (№ 23, с. 50. Решение).

Или, в расширенной формулировке:

«Вопросом решающего значения является вопрос работы с молодежью, и прежде всего с рабочей молодежью. Все коммунисты, — а не только молодежные организации, — должны все свои силы обратить на борьбу против буржуазных спортивных организаций, фашистских союзов, военных школ и т. д., в которых буржуазия готовит молодежь к империалистической войне. Там, где они обязательны, коммунисты призывают молодых рабочих вступать в них и организуют там работу по просвещению рабочей молодежи и разложению этих буржуазных военных организаций. Ту же работу следует проводить и в добровольческих буржуазных организациях военной подготовки. С этой целью коммунистические партии и коммунистические союзы молодежи посылают своих членов в эти организации, но не призывают рабочую молодежь вступать в них, а призывают ее к вступлению в организации обороны рабочего класса или к созданию таковых» (№ 12, с. 118. Решение).

7. Отсюда совершенно особое значение приобретает организация нелегальной работы.*

Здесь III Интернационал напоминает об определяющих словах Ленина: «единственно возможный метод борьбы с войной» есть «создание и поддержание нелегальной организации для длительной антивоенной работы всех участвующих в войне революционеров» (№ 23, с. 49).

* См. гл. 13.

Это актуально не только для армии, но и для всей остальной страны.

«Надо уже теперь не только в городах, но и в деревнях создавать целый ряд опорных пунктов, сеть нелегальных комитетов, которые могли бы теперь и во время войны вести антивоенную работу среди крестьян» (№ 9, т. II, с. 167 — 168. Докладчик Домбаль. Есть только в русской стенограмме; ср. № 12, с. 99. Программа Коминтерна).

8. *Закрепление на промышленных предприятиях становится важнейшей задачей*.*

«При усилении военной опасности, в начале войны и во время превращения ее в войну гражданскую заводы и фабрики» (а также корпус уполномоченных) являются «решающим отправным моментом» (№ 14, с. 676. Докладчик Тельман).

«Поэтому наша главная задача состоит в том, чтобы завоевать влияние на заводах и фабриках... Заводы и фабрики на войне — часть фронта. Дефетизм означает то же, что развитие классовой борьбы не только на фронте, но и внутри страны» (№ 9, т. II, с. 43. Докладчик Гарланди).

Совершенно ясно, что имеются в виду именно те заводы и фабрики, которые производят поставки, необходимые для мобилизации и войны**.

«Работа на заводах, фабриках и в профсоюзах должна сосредоточиваться в отраслях промышленности, имеющих решающее значение для мобилизации и ведения войны: в металлургии, химии и на транспорте» (№ 12, с. 117. Решение).

Тем самым приобретает решающую роль и *массовая политическая забастовка*: в случае войны замрет вся обеспечивающая ее промышленность; все должны бастовать, война становится невозможной и начинается восстание. Но подготовлено все это должно быть заранее.

«Особенно в военной промышленности эту забастовку воспримут как выражение стремления не дать буржуазии средства... для ведения империалистической войны. Потому, — сообщает Коминтерну один из ведущих не-

* См. гл. 5, 6, и 7.

** См. гл. 14.

мецких коммунистов, — мы в Германии применим все силы, чтобы поставить вопрос о проведении этой забастовки во всех заводских коллективах, и прежде всего в военной промышленности. Все зависит от подготовки кампании. Каждый рабочий должен обладать твердой уверенностью в том, что главный враг пролетариата находится в собственной стране и для предотвращения войны должен быть вначале разбит именно там, что должны быть уничтожены буржуазия и социал-империалисты в собственной стране» (№ 14, с. 104 — 105. Докладчик Пик*).

9. Для углубления и правильной оценки этой коммунистической работы на заводах и фабриках необходимо создание специальных интернациональных комитетов по пропаганде и действиям (так называемых ИКПД), которые смогут осуществить всю антивоенную кампанию на интернациональной основе.

В основе создания этих комитетов действия лежит следующее соображение: коммунистическим ячейкам на заводах и фабриках надо объединяться не только по принципу «город и деревня», надо объединяться по промышленным профессиям, и объединяться на интернациональной основе; например, рабочие химической промышленности всех стран; рабочие металлургической промышленности всех стран; интернациональные рабочие транспорта и т. д. Из них формируются «интернациональные организационные и руководящие центры по отдельным отраслям промышленности» (№ 20, с. 32. Решение), или, по-иному, «революционные Интернационалы по профессиям» (№ 19, с. 550. Решение).

Эти ИКПД предназначены для следующих акций.

Во-первых, каждый комитет должен готовить, поддерживать и проводить интернациональные забастовки в своей отрасли (№ 20, с. 32. Решение), организовывать международные «дни союзов», устраивать «интернациональные акции помощи» (№ 20, с. 49 — 50. Решение), создать «интернациональный фонд солидарности» (№ 19, с. 549. Решение); отсюда возникнет настоящая

* Детальные высказывания об остановке военной промышленности можно найти в № 73.

«интернационализация забастовочного движения» (№ 19, с. 550. Решение), сможет успешно вестись борьба против «интернационального штрейкбрехерства» (№ 16, с. 146. Докладчик Шверник) и от страны к стране будет оказываться «поддержка бастующим и выброшенным на улицу» (там же, ср. также № 26, с. 24 — 29, 79 и др.).

Во-вторых, ИКПД необходимо решающим образом участвовать в *антивоенных акциях*.

Есть «разные промышленные союзы, на которые мы можем особенно опираться... Это прежде всего Союз рабочих металлургической промышленности, союз рабочих химической промышленности, транспортных рабочих, текстильщиков и т. д.» (№ 19, с. 142 — 144. Докладчик Галопен).

Важнейшим федерациям ИКПД надо заниматься этими профессиями, «работающими прежде всего для войны» (№ 19, с. 144 — 145. Докладчик Галопен). Они ведут «антивоенную пропаганду и агитацию», а некоторые из них — *транспортники и химики — разработали на международных конференциях «практические мероприятия для борьбы против военной угрозы»* (№ 9, т. II, с. 86 — 87. Докладчик Витковский; ср. также № 26, с. 79 — 96. Резолюции).

Центральный совет Интернационала красных профсоюзов «подчеркивает» в своем решении 1929 года «особую роль ИКПД в *практической организации* борьбы против подготовки империалистической войны и при *обмене опытом* между различными организациями отраслей промышленности, которые имеют решающее значение в производстве и доставке *вооружений*» (№ 19, с. 550. Решение).

«Должен сказать, — повествует один неосторожный коммунист, — что в том, что касается грозящей военной опасности, что касается раскрытия намерений нападения среди капиталистических элементов, ИКПД *могут похвастаться кое-какими заслугами* в своей работе» (№ 19, с. 146. Докладчик Шверник).

Это значит, что рабочие-коммунисты по призыву III Интернационала наблюдают на заводах и фабриках индустрии вооружений, «раскрывают» «намерения нападения», сообщают сведения об этом Коминтерну и за границу (на основе интернационализма), разрабатывают мероприятия для интернациональной массовой политической забастовки и подготавливают тем самым настоя-

щую коммунистическую «акцию в международном масштабе» (№ 19, с. 144. Докладчик Галопен).

Далее ИКПД предписывается «организовывать антивоенные собрания», создавать заводские газеты, и «поддерживая связи с» организациями красных профсоюзов, руководить «всей антивоенной работой на предприятии» (№ 9, т. II, с. 87. Докладчик Витковский).

Короче, эти комитеты действия постоянно занимаются организацией измены родине — сначала перед войной, чтобы сделать войну невозможной; однако их дальнейшее предназначение — сделаться важнейшим инструментом всеобщей гражданской войны.

Во всей этой «антивоенной акции», которая есть, собственно, «акция гражданской войны», мы должны кратко вспомнить о подготовке в отдельных социальных группах. Итак:

10. *Надо усилить и углубить пропаганду гражданской войны среди крестьян!**

«Учитывая, что крестьяне в большинстве стран образуют основную массу армии, необходимо уделить особое внимание антивоенной работе с крестьянами. Этой работе благоприятствуют сильные антивоенные настроения крестьян в большинстве стран. При помощи помещиков и богатых крестьян, используя союзы ветеранов, печать, фашизм, пацифизм, церковь и т. д., буржуазия стремится обеспечить свое влияние в деревне и настроить крестьянство в пользу войны. Коммунистам надо противопоставить этой деятельности работу с целью обострения классовой борьбы в деревне. Они должны вести *антивоенную агитацию в крестьянских массах*, оценивая последствия мировой войны и связывая ее с экономическими требованиями малоземельных крестьян» (№ 12, с. 117. Решение).

«Учитывая то обстоятельство, что человеческий материал современной армии большей частью набирается из крестьян, надо усиливать и организационно укреплять коммунистическое влияние среди сельского пролетариата, крестьян-бедняков и середняков, чтобы превратить эти

* См. гл. 11.

бесчисленные массы в верного союзника революционного пролетариата, в активного участника гражданской войны» (№ 9, т. II, с. 176. Докладчик Димитров).

«Крестьянский Интернационал и его секции могут как беспартийные организации сослужить здесь добрую службу... Нам надо до войны в первую очередь проделать широко задуманную работу Агитпропа» и ...«опровергнуть распространенную буржуазией клевету о положении крестьян в Советском Союзе. Чтобы добиться братания солдат во время войны, нам надо уже сегодня подумать о созыве крестьянских конференций соседних стран, например Франции и Германии, Югославии и Румынии и т. д., и обсудить на этих конференциях вопрос военной угрозы... Следовательно, нам на ближайшее время надо подумать об интернациональном съезде крестьян, который специально займется вопросами военной угрозы и борьбы против империалистических войн» (№ 10, с. 748 — 749. Докладчик Домбаль). «Надо усилить крестьянские организации и организовать их работу в армии» (№ 9, т. II, с. 167, Домбаль. Есть только в русской стенограмме). «Надо вести специальную работу среди крестьянской молодежи» (там же, с. 168; ср. № 12, с. 151. Решение) и т. д.

11. *Солдаты, относящиеся к национальным меньшинствам, нуждаются в особой обработке*^{*}.

«Наша работа в армии требует совершенно особого обращения с солдатами, принадлежащими к национальным меньшинствам, и при составлении отдельных требований необходимо также учитывать их особые устремления и интересы» (№ 9, т. II, с. 107. Докладчик Станиславский).

12. *В ходе этой подготовительной работы нельзя забывать ни об одной возможности вооружения, ни об одной социальной группе и ни об одном классовом враге в стране.*

«Надо вести всеобщую борьбу против фашизма как против одного из вооруженных подразделений контрреволюции; везде, где это возможно, необходимо образовывать формирования, подобные Союзу «Рот-Фронт» в

* См. гл. 12.

Германии; в спортивных организациях следует работать против фашизма и против войны; существующие классовые организации жертв войны (инвалиды, вдовы и т. д.) надо систематически использовать и укреплять для борьбы против империалистической войны. Коммунистический союз молодежи должен в тесном контакте с партией развивать активную работу с рабочей и крестьянской молодежью, из рядов которой набирают солдат. Необходимо использовать имеющиеся пролетарские организации учителей, родителей и школьников и коммунистические детские группы и создавать новые подобные организации в школах с целью борьбы против империалистической подстрекательской работы» и т. д. и т. п. (№ 12, с. 151. Решение).

Все эти директивы и мероприятия нами предназначены для того, чтобы сделать неосуществимой *всякую возможную войну*, т. е. также и *всякое отступление* в будущем перед лицом наступающего врага, связаны друг с другом и дают единую законченную картину. Это метод внутреннего разложения, подкапывания и завоевания, с которым мы теперь достаточно хорошо ознакомились, только примененный и подогнанный относительно вероятной войны. Коммунисты убеждены, что все эти меры «значительно осложнят буржуазии как подготовку, так и проведение войны». В любом случае «ясно, что *оттягивание* империалистических военных мероприятий с помощью массовых акций пролетариата создаст положение, которое очень облегчит *превращение этой войны в гражданскую войну для свержения империализма*» (№ 12, с. 111. Решение).

Если же, когда пробьет час и все военнообязанные будут призваны, война начнется, то во всей стране необходимо развязать гражданскую войну, и поражение *буржуазного правительства* должно привести к окончательному краху всего буржуазного *правопорядка*. Возможно такое не удастся в первые дни и недели новой войны; тогда сама война и растущая *усталость от нее*, которая при новой военной технике распространится чрезвычайно скоро и даже может принять форму массового психоза, проделают огромную работу по *разложению народа и армии на фронте*, т. е. в интересах коммунистов и их планов.

И кто знает, как скоро воюющий народ созреет для гражданской войны?..

В период после объявления войны коммунистам надлежит придерживаться следующих директив^{*}. Эти директивы в своих главных чертах нам уже известны; но нам хотелось бы с помощью оригинальных высказываний кратко резюмировать основное.

«Борьба во время империалистической войны.»

Политическая программа коммунистов в империалистической войне есть та же программа, которую разработала и применила партия большевиков под руководством Ленина в своей героической борьбе против первой империалистической мировой войны. Она состоит из следующих главных пунктов:

а) Отрицание «защиты Родины» в новой войне, *просвещение* рабочих и крестьян по поводу ее реакционного характера, острейшая борьба против всех направлений рабочего движения, открыто или скрыто оправдывающих эту войну.

б) *Дефетизм*, т. е. содействие поражению собственной буржуазии в этой войне.

в) Подлинный *интернационализм*, т. е. не «интернационалистские» фразы и не формальные «договоренности», а революционная дефетистская работа пролетариата в каждой воюющей стране для свержения собственной буржуазии.

г) Превращение войны империалистических государств в *гражданскую войну* пролетариата против буржуазии. За диктатуру пролетариата, за социализм посредством революционных массовых акций в тылу и *братания на фронте*.

д) «Демократический», или «справедливый», мир в империалистической войне невозможен без свержения буржуазии и *захвата власти* пролетариатом в важнейших воюющих государствах. Потому центральным лозунгом не может быть мир, им может быть только пролетарская революция. Коммунисты обязаны вести жестокую борьбу со всеми фразами о мире, которые в определенный

^{*} Ср. гл. 13, 14, 15.

момент становятся важнейшим идеологическим оружием буржуазии, чтобы не допустить превращения войны в гражданскую.

Коммунистам нельзя ограничиваться лишь тем, чтобы провозглашать и пропагандировать такую программу, им необходимо посредством тактики пролетарского единого фронта снизу привлечь массы на борьбу за эту программу» (№ 12, с. 119 — 120. Решение).

Начало войны, таким образом, означает для коммунистов вступление в «революционную ситуацию» или возникновение «революционной конъюнктуры». Им надо в ускоренном темпе и нелегальными путями подготовить непосредственную массовую акцию.

«Превращение империалистической войны в гражданскую означает прежде всего *революционные массовые акции*. Коммунисты решительно отвергают все средства борьбы против войны, которые противоречат расширению революционных массовых акций» (№ 12, с. 120. Решение).

Теперь нам остается попробовать наглядно представить себе общую картину этих *«революционных массовых акций»* и сделать это именно так, как ее представляет себе III Интернационал.

Нам надо представить себе коммунистическую работу на фронте и в тылу (т. е. во всей воюющей стране). Начнем с работы на фронте.

1. *Все коммунисты, которые будут призваны во время мобилизации, должны вступить в армию и пойти на фронт, чтобы вести революционную работу в армии.*

Ленин говорил: «Бойкот войны — глупая фраза. Коммунисты должны участвовать в каждой реакционной войне» (№ 45, с. 130; цитируется также в № 9, т. II, с. 95 — 96. Докладчик Меринг в № 12, с. 122 — 123. Решение).

С точки зрения «превращения империалистической войны в гражданскую» коммунисты определяют свою позицию по отношению к лозунгу отказа от военной службы (бойкот войны), за который выступают некоторые «радикальные» пацифисты и левые социал-демократы. Коммунисты борются против этого лозунга.

«а) Идея о том, чтобы посредством призыва к военнoобязанным не следовать приказу о мобилизации сде-

лать империалистическую войну невозможной... иллюзорна. Пропаганда этого рецепта ослабляет единственно серьезную революционную борьбу против войны.

б) Если подобный «массовый бойкот» частично удастся, его плодом будет то, что как раз самые решительные рабочие, с высоким классовым сознанием, не будут находиться в армии. И это сделало бы невозможной одну из решающих задач в борьбе против войны: систематическую революционную работу в армии.

Поэтому при возникновении вопроса о вступлении в буржуазную армию или отказе рабочих и бедных крестьян от военной службы (бойкот) коммунистическим партиям следует давать общий совет отвергать лозунг отказа от военной службы, овладевать военным ремеслом, вести революционную работу в армии и в подходящий момент повернуть оружие против буржуазии» (№ 12, с. 122. Решение). Потому коммунисты отвергают «те индивидуальные акции», которые не связаны с революционными массовыми акциями или не служат их развитию, и ведут борьбу с пропагандой рецептов «против войны», за которые ратуют мелкобуржуазные элементы в рабочем движении. Такие рецепты, как, например, отказ «от ношения оружия», «отказ стрелять» и т. д., сегодня еще широко распространены в массах; многие рабочие серьезно полагают, что могут ими чего-то добиться. На деле же они бессмысленны и вредны. Коммунисты должны сказать рабочим, что борьба против войны не является разовым актом, что единственным правильным средством борьбы с целью свержения буржуазии, которому должны быть подчинены все остальные, являются революционные массовые акции рабочих и трудящихся масс в тылу и на фронте. И борясь против вышеназванных рецептов индивидуальных акций, наносящих ущерб массовым акциям, коммунисты воспитывают в рабочих «революционный героизм в борьбе против империалистической войны» (№ 12, с. 120. Решение).

«Революционному пролетариату нельзя прибегать к бойкоту буржуазных армий как к средству предотвращения войны. Применением полного бойкота военной службы нельзя добиться разложения буржуазной армии до победы отечественного правительства. *Борьба за свержение*

буржуазии требует соединения работы революционного рабочего класса в рядах вооруженных войск и вне их, в рядах массового движения промышленного пролетариата, в особенности в военной промышленности и на транспорте. Не индивидуальные выступления, а массовая пропаганда, ведущая к превращению империалистической войны в гражданскую — таков коммунистический ответ пацифизму» (№ 9, т. II, с. 30 — 31. Докладчик Белл*).

Это полемически выдержанное обоснование коммунистического лозунга становится понятным, если учесть, что оно направлено против левого крыла социалистических партий, пропагандирующего в случае войны *индивидуальный отказ от военной службы*. Пример из Германии.

Ведь левые социал-демократы пробуют здесь «инсценировать перед пролетариатом определенные мниморадикальные меры, такие, как поддержка движения за отказ от военной службы, которые нами» (коммунистами) «бесспорно недооцениваются в Германии. В одной сравнительно небольшой местности с населением в 500 000 человек «левым» социал-демократам удалось собрать 80 000 подписей под обязательством индивидуального отказа от военной службы. Они утверждают далее, что собрали в Рурской области, важнейшем промышленном районе, 200 000 подписей» (№ 10, с. 602 — 603. Докладчик Шнеллер).

* Однако лозунг вступления в армию действует лишь в странах, в которых есть регулярное войско и всеобщая воинская повинность. Для стран с добровольным призывом в армию выдвигается противоположный лозунг.

«§22. В странах с добровольным призывом в армию правительство разворачивает при начале войны широкую кампанию за вступление в армию и вводит, если это необходимо, всеобщую воинскую повинность. Борьба коммунистической партии и в этом случае направлена против самой империалистической войны и за ее превращение в войну гражданскую. Но в рамках этой борьбы коммунистам надо бороться против вербовки буржуазией, за добровольное вступление в армию и против введения всеобщей воинской повинности. При этом ни в коем случае не должна создаваться иллюзия, что невступлением в армию и борьбой против введения всеобщей воинской повинности война может быть предотвращена и что тем самым революционная работа в армии станет ненужной... Революционная работа в армии должна быть организована и открыто пропагандироваться» (№ 12, с. 123. Решение).

Вот эту политику коммунисты решительным образом отвергают и с нею борются; они считают ее недостаточно радикальной и слишком пассивной, ибо она в лучшем случае способна лишь предотвратить войну, а не вызвать гражданскую войну и свержение буржуазии.

2. *«В рядах вооруженной армии призванные в армию коммунисты должны вести неустанную и настойчивую, но исключительно легальную пропаганду. Необходимо систематически разлагать фронт изнутри, до тех пор, пока он не развалится».* «Революционная работа в армии должна быть организованной и проводиться открыто» (№ 12, с. 123. Решение).

«Большое значение для превращения империалистической войны в гражданскую имеет революционная работа на фронте. При этом коммунисты не должны ограничиваться одной пропагандой, они должны — в соответствии с конкретной обстановкой — выдвигать определенные лозунги действий.

а) В соответствии с *экономическими требованиями и солдатскими жалобами* необходимо применять методы коллективного отказа или саботажа военной службы, а также определенные формы забастовок солдат и матросов.

б) Важнейшим лозунгом действий на фронте является лозунг братания. Он преследует цель объединить рабоче-крестьянских солдат по обе стороны против своих офицеров. Опыт последней мировой войны доказал, что *массовое братание неминуемо ведет к разложению армий по классовому признаку и к вооруженной борьбе между солдатами и офицерами*. Коммунисты в армии обязаны организовать братание и придать ему ясную политическую окраску, прежде всего в вопросе мира и организации революционных сил в армии» (№ 12, с. 123. Решение).

Слово братание, которое народы мира впервые услышали в русских окопах, таким образом, «не повисло в воздухе» (№ 66).

«Братание... на деле происходит вместе с коллективными митингами солдат и достигает на фронте своей высшей точки... Все отдельные требования преследуют лишь одну цель — подвести солдат к братанию. Поэтому нам надо отвергать те отдельные требования, которые вступают в противоречие с лозунгом братания.

Как пример можно назвать вопрос сокращения срока военной службы. Это требование может рассматриваться нами как отдельное требование лишь в той мере, в какой оно содействует *разложению армии* и побуждает к братанию. Если же оно выдвигается независимо от братания, то оказывает тем самым услугу буржуазии, которая заинтересована в сокращении срока службы, как это показала ситуация во Франции при проведении новых военных законов» (№ 9, т. II, с. 98. Докладчик Ферра).

Из опыта русской революции коммунистам отлично известно, что подобное братание на фронте решительно пресекается офицерами, что сразу же начинается обстрел непокорных подразделений, что такой обстрел вызывает обоюдное ожесточение в собственном лагере и легко может сделаться *началом гражданской войны*.

3. Когда это разложение на фронте зашло достаточно далеко и брожение в стране находится на подъеме, коммунисты должны выступать с *дальнейшими требованиями: выборность офицеров, организация солдатских Советов и т. д.*, что уже, кстати, относится «непосредственно к революционной ситуации»^{*}.

Так фронт должен созреть для гражданской войны. Однако этот процесс должен идти рука об руку с внутренним разложением и *внутренним революционизированием* страны. Здесь у нас имеются следующие директивы Коминтерна.

Коммунистам хорошо известно, какое огромное значение для современной войны имеет то, что делается *в тылу*, т. е. во всей воюющей стране; одно дело, когда царят покой, равновесие, организованность и воля к победе, и как опасно и пагубно проявление противоположных качеств. Поэтому они предпримут все, чтобы в тылу не было покоя. Они знают также о стремлении к беспощадному подавлению их пропаганды и потому рекомендуют нелегальные формы работы.

^{*} См. об этом в гл. 14.

«Надвигающаяся империалистическая мировая война будет не только войной техники с невиданным применением материалов, но и одновременно такой войной, которая затронет многомиллионные массы и большинство населения воюющих стран. Границы между линией фронта и тылом будут все более стираться.

Без «спокойного» тыла невозможно ведение войны империалистами. Буржуазия принимает меры для предотвращения любого организованного сопротивления рабочих военной политике...

Преследования и подавление коммунистических партий будут систематически усиливаться. Над секциями Коммунистического Интернационала во всех империалистических странах нависла прямая угроза вынужденного перехода на нелегальное положение» (№ 12, с. 108 — 109. Решение).

Коммунистам, таким образом, надлежит после начала войны добиваться следующего:

1. Они должны пропагандировать и организовать массовый саботаж в военной промышленности и на транспорте. В решениях Коминтерна одно за другим обсуждаются и важнейшие направления работы профсоюзов*.

«В борьбе против империалистической войны... надо выделить особые задачи наших профсоюзов, работающих в областях, имеющих важное значение для войны». «Прежде всего следует подчеркнуть значение «рабочих-транспортников». Каждая категория *транспортных рабочих* должна быть своевременно организована. Надо начинать с организации комитетов на железных дорогах, в портах, на судах, чтобы создать контроль за перевозкой военных материалов и войсковых соединений. Важно установить связь между контрольными комиссиями, с одной стороны, на судах, а с другой, в портах, чтобы предотвратить разгрузку судов с военными материалами».

«Железнодорожники должны организовать на границах всех затронутых стран контрольные комиссии для контроля и предотвращения перевозки военных материалов».

* Об успехах такого саботажа в Италии во время последней польской войны сообщает, например, итальянский коммунист Гарланди в протоколах VI международного конгресса (№ 9, т. II, с. 41).

«Особое значение в связи с угрозой войны имеет работа с *моряками и портовыми рабочими*. Во всех важных портах надо организовать портовые бюро. Деятельность уже существующих портовых бюро должна быть расширена и усилена»^{*}.

«В связи с той огромной ролью, которую в войне будет играть авиация, мы должны уделить особое значение деятельности среди авиационных служащих».

«Ввиду того колоссального значения, которое имеет для войны *химическая промышленность*, необходимо усилить профсоюзную работу в этой отрасли во всех странах. Революционные рабочие химической промышленности должны поддерживать связи с рабочими на транспорте с тем, чтобы предотвратить перевозку взрывчатых веществ и газов».

«*Металлургам* как рабочим военной промышленности придается огромное значение; на металлургических заводах должны быть организованы комитеты действий против перехода на выпуск военной продукции. Производство боеприпасов, оружия и других военных материалов должно предотвращаться стачкой, итальянскими забастовками и саботажем...»

«Экономическая борьба и организация антивоенной работы среди *шахтеров* имеет огромное значение, так как бесперебойная добыча угля является необходимой предпосылкой для ведения войны».

«Должна координироваться профсоюзная работа во всей военной промышленности и в военных перевозках. Надо постараться создать блоки и достичь договоренности профсоюзов, связанных с военной промышленностью».

«Надо учитывать ту перспективу, что объявление войны, особенно с связи с обостряющейся экономической борьбой и в случае активного сопротивления войне со стороны профсоюзов, вызовет рост репрессивных мер против революционных профсоюзов. Это поставит профсоюзы перед задачей борьбы за свою легальность» (№ 9, т. II, с. 88 — 89. Докладчик Витковский).

^{*} Ср. лозунг: «Ни одного судна без судового комитета или революционной ячейки» (№ 26, с. 9, 39 и др.).

Здесь также надо особо принять во внимание пропаганду среди женщин — живой замены мужского населения во время войны.

«Ввиду большой роли *женщин* в промышленности, особенно в случае войны, и их влияния на мужское рабочее население, особое значение приобретает работа среди женщин в промышленности и жен рабочих, борьба против империалистического влияния мелкобуржуазных организаций и объединение женщин в профсоюзы и другие пролетарские массовые организации для борьбы против империалистической войны. При этом надо особо обращать внимание на планы милитаризации женщин и все энергичнее ведущийся охват женщин пацифистскими, церковными и националистическими буржуазными организациями» (№ 12, с. 118. Решение).

2. Во-вторых, необходимо вести широкую *пропаганду среди крестьян* — как среди подлежащих призыву в армию, так и среди их семей, остающихся дома. *Повсюду надо проводить пропаганду разложения, саботажа, крестьянские бунты и организацию партизанских отрядов.*

Прежде всего «нам надо» «укреплять крестьянские организации и обеспечить их работу в армии. После мобилизации у нас, без сомнения, появятся новые условия, иные пути и иные методы работы; легальные возможности наших организаций и нашей печати будут равны нулю. Нам придется обратиться к новым методам работы. Концентрация в армии рассеянного крестьянства создает благоприятные предпосылки для массовой работы с ним, для проникновения революционных идей, если только своевременно создать для них подходящую основу... Мы должны определить свою тактику по отношению к таким идеям и лозунгам, распространяемым в крестьянской среде, как, например, лозунг пассивного сопротивления, лозунг «оставайся дома». Это лозунг неверный, ложный и злонамеренный. Кроме того, нам надо по-иному сформулировать наше мнение в отношении растущего в армии дезертирства и так называемых «зеленых кадров». Далее мы должны внести ясность в вопрос о поведении солдат, призванных в армию из крестьян, за линией фронта, о поведении тех, кто служит в *гарнизонах*, в жандармерии, кто работает на вспомогательных

работах в различных магазинах, в промышленности и на транспорте. Для содействия разложению в армии следует также дать указания о том, как себя вести, солдатам за линией фронта и на фронте касательно их *связи со страной* (письма, подарки, посылки и т. д.). *Крестьянские бунты* против реквизиции зерна, лошадей и повозок, против принуждения к работам и размещения войск в крестьянских домах, *бойкот обесцененных денег, бойкот налогов и ведомств и т. д.* Все это должно быть заранее продумано, и наши партработники должны своевременно подготовиться к правильному руководству борьбой крестьянских масс. Мы также должны обдумать, как организовать в ходе войны *демонстрации сирот и вдов*, как установить определенные контакты между рабочими и крестьянами. Далее надо подумать над вопросом снабжения деревни городскими товарами с помощью рабочих кооперативов и наоборот, снабжения рабочих сельскохозяйственными продуктами. Все эти вопросы должны конкретно осуществляться применительно к каждой отдельной стране» (№ 10, с. 748 — 750. № 9, т. II, с. 167 — 168. Докладчик Домбаль).

«Если позволит общее положение, коммунисты должны использовать такие массовые движения для создания *партизанских отрядов* и непосредственного развития гражданской войны. Это особенно касается стран с сильными национально-революционными движениями. Здесь в начале войны... или во время войны при благоприятной ситуации коммунисты выйдут с лозунгом национально-революционного восстания против империалистов и немедленного образования партизанских отрядов» (№ 12, с. 123. Решение*).

3. *Следующая ступень борьбы: подстрекательство к демонстрациям и созыв революционных конференций по всей стране.*

«Чрезвычайно важными мероприятиями являются демонстрации женщин и детей в местах, через которые проходят отправляемые на фронт войска, а также в пор-

* См., например, № 17, с. 411 — директиву для Китая: «Развитие партизанского движения...»

тах; демонстрации женщин, детей и инвалидов перед парламентами, агитация в пролетарских и мелкобуржуазных женских организациях против войны и за созыв конференций делегатов для борьбы против империалистической войны; женские собрания перед заводами и фабриками и в рабочих кварталах, от которых были выбраны делегатки, использование существующих и организация новых конференций делегатов как постоянных органов для руководства кампанией против империалистической войны» (№ 12, С. 151. Решение).

4. *В этой пропагандистской и организационной работе массы воюющей страны созревают для всеобщей забастовки, для вооруженного восстания и, таким образом, для гражданской войны.*

«С позиции превращения империалистической войны в войну гражданскую коммунисты приступили к вопросу о всеобщей забастовке. Они не могут ставить вопрос о борьбе против войны только как вопрос о всеобщей антивоенной забастовке... Всеобщая забастовка не «панacea» без учета конкретной ситуации»...

«*Всеобщая забастовка* наряду с другими революционными массовыми акциями (демонстрациями, забастовками на военных предприятиях, забастовками на транспорте и т. д.) как высшая форма массового забастовочного движения является важнейшим оружием и как форма *перехода к вооруженному восстанию* — стадией превращения империалистической войны в *войну гражданскую*. Однако это превращение зависит не только от воли партии, но предполагает наличие революционной ситуации, способность пролетариата к массовым акциям и т. д., *каковые предпосылки обычно наступают не в начале, а только в ходе войны*. В начале войны не падает с неба и всеобщая забастовка, она становится *результатом нарастающей волны революционных массовых акций* (демонстраций, отдельных забастовок и т. д.) и *настойчивой самоотверженной подготовки со стороны коммунистов*. Всеобщая забастовка во время войны, без сомнения, *скорее* приведет к революционным событиям, чем во время мира, но ее несколько не легче подготовить и организовать. Напротив, буржуазия примет свои контрмеры и от-

ветит на забастовки мобилизацией их участников или милитаризацией предприятий».

«Коммунистам поэтому нельзя и во время войны ограничиваться абстрактным лозунгом всеобщей забастовки, они, как и прежде, должны проводить мелкую революционную работу на предприятиях и в профсоюзах, защищать экономические требования рабочих, организовывать революционные советы на предприятиях, завоевывать низовые органы профсоюзов, удалять из организации социал-патриотические элементы, когда завоеван фундамент, избирать новых руководителей и в противоположность реформистским организовывать, проводить и расширять отдельные забастовки и т. д. *Всеобщей забастовке нельзя быть только абстрактным лозунгом, напротив, она может быть лишь целью и результатом этой практической работы.*»

«В этом случае революционный пролетариат должен подготовиться к тому, чтобы, *когда будет осуществлена всеобщая забастовка*, взять твердый курс, при наличии соответствующих условий, на превращение *ее в вооруженное восстание*» (№ 12, с. 121 — 122. Решение).

Итак, это превращение не может быть неподготовленным или вызванным скоропалительно. С вооруженным восстанием никогда нельзя играть. Этим двум «превращениям», т. е. превращению всеобщей забастовки в вооруженное восстание и международной войны в войну гражданскую, должна быть предпослана осторожная, хорошо продуманная пропагандистская и организационная работа. Коммунистам не следует предаваться иллюзиям: для решения этой задачи нужна *большая выдержка* и отвага, не страшась риска, и своеобразный ожесточенный фанатизм. Появившись из этой катастрофы, находясь на службе новой катастрофы, эти люди твердо убеждены в том, что социальное равновесие и социальное спокойствие представляют собою самое отвратительное и недопустимое и что, напротив, социальное брожение и социальная ненависть ведут человечество к «избавлению».

Лишь такие люди могут справиться с этой задачей; лишь такие люди могут систематически готовить и планомерно организовывать беспощаднейшую и кровавейшую из всех войн. Ибо воистину: «Гражданская война —

самая ожесточенная и самая непримиримая из войн. Необходимо полное физическое уничтожение противника в бою» (№ 60, с. 14). Гражданская война требует «последовательной и беспощадной стратегии» (№ 6, с. 69), а также людей, предрасположенных к такой стратегии.

Однако легко также понять, что хотя эти люди и стремятся терроризировать мир (чтобы его завоевать!), их тоже посещают страшные сны. Они готовят мировую бойню и страшатся, что могут напасть на них, самих нападающих. Они хотят мировую войну и боятся, что им самим будет объявлена беспощадная война. Своей пропагандой и организационной работой они осуществляют военную «интервенцию» во всех странах мира и ничего так не боятся, как «интервенционистской войны» против «пролетарского государства»...

Эту последнюю проблему нам надо постараться осветить по подлинным источникам.

Глава семнадцатая

НАПАДЕНИЕ НА СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

(ИНТЕРВЕНЦИЯ)

То, что задумал III Интернационал во всем мире и осуществляет на деле, есть не что иное, как *революционное наступление на весь буржуазный правопорядок*. Это наступление «революционно» не только в том смысле, что речь идет о «радикальных изменениях» или о «непримиримой борьбе», но скорее в смысле вооруженного восстания, кровавой гражданской войны, *искоренения* существующего руководящего, культурного слоя во всех буржуазных странах. Правда, людям не так-то легко составить себе об этом верное представление: «Как? — спрашивают они, — меня в один прекрасный день просто безвозмездно экспроприируют, а возможно, еще и казнят? За что же? Зачем? Кто это сделает? Это невероятно, это просто невозможно!...» Воображение сопротивляется такой жуткой перспективе; мысли бунтуют и просто отка-

зываются заниматься подобной невероятной «возможностью»; вся душа восстает и отрицает эту идею*: «Не стоит преувеличивать опасность... Нельзя дать себя запугать... Не так страшен черт, как его малюют. И с коммунистами можно будет и общаться, и работать» и т. д. Примерно так, как лентяй из народной сказки: «Во-первых, так не бывает; во-вторых, наступившая опасность не так уж и велика; в-третьих, мне лично, конечно же, удастся ускользнуть от большой опасности; в-четвертых, у меня есть еще время наслаждаться жизнью без помех»...

Пусть люди, усыпленные близорукими или хитрыми «оптимистами», думают себе *так или примерно так*; коммунисты III Интернационала знают лучше, чем мы все, что *на самом деле все по-другому*. Для коммунистов хорошо, что мировая буржуазия не верит в грозящий ей и близящийся кровавый конец; и чем дольше она пребудет в этой наивной беззаботности или доктринерской близорукости, тем лучше для III Интернационала. Но так как коммунисты относятся к своему кровавому плану завоевания мира совершенно серьезно и проводят его с огромной настойчивостью, мы должны рассчитывать на то, что буржуазия все же пробудится и соберет силы для контрнаступления. И что тогда?

Психологически понятно, что нападающие боятся контратаки; что человек, работающий во вражеском лагере, склонен к мании преследования; что нелегально работающая организация принимает меры, чтобы ее было не так легко ликвидировать. Тот, кто постоянно угрожает другим, сам чувствует себя в опасности; даже если эта опасность существует лишь в его воображении, он ее ощущает как *реальную опасность*. Кто зарится на чужую страну, на того ночью нападает страх. Кто ведет борьбу во что бы то ни стало и не собирается никому «давать пощады», тому придется ворочаться ночью в страхе при мысли, что и его однажды не пощадят. Так *субъективный страх* будет воздействовать на него больше, чем *объективная угроза*. Он будет кричать «караул», даже если ему *никто не будет угрожать*; и его зубы начнут выдавать барабан-

* См. гл. 1.

ную дробь уже при одной мысли о том, что однажды его страшный сон осуществится.

Это первая причина, по которой III Интернационал непрерывно говорит об интервенции буржуазных государств против Советского Союза и принимает меры для защиты от этого фантастического контрнаступления.

Но есть и другие причины.

Вторая причина заключается в том, что *симпатии мира* обычно принадлежат не атакующему, а подвергшемуся нападению. На деле атакующая сторона — III Интернационал. После всего того, что установлено, обосновано и доказано нами в нашем описании, в этом не может быть никакого сомнения. А тут надо, вопреки всему, убедить весь мир в том, что *революционная пропаганда* должна оставаться свободной и не представляет собой «агрессии» и что настоящей агрессией станет лишь тогда, когда буржуазный мир развяжет вооруженную интервенцию против коммунистического мира. Нападение коммунистов правомочно; оно есть «защита». Но вооруженная интервенция была бы абсолютно неправомочной; она была бы «реакционным» нападением. Интервенционистская война была бы атакой на справедливое дело мирового пролетариата. Поэтому и мир — пролетариат, так как он должен бороться за свое дело, и буржуазия, потому что она обязана вообще сочувствовать «подвергшемуся нападению» — должны встать на сторону Советского Союза. Пусть эта никем не планируемая, фантастическая интервенция нам всем кажется совершенно нереальной: на наши «симпатии» уже с самого начала рассчитывают или на них как бы заявляются пропагандистские «претензии»...

Третья причина такова, что коммунисты с помощью своей пропаганды против войны с интервентами *стремятся сделать последнюю невозможной*. И это в двух смыслах. С одной стороны, многое в политике возможно лишь тогда, когда до осуществления о нем умалчивают. Нередко стоит только что-то выболтать или передать газетам — и общественное мнение против мнимого плана уже мобилизовано; то, что казалось возможным, на деле становится невозможно; возникают помехи, борьба интересов, и дело безвозвратно потеряно. Коммунистам хо-

рошо знаком этот общий закон политической жизни, и они стремятся соответствующим образом использовать его. *Никто во всем мире не думает об интервенции против Советского Союза*; а III Интернационал заинтересован в том, чтобы задушить в зародыше даже *возможность* подобной мысли; поэтому он стремится ослабить эту идею с самого начала, чтобы лишить общественное мнение самой способности вообще на нее рассчитывать.

С другой стороны, III Интернационал пытается сделать интервенционистскую войну невозможной, прибегнув к любым *препятствующим ей организационным мерам* и уже заранее мобилизуя революционные рабочие массы на определенные, очень радикальные действия. Этими двумя способами III Интернационал старается оградиться от интервенционистской войны.

Четвертая причина та, что *дальнейшему существованию Советского Союза коммунисты придают совершенно особое значение*, о котором они открыто и неустанно пишут и говорят. Пожалуй, лучше дать им самим высказаться по поводу этого значения (ср. главу 4).

Ноябрьскую революцию (1917 года) русского пролетариата надо толковать «как первое звено пролетарской мировой революции», утверждающе гласит резолюция V всемирного конгресса Коминтерна. «Именно поэтому особое значение приобретает один лишь факт существования Советского Союза как *организационного центра мирового пролетарского движения*. Советский Союз одним лишь фактом своего существования вбивает кол в капиталистическую систему, охватывая построением нового общества, принципиально враждебного капиталистическому режиму, одну шестую земного шара. Он представляет, с другой стороны, сильнейший отряд пролетарского движения, ибо *рабочему классу принадлежат здесь все средства и вспомогательные источники государственной власти*» (№ 8, с. 59. Резолюция).

В этой связи далее говорится:

«Поддержка Советского Союза как средство его укрепления и объединения масс вокруг этого *организационного антикапиталистического центра* является сильнейшим оружием в руках международного рабочего класса» (№ 6, с. 79. Резолюция).

«Советская федерация» — «авангард мировой революции» (№ 28, с. 440. Докладчик Сталин).

«Советский Союз был и остается плацдармом для дальнейшего распространения мировой революции». «Компартия Советского Союза есть центр революционного рабочего движения». «В союзе с этими революционерами, организованными в коммунистические партии всех стран, пролетариат Советского Союза идет к своей цели — осуществлению мировой революции» (№ 54, с. 3 — 4. Докладчик Курелла).

«Революция в Советском Союзе — часть мировой революции, ее начало и основа для ее развития» (№ 55, с. 35. Сталин).

«Советский Союз» «играет беспримерную революционную роль *мотора международной пролетарской революции*, который побуждает пролетариев всех стран к захвату власти; *роль живого примера... роль прообраза*» и т. д. (№ 12, с. 85. Решение).

Советский Союз — «*единственная родина пролетариата*» и т. д.* (№ 12, с. 202. Резолюция; ср. № 12, с. 127. Решение; № 16, с. 33. Решение).

«Одно уже существование Советского Союза образует один из важнейших факторов разложения мирового империализма и подрыва его стабильности как в Европе, так и в колониях. Советский Союз в ясной форме становится знаменем рабочего класса Европы и угнетенных колониальных народов» (№ 31, с. 46. Докладчик Сталин. Стенограмма).

«Советский Союз — оплот всех трудящихся» (№ 12, с. 203. Резолюция VI всемирного конгресса).

Или, как выражается один руководящий коммунист, обращаясь к мировому пролетариату: «Это верно, что нас спасли наши огромные пространства, но за вами — огромный плацдарм пролетарской революции и социализма в СССР» (№ 76, с. 1123. Мануильский).

Таковыми и подобными высказываниями пестрят резолюции и протоколы III Интернационала. Их смысл, однако, уже до

* Ср. гл. 14.

конца выяснен. Коминтерну хорошо известно, чем он владеет в Советском Союзе и что он мог бы с ним потерять.

«Победа империалистов в их борьбе против Советского Союза была бы не только поражением пролетариата Советского Союза, но и самым тяжелым поражением, которое когда-либо приходилось испытать международному пролетариату. Рабочее движение было бы на десятилетия отброшено назад. Во всей Европе наступила бы чернейшая реакция»... «Поражение пролетариата Советского Союза открыло бы новую главу в истории еще невиданного, зверского, контрреволюционного террора. Поэтому борьба в защиту Советского Союза неизбежно должна находиться в центре всеобщего внимания» (№ 12, с. 28. Резолюция)*.

«Несмотря на значение советского рынка для капиталистических государств, они постоянно колеблются между своими торговыми интересами и страхом перед усилением Советского Союза, означаящим одновременно рост мировой революции. Ведь главной и решающей тенденцией в политике империалистических государств является их стремление взять Советский Союз в кольцо и затеять против него войну, цель которой — уничтожение Советского Союза и установление буржуазного режима террора во всем мире».

«Ни настойчивые попытки политического окружения Советского Союза со стороны империализма, ни растущая угроза военного нападения не мешают Коммунистической партии Советского Союза как секции Коммунистического Интернационала, стоящей во главе пролетарской диктатуры, исполнять свой интернациональный долг и ... защищать всех угнетенных».

«Советский Союз — истинная родина пролетариата, крепчайшая опора его достижений и главный фактор его интернационального освобождения: это обязывает международный пролетариат помогать успехам социалистического строительства в Советском Союзе и всеми средствами защищать страну пролетарской диктатуры от на-

* См. также статью «Против новой войны, в защиту Советского Союза» (№ 85, с. 34 — 39. Апрель 1934 г.).

падения капиталистических держав» (№ 12, с. 86. Программа Коминтерна).

Это нападение буржуазных государств на Советский Союз III Интернационал считает *неотвратимым*. Рано или поздно оно состоится, какими бы «значительными» ни были «успехи миролюбивой политики Советского Союза» (№ 18. Тезисы XIII пленума ИККИ. Декабрь 1933)... Это произойдет по следующей причине.

«Мирная политика пролетарского государства никоим образом не означает примирения Советской державы с капитализмом... Она — лишь другая форма борьбы против капитализма» (№ 12, с. 128. Решение). «Мы, коммунисты, никогда и ни за что не откажемся от наших принципов и нашей тактики» (№ 87, с. 7, июнь 1934 г.).

Поэтому не надо предаваться иллюзиям.

«Пролетариат Советского Союза не предается иллюзиям о возможности прочного мира с империалистами. Он знает, что нападение империалистов на Советский Союз неотвратимо, что в процессе пролетарской мировой революции неизбежны и необходимы войны между пролетарскими и буржуазными государствами, войны за освобождение мира от капитализма. Поэтому его первой обязанностью как борца за социализм является проведение в случае войны всей необходимой политической, экономической и военной подготовки, укрепление Красной Армии, этого мощного оружия трудящихся, и военное обучение больших масс трудящихся» (там же).

«События последних лет показали, что главный фронт политики всех империалистических государств все откровеннее направляется против Советского Союза и китайской революции» (№ 12, с. 110. Решение).

«Так развитие противоречий нынешней мировой экономики, углубление общего кризиса капитализма и вооруженное нападение империалистов на Советский Союз с железной необходимостью ведут к мощному революционному взрыву. Этот взрыв погребет под своими обломками капитализм в ряде так называемых цивилизованных стран, развяжет победоносную революцию в колониях, сильно расширит базис пролетарской диктатуры и тем самым станет огромным шагом к окончательной победе

социализма во всем мире» (№ 12, с. 67. Программа Коминтерна).

Кстати, III Интернационал не только утверждает, что это «вооруженное нападение» в один прекрасный день состоится, но и что ему совершенно определенно известно: подготовка этого нападения уже *ведется*, и он даже пробует назвать те великие державы, которые стоят во главе этой подготовки. Хотя эти данные настолько пестры, запутаны и противоречивы, что сразу же становится понятным их фантастическое и агитационно-демагогическое происхождение. То это *Германия* — «территория данного этапа, данный плацдарм и данный арсенал для борьбы против Советского Союза» (ср. № 9, т. II, с. 47. Докладчик Шнеллер; также № 12, с. 17. Резолюция; и те и другие — данные 1928 г.); то это *Франция* — «французский генеральный штаб и его путешествующие генералы», или «французская буржуазия — этот главный организатор антисоветской войны», «уже создавший ряд политических и военных союзов для окружения Советского Союза: Польша, Румыния, Финляндия, государства малой Антанты», так что «в стремительном темпе... соответственно плану военной кампании против Советского Союза строятся стратегические железные дороги... военные порты, новые линии укреплений и стратегические мосты» (№ 16, с. 27. Резолюция от апреля 1931 г.). В другой раз это «*Великобритания*», вставшая «во главе» «войны против Советского Союза» (№ 12, с. 6. Резолюция 1928 г.). Далее это вновь «*Соединенные Штаты и Великобритания*, вместе «представляющие собой ведущую силу в подготовке войны против Советского Союза» (№ 12, с. 150. Решение 1928 г.). И наконец, *Япония* (№ 18. Тезисы XIII пленума ИККИ от декабря 1933 г.). «Японская монархия, гитлеровская Германия и британский империализм играют самую активную роль в организации войны против Советского Союза», — говорится, в завершение, в январе 1934 года (№ 79, с. 23). Короче, *все великие державы*, да и некоторые не такие уж большие государства, могут утешаться тем, что подозрения в подготовке к интервенционистской войне падают на *всех*. Эти подозрения могли бы показаться смешными; но они выполняют серьезную задачу: дают всем секциям

Коминтерна повод для *повсеместной*, во всех странах, агитации против этой фантастической интервенционистской войны; они призывают все коммунистические партии шпионить в собственной стране, протестовать и повсюду мобилизовать общественное мнение против якобы «планируемого нападения»... Потому III Интернационал старается внушить народным массам всех стран, что готовят интервенционистскую войну *все* державы как таковые.

«Они готовят ее систематически, они готовят ее всеми средствами. Они готовят ее каждый час...» (№ 12, с. 6. «Манифест VI всемирного конгресса Коммунистического Интернационала ко всем рабочим мира, всем трудовым крестьянам, всем угнетенным колониальным народам, солдатам и матросам капиталистических армий и флота!»)

Но трудящиеся массы призваны защитить Советский Союз от этого нечеловеческого нападения.

«Безопасность пролетарской диктатуры, безопасность Советского государства, безопасность этого очага дальнейшего развития мировой революции зиждется не только на нашей собственной силе» (т. е. Советском Союзе), «а также на мнении широких трудящихся масс иностранных государств, на мнении, которое имеет о нас и о нашей стране международный пролетариат» (№ 31, с. 312. Докладчик Ларин).

Коминтерн домогается симпатий иностранных рабочих и крестьян. Не только потому, что *эти симпатии* нужны ему, чтобы *парализовать* интервенционистскую войну, а в противоположном смысле: *ему нужен миф интервенции, чтобы завоевать симпатии иностранных «трудящихся масс»*.

Коминтерну нужна война, и он желает ее; он ждет ее с огромным нетерпением; всякий миг он видит ее начало.

«Мир стоит ныне непосредственно перед новым рядом революций и войн».... «Международное положение имеет характер кануна новой мировой войны»... и т. д. (№ 18. Тезисы XIII пленума ИККИ от декабря 1933 г.). Такие и подобные предложения уже в течение многих лет стали общим местом в протоколах Коминтерна. *Но Коминтерн не хочет участвовать в этой новой мировой войне*. Пусть буржуазные («империалистические») государства воюют друг с другом, разбазаривают время,

деньги, боеприпасы, мужество и, самое главное, человеческие жизни; пусть они дают для этого своим массам в руки оружие, теряют свои силы в войне и подвергают себя катастрофическому краху. Коминтерн, как *Tertius gaudens, остается в стороне*. В этом состоит подлинный смысл «пактов о ненападении». Коминтерн же позаботится о том, чтобы империалистическая война во всех воюющих странах превратилась в войну гражданскую*. Так гласят директивы Коминтерна на случай новой войны: не участвовать в этой войне, укреплять Красную Армию, повсеместно разлагать буржуазные армии, повсюду готовить вооруженное восстание и превращать войну в гражданскую**. Именно поэтому «трудящиеся массы» великих держав должны защищать Советский Союз от интервенционистской войны или хотя бы отодвигать последнюю как можно дальше. Возможно, война между обоими крупными мировыми лагерями — коммунистическим и буржуазным — неизбежна. Однако чем позднее она начнется, тем благоприятнее будут обстоятельства для коммунистического лагеря.

«Мы не должны забывать слова Ленина, что в деле нашего строительства многое зависит от того, удастся ли нам отодвинуть неизбежную войну с капиталистическим миром, и эта война может быть отодвинута до созревания пролетарской революции в Европе, или до начала революции в колониях, или же до того момента, когда капиталисты из-за раздела колоний начнут войну друг против друга» (№ 31, с. 47. Докладчик Сталин. Стенограмма). А до той поры должна проводиться совершенно «определенная» политика, принуждающая врагов коммунистического лагеря помогать коммунистам в их строительстве, взаимно ослабляя друг друга: «Это не утопия — вынуждать наших врагов в определенной форме помогать нам»; подобная политика «должна основываться на обострении противоречий во вражеском лагере, разжигании алчности, натравливании наших врагов друг на друга, и это следует делать как в международном масштабе, так

* См. гл. 15 и 16.

** См. гл. 14, 15, 16.

и в границах каждой страны, среди представителей одного и того же класса, класса промышленности с тем, чтобы таким образом использовать их всех»... (№ 28, с. 117 — 118. Докладчик Красин. Стенограмма).

Может удаться на какое-то время отодвинуть интервенционистскую войну. Для этого следует предпринять все, особо применяя тактику единого фронта: «Надо вразумительней проводить тактику единого фронта и работу комитетов «Руки прочь от Советской России», в эти комитеты надо вовлечь профсоюзы» (№ 12, с. 151. Решение). Общества друзей Советского Союза также призваны оказать в этом существенную помощь*.

Но это не может продолжаться вечно. И интервенционистская война остается «неизбежной» и «неотвратимой».

«Рост противоречий между миром капитализма и миром социализма, между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата до предела обостряет угрозу интервенционистской войны против Советского Союза» (№ 16, с. 9. Решение от 1931 года).

«Поэтому тревога о судьбе Советского Союза против *этого* должна» (?! автор) «империалисты объединяют свои вооруженные силы, подводят нас к тому, чтобы систематически подготавливать *превращение войны против Советского Союза* в гражданскую войну против империалистических правительств, в войну для защиты Советского Союза» (№ 12, с. 28. Резолюция).

Разбросанные по всему миру, но организованные между собой коммунисты должны, таким образом, в случае интервенционистской войны *защищать* Советский Союз.

«Коммунистический Интернационал отвечает на растущую угрозу войны против Советского Союза призывом к *мощной мобилизации пролетарских сил с целью защиты Советского Союза — родины всех трудящихся и оплота их борьбы с мировым капитализмом*». «Трудящиеся массы» должны защитить «красное знамя Советского Союза, знамя мирового пролетариата. Мы будем бороться за защиту нашей социалистической родины...

* См. гл. 8.

Да здравствует солидарность рабочих, крестьян и угнетенных народов всего мира с Советским Союзом!» (№ 10, с. 219. Призыв VI всемирного конгресса).

«XIII пленум Исполкома III Интернационала призывает все секции III Интернационала, всех рабочих и трудящихся мира к самоотверженной защите Советского Союза против контрреволюционного заговора империалистов...» (№ 18. Тезисы от декабря 1933 г.).

Стратегическая программа защиты в общем виде выглядит следующим образом.

«Пролетариат защищает Советский Союз против империализма».

«Война империалистов против Советского Союза — это открыто контрреволюционная классовая война буржуазии с пролетариатом... Основу тактики пролетариата капиталистических стран в борьбе против этой войны составляет большевистская программа борьбы против империалистической войны: *превращение этой войны в войну гражданскую...*» «Тактика претерпевает, однако, кое-какие важные изменения» в связи с тем, что «враг» не империалистическая держава, а пролетарская диктатура» (№ 12, с. 125. Решение).

«Международный пролетариат и широкие массы трудящихся видят в Советском Союзе своего защитника и испытывают поэтому к нему все большую симпатию...» Соответственно «сегодня выросли возможности борьбы *против* войны и созданы предпосылки для применения более смелой тактики» (№ 12, с. 126. Решение).

«а) Возможностей предотвращения войны *до ее начала* путем развития классовой борьбы до уровня революционных массовых противоправительственных акций в случае войны против Советского Союза сегодня гораздо больше, чем в 1914 году. Образцовый пример подобной революционной акции дали в 1920 г. английские рабочие, создавшие комитет действий и вынудившие правительство отказаться от объявления войны Советской России» (№ 12, с. 126. Решение).

б) Предпосылки для того, чтобы пролетариат капиталистических стран превратил империалистическую войну против Советского Союза в гражданскую войну про-

тив собственной буржуазии, создаются скорее, чем в обычной империалистической войне.

в) Несмотря на то, что коммунисты отвергают фразу об «ответе всеобщей забастовкой» в случае войны и не строят себе относительно этого никаких иллюзий, они все же должны учитывать возросшую возможность применения оружия массовой забастовки и *всеобщей забастовки* до начала войны, во время мобилизации и в ходе войны.

г) В случае войны против Советского Союза коммунисты всех поработенных наций, а также империалистических государств должны приложить все силы для того, чтобы организовать среди национальных меньшинств Европы, в колониях и полуколониях восстания или национально-освободительные войны против империалистических врагов Советского Союза (№ 12, с. 126 — 127. Решение).

«Ввиду того что империалистическая война будет направлена против Советского Союза — родины международного пролетариата, в тактику «чисто» империалистической войны вносятся *следующие изменения*:

а) Пролетариат империалистической страны должен бороться в этой войне не только за поражение собственного правительства, он должен активно бороться и за *победу Советской власти*.

б) Поэтому его тактика в выборе различных средств борьбы определяется не только интересами классовой борьбы в собственной стране, но и интересами войны *на фронте*, которая является классовой войной буржуазии против пролетарского государства.

в) *Красная Армия* — не армия «врага», а *армия международного пролетариата*. Пролетариат капиталистических стран не даст предательской травле в своей буржуазной стране удержать себя от того, чтобы помогать этой армии и оказывать ей поддержку в борьбе против собственной буржуазии».

Если «защита родины недопустима в империалистических странах, то в государстве пролетарской диктатуры она является непреложным революционным долгом: тут носитель этой защиты — вооруженный пролетариат Советского Союза, опирающийся на бедное крестьянство. Победа Октябрьской революции дала рабочим всего ми-

ра социалистическую родину — Советский Союз. Защита Советского Союза от империалистической буржуазии является *классовым интересом и почетной обязанностью* международного пролетариата» (№ 12, с. 127. Решение).

Здесь, как и везде, III Интернационал отвергает вертикальное деление мира (государство против государства) и считается только лишь с горизонтальным делением (класс против класса). При этом последнем «делении» «пролетариат» всего мира объединен в единый союз и призван превратить «вертикальную» войну в «горизонтальную». Интервенция против Советского Союза для III Интернационала — только видимость «вертикальной» войны; в действительности она затрагивает не одно определенное государство, а *один определенный класс* — революционный класс *пролетариата* и его *авангард* — *коммунистов*. Поэтому поведение пролетариата всего мира должно быть соответственным.

«Защита Советского Союза должна сделаться *классовой войной против буржуазии*, точно так же, как буржуазия ведет войну против Советского Союза как классовую войну против пролетариата» (№ 14, с. 104 — 105. Докладчик Пик).

Это главная директива III Интернационала, которая распространяется всеми коммунистическими секциями, партиями и организациями всего мира. Например, через Международную рабочую помощь.

«В защиту Советского Союза.

VIII съезд Международной рабочей помощи приветствует в лице Советского Союза мощный рычаг для ускорения победы социализма на всем земном шаре и возлагает на все примкнувшие организации и отдельных лиц Международной рабочей помощи *священную обязанность* популяризировать успехи Советского Союза и всеми силами организовывать борьбу.

Международная рабочая помощь и в более поздние годы неоднократно проводила широкие и действенные акции солидарности с первой республикой рабочих и крестьян. Напоминая об этих акциях, VIII съезд в то же время обязывает каждую организацию МРП в память о славной традиции именно сейчас, в пору возросшей военной угрозы, усилить просветительскую работу и

пропаганду в пользу Советского Союза, неустанной и настойчивой борьбой разорвать сеть буржуазной и социал-фашистской лжи и всеми силами поддерживать строительство СССР, совместно со всеми пролетарскими организациями и миллионами угнетенных во всех странах образовать железный фронт для защиты Советского Союза» (№ 20, с. 166. Решение).

Нелегко установить, действительно ли эта пропаганда имела настоящий успех на практике. Так или иначе, этот успех должен бы быть в разных странах совершенно различным. Но коммунисты отвечают на этот вопрос положительно и даже довольно оптимистично.

«Подъем социализма в Советском Союзе и рост его международного влияния вызывают, однако, не только ненависть империалистических держав и их социал-демократических агентов, но и одновременно пробуждают величайшие симпатии широких масс трудящихся всего мира и готовность угнетенных народов всех стран всеми средствами бороться за страну пролетарской диктатуры, если империализм нападет на нее» (№ 12, с. 87. Программа Коминтерна, 1928 г.).

На крупных предприятиях и на транспорте, на военных кораблях и в армиях капиталистических стран «тысячи и сотни тысяч трудящихся пролетариев и крестьян встанут на защиту красного знамени Советского Союза, знамени мирового пролетариата» (№ 12, с. 219. Призыв VI всемирного конгресса) и т. д.

Коммунисты должны и далее только бесстрашно и настойчиво работать над этой готовностью «пролетарских масс» и призывать массы к смелым деяниям.

«Массам нужно ясно дать понять, что защита *Советского Союза смелыми революционными деяниями* должна проявляться не только завтра, *а уже сегодня*» (№ 75, с. 432).

Эти «смелые деяния», уже сегодня стоящие на повестке дня, будут выглядеть в решающий момент интервенционистской войны примерно так. Представим себе, что интервенция уже началась.

1. *На внутреннем фронте тотчас же должно начаться вооруженное восстание.*

«В случае нападения империалистических государств на Советский Союз и войны против него ответом меж-

дународного пролетариата должны быть: смелые, решительные массовые акции и борьба за свержение империалистических правительств под лозунгом диктатуры пролетариата и союза с Советским Союзом» (№ 12, с. 87. Программа Коминтерна).

Буржуазия в тревоге. Ей известна мощь III Интернационала, и она понимает, что ей не удастся свергнуть Советскую республику. В момент нападения на Советскую республику поднимутся *все как один* трудящиеся массы, не исключая и рабочих социал-демократов, которых нужно освободить от власти их вождей, чтобы нанести сокрушительный удар всему капиталистическому миру (№ 66. Докладчик Шнеллер).

Это вооруженное восстание произойдет по уже достаточно хорошо знакомым нам директивам.

Здесь вступают в силу также все директивы о саботаже на заводах и фабриках, производящих боеприпасы, а также на транспорте*.

2. *На внешнем фронте борьбы против Советского Союза пролетариат должен решительно бороться за победу советского государства и поражение собственного буржуазного государства.*

«Пролетариат империалистической страны должен бороться не только за поражение собственного правительства в этой войне, но и вести активную борьбу за победу Советской власти» (№ 12, с. 127. Решение VI всемирного конгресса).

Здесь вступают в силу и все директивы и предписания по поводу дефетизма**.

3. *С этой целью настойчиво рекомендуется братание с Красной Армией Советского Союза и переход на сторону последней.*

Как мы только что видели, Красная Армия — «не армия врага, а армия международного пролетариата» (№ 12, с. 127. Решение). Она — «мощное оружие пролетариата» (там же, с. 128. Решение); вместе с Красным

* Ср. гл. 14 и 16. Особенно № 9, т. II, с. 88 — 89. Докладчик Витковский.

** Ср. гл. 14, 15, 16. Особенно № 10, с. 28, 136, 113, 119, 120.

Флотом она «стоит на защите оплота пролетарской революции». (№ 12, с. 219. Призыв VI всемирного конгресса). В другом приветствии Коммунистической партии Германии среди прочего говорится: *«Мы видим в Красной Армии свою собственную армию»*. «Наши революционные рабочие с гордостью смотрят на Красную Армию Советского Союза как на свою собственную армию, как на боевой авангард международного пролетариата» (№ 63).

Поэтому в случае интервенции в обязанность коммунистам всех стран вменяется *«братание с Красной Армией»* (№ 23, с. 49. Решение). «Потому, — высказывается один из коммунистических руководителей, — мы приняли лозунг для солдат империалистических армий не только как лозунг дефетизма в отношении собственной родины, но выдвинули на передний план лозунг *прямого перехода* из армий противника на сторону Красной Армии по мере того, как будет вестись борьба между империалистическими государствами и Советским Союзом как диктатурой пролетариата. Мы разработали точнейшие указания для коммунистических партий относительно работы в этом направлении, и мы убеждены в том, что в этот раз, когда буржуазия рискнет напасть на Советский Союз, коммунистическим партиям удастся привлечь на свою сторону крупные рабочие массы» (№ 31, с. 589. Докладчик Бухарин. Стенограмма).

Короче, коммунисты должны «любым образом помогать Советскому Союзу» (№ 41, с. 481 — 485) и «подвинуть... рабочих на то... чтобы *направить свои ружья и пушки против капитализма и ... перейти на нашу сторону*, чтобы бороться вместе с нами против империалистов» (№ 31, с. 645. Докладчик Кузьмин). «Да здравствует солидарность рабочих, крестьян и поработенных народов всего мира с Советским Союзом!» (№ 12, с. 219. Призыв).

4. Как последний шаг в этой борьбе рекомендуется и выдвигается требование революционного объединения с Советским Союзом.

Дословно говорится: «Борьба за революционное объединение с Советским Союзом» (№ 8, с. 123. Резолюция).

«Сегодня и ежедневно необходимо нести в широкие массы призыв русских рабочих и крестьян: «Соединяй-

тесь с нами! Свергайте буржуазию в собственной стране!» Гарантировать действительную защиту Советского Союза можно лишь свержением буржуазии в вашей стране» (№ 66. Докладчик Шнеллер).

«Решительно становитесь на сторону Советского Союза против империалистов!» (№ 12, с. 22. Призыв VI всемирного конгресса).

Затем в стране, которая имеется в виду, возникает *Советская республика*.

«Главный лозунг Коммунистического Интернационала — Советская власть» (№ 18. Решение XIII пленума ИККИ от декабря 1933 г.). «Пример Советского Союза является примером большевизма. Только этот пример указывает выход и обещает избавление эксплуатируемым и угнетенным всех империалистических и колониальных стран» (там же).

Всякая вновь возникающая Советская республика должна присоединиться к уже существующему Советскому Союзу. Таким образом сможет возникнуть *Мировая социалистическая республика*.

«Диктатура мирового пролетариата... требует, чтобы вновь возникающие пролетарские республики соединялись с уже существующими, чтобы сеть этих федераций, — включающая и колонии, сбрасывающие империалистический гнет, — постоянно росла и чтобы в конце концов федерации стали Союзом Советских Социалистических Республик всего мира, который осуществит объединение человечества под гегемонией государственно организованного мирового пролетариата» (№ 12, с. 65. Программа Коминтерна).

Этим заканчивается стратегический круг III Интернационала: последнее слово тактических директив соответствует первому слову основополагающей программы, а именно — «*Мировое Советское Социалистическое государство*». Из величайшей и последней угрозы, из интервенционистской войны против Советского Союза должна выйти величайшая и самая решительная победа: новые федеративные Советские республики. Кризис должен быть преодолен и привести к новому подъему. Грозящая катастрофа должна укрепить и обезопасить дело мирового коммунизма.

Для этого требуется лишь одно — *время*. Ибо интервенция не должна начаться слишком рано; она может начаться лишь тогда, когда буржуазные государства созреют для развала и будут стоять на пороге своей окончательной гибели.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

И вот план завоевания мира III Интернационалом перед нами как в целом, так и во всех деталях. Читатель сам сделает необходимые выводы, будь они теоретического или практического свойства. В любом случае этот план станет не менее поучительным материалом как для социолога, так и для практического политика.

Важно для начала отметить, что оружием этого завоевания является прежде всего *слово*. III Интернационал начинает свой труд с *пропаганды*; он обращается к миру, он увещевает мир. Но слово в нынешнем буржуазно-либеральном мире считается чем-то безобидным, им могут пользоваться все, оно считается выражением «внутреннего убеждения» и потому чем-то принципиально *свободным*. Однако слово несет людям в этом случае, как и в некоторых других, *соблазн* и *духовное разложение*. III Интернационал злоупотребляет этим Даром Божьим, чтобы соблазнять человечество, натравливать его, подвергать величайшим опасностям и страданиям и таким способом закабалить его. Так *свободное слово*, право свободно пропагандировать собственное «мнение» становится *путем в кабалу*. Ибо в коммунистическом государстве угнетается и подавляется не одно лишь свободное слово, а и свободная вера, свободное исследование, свободная работа и свободная личность.

Этим злоупотреблением свободным словом III Интернационал кладет начало *глубокому кризису либералистской буржуазности*: он старается побить либерализм,

который не сумел найти и соблюсти собственную меру, его собственным оружием. Свобода не должна выродиться в свободу зла. Если все так и останется, народные массы всего мира будут совращены и поработаны III Интернационалом. *Коммунизм пользуется свободой для того, чтобы отнять ее у человечества. Удастся ли ему это на самом деле?*

Во-вторых, поучительно отметить, что вторым оружием завоевания мира представляется *самодетельность масс*. III Интернационал старается «встряхнуть» массы, привести их в движение, высвободить их активность, сделать их самодетельность разнузданной и беспощадной. Однако самодетельность и самоуправление ценятся буржуазно-демократическим миром как нечто правильное и целительное: «самоуправление» всюду и везде, во всех жизненных ситуациях кажется соответствующим достоинству человека. Оставим в стороне, верно ли в данном случае то, что по-детски наивные и доверчивые народные массы всех стран будут оболганы и соблазнены уловками коммунистов («единым фронтом снизу» и «отдельными требованиями»), ибо нельзя, да и не нужно доказывать «еще раз» вопиющую правду ...

И вот буржуазному демократическому миру, собственно, *нечего противопоставить* этим искусительным фокусам III Интернационала. Отданные на откуп своей демократической «самодетельности» массы увлекаются демагогами туда и сюда; и внутренним противоречием был бы случай, если бы демократ попробовал помешать народным массам в их самоопределении предпочесть большевизм. Так *самодетельность становится дорогой в рабство*. Ибо в коммунистическом государстве нет более самоопределения ни в духовной культуре, ни в хозяйственном созидании. Своим искусительным злоупотреблением «демократическими» формами жизни III Интернационал кладет начало глубокому практически-политическому *кризису демократии* — он побивает демократизм его собственным оружием. Самоопределение не должно вести человека в духовное и экономическое порабощение. Демократизм должен найти собственную меру и соблюдать ее.

Сейчас наступил крайний срок для того, чтобы народы отказались от роковых и безответственных *игр* в «принцип самодеятельности», чтобы *серьезно, ответственно и творчески* отнеслись к своему самоопределению и нашли для себя что-то получше, чем коммунистическая экспроприация, пролетаризация, обобществление и коммунистическая монополия работодателя. *Коммунизм использует «самоопределение» народов во зло, отнимая его у них.* Получится ли это у него на самом деле?

При внимательном и объективном наблюдении за тем, что происходит в душах людей в обоих лагерях, легко исчезает оптимизм.

Растерянность в буржуазном либерально-демократическом лагере и сильно концентрированное волевое стремление в коммунистическом лагере. Тут, в буржуазном лагере, — разноречивость и нерешительность; там — единая, дисциплинированная мировая партия и основательно продуманный стратегический план. Тут — вялое отступление, там — неустанное наступление. Тут — догматическое цепляние за принципы, открывающие ворота врагу, там — беспримерная стратегически-тактическая гибкость. Тут — бесконечные раздумья о том, какие средства для борьбы хороши, там — бессовестный захват, для которого хороши все средства. Тут — традиционная закосневшая дипломатия; там — изобретательная беспощадность и искусная приспособляемость. Если подумать о том, что в буржуазном лагере *ничего не переменится*, а в лагере коммунистическом будет развиваться далее и все более изощряться *искусство зла*, то, кажется, можно предсказать трагическую судьбу буржуазного мира. Более удивляешься не уже достигнутым и будущим успехам III Интернационала, стоящего непосредственно за Советским Союзом и Советским правительством, а стабильности буржуазного строя.

Эту стабильность следует отнести прежде всего на счет *здорового духа крестьян и рабочих*. Ибо воистину, в оседлом, привязанном к земле, дорожащем частной собственностью, правопорядком и любовью к родине крестьянине коммунистическое движение находит не только самое большое препятствие, но и своего силь-

нейшего противника. Что же касается рабочего-пролетария, то мы уже статистически доказали*, как относительно ничтожно мало число совращенных и охваченных III Интернационалом рабочих. III Интернационал представляется миру защитником интересов пролетариата, вождем рабочих всего мира, и в этом его неправда. Он представляет интересы *новой, международной безродной полуинтеллигенции***, потерявшей Бога, дух и Родину, которая одержима тщеславием и жаждой власти и ставит себя во главу «тех масс» в мире, «которые надо завоевать», чтобы затеять *противоестественные и кровавые мировые эксперименты в экономике и политике.*

Мировой пролетариат не может быть заинтересован в этих экспериментах; напротив, с самого начала и до конца этих экспериментов ему придется невыносимо страдать. Стоит лишь обратиться к собственным признаниям Ленина о судьбе рабочих в России: «Диктатура пролетариата в России стоила правящему классу, пролетариату, таких жертв, такой нужды и таких лишений, которых еще не было в истории; и очень возможно, что и в любой другой стране все будет происходить точно так же» (№ 48, с. 458). «В гражданской войне 1918 — 1920 гг. больше всего крови пришлось потерять пролетариату» (№ 48, с. 330). «Ему пришлось страдать, выносить и мучиться больше всех остальных классов, терпеть нужду и лишения» (№ 48, с. 296). «Никогда рабочему классу не приходилось столько недоедать, пережить такой голод, как в первые годы своей диктатуры» (№ 48, с. 287, 300). «От голода люди разбегались, рабочие просто останавливали заводы и фабрики, они были вынуждены оседать в деревне и переставали быть рабочими» (№ 48, с. 227). Это было в 1918 — 1921 годах. И тогда ни Ленин, ни рабочие и крестьяне советской страны не могли предположить, какую нужду, какую голодную жизнь им принесет эксперимент пятилетнего плана и коллективизации!..

* Гл. 5.

** Гл. 2 и 3.

Ленину пришлось самому отметить в России и предсказать пролетариату других стран: так называемая *«диктатура пролетариата»* окажется в результате диктатурой над ошарашенным, закрепощенным и страдающим пролетариатом. И если сейчас мы видим, что массы промышленных рабочих вовсе не идут за коммунистами просто так, то мы видим в этом выражение их здорового инстинкта самосохранения.

Таким образом, *коммунистическое движение не есть самостоятельное движение рабочих*. Оно придумано не рабочими, а для рабочих, для их совращения; и кто прочел наше исследование, тот уже понял, что *«завоевание»* масс III Интернационалу еще не удалось, оно рассматривается как задача, которую еще предстоит решить. Примечательно, что по-настоящему решить эту задачу III Интернационал думает лишь тогда, когда разразится новая война, а массами овладеет новый военный психоз, когда пролетариат, охваченный мировым кризисом, попадет в нужду и нищету, когда поколеблется здоровая сила суждения рабочего класса и крестьянских масс; лишь тогда духовное око окажется близоруким или и вовсе ослепнет; тогда придет «революционная ситуация». Возможно, тогда массы из отчаяния и душевного расстройства побегут за коммунистами, не предполагая, что то, что готовит им коммунизм, страшнее страшного, и что все трудности и лишения буржуазной «нужды» — лучше нищеты и пролетарской диктатуры, как, кстати, совершенно трезво отметил Ленин.

Коминтерновский план завоевания мира последовательно рассчитывает не на промышленного рабочего — такого, какой он есть; он рассчитывает на психологию раздавленного, деклассированного, отчаявшегося безработного. Ему трудно сделать что-либо со здоровой душой рабочего; ему надо превратить ее в безбожную, завистливую, мстительную, тщеславную и безродную душу; ему надо подготовить ее «по-ленински», т. е. по всем правилам разлагающего и подстрекательского искусства большевизации. Для этого III Интернационалу нужны острые мировые кризисы с голодными безработными мужчинами и женщинами; для этого ему

нужны все сотрясающие и все разлагающие новые мировые войны...

Он думает также получить из всех этих войн новые кадры профессионально «работающих» авантюристов, *международных бродяг и игроков*, которые могли бы присоединиться к уже имеющимся членам III Интернационала. Одержимые идеей фикс мировой революции, отвергая и презирая всякую мирную и творческую свободную работу, швырнув свою жизнь как ставку в большой игре, в борьбе за мировую власть и богатство всего мира, как бы на карточный стол революции, — эта толпа соберется вокруг ядра Коминтерна, чтобы встать во главе расшатанных и находящихся в брожении масс.

Чем больше в мире подобных *безродных тщеславцев*, тем лучше для III Интернационала. Ибо в одном отношении последний не имеет себе равных в мире: ведь он — единственная в мире организация, которая может предложить и обеспечить нынешнему авантюристу политическую карьеру и которая в состоянии «взять на службу» любое количество таких нигилистически настроенных сорвиголов. Мировая история показывает, что такие люди порождаются глубокими социальными потрясениями, продолжительными и гражданскими войнами так же, как во время землетрясения раскрываются в земле старые замшелые трещины и разломы и из них вылезают целые рои moskitov или странных жаб, чтобы отягощать мир своими бесчинствами и погрузить его в болезненное беспокойство.

Так выглядит истинная подоплека коммунистического плана завоевания мира. Коминтерн сам — продукт *марксистского психоза*. Он только тогда цветет и процветает, когда этот марксистский психоз распространяется и превращается в *мировой психоз*. Об этом он и печется, за это он и борется. Его план состоит в том, чтобы расшевелить этот психоз и распространить его по всему свету. К этому горячо желанному часу он собирает силы и обучается всем техническим возможностям обращения с миром: от стратегии буржуазных полководцев до искусства печати, радио и пропаганды, от хитростей международного права до борьбы

с ядовитым газом; и сюда добавляется революционный, конспиративный и криминальный опыт всех времен и народов. Все подчинено одной цели, все посвящено одной-единственной задаче. Чего же ему еще не хватает?

Во-первых, час революционной ситуации и мирового психоза еще не пробил; но возможно, этот час близок? Во-вторых, не хватает *талантливого полководца, коммунистического Тамерлана*, который вполне еще может подняться из будущей мировой войны...

А буржуазный мир все еще дремлет и не хочет слышать серьезных предостережений мировой истории... Или он уже пробуждается? Или у него уже открываются глаза на то, что старые пути классового деления и классовой борьбы приносят несчастье и человечеству необходимы *новые творческие пути*?

Ну что ж! Только не опоздайте!...

Список литературы

Мы постарались проследить план завоевания мира III Интернационалом в целом и в его деталях. Мы сочли неверным излагать этот план *на свой лад* и оценивать лишь его; мы поставили себе цель *предоставить слово самим коммунистам*, чтобы они *на свой лад* описали свои мысли и цели, чтобы они как бы оценивали себя сами. Это потребовало от нас очень большой работы, ибо оригинальные источники коммунизма несметны по числу и размерам. Мы предоставили читателю возможность не повторять всю ту работу, которую проделали мы, и все же ознакомиться с планами и методами работы коммунистов по первоисточникам.

Об использовании источников и сведениях, взятых из них, надо сообщить следующее.

1. Все тексты, заключенные нами в кавычки, подлинные тексты. Мы ручаемся за каждое слово. Мы даем лишь те тексты, которые взяты *непосредственно* из коммунистических партийных протоколов или статей, брошюр и книг руководящих и видных коммунистов. Здесь не приведены тексты из вторых рук или полученные по слухам.

2. Отбор текста был строго необходим. Коммунисты очень много, слишком много говорят и печатают. Зачастую они говорят пространно, путано, с аффектацией и пафосом; в речах и решениях (называемых также «резолуции» или «тезисы») очень много повторов; все выдержано в довольно вульгарном, безвкусном стиле. Отбирали мы так: по времени — *более поздние*, по содержанию — более существенные и зре-

лые, по форме — более ясные формулировки; но оставили неприкосновенными своеобразный стиль и тарбарщину революционных органов. Наша — только разбивка.

3. Мы привлекали подлинные источники на разных языках, а также, и особенно, на *русском языке*. Ибо нам пришлось отметить, что при переводе русских протоколов на другие языки зачастую просто опускаются самые интересные описания и самые поучительные признания: по-видимому, Европа все же не должна знать все то, о чем говорится на заседаниях Коминтерна. Это стоило нам многих часов нелегкой работы, но она была оправдана. Опушенные места приведены в тексте.

4. Не все из того, что коммунисты презентуют миру как «протокол», есть протокол-стенограмма. Мы во всех случаях предпочитали стенограммы.

5. В списке литературы мы упомянули далеко не все прочитанные или изученные нами источники, а только те, из которых мы действительно приводили фрагменты.

6. Труды *Ленина* мы привлекали только в русских оригиналах и сами переводили цитаты.

7. Из газет и журналов мы использовали только коммунистические официальные партийные издания: «Интернационал», «Правду» и некоторые другие.

8. Чтобы не перегружать книгу бесчисленными сносками и тем не менее удовлетворить чисто научный интерес, мы расположили все процитированные источники по номерам и снабдили каждую цитату соответствующим номером на данной странице; мы добавили также сведения о характере текста («Решение», «Резолюция», «Тезисы», «Программа», «Докладчик» и т. д.).

Приводим пронумерованный список использованных источников:

Источники

№ 1. Первый конгресс Коммунистического Интернационала. 1919 г. Петроград. На русском языке.

№ 2. Манифест. Директивы. Решения I конгресса (Коммунистического Интернационала). Призывы и открытые послания Исполкома в период до II конгресса. Библиотека Коммунистического Интернационала. Выпуск 1. 1920 г. Карл Хойм, Гамбург. 8. Стр. 379.

№ 3. II конгресс Коммунистического Интернационала. Вена, 1920 г.

№ 4. Тезисы и резолюции III всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Москва, 22 июня— 12 июля 1921 г. Издательство Коммунистического Интернационала. 1921 г.

№ 5. IV всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. 5 ноября — 5 декабря 1922 г. Избранные доклады, речи и резолюции. Государственное издательство. Москва-Петроград. 1923 г. 8. Стр. 427. На русском языке.

№ 6. Доклад о IV конгрессе Коммунистического Интернационала. Петроград-Москва, 5 ноября — 5 декабря 1922 г. Издательство Коммунистического Интернационала. 1923 г. 8. Стр. 219.

№ 7. Тезисы и резолюции IV всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. 1923 г. Издательство Коминтерна. Стр. 122.

№ 8. Тезисы и резолюции V всемирного конгресса Коминтерна. Гамбург. Издательство Хойм. 1924 г.

№ 9. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. Выпуск 1. Государственное издательство. Москва-Ленинград. 1929 г. Стр. 624. На русском языке.

№ 10. Протокол VI всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Москва, 17 июля — 1 сентября 1928 г. Том 1. Издательство Хойм. Гамбург-Берлин. Стр. 813.

№ 11. Протокол VI всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Том III. Издательство Хойм. Стр. 643.

№ 12. Протокол VI всемирного конгресса Коммунистического Интернационала. Том IV. Тезисы. Резолюции. Программа. Уставы. Издательство Хойм. Стр. 225.

№ 13. Протокол. Расширенный Исполком Коммунистического Интернационала. Москва. 21 марта — 6 апреля 1925 г. Издательство Хойм. 375 страниц.

№ 14. Протокол X пленума Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ). Зачитанный в Москве, 3 июля — 19 июля 1929 г. Издательство Хойм. Стр. 950.

№ 15. Расширенный президиум Исполкома Коммунистического Интернационала (ИККИ). Заседание с 18 по 28 февраля 1930 г. Тезисы и резолюции. Издательство Хойм. 1930 г. Стр. 61.

№ 16. XI пленум Исполкома Коминтерна (ИККИ). Заседание в апреле 1931 г. Тезисы и резолюции. Издательство Хойм. Стр. 36.

№ 17. Тезисы XII пленума ИККИ. Газета практики и теории марксизма. Издание Центрального Комитета Коммунистической партии. Сентябрь — октябрь 1932 г. Выпуск 9/10. Берлин.

№ 18. Тезисы XIII пленума ИККИ. «Правда» от 4 января 1934 г.

№ 19. Протокол 6-й сессии Центрального Совета Интернационала красных профсоюзов (ИКП). Прочитан в Москве 15 — 24 декабря 1929 г. Издательство Интернационала красных профсоюзов. Москва. Стр. 583.

№ 20. Решения о борьбе V конгресса Интернационала красных профсоюзов. 1-я часть. 1930 г. Издательство Интернационала красных профсоюзов. Москва. Стр. 63.

№ 21. Протокол V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала молодежи. Прочитан в Москве 20 августа — 18 сентября 1928 г. Издательство Интернационала молодежи. Берлин. 1928 г. Стр. 475.

№ 22. Решения V всемирного конгресса Коммунистического Интернационала молодежи. 1928 г. Стр. 216.

№ 23. Борьба за большинство рабочей молодежи. Решения XI Союзного конгресса Союзов коммунистической молодежи Германии. Прочитан 26 — 29 сентября в Берлине. 1929 г. Издательство «Молодая гвардия». Берлин. Стр. 66.

№ 24. Призыв к борьбе германского конгресса женщин-работниц. Ответственная — член рейхстага Лене Оверлах. Берлин. Стр. 19.

№ 25. «Деятель Международной рабочей помощи». «Рабочая помощь». Информационные газеты для функционеров Рабочей помощи. Выпуск ноября 1931 г. Напечатанная рукопись. Решения VIII всемирного конгресса и IV германского конгресса Международной рабочей помощи. Стр. 161 — 208.

№ 26. V международная конференция рабочих-транспортников. Решения. Оригинальное коммунистическое издание.

№ 27. Стенографический отчет XI съезда РКП. (Стенограмма XI съезда Компартии России.) Март — апрель 1922 г.

№ 28. Стенографический отчет XII съезда РКП. (Стенограмма XII съезда Компартии России.) Апрель 1923 г. Изд-во «Красная Новь». Москва. 1923 г. Стр. 705.

№ 29. Стенографический отчет XIII съезда РКП. (Стенограмма XIII партсъезда Компартии России.) Май 1924 г. Изд-во «Красная Новь». 1924 г. Стр. 765.

№ 30. Стенографический отчет XIV съезда РКП. (Стенограмма XIV партсъезда Компартии Советского Союза.) Декабрь 1925 г. Гос. издательство. 1926 г. Стр. 1029.

№ 31. Стенографический отчет XV съезда РКП. (Стенограмма XV съезда Компартии Советского Союза.) Декабрь 1927. Гос. издательство. 1928 г. Стр. 1416.

№ 32. Стенографический отчет XVI съезда ВКП. (Стенограмма XVI съезда Компартии Советского Союза.) Июнь — июль 1930 г. Гос. издательство. 1930 г. Стр. 781.

№ 33. Сообщение о XVII съезде Компартии Советского Союза. Январь — февраль 1934 г. «Правда» от 4 февраля. На русском языке.

№ 34. Сообщение о XVII съезде Компартии Советского Союза. 1934 г. «Правда» от 5 февраля. На русском языке.

№ 35. РКП в резолюциях ее съездов и конференций. 1916 — 1924 гг. (Российская коммунистическая партия в ее решениях.) Гос. издательство. Москва. 1924 г. Стр. 464.

№ 36. От забастовки металлургов до забастовки фабрично-заводских профсоюзных комитетов. Доклад к XIX районному съезду КПГ, Берлин-Бранденбург-Лаузиц-пограничная область. 19 и 20 ноября 1932 г. в Берлине. Эрнст Шнеллер. Берлин.

№ 37. Рейхстаг 1924 — 1928 гг. 4 года капиталистической классовой политики. Справочник коммунистической фракции рейхстага. Издано по поручению ЦК КПГ. Изд-во Интернационалер Арбайтер ферлаг. 1928 г. Стр. 535.

№ 38. 21 месяц правительства Германа Мюллера. 1928 — 1930 гг. Справочник коммунистической фракции рейхстага. Издано по поручению ЦК КПГ. Берлин. 1930 г. Стр. 479.

№ 39. Два года диктатуры Брюнинга. От Брюнинга к Папену. Справочник коммунистической фракции рейхстага. Апрель 1930 — май 1932 г. Издано КПГ. Берлин. Стр. 183.

№ 40. Основы политических знаний молодого коммуниста. Издано Исполкомом Коммунистического Интернационала молодежи. Вена. 1927 г. Т. 1, стр. 204. Т. 2, стр. 84.

№ 41. Календарь коммуниста на 1929 год. Москва. (Официальное партийное издание. На русском языке.)

№ 42. Календарь коммуниста на 1931 год. Москва (Официальное партийное издание. На русском языке.)

№ 43. Коммунистический манифест. С предисловием Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Введение Карла Каутского. Первое издание. Берлин. 1932 г. Диц. Стр. 56.

№ 44. В. И. Л е н и н. Сочинения. Государственное издательство, Москва-Ленинград. Том 13.

№ 45. То же. Том 20.

№ 46. То же. Том 24.

№ 47. То же. Том 25.

№ 48. То же. Том 26.

№ 49. То же. Том 27.

№ 50. Л. Т р о ц к и й. Пять лет в Коммунистическом Интернационале.

№ 51. Л. Т р о ц к и й. О Ленине. На русском языке.

№ 52. Н. Б у х а р и н и Е. П р е о б р а ж е н с к и й. Азбука коммунизма. 1925 г. На русском языке.

№ 53. Н. Б у х а р и н. Капиталистическая стабилизация и пролетарская революция. 1927 г. На русском языке.

№ 54. А. К у р с л л а. Всесоюзная коммунистическая партия (б) и Коммунистический Интернационал. 1927 г. Госиздат. На русском языке.

№ 55. С т а л и н. Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ. Декабрь 1927 г. Госиздат Советского Союза. Стр. 189.

№ 56. С т а л и н. Ленин и ленинизм. Вена. 1924 г.

№ 57. Ф е л и к с Х а л л е. Как защищается пролетарий (Wie verteidigt sich der Proletarier).

№ 58. О гражданской войне. Сборник 1.

№ 59. О гражданской войне. Выпуск III.

№ 60. Г у с е в. Уроки гражданской войны.

№ 61. Г у с е в. Майские дни в Берлине.

№ 62. Вторая оргконференция. Оригинальное коммунистическое издание.

№ 63. «Правда». 1926 г. № 45. На русском языке.

№ 64. «Правда». 1926 г. 22.07. На русском языке.

№ 65. «Правда». 1928 г. 26.07. На русском языке.

№ 66. «Правда». 1928 г. 05.08. На русском языке.

№ 67. «Правда». 1929 г. 06.04. На русском языке.

№ 68. «Правда». 1929 г. 01.05. На русском языке.

№ 69. «Правда». 1929 г. 01.08. На русском языке.

№ 70. «Правда». 1930 г. 17.08. Приветствие Компартии Советского Союза V съезду профсоюзов.

№ 71. «Правда». 1932 г. 02.09.

№ 72. Красный Интернационал профсоюзов. 1931 г. Июль. № 14. На русском языке. Статья «Иностранная рабочая делегация в Советском Союзе».

№ 73. Коммунистический Интернационал. Орган ИККИ. 1931 г. № 15. На русском языке.

№ 74. То же. 1931 г. № 21/22. На русском языке.

№ 75. То же. 1932 г. № 6. На русском языке.

№ 76. То же. 1932 г. № 15/16. На русском языке.

№ 77. То же. 1932 г. № 17/18. На русском языке.

№ 78. То же. 1933 г. № 1. На русском языке.

№ 79. То же. 1934 г. 10 января. На русском языке.

№ 80. То же. 1934 г. № 11/12. 20 апреля. На русском языке.

№ 81. То же. 1934 г. № 13. 1 мая. На русском языке.

№ 82. То же. 1934 г. № 15. 20 мая. На русском языке.

№ 83. То же. 1934 г. № 17. 10 июня. На русском языке.

№ 84. То же. 1934 г. № 18. 20 июня. На русском языке.

№ 85. Красный Интернационал профсоюзов. Орган Исполкома Интернационала профсоюзов. 1934 г. Апрель. На русском языке.

№ 86. Журнал «Большевик» Компартии Советского Союза. 1934 г. № 7. 15 апреля.

№ 87. То же. 1934 г. № 8. 30 апреля.

№ 88. То же. 1934 г. № 11. 15 июня.

№ 89. И о с и ф С т а л и н. Об основах ленинизма. На русском языке.

Персоналии

Б

Бакунин Александр Михайлович, род. в 1814 г., русский революционер, один из основателей I Интернационала в 1864 г., скончался в 1876 г.

Барбэ, француз, один из ведущих членов Коммунистического Интернационала молодежи Франции, член ИККИ.

Барбюс Анри, род. в Асньере (Asnieres) на Сене в 1874 г. французский писатель-коммунист.

Белл Т., англичанин, один из руководителей КП Англии, член Политбюро КПА, член ИККИ.

Благоев, болгарин, вместе с Колоровым один из основателей Болгарской КП.

Бухарин Н. И. (род. в 1889 г.), русский, старый большевик, теоретик марксизма, сотрудничал с Лениным в Кракове. Начиная с VI съезда партии входит в состав ЦК КПСС. 1918 — 1920 гг. — главный редактор «Правды», член Политбюро ЦК и всех исполкомов Коммунистического Интернационала. С 1929 г. — теоретический вождь правооппортунистического течения.

Будих, коммунист, участник X пленума ИККИ, один из вождей Международной рабочей помощи.

В

Васильев, русский, член руководства 10-го главного дивизиона Коммунистического Интернационала молодежи.

Витковский, поляк (?), член коммунистической фракции ИКП.

Вольф, еврей, коммунист из Венгрии.

Вуйович, русский коммунист.

Варга Е. (род. в 1879 г.), еврей, с 1906 г. принадлежал к левому крылу Венгерской социал-демократической партии. Во время диктатуры Советов сначала народный комиссар финансов, затем председатель Верховного Совета народного хозяйства. Сейчас в Москве, кандидат в ИККИ.

Г

Галопен (Galopin), француз (?), член руководства коммунистического молодежного движения Франции; член ИК Коммунистического Интернационала молодежи.

Гарланди, итальянец, коммунист, кандидат ИККИ.

Горкич, еврей, член ИК Коммунистического Интернационала молодежи.

Грубе, немецкий коммунист, участник VI конгресса Коминтерна.

Д

Дарси С. (Darcy, S.), еврей (?) Представитель США на V всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала молодежи.

Димитров Георгий, род. в 1882 г., болгарин, член ЦК Болгарской КП, уполномоченный Коминтерна по большевизации Балкан и Центральной Европы. Один из обвиняемых по делу о поджоге рейхстага. Кандидат ИККИ.

Дитман Вильгельм, род. в 1874 г. Немец. Один из основателей Независимой социал-демократической партии Германии и интеллектуальный автор мятежа на военном флоте летом 1917 г., в январе 1918 г. приговорен за измену родине, в октябре 1918 г. помилован; с 9 ноября по 29 декабря 1918 г. входил в состав германского правительства народных уполномоченных.

Домбаль, поляк. Ведущий член коммунистической фракции Крестьянского Интернационала.

Эрт, д-р **Адольф**, немец, председатель Антикоминтерна (Всеобщий союз германских антикоммунистических объединений /зарегистрированное общество/, Берлин).

3

Зиновьев Григорий Евсеевич (род. в 1883 г.), *еврей*, настоящее имя Радомыслский, организовал в 1904 г. в университете в Берне большевистскую группу. Во время русской революции 1905 г. был в Петербургском комитете партии. В годы войны — ближайший сподвижник Ленина, после февральской революции вернулся вместе с ним в Россию. С 1919 г. по 1920 г. — председатель Исполкома Коминтерна. В 1925 г. перешел в оппозицию, однако на XV съезде партии снова покаялся.

К

Калинин М. И. (род. в 1875 г.), *русский*, крестьянин из Тверской губернии. В 1906 г. член Петербургского комитета партии. В 1919 г., после смерти Свердлова, был избран председателем Всероссийского Центрального Исполкома. На этом посту он и сегодня. Член ЦК КП Советского Союза и Политбюро.

Киров, *болгарин*, вместе с Колоровым один из основателей Болгарской КП.

Клаузевиц Карл фон (1780 — 1831), *немец*, прусский генерал и стратег, выдающийся теоретик военной науки, находился под сильным влиянием диалектики Гегеля. Участник войн 1806 — 1807 гг. и 1812 — 1814 гг. Автор классического труда «О войне».

Каларов В. (род. в 1877 г.), *болгарин*, один из основателей и теоретиков Болгарской КП. Член ЦК и президиума ИККИ.

Красин Л. Б. (1870 — 1926), *еврей*, один из старейших и известнейших большевиков. Уже в 1895 г. ссылка в Сибирь. Член ЦК с 1903 г.; в 1905 г. организатор первой легальной большевистской газеты «Новая жизнь». После Октябрьской революции организатор снабжения Красной Армии, позднее член Президиума Верховного Совета народного хозяйства, в 1920 г. народный комиссар транспорта и внешней торговли; в 1931 г. добился заключения торгового договора между Советской Россией и Англией; далее посол в Лондоне и Париже. Создатель монополии внешней торговли.

Криспиен (Crispien), Артур, род. в 1875 г., председатель Независимой социал-демократической партии Германии, один из главных виновников ноябрьской революции, с 9 ноября 1918 г. по 15 января 1919 г. один из председателей Вюртембергского государственного министерства, принимал участие во II конгрессе Коминтерна в Москве.

Кюн, *немец*, коммунист.

Кун Бела (род. в 1886 г.), *еврей*, настоящее имя Кон, коммунист, с 1902 г. в революционном движении, после возвращения из русского плена в 1918 г. основал КП Венгрии; образовал в марте 1919 г. Советское правительство в Венгрии; был сначала народным комиссаром по иностранным делам, затем членом коллегии Народного комиссариата по военным делам; после падения республики в августе 1919 г. был арестован в Австрии, освобожден по требованию Советского правительства и уехал в Россию; с тех пор работал в Коминтерне. Теперь член Президиума Коминтерна.

Курелла А., немец, писатель-коммунист, автор книги «Муссолини без маски». Постоянный сотрудник коммунистического «Интернационале Прессекорреспонденц» (Internationale Pressekorrespondenz).

Куусинен, финн, один из основателей КП Финляндии, член ИККИ.

Л

Ларин Ю. (род. в 1883 г.), еврей, настоящее имя Лурье, до 1917 г. меньшевик, затем один из руководителей КПСС. После прихода к власти большевиков получил от Ленина неограниченные полномочия по реорганизации хозяйства. За короткое время своего управления превратил русскую экономику в руины, виновен в нужде и смерти сотен тысяч людей. Умер.

Ленин Владимир Ильич (род. в 1870 г., умер в 1924 г.), русский, настоящее имя Ульянов, еще в 1888 г. участвовал в революционных студенческих волнениях в Казанском университете. В 1893 г. член марксистской группы в Самаре, в следующем году вступает в социал-демократический кружок в Петербурге; в 1895 г. организует петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»; арест и высылка; издает в 1901 — 1902 гг. за границей орган социал-демократической партии газету «Искра». На II съезде партии, после раскола партии в 1903 г. — вождь так называемых большевиков; активно участвует в революции 1905 г.; вынужден эмигрировать и во время войны живет в Швейцарии. В 1917 г. возвращается в Россию, после победы Октябрьской революции до своей болезни в 1922 г. — бесспорный глава КПСС и Советского Союза.

Ленский А. еврей, настоящее имя Виленский, старый большевик, сотрудник «Искры», член ИККИ.

Либкнехт Карл (1871 — 1919), немец, один из основателей КП Германии; в 1915 г. организовал Союз «Спартак»; во время январского восстания 1919 г. стоял во главе движения и после его разгрома был расстрелян как член революционного комитета вместе с еврейкой Розой Люксембург.

Лозовский А. (род. в 1878 г.), еврей, настоящая фамилия Дридзо. С 1902 г. в РСДРП, в 1905 г. руководил восстанием в Казани. Неоднократные аресты и высылка в Сибирь; генеральный секретарь Интернационала красных профсоюзов с момента его основания в 1921 г. Член ККИ.

М

Мануильский, еврей, старый большевик, с 1929 г. в руководстве Коминтерна. В настоящее время вместе с евреем Пятницким главный руководитель и организатор Коммунистического Интернационала. Член ИККИ.

Маркс Карл (1818 — 1883), еврей, настоящее имя Мордехай, основатель научного коммунизма и принципов теории и практики современной революционной классовой борьбы международного пролетариата. Автор «Коммунистического Манифеста» и основатель I Интернационала.

Меринг Ф. (1846 — 1919), немец, выдающийся представитель революционного марксизма в Германии. После Октябрьской революции один из руководителей группы спартаковцев. Известный историк и теоретик марксизма. Издатель литературного наследия Маркса, Энгельса и Лассалья.

Меркер П. немец, член КПГ.

Мифф П., русский коммунист. Время от времени сотрудничал с коммунистической «Интернационале Прессекорреспонденц».

Моирова, русская (?). Играла руководящую роль в коммунистическом женском движении СССР. Кандидат ИККИ.

Молотов В. М. (собственно, Скрыбин) (род. в 1890 г.), русский, в партии с 1906 г., в 1920 г. секретарь ЦК КПр, в 1930 г. — председатель СТО (Совет труда и обороны). С 1926 г. член Политбюро, с 1930 г. председатель Совета Народных Комиссаров и председатель Совета труда и обороны страны.

Мюнценберг В. (род. в 1889 г.) еврей, рано примкнул к социалистическому молодежному движению, в 1914 г. организовал в Швейцарии Интернационал молодежи и с момента его образования по 1921 г. его международный секретарь, затем секретарь Международной рабочей помощи. С 1924 г. коммунистический депутат рейхстага. Главный организатор и финансист германского коммунистического движения, после победы национальной революции эмигрировал и в настоящее время занимается организацией коммунистического движения в Америке.

Н

Нечаев, известный русский террорист прошлого столетия.

Нишвиц, немка, член КПГ. Была представителем на VI международном конгрессе Коминтерна.

О

Ольбрих, немецкий коммунист. Один из прежних вождей коммунистической боевой организации Союз «Рот-Фронт».

П

Пик В. (род. в 1876 г.), немец, старый коммунист, член ЦК КПГ. Во время мировой войны дезертировал в Голландию. После расстрела Либкнехта и Люксембург возглавлял КПГ. Член ИККИ.

Пятницкий О., еврей, большевик с 1896 г. Один из главных организаторов транспортировки нелегальной литературы из Германии в Россию. Организатор революционных массовых боев в Одессе в 1905 г. Последние годы — член Центральной Контрольной Комиссии — высшей партийной инстанции, позднее член Центрального Комитета. Руководитель организационной работы и член ИККИ. Один из секретарей Исполкома Коминтерна.

С

Синклер Эптон, род. в 1878 г. в Балтиморе, *североамериканский писатель, основатель колонии Хилиен Холл (Helion Hall).*

Сальц А. *еврей, старый большевик, член Международной Контрольной Комиссии (Коминтерна).*

Сталин И. В. (род. в 1879 г.), *грузин, настоящее имя Джугашвили, в 1909 г. член парткомитета в Тифлисе и организатор забастовок в Батуме. Неоднократные аресты и ссылки. С 1912 г. в ЦК партии. Член Политбюро с момента основания в 1917 г. В гражданскую войну преимущественно на фронте. С 1922 г. Генеральный секретарь ЦК партии, с 1925 г. член президиума Исполкома Коминтерна. В настоящее время диктатор партии и государства. Его правая рука — еврей Каганович.*

Станиславский, русский коммунист.

Сунь-Ятсен, супруга основателя и руководителя китайской Революционной партии, род. в 1868 г. в Кантоне (?).

Свердлов Яков (1885 — 1919), *еврей, один из выдающихся деятелей большевистской партии. С 1917 г. в ЦК. Активно участвовал в подготовке Октябрьской революции. На II съезде Советов избран председателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и до своей смерти оставался на этом посту.*

Т

Тельман Э. (род. в 1886 г.), *немец, рабочий-транспортник. С ранней молодости социал-демократ. С 1919 г. председатель коммунистической фракции в городском парламенте Гамбурга. С 1924 г. коммунистический депутат рейхстага и председатель фракции коммунистов. Основатель и вождь Союза «Рот-Фронт». В 1925 г. кандидат в президенты от коммунистов. В настоящее время в тюрьме. Член ИККИ.*

Титтель, немец, член КПП.

Троцкий Лейба (род. в 1879 г.), *еврей, настоящее имя Бронштейн, первоначально социал-демократ, после II партсъезда меньшевик. В революцию 1905 г. работал в Петербурге. После февральской революции вступил в партию большевиков и был избран членом ЦК. После Октябрьской революции народный комиссар по иностранным делам. После Брестского мира народный комиссар по военным делам и председатель Революционного Военного Совета республики по 1924 год. С 1926 г. вождь «Объединенной оппозиции». В 1927 г. исключен из Коммунистической партии и в 1929 г. выслан из Советского Союза. Сейчас поборник лозунга единого фронта.*

У

Уланов Н. А. (род. в 1886 г.), *русский, большевик с 1903 г. Активный участник февральской революции в Петербурге. С 1928 г. один из вождей правой оппозиции КПП. Однако на XVI партсъезде КПП опять произнес покаянную речь.*

Ульбрихт В., *немец, коммунист, член КПП, кандидат ИККИ.*

Ф

Ферра (Ferrat), *француз*, один из руководителей французских коммунистических союзов молодежи; член Коммунистического Интернационала молодежи.

Фишер Рут (род. в 1895 г.), *еврейка*, настоящее имя Эльфрида Айслер, коммунистка, депутат рейхстага, сторонница Троцкого.

Форд, *негр*, один из вождей коммунистического движения негров Америки.

Х

Халле Феликс, *еврей*, адвокат коммуниста Макса Хёльца.

Ш

Шмераль, чешский *еврей* (?). Член Политбюро КП Чехословакии, Член ИККИ.

Шнеллер Е., *немец*, коммунист, Член Политбюро КППГ. Кандидат ИККИ.

Шюллер Р., *еврей*. Один из основателей Коммунистического Интернационала молодежи. Член КП Австрии.

Шверник А., *еврей* (?). Занимает руководящее положение в красном профсоюзном движении. Докладчик на XVI партсъезде КПСС. Председатель Центрального Совета профсоюзов Советского Союза.

Э

Эйнштейн Альберт, *еврей*, род. в 1879 г. в Ульме, физик, создатель теории относительности, один из создателей чисто коммунистической Международной рабочей помощи, эмигрант.

Энгельс Фридрих (1818 — 1895), *немец*, ближайший друг и неразлучный боевой соратник Карла Маркса; один из основателей диалектического материализма и научного социализма и соавтор «Коммунистического манифеста»; организатор Союза коммунистов, позднее Международной рабочей ассоциации, или I Интернационала. После смерти Маркса (1883 г.) признанный духовный глава и величайший авторитет международного рабочего движения.

Эрколи, *итальянец*, один из руководителей итальянской КП.

Ю

Юрр, *немец*, один из вождей Красного фронта молодежи в Германии.

Я

Ярославский Е. Е. (род. в 1878 г.), *еврей*, настоящая фамилия Губельман. Большевик с 1903 г., с 1919 по 1922 г. секретарь сибирских бюро ЦК; член ЦИК Советского Союза; кандидат в члены ИККИ; руководитель движения безбожников.

ВЗГЛЯД В ДАЛЬ
Книга размышлений и упований

Моей жене
в творческом духовном единении

ПРЕДИСЛОВИЕ

О новом человеке

Навстречу духовному обновлению идет современный мир. Но одни, должно быть, еще не видят этого, потому что непомерно велик трагизм эпохи, который поглощает все их силы; другие, возможно, и почувствовали необходимость обновления, но не видят пока надежного пути и не знают, куда податься. Однако обновление неизбежно начнется, начнется как бы само собой и начнется тогда, когда прежние источники исчерпают себя, когда человеческие страдания станут невыносимыми.

Вот почему столь важно для нас предвосхитить ход событий и уразуметь, что делать. Ведь недостойно человека плыть по воле рока: важно предугадать свою судьбу и заняться ее совершенствованием. Каких только испытаний, смут и бед не посылает Всевышний на человека, чтобы тот одумался, пришел в себя, вспомнил о том, что он свободный созидатель, открыл в себе глубинные духовные пласты и уже оттуда, изнутри, начал свое обновление — вольно, дерзновенно и настойчиво.

Поразмыслим прежде всего над тем, что мы утратили. Человечество попыталось создать культуру без *веры*, без *сердца*, без *созерцания* и без *совести*; и вот налицо несостоятельность ее и распад. Люди не захотели больше *веровать*, потому что убедили себя, что вера есть нечто «противоразумное», «ненаучное» и «реакционное». Отреклись они и от *сердца*, потому что сердце показалось им помехой для инстинктов, «глупым», сентиментальным, лишшающим человека деловитости, в то время как «умный» человек жаждет оставаться эгоистом и «дельцом». Отринули люди и *созерцание*, потому что их холодный ум отмечает «беспочвенную фантазию», считая «прозу» самым важным в жизни. Вытеснили они из себя и *совесть*, потому что ее живые увещания не укладываются в контекст трезвой оборотистости. А за всем этим скрывается *ложный стыд* предстать бедным и неза-

метным, прослыть ребячливым и смешным — неудовлетворенное честолюбие и страх перед «общественным мнением».

Этот ложный стыд будет преодолен великими страданиями эпохи, ибо страдания есть истинная реальность, есть «бытие» реальное настолько, что человек забывает о своем желании «казаться» или «прослыть». Но это означает, что ему придется еще долго терпеть и, может быть, даже в неизведанных им прежде формах гнета и унижения, и терпеть до тех пор, пока не угаснет в нем все кажущееся, условное и мертвое и пока не вырвется наружу победоносно исток внутренней реальности и творческой силы. Человек должен снова почувствовать *настоятельную необходимость в подлинной реальности, субстанции бытия и жизни*. Только тогда взиграет в нем душа, только тогда он свободно и решительно предается сердечному созерцанию и, обретя при этом Бога, примирится со своей совестью и начнет творить новую культуру — новую веру, новую науку, новое искусство, новое право и новую социальность.

Когда именно начнется это осмысление и когда наступит этот творческий прорыв, предсказать трудно. Но мы должны уже теперь всевозможными способами и со всевозможных точек зрения попытаться установить правильный диагноз современного духовного кризиса и нащупать верные пути обновления.

К этому особенно призвана философия как любовь к мудрости, как созидательная потребность в божественных содержаниях, как воля к очевидности в делах сопредельных и предельных; и философия поступит правильно, если посвятит себя такой задаче.

Тогда она прежде всего узрит духовные *раны* современной культуры, и начав исследование причин осквернения жизненных святынь, заглянет в бездны зла.

Вслед за тем ей придется установить духовный диагноз нашего *кризиса*, дабы показать, до какой степени современное человечество переоценивает чувственную жизнь, как оно вызывает к жизни бессердечную культуру и погружается в хаос земного мрака.

Направив свой взор на пути духовного обновления, философии придется обратиться прежде всего к пробле-

ме *воспитания*, чтобы указать на его важнейшие, упущенные современной эпохой задачи, а именно: будить духовное уже в детском инстинкте, укреплять в человеке собственную предметную силу суждения, волю к духовной цельности.

Надо дать верную оценку тяготам земного существования, которые мы на себе несем, и в социальном плане найти естественные и праведные пути облегчения их.

Чрезвычайно важно осмыслить и проникнуть в суть *творческой жизни* людей. Это — грандиозная задача грядущих поколений. Структуру культурного акта надо обновить до самой глубины и из самой глубины, и притом во всех сферах деятельности, во всех областях духа.

А чтобы достигнуть этого, человек должен снова встать на путь *первооснов* жизни: научиться заново ценить *свободу*, дать расцвести в себе добру, проникнуться дарящим силу *смирением*, склониться пред божественной *тайной мира*, отдаться *случайному созерцанию*, научиться радости *благодарения* и таким образом в истинной религиозности обрести первоисточник жизни.

А то, что он затем будет излучать в мир, освятит всю его жизнь и выведет культуру навстречу истинному христианству.

І. РАНЫ

1. ЖИЗНЬ БЕЗ СВЯТЫНИ

Жизнь без святыни есть первое большое бедствие нашего времени.

Незаметно лишается наша жизнь святынь. Порой мы даже не подозреваем, когда это начинается и как это происходит; мы как-то забываем об этом, совершенно не думая об опасности, и вдруг — свершилось. Многие из нас этого не замечают. А если вдруг замечают, то немало удивляются и даже печалются, так как никто не хотел этого и не может сказать, как стал этому виной. А вина-то как раз заключается не в деянии, а в небрежении и упущении: мы не сумели, не захотели взлелеять в себе противоположное — *духовную полноту и глубину жизни*.

Ведь наша земная жизнь имеет свой *сокровенный, высший смысл*. Он — не на поверхности повседневности и мелочной суеты. Он не притязает и не принуждает. Он *хочет быть желаемым*: свободно сформулированным, искомым, найденным, обладаемым и тщательно оберегаемым. Он требует от нас непринужденного признания и решительного предпочтения. Только тогда он раскроется нам легко и щедро, наполнит собою нашу жизнь. Если же мы не удовлетворим этому требованию, не отзовемся на его запросы, искания и надежду на поддержку, тогда ускользнет от нас высший смысл жизни и наступит незаметно осквернение ее. И не потому, что она станет бессмысленной сама по себе, а потому, что мы *начнем жить так, как если бы она была бессмысленной*. В реальности все останется прежним, точнее — извечным. Все — от капли дождя до грациозной серны, от птичьего щебета до тихой материнской любви, от северного сияния до геройской смерти исповедника — все остается полным смысла, дивно устроенным, субстанционально насыщенным, проникнутым Божиим дыханием. Все в самом себе укоренено, все останется Божественным текстом, начертанным священными письменами; все есть Божья ткань, сотканная из нитей мудрости; все суть таинственная музыка, выдержанная в чистой тональности и раскрепощающей душу гармонии. Но мы, уже не знающие более об этом, а точнее — *не желающие знать*, ведем себя так, словно *сорвались с цепи и пустились во все тяжкие*. Мы уже не разбираем этот текст; мы разорвали эту вечную ткань; мы стали глухи к этой музыке. Результат стал очевидным: мы извратили наше существование. И вся наша жизнь стала пугающе фатальным недоразумением, «трагедией ошибок»; стала *субъективно бессмысленной, пошлой и мертвой*, уподобляясь то прозябанию жалкого существа и отродья, то вялому сползанию вниз, то полному банкротству, то хаотической свалке.

И уже ничто для нас Божественная предначертанность природы и истории; ничто светящаяся глубина духовной культуры, теперь она для нас то же, что «сущий мрак»; все для нас никчемно и невесомо, как опавшая сухая листва, как летающий по ветру уличный сор. Мы становимся жесткими и бесплодными, но высокомерны-

ми и одержимыми страстями; нами же лишенная Божественности Вселенная кажется нелепой, издевательски насмехающейся над нами...

Следовательно, существует своеобразное «качество» человеческой жизни и соответственно ему — своеобразное «измерение» ее, масштаб и критерий, с которыми мы должны считаться. Этот критерий никоим образом не адекватен таким критериям, как религиозная правоверность, мораль, искусство, истинность знания, лояльность закону. Его, скорее, следовало бы назвать критерием *духовной значительности*, в данном случае — пустоты, *осквернения жизни*.

Это свойство можно охарактеризовать и поточнее: оно зарождается там, где духовный принцип в человеке засыпает или иссякает, и означает, таким образом, *бездуховность жизни*. Оно начинается там, где человеческое *легкомыслие*, и не подозревающее пока о глубокомыслии, наивно и безответственно скользит по житейским волнам. Оно начинается там, где мелочность жизни становится, во всей ее близорукости и плоскочувствии, сувереном. Таким образом, оно начинается с *религиозной тупости* и усиливается тогда, когда это религиозное отупение становится *самоуверенным и надменным*, окончательно укореняется в человеке и обретает отпечаток *самоапологии*. Тогда оно воспринимает себя как нечто само собой разумеющееся, единственно верное и умное, выстроенное в определенное «мировоззрение».

Это мировоззрение не просто безбожно — в религиозном аспекте оно тупо и вызывающе. Не зная ничего о духе, оно издевается над ним. Оно неромантично, иронично, сухо, бесцветно; словом — пустыня. А еще о нем можно сказать, что оно донельзя трезво, механично, материалистично. Если же взглянуть в его картину мира, то получается такое ощущение, что все краски Вселенной поблекли и стусевались; что птички умолкли и замертво свалились на землю; что над универсумом гуляет нескончаемый, вечный самум¹, который замел все глубины таинственного, лишил святого все существующее. И в этом пустынном, заброшенном Богом пространстве началась упорная, жестокая «*bellum omnium contra omnes*»² (война всех против всех), которой не видно конца. Значит,

жизнь осквернена, и эту скверну придется изжить до конца. Чаша полна яду, но должна быть выпита до дна.

Эта лишенная святого пошлость может ко всему примазываться, во всем укореняться; а там, куда она проникает и где ширится, вырождается все — как в отдельном человеке, так и в жизни целых поколений. Овладевает она, к примеру, душою верующего. Тогда его *религиозность* постепенно мельчает, становится педантичной, амбициозной, суеверной, лицемерной, — уподобляясь психозу насилия и страха, богоотвергнутому ханжеству. Проникает эта пустота в *искусство* — и оно тут же забывает о своем высоком и глубоком призвании; его провидческое созерцание тускнеет, его мудрость утасает; оно потворствует пошлому зуду вожделений, покорствуется формалистическому снобизму, становится служанкой в политической сфере жизни. Измельчавшая *наука* обретает чрезмерную самоуверенность, считая, что все на свете можно объяснить механистичным способом, и тем самым опускается до немыслимого уплощения, до крайнего упрощения*. Лишенная священного покрова *мораль* становится сухой, принудительной, бессердечной и лицемерной. Лишенная священного *политика* превращается в погоню за личным успехом и властью, в открытую войну интересов и очень скоро становится безыдейной, творчески бессильной и тоталитарной.

Так проявляется в жизни лишенная святости пошлость.

Добро становится мелким, скудным и бессильным. Нейтральное становится двусмысленным, холодным и опасным. Зато зло становится претенциозным, мощным и вредоносным.

Добро лишается корней, становится неустойчивым и негероическим. Нейтральное становится абсолютно безразличным, легкоустрашимым, продажным и предательским. Зло — разнузданным, бесцеремонным и безудержным. Все кажется как бы Богом покинутым, Богом обессиленным, готовым к неизбежному концу.

Это осквернение охватывает все сферы человеческой жизни. Но особенно опустошительно оно в *любви*. Без-

* Смотри ниже этюд 10 «Утраченная тайна».

духовность человеческой любви превращает ее в элементарную потребность естества, самовольно заявляет о себе, своенравно «требуется», бесцеремонно и бесстыдно действует и безответно утасует. Бездуховно заключенный брак не сулит ни верности, ни счастья, ни жизнестойкости, ни здорового воспитания. Лишенный святости брак начинается с мальчишеских проделок, терпим или даже поощряем в публичных домах и находит свое завершение в открытом распутстве и распаде семьи.

Лишенное святости мышление становится зыбким, скользящим по поверхности вещей. Оно уже не ищет целесообразности, уже не имеет «убеждений». Истинность и достоверность ему уже не свойственны абсолютно. Вместо этого оно культивирует выгоду и ударную аргументацию своих возможностей — как это было свойственно когда-то греческим софистам или римской риторике. Для ученых такого сорта мысль — не служение, а скорее способ достижения личного успеха, ставка на выигрыш в азартной игре — за деньги получишь и власть. Это лишенное корней мышление придает всей жизни оттенок авантюры и по сути своей аморально. О настоящей реальности оно и знать не желает, а потому в своем мелкотемье безответственности и релятивизма доходит до цинизма и нередко, увы, до примитива.

Лишенная святости воля — это социально опасная сила. И чем сильнее эта сила в личности, тем опаснее человек. Несдержанный и развязный стремится к власти любой ценой, использует все способы, исходит все пути, пуская в ход все средства, вплоть до лицемерия, клеветы, лжи и массовых казней. И чем тоньше носитель этой воли, тем изощреннее его борьба за жизнь, тем ярче его способность обойти препоны уголовного права, тем успешнее манипулирует он пробелами и недочетами правопорядка, тем «выше» поднимается он по ступенькам жизни, тем ущербнее его влияние. Именно эта дурная воля подрывает и подтачивает демократию, именно она измыслила и провела в жизнь идею тоталитарного государства. Но своего последнего слова эта лишенная святости воля пока еще не сказала.

Незаметно наша жизнь утрачивает священное. И процесс этот начинается с незначительных упущений и не-

брежений и заканчивается грандиозными кризисами и потрясениями. Первоисточником же этих опасностей является бездуховное воспитание детей.

2. ВЛАСТОЛЮБИЕ

Чего же они, собственно, хотят — эти властолюбивые люди, о которых нам то и дело вещает история? Чего же жаждут они в качестве награды и воздаяния за свои извечные усилия и труды, за свою неизбывную напористость и риск? Что сулит владыке власть? И вправду ли она столь велика и всеохватна?..

На первый, поверхностный, взгляд, власть одного человека над другим кажется довольно могущественной, если не безграничной. Все властителю по силам. Он может подданным все дать и все у них отнять, сделать их счастливыми или несчастными, может мучить их и унижать, дарить им жизнь или посылать на смерть. И даже более того: он может людей, *всех* людей и *целые* народы, заставить плясать под свою дудку или ползать на коленях; он может *по-ве-ле-вать*, и согласно его повеленью строятся и разрушаются города, развязываются и утихают войны, вводятся новые порядки, новые силы, новая мода, создается новая музыка, изобретаются новое оружие и орудия пытки. И все это есть *власть*. И все это дает *высшее наслаждение*: стоит только подумать: «Мне кажется, что...» — и мир вертится по моему хотенью! Какое довольство! Какая полнота существования! Может ли быть высшее счастье?..

Сомневаться в том, что существует такая жизнеустановка (как, возможно, «высшее счастье») не приходится. То, что она не представляет собой ничего нового (с ней мы встречаемся в различные эпохи и у различных народов), факт как раз непреложный. Примечательным здесь является то, что в основе этой жизнеустановки лежат *своеобразные предпосылки*, которые каждый из нас должен, однажды помыслив, в себе преодолеть. На такое осмысление и должно быть направлено здоровое воспитание народа. Там, где оно места не имеет, выигрывает слепая химера власти и начинается погоня за ней со всеми ее непоправимыми последствиями: разнузданностью, нравственным разложением и гибелью.

В основе такой жизнеустановки лежит наивная, но резко выраженная точка зрения, что человеческая жизнь, как и культура в целом, сводится к *внешнему*. Следовательно, «существенное» и «решающее» есть не внутренние духовно-душевные процессы и содержания людей, а внешне ощутимые движения, слова и дела, независимо от того, что породило их и что стоит за их фасадом в действительности. Здесь «важны» неукоснительное послушание, строгая дисциплина, покорность, подчинение, верноподданничество; и «неважны» побудительные причины к тому — будь это любовь или коварство, убеждение, идущее от сердца, или раболепие, свободная лояльность или расчетливая корысть, простодушие или тонкое коварство. Тут *внешнее* играет роль: слова, тон, лесть, угодничество. И в этом смысле страх (сковывающий, цепящийся страх) даже «лучше», нежели свободное и достойное человека чувство почтения. «*Oderint dum metuant*», — с цинизмом говорилось в Древнем Риме («Пусть ненавидят, лишь бы боялись»). Так что жаждущий власти жаждет и послушания.

Тут он и прав, и не прав. Прав, поскольку внешняя власть в основном вполне довольствуется этим. Не прав потому, что она недооценивает и упускает из виду остальное.

Власть одного человека над другими людьми имеет определенные пределы: она кончается там, где начинается свободная любовь, спонтанная активность, творческий дух. Где подступаются к последнему, глубинному, существеннейшему в жизни и культуре, там *внешняя власть, пасуя, отступает* — со всеми ее претензиями, угрозами и шантажом, со всем ее насилием, застенками и пытками.

Гонители веры могут демонстративно запретить соблюдение внешних атрибутов, взрывать храмы, распускать приходы, сжигать церковные книги, ссылая верующих и казнить. Но как им удастся лишить их внутренней, молчаливой, сосредоточенной молитвы? Добиться внутреннего отречения от того, во что они верят? Запретить им творческое восприятие Божественного светового луча? Откуда знать гонителям веры, что, может быть, как раз самый отчаянный богохульник в тихие часы ночи, в уединении, в очистительных слезах раскаяния обращается к истинной вере. Вот почему гонитель может

быть уверен в том, что он в своей стране против воли вызывает к жизни качественно новый слой религиозных людей; что он концентрирует веру, очищает человека, заставляет светиться внутренним светом, но помимо того — развязывает руки ханжеству и грубой силе. Во внутреннее же царство веры входа для него нет. И наступит момент, когда он неизбежно погибнет от своего же собственного, столь тщательно культивируемого им безбожия.

Извращающее или подавляющее человека насилие, парализующее свободу творческих исследований и их результатов и тем самым как бы ставящее на колени *национальную академию*, может вызвать к жизни только лженауку. Результаты исследований по приказу суть ничто, суть заказная «конструкция». Истины силой не добиться; истину не исказить: чуть попытаешься это делать — она тут же и ускользнет; и мнимо ученый хватается за пустоту теней. Тогда смолкает мощный глас науки, академия превращается в погост, и более поздние поколения с ужасом или с улыбкой сожаления думают об этих временах.

Безнадежное дело создавать по приказу и подлинное искусство. Еще не найден пока рецепт, по которому можно выращивать одаренного художника наподобие голубка в реторте. Истинное вдохновение по приказу не создать. Художественная идея приходит к мастеру неожиданно; художественный образ вынашивается им свободно. По заказу можно делать только вывески да предметы украшения. Кто думает иначе, тот в истинном искусстве не понимает ничего и готов любую мало-мальскую безвкусицу ремесленника принять за подлинное произведение. Все истинно художественное внешней силе чужеродно и неподвластно. И чем притязательнее и последовательнее проступает в жизни эта сила, тем безнадежнее ее потути.

Гораздо в большей степени, чем искусства, сказанное касается *сферы чувств и морали*. Стоит только властителю сделать попытку принудить себя к истинной любви, к истинному почитанию, к истинному поклонению, как он сразу же поймет, что цветы сердца распускаются только по собственному органически свободному, глубоко сокровенному почину и что без этих цветов свободы не может быть ни счастья, ни культуры на земле.

По заказу сердце человеческое не распахнешь. Добродетель угрозами не задашь. Еще ни одному тирану не удалось силой вызвать в мире добро. Здесь есть предел. *Hic Rhodus — hic salta*³. И всякая культура, раскрывающаяся под давлением нетворчески — и мнимая, и пустая.

А как обстоит дело в области *правосознания* и политики? Можно ли здесь добиться рыцарской верности методом страха и угроз? Можно ли вызвать любовь к Отечеству по приказу властей? Свободная лояльность всегда была истинным источником правопорядка, мощнейшей скрепой государства, благороднейшим мотивом к подчинению и исполнению долга. Зажим властей унижает человека. Они посягают на его достоинство и самоуважение. Лишенная же достоинства креатура лишает этого качества и все вокруг; она преуспевает только в сфере продажности и лицемерия...

Где же проявляются «безграничные возможности» власти извне, особенно если учесть, что ей больше приходится иметь дело с твердо установленными, непересекаемыми границами? самого драгоценного в человеческой жизни, самого превосходного в светской культуре — органического, свободного, вдохновенного, таинственно-спонтанного: молитвы, очевидности, любви, добра, верности духа, всех нитей потустороннего, всех путей к Божественному — ей не дано; все это для нее недостижимо. Внешняя власть только для внешней власти и хороша. При максимальном, всепроникающем давлении гнета она может рассчитывать только на ударную силу внешней организации. И когда она пытается внешнее сделать достоянием внутреннего и путем впечатляющего внушения укрепиться в духе, то внушаемые ею же настроения и содержания оказываются на поверку до того механистичными, поверхностными и противными свободе и природе, что все самое ценное и самое цельное в человеческой жизни замыкается в себе и никак не проявляет себя. Тогда властителю ничего не остается, как пойти на шантаж, запугивание и мучительство людей. Нерон поджигает Вечный Город, чтобы полюбоваться грандиозным зрелищем и после — воспеть его. Калигула может бросить под ноги своего коня достоинство римского Сената, а своей бабушке с угрозою сказать:

«Помни: я могу все против всех!»* Что же, однако, означает это нелепое и вероломное «могу»? Удручающе мало и ничего положительного. Вот это и есть то, что должно внушить человеку всякое здоровое воспитание. Это и есть то, что должен каждый из нас преодолеть в себе как ложное воззрение и соблазн. На первый взгляд, внешняя власть «может» необычайно много, на деле же — крайне мало. Переоценка ее покоится на иллюзиях, на плоском жизневосприятии, на материалистическо-механистических предрассудках, согласно которым все можно изъять «изнутри» и воплотить «вовне». Все эти иллюзии, если их в себе не преодолеть, если пойти у них на поводу, в конечном счете приводят к тягчайшим разочарованиям и вызывают величайшие катаклизмы в мировой истории. «Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» (Лук. 17.21).

3. О ЛЕСТИ

Когда люди сходятся, они, как водится, судачат друг о друге. А если судачат, то тому, о ком судачат, хотелось бы, чтобы эти пересуды были *хорошими*. Кто из нас способен спокойно выслушивать строгую критику, не говоря уже о несправедливых упреках?.. Чаше всего нам кажется, что критик нас не понимает, а порицатель выступает скорее как злой привередник. Всякое осуждающее «нет» задевает нас до глубины души, каким бы справедливым и обоснованным оно ни было; и наоборот — всякое похвальное «да» «умиляет» нас, приносит покой, облегчение и по-своему ободряет: все же я «признан», «замечен» — значит, успех, вес, карьера!.. Как много людей, которые о своем собственном успехе судят по чужим меркам и необычайно чувствительны к любой оценке со стороны... Они даже не догадываются, насколько они несвободны, насколько зависимы и какие случайности подстерегают их на каждом шагу. Вот тут-то и разворачивается настоящий простор для льстецов...

* Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула, 29.

Впрочем, надо быть справедливым: тот, кто, осуждая и критикуя других, щадит их из милосердия, подчеркивает лучшее в них, ищет деликатных выражений, чтобы как-нибудь не ранить их, поддержать в них дух, тот, конечно же, не льстец. Тонко чувствующее сердце, открытость, скромность и смирение могут подчас сделать критика до того осторожным и осмотрительным, что от его критики не останется и следа, а тот, кого критикуют, почувствует себя даже «попыщенным» в некотором роде. Но отсюда до настоящей лести — дистанция огромного размера.

Лесть начинается там, где один хочет взять верх над другим методом похвалы. И тут не столько важно, что один хвалит, а другой становится податливым, сколько *необъективность похвалы и беспредметность намерения* склонить к себе другого, *расточая комплименты*. Настоящий льстец необъективен в своей похвале даже тогда, когда он говорит дело, когда он действительно отмечает хорошее и умеет это по-умному и деликатно преподнести. Вопрос: «для чего» его похвала? — беспредметен и своекорыстен; главное его намерение — склонить к себе того, кого он хвалит, и весь его опыт в этом плане есть, по сути, не что иное, как *подкуп*. Очень даже возможно, что это намерение подкупить даже тому, кого хвалят, понятно не до конца и витает где-то в тени (как задняя мысль). Но бывает и так, что оно *вполне осознанно* и *детально продумано*. Бывает скрытым или завуалированным, так что для обоих едва заметно; и тогда для лести — настоящий простор.

Однако льстец должен знать меру, и значит — совершенствовать форму лести, верно ухватиться за планку здравого смысла того, перед кем он рассыпается в похвалах, учитывать степень его проницательности и тщеславия.

Наивные, недалекие, тщеславные люди внемлют с радостью даже самой неуклюжей форме лести. Тонкие, строгие, серьезные и объективные натуры сразу же чувствуют фальшь, беспредметность и низость протягиваемых им льстецами даров. Чем выше духовный уровень человека, тем безразличнее для него лесть, тем осторожнее приходится быть льстецу, тем тщательнее надо маскироваться и скрывать свои уловки.

Опытный, тонкий льстец никогда не прибегнет к прямому славословию или хвалебным дифирамбам своей «жертве». Сначала он обмозгует недвусмысленно все «за» и «против», расчистит и проложит пути к беседе с нею, сделает в ее сторону пару незаметных «реверансов», бросит пару незначительных учтивых фраз, а похвалу напрямую выскажет в форме чисто субъективного «восторга», дошедшего до него окольными путями, через других людей.

Рафинированный льстец попытается пленить так, чтобы я ничего такого не заметил. Он «упивается» тем, что мило и мне; «одобряет» и «хвалит» мой вкус; никогда не перебьет, если я говорю; охотно, с любезностью, позволяет это делать мне, признавая тем самым мое «преимущество» как нечто «само собой разумеющееся». Он ставит вопросы, придает «большое значение» моим ответам — и мне доставляет удовольствие, что «признают мой авторитет». И наконец, дает понять, что только «в меня и верит».

Всегда после таких бесед у меня возникает чувство, что я хватил чего-то через край, что мне надо малость отдохнуть и, как кажется, очиститься. Временами я задаюсь вопросом: «Что ему, собственно, от меня надо?..» Но — вроде бы ничего не надо, вроде бы он вполне искренен; и я в конечном счете начинаю укорять себя в излишней подозрительности, компенсируя ее «полным доверием» к нему. Смысл французской пословицы «*calomniez, calomniez — il en restera toujours quelque chose!*»⁴ применителен и к лести, потому что в человеке живет детская легковёрность к похвале, скрытая жажда признания, своеобразная симпатия к тому, кто «знает ему цену». Вот почему от всякой лести — порою даже самой очевидной — в нас «что-нибудь да остается»...

Обычный льстец, впрочем, не столь уж тонок; он в своей лести не знает градаций, меры и формы; берет зачастую через край и умным человеком угадывается тут же. Но это его нисколько не смущает. Он уже привык к тому, что лести у него, как инструмент жизненного успеха, всегда под рукой, и он, как ни в чем не бывало, протягивает другому свое медоточивое лакомство: «*il en restera toujours quelque chose...*» А у людей не всегда достаёт мужества повернуться спиной к его слащавой улы-

бочке и вкрадчивому взору. «Mundus vult decipi» — «мир рад обманываться», — и то же касается и самообмана. Заурядный человек редко думает о том, что в случае подкупа *утрачивают достоинство обе стороны* — и тот, кто подкупает, и тот, кого подкупают. Ведь «дары» в этом случае и невидимы, и недоказуемы... В результате можно утешить себя, что ты «все-таки этой лести не поддался» и что ее можно всерьез воспринимать лишь в той мере, в какой она «соответствует истине»: «возможно, он и льстец, но в данном случае он, может быть, и прав...».

Из этой тяги к лести в мире незаметно образуются *каверны и разворачиваются беды в области политики*. Кто знаком с историей Древнего мира (Греция, Рим, Византия), тот должен призадуматься над этим.

Поскольку в политике речь идет о том, чтобы «склонить людей», а нравственный уровень политиков далеко не на высоте, люди с легкостью хватаются за щедрые посулы и за более-менее скрытые попытки *вкратиться в доверие*. Демагог — особенно безответственный сулитель и льстец. А если он к тому же пылок и нагл, методом лести он быстро справляется с элементарнейшими инстинктами народов: он будит в душах людей тщеславие, льстя им неизменно; высокомерие, потрясая их воображение своими обещаниями; самые низменные страсти, воочию подкупая их. Таким способом он «склоняет» к себе народ, который, будучи необычайно доверчивым, всерьез воспринимает лесть. Незаметно для себя он поддается подкупу, а подкупающий его демагог становится «любимцем». Когда же этот любимец достигает положения тирана, тогда имеет место своеобразная ирония судьбы: *поток лести вскипает и с головой накрывает породившего его льстеца*. Теперь подкупающего самого подкупили. Атмосфера славословия и угодничества, царившая вокруг античных тиранов, превосходит наше воображение. Здесь не было ни меры, ни формы, ни вкуса. Подкуп методом лести выступает совершенно открыто и уничижает всех, начиная с лстивых придворных и кончая самими упившимися лестью тиранами. Особенно примечательным и поучительным здесь было то, что тиран, который как демагог способствовал разнузданию лести и сознательно ее не замечал, со временем поддался

всеобщему обману своих мнимых обожателей и в состоянии самообмана уверовал в свою собственную «божественность»...

Так что лесть — это своего рода обман и подкуп. Она опасна и даже ядовита, как всякая ложь, и продажна, как всякая взятка. Но особенно ущербно ее влияние в области истинных ценностей и человеческих отношений в иерархическом плане. Человеку ведь не так просто сделать выбор между «добром» и «злом», точнее, не так просто провести различие между ними; вот и блуждает он, путая одно с другим, и одно принимает за другое; приемлемое считает «хорошим»; что не по нраву — считает «плохим»; духовные ценности ухватить не умеет; видит смутно; судит беспомощно. А из этого нередко возникает сумятица в душах, расстройство и шатание в верхних слоях общества. Лестец же гребет под себя эти мутные воды себе на потребу, извлекая выгоду из надвигающихся сумерек. Он искажает истину и ведет с нею негласный торг. Он хватается за самое уязвимое место в человеке — за его самооценку, пытается ввести его в заблуждение, ослепить, сбить с панталыку, обыграть. Он мутит воду, путает тонкую, благородную ткань духовной культуры, нарушает иерархию ценностей и порядок земной жизни людей. Тем самым он уподобляется *фальшивомонетчику*: его монеты мнимые, а «ценности» не имеют реальной силы. Можно сравнить его и с *соблазнителем детей*: люди в своей самооценке наивны и беспомощны, как дети. Его работу можно назвать *всеобщим предательством*: вынашивая его втихомолку, он извлекает личную выгоду из общественной порчи.

Если мы сравним земную жизнь человека с единой, тонкой, духовной тканью, которую нам необходимо беречь и добросовестно ткать (поскольку это ткань Божия и Богом освящена), то четко и недвусмысленно увидим всю греховность лести. Все мы должны помогать друг другу советом и делом: честной, доброжелательной критикой — без надрыва, без крайностей, объективно, строго, ответственно, соответственно правде, с любовью. Это, пожалуй, и будет лучшим советом и лучшей помощью с нашей стороны. И это ничуть не меньше, чем поддержка, ободрение, ориентиры на пути по крутым

ступеням вверх в ткани Божественной ткани. Однако эта помощь и совет, это благосклонное, братское созерцание, этот совместный труд людей над Заветами Бога на земле лъстецом запроданы и извращены, изверены и оболганы. Он порождает духовную ложь и подкуп, создает продажную атмосферу, *нравственное болото*, из которого человеку не просто выбраться. В такой атмосфере всякое свободное, искреннее, смелое слово подобно струе свежего воздуха или глотку чистой родниковой воды...

4. О НАЦИОНАЛЬНОМ ВЫСОКОМЕРИИ. ИЗ ДНЕВНИКА ПАТРИОТА

То, что человек любит свою Родину и хранит верность своему народу, — естественно, похвально, достойно. А как же иначе? Да и как может быть иначе? Человек подобен дереву, которое всеми своими корнями уходит в толщу земли, черпает из нее соки жизни и покидает ее только тогда, когда его срубают до основы. Человек подобен сыну, получившему в наследство все лучшее от матери — любовь, здоровье и силу духа, и таким образом носит в себе ее субстанцию. Между патриотом и его Родиной существует таинственное духовное тождество: патриот носит в себе свою «землю», а «земля» имеет в лице патриота свой созидательный инструмент.

Всякий истинный патриот говорит (молча) своему народу: «Я — твой. Я — из лона духа и плоти твоей. Во мне пылает тот же дух, что и в моих предках. Мною руководит твой инстинкт самосохранения, тот самый, что провел тебя через все беды и невзгоды твоей истории. Вздых груды моей — твой вздох; стенаешь ты — стенает и он. Я крепок твоею силой, и потому моя крепость служит твоему делу. Я с тобою связан неразделимым «мы». Я верю в мощь твою и в твои творческие пути. Твой язык — это и мой язык; и когда я творю, я творю по твоему образу и подобию. Я живу с тобой; я созерцаю и думаю, как ты; я был бы необычайно рад, если бы обладал всеми твоими дарованиями и способностями; со скрытой болью в сердце думаю я о твоих слабостях, твоих несовершенствах. Твой государственный интерес — это и мой интерес. Я горд, что и я в какой-то мере причастен твоей славе. Но грызущая тоска сжигает

мне сердце, когда тебя настигает беда или когда ты заболеешь. Твои друзья — это и мои друзья; а твои враги — это и мои враги. Тебе принадлежит моя жизнь, а мне принадлежит твоя земля. Твоя надежная армия — это и моя армия, и тот, кто посягает на твою честь, посягает и на мою. Я тебя не выбирал: ты выносила меня в своем чреве, сберегла и воспитала; за то, что ты родила и одарила меня, я в смирении и благодарении признаю тебя и, оставаясь верным тебе, свободно вбираю тебя в сердце свое. Мы — одно целое; мы — *живое тождество...*»

Когда сердце патриота так говорит со своим народом, оно поступает правильно и формирует одно из самых значимых творчески результативных отношений в земной жизни. Когда патриот так говорит и так действует, было бы несправедливым упрекать его в национальном высокомерии. Потому что высокомерие — это не любовь, не истинное содружество, это — заносчивость. А патриоту быть заносчивым не к лицу. Высокомерие проистекает из духовного *ослепления* и создает в себе *иллюзию*. Истинный патриотизм — это никоим образом не ослепление; избегает он и каких бы то ни было иллюзий; наоборот, он призван к тому, чтобы реалистично смотреть на вещи, давать им оценку и согласно ей — поступать. Кто смотрит на вещи реалистично, тот видит их такими, каковы они есть: видит слабые и сильные стороны своего народа; видит промахи и достижения других народов. Что непременно должно быть свойственно патриоту, так это — *огонь души и трезвость взгляда*. Бог хранит его от высокомерия и национального чванства. Ведь начинается оно с наивной мании величия и достигает своего катастрофического апогея в политической спеси.

Если я люблю свой народ, я должен доподлинно знать его историческое становление, опасности; своеобразие его характера; его территориальные, политические и экономические проблемы; структуру его духовного акта; одним словом, все его национальные добродетели и пороки, его достижения, его отсталость, все, что свойственно ему, что касается его, что ему недостает. Я должен все это досконально знать и справедливо оценить: ниче-

го не утаивать, ничего не преувеличивать, ничего не преуменьшать. Хорошее есть добро; оно должно разрастаться и процветать. Дурное есть зло; его надо преодолеть новым воспитанием народа. Познав свой народ, я не стану от него ничего утаивать: добру дам оправданье, дабы люди знали, что необходимо беречь; о дурном не только не умолчу, но обнаружу его, укажу и опишу, прослежу его причины и источники, призову народ опомниться, приступить к очищению, проложить путь к его преодолению.

Любовь не должна быть слепой; наоборот, она должна сделать взор любящего ясным и пронизательным. Любимый народ не следует наивно идеализировать. К тому же он и не нуждается в этом. Истинное служение народу заключается не в демагогическом прославлении его, лести и национальном высокомерии, а наоборот — в трезвой, объективной оценке, в четком анализе его промахов и недостатков. Здесь исторически пролегает линия различия между национальной *демагогией* и национальным *пророчеством*: демагог — это *отравитель колодезев*, а пророк — это *воспитатель*. Воспитание же ведет не к слепой спеси, а следует по пути скромности, памятования и смирения.

Итак, национальное высокомерие начинается там, где народ застрял на уровне *примитивного самосознания* и где его пророки, идеологи и воспитатели не способны преодолеть этот уровень.

Примитивное самосознание состоит в том, что *человек скован своим собственным самовосприятием и дальше этого не видит ничего*. То, что он воспринимает в себе самом и для себя, кажется ему до того *важным и совершенным*, что переступить эту грань у него нет никакой охоты. Личностное занимает у него все его внимание и всю его любовь. Его «я» становится для него живым и единственным центром его желаний, его воли, усилий и радостей; в своей собственной реальности он не сомневается, а остальное представляется ему по меньшей мере или проблематичным, или несущественным. Нечто схожее с этим есть в одной андерсеновской сказке, в которой старая утка и старая кошка, устроившись за теплой печкой, почитали себя половиной мира, и притом луч-

шей половиной. Из всего этого в быту зарождается тягостный эгоизм; психопатология могла бы назвать это «аутизмом» или «аутоэротизмом», а философ применил бы здесь категорию «эгоцентризма» или «солипсизма». В общественной жизни из этого проистекает узколобая классовая политика; в жизни отдельных народов — национальная спесь.

Человек с примитивным самосознанием ощущает только «собственную шкуру», влезть в шкуру другого он не способен. Порой он даже не подозревает о том, что *это* вообще возможно, не знает, с *чего* начинать. Он наивен в своем эгоцентризме. Его «ego»⁵ для него — все: это его мир, его клад, его цель, его гордость. Сочувствие другим людям и народам ему чуждо, да и к чему оно, если он — само совершенство? Столь же мало известно ему и о проникновении в другого, о сострадании, о такте, о внимании, наконец. *Он* — пуп земли и жизни, все прочее — постольку поскольку. Все прочее — лишь среда, в которой он блистает (что было основополагающей идеей Макса Штирнера⁶, этого далеко не наивного апологета аморально-прагматического солипсизма, проповедовавшего «единичность и ее собственность». Внимательно прочитав его книгу до конца, просто диву даешься, до какой степени он лишен в себе чувства юмора — *humor sui*).

Нечто подобное происходит и с примитивным сознанием народа: он впадает в национальное высокомерие, в котором прочитываются и *наивность*, и *надменность*. Национальное высокомерие проистекает из самоупоевания, которое держит народы словно в тисках. Однажды проявившись, оно черпает свои силы из двух здоровых, но, вследствие неосмотрительности, опасных побуждений: *инстинкта самосохранения* и *инстинкта тщеславия*. Инстинкт самосохранения придает национальному высокомерию особый размах и дает пищу для притязаний. Инстинкт тщеславия извращает его ценностные представления и возносит его к гордыне. Вследствие чего начинается громадная переоценка себя и недооценка других. Другие народы представляются чванливому мало-значительными: или это его собственная копия — тогда она ни к чему и не имеет права на самостоятельность;

или это народы более низкого ранга — тогда они не должны стоять на пути перворазрядного народа. В любом случае проникание в жизнь и творчество других неуместно, нежелательно, поскольку это было бы «предательством» по отношению к своему собственному. Другие народы — не более чем объект исследования, особенно в случае все возрастающего отчуждения; это, конечно же, не правоспособные, не самостоятельные в жизни субъекты, с которыми можно обходиться весьма свободно. Отсюда — специфическое незнание других народов, отсутствие взаимопонимания, нагромождение иллюзий и дипломатических промахов, которые сплошь присущи национальному высокомерию, которые крепчают и растут.

Это потому, что превозносится и восхваляется все: любовь к Родине, гордость за великих мастеров культуры, оценка мощи собственного народа, отношение его к народам вокруг. А если это высокомерие захлестнет воспитателей и пророков народа, тогда его самомнение перерастает в настоящую спесь; если же народу и его воспитателям недостает чувства сдержанной и очистительной самоиронии, тогда телега чванства неудержимо катится под уклон навстречу своей гибели. Тогда на свет появляются печальные поучения об исторически верховном народе и его миссии в мире. И в сравнении с этим народом все прочие являют собою лишь ряд тяжелых помех на его пути или просто исторических недоразумений...

Но в действительности мир людской можно сравнить с садом Божиим. Только вечный садовник знает, какие цветы, когда и где он посадил и какие придется сажать в будущем. Свои высокие планы, однако, он держит в секрете и не позволяет нам в них заглянуть ни на миг. Каждый народ, как цветок Божий, обеспокоен тем, чтобы предельно раскрылось его соцветие и чтобы дивным благовоением вознаградить своего садовника. Но ни у одного цветка нет каких бы то ни было оснований считать себя главным в Божественном саду, презирая и заглушая собою других.

Нам же не лишне было бы знать ответ на вопрос, действительно ли в этом рае земном есть главные цветы, предопределенные для пышного роста, и есть ли действительно цветы, не имеющие никакой ценности, кроме

разве что того, чтобы служить навозной кучей истории? Ясно, однако, одно: истинно главный Божий цветок не подвержен высокомерию, а не в меру возгордившийся цветок не найдет благого ответа.

5. КЛЕВЕТА

То, что человечество прибегает к подозрительности и клевете, печальный, но давно известный факт. Помешать этому невозможно, значит, приходится как-то мириться с этим. Надо постоянно помнить о том, что люди *близоруки и пылки и ненавистью* зажигаются необычайно легко. А если в этом состоянии они принимаются судить и рядить, то двери и врата для клеветы распахиваются настезь... Где человеческие страсти накапливаются и закипают, там обоюдные суждения несправедливы, и в целом социальная ткань повреждена: ненависть и вражда застыт взор; каждый видит то, чего на самом деле нет; своего противника начинают ненавидеть без объективного к тому повода; пытаются «весь белый свет» от него предостеречь; теряют вкус к справедливости и волю к истине; яд клеветы рассеивается и разбрызгивается направо и налево.

Если же задаться целью и проследить внутренний источник клеветы, то очень скоро обнаружатся ее первоначала. Прежде всего — это *лишенный объективности аутизм в оценках обеих сторон*. Подсознательно, без слов, люди друг другу говорят: «Ты не то, что ты есть и на что способен, а то, *что ты значишь для меня и как ты ко мне относишься*: приятен ты мне и полезен, значит, ты уже есть нечто; относишься ко мне хорошо, значит, не раз пригодишься; наводишь на меня критику или более того — являешься моим соперником или противником, значит, цена тебе грош, а сам ты — вредитель». Конечно, такое вслух не говорят, такое *ощущается* подспудно; но такой превратный способ ощущения может стать мерилом, задающим тон, и тогда незаметно мыслимый жизненный материал становится реальностью. Мы даже не замечаем, как мы *свой интерес* к человеку и свой *личный успех* приписываем процветанию *общего дела* и как мы презираем и постоянно клеветем на своего объективно полезного и, возможно, ни в чем не повинного противника.

Другим источником клеветы нам представляется *зависть* — эта черная судорога заболевшей души. Редко когда человек радуется преуспейанию или превосходству своего ближнего. Подсознательно, без слов, он говорит лучшему: «А ты не так уж хорош, как кажешься; за фасадом твоим кроется гадкая реальность, которая так и проглядывает наружу, так и просится в слова...» И пошло, поехало. Тем самым клевета облекается в форму безнадежной попытки компенсировать собственную неполноценность и превратить в ничто значительность других. Порою попытка эта удается, ведь наивных и доверчивых людей немало. Но, как правило, это дело все же безнадежно, т. к. правду в жизни не заглушить; и стоит ей обнаружиться, как всякий видит, что *клевета унижает и компрометирует не того, на кого клеветают, а самого клеветника...*

Кроме этих источников — близорукости, горячности, необъективности и зависти — есть, разумеется, и другие, которые тоже относятся к кругу ярко выраженных пороков. Любопытно отметить, что в политической борьбе даже порядочные люди прибегают к наветам и злословию. При этом набор доказательств, как правило, не отличается истинностью. Казалось бы, *клеветник* обязан обосновать и доказать объективность своей клеветы, однако он этого почему-то не делает, а сеет *подозрительность анонимно и шепотком*. Тогда другие невольно думают: «Об этом человеке то-то и то-то говорят, значит, ему стоило бы в глазах общества оправдаться, и пока он этого не сделает, все злые невзгоды можно принимать за правду». Как это неумно! Как превратно! Думающие так — наивные, доверчивые люди, которые не замечают, что они тем самым заранее дают зеленый свет и клеветнику, и клевете. Правильнее было бы сделать наоборот: кто обвиняет и поносит своего ближнего, должен представить доказательства тому, и прежде всего под знаком нелегкого, морального и правового наказания. Но с этим в большинстве своем не считаются. Толпа любопытна, жадна до сенсаций, порой порывиста в приветствиях и ущербу. И только вполне резонные предостережения и увещевания нейтрального и уважаемого третьего лица способны привести ее к благоразумию.

Куда чернее действие злословия там, где к нему прибегают осознанно и преднамеренно, где оно возведено в *систему*. Тут уже об истине и речи нет. Тут уже не считаются с объективной ценностью вещей и людей, а стараются внушить доктрину партии или линию ее на данный момент; пытаются вызвать и укрепить самое жесткое, субъективное «я так считаю», слепую одержимость, безотчетную на все готовность, послушность, «пробиваемость», и все это — самой дешевой ценой. И здесь преднамеренная ложь гораздо действеннее безупречной правды. Зло превозносится, добро очерняется, священные ценности словесно, наглядно и «доказательно» обесцениваются, к жизни вызывается разнузданный аппарат лжи — *пропаганда из центра*. При этом в духовной ткани мира образуются неисцелимые разрывы и зияющие раны; начинаются ужасающие блуждания целых поколений, преднамеренная путаница добра и зла, паралич общественного мнения, всеобщий отказ от самостоятельности суждений и критического взгляда на жизнь, дезориентация в ее последних основах. Вековые усилия совести, очевидности, вкуса, направленные на выработку твердой точки зрения и истинности различий, на победу над ложью, на преодоление соблазнов, на безупречность суждений, кажется, рушатся, и их место занимает первозданный духовный хаос. *Отец лжи* празднует свой триумф и порочит все возвышенное, чистое, Божественное, а опороченному, порядочному человеку утешением служит лишь то, что он разделяет судьбу духовных ценностей.

Из всего этого получается *колдовской котел злословия*. И кто в качестве жертвы попадает в него, тому приходится пройти настоящую школу жизни и испытание характера. Первым его желанием является, естественно, противостояние лжи. И начинает он с опровержения чисто *негативных фактов*: «того-то и того-то никогда не бывало»; и он всему этому совершенно непричастен... Но как это все доказать? Ведь ни свидетелей, ни документов на все случаи жизни нет. И тем более их нет, если речь идет о мысли, желании, намерении, о которых доподлинно знает разве что сам человек да всевидящий Господь... Кто из нас в принципе способен доказать, что он «того-то и того-то не думал, не хотел, не имел в ви-

ду?» Мы можем только отрицать, утверждать, оспаривать, но убедительных опровержений у нас нет... А если нам что-то удалось, если мы продвинулись с собственной самозащитой и оправданием, значит вывод один: «que s'excuse, s'accuse»⁷... В результате получается так, что опороченный попадает в по-своему беспомощное положение, которое тем безысходнее, чем тоньше анонимная клевета — тогда громче шепот вокруг. Настоящее отвращение охватывает его; в одиночку он испытывает его и постепенно изживает до конца.

И это тем лучше ему удастся, чем меньше думает он о своих клеветниках и чем больше — *об объективном положении вещей как таковых*. Ведь клевета задевает не бытие человека, а только видимость его, то есть отражение в чужих душах, и притом отражение, искаженное до неузнаваемости. Мы не можем отвечать этому искаженному образу нашей сущности, и у нас нет необходимости следовать ему. Главное — *быть правым и действовать по правде*, а не «казаться», «слыть» или «блистать». И самое лучшее, самое действенное средство для преодоления и противостояния злословию — оставаться тем, что ты есть, поступать так, как ты поступал, словно ничего не произошло, и вглядываться в даль, где ждут тебя великие обетования. Тогда, взяв верх над всякой клеветой, придет к тебе возвышенный покой — сам по себе целительное средство, способное принести утешение оклеветанному и оправдать его в глазах других.

6. БЕГСТВО ОТ СВЕТА

Не более чем предрассудок то, что всякая тварь ждет с нетерпением восхода солнца и радуется наступлению дня. Существуют создания, которые боятся света, слепнут от яркости солнца; такие рождены для ночи, прячутся от света, блаженствуют лишь во мраке. Орел может смотреть на солнце; ночная обезьяна прячется от света в дуплах деревьев, а серая сова весь день коротает в глухих развалинах.

И среди людей есть такие, чей взор выносит только духовную ночь, успокаивается только в монотонности духовного мрака, малейший божественный луч света встречает судорожным оком. Один ликует, ощутив час-

тицу Божественного, — будь то ночь, или человек, или пространства сверхчувственного созерцания. Другой от этого же слепнет, чувствует тревожность, хотел бы вообще не знать об этом...

Кто окончательно сжился с мрачной бездуховностью своей души, тот страшится духа и не приемлет свет: он уже не способен воспринимать свечение духа, он чурается его, глумится над ним, богохульствует, становится ненавистником его, порой готовым на преступление. Вот почему история полнится случаями убийства лучших, светлых духом людей. И если кто-то выступает в роли смотрящего и говорит о том, что видел или, не говоря ни слова, ведет себя как провозвестник света, ему следует остерегаться, чтобы не стать камнем преткновения для всех ночных обезьян и ночных сов... Всякий, идущий с миссией, должен быть поэтому готов к мученичеству.

Люди, у которых духовное око не пробудилось*, вступают в жизнь с бодрствующим инстинктом и спящим духом и в соответствии с этим пытаются устроиться во внешнем, а следовательно, — во внутреннем, поскольку внутренняя их жизнь руководствуется соображениями внешней пользы и согласуется сообразно им. Духовная их индифферентность становится, таким образом, мерилом всех ценностей и деяний. Духовно они вступают в жизнь с закрытым взором и угасшим светом и производят на нас нередко неприятное впечатление «летучего голландца», несущегося мимо из ночи в ночь, словно заклятый носитель зла. Впрочем, свою *собственную выгоду* такие люди чувствуют отлично, вот только в духовном измерении им жить не дано. В земном они проворны, но часто вызывают ощущение, что ничего не знают о небесном. Так и идут себе по жизни, так действуют, так судят о мире и о других. Охватившая их духовная беспросветность их не волнует; наоборот, она служит им источником душевного равновесия и покоя. Незаметно становятся они законченными обскурантами.

Обскурант упивается мраком и ненавидит свет. Он любит ночь еще и потому, что приложил немало усилий

* Смотри этюд 16 «Дух инстинкта».

к тому, чтобы соорудить в своей душе эту мрачную камеру и утвердиться в ней. Ведь только в редких случаях полной духовной слепоты или идиотии человеку легко дается окончательный, радикальный разрыв с Богом и превращение в явного мракобеса. В большинстве же случаев не так-то просто без обиняков порвать с Богоданным и природой унаследованным «духом инстинкта». Не разбуженный воспитанием, пренебрегаемый в самостоятельной жизни, дремлет он в безбожной душе под сводами забытых казематов, но может в любой момент встрепнуться сам по себе, приняться за свободное созерцание и засветиться светом тихим. И такое бывает. Тогда распадается в нем успокоительный мрак, исчезает душевное равновесие, все становится зыбким, как в часы землетрясения, и человек вступает в духовную «гражданскую войну» с собой.

Бедняга кажется себе неотразимым без Бога и духа, неотразимым и на все способным. Он воображает себе свой полуночный суверенитет и мнит себя способным любому петуху свернуть шею. И вдруг — петух прокричал в его собственной душе. А ведь он только что, казалось бы, окончательно убедил себя в том, что для него нет ни света, ни солнца, и на тебе — его собственное духовное око, о котором он и не подозревал, посылает луч света из глубин мрачных пространств его сердца. Порой для этого луча бывает достаточно мгновенья, чтобы высветить всю ложь былых представлений. Ничтожным представляется тогда «великое», жалким, трусливым и, что самое несносное, — смешным. Он видит, как исчезает столь лелеемая им хваленая тьма, поскольку она, оказывается, не от мира сего, не закон природы, а всего лишь собственное изобретение, желаемая сфера собственной слепоты. Он выдумал ее, чтобы быть свободным в своих противных духу деяниях. И вдруг все обнаружилось: он видит свою объективную никчемность, но принять ее не способен. Он ищет выхода, но найти не может.

Внутренний конфликт тяжел и болезнен, особенно для гордых натур: им приходится изживать его молча и в одиночку.

Гордый человек чувствует себя разоблаченным и приговоренным, и это — с высоты той жизненной ступени,

на которой он окончательно убедился в своей тщете и бесценности; но что самое удручающее, так это то, что приговор предельно справедлив. Он это знает; тут не возразишь; пытается найти себе оправдание, но — его нет. И он спешит назад — в успокаивающую его и раскрепощающую тьму, но и ее уж нет: луч светится из глубины, борется с мраком и превращает его в брезжащий рассвет. Ему бы хотелось, как прежде, войти в роль обскуранта, но — рассвет уж близок, и собственный лучик настигает его. Он пытается оправдать свое прошлое, заняться самоапологией, но терпит неудачу и тут. Ему бы хотелось погасить свет или хотя бы локализовать его, пренебречь им, выговориться, наконец, — увы, и это ему не удастся. Это уязвляет его до глубины души, и из этой уязвимости зарождается ненависть, которая ищет, где бы ей излиться? На ком? Из поражения произрастает гложущая душу зависть ко всему, что есть свет, ко всему, что несет свет, что излучает или блаженствует в свете. Зависть и ненависть порождает жажду мести; месть вызывает к убийству.

Трагедия обскуранта, который стоит в лучах света, горька и глубока. Он и свет не приемлет, и не может вернуться в былую тьму. И для него ничего другого не остается, как *восстать против света, предстать во всей полноте своей неправоты и продемонстрировать всю мощь своей враждебности к свету*. Так он вступает на путь *поверженного ангела*. Раз он не может свет приять, он жаждет стать «*властелином тьмы*», ведь ночь имеет тоже свое могущество и силу. Теперь главное — утвердиться и бросить вызов и Богу, и миру, и свету, и любому истинному источнику, и всему человечеству. Теперь главное — возвысить тьму и оправдать порок, даже более того — свет развенчать и по возможности гасить, где удастся, чтобы не было его, не было тех, кто его несет и кто купается в нем. Сатанинская стихия шевелится тогда в обскуранте и лишает его покоя: он поневоле становится антагонистом *Всевышнего Бога*.

Он стоит как бы между трех огней, и все ему невыносимо: *дивный свет Божий*, внутренний огонь его собственной совести и *земной свет пророков*.

Но до *Божьего* света не достать: милостиво и щедро проникает он во все существующее, и освещает его из таинственной дали (которая при желании мгновенно оказывается рядом), и светит всему так, что обскуранту приходится отворачиваться — ведь он служит силам мрака.

А потом начинается его безнадежная борьба с *собственной совестью*, с духом собственных инстинктов. Он пытается преодолеть этот внутренний свет софистическими уловками ума и все более новыми, темными деяниями; глушит себя хмелем изнутри и шумом извне и успокаивается на ту толику, которая ему удастся. Но полностью добиться покоя он не может и в результате впадает в отчаянье, потому что чувствует, что все эти три силы, составляющие в реальности единство, «родственны» по содержанию и находятся «в постоянном взаимодействии»...

Тогда единственное, что ему удастся, — это выместить свое отчаянье на *пророке* или гениальном носителе света в его земном образе. И дело здесь порой заходит так далеко, что мраколюбы вступают даже в заговор в целях вершить свои дела сообща: то они поливают грязью и интригуют против своего светоносного противника, то превращают его в развалины, то просто уничтожают гениальных людей, гася, где могут, свет, наводняя мир своею ложью, погружая его во мрак. Они воюют со светом; лучшие люди становятся их жертвами.

И преуспевают они в этом тем легче, чем больше заурядных людей, которые сами по себе далеко не мраколюбы; просто они не могут совладать с чувством осознания своей посредственности, а потому впадают в зависть. Никому не хочется видеть себя малостью, тупицей, скверной или еще какой-нибудь никчемной тварью, хотя у каждого бывают мгновенья в жизни, когда приходится признать эту свою никчемность, узреть пределы своих возможностей и честно признаться во всем самому себе. Тогда ему угрожает опасность стать завистником и начать ту же самую борьбу, которую ведет типичный обскурант, разве что в более мелких масштабах. Если ему эту опасность преодолеть не удастся — он забивается в лабиринты подсознательного и начинает с тревогою следить за чутким величием, гением и добродетелью; пре-

вращается в завистника, всегда готового к соучастию в очернении превосходного. «Красота испускает в душу лучи священных побуждений», — заметил когда-то Виланд⁸. А Шиллер это наблюдение дополнил так: «Все лучезарное чернится миром с упоением...» И вот все малые завистники объединяются, обретают более крепкую и злую волю, подчиняются ей и вершат свое черное дело. В одиночку или стадно нападают они на лучших представителей человечества, чтобы покончить с ними, чтобы свободно дышать воздухом мрака обиденщины или полной тьмы.

Уже *доисторический* мир вещает нам об этом с ужасом и болью. Вероломный Каин из зависти и ненависти убивает своего брата, благочестивого Авеля, и земля впервые открывает свой зев, чтобы принять в себя невинную кровь*. Одержимый черной страстью и злобным сатанинским духом Сет убивает своего божественного брата Осириса и, победив его коварным, предательским способом, разрезает его тело на 40 частей. Светлый образ Осириса почитался египтянами как бог Солнца и как символ Воскресения, а Сета они отправили во мрак преисподней**. Это два самых древних преданья доисторических эпох, не говоря уже о библейских пророчествах.

А дальше мы имеем дело с *историческими* проделками завистников над светочами мира. Диоген Лаэртский сообщает нам о том, как переживал великий философ Гераклит (из Эфеса) изгнание своего друга Гермодора. «Поделом бы эфесцам, — сказал Гераклит, — чтобы взрослые у них все перемерли, а город достался бы недорослям; ведь выгнали же они Гермодора, лучшего среди них, со словами — «не быть никому лучшим меж нами, если же есть таковой — быть ему где-нибудь на чужбине и жить с чужими людьми...»***

* Моисей 4,3 — 16.

** Плутарх. Об Исиде и Осирисе. Гл. 12, 13, 42, 49.

*** Диоген Лаэртский, кн. IX; а также Mullacius. Фрагменты древнегреческой философии. — Т. 1. — С. 310, примеч. 5.

О желании отделаться от лучших говорит и Плутарх в «Жизнеописании Аристиды»: «Когда вопрос об Аристиде* был голосованием решен, какой-то глуповатый крестьянин, не знающий ни единой буквы, протянул Аристиду, которого он принял за обыкновенного смертного, свой черепок и попросил его написать на нем имя — Аристид**». Последний, немало удивившись, спросил: «Разве тебя Аристид обидел чем-нибудь?» — «Ничуть, — ответил крестьянин, — я его никогда не встречал, но меня раздражает то, что, по слухам, его во всем почитают за праведника». Ни слова не говоря, Аристид написал на черепке свое имя и протянул его крестьянину».

А поскольку таких завистников и мраколюбов в Афинах была пропасть, Аристиду и изгнали: за справедливость.

Подобным образом, как известно, приговорили к смерти афинские граждане и Сократа, одного из величайших мудрецов мира. При этом он знал, что с обвинителями ему не справиться, что он не первый, кому приходится испытать до дна чашу судьбы. «Если и погубят меня, то не столько Мелит и Анит, сколько клевета и враждебность толпы. Они уже сгубили множество выдающихся мужей, и кажется мне, что ничто не остановит их в будущем; а потому не стоит удивляться: я — не последний...»*** Сократ знал цену законам духовного мрака, носители его стремятся все дальше и дальше. И не успокаиваются до тех пор, пока не опрокинут все светильники. Знал он также и то, что хорошего человека, как светоча, ни при жизни, ни после смерти зло не оставит****, потому что светоч на земле остается светочем и после смерти и попадает в обитель света.

И как тут нам, христианам, принимая все это во внимание, не подумать о нашем Спасителе? О том, что земная абсолютная тьма восстала против воплощенного света Господня и под пытками отняла у него его земную

* То есть вопрос о его остракизме, решавшийся народным собранием.

** Это означало, что изгнание Аристиды неслучайно.

*** П л а т о н. Апология Сократа, 28 В.

**** Там же, 41 Д, срв. 30 Д.

жизнь? А позже — разве забудем христианских мучеников, которые светят нам и сейчас, исчезнув в обители света?..

Мраколюб не может смириться с бытием Бога. Не может принять Его свет. Не испытывает радости от его добра и любви. Он стремится погасить свет, потому что при свете он не может утвердиться в своем собственном бытии, не может жить. Он не прощает свету ни единого лучика и не утешится, не удовлетворится до тех пор, пока все свое ничтожество не выместит на полноте и доброте Божией. В какой бы земной форме ни проявлялся свет — будь то личностная доброта, или политическая справедливость, или религиозно-провидческая очевидность, или гениальное творение искусства — он ненавидит и завидует, он богохульствует и бежит от света. Потому что все, что он причиняет носителю света, — клевета, изгоняя и уничтожая его, — есть не что иное, как проявление его собственного бессилия, *бегство от света во мрак*, победа которого от века возможна лишь на путях Господних.

7. ДЕМОНИЗМ И САТАНИЗМ

Это произошло под конец донельзя утомительного съезда криминалистов. Мы сидели за ужином у своего председателя, умные глаза и светлое лицо которого всем нам так импонировали. Разговор шел о том о сем, и вдруг, как это нередко бывает в оживленных беседах, коротенькую паузу нарушили сказанные недвусмысленно, с глубоким убеждением слова: «Но среди них попадают *по-настоящему сатанинские люди*». Все стихли вмиг и обратились на другой конец стола. А поскольку затронутая тема была животрепещущей и далеко не простой, каждому захотелось услышать как можно больше, а сказать как можно меньше.

Слова же эти принадлежали пожилому человеку с тонкими, чуть усталыми чертами лица и большими синими глазами, которые с первого взгляда вызывали безграничное доверие. И тут посыпался град вопросов: что значит «сатанинское»? По каким признакам узнается сатанист? Разве можно в наш просвещенный век говорить о демонизме и сатанизме?

Интерес все возрастал, председателю пришлось вмешаться, и от господина с синими глазами потребовали, наконец, объяснений. И поведал он следующее.

«Я — священник и духовник большой тюрьмы в Нью-Йорке. Много чего пережил и много чего повидал; приходилось заглядывать даже в самые темные души людей, среди которых есть немало несчастных, страждущих, борющихся со своей собственной натурой и которым нельзя помочь. Но есть и вполне *целостные* натуры, без единой внутренней трещинки — они *просто упиваются злом* и, если его запретить, становятся глубоко несчастными и начинают серьезно страдать. Это, так сказать, «закоренелые преступники», перед которыми мы чувствуем свое полное бессилие. Именно их я и имею в виду, когда говорю о сатанинском в человеческой душе...

Мне тут не хотелось касаться теологии, а сказать лишь о том, что я вынес из своего жизненного опыта. Конечно, в наш просвещенный век уже мало кто верит в человеческое воплощение сатаны. Эта человекоподобная, книжная иллюстрация с копытами, рогами и хвостом как реальность в нашей голове не укладывается. «Злых духов» мы как бы изгнали, но «зло» осталось. Изгнанный из религии «злой дух» был подхвачен сначала искусством, а позже — и философией. У нас в руках осталась как бы его личина, которую XIX век с удовольствием примерял на себя: хотели побольше узнать о *сатане*, узрев его, угадать его мысли и желания; хотелось пережить его в художественном плане, а вместо этого преуспели в создании целого ряда *демонических* образов, потому что не знали, что сатана не художественный образ, что он *не поддается художественной форме*, что человеческое воплощение его *попросту исключено*...

И вот нам показали злой дух сомнения, отрицанья, разочарованья, ожесточенья, эгоизма, гордыни, презрения и даже — скуки... Герои Байрона — натуры демонические, Мефисто Гете — тоже из их ряда, как и Мефисто Листа. Злой дух является у Шиллера («Разбойники»), у Шамиссо («Петер Шлемиль»), у Э.-Т. Гофмана. Макс Штирнер вещает нам, словно «суверенный демон»... Все оттачивали этот элемент во всевозможных образах, совершенно не думая о том, что в нем уже

окончательно созрело и явно просится наружу. И когда встречаешь у Ницше восхваление «дикого» и «злобного» человека («Антихрист», «Воля к власти», «Ессе Номо»), когда читаешь о том, что «цинизм есть высшее, к чему надо стремиться на земле», или о том, что «мы не находим ничего высокого там, где не имеет места великое преступление», или о «радости уничтожения благороднейшего, видя, как он шаг за шагом идет к своей гибели», или о том, что христианская религия есть «партия деклассированных элементов и идиотов», — когда читаешь об этом и многом другом в том же духе, не до конца понимаешь, что все это значит и куда все это ведет... И когда Достоевский проводит перед нами вереницу своих вероломных натур, образно демонстрируя их намерения, мы тоже не совсем понимаем, куда мы катимся... Однако в реальности «демонический человек» — не самое страшное, с чем мы встречаемся в жизни!

Опыт научил меня проводить линию различия между «демоническим» и «сатанинским». От демонизма веет человеческим, от сатанизма — несет бездной, несет недочеловеческим. Демонический человек скован страстями, сатанинский человек одержим неведомыми, нечеловеческими силами. Демонизм — это временное духовное затмение, девиз которого: «прочь от Бога»; а сатанизм — полный духовный мрак, в котором все — «против Бога». В демоническом человеке бунтует безудержный инстинкт, подогреваемый трезвым рассудком; сатанинский человек производит на нас впечатление какого-то чуждого нам орудия — единственное, что доставляет ему радость, — это самоотверженное служение злу. Можно было бы сказать, что демонический человек склонен к сатанизму: то страдая, то играя, то заключая с ним «союз», он приближается к сатане и наконец предлагает ему в себе подобающее жилище; сатанинский человек есть *слуга сатаны*, это живой, земной инструмент его воли... Кто непосредственно не сталкивался с такого рода людьми, тот профан в области *первозла* и едва ли может себе его вообразить.

Здесь мы находимся перед таинственным, путающим положением дел и не ведаем, с чего начать. В этом мы должны себе честно признаться. Мы наталкиваемся

здесь на чудовищный элемент, который можем лишь символически обозначить: это как бы черное пламя, или как неизбывная ненависть, как вечная ложь, как упоение погибелью лучшего, уничтожением свободы. Результаты действия этого элемента в человеке суть духовный упадок, разложение, развязность, тяга к разрушению, сознательная порочность, вопиющее издевательство над ближними, неукротимая жажда власти... Непосредственное соприкосновение с этим элементом мучительно, оно повергает в ужас; физически оно вызывает своеобразное душевное неприятие, перерастающее в невыразимое отращивание, которое может привести к сильным судорогам в «plexus solaris»⁹, к нервной аритмии, к полному крушению. Мы узнаем сатанистов по глазам, улыбке, голосу, делам. И, узнав однажды, мы перед ними безоружны. Я знал таковых среди так называемых гангстеров и с ужасом думал о том, что они натворят, дорвавшись однажды до власти»...

Эти соображения были для нас полной неожиданностью и всех нас заметно увлекли. После услышанного какое-то время все молчали: тяжелым грузом легло оно на сердце. А потом — спорили до глубокой ночи, и мнения, как водится, разделились...

8. ВЛАСТЬ ЗЛА

Был как-то один поучительный вечер, который мы провели несколько лет назад в философском обществе и о котором я хотел бы кое-что рассказать.

Референт, молодой учитель, пытался нам показать, в чем, собственно, состоит сила зла, имея в виду при этом не «злого духа», а просто злого человека — его низменные, безудержные страсти, его нещадную волю. «Не зря же говорится в Евангелии, — сказал он, — что проход тесен, а путь, ведущий к праведной жизни, узок»¹⁰. Честный путь, который выбирает и которым следует добрый человек, далеко не легок: приходится бороться с собой, своими слабостями, злыми побуждениями; приходится брать в расчет всякого рода лишения, недуги, даже, может быть, явное унижение, отказываться от определенных «жизненных успехов»; становиться для других неудобным и, следовательно, — нежелательным, враждеб-

ным, ненавистным для них. Человек доброй воли для злобных часто как бельмо на глазу; он «выбивается» из их круга, он как бы «компрометирует» их общество. Короче говоря, он идет «в гору», а его пытаются низринуть в преисподнюю.

Сила зла является отражением *тяжести падающих камней*. Злой человек движется по линии *наименьшего сопротивления*: он катится «под гору». Он не борется со своими душевными слабостями, он ничем не утруждает себя. Он выбирает для себя средства в жизненной борьбе не по нравственным меркам, а по меркам целесообразности, согласно требованиям момента. Его цель едва ли нуждается в «оправдании» средства, потому что для своих злых деяний он всегда выбирает «нужное» средство. Что ему «честь», «достоинство», «греховность», «проступок», «преступление»? Что для него полезно, то и «хорошо». В нем нет никаких внутренних скреп, а потому любое препятствие извне он старается устранить с ходу. Жизнь его подобна падению камня, который почти всегда падает на голову другому человеку. И подобно тому, как скатывающийся сверху камень делает все большие и большие скачки, наращивая удар, так нередко идут дела у злого в плане его жизненной карьеры.

«Успехи», которых он достигает, прямо-таки ослепляют других. «Победы», которыми он в открытую кичится, вызывают у них искушение и соблазны. Эти «успехи» и «победы» являются для них как бы наглядным уроком, заманчивой пропагандой. Более слабые пытаются к нему примкнуть и стать его «попутчиками»; более сильные пытаются подражать ему и тем самым тоже попадают в его «фарватер». В результате вырастает целая *лавина зла*, которая, уже ничем не сдерживаемая, с победным громом, беснуясь и все сметая на своем пути, обрушивается вниз. Так проявляется сила зла: она берет в расчет только закон *силы тяжести*, все более наращивая ее по ходу движения...

Эти соображения референта, изложенные с незамысловатой образностью, вызвали, естественно, живую дискуссию. Своего апогея достигла она, когда слово взял наш председатель, известный теолог: все мы предвкушали услышать нечто неординарное.

«Силу зла, — начал он, — не *стоит переоценивать*, потому что зло подчиняется неким таинственным законам, которые *изнутри* подтачивают его и постепенно приводят к парализации. Сравнение с катящимся камнем неплохо, однако оперировать им надо осторожно и в меру, потому что зло по природе духовно и проявляется не столь однозначно, как косная материя.

Злой человек — это прежде всего разнузданная тварь, все его поступки проистекают из одержимости разрушения всего и вся. Вот почему в индивидах такого рода нет ни внутренних барьеров, ни формы; а если в них самих формы нет, как они могут придать ее чему бы то ни было? Значит, к созиданию они не способны; значит, творчество им не дано. Злой человек обречен на вечное «нет», он может только разрушать. Значит, сила его фактически не действенная сила, а скорее давящее, тяжкое бремя, деспотия, разрушительная мощь. Здесь-то и проявляется один негласный закон жизни: кто только разрушает, разрушает в своем извечном неистовстве и себя!

Всякая же действенная сила есть сила органическая, сила, сообразная природе, свободно следующая собственным, внутренним целям. Злой человек — это нечто совершенно другое: он не свободен, он пленник своих разнузданных духовных механизмов, он их раб. Он подобен туго сжатой пружине, которая бьет только при раскрутке; или тому механическому танцавалеру, о котором рассказывает Гофман: внутренний механизм сломался, и бедолага «затанцевал» свою даму до смерти... В таком свете «сила» представляет собою не что иное, как истинное бессилие — полную неспособность к творчеству, утрату действенной органической энергии; в целом — это катастрофа, идущая навстречу своему концу. Лавина зла всегда кончает преисподней.

Если здесь и можно говорить о силе тяжести, то скорее не как о символе силы, а о бессилии, о крушении, о скатывании к гибели. На деле же получается так, что зло в действии не только быстро расточает свои мнимые «силы», но и развенчивает свои

слабости и выставляет их в гнусном свете. Любое свершение зла обнажает его, демонстрирует его лживость, действует на других пугающе, предупреждающе, отталкивающе. О слабачках-попутчиках его сокрушаться не стоит: им уготована гибель, а вот другие — просыпаются, начинают противиться, крепить свои ряды, давать отпор. Злой человек может нанести чудовищный ущерб, но чем он заметнее, тем шире раскрываются у людей глаза. Таким образом, зло работает на свою собственную изоляцию и обессиливание, само копает могилу себе. Вот почему правильнее говорить не о «силе» зла, а об опасности зла.

При этом не стоит забывать и о непреднамеренной услуге зла: зло вторгается в рутину жизни, вызывает брожение, развязывает борьбу, приносит людям беды и страдания, побуждает их, само того не желая, к обновленному творческому пробуждению. В этом его услуга без духовности заслуг. Ведь человечество время от времени нуждается в сильной встряске, опаматовании и очищении; примерно в том, над чем размышлял Й. Эйхендорф:

Как тяжкий млат кует булат,
Так рыхлый род людской,
Испытанный несчастьем и бедой
Прочней железа во сто крат¹¹.

И пока на земле будет жив человек, до тех пор будут живы и люди со злым зарядом. Разумеется, смотреть на этот заряд надо как на явно опасный жизненный потенциал, с которым надо бороться. Но настоящая, творческая сила таким зарядом не обладает никогда, поскольку между нравственно добрым и органически здоровым, между свободой и творческой жизненной силой существует родственная связь: единое дыхание Божие сказывается в них, приводя их к единству. Истинная сила свойственна не злему, а доброму человеку. И именно он призван победить; «победа» зла — лишь видимость, фальшивый глянец»...

Прошли с того вечера годы, но эти соображения о мнимой силе зла так и не изгладились из моей памяти.

II. КРИЗИС

9. БЛАГОСЛОВЕННО НЕУДОВОЛЬСТВИЕ

I

Лет десять тому назад, когда мой друг, всеми уважаемый человек, чуткий врач, пригласил меня на вечерний чай, мне пришлось стать свидетелем горячего спора. Кроме меня из гостей были еще двое: худощавый, в годах, монах в черной рясе со жгучим, пронзительным взглядом и светский господин не без лоска, с умным, спокойным лицом — французский новеллист с хорошей репутацией. Совершенно неожиданно коснулись насущной темы об «удовольствии и неудовольствии», и сразу же обнаружились две позиции, даже, скорее, две совершенно противоположные точки зрения. Это был странный спор. Оба противника сохраняли полный, если не сказать, суверенный покой; оба пытались подыскать в своей аргументации нужные слова; оба говорили с безупречной четкостью давно выношенных мыслей. И у меня было такое чувство, что я то и дело склоняюсь на сторону того, кто говорил последним. Примерно за час было сказано все; оставалось лишь записать это со временем. С предельной объективностью излагаю я теперь ход обмена мнениями.

Монах сразу же пошел в наступление.

«То, что сегодняшнее человечество, — начал он, — рухнет от довольства, кажется мне фактом бесспорным. Все чаще забывает человек о недовольстве, все больше разучается его терпеть, все ярче превращается в законченного сибарита. Христианская идея *добывать победу в страданиях* все реже находит понимание и отклик. Хорошо, если я утопаю в довольстве, плохо, если терплю лишения — все решительнее звучит со всех сторон. Счастье есть не что иное, как удовлетворение всех потребностей, то есть потребностей физических и чувственных; с них человек начинает и, удовлетворившись, уже не испытывает никаких других, более высоких и благородных побуждений. А потому счастье есть не что иное, как чувственное наслаждение и материальный комфорт: если у человека это есть, он стремится ко все большему и боль-

шему... Он упивается своей плотью, своими инстинктами и создает все проникающую и всем завладевающую мнимую материальную культуру. В результате, рано или поздно, он плохо кончит...

Удовольствие — это всегда опасность и увя! слишком часто — гибель. Кто служит удовольствию и благоговяет его, кто боится лишения, страдания, тот собственными руками приближает свой конец. Потому что удовольствие ведет человека по линии *наименьшего сопротивления*; оно изнеживает его, делает из него сластолюбца, ненасытного в своих притязаниях человека. В результате он постепенно утрачивает способность к сопротивлению, охоту к труду, стойкость, становится слабым, дряблым, становится рабом своих похотей, чурается своей профессии, трусит перед лицом творческих усилий. Его воля теряет силу. Ему импонирует только то, что обещает удовольствие; а сам он уподобляется похотливому животному. Такой человек значит ничтожно мало в общественной жизни, поскольку это просто наглый стяжатель, *прагматик-нигилист*. Он не способен служить никакому делу, поскольку знает одну-единственную цель — себя самого и свои чувственные прихоти. Все остальное для него лишь инструмент его довольства и успехов, ступеньки к его мнимому, фальшивому счастью, поскольку чувственное наслаждение, в котором он неизбежным образом погряз, есть не что иное, как самообман, иллюзия, расточительство сил и жизни. А сам он подобен бочке Данаид: в этой убогой посудине исчезает все бесследно и бесплодно¹².

То, что человек «не может» без мирского наслаждения, что он призван к жизни только ради чувственных радостей, — идея самая вредоносная и страшная в своей антихристианской сути. Эта идея отвечает *вековой мечте человеческого подсознания*, мечте о сказочной стране с молочными реками и кисельными берегами, где только радость и довольство, ни заботы, ни труда, ни боли, ни страдания, ни голода, ни лишений, ни запретов, ни прегрешений, ни преступлений, ни наказаний, ни законов, ни принуждений... Человек становится приземленным, чувственным сластолюбцем; и вот этот ненасытный потребитель счастья начинает шевелиться в современном человечестве; начинает с нелепых детских

упований, продолжает претенциозностью и требовательностью и кончает всесветной войной и гибелью всего и вся — то есть революцией.

В реальности человек нуждается в неудовольствии как в *лекарстве*, как *живительном пути* и *спасении*. Ему надо научиться благословенью неудовольствия, надо оценить его должным образом, постараться извлечь из него все его *драгоценные дары*; только тогда он узнает его воспитательную силу. Неудовольствие учит человека терпению, выдержке, выносливости, собранности, способности развернуть духовную мощь и преодолеть искушения. Тогда он становится закаленным, гибким к внешним обстоятельствам, терпеливым, стойким, мужественным; его воля крепчает, его характер обретает стержень. Человек, способный пережить неудовлетворенность и преодолеть страдания, *внутренне свободен*; не зависит от окружающей среды и прочих жизненных обстоятельств. Более того: кто способен пережить неудовлетворенность собой, тот открывает в себе новые, более высокие, более *благородные потребности* — духовные интересы, перспективы нравственности, творческие силы, то есть целый новый мир превосходных, *божественных реальностей*...

Все великое на земле родилось из лишений и страданий. Вот почему человек должен изведать лишения; вот почему ему не следует страшиться страданий. Путь страждущих узок и труден, но он ведет вверх. Наш Спаситель прошел этот путь как сын Божий, чтобы приоткрыть нам истинный смысл нашей жизни. Но современное человечество не желает знать об этом досконально. Вот почему храмом его является капище услады; радости его мнимы и иллюзорны; стремления его алчны, неутолимы, враждебны. Из-за благ мира сего современное человечество позволяет *убивать себя и порабощать*, чтобы впоследствии пережить *ужасное разочарование*, потому что блага мирские — не более как *мираж*. *Близится страшный день, когда оно в безбожной антихристовой борьбе за земные радости и власть придет к своему концу.* Мы уже являемся свидетелями эпохи крушения»...

Примерно так говорил монах. И мне все время казалось, что он абсолютно прав...

10. ОПРАВДАНИЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

II

Как можно отстаивать удовольствие, если очевидно педагогическое и культурное значение неудовольствия? — задавался я вопросом... Что можно возразить галантному писателю?.. С каким проникновением и спокойствием слушал он, однако, огненные слова монаха! И он — начал.

«В мои намерения не входит нападать на неудовольствие, но за *удовольствие* мне бы хотелось все же вступить, — сказал он с мечтательной, несколько предупредительной улыбкой. — Ваше преподобие ведь не станет отрицать того, что Человек способен на лучшее в той области, где наиболее *полно* проявляется его цельность, где он творит от *всего* сердца, где он *целиком* отдает себя... Не так ли? А там, где человек расколот, где творит с оглядкой на свои внутренние резервы, там он духовно слаб, там он носит в себе своего врага, который лишает его радостей полета и смелости отдачи, там творческий порыв парализован и высота исполнительства — красота, совершенство, цельность — недостижима. Человек должен любить свой труд, а если он *любит*, то получает *удовольствие*. Человек должен *верить* в свой труд, а если он верит, то получает большую *радость* и от результатов воздействия его, и от предмета труда. Но ведь удовольствие и радость есть *наслаждение*...

Разве птица не поет из внутреннего побуждения? Разве это не доставляет ей особую радость? Разве рыба не предается всем сердцем усаде, плавая в воде? А гордый конь разве не без отрады носится в прериях?.. Конечно, человек — нечто более сложное, чем птица или конь, но он тоже — *организм*, обладающий здоровым строением и тонким инстинктом. Потребности этого организма составляют сущность его и наслаждение есть удовлетворение этих потребностей.

Без удовольствия на земле невозможна никакая органическая жизнь, никакое органическое творчество. Здоровая циркуляция крови есть уже удовольствие; нормальный обмен веществ — то же самое; всякая здоровая психологическая нагрузка и нервный разряд — источник удовольствия. И все это целесообразно, необходимо, сози-

дательно, жизнеустрояюще, хорошо. Здоровому человеку свойственна естественная радость бытия, упоение жизнью, радость видеть, слышать, есть, спать, творить. Ведь человек *создал Бог*, а природа только вскормила его и воспитала. Он *есть таков, каков он есть, таковым и останется...*

Поэтому для меня всегда было непонятным, как это людям пришло в голову запрещать себе или другим вкушать радости жизни, представлять наслаждения вообще и чувственные в частности неким «грехом» и т. д. Жизнь без радостей просто невозможна, даже во всем себе отказывающий, нищий аскет может продолжать свою жизнь только потому, что в этом отречении и в этих лишениях он видит своего рода источник удовольствия и радостей... Потому что высокая радость, которую мы испытываем при виде дивных гор, заката солнца или слушая церковный хорал, есть тоже удовольствие. Да и радость молитвы и религиозного созерцания разве можно назвать как-то иначе, чем удовольствие?.. Не правда ли?

Без радости — значит без интереса. «Без радости» — значит и «без страстности». А если человек живет без интереса и созидает *без страсти*, тогда и сам он вял, и созданное им — мертво. *Ничто великое на земле не рождалось без радости, страсти и удовольствия*, даже если исходным пунктом для того была далеко не радость: лишения, разочарованность, недовольство.

Даже самое святое, что нам дает природа, — материнская любовь, — и та не только муки и страданье, но и упоение, и радость, которые перевешивают любую муку и заставляют забыть страдания. А разве материнская любовь не чувственна?.. И кто из великих мира сего — ученых, художников, фельдмаршалов, святых может вершить свои дела без удовольствия и радости?.. К тому же было бы фальшью и произволом проводить линию различия между «чувственным наслаждением» и «духовной радостью», потому что человек в природной своей сущности неделим на «душу» и «плоть», все духовное существует телесно даже тогда, когда на то или иное физическое состояние не обращаешь внимания или вовсе о нем забываешь. И наоборот, всякое чувственное наслаждение сопровождается душевной разрядкой, пусть она и кратковременна, и нечаста.

Как только мы начинаем судить об удовольствии, сразу же сталкиваемся с тем, что человек инстинктивно жаждет удовольствия, когда он внутренне раздвоен, распылен, фальшив сам с собою и с другими. Он создает в самом себе тюрьму, и его здоровый инстинкт как бы превращается, по меткому выражению Эйхендорфа, в «посаженного в клетку зверя», который «втайне алчет прежней свободы»... Творческая радость подсознательно исчезает. Взявший установку на произвол рассудок берет верх над человеком, и он начинает свою сухую, часто безжалостную, эгоистичную игру как нечто единственно допустимое. Тогда человеческая добродетель становится формальной и мелочной, порою чрезмерной и аффектированной; нередко приобретает налет *вынужденного притворства*... А поскольку основополагающий закон живого организма продолжает действовать, человек начинает втайне искать наслаждений. Честная радость ему недоступна, и он создает в себе сокровенные, порочные источники ее — болезненный, невротический, разрушительный «эрзац удовольствия», который сам он называет «грехом», пытаюсь освободиться от него, и очень часто — безнадежно...

Высшая мудрость жизни, как мне представляется, состоит не в подавлении, а в *совершенствовании удовольствия*. Ведь человек приходит в мир как чувственное к наслаждениям творение. И в этом не его вина, в этом нельзя упрекать его. Надо принимать его таким, каков он есть. Мы даже должны *пожелать* ему удовольствия. Лучше, если он будет предельно искренен, нежели фальшиво, ханжески будет разыгрывать из себя ту «высоту», которой ему никогда не достичь.

Вот почему мне кажется ошибочным или отчасти позволять человеку радость чувственных наслаждений, или снисходительно прощать их, или вовсе запрещать. Тогда он ожесточается и поворачивается к нам спиной, особенно в те мгновения, когда в нем просыпается явно похотливое животное. Религия *чувственное удовольствие должна не запрещать, а наоборот — позволять, одобрять*. Древние народы понимали это очень хорошо. Однако чрезмерное акцентирование потустороннего и слишком

строгое мироотвержение христианской церковью не достаточно ценны.

Теперь эту карту разыгрывают против церкви демагоги-революционеры: они не только разнуздывают в человеке похоть, но занимаются отречением от всего и вся вообще — опаснейшим нигилизмом. Ницше первым стал воспевать «дикого человека» с его «радостным фаллосом», давая дорогу «бурным водам души». Современные революционеры идут по его стопам. Массы уже не терпят неудовольствия. А если мы и дальше будем твердить им о неудовольствиях и только о неудовольствиях, мы рухнем однажды вместе с современной культурой»...

«Конечно, это мое сугубо личное мнение», — закончил оратор и поклонился, словно бы извиняясь. Длительная пауза наступила после его слов...

11. ИЗБАВИТЕЛЬНАЯ МЕРА

III

А спас нас от этого затянувшегося молчания наш гостеприимный хозяин и друг, знаменитый врач; он как бы попытался все сгладить, всех примирить.

«Друзья мои, — начал он, — все, что вы тут говорили об удовольствиях и неудовольствиях, представляется мне глубоко обоснованным, и, если позволите, добавлю — предельно верным. Воспитательное воздействие неудовольствия не станет отрицать никто, да кажется, никто и не отрицал, а целительную и стимулирующую роль здорового и благородного наслаждения издревле признает история человечества.

Ваш обмен мнениями я не воспринимаю как спор, так как оба вы приближаетесь к мудрости; мудрости, однако, не так много — она есть живое единство, которое постигается, переживается и выражается в переплетении различных точек зрения.

Да, человек не может без радости, *ведь здоровая жизнь уже сама по себе радость*; и кому она изменяет, тот, разумеется, болен. *Истинная радость*, однако, не есть только здоровье; это — цветенье жизни во всех областях, потому что наступает она только тогда, когда человеческое творение физически, духовно и душевно достигает

своей зрелости, своего апогея. Тогда радость истинна, полна и совершенна. Тогда в ней находит свое выражение внутренняя цель природы; тогда она безупречна и безгреховна. Тогда она *освобождает* человека, дарует ему *желанный покой* созидателя и одновременно — новый, более сильный и более продуктивный *творческий заряд*. Это касается всех сфер его бытия — биологической любви, платонической; физического удовлетворения в спорте, душевного упоения дивным пейзажем, духовной радости музыканта и небесной отрады в молитве. Человек призван к *наслаждению* всем прекрасным, что даровано ему Богом извне и изнутри, всем благородным и творческим. От такого наслаждения не рухнет ни человечество в целом, ни отдельный его индивид.

При этом не всякое наслаждение благотворно, а все, что ваше преподобие с такой убедительностью излагало против наслаждения, касается наслаждения *первобытного, болезненного, пошлого, чрезмерного*. Во всем, что не выдерживает *качественной и количественной* меры наслаждения, — во времени, созревании, здоровье, нравственных ценностях, духовной значимости, длительности и повторях, — наслаждение опасно, и его необходимо умерять; тут я с вами полностью и безоговорочно согласен.

Да, человек должен испытать и неудовольствие. Оно ему необходимо, как школа жизни, как очищение души, как подготовительный этап к истинной радости, как упражнение, как дождь перед и после знойных дней, как соль в еде. Неудовольствие соотносится с удовольствием, как да и нет, как до минор и до мажор, как наш противник и мы сами. Потому что только через недовольство идет человек к светлому довольству... Только через страдание открывается ему доступ к истинной радости... В своей замечательной речи в пользу наслаждений, дорогой маэстро, вы высказали мысль, что все великое в мире обязано *страсти*. Да, *страсти*. Но не менее того и — *страданию*. Потому что страсть сама по себе скорее страдание, нежели радость. Я, например, не смог бы назвать ничего великого в мире и в истории, что не было бы обязано страданию... И эту идею *победы через страдание* я воспринимаю не как истину, а как божественное дарование Христа, как составляющую Его вечного откровения.

Христианское страдание, однако, не слепо, не вынужденно. Христианин призван узреть и узнать, за что

он страдает; он призван бремя страданий взять на себя добровольно, самоотверженно. Он призван в страдании произрасти, выреть и с готовностью, жертвенно творить. Такое страдание благословляет Церковь Христова, оно обнадеживает человека на *высшее блаженство*. От такого страдания и от такого «неудовольствия» не погибнет ни человечество, ни индивид. *Человек гибнет под гнетом слепого, бесчувственного, принудительного страдания*, и если современные революционеры думают действительно освободить людей от этого слепого, бесчувственного и принудительного страдания, то им надо не бороться против христианской церкви, а идти с ней рука об руку. На деле же мы видим совсем обратное.

Вот почему человек должен научиться переносить неудовольствия и подходить к ним с творческой меркой. Ступени неудовольствия, по которым он шагает, есть, по сути, *«лестница на Парнас»* («gradus ad Parnassum»). Неудовольствие пережить легче всего, если находишь радость в преодолении его: становишься победителем над ним и радуешься оттого, что победил. Если же некая радость не удастся или она незначительна, тогда надо открыть глаза и душу и, впитывая великолепие и полноту замысла Богоданного мира, предаться наслаждению. А оно с тобой при созерцании гор, чашечки цветка, заката солнца, игры детей, любого деревца и бега облаков! Ты упиваешься легкой, как дыхание, любовью человека к человеку, мощью мировой истории, сонатой великого музыканта, итальянской живописью, возвышенною поступью героя. Удовольствие и радость подстерегают нас повсюду, ищут нас, даются нам — от песни соловья до ласкающего скерцо Восьмой симфонии Бетховена, от тихо плещущей волны задумчивого моря до пугливой серны... Но особенно — *в любви*, в своей любви к Богу, к его творению, к страждущему или преуспевающему ближнему. *Несчастен человек, не способный любить*. Кто же отважится такое удовольствие и такую радость назвать греховностью? Никто — вплоть до самого строгого аскета восточной христианской церкви.

Так что человечество не может погибнуть ни от удовольствий, ни от неудовольствий, а только — от злоупотребления ими, от утраты меры, от «множества» пошлых

наслаждений и от вынужденного, бесчувственного, ничем не компенсируемого отвращения...

Так постигает человек высшее искусство — *искусство воспринимать и испытывать наслаждение и отвращение в мере, требуемой жизнью*. Кто овладевает этим искусством, у того есть все для того, чтобы быть на земле счастливым, хотя он зачастую даже и не подозревает, как он добился этого искусства и каким способом совершенствует его...

Однако, друзья мои, существует еще более высокое искусство — *искусство быть независимым и свободным от элементарного наслаждения или отвращения*.

Это когда человек обходится без радостей, не чувствует их отсутствия; в таком случае ему и неудовольствия нипочем, потому что он их преодолел и поставил на службу великому делу. Его организм и его дух проходят через удовольствия и неудовольствия, оставаясь не затронутыми и совершенно свободными. В таком случае и то и другое перестает быть чем-то существенным и важным в жизни. Однако сущности жизни они никоим образом не составляют. Существенным остается лишь служение человека Божьему делу, и это служение остается неизменным даже тогда, когда у человека через край горя или недовольства. Тогда это служение становится для него самой незаменимой пищей и самым отрадным утешением.

Разве это не настоящая высокая планка, когда человек овладевает столь безупречным чувством меры, что для него ни наслаждение, ни отвращение не представляют проблемы? Может быть, на таком выводе мы все трое и сойдемся единодушно? И не позволите ли, друзья мои, поблагодарить вас за то наслаждение, которое я получил от явных расхождений в споре, и за ту радость, которую доставило мне наше духовное согласие!»...

Все трое, должен я сказать, были правы, а достигнутое единодушие мне еще не раз поможет в жизни.

12. БЕССЕРДЕЧНАЯ КУЛЬТУРА

Из переписки

Он мне писал:

«Не понимаю, чего Вы, собственно, хотите от современного мира?... Чем прогрессивнее культура, тем на-

пряженнее, тем интенсивнее она. Культура есть вообще *воплощение интенсивности*: многое собирается (аккумулируется) и действует в формах концентраций (интенсивность). Это и есть сущность культуры. Бескультурье же, варварство — рассеянно, рассредоточено, вяло, экстенсивно. Следовательно, в культуре надо собраться, сосредоточиться, все взвесить, всем сердцем отдаться делу и держаться до конца — только тогда чего-нибудь достигнешь. Со всякой наивностью тут надо кончать. Мысль и воля должны сосредоточиться, подчинить себе воображение и создать необходимое. И при чем тут так называемая «жизнь чувства», или, как еще говорят, «сердце»? Только помеха, препятствие, отвлечение, дезориентация...

Стоит заглянуть в любую отрасль культуры, как все это тут же и обнаружится. Возьмем, к примеру, *технику* — великую основу всяческого культурного начинания. Здесь царит принцип полезности, здесь тон задает математическое естествознание. Здесь чувству места нет, его попросту приходится устранять...

Возьмем культуру со стороны *хозяйства и бизнеса* — двух великих сфер реальной необходимости, целесообразной организации, холодного расчета и взвешивания, точной калькуляции и быстрых решений. Жизнь чувства здесь только все растворит, подорвет, поколеблет. Здесь человек борется с человеком; здесь господствует инстинкт самосохранения, соперничество и конкуренция... Кто предается чувствам, тот пропал...

Возьмем *науку* — этот, пожалуй, главный двигатель культуры в целом. Здесь все построено на объективном наблюдении и объективном анализе. Здесь жизнь чувства с его неустойчивой, капризной, туманной субъективностью совершенно неуместна. Чем меньше сердца, тем успешнее исследование; чем больше — тем недостовернее научная теория.

А если посмотрим на культуру как *политику*, то тут уже на сентиментальность и намек нет. Здесь — борьба за власть. А это значит — умная воля, дерзкий напор, трезвый расклад сил, здравомыслие. Политик должен соблюдать равновесие народной жизни, создать законопослушное общество и свободную лояльность. Для чувства

тут и предпосылок нет. Сентиментальность пагубна для любого государства...

Остается рассмотреть еще *искусство и религию*, и — сфера культуры исчерпана как таковая. *Произведение искусства* есть продукт свободного воображения и технического умения; может быть, чувство в нем и играет какую-то роль, но роль эта не главная, а подчиненная. Сентиментальное искусство свое отжило, мечтательность á la Гофман и Диккенс давно отринута, давно ушла в прошлое. Что же касается религии, то европейцы взяли себе за правило, что в ней должна воцариться воля и дисциплина. Если человек решился во что-то верить, он должен подавить в себе всякие чувства и подчиниться строгой церковной дисциплине. Самостоятельность чувств, своеволие или, более того, распушенность могут здесь навредить; личное мнение здесь считается чуть ли не чванством, субъективные ощущения — беззаконием и произволом, которые подрывают и разрушают религию...

Вот почему культура должна укротить, обуздать и преодолеть жизнь чувства. Распушенность чувства есть признак варварства...»

Я отвечал ему:

«Ваши определения, мой друг, чрезвычайно ясны и поучительны. Они освещают проблему превосходно. Именно так возникла нынешняя культура современных поколений. И нам надо постоянно думать о том, *сможет* ли она как таковая существовать и дальше и *как* можно было бы спасти ее. Потому что предварительные итоги ее развития недвусмысленно говорят о ее конце...

Культура последнего столетия покоится на ряде основных предпосылок, о которых редко говорят в открытую, но которые внушаются современному «культурному человеку» с детства как нечто само собой разумеющееся, не допускающее сомнений, впитанное с молоком матери... А именно: сердце существует только для глупцов. Умные люди не поддаются его соблазнам и чарам. Совесть — достояние блаженных; только нежизнеспособные мечтатели дрожат перед этим призраком добродетели. Вера изжила себя; она прощительна лишь наивным и непросвещенным типам; умные и образованные люди только делают вид, что верят, и притом из темных сооб-

ражений. Любовь есть или здоровый инстинкт, необходимый для деторождения, или старомодная сентиментальность, анахронизм первобытных эпох, абсолютно чуждый для современной жизни...

Как сложились эти предпосылки — вопрос для западной истории особый, и было бы крайне поучительно проследить кристаллизацию этих первооснов из века в век. Люди культивировали волю и мышление; старались овладеть воображением и подчинить его и — позабыли о жизни чувства (разумеется, не эротики) во всей его благословенной глубине, свободе и силе. И лишь временами вырывались из земли по направлению к небу — сугубо самовластно и индивидуально — мощные гейзеры чувств, горячие источники любви и совести, чтобы при жизни не встретить в своей неповторимости ни понимания, ни сочувствия, а после смерти их носителя иссякнуть и заглухнуть вконец. Конечно, нельзя не признать в современной культуре зачатков общественной благотворительности, но при ближайшем рассмотрении окажется, что в основе ее лежат скорее *воля, соображения пользы и организация*, нежели сердце. Она, как правило, умна; почти всегда умело организована и приносит немало пользы, но почти всегда суха и холодна, ограничена определенным кругом социальных групп, пуста душой...

Вот тут и главное: культура Запада как бы построена *из льда и камня*. Религия, искусство и наука здесь *холодны* и выдают эту свою холодность за достижение. Политика, техника, экономика и бизнес суровы и вменяют эту свою суровость себе в заслугу. Умный английский философ Т. Гоббс сформулировал когда-то такой закон: *homo homini lupus est* (человек человеку — волк). Конечно, это *не всегда так*. Но нечто близкое к тому, что можно выразить и так: человек человеку — прохожий, или «запертый сундук», или «деревянный шарик». Люди проходят мимо друг друга, стараясь как можно меньше обращать друг на друга внимания. Они относятся друг к другу так, как если бы их нормальное рядом жительство было реальной предпосылкой для предстоящего антагонизма. Они изо всех сил стараются скрывать свои истинные чувства, уподобляясь тем самым запертому сундуку. Они заботятся о другом лишь в меру нужности его или

полезности, в меру своего собственного тщеславия, карьеризма, способностей, чтобы затем поскорее сбросить использованного человека со счетов, прогнать с глаз долой, а то — и предать. Все прочие людишки для них — словно деревянные шарики, которые, ударяясь один о другой, отскакивают в разные стороны, и каждый катит дальше своей случайной дорогой. Но когда дело доходит до реальной борьбы, тогда уже *«homo homini lupus est»*...

Вот почему все судорожные спазмы современной культуры — революции, гражданские и мировые войны — не случайны, это — ядовитый плод, естественно вызревший на огромном анчаре... Жестокость и ужас этих судорожных явлений заложены в буднях нашей жестокой и черствой культуры...

О том, *сможем ли мы все это преодолеть и насколько нам это удастся*, мы должны думать творчески и неизменно. Но сначала нам придется все-таки осознать и признать, что именно мы и насаждаем эту бессердечную культуру...

13. ТАК ДАЛЬШЕ ИДТИ НЕЛЬЗЯ

Современная культура потрясена в своих основах, и это угрожает ее дальнейшему существованию. А все потому, что она создавалась заглохшим, омертвелым сердцем; и вот теперь эта шаткая структура творческого душевного акта и, следовательно, культуры начинает давать сбой и вести к самым тягостным последствиям. Современное человечество должно осознать, что *без сердца дело не идет и не пойдет*, что надобно глубокое, длительное осмысление.

Это пренебрежение к сердцу должно воочию указать не только на недалёковидность и неприглядность человеческого эгоизма, в который так легко впадает наш инстинкт, но и на другие, непосредственно связанные с современной культурой источники, в частности, на своеобразную *«потребность в наказании»*, захватившую нынче белый свет, и *ложное понимание человеческого достоинства*, свойственное современности.

* См. в моей книге «Поющее сердце» этюды 2 «Мы жестоки»¹³; 28 «Потерянный день»; 30 «О совести».

Сегодняшний человек, страхась неминуемой бедности и упиваясь мнимой мощью капитала, старается «нажить» как можно больше, а отдать взамен как можно меньше. Он гонится за прибылью, жаждет иметь много, а трудиться не желает вообще. Он хочет долго жить и наслаждаться жизнью, а потому старается отделаться от своих занятий как можно быстрее, легче, формально, только бы не быть привязанным, только бы не выкладываться душой... В конечном счете он полагает выгодным для себя отстраниться от всего, что представляется ему «относительным» или «пустяками»...

И эта установка становится его «щитом», его привычкой «экономить». К тому же ему кажется, что такой подход соответствует «мужскому» и «профессиональному достоинству». «Настоящий мужчина» серьезен и деловит и эту свою «деловитость» принимает за настоящую «предметность». Он чувством не живет; он избегает всего «субъективного», дабы не показаться смешным. Для сантиментов у него времени нет. Он должен «импонировать» другим, а потому казаться независимым, чопорным, важным. Поэтому он старается покончить с «чувством», идет по жизни как «деловой», холодный человек, не позволяющий «сердцу» сбить себя с толку: больше всего на свете он боится показаться слабым и смешным...

Вот почему стыдятся нынче люди положительных, добрых чувств и — не предаются им. А если сердце не задействовано, стоит ли удивляться тому, что вялая, «экономная» любовь в конечном счете отмирает, и это отмирание становится наследственным. При этом люди не замечают, что отрицательные и жестокие чувства (недоброжелательство, зависть, мстительность, ревность, алчность, властолюбие, тщеславие, гордыня, свирепость и пр.), в которых, видимо, и сказывается «сила» человека, остаются незатронутыми и процветают дальше. А поскольку эти чувства импонируют большинству, они не должны носителю их казаться слабыми; у других же должны вызывать страх и незаслуженное уважение... Вот и получается, что современный культурный человек *стыдится своей доброты и не стыдится своей злобы*...

Так и создавалась современная культура: из омертвевшего или заглохшего сердца. И если повнимательней

присмотреться к этому своеобразному душевному состоянию, можно прийти к таким неутешительным выводам: современный человек привык творить свою мысль, воображение, волю без участия сердца и даже не замечает того, что получается из всего этого в результате; не видит, как впадает в пошлость, вырождается и гибнет созданная им культура...

Мышление без сердца, даже самое умное и изворотливое, остается в конечном счете *безразличным*: ему все равно, за что браться, над чем работать, что изучать. Оно становится у него бесчувственным, равнодушным, релятивистским, механистичным, холодным и циничным; особенно — циничным, а потому карьеристским, лстивым, продажным. Такое мышление не способно вчувствоваться в содержание своего предмета; оно лишено интуиции; главный метод его — спекулятивное разложение жизни, как бы умственная «вживисекция» ее. Поэтому оно остается аналитичным, действует разлагающе, с охотой оперирует пустыми «возможностями» и «конструкциями», что делает его *беспредметным* в истинном и глубоком смысле этого слова и о чем само оно даже не подозревает. Отсюда — формализм и схоластика науки, формальная юриспруденция, разлагающая психотерапия, бессодержательная эстетика, аналитическое естествознание, парадоксальная математика, абстрактная мертвая филология, пустая и безжизненная философия. Наука становится «*caruit mortuum*»¹⁴, а человек в своем мировоззрении — беспочвенным, разнузданным, сбитым с толку.

Бессердечная воля, сколь бы упорной и напористой она ни была, в конечном счете выливается лишь в жестокий произвол и животную жадность. Лишив себя любви, она становится безудержной и бесцеремонной, но мнит себя «могучей» и «свободной». На деле же безжалостна, напориста, жестоковьяна. Успех для нее — все; мучительство и убийство — ничто. При этом она всецело во власти трезвых дел земных как *воля к власти и к обладанию*, а потому ее надо расценивать не как *духовную потенцию*, а как *опасное явление природы*. Это та самая воля, для целей которой все средства хороши. Это воля ненасытного властолюбия, тоталитарного государства, антисоци-

ального капитализма, империалистических колониальных войн — воля всех карьеристов и тиранов.

И наконец, *воображение без сердца*, сколь бы живописно и ослепительно оно ни изливалось, в конечном счете есть не что иное, как безответственная игра и бесплодное жеманство. Еще никогда не получалось из него истинного и великого искусства; еще никогда не удавалось ему заглянуть в глубины жизни или в горный мир — даже тогда, когда ему рукоплескала толпа. Фантазия, лишенная любви, это не что иное, как *разнузданное влечение*, не способное творить культуру, или же — *изобретательный произвол*, не имеющий никакого представления о художественном совершенстве. Вот почему это воображение — не дух, а всего лишь его эрзац. Его игры то похотливы и пошлы, то конструктивны и беспредметны. Это то самое воображение, которое позволяет себе все, что забавляет его или что являет собою диктуемый хозяйственной либо политической конъюнктурой «заказ»... Именно оно, это духовно слепое, формалистичное и релятивистское воображение и породило в истории искусства сегодняшний декадентский «модернизм»... Доказать, что так дальше дело не пойдет, было до недавнего времени делом нелегким; люди и слышать об этом не хотели. «Как это — не пойдет, — самоуверенно и гордо звучало в ответ, — если все идет превосходно, все отлажено: наука делает невиданные открытия, техника гигантскими шагами идет вперед, экономика процветает, медицина делает чудеса, юриспруденция совершенствуется, химия стоит на пороге потрясающих, а может, даже разрушающих мир экспериментов» и т. д. и т. п. ...

В преддверии приближающейся мировой катастрофы, стоя прямо на пороге крушения, люди так и не могли взять в толк, что это не победное шествие, а *скольжение в бездну*, что *формализм* и *разнуздание* суть гибельные координаты и что в руки властолюбцев даются такие роковые средства, которыми они будут злоупотреблять самым пагубным способом...

Но, наконец, до людей дошло, что дальше — тупик; надо опомниться; надо глубоко и искренне осмыслить свершившееся, пересмотреть структуру культуры, созданную неверным творческим актом, реабилитировать

сердце и созерцание, то есть любовь и интуицию, вернуть им их надлежащее место, чтобы наряду с чувственным наблюдением действительности, наряду с холодной волей к власти расцвело особое *сердечное созерцание*, свободное от предрассудков прошлого, не компрометируемое псевдонаучной мыслью, воспринятое и бережно развиваемое творцами культуры*. Это сердечное созерцание, с тщанием культивируемое, на все существующее направленное, преобразит и окрылит чувственное наблюдение; отнимет у воли к власти ее холодность и жестокость, свяжет ее, облагородит, укажет ей ее истинные цели.

Человек должен научиться смотреть на природу, своего ближнего, высшие предметы горного мира *в любви и из любви* и делать свое созерцание основой новой созидательной культуры. Ибо привычные для всякого индивида эгоистические вопросы, лишенные любви, например: «какая мне польза от этого?» или «послужит ли мне это оружием против других?», кажутся чем-то само собою разумеющимся, однако создать культуру, культуру истинную и жизнеспособную, такая установка не может. Культура требует от нас *предметного служения, объективной преданности и жертвенности*, то есть *сердца и любви*. Она требует от нас *правильности выбора цели, верности, вчувствования и свободной совести*, то есть опять же *сердца и любви*. И эту творчески созидательную любовь нельзя подменить ни так называемой суровой дисциплиной, ни «проклятым долгом и чувством вины». Ибо любовь подразумевает исключительно любимый предмет, значит, она *избирательна и предметна; интуитивна и созерцательна; непринужденна и свободна; руководствуется совестью и творит*. В то время как долг формален и рассудочен, а дисциплина авторитарна, беспредметна и исполнительна; оба они могли бы послужить эрзацем для любви или паллиативом при отсутствии любви.

Вот почему культура без любви — мертвое понятие, внутреннее противоречие, мнимая культура или явное лицемерие...

* Смотри этюд 41 «Сердечное созерцание».

14. ТУМАН

Из воспоминаний ученого

Вечером меня известили о том, что я не должен больше оставаться на загородной даче своих друзей. Убежище мое было раскрыто, и меня могли арестовать в эту же ночь. Стояла поздняя осень. Лес обнажился; дороги развезло от дождей; местность была для меня чужой, однако нужно было идти. В доме я был один. Крестьянский мальчик принес мне в своем потрепанном картузе записку-предостережение и убежал. Пошла четвертая неделя, как я не показывался в семье. Здесь я полагал себя в безопасности и покое, как вдруг — это предупреждение. Оно было предельно кратким и столь же серьезным.

Поначалу на меня нашло какое-то безволие. Я устал от этой политической слежки. И никуда не побегу. В любом побеге есть отпечаток малодушия. Лучше бы поскорей внести ясность во все и пройти через неотвратимое... Но тут я с тоскою подумал о своей жене, детях (увиджу ли их вновь?!), с грустью — о своем только что начатом изыскании... Кто бы знал, сколько усилий, сердца, интуиции, вдохновения вкладываем мы в свое творчество!.. Воля к жизни заговорила во мне, и я приготовился в путь...

Выйдя из дому, я увидел, что на улице не так уж и темно, как я того опасался. Где-то над низко повисшими облаками пробивался свет месяца. Холодный морозящий дождь последних дней утих. Стало немного теплее, и я начал ориентироваться. Друзья оставили мне план маршрута с дачи, который я знал назубок: крошечный кусочек бумаги с множеством условных знаков легко поддавался расшифровке. Мне надо было проделать 10 — 12 км до сторожки в глухом лесу — моего нового убежища. И вот я шел с узлом белья под мышкой и карманным фонариком в руке. В моем мозгу четко запечатлелось, где свернуть с широкой дороги, где сходятся тропинки, где опасное ответвление влево. Отклонений влево надо было избежать, потому что они могли завести меня в непролазную болотистую местность, в топиях которой можно было бы легко, беззвучно погибнуть...

Дорога через лес была нетронутой, я шел, погружаясь в свои мысли, держа записочку в руке, засунутой в карман теплого пальто, и чувствовал себя покинутым и одиноким. Всю былую жизнь словно ветром сдуло, как будто она была сном. Теперешняя жизнь была отвратительна. Я видел совращенным и закабаленным свой народ, свою порушенную и поносимую хулителями академию, своих друзей, своих учеников, идущих на смерть. Я видел немислимый духовный распад человечества, завязшего в мрачном лабиринте, утратившего правду и выдающего за правду ложь. Я видел торжествующий хаос — он взял свое — и не знал, что дальше... Как счастливы те, кто верует в Бога и умеет молиться. Но мечты о милости свыше исчезли вместе с детством... Будущее было без перспектив: ни света, ни надежды. Глухое отчаянье охватило меня опять, и я чуть было не повернул назад...

Я вдруг остановился и посмотрел вокруг. Дорога кончилась, и я даже не знал, сколько прошел, как очутился на этой тропе и почему стою на опушке леса. Рядом поляна и кустарник; тропинка вьется вдаль... И только тут я заметил наплывающий отовсюду и сгущающийся легкий туман, на который я прежде не обратил внимания... Повернуть? Или идти вперед? Если поверну, заново не начать, значит — всему конец... Итак — вперед! Тропинка внушала доверие, казалась надежной, и я пошел через кустарник на поляну...

Словно из сотни невидимых земных расщелин, со всех сторон крался туман, сначала легкий и проникаемый, а потом все тяжелее и гуще... Но тропа была заметной и упругой, и я шел, целиком доверившись ей... В воздушном, как мираж, мареве несла она меня, словно очень спешила, словно знала — куда. Ясность очертаний тем не менее исчезала... И это вселяло в меня беспокойство, заставляло напрягаться. Все как бы сдвинулось и преобразилось. Я уже не доверял глазам. Маленькое казалось непомерно большим, большое — маленьким. Близкое становилось далью, далекое можно было ухватить руками. Прозрачное представлялось тяжелой массой, массивное принимало вид легкий и воздушный. Все стало обманчивым: пространство и расстояние, объем и перспектива, форма и образ. Нездешние, порхающие су-

щества отделялись друг от друга, отрывались, поднимались вверх, парили, проплывали мимо. Все было иллюзией и игрой — фальшивым и предательским. Привычное исчезло, а непривычное явилось. То белая завеса становилась плотной и непроницаемой, то вдруг — на миг! — манила видимостью и перспективой...

С бьющимся сердцем, сжав зубы, я быстро продвигался вперед. Возврата назад не было... Туман совсем окутал меня. Немая тишина стояла вокруг. Я слышал только свое сердце и шаги. Напрасно пытался натянутый страх ухватить какой-нибудь шорох или различить какой-нибудь звук. Вскоре я уже не знал, слышу ли я и вижу ли я что-нибудь в действительности: сплошь чары и колдовство вокруг. Едва покажется что-то, как тут же исчезает, и исчезает, чтобы предстать в новом, обманчивом свете. Уже не отличить реальность от иллюзии... — *как если бы белый свет сошел с ума, играет со мной в безумие и счастлив оттого, что ему удастся внушить мне, что и я безумен и не в себе...* Знаю только, что я все время повторял одно: «Спокойно, спокойно» и изо всех сил старался подавить охватывающий меня парализующий страх.

Тропинка становилась влажной, гладкой и скользкой. И вдруг холод по щиколотку пронял мою левую ногу. Ледяным ужасом обдало меня. Громко вскрикнув, я сделал несколько громадных шагов, почти прыжков, поскользнулся и едва сохранил равновесие. Почва стала мягкой и зыбкой. Я почувствовал, как под ногами захлюпала, забулькала вода. Я уже шлепал по ней по колено. «Пропал,» — промелькнуло в голове...

Тупое отчаяние охватило меня. И только то ощущение, что я не погружаюсь глубже, что мои ноги стоят в болотной жиже на чем-то твердом, придавало мне отвагу и некоторое самообладание. Теперь я понял, что произошло: задумавшись, я свернул налево и пошел по опасно топкому пути. Я внутренне собрался и начал обдумывать случившееся. Молнией мелькали мысли, работало сознание. А вокруг — глухое безмолвие. Густой, как молоко, туман. Ни малейшего намека на помощь. Один как перст. Малейшее движение грозит скольжением вглубь. Стоять смирно! Соблюдать равновесие! Что делать? Что делать? Куда кинуться? Вы, мои милые, там,

у себя дома... Не видеть мне вас никогда... Лучше бы я никуда не уходил!.. Один, один в этой черной, жуткой воде... Мамочка, если бы ты была рядом! Ты бы помолилась... А я разучился молитвам... И вдруг дрожь в теле моем унялась. Напряженный и строгий стоял я, закрыв глаза и разом осознав овладевающую мною цельность. Со стоном, чуть ли не с криком, вырвались из моей груди сначала два вздоха, а потом — слова...

«Всю свою жизнь я не желал ничего, только тебя и только тебя одну, извечная моя доброта!.. Не оставь меня в моем отчаянье! Ты — само сострадание. Ты можешь невозможное. Ты видишь то, чего мне не дано... Спаси меня. Веди меня. Возьми мою жизнь в свою руку!..»

Словно вздох, вылетали из меня эти слова. Не могу сказать, говорил ли я их вслух, знаю только, что я погрузился в них весь, без остатка, словно хотел отпустить свою душу вместе с ними. Не могу также сказать, как долго все это длилось: мгновенья казались мне вечностью, чувство времени исчезло...

Порыв ветра заставил меня открыть глаза. Серая мгла вокруг меня заколебалась и пришла в движение. Ветер усиливался. Как бы по зову или кем-то гонимые, проплывали мимо меня молочные потоки, становилось все светлей и светлей. Словно кто-то задумал сдвинутый, размытый мир сделать более воздушным и ярким. Уже можно было кое-что видеть. И я видел. Взору моему предстали длинные ряды стволов, высящихся над топью... Слева им не было видно конца, справа они переходили в лесную чащу. Туман испарился, и месяц лил свой тусклый свет на зловещую поляну. Теперь я уже знал, где я. Я стоял посредине знаменитого пути через болото, который люди проложили невесть когда из вечно утопающих балок, камня и фашин¹⁵. Я много слышал об этом пути и не очень доверял этим рассказам. И вот теперь довелось все это самому пережить. *Есть в жизни потайные тропы и спасительные мольбы в случае крайней нужды...*

Как я выбрался из топи, можно легко себе представить. Долго лежал я в лесу, продрогший насквозь и без сил, пока не услышал тихий сигнальный свист, на который ответил сдавленным голосом. Лесной сторож, которому дали обо мне знать, пошел мне навстречу, услышав

мой отчаянный крик на болоте, и тщетно меня искал. Я был спасен...

С тех пор я окончательно уверовал в то, что есть на свете добрая сила, которой повинуются и мрак, и мгла, которая бдит над заблудшими душами и чутко внимлет их зову о помощи; не верю в покинутость молящегося человека...

И меня несколько не смущает тот факт, что я эту силу не могу объяснить с точки зрения естествознания. Потому что Божия ткань должна пребывать в ореоле уверенности и надежности даже тогда, когда ее объяснить невозможно. Истинная жизнь светит ведь тоже неизъяснимым светом. И достоверное объяснение исходит, словно лучи, только из этой светящейся жизни...

III. Воспитание

15. НАКАЗАННОЕ ДИТЯ

Как часто пытаются люди воспитывать детей наказанием... Но ведь наказанное дитя — это *страдающее дитя*. И мимо этого наказания нельзя проходить равнодушно. Надо помочь ребенку, ведь *неопытность* и *беспомощность* являются составляющей его сущности. И если не помочь маленькому, неопытному, беспомощно страждущему Божию созданию, то правомочно задаться вопросом: осталось ли в нас еще хоть что-нибудь человеческое?

Особенно это касается жестоких наказаний, об ущербе которых родители даже не задумываются и от которых ребенок страдает особенно сильно. К жестокости «наказаний», которые действительно заслуживают этого строгого термина, следует присмотреться поближе.

Ребенку надо помочь намного раньше, то есть *до* наказания, чтобы он мог избежать его. Но этого, как правило, не делают. Почему же этим пренебрегают? Родители ссылаются на дефицит времени, на собственное «незнание» и «непонимание» и в результате «преуспевают» в недостатке любви. Конечно, куда легче произвести на свет ребенка, нежели его воспитать, но большинство начинает это понимать слишком поздно. Однако эти со-

ображения не снимают ответственности с дурно воспитывающих родителей.

Мы сделали ряд важных наблюдений, связанных с сущностью наказания. Они являются явным доказательством того, что родители по-прежнему с безразличием и непониманием относятся к душевным переживаниям ребенка, многое упускают, многое истолковывают в ложном свете. Вот почему наказание является как бы *сигналом тревоги для самих родителей* о том, что есть такие промахи и ошибки, которые не должны иметь места. Потому что наказание — это репрессия; оно означает, что детская душа бунтует и что подавление этого бунта происходит из покоев родителей. Воспитание наказанием — это несчастное воспитание, это постоянно тлеющая борьба, это тайная гражданская война в семье. Остается только один вопрос: кто несчастнее — наказующий или наказуемый? Конечно же, несчастнее наказуемый, так как он неопытен и беспомощен.

Однако наказание свидетельствует и о *беспомощности родителей*, только их беспомощность не так извинительна, как беспомощность детей. Там, где налицо правильная воспитательная связь между старым и малым, до наказаний дело доходит крайне редко или вообще никогда. Отец или мать прислушиваются к жизни ребенка, вчувствуются в его внутренние побуждения, прозревают трудности его развития — инстинкты, желания, сдержанность и безудержность, ревность и капризность. Материнское вчувствование необычайно тонко и просто призвано по-настоящему чутко рост травы и цветенье цветов в детской душе, тщательно оберегая все доброе и осторожно выпалывая все дурное. Если она этого не делает, если понимает только тогда, когда ребенок начинает спотыкаться и протестовать, тогда наступает беспомощность вдвойне и неизбежное несчастье репрессий. Каждой неудаче тогда соответствует порция наказаний.

К тому же наложенное взыскание рассматривается как *запоздалая помощь*, а потому имеет свое оправдание.

Холодно и бесстрастно предстают тогда перед страдающим ребенком, чтобы осуществить сухую и формальную идею *влияния*. Эта идея «расплаты», «компенсации за недовольство» имеет своим происхождением совсем

инные сферы, в которых практикуются проблемы динамики, равновесия и хозяйственного расчета; это «библейская» (из Ветхого Завета) идея, но она не христианская; это древнеримская идея, но она лишена любви. Когда детский проступок наталкивается на строгое наказание, душа ребенка еще больше ожесточается и изо всех сил старается себя защитить. Тогда задача родителей становится неразрешимой. Потому что в сущности своей задача воспитателя в том, чтобы *открыть двери детскому инстинкту, осторожно, но действительно проникнуть в его внутренний мир и пробудить в нем самые благородные силы глубинных пластов к произвольному движению и к новому самосознанию.*

Еще печальнее результаты наказания, если воспитатель ставит перед собой задачу *застрашивать* или *запугать* ребенка. Это особенно касается порки.

По сути, существуют два различных, если не сказать противоположных, способа воспитания: *союз с добрыми задатками ребенка и война с дурными наклонностями.* Первый способ — христианский, воспринятый впоследствии Шефтсбери¹⁶, Руссо и Лафатером¹⁷.

Если воспитатель настроен на союз, он как бы говорит ребенку: «Ты ведь славный, хотя, как я вижу, у тебя бывает и дурное на уме. Я верю в твою доброту и в твои силы; я буду помогать и защищать тебя, и вот увидишь — ты скоро победишь». Если же воспитатель замышляет *войну*, он так подходит к ребенку: «Ты дрянной мальчонка, и твой поступок является зеркалом твоей души; я не верю в тебя, и от меня ты пощады не жди; ты заслуживаешь дурного обращения, потому что ни на что хорошее не способен; трусишка, из страха перед наказанием ты даешь выход вовне своим дурным инстинктам, так как нутро у тебя подвержено порче!»...

Тот, кто заключает с ребенком союз, пытается стать его «ангелом-хранителем», он не старается задеть в нем честь и достоинство, он бережно относится к его самолюбию. И в этом он абсолютно прав. Тот, кто объявляет войну ребенку, становится его *преследователем* и *врагом*. Он уязвляет его достоинство, задевает его честь, подрывает веру в собственную простоту. Если ребенок вынужден сказать себе, что его «отец видит в нем негодяя», он

всегда перед выбором: или отдать должное точке зрения отца и покончить с этим негодяем в себе, или же отстаивать свое достоинство и смотреть на отца как на «врага» и «злодея». Но даже тогда, когда ребенку удастся не дать себя растоптать и сохранить самоуважение, существует опасность, что он свое «достоинство» переносит в сферу жесткого и категоричного мошенничества, утрачивая меру в свершении дурного. А то, что переживает ребенок, представляя в лице своего отца «врага» и «злодея», можно назвать *великой трагедией жизни*, потому что в таком случае принцип авторитета вообще и представление о свободной лояльности в частности в корне подрываются и начинают колебаться. Именно здесь и следует искать первоосновы позднейшей революционности и анархизма, источник нигилизма и безбожия.

Если кто вознамерился воспитывать дитя методом застрашивания, тот рискует потерять его любовь и духовно искалечить его. Гневливость ребенком воспринимается как ненависть; сухость — как холодная жестокость; укоры и ругань — как презрение. Эта лавина ненависти, жестокости и презрения вызывает в ребенке ответную реакцию такого же рода, а наказание может в результате развязать в нем самые дурные начала, дать волю самым дурным аффектам. Наказывающий отец кажется ребенку неким *громилой*, который хочет *выместить* на нем свое зло и который за какую-нибудь нечаянно разбитую фарфоровую чашку преднамеренно убивает целый клад духовно-душевного фарфора.

Затравленный человек утрачивает свое достоинство и может превратиться в низкого лакея. Постоянный страх довлеет ему, ослабляет его духовный костяк, открывает перед ним в жизни всяческие низкопробные лазейки от коррупции до предательства. Поркой не воспитаешь свободного человека, а *взрастишь раба*. А болезненный дух раба может сказаться однажды самым страшным образом.

Есть, однако, дети — а это, как правило, благородные и утонченные натуры, — которые никогда не прощают отцу физической экзекуции. Они не поддались унижению, не испытали страха в себе; они перенесли свой живой пиетет, который в нормальных условиях дети питают к отцу, в другие, не разочаровывающие их сферы,

а своего родителя воспринимают отныне, как погасший свет, или как пустую оболочку вместо человека, или как *лишенное святыни место*.

Наказанный ребенок — ребенок страждущий, несчастный. Он впервые находится в мучительном конфликте с внешним миром и чувствует себя чаще всего *непонятым и невиноватым*. Да — непонятым, потому что взрослые воспринимают и описывают его поступки, как сам он эти злополучные поступки и не замыслил, и не желал. Да — невиноватым, потому что где-то в глубине души своей знает, что вина предполагает *злую волю* или волю *ко злу*. А он от этого свободен...

Ребенок был счастлив: впервые в жизни он добыл дивные, длинные, лозовые розги, которые так фантастически, прекрасно взлетают в воздух. И их попытались вырвать у него из рук. Подумать только — их! Это летающее блаженство!.. Конечно, ребенок начинал защищаться и тогда... Это называлось: «Ты поколотил свою старую няню...» Непонимание и невиновность!..

Ребенок увидел, как мимо прокатили по улице с грохотом тяжелые пушки. Это надо дома повторить, — решает он и начинает собирать кусочки свинца, сцеплять их один с другим (о, сколько труда!) и всю эту гремющую пушку-эрзац привязал к хвосту дремлющей кошки. То-то будет бегу, то-то лязгу!.. А в результате ему говорят: «Ты мучаешь животных»... Взрослые ничего не понимают, все извращают и наказывают благонамеренного карапуза...

Садовник поливает в саду цветы. О, как летят брызги, мерцают, горят, словно перламутр... А что если взять мамину иголку, проделать дырочку в мордашке маленькой резиновой мышки, напитать ее водою до предела и с нетерпением притаиться у окна; ну наконец-то мимо идут две дамочки в шляпках, украшенных цветами: мордашку нажимаем, цветочки поливаем, а капли, словно перламутр... В результате слышишь: «Ты перешагнул пределы дозволенного, умышленно испортил шляпы и одежду незнакомым дамам»... И пошло, поехало: сознайся, покаяйся, устыдись!.. Все вздор! Ведь он не то хотел! Ничего не поняли! Эту вину «никак нельзя признать!..»

Сегантини¹⁸ вспоминает, как он, будучи малышом и днями оставаясь дома один, измышлял для себя веселые развлечения: бросал из окна небольшие кусочки бумаги и любовался, как они кружились и танцевали в воздухе; грубая порка прервала эту светлую радость великого провидца... Было ли это необходимым и оправданным?..

Так выглядит конфликт маленького искателя радостей, неопытного подражателя, беспомощного исследователя, который осмеливается войти в мир, не познав его в его «глупых» взаимосвязях. Ребенок делает ложный шаг, не зная, чем он отзовется, не оценив всевозможных — и прежде всего дурных — последствий его, и терпит «кораблекрушение». Человечество идет этому шагу навстречу и бросает в лицо ребенку неожиданные, полные разочарований следствия этого шага. Задача воспитателя не в том, чтобы огорчительные последствия превратить в град лупцеваний, а в том, чтобы стать между ребенком и нежелательными последствиями, показать ему неприглядную сторону их, заставить его задуматься, но самое главное — пробудить *дух детского инстинкта* к самостоятельному созерцанию и к решимости заняться воспитанием воли*. Ребенок должен оценить результаты своего проступка, усмотреть причинную взаимосвязь между ним и его последствиями; признать себя первоисточником своей вины и с этим грузом новых познаний почувствовать угрызение совести. А воспитатель в это время должен быть рядом с ним, с одобрением пойти навстречу решениям ребенка и всячески поддерживать в нем их. И все это без унижения, все с любовью и проникновенностью. Потому что человек только тогда правильно воспитан, когда он умеет правильно оценивать свои поступки, предвидеть их последствия, в тихой пристани починить свой «корабль» и взять курс на достойную ревизию своего «я». И все это — самостоятельно, по собственному почину, в свободной самооценке.

Так поступает истинный воспитатель. А если, паче чаяния, ему и придется когда-нибудь прибегнуть к наказанию, то оно никогда не будет ни суровым, ни мучитель-

* Смотри этюд 16 «Дух инстинкта».

ным, ни унизительным. Суровые наказания или ломают человека, или ожесточают. Мучительные наказания рожают палачей. Унизительные — делают из людей рабов.

Будущему человечеству все это не к лицу.

16. ДУХ ИНСТИНКТА

Кто хочет воспитать ребенка, тот должен пробудить и поддержать в нем *духовность его инстинкта*. Если *дух* разбужен, а *инстинкт* рад этому пробуждению, значит, в жизни ребенка произошло нечто самое важное и он отыщет свой путь в лабиринте будней: тогда «ангел» будет бодрствовать в нем, и он уже никогда не станет «волком». Если же этого не произойдет, то никакие уговоры впоследствии, никакие кары задним числом не помогут: инстинкт срабатывает «волком», об «ангеле» знать не желает и на его появление отвечает ненавистью и страхом. В этом — *великая тайна воспитания*, в этом — величайшее упущение нашей эпохи и полные надежды взоры в близкое будущее мировой истории.

Человека не следует сводить к его «сознанию», мышлению или «разуму». Он превосходнее всего этого. Его сущность гораздо глубже. Его определяет и ведет не мысль, а *любовь* — даже тогда, когда она судорожно сжимается в ненависть и каменеет в ней. Человек — это тихий колодец воззрений, слов и дел^{*}; это подземный источник симпатий и антипатий, мечтаний и страстей; он суть гармония и дисгармония своих влечений. Вот почему осознанная мысль не проникает до корней человеческой личности; голос разума нередко подобен голосу вопиющего в пустыне, а образование человека не воспитывает. Воспитание начинается с корней; оно должно сводиться не к проповеди, а внушать ребенку *новый способ жизни*; не интеллект оно должно «образовывать», а *сердце зажечь*. Образование без воспитания и ложно, и опасно: то, что оно дает, — это всего лишь полуобразование; чванливое, самоуверенное, тщеславное, заносчивое, оно вооружает бездуховность, развязывает в человеке «волка».

^{*} Смотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюд 72 «Что я есть».

Кто хочет воспитать ребенка, тот должен пробудить и укрепить в нем дух инстинкта.

Но, говоря о духе, не следует представлять себе какую-то непостижимо запутанную метафизическую «систему». Дух — это то, чем любой человек располагает в своем опыте; один — с радостью и упоением, другой — холодно и равнодушно, третий — со стойким отвращением. Дух — это не привидение, не иллюзия. Это — *реальность* и в то же время — *ценность*: драгоценная реальность, самая драгоценная из всех. Кто жаждет духа, тому следует стремиться к обогащению личного опыта, заботиться не о том, чтобы свой интеллект и свою память обременять вычитанным из чужих книг, а о том, чтобы в реальной жизни найти то, что придает ей *высший смысл*, что делает ее *священной*. Один находит этот смысл в природе, другой в искусстве, третий в глубинах души своей, четвертый в религиозном созерцании. У каждого — своя дверь в это царство, каждый должен найти ее сам и перешагнуть в него. Но это лишь первый шаг, только вход, только первый луч восходящего солнца. И крайне важно, чтобы этот шаг был сделан в самом раннем детстве, тогда все другие шаги уподобятся в известной мере этому первому шагу. Первый солнечный луч должен упасть в детскую колыбельку, чтобы маленький человечек в ней стал *«солнечным ребенком»*.

Дух этот царит там, где появляется или переживается *совершенство*; или даже там, где хотя бы стремятся к совершенству, пусть даже не всегда достигают или осуществляют его. Мудрый римлянин сказал: *«in magnis et voluisse sat est...»*¹⁹, то есть когда речь заходит о великом, достаточно уже того, что его хотят.

Этот свет совершенства, льющийся в жизнь природы и человека, эта устремленность к совершенству придают смысл и природному естеству, и человеческой жизни; и притом не просто смысл внешней, далекой цели, но и внутренней, реально осуществляемой установки. Понявший это однажды может сказать: *мир имеет смысл, потому что ему светит совершенство*; и более того — *мир имеет бытие, потому что в нем живет и правит стремление к совершенству*. А там, где мы находим это, обретается дух; там, где переживаем это, приобщаемся духу;

там, где приемлем и усваиваем это, становимся духовными сами. Без духа мы — люди неистинного бытия, мы просто случайные, инертные «существователи»^{*}.

Тому, кто принял дух в себя, открываются новые дали. Он начинает понимать, что дух есть как бы *воздух и хлеб человеческой жизни*, потому что человек задыхается и изнемогает без него. Дух есть *дыхание Божие* в природе и человеке или *сокровенный внутренний свет во всех существующих вещах*. Он *освящает жизнь*, дабы она не превратилась в невыносимую, мертвую пустыню, и он же придает всему живому силу, чтобы укрепиться в духе и обрести духовность. Вот это и есть самое главное в воспитании.

Человеку от природы дана способность распознавать духовное и склонность к его восприятию. Из этой способности и из этой склонности исходили все великие воспитатели рода человеческого. Это было то, что имел в виду Платон, трактуя земную очевидность как «припоминание» предвечно созерцаемых человеческих идей.

Где-то в глубинах человеческого подсознания есть то *священное место*, где дремлет *духовное предначало инстинкта*. В детстве эта дрема нежна и чутка — душа ребенка еще не обросла жесткой коркой; защитная оболочка ее еще тонка и чувствительна. Дух инстинкта покоится в ней, как алмаз в хрустальном бокале, который играет только в лучах света; или как дитя в колыбели, готовое пробудиться от солнечного света. И это должно совершаться; и это должно повторяться до тех пор, пока дух в человеке не проснется совсем и не уснет уже никогда.

Маленький ребенок прозябает и идет в рост в состоянии своих неосознанных, беспомощно-наивных потребностей, в зыбких, забывчивых сумерках инстинкта. Более сильные и глубокие впечатления выводят его из этого сумеречного состояния, проясняют сначала его осознание окружающей среды, а потом — и самосознание. С педагогической точки зрения крайне важно, чтобы эти пробуждающиеся впечатления носили *добрый* и

^{*} Термин, принадлежащий юному Гоголю, который я позаимствовал из русского языка.

духовный оттенок, чтобы они исходили от духа и будили в душе малыша дремлющий в нем дух. Со временем у него будет немало разных впечатлений и душевных травм, но первые детские травмы не *должны потрясать инстинкт, не вызывая к жизни дух инстинкта*. Потрясенный в своей беспомощности, травмированный в своей слепоте инстинкт судорожно сожмется, и если на помощь ему не придет целительный дух, станет полностью или отчасти неизлечимым. Вот почему столь важно разбудить дух инстинкта *прежде*, чем начнутся эти неизбежные потрясения.

Значит, главная, высокая задача воспитателя — как можно раньше зажечь детскую душу *лучом божественного света*, чтобы очнулась она от своего блаженного сна ночи навстречу благословенному дню. Духовное око должно раскрыться в инстинкте, чтобы, трепеща от счастья, воспринять божественные лучи из мира и сердцем отдаться этой «таинственной зарнице». Как можно раньше надо приобщить ребенка к этому *божественному счастью* на земле, пока ему неведомы еще ни горечь жизни, ни боль его души; пока он полон *естественной доверчивости к миру* и пока радость в нем бьет ключом.

В мире есть дивные сочетания красок и неуловимая игра светотеней — надо показать их ребенку. Есть простенькие, милые мелодии, которые ребенок должен уже знать с колыбели. Мать, поющая ему колыбельную из таких мелодий, начинает истинное воспитание его: это дух ее инстинкта творчески обращается *к духу ее дитяти*. Как много древнего было подслушано из этих чудесных колыбельных и как много возвращено в мир! Потому что душа засыпающего ребенка подпевала этим колыбельным и воспринимала через них благодать материнской любви. Простой народ верит в «дурной глаз», который может сглазить ребенка, причинив ему немало вреда. В этом поверии кроется доля живой природной мудрости: и вправду ведь бывают глаза, полные ненависти и зложелательства, магнетически натянутые взоры, которые доверчивая, беззащитная душа ребенка вынести не в силах. Заряд злобы в них слишком велик, внушительная сила слишком разрушительна, а духовность инстинкта еще не разбужена и защитить себя не умеет. По-

этому верно поступают те матери, которые оберегают своих малышей от таких антидуховных, разрушающих детский инстинкт глаз...

В два года ребенок уже начинает «отделять» себя от мира — его сердце открыто для множества переживаний и впечатлений; в это время ему необходимо приоткрыть как можно больше, направить его внимание на самое прекрасное в природе — на краски, линии, созвучия, загадочную целесообразность. Пусть полюбуется и ошутит все великолепие красок бабочек и цветов, возвышенный, неслышный бег облаков, ликующий посвист иволги, гимны леса, добродушную задумчивость коровы, спокойный бег коня, преданность разумной собаки; пусть возликует этому всему, почует в сердце зарождающуюся радость. Ребенок должен проникнуться чужим страданием, состраданьем, соучастием, готовностью помочь на деле, реально. Пусть плачет, слушая хватающую за сердце чудесную музыку. Пусть встанет мысленно плечом к плечу с героями своего отечества, борется с ними, с радостью идет по их стопам и побеждает, испытывая радость. Пусть испытает живительный поток любви мужской, отцовской, и женской, материнской, и учится платить за нее тем же. Пусть идет навстречу своей совести, научится внимать ее молчаливому голосу и, что самое важное, *постоянно откликаться на ее зов и поступать согласно ей произвольно*, чтобы откровение совести стало полным и совершенным. И всегда, после каждого такого духовного переживания, надо внушать ему, что есть на свете *милостивый Бог*, который любит и оберегает его.

От подобных переживаний пробуждается в ребенке духовность инстинкта и в глубину души его входит «ангел». При этом необычайно важно, чтобы инстинкт от всех этих переживаний испытывал истинную, душевную радость. *Инстинкт должен радоваться духу и чувствовать с ним свое родство*. Образно говоря, это как если бы «волк» взглянул на «ангела» и, встретившись с ним взглядом, почувствовал к нему доверие и благодарность и привязался к нему верой и любовью; ибо взор «ангела» и милостив, и кроток; и «волк» не может не поддаться этим чувствам. Так вот они и находят друг друга, и притом — на всю жизнь. «Волк» предоставляет «ангелу» в

распоряжение всю свою силу зверя и радостно несет свою службу. Его глаза уже не мечут демонические искры, а «ангел» более не плачет над погибшим человечеством. Редьярд Киплинг рассказывает в одной из своих новелл²⁰, что животные в Индии в поисках взаимоподдержки приветствуют друг друга кличем: «Мы с тобою одной крови», и это заклинание срабатывает мгновенно: помощь тут как тут — тем самым признается *высшее, единое всех родство*. И воспитуемый ребенок должен незаметным образом пережить это родство дважды. Первый раз, стоя на грани между пробуждающимся субъективным духом своего «я» и объективным духом мира: «О, пламя мира! Я — искра твоя» или: «О, отец мой! Я — твой сын». А во второй раз при встрече «ангела» с «волком»: «О, ангел, я — волк твой!» или: «О волк, я — твое естество!» Тогда человек становится *духовным и цельным*.

Это — важнейший акт воспитания. Ибо «воспитать» — не означает сделать из ребенка преуспевающего мошенника, а сделать добросердечного, твердого характером, цельного человека. А для этого надо как можно раньше раскалить в нем уголь духа: *радость от всего Божественного, волю к совершенству, вкус к добру и любви*. Тогда только откроется ему путь вверх и когда-нибудь настанет желанный день, когда его охватит сверхличное пламя духа и он предстанет светящимся, призывным факелом своему народу.

Дух и инстинкт — *не антагонисты*. Дух — это *высшая сущность инстинкта*, а инстинкт — это *элементарная, но органически целесообразная сила духа как такового*. Дух не должен беспомощно витать над мертвою пустынею; он призван к творческому деянию. Он должен вести, будить инстинкт, быть, как говорил когда-то римский оратор Квинтилиан, «*instinctus divino spiritu...*» (инстинктом, ведомым Божественным духом)*.

Инстинкт не должен идти на поводу у своих разнужданных страстей. Он призван нести бремя мира, служить Божественной ткани мира; обращение его должно быть свободным, творчество — радостным. Потому что чело-

* Слово «инстинкт» происходит от латинского глагола «*instinguere*», что означает побуждать, воодушевлять, подстегивать.

веческий дух есть дух инстинкта, а человеческий инстинкт есть инстинкт духа.

Может, настанет счастливое время, когда люди поймут эту истину, признают ее и примутся за ее претворение в жизнь. Пусть далеко это время, но оно полно прекрасных надежд.

17. ВОПРОС

С первого мгновенья нашего существования и до последнего вздоха, отлетающего от нас, вся наша жизнь — один нескончаемый вопрос. Мы вопрошаем, взывая, умоляя, рыдая, наблюдая, сравнивая, в стихах и песне, в любви и ненависти, стучась в дверь и глядя на часы, просыпаясь и засыпая. Спрашиваем в минуты сомнений, молитвы и веры. И наш последний вздох, по сути, — наш последний вопрос к природе и Богу.

Так что искусство жить есть в то же время и искусство задать вопрос. И если бы знали мы, как правильно его задать, многое в нашей жизни происходило бы по-другому... Так что учите, люди, своих детей умению правильно ставить вопросы!..

Вопрос — это нечто куда более глубокое и значимое, чем просто «вопросительный знак», за которым порой очень мало, а порой и вовсе ничего не стоит. «Вопросительный знак» — это зачастую поверхностное, безразличное краснбайство: спрашивают о нашем здоровье, времяпровождении, вкусах, мнениях без всякого интереса к тому; и как смешны бывают простецы, пытающиеся давать на все это пространные ответы... Ведь в вопросительном тоне не всегда содержится вопрос. Существуют на свете такие скромники, которые выражают свое мнение исключительно в вопросительной тональности: «не правда ли?..» Но есть и деспотические натуры, в вопросах которых чувствуется жесткий подтекст, априори подготавливающий уступку с другой стороны. Есть риторические вопросы, в которых ответ подразумевается сам собой; есть и наводящие вопросы, в которых ответ как бы подыскивается... Все это — голые «вопросительные знаки», за которыми не чувствуется глубокого, священного естества истинного вопроса.

Истинный вопрос требует ответа. Он рождается из внутренней неполноценности нашей сущности, которой

чего-то не хватает и которая как бы протягивает руку за тем, что упущено, чего недостает. В истинном вопросе заложена потребность, голод или жажда, а может быть, страдание или изнеможение. В нем — брешь, которую необходимо заполнить. В нем — слабость, ищущая силы и подкрепления; в нем — неуверенность, незнание, дефицит воображения, достоверности и мощи. Поэтому в каждом зове, в каждой просьбе, в каждом изыскании слышится вопрос; поэтому так часто слышится вопрос в мелодии, которую несут в себе намерения и желания человека; поэтому так деликатно вопрошает любовь и так категорично — ненависть; просыпаясь, мы спрашиваем начинающий свое движение день: «Что ты готовишь мне?», а засыпая, спрашиваем святую мудрость поглощающей нас ночи: «Придет ли утешение хоть во сне?..» Жить — значит спрашивать. Мы спрашиваем от несчастья, мы вопрошаем о счастье; от немощи вопрошаем о здоровье, от мрака — о свете, от сомнений — об очевидности, от страха — о защите. Мы спрашиваем, *потому что дальше без ответа жить не можем*. Так что истинный вопрос — это *борьба, зов и просьба*.

Попытаемся провести грань между глупым и умным, верным и неверным, зрелым и незрелым вопросом.

Глупый вопрос, из-за хаоса в душах, задается обычно наобум и остается ни с чем, т. к. не знает, чего ему недостает, и только ясновидец способен ему помочь, прозрев подоплеку его и вызволив его из хаоса. *Умный* вопрос, наоборот, исходит из внутренне упорядоченного строя и подобен световому лучу прожектора, который знает наверняка, что ему надобно в темных тучах.

Неверный вопрос проистекает из такой же души и не заслуживает ответа, потому что он сам по себе — ничто. *Верный* вопрос рождается в муках, он исходит от людей, которые знают, что такое «духовное убожество», вполне ответственно способны поставить вопрос и понимать всю серьезность его. Такие вопросы заслуживают любовного рассмотрения и совета.

Незрелый вопрос все еще дремлет в душе или едва-едва пробудился; сонно и вяло бродит он в сумерках душевных покоев, избегая опасности попасть в никуда. *Зрелый* вопрос, напротив, бодр и здоров; он требует, он

настаивает, он *полюхает*; он — словно священное пламя, он дышит мощью и отвагой и не успокоится до тех пор, пока не услышит ответа.

Чем значительнее человек, чем большей творческой силой он обладает, тем умнее, вернее, достовернее звучит его вопрос; тем весомее его вопросы в целом и *тем быстрее находят они отклик*. И так везде: среди людей, в природе, в мире божественных сущностей. Гениальный человек как бы держит в своих руках надежные ключи от всех дверей и всех ворот. Если он ставит вопросы своим ближним, они звучат как разъяснение, подсказка, призыв. Если он ставит вопросы природе, его наблюдения и опыты напоминают повеление Али-Бабы: «Сезам, откройся!», как будто природа только этого и ждала и теперь вот с покорной радостью идет в его подчинение. А если он своими пламенными «вопросами» взывает к Всевышнему, молитва его, словно огненный столп, простирается над его головой и приносит ему желанный ответ в образе огненных языков, изливающих на него и свет, и свою благодать.

Истинный вопрос, таким образом, проистекает из *нищеты духа, явного смирения, сжигающей жажды*, а потому уже в самом себе несет благословенность. Потому что вопрос дан человеку как *святое право* и является выражением его достоинства и свободы. Человек призван к вопросу, и только ему одному дано задавать *истинные вопросы*. Смутным томлением, неслышным зовом, беспомощным усилием дышит вопрос, обращенный к природе: священным молчанием вопрошают горы; запахами и красками вопрошают цветы; вопрошающе горят светлячки в траве; смиренно луна вопрошает солнце; вопрошающе глядят на нас животные, обнюхивая друг друга. Но преимущество правильно, истинно поставить вопрос обладает только человек. И этим своим преимуществом он обязан исключительно милости Божией.

А потому вопрошай, человек, — из нищеты духовной, из смирения, жажды познания и дерзновений. Рискини постучаться в священной тиши — и тебе откроется.

18. ОТВЕТ

До чего же мы все горазды на ответ!.. На ответ — без всякой за него ответственности... Только бы не выдать своего невежества! Кто из нас имеет мужество открыто признать: «Я этого не понимаю.., это вне сферы моих познаний.., это для меня темно...» и пр. Кто из нас достаточно скромнен и терпелив, чтобы послушаться советов другого, спокойно поучиться у него уму-разуму, не испытывая скуки или втайне даже чувствуя себя уязвленным?.. Среди нас есть те, кто «знает все» и те, кто «все знают лучше», и едва ли сыщется один, кто вместе с Сократом признает честно лишь то, что он ничего не знает.

Как легкомысленны в ответах люди в большинстве своем!.. Порою кажется, они, как автоматы, несут в себе обойму готовых знаний и трактовок: достаточно нажать на нужную кнопку — и ответ выскакивает с быстротой щелчка. Этот дешевый, лишенный содержания ответ зачастую есть не что иное, как жалкое измышление. Один изобретает, другой хватается за изобретаемое и передает дальше. А приглядеться поближе — это всего лишь общее место, пустые фразы, достойный сожаления продукт современного всезнательства. Из таких вот общих мест, из такого конгломерата пошлостей выстраивает современный мир — страшно сказать! — целые «мировоззрения», которым следуют, которые воспринимают всерьез и восхваляют...

Сегодняшнее человечество зашло в тупик полуобразования и пожинает теперь свои плоды. Полуобразование означает смерть истинной культуры: она «знает» то, чего в действительности не знает, и при этом даже не догадывается о том, что не знает, полагая, что для нее непостижимого нет. Вот тут-то и приходит полный конец истинному знанию. Человек становится претенциозным, самонадеянным, самоуверенным, не замечая того, что черпает свои мнения из чужого источника, что сам к познанию не причастен вовсе, что он превратился в шарманку, которая воспроизводит чужой мотив. Полуобразование живет безжизненной банальностью, лишенной предметной глубины внешнего и внутреннего мира; впадает в самомнение; становится приверженцем пустых идей мнимой культуры. Ей изменяют воля к истине и

достоверность знаний. И какова тогда цена ответу без этой воли и без этой достоверности?..

Ответ ведь призван к выражению правды или, во всяком случае, к поиску правды и изложению ее честно, по совести. Ответ, пренебрегающий всем этим, есть одна мнимость, а не ответ. Кто станет спрашивать, чтобы услышать в ответ банальность? Существует *нравственный минимум содержания вопроса и ответа*. Если такого минимума нет, все становится бессмысленным. Ответ *без воли к правде* — это деморализующе ложное, никому не нужное высказывание. Это как если бы кто-нибудь сказал: «Выслушай и заметь: я сейчас сплету тебе паутину лжи...» Ответ, не предполагающий *достоверности знания*, — это беспочвенная, безответственная болтовня, которую нередко слушают и к которой нередко прибегают, но к культурному творчеству способностей не обнаруживают. Это как если бы кто-нибудь признался: «Я, конечно, смогу ответить на твой строго поставленный вопрос, но ты ответ мой всерьез не принимай, ведь я — чистой вода бахвал...»

Всерьез не воспринимаемый вопрос не заслуживает и серьезного названия: ему недостает накала *истинной мысли и истинного слова*. Кто ставит по-серьезному вопрос, тот жаждет света; свет же исходит от пламени. Поэтому и всякий серьезный ответ должен *светиться* своим внутренним накалом; он должен быть подобен оку, несущему в себе луч очевидности, который он щедро посылает и другим. Серьезный вопрос борется за правду, следовательно, ему будет адекватным тот ответ, который так же серьезно бьется за нее. И на него должен отвечать только тот, кто сам изучил вопрос и кто может сам ответить на него. *Искусство вопроса предполагает мастерство ответа*. Кому же ясно все без труда, тому вовек не одолеть ни этого искусства, ни мастерства.

Вот почему был прав Сократ. Кто хочет истины, тот должен прежде всего знать о своем незнании. Никаких иллюзий! Никаких амбиций на этот счет! Право на ответ надо прежде завоевать. Путь каменист, тернист и труден. Не надо стыдиться своего невежества. Надо раствориться смиренно в нем и осознать его. Что я знаю? Почти ничего. Скорее — совсем ничего. А если даже и знаю что-

то, то только потому, что *предмет сам засветился мне навстречу и даровал свой свет*. Может быть, я не достоин нести этот свет и даровать другим. Может, я только искажу его. А может, потому совсем не важно, что я — знающий, что я знаю его. Важно то, что он на самом деле «таков» и что я могу показать его. Если то, что я показываю и передаю дальше, действительный свет, то это не *мой свет*, а свет, исходящий от сияющего предмета. А то, что именно я его показываю, не столь уж существенно*.

19. ВОСПИТАНИЕ СПОСОБНОСТИ СУЖДЕНИЯ

Человек судит, пока жив, судит сознательно и бессознательно; на словах и в делах; в логических выводах и изворотливости хозяйствования, в религии, политике, искусстве. За каждым шагом, жизненным деянием кроется целый узел невысказанных, порой едва обдуманных, нередко без особых усилий, быстротечных умозаключений. Как правило, эти лишённые всякой логики, далеко не четкие и не тонкие суждения нашего разума, каковыми отличается, например, та же логика. Скорее — это инстинктивно вспыхнувшие суждения пристального взгляда, забот, зависти, страха, своекорыстия, иронии, оценки, неприятия, решительного отказа от какой-нибудь сделки, внезапного оборонительного жеста.

Пока жив человек, он организует, приводит в порядок свой внутренний мир и окружающую его действительность. Приводить в порядок — значит вмешиваться в хаотично-случайный поток жизненных содержаний, значит разделять, выделять, снова соединять, создавая тем самым новую сопринадлежность вещей. Организовывать — значит отличать существенное от несущественного; установить преобладающее над подчиняющимся; придать существенному меру и вес; распределить функции и тем самым создать жизнеспособный организм. Этот процесс суждения есть необходимое, основополагающее отражение жизни.

* Смотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюды 71 «Убеждение» и 73 «Очевидность».

Суждение не есть привилегия абстрактного мышления. Судит всяк человек: образованный и необразованный, умный и глупый, теоретик и практик; всяк делит, связывает, оценивает, обособляет, выделяет существенное и — оформляет, упорядочивает, организует. Искусство увидеть во всем существенное, в соответствии с мерой его сущности сделать все сопричастным одно другому и согласно этой сопричастности строить жизнь есть *искусство суждения*, столь необходимое для *подлинной жизни, творческого созерцания и человеческого счастья*.

Вот почему любой человек призван развивать в себе, в своих детях и учениках способность суждения, да и в других людях, с которыми сталкивает его судьба, он должен укреплять силу суждения. Ведь это искусство лежит в основе всей человеческой культуры.

Воспитание этому должно пройти стадию *аскезы суждения*. Аскеза означает не только упражнение, но и *воздержание, ведущее к более действенному умению*; аскеза — это и *постоянная работа над самосовершенствованием*, ведома чувством ответственности. Аскеза — это выучка лучшему в себе, дисциплинирование и концентрация силы, градация самообладания. И там, где она имеет место, существует *истинная академия*, то, что именуется «*национальным мозгом льва*», оберегается и укрепляется. Ибо аскеза суждения есть верный путь к искусству суждения, то есть к расцвету подлинной культуры.

Итак, прежде всего будить *чувство ответственности!* Где живешь — там и судишь; где судишь — там и несешь ответственность за свои суждения! Ведь любое суждение есть жизненный акт, который проявляется сразу: во благо служит или причиняет вред. А потому — долой всякое безответственное, легкомысленное, надуманное, заносчивое, безапелляционное суждение! Серьезное отношение к жизни начинается с серьезности суждения.

Отсюда проистекает *воля к верному и по-настоящему хорошему суждению*, решимость с осторожностью оперировать им; готовность воздержаться при случае; может, даже испытывать терзание от недостатка убедительности суждений или от обнаружения своей собственной слабости в них.

Начинается же все с вопроса: что требуется от меня для верного суждения? Или: что переделать мне в самом

себе, дабы выносить самостоятельные, верные суждения? Ответ гласит: вынося любое суждение, ты должен *интенционально** *собраться*, сосредоточиться — зажить только одним жизненным содержанием, все остальное отметая в сторону, т. е. сконцентрироваться, погрузиться в то самое содержание, целиком отдавшись ему, как бы пропитавшись им. *Так ты научишься живому, интенсивному восприятию.*

Но это твое восприятие должно еще *соответствовать природе данного предмета*. Для этого ты должен отдать в его распоряжение все свои внешние и внутренние силы: органы чувств, если это потребуется (зрение, слух, обоняние, мускульную энергию, чувствительность к теплу и холоду и пр.); силу воображения и творческую фантазию; все побуждения любви; напряженность и разрядку своих эмоций; чувствами скованное и сверхчувственное мышление, а возможно, даже дела, если понадобится; даже страсти, даже сон, даже еду — *все*. Мнимым и скудным будет твое восприятие, если ты располагаешь только чувственным ощущением и абстрактным мышлением; самое дорогое в жизни ускользнет из твоих суждений. Главное — *быть на высоте того способа бытия, который свойствен данному предмету*, следовать его природе; отдавать ему все, чем располагает диапазон человеческих возможностей, а зачастую — более того. Только таким путем ты подойдешь к предмету, перекинешь к нему надежный мост, дашь ему возможность войти в себя и отыщешь его, *именно его* (а не его одноименного двойника) в сфере твоей вознамерившейся к суждениям души. Если тебе это удастся, можешь быть более-менее уверен, что *сам предмет заговорит в тебе и из себя*. Твое суждение о нем получит теперь шанс стать *его собственным суждением о себе самом*.

И вот ты пытаешься теперь уловить его суть и выразить ее в словах. Нелегкое это дело... Отчасти может повезти, но не сполна; может и не повезти, но опять же не до конца. Очень скоро тебе станет ясно, что целое

* Слово «интенция» происходит от лат. «intendo» и означает *определенное направление и интенсивное напряжение*.

сразу не дается, что его надо разделить и каждую частичку с прежней предосторожностью проанализировать отдельно. Начинается *искусство деления* — существенного и несущественного, с бесконечной проверкой и перепроверкой, с готовностью отринуть достигнутое как нечто случайное и с новыми силами начать заново.

В этом процессе и зарождается *искусство вопроса* — осторожной, предусмотрительной его постановки, когда испытываешь такое чувство, что каждый вопрос исходит как бы из *глубины естества предмета*. Истинный вопрос не произволен, он обусловлен; он не холоден, не вял; он светится и сверлит мозг; он борется, зовет, стучит, требует ответа, и — не зря: с ответом не замедлят.

В этом процессе зарождается и *искусство сомнения*. Я не имею в виду холодное, равнодушное сомнение индифферента: такое сомнение разрушительно, опустошительно, губительно, особенно если оно становится беспредметным, всеобъемлющим и в конечном счете разлагающим самого себя: «я сомневаюсь даже в собственном сомнении...» Нет, я имею в виду *интенциональное, содержательно определенное, предметно мыслимое сомнение*, которое немедленно вызывает стремление к новому, верному восприятию и делает его реальным. Такое сомнение драгоценно, мощно, продуктивно. Оно свойственно великим испытателям и глубоко верующим. Это как бы *творческая душа силы суждения*, источник всякого истинного знания.

Тогда-то и зарождается истинный ответ, исходной позицией которого является предельная честность. Этот ответ есть тоже своего рода процесс, который зародился на заре человеческого познания, продолжается сегодня и будет иметь место всегда. И не потому, что всякое познание относительно и недостоверно, а потому, что ответ, каким бы полным и верным он ни был, никогда не исчерпывает предмета до дна, целиком. Предметный ответ — это как «махровый» цветок, который раскрывается все дальше и глубже, и нет конца лепесткам в полновесной чаше цветка. Такой ответ несет в себе правду, а правда эта как бесконечно разворачивающийся цветок. Главное, что он не иллюзия, не фантазия. Он доподлин-

но есть; он раскрывается *сам*, и соцветие его обретает все большее и большее великолепие.

Вот почему всякому мыслителю по призванию свойственно это как бы вечно развертывающееся, вовне «цветущее» мышление: любое понятие, суждение, слово как бы отверзает новую дверь или множество новых дверей к предметным шахтам, колодцам и источникам. Такие мыслители всегда подлинны, объемно — всегда новы. Никогда — «относительны», никогда — «абсолютны». Такими их создал и дал миру сам Господь. Такими Он замыслил их и ниспослал нам для размышления, чтобы мы во всем угадывали силу Его и присутствие Его и относились к миру как к живому символу, живому иероглифу Божию.

К этому ведет нас действенная аскеза суждения. Она требует, чтобы мы честно признали, где кончаются наши познания, на чем спотыкается наша сила суждения, где иссякает, гаснет. Она учит нас смотреть на свои знания как на еще-не-знание; она ведет нас к вдумчивому, без претензий, мышлению; ведет через очистительные огни вопрошаний и сомнений, критики и споров самих с собой, чтобы мы вышли из этих огней более закаленными и обновленными.

Но аскеза суждения никоим образом не означает безволия в суждении: осторожный человек не лишен воли, а осторожность — это не разлагающий релятивизм или агностицизм. Не есть аскеза и бегство от предмета; наоборот — она означает поджидание его, отважное движение навстречу ему; она требует *его непосредственно*. Она как бы превращает человека в *орудие этого предмета*, в его послушный знак, возможно, даже в рупор его (разумеется, не без извечных поправок в плане человеческой субъективности). Она научает нас искусству незнания, мужеству непонимания, смирению, с которым мы должны всему учиться, красоте, благоговейной отдаче своим поискам, духовным ароматам честного, точного и скромного вопроса. То было школой Сократа, Августина и Декарта.

Итак, аскеза суждения есть не что иное, как *предметная сосредоточенность и ответственность высказывания о воспринятых нами предметных содержаниях*. Все это, ко-

нечно, требует длительного напряжения воли и цепкости внимания — примерно того, что Роден так неуклюже попытался передать в натянутых мускулах и плотно прижатых к тыльной стороне ладони губах мощного атлета²¹. А все потому, что напряжение и сила мысли — не соматической (телесной), как у него, а духовной природы. Аскеза суждения духовна. Она является подготовкой к восприятию *предметности жизни* и притом — во всех областях культуры. Она призвана придать человеку гибкости внутреннего акта, зоркости восприятий, точности в изображении и мышлении. Она воспитывает в нем чувство ответственности и честности, зовет на борьбу с легкомыслием, краснбайством, тщеславием, всезнайством и пр. Одним словом, являет собой *школу истины и культуры*. И там, где над ней работают, где ее практикуют, налицо *подлинная народная академия* — в науке, религии, искусстве, политике, в любой деятельности.

Воспитание силы суждения является сутью *образования интеллекта*. «Образованный» — это не многознайка или всезнайка: загрузка или перегрузка памяти не делает дух человека зрелым. «Многознание уму не научает», — говорил Гераклит*. Истинно образованный интеллект не есть нечто типа Британской энциклопедии или канонического архивного каталога Великих Моголов. Образованный интеллект — это *зрелость суждения и сила суждения*. Ему чуждо авторитарное мышление, потому что он живет *самостоятельным, творческим общением с предметом, который предстоит познавать*. Именно поэтому образование есть прежде всего воспитание к *самостоятельному созерцанию, мышлению и исследованию*. Исследование же не есть монополия научных лабораторий: исследует свои проблемы моряк на корабле, крестьянин на своей полосе, офицер на поле битвы, рабочий у станка, педагог в школе, пастырь, пекущийся о душах своей паствы. Всюду, где человек обращается со своими вопросами к Богу, природе, социальной среде, чтобы обрести

* Я взял редакцию Диогена Лаэртского, кн. IX. I и Афинянина (Athenaeus), кн. XIII, с. 610. Ср. Фрагменты ранних греческих философов. Кн. I. С. 316. 14.

знание, он — мыслитель и исследователь. Потому что знает, говоря словами Аристотеля, что он «свободен от природы»; «раб от природы тот, у кого хватает ума только для понимания чужих мыслей»^{*}.

Примерно то же можно сказать и о *религиозной зрелости* человеческого духа: он и проявляется в осторожных и ответственных суждениях в делах религии (слово «религия» Цицерон выводил от лат. «*relegete*» — совестливые и осторожные замечания о божественных содержаниях жизни). Легкие и быстрые ответы на вопросы веры говорят о детски-наивном (но не по-евангельски «детском») мироощущении, которое не способно что-либо проверить, не знает священных сомнений, не имеет ни малейшего представления о таинственной глубине религиозных обстоятельств. В то время как истинная религиозность начинается с «нищеты духом» («*οι πτωχοι τω πνευματι*» — Мф. 5. 3), то есть с искреннего и смиренного «незнания», с подлинного голода и «жажды» божественных вещей, в результате чего в нем зарождается плодотворное созерцание и вопрошание, удостоверение и сомнение, настоящая честность, которая отменяет и суеверия, и беспочвенный фанатизм. Для болезненного невежественного «мистицизма» двери закрыты, и любое религиозное воззрение, при всей его иррациональности, предстает в безупречности суждений, является зрелым плодом религиозной аскезы.

Нечто подобное видим мы и в *искусстве*. То главное, что художник намеревается сказать своим произведением, есть *глубоко продуманное суждение о вечных сущностях*^{**}. Каждый образ, который он вынашивает и выбирает для главной своей идеи, есть, по сути, осторожное и ответственное суждение. Каждый штрих, каждая краска в его картине, каждый аккорд, каждая модуляция в его сонате, каждая строка его романа, каждый оборот его стиха, каждый наличник его фасада, каждое движение танца — все это есть итог целого ряда созерцающих, вопрошающих, проверяющих, избирательных суждений,

* Аристотель. Политика, I.

** Смотри этюд 35 «О художественном совершенстве».

которые он наверняка не замыслил в логической форме. Истинное искусство проистекает из истинно художественных суждений: художнику приходится говорить «нет» всему, что кажется только «возможностью», до тех пор, пока предметная необходимость не скажет ему своего повелительного «да». Об этом знал Леонардо, который создавал свои шедевры в аскезе суждений так медленно, так нерешительно, так старательно, что многие так и остались незаконченными. Об этом знали все великие поэты и романтики, которые переделывали свои работы по семь-восемь раз (например, Гоголь, создавая свои «Мертвые души»). Вот почему любой творческий художник поджидает очевидность предметности, живя в атмосфере эстетической аскезы суждения. Иначе он не создаст ничего необходимого и вечного, разве что пустые безделушки, всевозможные поделки для развлечения неразборчивых людей.

Те же законы царят и в этике.

Всякое жизненное деяние есть выражение множества суждений, проистекающих из инстинкта самосохранения, из соображений пользы или любви. Любой акт совести есть произвольное суждение, проистекающее из глубин души, об объективно лучшем в жизни*. Не случайно африканский негр выражает на своем языке акт совести «словом, идущим от сердца». Вот почему так существенна этическая аскеза суждения и так важно смирение, которое можно назвать одной из самых значимых добродетелей сознания**. Так раскрывается для нас сокровенный смысл евангельского слова «не судите...» («μη κρίνετε» — Мф. 7.1.), потому что судящему и осуждающему недоступны последние глубины сердца несчастного грешника; и даже профессиональный судья будет только тогда на высоте, когда он постарается проникнуться состоянием правосознания преступника.

То же самое и в политике: любое голосование, любой закон, любая реформа есть заключительная фаза суждения, несущая в себе все звенья в цепи суждений. Эти суждения

* Смотри в моей книге «Поющее сердце» этюд 30 «О совести» и в книге «Вечные основы жизни» ²² гл. IV.

** Смотри ниже этюд 39 «Смирение».

касаются общих содержаний человеческой жизни, чтобы, начав с веры, Отечества, добра и зла, свободы, закончить соображениями пользы. Активный гражданин, идущий на выборы, должен все в основе своей знать, все взвесить, все для себя определить и нести ответственность за принятое решение отдать свой голос. Здесь, как видно, без длительной и продуманной аскезы суждений не обойтись. Значит, целиком был прав Сократ, обращаясь к своим гражданам со своими пытливыми вопросами, сомнениями и дефинициями, чтобы отвратить их от политического всезнайства и поставить на путь истинный аскезы суждения. И если поближе присмотреться, то вряд ли без колебаний можно принять латинский афоризм «*vox populi vox Dei*»²³.

Но поскольку аскеза суждения являет собою истинный фундамент человеческой культуры, то и *народное образование* должно вести неустанную борьбу прежде всего за *личностную полноту суждения*. Это и есть путь к истинному воспитанию, благоразумию и мудрости.

20. СЛОВО

Драгоценная вещь — слово; если им пользоваться, как надо и когда надо, тогда оно *свободно*, тогда оно *истинно*, тогда оно *глубоко* и *искренне*, *огненно* и *могуче*; тогда оно *на грани* дела и само уже есть *дело*. По слову такого рода узнается настоящий, созидательный человек: ему можно верить. И если кому повезло повстречаться с таким человеком, значит, ему выпало счастье в жизни: он сумеет заглянуть в первоисточник истинного слова.

Всем нам надо прежде всего научиться *молчать*: только в молчанье рождается истинное слово. Вы только посмотрите, каким стремительным потоком несется мимо нас обыденщина-жизнь: течет, кипит и крутит; грозно громыкает; то замечает нас, то как бы нас и нет; того гляди — сотрет с лица земли или проглотит. И не утнаться нам за ней в своих переживаниях и в слове. Нам надо научиться чуть отойти подальше от этой жизни, чуть дистанцироваться от нее. Тогда мы потеряем малость, зато обречем многое. Потому что внутри нас, в наших душах, есть другие пространства, а в них — другие и свет, и жизнь. В них нам надо задержаться, осмотреть-

ся и — начать творить. В них — наше собственное место, наши духовные недра, в которых с незапамятных времен лежит Бог знает когда и кем зарытый тайный клад, который нам надо отыскать и сохранить, с ним примириться, черпать из него, творить. Первоисточник истинного слова — тоже здесь...

И если кто захочет клад найти, тот должен полюбить *молчанье*. Пусть внешний мир беснуется, грозит: в своих амбициях он неумерен, и жизнь его порой — одна видимость. И тем не менее с ним нити рвать не следует, не следует и забывать тропинки, ведущие к нему. Нам надо только быть *свободными* от него, свободно ему противостоять. А для этого надо собраться, внутренне подтянуться и — шагнуть в «дом», но только обязательно через тихие двери молчания. Как прекрасно уединение в глухом бору! Как драгоценно безмолвие суровых гор! Как много значат сумерки в притихших храмах!.. И если я в действительности редко этим наслаждаюсь, бессонной ночью я даю волю в себе этому священному мраку. Тогда я молчу, и со мною вместе замолкает мир. Тогда начинается *глубинное внутреннее творчество и созерцание*.

Когда навязчивый дневной диктат спадает, приглушается произвол слишком человеческого сознания и из глубин мнимого «ничто» пробивается новый дневной свет: сокровенный кладезь наших *духовных недр* начинает свою жизнь. И если мы теперь подумали о человеческих интересах и деяниях, то нам они предстанут в новом свете: что нам казалось добрым — покажется безделкой, а что-то, чего не замечали прежде, явится в своем достойном блеске, как если бы открылось в нас невзначай новое око, и *око это не что иное, как наша совесть*. Тогда все образы, зримо проносящиеся в нашем воображении, начинают принимать другие формы и светить нам совершенно по-другому: все, что действительно присуще им, обнаруживается, все, что действительно прекрасно, с радостью выходит на передний план. И даже гораздо глубже, гораздо священнее все это происходит: нам открывается *новое измерение вещей* — сокровенное, духовное, божественное. Весь мир пронизывается божественным

лучом и *освящается*: мы видим вдруг, что доброе и благородное являют собой *объективную сущность мира*; мы научаемся отличать *существенное* от несущественного; мы узнаем, что *существенное бессмертно*, что оно дает *вечную жизнь* и что смерть сметает на своем пути только несущественное. Мы принимаем новую реальность как истину и участвуем в высшем счастье *божественного созерцания**. И новые, правдивые, невысказанные слова начинают шевелиться в сердце нашем и искать выхода наружу.

Но когда мы начинаем говорить, наши обычные слова кажутся нам нередко плоскими, бледными и ветхими, как поношенное платье. Потому что мы уже смотрим по-другому, мы видим нечто новое, существенное, требующее для полноты своего выражения новых, несказанных слов. В молчании и созерцании, в свободе внутреннего уединения и рождаются в нас эти новые, правдивые слова. Появившиеся свободно, они жаждут и своего глубокого излияния; поднявшись из глубины, они и сами становятся глубокими; по-настоящему пережитые и по-серьезному воспринятые, они теперь и откровенны и зажигательны... Им теперь свойственна особая внутренняя сила, сила *убеждения*, сила *характера*. Это действительно зрелые, *действенно могучие слова*; так что каждое слово есть уже и дело.

Словно ведомые внутренним смыслом и внутренней ответственностью, произносятся эти слова, связно выстраиваясь в логическую цепочку. Здесь за каждое «да» сполна отвечают, здесь твердо стоят за каждое «нет». Человек говорит так, как если бы он был не хозяином своего слова, а *служой-носителем* его. И именно поэтому в каждом слове «слышится» сила целостности духа и его грядущих деяний.

Такие слова нужны сегодня миру, чтобы одолеть фантом зла нашего времени. Да и мы все нуждаемся в них, потому что только с ними и благодаря им наступит духовное оздоровление.

* Смотри выше этюд 1 «Жизнь без святыни».

21. ДЕЛО

Должно быть, прозвучит странно, но это факт: огромное количество людей живут без дел. Они живут физически и духовно, но ведь это еще не дело. Они влачат свою жизнь, обремененные заботами и разного рода интересами, и мечтают о потомстве, которое пойдет по их следам. Они торгуют, ткут, хозяйствуют, строят и едва ли думают о том, что дело есть нечто другое, нечто большее, нежели обычное коловращение жизни. Они трудятся, служат, поступают на работу, увольняются, заболевают, лечатся, выздоравливают или умирают, и все для того, чтобы в последний миг понять, что прожили *бездеятельную жизнь*, а жизнь без дел есть сущая бессмыслица.

А дело нашей жизни стоит тем временем у наших ворот и — стучится. Почти любой момент дает нам повод к делу; почти любая жизненная ситуация несет в себе и представляет нам возможность, если не сказать — требует от нас, дела. Но нам, как водится, недостает *рвения* и *радости труда*. Мы как бы ухудшаем свою жизнь. Какая-то скрытая инерция толкает нас; мы идем по давно заведенному, «испытанному», будничному пути, и свернуть нам с него довольно непросто: на нем мы экономим свои силы, плывем без напряжения по течению, несомые волной давно добытых людьми познаний, ставших общим местом, поддерживаемые так называемым общественным мнением. Насколько легче, спокойнее идти этой проторенной стезей: ничего не искать, ничему себя не подвергать, никуда не сворачивать, идешь себе и — иди... Скольких неудобств удастся избежать! Как много ядовитых стрел тебя минуют! Вкушай блаженство незаметной твари, неподвижность тихих вод, покой бездеятельной жизни...

Конечно, с этим можно согласиться, и тем не менее мы утверждаем: *истинная жизнь начинается с дела*.

Что же это — «дело»? И где оно начинается?

Начинается оно там, где, как нечто *само собою разумеющееся*, ищут *верного* пути. Одни не делают этого вовсе, другие — редко. Третьи — всегда. И тот, кто делает это всегда, всю свою жизнь слышит, как дело стучится в дверь: он открывает ее — и вся его жизнь становится делом.

Эти само собою разумеющиеся вопросы и поиски верного пути, из которых, собственно, и вырастает дело, вовсе не означают, что человек все прежде известное и хранимое напрочь отвергает и охотится за каким-то неясным *новым* делом только потому, что оно, видите ли, «новое». И новое может быть неверным, нецелесообразным, ошибочным... И если новому следуют только потому, что оно «новое», то тем самым рвут нити, которые связывают нас с опытом, накопленным нашими прадедами и дедами; утрачивают корни и традиции. А ведь сколько сильных, благородных, священных традиций... Нет-нет, речь идет не о «новом» или «старом», а о *правильном* и *творческом*. Правильное же и творческое нередко состоит из жизнеполагающего сочетания «нового» и «старого»...

Так что дело происходит не из жажды нового, а из настоятельной потребности поступать *творчески* и *предметно*.

Творчески — значит свежо, по-деловому, самостоятельно взвесить стоящие перед тобой жизненные проблемы и сложившуюся ситуацию, найти верное решение и выход; посмотреть на все не закрытыми глазами, не близоруким взором, и не понаслышке узнать, а храбро, незамедлительно приняться за дело, проверяя, исследуя, с прицелом на будущее. И — *по-деловому*, то есть не с прикидкой, выгодно это *тебе* или нет, а с учетом великого общего дела; того, что действительно разрубит узел проблем; чего требует общее благо. И всегда — *самостоятельно*, то есть ты сам должен узнать, увидеть и решить, что делать, за что придется нести ответственность. Эта самостоятельность нередко ведет к *уединению*, к единоличному решению, к ответственности, которую берешь только на себя. Но человек дела, то есть человек волевой, так устроен, что он изначально обладает соответствующим этому характером.

Тем самым дело творческое предполагает *настоящий характер*: активность духа, осанку, поступь; способность целиком и полностью отдаться нужному делу; жить им, сносить последствия его. Не из жажды славы, конечно; потому что слава мимолетна порой; бывает, что дело натывается на противодействие, на разные препятствия, и, будучи тщательно обдуманым и выверенным, тем не

менее терпит провал, а это провоцирует зависть, презрение или злые толки вокруг творческого человека. Тогда ему надо все принимать в расчет и быть готовым к успехам и неудачам, к признательности и неблагодарности, к похвалам и порицанию, к поклонению и поношению. Главное при этом — не дать себя ни подкупить, ни запугать.

Видя такого рода дела, как тут не задаться вопросом: в чем их сила, и где тот последний источник, который питает ее; на какой глубине залегает, чтобы, приподняв ее, как остров из водной стихии, стать незабвенной для того, кто хоть раз пропитался ею? Если мы зададимся таким вопросом, то поступим правильно, потому что всякое верное дело вынашивается *силой духа*, а последний источник ее — во внутреннем, *духовном опыте*, укорененном на той глубине, где жива, откуда светит *религиозная вера*. Любое дело не зависит от мнений людских; а потому оно — *свободно*. Но укоренено оно в последнем и святом измерении предметного созерцания и праведной веры; вот почему оно обязательно и *необходимо* для того, кто к нему приступает.

Истинное дело зарождается из *самостояния человека пред ликом Божиим*. Культура народа есть совокупность таких дел во всех областях жизни. И когда они хлынут потоком, наступает эпоха расцвета народа.

22. СТАНЬ ЦЕЛЬНЫМ!

Расколотый изнутри человек — несчастен и остается таковым даже тогда, когда ему все удастся, когда исполняется его любое желание. Удача не радует его, потому что одна часть его существа не причастна этой радости. Исполнение желаний не приносит ему удовлетворения, потому что даже в желании своем он расколот, а значит, и удовлетворение его не может быть *цельным*. Никакое внешнее везенье не приносит ему блаженства. Никакой жизненный успех не дарует ему счастья покоя. Нет у него для всего этого внутреннего органа; и орган этот именуется *гармонией*, уравновешенной *целостностью* влечений и способностей, *согласием* инстинкта и духа, веры и знания.

Расколотый изнутри человек — несчастен. Вечное недовольство — его удел; вечная и притом безнадежная по-

гоня за новыми радостями — его предназначение. Разочарование подстерегает его на каждом шагу. Разочарованный, ищет он все новых, не испытанных, острых ощущений; измышляет неслыханные возможности; извращает свой вкус, обезображивает искусство и готов воззвать и перерыть все бездны зла, чтобы добыть себе новую «усладу», испробовать новую, доселе небывалую утеху. Ему дано искать и рыться... Расколотый, *сам он не отважится на счастье*, как не узнает никогда и *блаженства*. Тому, кто упивается по частям, не светит упоение; расколотому человеку солнце не смеется...

Было бы крайне неверно толковать это вечное недовольство как признак более утонченной и благородной натуры, не способной довольствоваться «простыми земными радостями». Расколотое сознание — это не высшее достижение, к которому всеми силами надо стремиться; напротив, это — *болезнь духа*, которую надо преодолеть. Нам вовсе не импонирует, что герои Байрона ведут себя так суверенно, как если бы их меланхолия приподнимала их до уровня полубогов. Фаустом Гете мы восхищаемся как сверхчеловеком отнюдь не потому, что в нем «две души», стремящиеся оторваться друг от друга, и что он запродавал себя дьяволу, сулящему земные наслаждения. В XVIII и XIX веках люди имели мужество осознать этот унаследованный ими духовный раскол и громко, вслух, сказать о нем. Но это мужество породило в них самоуверенность, верховную гордыню и вызов, вследствие чего внутренний раскол стал выдаваться и приниматься за некое высокое достижение, за признак «сверхчеловека новой эпохи». Разногласия между верой и рассудком были налицо уже давно. Но теперь стала постепенно складываться *апология распада; неприкрытый бунт против Божественного; вошедшее в систему изгнание из жизни священного; решительный разрыв с христианством*. Глашатаем этого разрыва, в тонах ненависти и упоения, стал в конечном счете Ницше, а свое практическое воплощение и завершение он нашел в событиях последних десятилетий.

Расколотый духовно человек — несчастный человек. Воспринимая *истину*, он даже не может определить, истина это или нет, потому что не способен ухватить целостность очевидности. А если и шевельнется истина в

его сознании, то чувство его молчит, и он не ощущает светоносности ее содержания. Он не умеет владеть своим достоянием, не умеет распоряжаться доставшимся ему богатством. Про свет он «знает» лишь то, что это — свет, но он не созерцает его как свет и не испытывает от него радости. Он вообще теряет веру в то, что может существовать тотальная очевидность. Не признает ее он и у других, встречая ее предположение не без сарказма; а чтобы придать вес этому сарказму, он выдвигает доктрину, согласно которой человек в принципе ничего достоверно знать не может (агностицизм), его удел — все относительно воспринимать и относительно же признавать (релятивизм). Отсюда возникает последовательно воспитуемое малокровие познания, принципиальное «ни да, ни нет», *бегство от очевидности*. Расколотый человек — это духовно обессиленный человек. Своих убеждений у него нет; в вопросах исповедания он немощен; в сфере истины он несостоятелен.

Примерно так обстоят у него дела и в других духовных сферах. Проблему *добра и зла*, например, он подменяет вопросом об относительно полезном и относительно ущербном (утилитаризм) и решает этот вопрос, исходя из случайных, рассудочных соображений. А про себя он думает о том, что «умному человеку» вообще ни к чему заниматься этим вопросом.

В вопросах *Отечества, правосознания, справедливости* он стоит на той же «умной» точке зрения релятивизма; и стоит потому, что его любовь и правосознание расколоты и ослаблены точно так же, как и его очевидность.

С *религией* у него и подавно нет ничего общего, потому что она требует целостной очевидности сердца, не довольствуется никакими частичными «уступками» и «симпатиями». Религиозный человек всегда целостен; человек же расколотый или *нерелигиозен*, или *враждебен религии*.

Только *искусство* он приветствует, особенно если оно забывает о своем великом служении и идет на поводу у его прихотей. Тогда оно неизбежно отрекается от своей здоровой, глубоко укорененной цельности и становится раздробленным само: облекается в свой чувственно-заманчивый наряд; предается дурманящему душу «импрессионизму» или «футуризму»; становится внешне притя-

зательным, надменным, рассчитанным на «нервную щекотку» — только бы не быть «отвергнутым».

В основе такой *выродившейся культуры* лежит *выродившееся бытие*, расколотая, дробная жизнь души, лишенная корней и избегающая всего совершенного. Всю свою жизнь балансирует расколотый человек на грани соображений пользы, которые он именует «разумом», «разумным», и минутных прихотей, которые он не без удовольствия называет «настроением». Если ему удастся сохранить равновесие, его существование можно назвать вполне сносным; если не удастся — остается только посочувствовать ему. С чего начать — он не знает, ибо более глубокие источники и настоящая святость жизни — не для него. Отсюда и «*taedium vitae*» — тяготы жизни.

Даже если и любит, он не до конца уверен, что любит, потому что частична его любовь. А если не любит, то и нелюбовь его так же частична и немногого стоит. Его «да» — половинчатое «да», заигрывающее с «нет». А его «нет» столь же относительно, условно, преходяще и недостоверно. Его слова надо воспринимать чисто фонетически, потому что смысл их неоднозначен, а духовная ценность — величина ускользающая. В любой жизненной ситуации он может поступить «так», а может и «иначе»: в нем стержня нет, и связывать себя в нем нет охоты. В нем нет самой важной, самой драгоценной основы духовного характера — всеобъемлющего, единого, *единственного центра жизни*.

По-настоящему глубоко духовный характер подобен укрепленному городу, в центре которого высится крепость. Здесь стоит Божий храм с алтарем, на котором горит неугасимый огонь. Это — священный центр града; от его огня люди зажигают свои семейные очаги. Здесь собираются все до единого. Здесь принимаются важные решения; отсюда излучается все упорядочивающая главная воля, здесь концентрируется сила, здесь вооружается крепость.

Расколотый человек даже представить себе не может структуру такого личностного характера, такой жизненный ритм. Он находит удовольствие в своем собственном «множестве» изнутри, называя это свое состояние «высшей дифференциацией духа». В нем существуют как бы несколько центров одновременно; каждому из них он

клянется в верности и воображает, что он выше всяких подозрений. Как только один из этих центров оказывается не совсем удобным или пошатнувшимся, он тут же «съезжает на другую квартиру», устраивается там поудобней и пребывает — ничем не связанный, ко всему готовый, ни во что не верующий, ничего не любящий, скорый на предательство, довольный собой. Об истинном своем положении и о своей великой беде он едва ли догадывается.

Этот раскол в современном человеке зародился в то время, когда он отринул авторитарную религию и предался свободе исследования и свободе мысли.. Свобода исследования, на первый взгляд, вроде бы вполне согласуется с христианской религией: ведь Богом было завещано человеку воспринимать Божественное откровение не только из Священного Писания и не только из духовных аспектов жизни — любви, совести, свободы духовного бытия, но и из созерцания всего существующего и заложенного в нем замысла Творца. Но — историческое развитие пошло в русле секуляризованного разлада: церковь не питала доверия к свободно исследующему человеку, а исследующий человек воспринимал оценку церкви как бремя. Он обратился с напряженным любопытством к природе, позабыв о *христианской любви*. Он посвятил себя наблюдению природы, и с завидным упорством культивируя в себе свою наблюдательность, за чувственным миром утратил способность к *христианскому созерцанию*. Он отряхнулся от религиозных предпосылок, как от чего-то эмпирически ненужного или даже как от своего рода помех, и сделал попытку все понять и все объяснить без Бога. В понятии «Бог» как объясняющей гипотезе он уже больше не нуждался, так как усвоил себе, что его собственные «объяснения» тем удачнее, чем дальше он отдаляется от идеи Божественного в принципе. И только философы пока еще продолжали говорить о Боге, однако и их высказывания становились все глуше и глуше; из страха перед рационалистическими барьерами и требованием определенных выводов проблема субстанции постепенно снималась с повестки дня.

Так христианское *созерцание сердцем*, Боголюбивый и Боговзыскующий созерцающий *разум* превратились со

временем в отвлеченный *рассудок*, в сухую, наблюдающую и анализирующую мысль, в беспочвенную индукцию, лишенную созерцания и проникновенности. Испытанный на природе извне этот метод был затем перенесен на внутренний душевно-духовный мир; здесь применение его привело к необратимым результатам: внешние связи чувственного мира устанавливались и получали свою оценку. Скрупулезные наблюдения велись с точки зрения *техники* (а не собственно *истины*). Но за этим ледяным поветрием механистичности мировоззрения утрачивались внутренние реальности духа и тончайшие связи человеческой души. Расколотый человек разбалтывал доктрину раскола применительно к внешнему миру и ронял остатки своей духовности в черством, лишенном созерцания самонаблюдении. *Аналитический разум, беспочвенная и разнузданная воля и бездуховный инстинкт самосохранения* — вот все, что ему оставалось. Все остальное подлежало осмеянию: вера, стыд перед собственным безжизненным сердцем, творческое созерцание как признак «бесплодной фантазии» и пр.

Современный кризис — это *кризис расколотого человека*. И чем раньше мы это поймем, тем лучше для нас. Чем мужественней сформулируем мы этот тезис, чем ближе примем к сердцу и чем скорее сделаем выводы, тем скорее кризис будет преодолен. Человек должен обрести в себе свою цельность. Он должен собрать *disiecta membra*²⁴, разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и воссоединить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу... Тогда рассудок обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. *Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль* — вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все про-

блемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего творческой цельностью.

Заглянувший с надеждой в даль непременно прочтет над тесными вратами будущего простые слова: «Обрети в себе цельность!»

IV. ТЯГОТЫ ЖИЗНИ

23. ХВАЛА ТРУДУ

Есть у людей древняя, как мир, мечта о блаженной стране, где не надо работать, где стоит только пожелать, все дается человеку само собой, без всяких физических и духовных усилий; где счастье подстерегает праздного бездельника на каждом углу, а потому лентяев — пропасть, все предаются извечным своим хотениям... Мечтаньям этим детским не было конца в веках, как нет и по сей день. Обеспеченность, безделье, наслаждение — тут идеал. Проматывание времени — вечное призвание. Бессмысленное накопление жизненной энергии без всякой ее траты и отдачи. Бесцельное прозябание и сибаритство — без любви, без взлетов. Тунеядство в мировом масштабе. Оскудение от переизбытка, пассивное в своем довольстве отупение вместо творческой активности. Подмена радости мелкой прихотью. Измена устремленному, созидательному, «борящему духу» — субстанции мира. Вожденная мечта недочеловека. Презренная утопия барахтающихся в болотной тине лягушек. Вызов Богу...

Оставьте, люди, наконец, сей дурной сон! Поймите: идеал в других сферах! Потому что безделье — это горе, а честный труд — наполовину счастье. Да-да, наполовину. Потому что счастье целиком — не просто честный труд, но — *труд любимый, труд вдохновенный, труд над тканью Божией.*

В последнем по счету веке человечество немало страдало от безработицы. Пора признать и громко заявить, что безработица как таковая, пусть и чрезмерно поддерживаемая субсидиями, унижает человека, делает его глубоко несчастным. Уже одно только то горькое чувство, что «мир не нуждается во мне», что я ему уже не ко

двору, что я гонимая судьбой пылинка*, вызывает в сердце здорового человека целую гамму чувств его личной несостоятельности, приниженности и горечи. Если человек хочет работать — желание вполне естественное для здорового индивида — и при каждой попытке найти работу наталкивается на черствое и холодное «нет», его охватывает отчаяние; он видит, как работают другие, и затаенная злоба поселяется в его сердце. Проходит немного времени, и он, в тенетах зависти и ненависти, начинает помпшлять о мести.

Ах, это вынужденное безделье!.. Весь Божий день проходит впустую, и скука до того одолевает, что человек рад *любому* поводу заполнить эти провалы времени, рад самому *банальному* рассеянию, рад малейшему политическому, а то и вовсе криминальному приключению... Едва ли можно себе вообразить, какие нелепые жизненные комбинации приходят на протяжении суток в голову лентяя, какие «озарения»; сколько выдержки и мужества требуется от него подчас, чтобы устоять против всех этих соблазнов... Отпетый лодырь и битый лентяй, человек уже едва способен преодолеть в себе отвращение ко всему на свете; и печальная реакция на безработицу психологически понятна и... нормальна. Потому что здоровому человеку труд нужен, *как воздух, как самоуважение, как радость, как молитва.*

Представим себе на мгновенье жизнь здорового человеческого организма. В этом живом энергийном центре, в этом временном «*perpetuum mobile*» накапливаются и высвобождаются химические, электрические, психологические и физиологические заряды энергии. Методом строгой аскезы можно снизить их размах, но рост нельзя ни приостановить, ни устранить. Эти инстинктивные скопления, эти нервные напряжения, эти волевые усилия, этот рой мыслей — куда, скажите, все это девать? Все требует ответной реакции, целесообразного применения, осмысленного воплощения; все требует *благословенного труда*. Ведь труд разряжает, раскрепощает, умиротворяет. Прилив нуждается в отливе, чтобы отлив дал

* Смотри в моей книге «Поющее сердце» этюд 10 «Мировая пыль».

снова место для «прилива». Безработная мировая «пыль» должна быть снова включена во всеобщий процесс, иначе она грозит пороками, ущербностью, политическими авантюрами, революцией и войной.

У человека есть здоровая потребность что-то значить; тут главное, чтобы она была в меру и не переросла в тщеславие. Каждое человеческое существо как энергичный центр и как духовный индивид имеет, не без права, притязание себя испытать в жизни и как-то проявить: только проявивший себя человек чего-то стоит! Значит, надо трудиться, в труде себя и показать! Труд и есть то самое жизненное испытание, где уж точно покажешь себя! Здесь мало слова «мочь», оно проблематично; здесь надо реально отдаваться труду, а там глядишь — успех, и ты на деле показал себя. Каждый из нас должен выдержать такое испытание. Каждый из нас должен быть признан, должен обрести уверенность в себе, самоутвердиться, обеспечить своим трудом себя и свою семью. Так разворачивается у людей то инстинктивное самоуважение, которое перерастает затем в чувство собственного духовного достоинства. Так что *поистине всякий успех на земле есть успех труда*.

С этого и начинается *счастье труда*; начинается, но далеко не исчерпывается. В дальнейшем счастье — в общении с природой. Это равно касается крестьянина и лабораторного исследователя, железнодорожника и художника, матроса и врача, фабричного рабочего и священника. У каждого с природой свой язык. Всяк учится у нее, всяк пытается приноровиться к ней, всяк прибегает к ней в своих целях, как бы желая склонить ее. И этот чуткий уговор с природой, это обучение у нее мастерству, это покорение ее является для каждого духовно бодрствующего человека одной из земных его радостей. Осторожно и внимательно входит он в соприкосновение с обступающей его материализованной мудростью, пытается угадать всевозможные комбинации ее и повернуть их себе на пользу. А природа то наказует его, то увещевает, то платит ему сторицею. В труде *природа и культура соединяются тесными узами*, и человеку выпадает радость быть посредником в этом вечном процессе. Мир вертится не зря, не без смысла: он борется за совершенство

хотя бы в том, что позволяет человеку заглянуть в свое устройство и в какой-то мере управлять своим ходом. Человеку дано счастье все с большим результатом и все в больших размерах вкладывать свои трудовые и творческие силы в этот страдающий, борющийся мир, где все еще дремлют необозримые, непредсказуемые возможности культурного повиновения.

Таким образом, труд позволяет *будущему* человеку не только брать, но и *давать*. Каждый человек *берет*: берет у природы и у других — с рождения и до последнего вздоха. Каждый нравственно тонкий человек знает об этом и ощущает это всю свою жизнь. Вот почему живет в нем потребность как-то отплатить за эти дары, превратить одностороннее «взимание» в благодарный обмен. Получение обязывает, отдача облегчает. Но интенсивнее всего человек отдается *в любви и в труде*. Недаром же говорится: «в поте лица своего». Духовный труд изнуряет человека не меньше, чем физический. Каждый благородный человек, получая, старается оправдаться перед природой и своими ближними. И тут он прав. Он «вкладывает себя» в свою ниву, в свой ткацкий станок, в свою книгу — и уже не ощущает себя среди людей «мироедом». Вот где *искупительная благодать труда*.

Но и этим еще не исчерпывается счастье труда. Всякий труд есть исследование, и всякий труд есть расширение человеческого горизонта, человеческих перспектив и человеческой власти. Любой труженик созерцает, приспособляется к природе, имеет дело с новой конъюнктурой мира. В жизни, как и в истории, повторов не бывает. Каждое мгновение ново, небывало своеобразно. Каждое ставит новые задачи и открывает новые постижения. Их надо только ухватить и расшифровать. В быту это именуется «опытом» и «культурными традициями». Но любой жизненный опыт — это кладовая суждений и познаний; а каждая традиция — это драгоценное наследие более ранних откровений. Пока человек жив, он ищет верный путь (по-философски это «метод», от др.-греч. «μεθοδος»). А верный путь — это тот самый путь, который ведет к *предметной субстанции мира*, то есть к *идее Бога*, к *ткани Божией*. Путь этот довольно легкий и близок в

состоянии молитвы и вдохновения. Но его надо отыскать и пойти по нему в буднях труда. И тут не обойтись без мудрости веков, традиций предков, опыта отцов и личной пытливой отдачи труду. Тогда работаешь вместе с остальным человечеством, с радостью впитываешь уже давно добытое как наследство-приданое и чувствуешь себя как бы на гребне волны, как бы последним звеном в цепи этого традиционного «дознания» вещей. И всякое полезное изобретение предстает новодобытым результатом в длинном ряду уже известного.

А как велика радость *творческого труда*! В такой труд человек вкладывает себя целиком; он весь — движение и напряжение, от самых скрытых побуждений инстинкта до самых высших потенций духа. Все востребовано в нем, все собралось, все видит цель; все ищет, созерцает, взывает и предчувствует; все вглядывается в близящуюся даль и напряженно ждет в надежде. В нем вспыхивают искры и исчезают. Священный трепет пронизывает его, как холодком. Дух «уже знает» и «еще не знает»; а сердце в предчувствии поет, уверено в победе. И человек ощущает себя так, как если бы он был орудием высших сил; он сдерживает дыхание, чтобы не сделать невзначай какого-нибудь ложного движения; боится, как бы не оказаться недостойным такого момента; идет восторженно навстречу открывающимся ему предметным потребностям и — счастлив, и — смущен, и — благодарен...

А потом, когда этот труд закончен и новое творение уже видно, человек еще сильнее смущается при мысли, что создал нечто вполне самобытное, ибо, видит Бог, хотел он не столько *самобытности*, сколько *истинности*. И снова и снова перепроверяет себя: не повредило ли самобытное истинному...

А много позже молится в тиши смиренной благодарственной молитвой за то, что и ему удалось «чуть-чуть увековечиться», ибо ничто, поистине ничто не исчезает бесследно в этом мире, любой труд вплетается в его ткань и органически приемлется им... Надо только от души, самозабвенно трудиться, в правильном направлении, всей верой и правдой...

А если этот творческий труд имеет место в сфере *искусства* или воспринимается человеком в рамках определенного художественного измерения, тогда его радость еще больше, потому что художник призван в своих земных усилиях зреть сверхземное и выразить его. Он медитирует *de profundis*²⁵ которую видит, или, точнее, которая захватила его и через него, его труд, жаждет явиться миру — и теперь у него одна забота, одна ответственность: как бы не исказить те предметные содержания, которые увлекли его и открылись ему своими образами и материей искусства...

Такую ответственность несет каждый, кто в своем творчестве одарен особым чутьем к духу художественного. Так, например, садоводство или просто хозяйство могут приобрести художественное измерение, тогда садовник или землевладелец размышляют о своем участке в более глубоких измерениях, придумывают не просто рентабельный, а единый, символически обоснованный план целого и все прочее, что имеет к этому отношение, что выступает как неотъемлемая часть этого целого, объединенного и очерченного общей идеей. Тому, кто не видел еще художественно-символического сада, например, у озера Комо (в Италии), предстоит пережить глубокие, благородно-эстетические впечатления.

Все это создает счастье труда. Кто убедится в этом (а в этом должен убедиться каждый), тому откроется высший смысл человеческого творчества и труда. Кто трудится, тот участвует в *Богоданной ткани мира*, в постижении его, развитии, придании ему еще большего смысла. Кто поступает так, думая не просто о хлебе насущном, но о здоровье, творческой радости, земном счастье, своем личном самоутверждении в мире, своем оправдании пред Лицом Господним, тот с полным основанием может возносить благодарственную молитву *перед началом труда и по его завершении*.

24. БОЖИЙ МУРАВЕЙ

Тост

Дорогие друзья!

До чего же славно, до чего отрадно встретить в жизни праведного, открытого человека! Сразу же ощущаешь себя так, словно в зыбком мареве быта, где все так лживо и лицемерно, так уклончиво и двулично, наткнешься вдруг на прочную скалу, на остров обетованный, на твердый грунт... Такой человек — это характер, исходный пункт, силовой центр, совершенно независимо от того, знает он сам себе цену, и знают ли ему цену другие. Потому что *быть* и *цениться* далеко не одно и то же. Пустых болтунов и превозносят, и поднимают на щит, а благородные молчаливники проходят по жизни незамеченными. Более того, люди закулисно договариваются способствовать друг другу в мнимой прибавочной стоимости и — не безуспешно. А мы, смертные, близорукие и беспомощные, ни вкуса не имеем, чтобы признать поистине полноценное, ни мужества, чтобы отстоять до конца признанное нами же... Вот почему мы нередко проходим мимо настоящего, позволяя фальшивомонетчикам дурачить себя...

Однако истинная стоимость этих прямодушных, праведных и верных не уменьшается от этого. Слепец падает в яму, а прямая дорога ведет в верном направлении. Мнимая величина радуется своему мнимому успеху, а непризнанные или неоцененные остаются истинными носителями жизненных тягот, верными слугами человеческой совести, ткачами Божией ткани.

Но среди них есть на удивление простые и скромные люди. Без особого дара к блеску, без броской творческой мощи, без всяких претензий, тихо и честно, с сокровенным источником любви в себе, следуют они всю свою жизнь своему долгу, как если бы сами они, во всей своей неприметности и обыденности, ничего не значили, а только бы шли прямым, известным только им, *единственно возможным путем*... Только бы своим тихим упорством противостояли они всему лживому и двусмысленному, только бы первыми, молча, поддерживали других, страждущих под тяжким бременем будней...

...Откуда же черпают они, эти непризнанные и недооцененные, силу свою и веру?.. Откуда в них это тихое смирение и это самозабвенное терпение?.. Все — от жен их, которые обслуживают, оберегают, спасают их семейный очаг, прощая многое своим мужьям, все лучшее предоставляя детям, готовые и жизнь отдать, и счастье, если они вдруг заболеют?... Все — от мужчин, которые умеют остаться верными в горе, отречься от карьеры по службе, пренебречь кривой дорогой к легкому успеху; отказаться от размена жизни фальшивой монетой, утопить свое тщеславие в негромком пафосе деяний; все — от неподкупных средних служителей, политиков, связанных партийными узами, храбрых воителей на поле брани?.. Все — от них, которые без чванства и гордыни осторожно несут свою вахту; все от тех, чье нравственное величие неброско; кто прочно проводит борозду жизни на пашне Всевышнего; кто почерпает свои силы из Его таинственного источника?.. Все — от них, кто в годину тяжких испытаний народных и великих бед для государства оказывается храбрейшим из храбрых?..

Все — от них, этих Божьих муравьев!..

Стоишь в один из теплых, тихих, летних вечеров в лесу у мощной муравьиной кучи и смотришь восхищенно на живость этих маленьких чудо-созданий. Сначала замечаешь только общую суматоху, в которой человеку непросто разобраться, но муравьи ориентируются прекрасно. Здесь труд кипит, и все — целесообразно. Остановившись взгляд свой на одном из них и следишь за ходом его действий. Вот он схватил большой сучок, и так и сяк его вертит, а справиться не может; что ж, надо воззвать за помощью к ближнему, пощекотав его чуть-чуть своими усиками; тот мигом все сообразил и кинулся на подмогу. А тут и третий подскочил, и тройка с грузом исчезла в «воротах» здания... И как тут удержаться, чтобы, краснея от стыда, не шевельнуть слегка муравейник?.. Как сумасшедшие, бегут тогда и суется муравьи, брызгая на обидчика кислотой... Все быстро водружается на место, все убрано... А ты, смущенный, тронутый всем этим, тащишься домой с таким чувством, что обидел родное существо; а придя — откроешь книгу о муравьях, прочитаешь об этом сообществе недолговеч-

ных храбрых созданий, да и поблагодаришь Всевышнего за это поучительное зрелище...

Позвольте же мне в нашем тесном кругу, собравшемся, чтобы обсудить новые формы жизни в грядущем, поднять бокал бургундского за этих молчаливых носителей жизненных тягот, за этих верных служителей человеческой совести, за этих скромных, обыкновенных Божьих муравьев, за то, чтобы им открылось однажды, *что* они муравьи, *чью* службу они несут, *чего* они стоят, *что* они могут и *что* им еще предстоит...

25. МУЖЕСТВО ГРАЖДАНИНА

Ах, это мужество: проявляет себя, где хочет, всем импонирует, все признают его, все почитают. А почему? Потому, что в нем отражаются удаль сердца, сила духа, искрометность характера. Случается, не сразу узришь его, но чувствуешь: *тут что-то есть*, тут внутренняя сила бьет, тут индивидуальная реальность налицо; испытываешь какое-то удовольствие, какую-то своеобразную радость, которая и определению-то четкому не поддается. В таких случаях, даже если человек нам неприятен, даже если это враг наш, все равно: окажется он по-настоящему смелым — мы в восхищении от него; или же — скажем прямо, что мужества ему как раз и не хватает; что его поступок и мужеством не назовешь, скорее, это вызывающая дерзость или вовсе граничащая с преступлением ловкость...

То, чем мы подсознательно восхищаемся и что вызывает в нас отраду при виде истинного мужества, есть не что иное, как *разрешившаяся проблема человеческой индивидуальности*. Ведь эту проблему носит в себе каждый из нас, и лежит она на каждом из нас; а именно: *утвердиться в своем достоинстве*, не склониться ни перед трудностями, ни перед опасностями, ни перед устрашениями. Но прежде все мы призваны нести в себе определенное *духовное зерно*, которое не-делимо (буквально: «in-dividuell» — нераздваиваемый, нераскалываемый) во всей своей уже проверенной эффективности и в полной уверенности в своих силах должно олицетворять нашу собственную сущность. Следовательно, мы призваны *соблюдать верность этому зерну*, не предавать его, испове-

доваться ему в своих словах и делах. Если так будет, то наше слово и наше дело будут *мужественны*. Человек станет твердым, и его уже нельзя будет «подточить», нельзя «расколоть». У такого человека будет внутренний стержень, *своя собственная линия, свой духовный профиль*; и чем он мужественнее, тем они четче. Такой человек не упадет, не свалится податливо от собственного бессилия; его не сметут стремительные, грозно несущиеся дикие воды жизни. Он из тех, кто устоит даже тогда, когда «закачается якорь»... Он будет прямо стоять; стоять в своих убеждениях, в своей вере. Он будет стоять, потому что «на другое не способен», будет в полной уверенности, что «Господь поможет ему» (М. Лютер)...

Каким-то явно интуитивным путем мы чувствуем, что этот человек именно таков; что он по большому счету решил уже проблему индивидуального характера, что он уже «созрел», что он сделал *мужество своим бытием, своей установкой, своим делом*. И если эта установка не возмущает нас, если дело его не кажется нам злонамеренным, мы его сразу же воспринимаем с какой-то тайною радостью, с каким-то эстетическим упоением, с какой-то особой духовной отрадой...

Таково свойство мужества — где бы оно ни проявилось. Великолепно оно, как храбрость на поле брани, будь то смелый порыв или осмотрительная выдержка и выжидание. Но великолепно и так называемое «civil-courage» — *гражданское мужество*. Воинская доблесть всегда сопровождается восторгом, а вот для того, чтобы заметить «civil-courage», надо иметь наметанный глаз и вкус. Потому что это мужество всегда в тени, всегда неброско. Толпа проходит с легкостью мимо него, кидаясь лишь на характерность человеческих деяний, то аплодируя им, а то злословя, не постигая внутреннего смысла их и отваги. А еще меньше ценит мужество тот, кто, благодаря ему, победил. Греческий историк Фукидид был первым, кто обнаружил истинное понимание такого мужества. Плутарх тоже является своеобразным певцом и портретистом великих мужей, обладающих гражданским мужеством. Знали ему цену Шекспир, Шиллер, Бетховен. Целую галерею таких образов можно встретить

в истории пророков всех религий, особенно — в истории христианских мучеников.

Гражданское может быть абсолютно аполитичным: культура в целом — религия, наука, искусство, экономика — все требует мужества. Везде, где человек *ищет* и где ему «светит», он постоянно наталкивается на скептически-сомнительное «едва ли» или на жесткое «нет» других индивидов. Добивается ли он очевидности, идет ли только своею дорогой, везде приходится ему бороться с противниками, которые отчасти из личной зависти, отчасти из-за приверженности старине не дают ему развернуться, не дают творить. А бывают и такие типы, которым ничего нигде не светит и которые уже по одной этой причине ненавидят человека только за его убеждения. Сначала они только *перешептываются*, потом *подпускают яду*, потом *открыто строят козни*. Начинается испытание мужеством, духовная драма, о которой другие даже и не подозревают. Но мужественный человек должен и тут устоять, должен удержаться.

Если он толков и совестлив, он прислушивается к своим противникам и не раз взвесит все «за» и «против». Прodelав это, ему остается только одно: *встать на защиту своей очевидности и как можно меньше реагировать на уколы в сердце* — как бы «коркой» его покрыть. Он должен смириться с непониманием, даже, может быть, с одиночеством («splendid isolation»²⁶), и спокойно, уверенно следовать дальше. О горестных минутах сомнений и усталости противники не должны догадываться. А если вдруг остроядовитая стрела клеветы настигнет его, он не должен и глазом моргнуть.

И если даже извне работа не клеится, он начнет ее сызнова, так как изнутри его мужество неколебимо и *глаз видит, какой будет работа по завершении*. А если будет потребность в утешении, он найдет его в изобилии — у Всевышнего, который знает наверняка, зачем он дал ему очевидность и мужество; у своих испытанных друзей, которые знают цену ему и его труду; у своего народа, грядущие поколения которого будут без всякой зависти, благодарственным взором созерцать его образы и в его гражданском мужестве видеть источник силы, ободрения и утешения.

26. МАШИНА

Мы ее изобрели, мы ее сделали частью своей жизни, а теперь она полонила нас и поработила: она обезобразила наши души и выхолостила культуру. И что теперь? То ли нам ее преодолеть и обуздать?.. То ли окончательно покориться?

Очень даже возможно, что мы прежде не видели в ней ни проблемы, ни опасности... Но теперь-то уж пора открыть глаза!..

Природа не знает машины. Она спонтанна и энергична. Она живет непрерывной, величественной, в вечном движении жизнью, расходуя время на свои ближайšie, равно как и свои удаленные цели. Свою глубину она несет с собою и в себе; она всегда знает только «раз», повторений она не знает. Кто разумно созерцает природу, тот, конечно, не может не заметить в ней таинственной, органической целесообразности.

Машина у нас — продукт как бы подмеченный, подслушанный у природы, построенный по ее меркам. Но главное в нем — *органичность жизни* — ушло. Машина — это выкрученный из природы сустав, приспособленный к движению в любое время и по любой надобности. Этот сустав, конечно, мертв, лишен спонтанного привода; это как бы сконструированный скелет движения; готовый для работы модуль, лишенный таинства, связанного с дыханием жизни. Без человека машина — это праздная штукавина, игрушка без применения: ничего не может, ничего не смыслит, ржавеет, распадается, поскольку и цель ее, и назначение, и разумность, и даже ее «*primum movens*»²⁷ не в ней самой, а в человеке. Она как бы его, но в нем она — не мудрость, а ум человеческий. Или, иначе, она — продолжение, «доставление» человеческого тела, но не как органической его сущности, а как бы безжизненного механизма. Это уже далеко не природа; это нечто куда менее значительное, чем человек; это нечто третье; это — претендующая на самостоятельность искусственная (но — не искусство!) вещь, продукт его изобретательности... Она экономит его силы, качественно и количественно поднимает уровень его труда, требуя взамен необычайно много: послу-

шания, внимания, полного переключения души, механизации всего его нутра; если он со всем этим не справляется, она наказывает его бессмысленной тратой сил, увечьем, смертью... Деспотичный друг-товарищ, фатальная забава!

Есть в человеке опасный возбудитель — *аналитический рассудок*, со всем его диктатом, со всем его безудержным тщеславием. Он — сила, способная на чудовищные проделки с нами. Стоит ей взять верх, как все приходит в застой и упадок: прекращается величественное вечное движение в природе, застопоривается дыхание; рушится жизнь; иссякает поток душевных обстоятельств. Все коснеет и разваливается на мелкие, мельчайшие, едва уловимые частицы целостного в прошлом бытия, которое теперь уже мертво и призрачно, однако в образе бесчисленного множества и искусственных сплетений пытается подменить собою живую действительность. Органика утрачена, механика живет и процветает. Вместо того, чтобы иметь дело с Божиим творением, теперь мы имеем дело с человеческим изобретением. А отсюда и те неразрешимые проблемы и трудности, в которых безнадежно путаются в веках философы и математики (элейская школа! Зенон! Кант!)

Рассудочность мышления разрывает время и протяженность, разлагая их на бесконечный ряд статичных мгновений. Быстрая смена этих «остановленных мгновений» должна отныне заменить живое движение (от фотографии — к кино). Ориентированный на чувственное восприятие рассудок вознамерился органику заменить механикой; тем самым он утрачивает представление о протяженности, спонтанности жизни, внутренней целесообразности, длительности дыхания, получая взамен произвольные конструкции, тиражность, скорость, практическую пользу, количественный прирост. Но главное — *сам человек становится подобным механизму*.

Работая за машиной, он должен вживаться в нее, следовать ей, проникаться способом ее существования, подчиняться ее законам. Машина забирает его и принуждает к послушанию. Она гонит, чтобы выиграть во времени и скорости, — гонит и он. Она сосредоточена и напряжена — напряжен и он. Она имеет склонность к усложненности и утонченности — этому должен без остатка

отдаться и он. Машина истощает его. Его сосредоточенность и интенсивность теперь уже на манер механизма; для органической жизни сердца, воображения, мысли, духа ему уже не остается почти ничего. Теперь он уже внимает малейшему требованию машины, и в результате в нем вырабатывается привычка — *нигде особо не задерживаться, мгновенно перестраиваться, поверхностно, автоматически реагировать на окружающее, прислушиваться вовне, пренебрегать собственной, свободной, самостоятельной, жизненно необходимой глубиной*. Жизнь превращается в механическую гонку. Загнанный и затравленный, человек, подобно гончей, начинает быстро, с переборами дышать. Машина становится его владыкой, его вампиром. Он тупеет от нее; становится плоским и бездуховным; превращается в своего рода машину. Все механистичнее работает его мысль, воображение, чувство: быстро, рационалистично, легковерно, поверхностно, обезличенно, общо; все направлено на «скорость» и «количество»; тут уже не до созерцания, не до осмысления и не до творчества; знай себе — «рули».

Такая приверженность, такая установка, такая структура душевного акта могут породить только *мнимую культуру*. Ничего доброго, глубинного, священного тут не получится. Потому что все доброе вызревает в человеке медленно и органично, оно не терпит произвола и подхлестывания; потому что все глубинное проистекает из личностных, таинственных пластов свободно сосредоточенной в себе души; священное же требует постоянного созерцания, длительного, с ровным дыханием покоя, величественной непрерывности бытия в своем движении. На коротком дыхании лишь плоское создается. Вот и ведет нас механизированная культура в болото жизни, лишенной священного, в болото *пошлости*.

Прежде люди странствовали, задерживались в пути, созерцали Богоданный мир, а теперь они мчатся мимо, разве что купив при случае открытку с каким-нибудь пейзажем*. Прежде люди брали в руку перо и писали,

* Смотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюд 55 «Путешествие».

тратили на это время, размышляли; а теперь или на машинке строчат в темпе, или диктуют с ходу всякий вздор бедной, затравленной стенографистке. Прежде ходили в живой театр, соприкасались с настоящим художественным действием, разворачивающимся во времени и пространстве, сопереживали происходящему, а теперь «крутят кино», бегущие кадры ленты, которые бедного зрителя ни к чему не обязывают, после которых он, изрядно поглупев, идет домой. Прежде всей душой отдавались игре на фортепиано, а теперь бряцает вездесущее радио своей «легкой музыкой», и это бряцание мешает нам есть, пить, вести беседу. Прежде ремесленник создавал шедевры — учился, боролся, обдумывал и, наконец, торжествовал победу; теперь изяществу его искусства пришел конец (в машинном грохоте заводов), и там, где оно еще живо, дни его тоже сочтены. Прежде человек-хозяин боролся с природой и многого добивался от нее, учась; теперь он стал рабским аппендиксом машины, довольствуясь ее победным лязгом. Прежде жил человек глубинами своего духа — молился; теперь же он все больше пустопрах, не знающий даже, о чем молиться, потому что машина затмила ему и горний мир, и бездну его духа до основания...

Вот где беда-то, вот в чем опасность. И спасение здесь видится не в отречении от машины — обратного хода нет; ведь машина — это устройство, *экономящее* силы, а экономия сил — это один из основополагающих законов природы и культуры. Машина открывает невиданные возможности более прогрессивного ведения хозяйства, более легкого труда, преодоления природной стихии. От этих возможностей и перспектив человек уже не откажется никогда — просто не сможет отказаться. Он попытается максимально использовать их и реализовать.

Но — ясно одно: если человек не освободится духовно от машины, если не возьмет над нею власть, конец его будет печальным. И власть не в том плане, чтобы *овладеть управлением механизма*, а в плане *духовного подчинения этой степени человеческой цивилизации, освобождения творческого духа от гнета механизма*, гарантии *самостоятельности и органичности* человеческой жизни и труда. Машина не должна диктовать человеку содержа-

ние и ритм жизни. Она не должна оглушать его своим мертвым лязгом, не должна вовлекать его в свою бешеную гонку. Она не должна лишать его дневного покоя природы, драгоценной временной протяженности, свободы созерцания и осмысления. Человек не должен быть *рабом* машины: дух ему дан затем, чтобы стремиться к высшим целям, чтобы машину сделать себе послушной.

Он не должен поддаваться соблазнам изобретения потенциально новых машин. Было бы просто предательством выдумать усыпляющую человечество машину, чтобы урвать себе побольше власти, однако и Альберих, завистливый Нибелунг, и Клингсор²⁸, властолюбивый чародей, уже помышляют об этом. Не стоит сооружать разлагающую атомы машину, чтобы вызвать апокалиптическое крушение мира. Любое новое оружие побуждает человечество к новой войне и навязывает ему свой неумолимый закон. Стоит только вспомнить о том, что тоталитарное государство нового времени своей абсолютной политической машинерией обязано именно машине: преодолевающему пространство самолету и вездесущему радио... Осталось в каждой комнате поставить «все видящий» и «все слышащий прибор» и — прощай, святое одиночество человеческого сердца, механизация покончила и с тобой! Бедное человечество! Злосчастные перспективы! Жалкий финал истории!

Машина не должна человека сковывать, поработать, швырять в преисподнюю; не должна работать вопреки духу. Иначе нам несдобровать на этой земле...

27. НЕРАВНЫЕ БРАТЬЯ

Все жители земли по натуре своей *различны и своеобразны*; и с этим им приходится *без обиняков* смириться. В этом богатейшем своеобразии они должны находить обоюдное удовольствие, превращать его в *благожелательность*. В нем и ключ к правильному решению социальных проблем — необходимая предпосылка, живое целеполагание, без которого все внешние реформы приведут только к разочарованию и разложению... Неравенство не должно разъединять людей или делать их врагами; наоборот, признавая различие друг друга, они должны

объединяться — великая воспитательная задача грядущих поколений!..

Кто видел где-нибудь когда-нибудь двух *одинаковых* людей? А если кто и видел, то одно из двух: или это небывалое, противоестественное «чудо», или ошибка, которую следует признать. Тогда на поверку окажется, что ошибка — это всего лишь поверхностность наблюдений.

Люди по природе неравны, о чем позаботились уже координаты пространства и времени. В пространстве зарождается, живет, формируется их тело; и это сугубо индивидуальное человеческое тело у каждого из нас своеобразно и своеобразно. На земле не сыщется двух одинаковых тел; все разнится — высота, обхват, сила, формы, крепость, пропорции. Разумеется, существует и сходство среди людей, и чем поверхностнее, чем абстрактнее наблюдение, чем больше наблюдатель старается выхватить произвольно из целого отдельное, особенное, тем сильнее «обнаруживается» сходство. Едва ли он откажется от легкомыслия своих занятий, едва ли попытается докопаться до верного в целом восприятия, тем более проникнуться чувством к предмету своих наблюдений. И вот результат: бывшее сходство куда-то пропало, наблюдатель дивится, сердится на свое легкомыслие.

В жизни вообще, в жизни человеческих особей в частности нет никаких отдельных, изолированных друг от друга «деталей» — «штрихов», «линий», «цветов», «длины» и пр. Все здесь существует в нераздельном, сокровенно-органическом контексте единого; и только слабость наших собственных восприятий, бессилие нашего собственного созерцания заставляют толковать о каких-то выхваченных нами особенностях как о чем-то важном и существующем само по себе. Тщета нашего верхоглядства и спекулятивная игра нашего плоского рассудка уводят нас так далеко, что мы начинаем вполне серьезно воспринимать незначительные мелочи вне всякой связи с целостностью*. Общий закон теории познания гласит: *чем поверхностнее, чем пассивнее, чем безответственнее наше наблюдение, тем крепче оно замыкается на случай-*

* Смотри ниже этюд 40 «Утраченная тайна».

ном сходстве, бьющем в глаза; и напротив — чем глубже, чем интенсивнее, чем ответственнее созерцание, тем ярче ощущаем мы своеобразие каждого, единственного в своем роде человека и, следовательно, тем компетентнее, тем справедливее наши суждения о нем и оценки. Культура индивидуализации намного выше, глубже, благороднее и праведнее культуры обобщения и нивелировки, которая к действительности порою не имеет абсолютно никакого отношения, потому что препарирует ее на свой абстрактный склад и лад.

Так, почти каждый день, едва заметно соприкасаемся мы с множеством вовсе незнакомых или едва знакомых нам людей и, возможно, навсегда равнодушно расстаемся с ними, словно так и надо: мы их не знаем, не вкладываем в них себя, а потому нам кажется нередко, что все они как один похожи. И насколько по-другому реагируем мы при встрече дорогого друга или в случае смерти любимого нами человека. Как проникновенно ощущаем мы это уходящее от нас своеобразие, его неповторимость, незаменимость... А все потому, что мы воспринимали его в истинном свете, подходили к его личности с меркой строго индивидуальной, сердцем чуяли, что «подобного ему не будет вовсе»... И эта окрашенная нашим духовным чутьем личностная неповторимость человека — не продукт фантазии, не вымышленный характер: она полностью соответствует человеку; она объективна, взята в контексте его природы.

Словно необъятное поле цветов простирается перед нашим взором многообразие людское. Каждый цветок в нем имеет свою форму; каждый по-своему растет; и один непохож на другой даже среди одного и того же рода. Каждый ведет только ему свойственную жизнь: по-своему распускается, по-своему зацветает, по-своему благоухает, по-своему увядает. Если глядеть издалека, то луч предстает сплошным ковром, в ткани которого цветы и стебли так переплетаются, что и не различишь. А подойдешь поближе, присядешь на корточки — увидишь непроходимый карликовый предвечный лес, а в нем — неисчислимое количество своеобразных растений-индивидов. И несть конца этому царству и этому совершенству каждого в отдельности создания, которое пытается

по-своему жить, по-своему красоваться, благоухать и радоваться жизни... Вот так и люди — в мире в целом и в своих землях... И их различие — добро, поскольку оно превращает мир человека в богатый красками Божий сад.

Своеобразны люди по природе, различны. И если в конституциях государств говорится, что «все равны *перед законом*», это правильно, но только при одном условии: законы в таком случае должны максимально учитывать в своем *содержании* природное и духовное *неравенство* людей. Конституции будут только тогда справедливы, когда исключат все необоснованные, несправедливые, парализующие жизнь привилегии и попытаются по-справедливому распределить груз государственных забот. Многообразие людей при этом не исчезнет, как в тигле, и каждому будет воздаваться в меру его индивидуализации. А мы все призваны, без всякой зависти, довольствоваться этим многоликим своеобразием.

Если приглядеться к богатству земного бытия людей, то первое, что приводит в изумление, — это бесконечная разнообразность, спонтанный размах многообразия, *неустанная и неистощимая мощь индивидуализации*. И чем внимательнее вглядываешься во все это, тем больше немеешь от духовного изумления. А попытаешься чуть глубже заглянуть в неповторимость каждого человеческого создания, проникнуть в сокровенную тайну отдельности его существа, начинаешь понимать *единственность* и *бытия его*, и *судьбы его*, и внутреннего борения, и страданий. И поневоле почувствуешь, что все эти так непохожие друг на друга цветы людские надо оберегать, выхаживать, всячески им помогать, облегчать их удел. И заговорит в тебе потребность как бы привстать на цыпочки и тихо, осторожно, с любовью пройти по миру. И наконец, начнешь понимать индусов, которые никогда не наступят на муравья, провидя хрупкую тайну мироздания в самом крошечном жучке.

Каждый человек несет в себе эту достойную удивления, нуждающуюся в заботе тайну своеобразия душевной жизни и духовно зрелого становления. И тот, кто проникается ею, кто полагает или чувствует эту *тайну*, тот глядит на мир людей как на *истинное чудо Божие*, чудо *богатства*, чудо *глубины*, чудо *свободы*. В таком видении приходит к нему

удовольствие, творчески активная *благожелательность*, и в сердце его уже никогда не найдет себе места зависть.

Понятно, что природное многообразие людей полностью охватывает всевозможные внешние и внутренние различия их сущности, предполагает физическое, душевное и духовное неравенство их, все, чем разнится один человек от другого: физическую силу, красоту, здоровье, привлекательность; такие бытийные на вид способности, как острота чувственного восприятия, внимательность, собранность; такие внутренние задатки, как гармония или дисгармония побудительных мотивов, легкая или не очень приспособляемость, сила характера; способ наблюдать, чувствовать, думать, стремиться; и наконец — религиозные, научные, художественные, педагогические, политические дарования. Все это определяет их коэффициент труда, их профессию, их преуспевание в жизни, их судьбу, их счастье и нередко их социальный статус, их богатство и их бедность.

В строгой зависимости от всего этого существуют две совершенно различные в своей основе установки души: недоброжелательная, недовольная, завистливая и — покровительственная, лишенная зависти, благодатная.

Первая — болезненна, разрушительна*. Судорожно сжимается сердце от сознания своей неполноценности, от ненависти. Она не отдает должного другому человеку ни в чем: ни в его здоровье, ни в стройной стати, ни в чудных глазах, ни в благозвучии голоса. Ей не по нраву в другом его хорошая память, его могучий темперамент, его светлая прямота, его ум и другие духовные качества. Такие люди не хотят смириться с чужим успехом, с чужим счастьем, с чужим благополучием. Они не прощают другому ни доброты его, ни порядочности, ни благочестия. Они не приемлют чужого преимущества, того, что «лучше» и «выше» их. Имеющий предпочтение кажется завистливому сердцу воплощением несправедливости; все, что «лучше», все, что «выше», достойно наказания, если же это невозможно, надо придумать какой-нибудь иной

* Сммотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюд 25 «Зависть».

вид мести. Зависть — это мощный источник вражды, ненависти, социальных раздоров, гражданских войн и революций. Но что понять нетрудно, она, как правило, вызывает к «справедливости», оперирует красивыми словами.

Другая установка — здоровая, лишенная зависти, покровительственная, доброжелательная. Она действует раскрепощающе, освобождаяще, очищающе. Раскрепощающе — потому что отодвигает в сторону тысячи неразрешимых проблем, связанных с чужим преимуществом. В этом случае думаешь: едва ли сыщется на белом свете человек, который бы хоть в чем-то не превосходил меня; даже самый бедный может превзойти меня в доброте и благочестии; даже самый отпетый ненавистник может иметь большой курятник или прекрасный розарий; даже самый тупой может упиваться своей славой, как оперный тенор или как летчик-рекордсмен. И чтоб я завидовал им? Нет уж, увольте! От всех этих мнимых «проблем» надо раз навсегда отрешиться и очистить душу свою. Надо только радоваться тому, что кто-то чем-то обладает, и радоваться от чистого сердца; вот вам и свобода — свобода для чарующего созерцания Богоданного мира, для труда ради него самого, для великого, жизненно важного *социального благоденствия*, для *братского общения* с другими людьми.

Пока я пребываю в зависти к этому красивому, одаренному или богатому человеку, я — жалкий плут, который видит только собственную ущербность и чужое преимущество и который, при вычитании самого себя из мнимой прибавочной стоимости другого, судорожно сжимается. Чужая *красота* — все-таки *красота*, и я обязан ценить ее и ею наслаждаться. Чужая одаренность есть Божий дар, которому и мне позволительно радоваться. Чужое богатство — это великая общественная сила, которую необходимо с помощью *духовного воспитания богатого человека* поставить на службу культуре. На все это способен только тот, кто начисто лишен зависти. Только у него не сжимается его открытое сердце; только он способен радоваться ценности в жизни — в том числе и чужой. Только он настолько свободен от мнений других, что не испытывает необходимости ни порочить других, ни ненавидеть:

он способен жить *сам по себе*; ему нет нужды «упразднить» других; он может (и умеет) возвести такую надстройку своего духа, которая позволяет ему прильнуть к истинным истокам истинной солидарности. Только вокруг него социальный воздух и чист, и свободен, ведь он наполняет и освящает его своею открытостью, своею благодатью.

Тщетно разглагольствует завистник о человеческом братстве. Все это мертвый звук, за которым скрывает он свою ненависть, витийствует, чтобы завуалировать свою черствость. Завидуя другому, не станешь ему братом; врагом же — да. Завистник и понятия о братстве не имеет, потому что настоящий брат благожелателен и зависти лишен. Бедное «братство» — затертое, бессмысленное, развенчанное в своем значении слово, которым чернит завистник и честолюбец себя и белый свет. Брата находят по *отцу*, а тот, кто отрекается от *отца*, теряет и брата, и братство. Вот в этом и заключается смысл евангельских слов: человек должен вначале созерцать и любить Бога, чтобы через эту любовь к Отцу признать людей как созданных и освященных им братьев²⁹. Отвергающему свое *сыновство* лучше не говорить о *братстве*: древнее, истинное, глубинное в своем значении слово он лишит и смысла, и святости.

Путь к общественному благополучию ведет через искреннее примирение с неравенством и через лишенную всякой зависти доброжелательную установку души. Неравенство людей — благо, потому что именно оно превращает землю в богатый, ярко расцвеченный Божий сад. И дело здесь не в том, чтобы подменить жестокую эксплуатацию человека человеком искусственной и насильственной унификацией; нет — этим природное неравенство не устранишь, а злонамеренное, завистливое сердце и при любой унификации изыщет возможности для эксплуатации и будет проводить ее на деле. Все дело в том, чтобы преодолеть эту злонамеренную завистливую «волю к эксплуатации» так, чтобы неравенство людей получило свой творческий, жизненно важный, реальный смысл. *Погасив в себе зависть*, мы встанем на истинный путь *социального благополучия* и, *исключив неправедность эксплуатации*, *придем к общественно-устойчивому благоденствию*.

Ведь где-то там, на подступах к вратам грядущего, начертано о *братском единении неравных людей*, а не о *насильственной унификации пылающих ненавистью завистников*.

28. О СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ

В сегодняшнем мире идут поиски новых, справедливых и общественных форм хозяйствования. Если попытаться уловить сущность этих не без борьбы идущих поисков, можно прийти к ряду основополагающих принципов; предлагаем некоторые в качестве совета.

В том, что человек хозяйствует на земле исключительно из инстинкта самосохранения, едва ли кто усомнится. Инстинкт самосохранения остается главным стимулом к хозяйственному труду даже тогда, когда к нему примыкают потребности пола, социальной значимости, власти и пр. В целом все это — *инстинктивные человеческие побуждения*, а поэтому было бы разумным не отрывать хозяйственную деятельность человека от его *инстинктов*. Здоровый человеческий инстинкт вбирает в себя хозяйственные усилия, подвигает к ним, заставляет мириться с ними; он чувствует интерес к результатам своего труда; стремится непосредственно к успехам в этой сфере деятельности и при удачах испытывает радость от нее. Вот почему все организованные формы хозяйства, которые пренебрегают (или вообще исключают) инстинктом самосохранения, не благоприятствуют хозяйственному процессу.

История капиталистической экономики (XIX — XX вв.) иллюстрирует этот тезис весьма наглядно. Незаинтересованный инстинктивно в капиталистическом производстве пролетариат сначала колотит машины, а потом принимается за забастовки, саботаж, интернациональные классовые организации и революционное движение. Одобрять столь нездоровое развитие, делать из нужды добродетель, заниматься пролетаризацией людей — дело в корне неверное. Возвести в систему пренебрежение к инстинкту личности, всех обобрав и сделав поденщиками государства — одна из грубых ошибок истории: тоталитарное государство в ходе своего становления создает пропасть между хозяйственной деятельностью человека и его инстинктом; оно исключает свободу инициативы, снижает хо-

зяйственные потенции инстинкта и в государственном капитализме обобщает ошибки капитализма частного.

Вот почему все мероприятия, направленные на то, чтобы инстинкт индивида снова увязать с хозяйственным процессом, соответствуют и человеческой природе, и общественной экономике: тут и участие рабочего в распределении доходов труда; тут и органическое влечение пролетария в ткань «своего» предприятия; тут и солидаризация работодателей и наемных. Это и распределение земельных богатств: каждый лишившийся корней (читай — своей земли) человек должен снова укорениться в ней — получить свое кровное и построить свой дом. Человеческий инстинкт хочет иметь *«realia»*³⁰ и честно вкладывать себя в нее. Все это заложено в его природе.

Так не заблуждение ли вести хозяйство без учета человеческого инстинкта или вопреки ему? И не заблуждение ли сводить в целом хозяйственный процесс к голому инстинкту, препоручив его напору индивида без тормозов? Не сдерживаемый в таком случае инстинкт тщеславен и эгоистичен и в своем зачастую наивном самолюбии близорук, нещаден, разнуздан. Даже если хозяйство есть дело сугубо личное, дело одного человека, все равно его нельзя предоставить на усмотрение этого нещадного инстинкта, чтобы не получилось разбойного хозяйства, то есть безжалостной, безответственной эксплуатации природы. В реальности хозяйство есть социальный процесс, в котором взаимодействие людей и их трудовой вклад настоятельно требуют ответственности и солидарности. Настроенный на разбой и эксплуатацию инстинкт, бездуховный и бездумный, не может стать здесь решающим, иначе будут неизбежными «асоциальные» и «антисоциальные» ситуации.

Однако это означает, что хозяйственный либерализм с его верой в саморегулирование свободной игры сил и в спонтанное равновесие, образующееся в результате конкуренции множества хозяйственников, упускает из виду добрую половину истины. Непригодными оказываются оба момента: *хозяйствование вопреки природному инстинкту и хозяйствование благодаря голому, не знающему тормозов инстинкту самосохранения. Другими словами, хозяйствование без свободы порождает противоестествен-*

ный рабский труд; хозяйствование без обуздания инстинкта ведет к противодуховному антисоциуму.

Значит, природа требует свободы, частной инициативы и частной собственности. А дух требует правильного, социального оперирования этими аспектами. Конечно, было бы неправомерным искоренять злоупотребление свободой и частной собственностью методом подавления и экспроприации, равно как и предавать свободу и частную собственность в «руки» бессердечного бездуховного инстинкта, способного на все. Здесь нет дилеммы типа *или свобода без границ, или тоталитарный гнет*. Кто хочет подойти к решению социальной проблемы, тот должен раз навсегда покончить с мнимостью этой дилеммы, т. к. решение здесь возможно лишь третьим способом: *как можно больше осмотрительности в плане свободы, как можно больше социальной ответственности и организованности.*

Мы все зависимы в хозяйственном аспекте, но эта зависимость не правомочна отнять нашу свободу или отменить. Хозяйственная свобода стоит в прямой, четкой зависимости от свободы духовной и политической: там, где всем без остатка заправляет монопольно хозяйствующий государственный аппарат, там все послушно и запугано, там лишь рабы государства, которые не могут свободно верить и думать, а тем более — свободно действовать. Это — крепостные государства, которое их всячески третирует. Все становятся неимущими «пациентами» верховной власти, которая лишила своих «бобылей», как несостоятельных, гражданских прав, опекает их, как неполноценных, и эксплуатирует, как беззащитных. Хозяйственная зависимость нигде так не обременительна, не тягостна, не безнадежна, как в монополистическом государстве; и человек поневоле начинает вздыхать по той относительной зависимости, которая имеет место в буржуазных странах. *Нет социума без свободы. Как нет его и не без обоснованной увязки с голым инстинктом.*

Но как добиться этой увязки и этой обоснованности? Что входит в понятие ее? Вот немаловажные вопросы современности и будущего.

Чтобы правильно ответить на них, надо сначала отбросить все бойкие планы (с их доктринерством) и все аффектированные рецепты (ненависть, злопамятность,

мечь). Свобода не должна утонуть в этой увязке, а последняя не должна подменить свободу. Было бы, пожалуй, эмпирически разумным и политически мудрым вообще не думать о какой-то единой системе, подходящей для всех государств и всех времен. Нет единой панацеи для хозяйственной политики. Даже в медицине нет таковой. Каждое государство в учреждении новых общественных отношений вынуждено идти своим *собственным* путем, учиться у других, но не следовать в слепом рвении за ними. Тупая вера в счастливую систему должна раз навсегда покинуть людские головы как признак опасного заблуждения, как следствие недостатка просвещенности. Но общая руководящая линия поисков подлинного социума должна, конечно, быть.

Для стимулирующей увязки инстинкта с хозяйственной деятельностью людей необходимы три существенных фактора, три фактические власти: *власть личностного труда, власть общественного мнения и власть государства*. В том, что эти три фактора задействованы в общем, вряд ли приходится сомневаться, и тем не менее каждый народ сам определяет для себя, какой из них является для него наиболее приемлемым.

Что касается личностной власти духа — сердца, совести, чувства справедливости, любви к Родине и непосредственно коммуникабельности, то в будущем придется считаться с той аксиомой, с тем фундаментальным положением, что *хозяйствование никоим образом не есть деятельность, безотносительная к нравственности*. Укорененная в инстинкте и проистекающая из него, она должна *регулироваться духовностью*; ни в теории, ни на практике она не должна рассматриваться как нечто стихийное, самовластное, *выходящее за этические рамки*. Бездуховный инстинкт культуру не создаст, и вообще ничего не создаст ни в какой области. Хозяйствование не должно рассматриваться и как *природно обусловленное*, но *духовно разнузданное* делание, когда человеком правит исключительно корысть и ничего другого он не видит. Ведь в таком случае «свободно» пребывающее, *духом не связанное хозяйствование удовлетворяло бы только природным запросам, о культуре не было бы и речи*. Значит, думать так — неверно, опасно, даже фатально. Человеческий дух

вынужден свой хозяйственный инстинкт держать под контролем, ставить ему пределы, держать в подчинении. Хозяйственная деятельность индивида и общества *не может быть автономной сферой инстинктивной корысти*. К такому мнению и к такой точке зрения надо приучать человека, начиная со школьных азов; надо воочию убедить его в том, что хозяйство — это *социальный процесс* и что именно это обстоятельство *обязывает человека к социальной ответственности*.

Нечто подобное имеет место и в частной собственности — незыблемой основе жизни*, которую никому не искоренить во веки веков, даже в коммунистическом государстве. Но *внутренняя установка* людей на частную собственность требует *обновления*. Человек должен подходить к собственности с двух сторон: со стороны *дающего свободу права* и со стороны *связующего долга*. Частная собственность не дает в руки человеку бразды самовластья. Он владеет ею не благодаря себе и не *ради* себя самого. Она на него возложена, за ним признана, ему гарантирована, твердо дана только потому, что она признана, почитаема и неприкосновенна во мнении других людей, то есть живет лояльностью других и живет до тех пор, пока эта лояльность не иссякнет. Социально обусловленная и социально гарантированная *частная собственность обязывает к солидарности*, к социальной трактовке ее и практическому воплощению. И чем больше собственности, чем богаче человек, тем выше его общественный долг даже тогда, когда со стороны государства нет никакой позитивно-правовой поддержки (в плане законов и других норм).

К такому мнению и к такой точке зрения надо готовить людей с детства; надо воочию показать им, что *частная собственность обязывает, что частное право должно восприниматься как общественный долг и воплощаться на деле* даже тогда, когда со стороны государства нет в этом плане никаких четко выраженных предписаний.

Чем основательнее, чем ошутимее это убеждение в народе, тем ярче проявление власти *свободного духа* в со-

* Смотри в моей книге «Вечные основы жизни», гл. 9.

здании новых общественных отношений, тем действеннее в этом контексте влияние *общественного мнения*; тем меньше поводов у государства хвататься за ограничительные, запретительные и принудительные меры, чтобы укрепить пошатнувшиеся моральные устои человека и поддержать общественное мнение. Преодоление с помощью свободного духа грубой корысти сделает в конечном счете социальное законотворчество естественной нормой народной нравственности, потому что там, где народ с открытым сердцем, живою совестью, братскими узами и честным правосознанием, государству не придется принудительно бороться с несправедливостью и эксплуатацией среди людей; ему тогда достаточно ясно сформулировать чувство всеобщей справедливости и объединить народ.

Отсюда видно, какое значение следует придавать *будущему воспитанию* в деле решения социальных проблем. Это та самая *детская*, которая в своем лоне должна растить и пестовать будущее счастье человечества. Социальные чувства и мысли должны как бы вливаться в душу ребенка с молоком матери и позже проявляться в жизни как нечто само собою разумеющееся и задающее меру.

Перед взором ребенка надо развернуть всю картину взаимности («обоюдности»): право на *внимание* предполагает мгновенную, *собранную реакцию* на него, а это уже искусство *проникаться чужим интересом, искусство живой солидарности*. Будущее человечество должно быть воспитано в духе *активной солидарности*.

Эта активная, творческая солидарность касается как личной, так и общественной жизни. Чем больше считается человек с интересами своего ближнего и своего противника, тем он милее им, тем быстрее сходится с ними, находит единодушие и поддержку в мыслях и в делах. Тогда уходит из жизни шикана*, гаснет тупая своекорыстность и для человека открывается *необозримое поле благожелательности и солидарности*. Но это вживание чужих интересов в свои собственные должно иметь ме-

* Преднамеренно бесцеремонное злоупотребление собственным правом в ущерб другому.

сто не только в отношении уже знакомых нам людей, но и незнакомых, так называемой общественности, в особенности же — к своему народу и своей стране. Тогда человек поймет, что он не может развивать свою деятельность за счет обманутой или полуобманутой им общественности и что его фирма из-за высоких дивидендов не должна быть во вред его народу и стране. В жизни бывают всякие методы хозяйствования: безжалостные, эксплуататорские, коррупционные, предательские по отношению к своему Отечеству; и только правильное воспитание народа в должном направлении сможет положительно справиться с задачей выбора верного пути.

Надо с детства внушать человеку, что *эксплуаторское хозяйство недостойно его* и что старание одного перещеголять другого принижает и компрометирует не только последнего, но и первого. Правомерность получения прибыли можно оценивать и с другой стороны, со стороны не только социума, но и природы. Надо по-новому относиться к природе, надо внимать ей, внедряя новшества изобретений, применяя методы интенсификации и рационализации экономики, открывая новые производственные мощности, новые рынки сбыта и пр., не спекулируя при этом на нищете наемных работников и методах потогонной системы. Чуткое обращение с природой вознаграждается богатством; и это богатство почетно. При дурном обращении человеку приходится «выжимать» это богатство или вовсе лишаться его; и такое богатство порочно.

Подсознательное, но широко распространенное мнение в народе подтверждает этот тезис: все как-то знают, откуда приходит богатство; считают похвальным богатство социальное и честным путем заработанное; считают зазорной роскошь антисоциальных, бесстыжих нуворишей. Неравенство возможностей народ далеко не всегда воспринимает с чувством недовольства и зависти, поскольку каждый где-то в глубине души понимает, что равенство в обладании имуществом и недостижимо, и неосуществимо; в принципе это абсолютно верно: нигде в мире — даже в коммунистическом государстве — нет равенства в собственности и благоденствии. А поэтому бы-

ло бы в корне неверным решать этот социальный вопрос методом имущественной нивелировки.

«Социальные обстоятельства» вовсе не означают, что всех гребут под одну гребенку, все народное богатство распределяют «по головам» и каждую субботу глядят, есть ли какой доход, чтобы опять же ровненько его распределить, положив начало новому неравенству. Об этом может мечтать только безнадежный в своей ограниченности завистник, который еще ни разу не испытал массовой экспроприации на своей шкуре. Из такого распределения и контроля может зародиться только всеобщее горе и нужда: страх перед любой инвестицией, отток способных людей из хозяйственной сферы, всеобщее утаивание резервов, противоречивость финансовых показателей, повальное недоверие людей друг к другу, вторжение налоговой полиции в личную жизнь граждан и наконец — экономический застой и длительное, тусклое прозябание в аду антисоциума. Все это вроде бы хорошо известно из опыта прошлых столетий. Нивелировку имущества проводить не следует, потому что она противна и природе, и свободе; а если где-то и пойдут на это, то очень скоро поймут все те ужасные и безрезультатные последствия, перед которыми их поставит жизнь...

«Социальные обстоятельства» предполагают нечто совсем другое.

Надо прежде всего изжить, преодолеть барьеры жесткого обоюдного равенства*. Каждый, кто *не успел включиться* в хозяйственный процесс и добывание хлеба или кто *временно выключился из него*, должен знать, что существуют профессиональные и межпрофессиональные организации, которые по-деловому, доброжелательно помогут ему в такой ситуации. Имеются в виду не те «благотворительные» (контролирующие и унижающие человека!) организации, а организации и акции солидарности, которые занимаются вопросами трудоспособности, дают консультации отпускают кредиты, предоставляют работу («право на включение» в сферу производства).

* Смотри в моей книге «Поющее сердце» этюд 2 «О справедливости».

Бедные из этого числа не исключаются. Но планка «бедности» должна в стране соответственно понизиться, чтобы даже самые бедные слои могли существовать сносно. Самый бедный должен быть уверен в том, что и ему светит какой-то новый уровень («право на минимум существования»). На этом этапе и благотворительные организации будут к месту.

В стране не должно быть заброшенных людей — ни детей, ни больных, ни старых. Каждый должен знать, что если ему не повезет и он окажется без поддержки, ему помогут общественные организации, и не столько из соображений покровительственных, сколько по праву («право на потерю кормильца»).

В стране не должно быть постоянной безработицы со всеми ее духовными, моральными и экономическими издержками. Так называемые пособия делу не помогут, потому что речь идет не о сегодняшнем дне, а об уверенности человека в своем благополучии завтра, то есть в постоянном жизнеобеспечении; речь идет о достоинстве человека — он же не пылинка мироздания* («право на труд»).

Социальный подъем из «низов» в «верхи» надо сделать по возможности доступным. Ни происхождение, ни имущественное положение, ни даже конфессия или партийная принадлежность не должны быть тормозом возможностей для толкового человека. По-настоящему способные должны быстро продвигаться вперед. Конкретный отбор деловых данных и добродетелей должен идти беспрепятственно, сам собой. Качество должно выказать себя и заставить признать себя. Честный труд будет ему наградой («право на уважение»).

Если бы все эти старания удалось реально провести в жизнь, воцарилось бы общество, которого не достигнуть вовек всем мировым революциям, вместе взятым.

* Смотри в моей книге «Поющее сердце» этюд 10 «Мировая пыль».

V. О ТВОРЧЕСКОЙ ЖИЗНИ

29. ТВОРЧЕСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Вот кто с полным правом притязает на свободы. *Вот кто* добивается ее. *Вот кому* ее надо предоставить, чтобы никто не смел ему ничего предписывать, чтобы никакая земная власть не смела ему ничего запрещать... Не смела давать указаний, что он «должен», что «обязан», чего не «должен» и пр. Любая цензура парализует его творчество; любое предписание лишает его вдохновения. Любой запрет — это уже притязание лично на него; любое ограничение — это уже поклеп на него. Ему должна быть предоставлена полная свобода и свобода — во всем.

Более того: надо делать все возможное, чтобы расширить ему его земные *возможности*, облегчить ему жизнь. Нужен ему творческий покой — надо его ему предоставить; нужна ему мраморная глыба, чтобы высечь из нее «Давида» Микеланджело, надо доставить ее ему в мастерскую. Мечтает он о новой скрипке, поющей голосом ангела, надо идти навстречу этой мечте. Нужен ему в лаборатории новый прибор для фиксации человеческой ауры, надо сделать все, чтобы желание это сбылось. Надо облегчить ему общение с внешней средой — будь то природа или человек. Надо избавить его от нужды. Надо оградить его от навязчивых людей. Надо, чтобы он не искал, как Леонардо да Винчи, случайного заработка в ущерб своему призванию. Надо, чтобы он не бился всю жизнь с долгами, как это было с Бетховеном и Достоевским. Нельзя, чтобы он, как Шопен, преждевременно ушел из жизни. Нельзя, чтобы он, как Пушкин и Лермонтов, из-за каких-то черных интриг стал жертвой поединка. Надо обезопасить его жизненный путь, чтобы он свободно творил в своем вдохновении, создавал все лучшее, оставляя свой след в веках. Ведь он — Божественный ключ, говору и мелодии которого внимают ангелы.

Аристотель как-то сказал, что человек от природы свободен, если он способен иметь *свои мысли*, а не просто перенимать чужие. Но если он от природы свободен, значит, ему нужен «досуг», чтобы вынашивать эти собственные и, как видно, творческие мысли. Речь, конечно, идет не столько о мыслях как таковых (в бытийном

смысле этого слова), сколько об идеях и концепциях, которые *по-новому подслушаны у сущности мира*.

«Досуг» рабочего человека — это или безделье, или развлечение, или спорт, или дрема. «Досуг» творческого человека — это сосредоточенность, напряженность, труд; это истинное деяние, преисполненное или высочайшей муки, или неиспытанного блаженства. В своем «досуге» творческий человек отменяет от себя все незначительное, все механистичное, все случайное и живет органичным, необходимым, существенным. Он выходит из состояния рассеяния. Освобождает себя от капризов и внешнего произвола своего «я». Заглядывает глубоко в себя, но не в сферу своих субъективных переживаний, воспоминаний и фантазий, а в сферу предметного бытия, чтобы узреть, ухватить его сущность и выразить ее в нужной форме. Для внешне ближайшего окружения его тогда как бы и нет, потому что он существует в мире других измерений, из-за чего и слывет нередко мечтателем или «грезящим поэтом»^{*}.

И только очень немногие догадываются о том, что он переживает и что в нем происходит; не многие знают, что внешняя свобода и отстраненность нужны ему для того, чтобы поставить их на службу какой-то *внутренней связующей необходимости*, и что его «досуг» (Пушкин называл его «ленью») заполнен напряженным вглядыванием и вслушиванием. И получается, что он, будучи свободным, *связан как никто другой*; а свобода его служит для постижения *внутренней необходимости и следования ей*. Ему не приходится ничего выдумывать; ничего изобретать по своему хотению или «конструировать». Он только созерцает и вслушивается. И в это состояние он погружен до тех пор, пока не *явится «Оно»*. Пока не заявит о себе. Пока не захватит и не заполнит собою его целиком. Пока не засветится в нем, не предстанет во всей своей очевидности. В таком состоянии он остается долго, до тех пор, пока воля этого «Оно» не заставит его заговорить о себе, пока он не почувствует себя готовым

^{*} Смотри этюд «Созерцающий поэт» в моей книге «Поющее сердце».

стать его дыханием, его орудием. Только тогда он может излить пережитое им созерцание в форме стиха, романа, сонаты, статуи, картины, научного трактата, философского эссе, религиозного созерцания, проповеди, нового закона или обдуманного совестливого поступка. И все это возникает *через* него, а не только из него. Тогда он — поистине цевница³¹ своего предмета, а может быть, и арфа Божия.

То, что он ощущает и созерцает, есть объективная, предметная сущность бытия, в которую должен проникнуть человек. Причем *каждый* человек, *каждый* из нас, потому что все мы призваны жить на земле *из* субстанции и *для* субстанции. Наше земное бытие состоит из двух элементов: из мощного, стремительного, как поток, *хаоса случайной пыли* и из сокровенно сияющей и тихо взывающей субстанциональной *ткани*. Смысл жизни состоит в том, чтобы мы преодолели эту характерную пыль случайных единичностей, пробились к этой субстанциональной ткани и закрепились в ней. Каждый из нас бредет как бы в ночи, как бы объятый тьмою: кругом такая жуть, и только звезды россыпью мерцают и влекут нас.

Значит, нам надо как-то свести все эти точки в себе в единый источник света, и будет день. Возможно, большинство из нас так и идет по жизни, словно в ночи, на ощупь; и день приходит только после смерти...

Беспомощны мы, люди, в этом мраке; а многие и не подозревают, как они бессильны и как нужна им помощь. Нет ее — как будто так и надо. Но люди творческие могли бы им помочь. А помочь надо, не дожидаясь зова от тех, кто нуждается, и от тех, кто не понял пока, чего им не хватает. Творческие люди должны созерцать и наделять, раздавать свои дары и рассылать свои лучи, как водится, непрощеными и часто бывают отвергаемы и даже побиваемы за это камнями. Первый луч вносит в людей беспокойство, второй — вызывает раздражение, третий — уязвляет, четвертый — пробуждает, все прочие согревают и исцеляют. А побитый камнями светит, согревает и исцеляет даже и после своей смерти.

Волю к предметности надо воспитывать, так как ее может в человеке вовсе не быть. Ее надо рано будить, иначе она так и будет пребывать всю жизнь в дремотном

состоянии. Благородные натуры носят в себе эту волю как своего рода вечный голод: они не довольствуются личным успехом, не застревают в тенетах пошлости и корысти. Они ищут путь, ведущий их к субстанции, во всем: в вере, науке, политике, в своих поступках и делах, в личной жизни. Они ищут такой путь и находят его; а кто нашел, тот должен помогать и должен будить; знает он об этом или нет, но он — *призванный воспитатель своего народа*.

Ему, конечно, можно задать вопрос: откуда он знает, что нашел этот путь, что он *«предметно»* действует и созерцает, что он укоренился именно в «субстанции», а не в своей сугубо субъективной выдумке. На этот вопрос любой творческий человек должен ответить своим *трудом и жизнью* своей, потому что настоящая предметность говорит сама за себя, и свет, идущий от субстанции, не заметить нельзя. Но он может ответить на сей вопрос и словесно, аргументом, четко и ясно описав свой путь* и достигнутое на нем. Так поступают многие умы, начать хотя бы с Конфуция, Лао-Цзы и Будды. Правда, каждый делает это по-своему, по меркам своего искусства. Если же эти описания сравнишь, немало удивишься их *существенному родству*.

Однако есть один особый признак, по которому можно распознать свою и чужую предметность. Это та своеобразная новая связь жизненных содержаний, та *новая внутренняя необходимость*, в которой отражается все увиденное и пережитое, сливаясь в единое целое. Творческий человек, выявивший такую связь и выразивший такую необходимость, знает, что не он *создал* это «новшество», не он *изобрел* его, он только *предчувствовал*, что оно *объективно есть* и что его предназначением было *открыть* его. Он радуется своему предчувствию и своему открытию. Его не покидает ощущение, что он не творил, а только *воспроизводил* и найденное им существовало издревле, исконно, возможно, — вечно. И то, что открылось ему и нашло в нем свое выражение, — это всего

* «Свой путь», то есть свой «метод», так как по-гречески слово «Μεθόδος» обозначает целеустремленный главный путь.

лишь вновь обретенное, представшее лишь в новом облачении. Это — то самое ощущение, которое выразил Платон в своем учении об идеях и которое с тех пор именуется «платоническим». Но кто до конца вчитается в великую книгу человеческого духа, тот сразу же проникнется ощущением этих *по-новому подслушанных древних движений мироздания* почти у каждого из великих поэтов, ученых и философов. А нам, кому позволено соприкоснуться с этими творениями, истинами и деяниями, как можно чаще надо проникаться этим ощущением и переживать его: оно заронит в нас тихое и глубокое чувство издревле *почтенной старины, извечной мудрости, необходимости благой причастности к задуманному Богом, к благому таковытию*. Тогда мы говорим свое «да» вновь открытому и очевидному и счастливы предельно оттого, что нам позволено его сказать.

Когда идеи Божии нисходят из своего вечного лона в хаос бунтующего мира, их тут же подхватывает и рвет на части его бушующий поток. И вот — высокая задача: прозреть, благоговей, целостность Божией идеи и восстановить ее в былом совершенстве. Когда Исида³² искала четырнадцать частей растерзанного тела своего супруга, она не создавала его вновь, а восстанавливала в прежней красоте. Творческий человек подобен ищущей Исиде; он радуется мысли отыскать в безумной крутоверти мира замысел Божий и выразить его. Ему светит созерцание цельности; им руководит любовь к Божественному; он проверяет себя открывшейся ему необходимостью; он торжествует, рад, что приоткрылась ему вечность, сверкнул ему в его усилиях лучик Божий.

Вот почему творческий человек, как никто другой, знает, что он только воспроизводит, и потому всегда подымлет взор свой к *Первотворцу*.

30. МЫ, АКАДЕМИКИ

Исповедь

Как часто критикуют нас, профессоров; и — не без оснований. В каждом из нас есть свои недостатки, каждому есть что «поставить на вид»; у каждого, как у любого человека, свои слабости, которые критик немедлен-

но подхватывает, чтобы устроить головомойку. С этим мы вроде бы давно смирились. Но есть один упрек, который надо воспринять крайне серьезно и дать на него глубоко продуманный ответ. А упрек этот состоит в том, что академия якобы *мертва, бесплодна*, а то и вовсе *разлагающа*. Значит, мы обязаны вдуматься в сущность нашей деятельности и исповедаться в наших проблемах и ценностях... Что такое академия? В чем ее призвание? Как нам, ученым, поставить себя на службу человеческой культуре?

Академия есть *высшая* ступень в образовании и воспитании человека, и уже одним этим определяется ее своеобразие; предшествующие ей ступени всего лишь *подготовка* к ней как последней и высшей. В начальной, равно как и в средней школе, учат *пониманию* и *развитию мышления*, целиком и полностью полагаясь в этом процессе на *авторитет учителя*. Учитель становится посредником между учеником и предметом, дает ему представление о содержании последнего, детализирует его, поясняет, обогащает, проверяет усвоенное. Он тренирует и развивает детскую память; расширяет и оживляет способности восприятия, раскрывает азы законов и приучает к правильному применению. А потом проверяет, насколько верно понято содержимое предмета, в какой степени ученики владеют им, сумеют ли изложить и пр.

Другое дело — академия; в центре ее внимания уже не ребенок, а взрослый человек; его она воспитывает для *самостоятельного бытия* и *самостоятельного мышления*.

Печально, неприемлемо, если профессора подходят к другим, куда более сложным содержаниям с той же авторитарной меркой изложения, что и в школе. Тогда это уже не академия, это нечто совсем другое, где по старинке речь идет о «памяти», «понимании», зубрежке. Академический экзамен не должен превращаться в мучение для памяти, в контроль навязанной извне мысли; он должен проверять *силу суждения* студента, *зрелость его мышления*.

Академия воспитывает в человеке духовную, и прежде всего интеллектуальную, *самостоятельность*, учит думать своей головой, заниматься исследованием, а значит, — ведет к *духовной свободе*. В этом ее истинное предназна-

чение. Итак — подготовка закончена. Экзамен «зрелости» позади, молодой человек «созрел». Теперь можно приступать к *выработке силы суждения*. Теперь он готов к *непосредственной встрече* с предметом, готов к творческому овладению методом самостоятельного мышления. И как правильно, как умно, как целесообразно пройти такую выучку самостоятельности еще в школе и вступить в стены академии уже духовно жаждущим, мечтающим о самостоятельности человеком!

Что может предложить ему академия? Прежде всего *непосредственную встречу с предметом* — будь это материальные или духовные ценности, высшая математика как форма бытия, живое слово филологии, верно использованное право в юриспруденции, смысл духовных обстоятельств в философии. Юный ученый должен научиться самостоятельно, непосредственно воспринимать свой предмет, находить его, переживать, узнавать, созерцать, исследовать. А опытный ученый должен передать ему это искусство, доцент должен встать между своим слушателем и предметом для того, чтобы вызвать прямую встречу обоих в жизни, организованно провести ее и после этого — устранившись. Он как бы берет студента за руку и ведет его к *источнику*, чтобы показать, как выглядит источник, как отыскать его, с чего начать, когда он уже найден, как через *него* подступиться к *предмету*. Академическое мышление начинается с непосредственного опыта; академическое знание черпает из источника; академическое исследование есть самостоятельное переживание, ответственнейшая борьба за истину, критический подход, аскеза силы суждения, искусство аргументаций, убежденность в очевидности. Академия воспитывает в человеке искусство *ответственного самостоятельного мышления*, искусство *судить о предмете, исходя из сущности самого предмета*, воспитывает силу известного созерцания (интуицию) и строгого аналитического наблюдения (индукцию). *Беспочвенность мышления* как дурной отпечаток необразованности и *дедуктивности мышления*, как опасное оружие полуобразованности надо преодолеть. Академия не догматична: она ищет и исследует. Она не закоснела, не застоялась; она в движении, в творчестве. Но динамизм ее ответственен и осторожен: все подвер-

гается сомнению и проверке. Короче, академия *заботится о методе и готовит к освоению метода*. Метод — слово греческое и означает путь к цели, борьбу за истину. Академия есть именно *школа самостоятельной борьбы за истину*. Всю жизнь борется с собой ученый за очищение: *борется с предметом*, чтобы получше ухватить его смысл; *борется с языком*, чтобы точнее выразить ухваченное; борется за истину, чтобы, познав ее, как можно достоверней передать.

Этим уже немало сказано, если не все.

Академия готовит человека к духовной самостоятельности, то есть к *свободе*. Потому что сама она может существовать только в атмосфере свободы и творить только из свободы. Однако свобода — это не произвол; она не терпит злоупотребления. Это — свобода от всяких чужеродных ограничений, от всякого давления извне, от всякого политического и социального низкопоклонства. Изнутри эта свобода имеет скрепляющий стержень. Всякие вмешательства извне она отвергает, чтобы как можно строже удовлетворить тем внутренним потребностям предмета, к которому подходит с чистой совестью исследователь: освобождаясь от человеческого в себе, он отдается в *служение Божественному*.

Вот почему академии так близко *чувство ответственности* и искренне-честная, совестно-внутренняя, методически воспитанная *воля к истине*. Но эти две силы проистекают не столько из академического этоса³³, сколько из живой религиозности. Академия воспитывает в человеке величайшую свободу для высочайшей самодисциплины; настоящую самостоятельность для настоящего самозабвения. Это — *школа предметности*. И именно поэтому она требует от человека, чтобы он преодолел в себе аутизм, произвол, тщеславие и обрел *присущее ученому смирение*^{*}. Всю свою жизнь стоит ученый перед великой тайной видимого и невидимого мира, перед бесконечной глубиной и переплетениями Богом созданного предмета, вглядывается в эту живую мистерию, пытаясь ее постигнуть, разузнать^{**}. И чем выше его дух,

* Смотри этюд 39 «Смирение».

** Смотри этюд 40 «Утраченная тайна».

тем глубже его благоговение и смирение. Чем глубже его взгляд, тем явственнее его восхищение (о чем говорил Аристотель) и тем строже его суждение о себе самом (как и подобает аскету). Настоящий академик знает свои пределы, ему не пристала гордыня. Умный ученый знает, где начинается его глупость, и не считает себя умнейшим из людей. Он ощущает себя вечным студентом, который сколько бы ни знал — все мало, и счастлив только тем, что может расшифровать Богоданный мир как Божьи письма; всегда в борьбе, всегда в труде — ведь мир неисчерпаем.

Вот почему *тихое, созерцательное и осмысленное благоговение* есть истинный источник научного исследования. Вот почему изумление перед тайной этого Божественного мироздания есть благоговение живое, которое несет молитвенно настроенному ученому свои дары: любовь к исследуемому предмету, волю к истине, ответственность за свои утверждения, очищающее смирение и аскезу силы суждения. Если по правде, то академия не враг религии; наоборот, она *одна из самых ценных религиозных форм* и творчество ее есть *тихое богослужение*. Понятие «Бог» не является *гипотетическим толкованием* ученых; ведь Бог именно является истинной, безусловной *предпосылкой* всех усилий и достижений.

Об этом знали великие умы последних столетий. С явным благоговением ясно и недвусмысленно заявляли они об этом и были правы. Они искали сущность, а чтобы докопаться до нее, надо было заглянуть в глубину, туда, где дремлет живая тайна универсума, творчески задуманная Богом и заданная человеку для творческого осмысления. Только в благоговении приближается к этой тайне настоящий ученый; а соприкоснувшись с ней, он очень быстро начинает понимать, что *осмысленное восприятие мира незаметно приводит к созерцанию Божества*.

Без благоговенья и молитв, без любви и ответственности академия начинает вырождаться. Она мертвеет, утрачивает творческий потенциал, разлагается. Она скользит по поверхности явлений; анализирует и конструирует; мыслит вслепую, без души; механизмирует свой опыт; лишает жизни свой предмет.

Подлинная академия есть *мастерская сомневающегося в себе знания*; но дышит она *воздухом религиозного созерцания*. Зародившаяся из свободы, в свободе творящая, для свободы воспитующая, свободно стремится она к тем высоким обязательствам и к тем высшим necessities, которым должна подчиниться. Она не для того исследует, чтобы все разложить и распылить, а для того, чтобы понять, утвердиться, выстроить.

Ее школа — это школа мысли, но эта мысль — одновременно и наблюдение, и созерцание, и любовь, и воля; она требует всего человека — его нравственного и религиозного подъема, борьбы за постижение тайны чувственного и сверхчувственного мира.

Вот в каком призвании и в каком служении все чаще и чаще должны исповедоваться мы, академики, чтобы наше остроумие не было плоским, чтобы наш земной разум не был слепым. Кому нужны, скажите, тупое остроумие и слепой разум?

Как люди и как ученые мы должны быть до конца самостоятельными и ответственными.

31. О ПАСТОРСКОМ ПРИЗВАНИИ

Из частного письма

Многоуважаемый господин Пастор!

Ваше письмо привело меня в некоторое замешательство: сумею ли я выполнить Ваше желание — вникнуть в сущность пастырского призвания и выразить ее? Согласен: время требует того; *пробил час осмысления и обновления*. Мы заблудились на обходных путях и крутых тропах. Нам надо снова обрести ориентиры и возжечь ниспосланный нам Спасителем огонь. Нас не должна постигнуть печальная участь соли, утратившей силу; мы должны заботиться о силе соли наших душ. Нам надо начинать борьбу — сначала за свою веру, чтобы она сделала нас живым единством, затем за свою веру, чтобы она укрепилась в жизни, пребывала свободной, став творчески вполне зрелой. Все, что пастырь может в этом плане испытывать сам и в чем может помогать другим, имеет исключительное значение. Но не правильнее, не плодотворнее ли было бы, если бы нашлись люди духовного звания, ко-

торые с полным сознанием дела, живым языком сказали главное напутственное слово о своем призвании, слово об истинной жизни и истинном обновлении.

Я — человек светский, а светский человек должен обладать немалой долей скромности и смирения, чтобы в вопросах совести знать свое место. Если же его попросят высказаться, как того хотите от меня Вы, то он вынужден преступить рамки своей скромности, а своему смирению придать оттенок мужественной чистосердечной исповеди. Но вопрос позвольте мне сформулировать так: чего мы, прихожане, *ждем* от наших пастырей, на что *можем* и *должны* рассчитывать?

Не стану распространяться о богословской подготовке и духовном образовании рукоположенного священника: знания его и умения — явление само собою разумеющееся; это — составляющая его призвания, которая в атрибутах не нуждается. Но мне кажется, что мы, прихожане, от такого пастыря ожидаем *гораздо большего*, чем принято, что мы должны ждать и требовать от него чего-то такого, чего другие люди дать не могут, а именно — *истинного и живого христианского духа*. Я разумею *молитвенную силу, любящее сердце и свободную, живую христианскую совесть*. Разве не этим должен руководствоваться пастырь в своих теологических познаниях и в попечении о своем стаде в реальной жизни?..

Что толку в богословском наставлении, проистекающем из сухого, резонерского рассудка, который не способен ни «увидеть» нашего Господа и Спасителя, ни «указать» нам его? Какой смысл имеет «аргумент» в созерцательных и молитвенных сферах религиозности? Какой смысл в этой самой правильной «экзегезе»³⁴, если она не способна продемонстрировать нам *живительный огонь Божией правды*? Нет лучшего религиозного наставления, нет более действительного проповеднического служения, чем *искренность и сила молитвы*. Ибо вера ширится и крепнет не вследствие аргументов, или самодовлеющей воли, или повторения сакральных слов и формул, а вследствие *живого восприятия Бога в ходе молитвы*, очищения и просветления сердца, живого созерцания, реального ощущения благодати и милости. Мне часто кажется, что многое зависит от того, умеет ли свя-

щенник сам целиком погрузиться в молитву, умеет ли в своем уединении возвыситься сердцем в ней, очиститься, просветлять... Тогда это сокровенное пламя молитвы скажется и на молитве прихожан, на проповеди и на деле: мы это почувствуем сразу, без слов; почувствуем, что дух говорит в нашем пастыре и действует «воздыханиями неизреченными» (Рим. 8,26)... Есть в нем эта искренность и сила молитвы — люди чувствуют их мгновенно, где бы он ни проповедовал и ни служил, и, сами того не замечая, проникают животворным током молитвы, теплом душевной веры, воспарением духа. К такой «практике» молитвы, к такой власти духовного взлета призван каждый христианский священник. Поучать и наставлять может лишь тот, кто сам в этом учении и из этого учения живет творчески; а молитва есть первый способ к выражению творческой жизни. И дело не столько в том, что молящийся молится, сколько в том, что *сила и глубина веры зарождается в молитве и из молитвы*. Вот почему священник по призванию есть живой источник и школа молитвы...

Помимо этого в нем должно быть непременно *живое, любящее сердце*, потому что христианский благовест и утешение имеют своим источником милость и доброту поющего сердца. До тех пор, пока человеческое сердце не перестанет каменеть в рационально-абстрактном резонерстве, леденеть в суждениях и приговорах, пребывать в ненавистных спорах и коснеть во вражде, до тех пор все откровения Христа будут для него закрыты и недоступны. Бессердечные люди не увидят в них ничего. Черствый эгоизм делает человека слепым и глухим. Реки жизни текут только для любвеобильной души, ибо любовь отверзает людям глаза и слух для откровения Христова, для жизни, для сострадания ближнему. Есть такая любовь — значит, она скажется в моленье прихожан, в проповеди и делах священника. У того, кто приходит к нему, создается в таком случае ощущение, что он соприкоснулся с чем-то очень важным, прекрасным, нужным; что он побывал как бы *в свете и тепле живого пламени*; что он узнал, что такое *добро* и что имел в виду Христос, говоря о *любви*. У любящего сердца доброты хватает на всех — утешения для горящего, помощи для нуждаю-

шегося, совета для растерявшегося. Простое общение с таким человеком незаметно становится живой школой христианского участия, любовного такта, душевной тонкости. И все это дивно и благодатно, потому что истинный духовник — это живой источник любви.

И последнее, что мы, прихожане, ждем от священника, — *это свободная творческая христианская совесть*. Эта совесть должна жить в нем как самостоятельная, независимая сила, как критерий, по которому мы могли бы сверять, подправлять и укреплять свою собственную совесть. Там, где мы беспомощны, он как *мастер совести* должен видеть глубже и четче; где мы заблуждаемся, должен знать прямой путь и повести нас; где мы вопрошаем, должен иметь ответ. От искушений и соблазнов он должен нас увести; в колебаниях — поддержать. Он должен сразу пронизать нечестность, неверность, неискренность, оставаясь беспристрастным в суждениях своих и приговорах. По-настоящему совестливый христианин знает меру во всем — и в своем «да», и в своем «нет». Его суждение исходит из смирения, но выносится с мужеством. Искренний духовник свободен от подкупа, коррупции, подхалимства, свободен от властолюбия, маммоны³⁵, раболепия. То есть тот, кого мы жаждем и ищем, есть живой очаг христианской совести, в котором горит яркий огонь и светит нам тихим светом.

Наверное, досточтимый пастор, вам не покажутся чрезмерными и чересчур строгими мои соображения: ведь нам, мирянам, конечно, не приходится иметь дела только с идеальными или гениальными людьми. Но своих религиозных намерений мы не должны скрывать от пастыря. Стоит нам почувствовать, что наш священник движется в таком направлении или хотя бы к нему; что он чувствует наши нужды и по возможности удовлетворяет им, мы испытываем и благодарность, и привязанность к нему.

Должно быть, я из тех, кто позволяет себе в какой-то мере поучать пастырское сословие, но *Вы* попросили меня высказаться о призвании священника; и я сказал только о том, *что* мы, прихожане хотели бы получить от своего пастыря, священника и *чем* он бы мог нам помочь. Смел ли я на вопрос исповедника, каким являетесь *Вы*, досточтимый господин пастор, отвечать по-дру-

тому, нежели в тоне исповедания? Безусловно, не смел. Смею ли надеяться, что вы не обидитесь на мою исповедь и простите мне некоторую суровость ее?

Позвольте закончить это письмо словами надежды и христианской любви.

С истинным почтением

(подпись)

32. ЖЕНЩИНА

Все в этом мире носит в себе свою сокровенную сущность и предназначение, оставаясь верным им. Камень, растение, зверь *могут быть только тем, что они есть*: они существуют только в том виде, какой им задан природой; они — *дети «необходимости»*, ездки с односторонним движением; и если мы вдруг захотим что-то в нем изменить, нам придется приспособливаться к этой «необходимости», поступать, исходя из нее и согласно ей. Но человек *может быть и другим*; он не просто управляемый, но еще и управляющий; он созидатель своей собственной судьбы. Это — *дитя «свободы»*, его движение по жизни идет в разных направлениях. Он тоже несет в себе свою сокровенную сущность и призван хранить ей верность. Кабы только он так поступал!.. Кабы знал, куда эта верность зовет и что ему обещает... Как быстро попал бы он туда — в царство счастья и мудрости!

* * *

Для женщины ни счастья, ни мудрости нет, если она не хранит верность сокровенной сути своей. Тогда ее дивная сущность не выказывает мудрость свою и сжимается от горя и несчастья. А сколько зла причинила гибельная женская сущность, мы видим из истории судов над ведьмами, мрака сектантства, деяний вероломных преступниц типа Валерии Мессалины и леди Макбет.

Если исследователь прислушивается к сокровенной сущности женщины, сначала его ухо улавливает едва различимый таинственный музыкальный шум и только со временем начинает различать отдельные голоса, которые вырисовываются как бы разбегающимися светящимися линиями, ведь сущность женщины неоднозначна: она многотональна, богата.

* * *

Прежде всего женщина — это *цветок, дитя и ангел*.

Всякая женщина — это потенция, но не всякая — актуальность. Эти формы как бы дремлют в глубинах женской сущности и посылают свет изнутри. В жизни любой женщины бывают мгновенья, когда одна из этих форм просыпается, выступает на первый план и начинает выказывать себя; тогда женщина — настоящий цветок, или само дитя, или совершенный ангел; все дивится ей и с радостью внемлет. Бывают женщины, у которых проявляется или одна только форма, или обе сразу: одна остается цветком, другая несет в себе дитя, а в третьей и дитя и ангел одновременно, а для цветка места нет... Беда начинается тогда, когда все три формы в женщине отмирают, так что она и не живет в них, и не знает о них. Вот это действительно незадача: только плотью она еще женщина, душевно же она бесплотна, духовно мертва. То есть она как бы не женщина, но и мужчиной ей стать не дано. Все остальное, что еще делает ее женщиной, что еще и можно и должно сделать, — вдохновительница любви, супруга, мать, хранительница очага, воспитательница, повелительница, спутница жизни, — даже при самых лучших намерениях остается ей не по силам, потому что эфирная плоть ее женской сущности захирела и стала бесплодной.

* * *

Женщина (неважно, знает она об этом или нет; впрочем, большинство наверняка знает) — это прежде всего *цветок*. Ее призвание — нежность и красота. Вот почему она требует бережливости и восхищения; и требует по праву. Нежно ее восприятие; нежна ее природная тайна, которую она в себе воплощает; нежна ее фигура; нежен ее взор. Даже самая крепкая женщина по сравнению с самым крепким мужчиной кажется и нежной, и хрупкой. Женщина, не желающая ничего знать о своей нежности, изменяет своей сущности и протестует против собственной природы. Нежность обязывает ее быть красивой. Красивой может быть даже самая некрасивая из

женщин*. Потому что истинна не физическая, а душевная, духовная красота. Дух женщины, вселившийся в прекрасную душу, может сделать прелестной даже некрасивую на вид женщину: тогда внутренняя красота светится через незадавшуюся внешность, поет и излучает счастье; тогда с радостью замечают красавицу в особо не примечательном лице.

Как цветок женщина призвана жить центростремительной жизнью и разворачивается изнутри. Она должна довериться дремлющей в себе энтелехии³⁶, самозабвенно, целиком, произвольно расцвести на солнце универсума. Она призвана формироваться в тиши, в неколебимом покое обетования ждать, в скромном смирении следовать послушанию и всем — даже в несчастье — дарить благовоние, утешение и радость.

В этом бытии цветка у женщины чего только нет; тут и любовь к другим цветам природы и понимание их языка; тут и забота (форма) ее одежды (опрокинутая чашечка цветка); тут и врожденный вкус к линии и цвету; тут и радость от собственной красоты; тут и аромат; тут и искусство красноречивого молчания и молчаливого ответа, и многое другое, что так восхищает нас.

И ни один цветок не гонит свое соцветие выше того, что положено ему. Ни один не хочет иметь больше того, что задано ему; ни один не пытается самоуправно исправить в себе свою природу или самовольно подчеркнуть свою красоту; нет в них ни тщеславия, ни властолюбия, ни зависти. Вот почему всякая жаждущая блеска, охочая до румян, тщеславная, деспотичная, завистливая женщина неверна цветку в себе и прегрешает тем самым против воли сокровенной сущности.

• • •

Любая женщина знает также о своем преимуществе быть *ребенком* и ребенком оставаться.

Женщина — это дитя, так как она живет *чувствами*; сердца ее добиться легко, ранить его — тоже. Она —

* Смотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюд 14 «Красивая женщина» и этюд 15 «Некрасивая женщина».

дитя, потому что во многом *наивна и некритична*. Ей ни к чему все знать и все перепроверять; как ни к чему знать и о том, *чего* она не знает. Отсюда преимущество всегда задавать вопросы, требовать ответа и пояснений.

Она — дитя, потому что ее отношение к миру *непосредственно и созерцательно*. Вчувствование — это ее способ постижения вещей; интуиция — способ мышления; созерцание — состояние восприятия и познания. Вот почему она, как правило, знает меньше мужчины, но опыт созерцания ее куда шире мужского.

Женщина — дитя, потому что ее душевная ткань стремится к *целостности и единству*: она обладает искусством исцеления любого разрыва, преодоления любой трещинки и даже большой дифференцированности в своем по-детски нераздельном ощущении и поведении.

Вот почему женщина была издревле восприимчивой и хранительницей веры: вера — ведь это способ переживания ею истины. Царство Божие всего ближе детям и женщинам. Вот почему художники и поэты прежде всего обращаются к женщине: тот, в ком сердце поет и созерцает, ищет понимания в поющем и созерцающем сердце. Результаты исследования у женщин выглядят во многом по-другому, чем у мужчин, ведь акт детского созерцания, который свойственен им, получает конкретную жизненную наполненность и находит реальную обоснованность. Даже социальные проблемы женщина понимает и решает по-своему: органично, дифференцированно, с любовью; скорее этически, нежели политически; чаще интуитивно, нежели абстрактно, по линии нивелировки...

Женщина может быть не только *по-детски наивной*, но и *по-детски ребячливой*, тогда она капризна, ненадежна, ветрена, безответственна, неосмотрительна, порою коварна и жестока. Тогда преимущество дитяти ей во вред и во зло; и с ней, со всей ее несносностью, придется хлебнуть немало горя и заняться строгим перевоспитанием (см. у Шекспира³⁷)...

Если же женщина идет по жизни как *цветок инстинкта и дитя духа*, то внутренняя сущность ее до такой степени пропитывается природной невинностью и ду-

шевной чистотой, что ее человеческий облик, ее улыбка, ее взгляд производят впечатление земного ангела; тогда ей только и остается, что внять зову ангела-покровителя.

Сказав «ангел», мы не слишком многое вложили в это слово, потому что ведем речь не об образе-совершенстве, а о *добром наставителе к лучшему*. Женщина призвана требовать от мужчины, которому она дарит свою любовь, требовать лучшего в жизни и побуждать его к лучшему. Тогда всю силу своей любви она будет отдавать служению культуре и совершенству. Служение женщины в образе ангела не есть прерогатива времен рыцарства; о нем знали и прежде. Женщина ищет своего *героя* всегда и от своего возлюбленного требует *превосходного*. Об этом и легенды вещают, и сказки рассказывают. Разве что самки тупые не знают об этом и знать не удосуживаются...

Чтобы следовать этому зову, женщина должна наращивать в себе и развертывать силу цветка и способности ребенка. Она должна следовать своей энтелехии, представляя последнюю как нечто крепко *связывающее* мужчину, чтобы потом его, *связанного, освободить* для творческой жизни. А для этого ей понадобится внутренне органическая гармония и глубокое сердечное созерцание. Она должна также безошибочно угадать энтелехию предстоящего к освобождению мужчины и указать ему верный путь. Тогда своим постоянным советом, увещеванием, предостережением и поддержкой она станет ему утешением и защитой, разбудит в нем творческое вдохновение, будет постоянно поддерживать в нем огонь и свет.

Образ ангела-хранителя в жизни легко исказить. Есть немало женщин, которым сковать человека легко, но освободить его для творческого труда не дано: одни не *желают* этого, потому что не хотят отпускать от себя влюбленного «пажа»; другие не способны на это, потому что не могут справиться со своими страстями. Есть и такие, которые *неверно понимают* энтелехию своих мужей; есть такие, которые свободу творца *блокируют* своей опекой; есть такие, которые не созданы для легкого вдохновения, а потому своим *бабьим властолюбием* подавляют и губят в мужчине творческий потенциал — ведь дух предписаний не терпит...

Любая добрая женщина могла бы стать для своего возлюбленного ангелом-хранителем, как и любая достойная женщина. Она способна на это даже тогда, когда самой ей не очень-то в жизни везет, достаточно вспомнить образ несчастной добромудрой Сони у Достоевского в «Преступлении и наказании». Но волей и притязанием здесь добьешься немногого; для этого надо оставаться цветком инстинкта и дитем духа.

* * *

Три этих облика — цветок, дитя и ангел — и есть женщина; песнь в ней образуют мелодия и гармония «вечно женственного». Если живут эти три ипостаси в глубинах женской души, ей удаются всевозможные аспекты служения, заложенные в ней природой и Богом. Хиреет одна из этих ипостасей — вянет цветок; дитя вырождается в умного не по годам человека с плоским рассудком; «ангел-хранитель» поневоле попадает в тенета зла; все земные дела ее терпят крах и приносят одни несчастья. Но если она прислушивается к цветку в себе, тогда образ действий ее органично спокоен, как и подобает цветку; если прислушивается к дитяти в себе — ее жизнь обретает ясность, чистоту и глубину характера ребенка; если прислушиваться к голосу сокровенного ангела в себе — ее поведение несет на себе ангельский отпечаток, в ней появляется что-то провидческое, божественный свет излучают ее глаза.

Первое предназначенье женщины — *быть живым источником любви.*

Она и шествует по жизни как *носительница любви.* В любви ее главная сила, обетование, смысл ее бытия; она — ее самый существенный орган, самый созидательный акт; и не столько в любви как проявлении чисто природного соития и деторождения, но в любви прежде всего как тончайшем колебании душевных, духовно возвышенных движений: женщина, излучающая духовную любовь, есть духовный клад своего народа.

Без любви нет ни брака, ни материнства, ни отцовства, ни семьи, ни сынов, ни дочерей, ни братьев, ни сестер: все бессмысленно, все мертво. Кто хочет создать семью и узы без любви, тот стирает сущность ее, лишает

души тело, оскверняет святыню, и все, что бы он ни создал, будет зыбким и пошлым; а жизнь его будет сплошь обманом и самообманом.

Но центром семьи является женщина. Это она *впитывает* в себя любовь, чтобы выносить из нее новый образ любви; это она *струит из себя потоки* любви. Ребенком она радуется своих родителей, братьев и сестер нежной проникновенностью к ним. Девицей излучает она из себя созревающую в ней, пробуждающуюся любовь, молча вопрошая («не ты ли мой суженый?»), тихо вызывая («иди же, счастье ждет»). Потом собираются в ней, концентрируются все лучи в полном объеме и интенсивности, чтобы, счастьем сияя, излиться на «него, единственного» и на «них, страстно желанных». И чудо неиссякаемого источника, неисчерпаемой полноты живет в ней на протяжении всей человеческой истории.

Это ее любовь зажигает семейный очаг и поддерживает в нем его чистый огонь. Это она хранит духовную ткань Отчизны со всем своеобразием ее традиций и тклет ее дальше своим дочерям в наследство и поучение, своим сыновьям в качестве желанного образца. Конец стране, в которой целомудренная женская любовь иссякает, исчезает... Из груди пепла возродится тот народ, в котором женщина остается верной служению любви.

* * *

Второе ее предназначение — быть *кормилицей*.

Так предопределено природой: младенец нуждается в молоке матери, и она получает его от Бога в дар. Это «умиротворение» голодного младенца составляет и в дальнейшем долг и привилегию матери, а потому далеко не случайно, что женщина выступает кормилицей семьи. «Кухня» как центр домашнего очага — это прямая нагрузка для нее, но и творческая сфера. У каждого народа своя «кухня», которая определяется климатом, популяцией животных и растений, здоровыми потребностями народного организма; более того — любое национальное блюдо есть выражение национальных вкусов, соль национальных ценностей и культуры, концентрация иррациональной мудрости народа. Тут наследуются все его традиции: выбор, облагораживание, приготовление, серви-

ровка — целая культура питания, здоровья и вкуса к жизни; целое искусство и природной мудрости. Женщине надлежит это искусство беречь и обогащать.

Она задает ритм жизни семье, приводит в порядок дом, организует ход домашних дел и в этом плане становится воистину повелительницей всего хозяйства. На хозяйстве тоже лежит отпечаток национальных традиций, именуемый повсюду «воздухом» Родины.

* * *

Третье предназначение женщины — быть *целительницей*. Это в ней тоже от природы: хорошая мать инстинктивно чувствует, что надо ее плачущему малышу, когда, где и как она должна ему помочь. И эта связь, проистекающая с момента зарождения таинственного тождества, побуждает женщину в дальнейшем переносить эту свою способность (материнский инстинкт) и на других людей. Развивается дар глубокого вчувствования, а точнее — художественный талант идентификаций. Когда мать инстинктивно безошибочно выхаживает своего больного ребенка, ее созерцающее сердце касается нередко самых что ни на есть глубин чужого страдания. Образованная женщина-врач, остающаяся в душе цветком, дитем и ангелом-хранителем и обладающая материнским инстинктом, может творить чудеса в плане диагноза, совета, ухода. Тогда в ней природа и дух празднуют свой творческий синтез.

* * *

Всем этим служение женщины не исчерпывается; мы лишь обозначили его. Сущностью женщины оно определяется и, следовательно, имеет свои пределы. Она не вездесуща; не ко всякой профессии пригодна, не ко всякому месту, не ко всякой должности. Она всегда ко двору там, *где может, где имеет право и где должна оставаться женщиной*. Это означает, что технически и механически она способна на гораздо большее, нежели *может* органически и духовно. Все, что искажает в ней сущность цветка, ребенка, ангела-хранителя; все, что отнимает у нее дар быть источником любви и материнства, — ложно. Все, что нивелирует ее, делает бездушной, неженственной, циничной; все

жесткое, сухое, индифферентное; все беспочвенное, лишенное традиций, рассудочное, механистичное — противно ее природе и для народного духа опасно и вредно. Женщина — не всеобщий любимчик, не рабыня, не кокетка, не создание для улады; не половая тряпка, не пылесос. Она по рождению равная с мужчиной, но не одинаковая с ним в плане своеобразия; она достойна его, но как личность не обладает его могуществом. Она может расцветать и в одиночестве, но от этого не становится мужеподобной; может оставаться вполне самостоятельной, будучи спутницей мужчины; но сделаться госпожой она может, только став супругой. Все, что обезличивает, унижает, обесценивает женщину — от гарема до проституции, от бесплодного, замкнувшегося в своем сектантстве существа до коллективного брака — подрывает ее здоровые устои, делает безвоздушной ее небесную сферу.

Все сверхпрозаичное, все сверхтрезвое, все грубое и жесткое, ставшее жизненной установкой женщины, вредит ей, постепенно лишая ее вечно-женственного. Женщина — не солдат, не матрос, не полицейский, не биржевой маклер, не палач. Не для политики она рождена, не для трона, не для митингов толпы: ей предстоят более изящные дела; ей надобно прислушиваться к более вещим голосам, созерцать более благородные сферы. И хотя она способна к этому, будет куда лучше, если она будет больше внимать не внешним обстоятельствам, а своим внутренним наклонностям как женщины. Она все *может*, но это ей *ни к чему*. Ей хочется «равноправия». Но упаси Боже страну от тех женщин, которые, завоевав равноправие, впадают в пьянство, становятся палачами, содержат публичные дома. Женщина обладает от природы *неотъемлемыми привилегиями*. Она может то, чего мужчина не может, а потому ей не следует претендовать на мужскую роль. Каждый делает по возможности лучшее, на что он способен, в своей ипостаси, поэтому лозунг «*всем разрешается делать все, на что они способны*», противен природе и диктуется завистью.

Все в мире призвано хранить верность своей собственной первородной сущности. А потому и женщина

должна иметь смелость во всем быть и во всем оставаться женщиной. Во все, что она делает, ей следует привносить вечно-женственное и отвергать то, что противоречит ему. Ей ни к чему уподобляться мужчине, усваивая его повадки. Наоборот, у нее должен быть свой задор, она должна сказать миру свое слово. *Любви* не хватает миру, а женщина — ведь истинный ее кладезь. *Верности природе* недостает сегодня людям, а ведь цветок вечно-женственного создан именно для верности. Сегодняшнее человечество стерильно, потому что *утратило интуицию*, а потому призвание женщины — воочию показать всю действенность силы созерцания, присущего вечно-женственному: в религии, искусстве, исследованиях, медицине, соблюдении порядка. Как никогда прежде, нуждается сегодня мужская половина в услугах *ангела-хранителя*, чтобы снова обрести истинный путь в духовной культуре и пойти по нему; и женщина возьмет на себя эту услугу и вынесет ее бремя... И чем независимее и увереннее, тем лучше.

33. МОЙ ВРАЧ

Был у меня когда-то врач, у которого лечились я и моя семья. Любили мы его как лучшего друга, питали к нему безграничное доверие и все же, как я теперь понимаю, не до конца отдавали ему должное. Позже капризы и непредсказуемость судьбы нас разлучили, и я изведal новый опыт в чужих землях. Но чем больше отдалялось время, чем богаче были мои жизненные впечатления, тем больше я восхищался своим прежним врачом, тем ярче открывались для меня масштабы этой личности. Как-то раз, когда я сильно и, казалось, безнадежно страдал, я написал ему и высказал все, что было у меня на сердце. Я не просто жаловался ему, не просто говорил о своем преклонении перед ним, я — спрашивал. Мне хотелось знать, знает ли он сам, в чем состоит способ его врачевания. Есть ли это чисто субъективное свойство или это все-таки терапевтический метод? А если так, то в чем его суть? Можно ли его как-то закрепить, сформулировать, сделать достоянием других? Ведь метод — это «правильный путь»; единожды его открывший не должен потерять его...

Месяцы промелькнули, прежде чем я получил ответ; и даже не ответ, а документ, который надо сохранить; своего рода человеческое и врачебное credo, исповедание веры благородного, неординарного человека. При этом он просил меня (если я его переживу) опубликовать это письмо, не называя его имени. И вот я выполняю завещание моего покойного друга: предаю гласности его письмо.

«Дорогой друг! Ваше вопрошающее письмо было для меня радостью. Ответить на него я почел своим долгом, но это было делом не из легких. Я стар; времени у меня, как всегда, в обрез. Отсюда и задержка, за которую вы, должно быть, не очень обиделись на меня? У меня порой бывает чувство, что я действительно мог бы кое-что сказать по существу о лечебной практике. Но в многословии немного проку; как говаривал мой отец: «Что-то понял — кратко суммируй; не способен на краткость — еще чуток помолчи!»

Но — теперь к делу.

То, что вы так любезно назвали «моей врачебной особенностью», составляет, мне думается, сущность практической медицины. Во всяком случае, этот способ врачевания присущ прочной, глубоко осознанной традиции в нашей стране, согласно которой труд врача есть не столько *заработок*, сколько *служение*; не столько *обобщающее*, сколько *индивидуализирующее* лечение; не столько *конструктивная*, сколько *созерцающая* диагностика. Клятва врача, которую все мы даем, воспринимается у нас необычайно серьезно: врач клянется в самоотверженном служении, в одолении любого недуга, клянется верой и правдой помогать страждущему. Но о самом главном вслух не говорится; оно предполагается и ясно без слов; и это главное — *любовь*. Труд врача — это *служение любви* в отношении страдающего. Если этого нет, нет самого существенного, нет *primum movens*; тогда все вырождается и практика превращается в абстрактное «подведение» больного под столь же абстрактное понятие заболевания (*morbus*!) и лекарства (*medicamentum*!). Однако больной — понятие далеко не абстрактное, как неабстрактны и симптомы его недугов. Это — *живое, духовно страдающее существо*, совершенно неповторимое по способу своего бытия и весьма специ-

фичное по своей болезни. Именно *так и* должен предстать он «нашим лучшим познаниям»; именно *таким* должна увидеть его наша врачебная совесть; именно *таким* мы должны полюбить его — страждущего и взывающего к нам брата.

Это не преувеличение и не парадокс, мой друг, когда я утверждаю, что мы должны любить своих пациентов. Я не могу помочь так, как надо, человеку, который мне неприятен. Это неприятие я должен в себе перебороть. Мне надо не просто подойти к моему пациенту — мне надо войти в него. Мне надо как бы взять его за руку и вызвать в нем творческий подъем. Если я добился этого, если мне это удалось — значит, я полюбил его. Не удалось — значит, лечение было в корне неверным. Исцеление — это взаимодействие врача и больного. Надо, чтобы возникло некое целебное «мы». А это предполагает обоюдную симпатию. К тому же *он* — страдающий, ослабший, взывающий к помощи; он нуждается прежде всего в симпатии, сострадании, вчувствовании, то есть — в *любви*... А я хочу, чтобы он пошел мне навстречу, открыл мне душу свою, доверился мне, то есть опять же — *любви*... Доверие его будет ко мне тем сильнее, чем больше будет его убеждение, что я беру на себя бремя его страданий, разделяю их с ним, облегчаю, преодолеваю. Нелюбящий врач — это рецептурный автомат. Нелюбимый врач (если еще посылают за ним) похож на паломника, которого в дверь не пускают, или на полководца, которому предстоит осада неприступной крепости...

Но прежде всего мне надо убедиться в том, что пациент действительно болен и хочет действительно выздороветь, ибо бывают мнимые больные, упивающиеся своими недугами — их приходится лечить по-иному. Итак, надо установить наверняка, что больной страдает и хочет избавиться от своих страданий. Значит, придется воззвать к *самоисцелению* в нем, разбудить его, войти с ним в контакт, заглянуть в его чувства, помочь. Потому что в конечном счете всякое лечение — это самоисцеление, всякое здоровье — это естественное равновесие инстинктов и организма. В каждом из нас сидит свой, инстинктивный, исцелитель, но у некоторых он просто в

загоне и небрежении; прозябает неузнанным в каком-то биологическом бессилии. Без творческого контакта с этим «самоисцелителем» можно приписывать человеку только «полезные» яды да устранить ряд симптомов; путь же к истинному выздоровлению будет для него закрыт. Настоящее здоровье есть творческая функция инстинкта самосохранения; это одновременно и воля, и искусство и скрупулезная практика самоисцеления индивида. Контакт с ним достигается методом вчувствования, оптимистичного подбадривания, любовного внушения.

Все это говорит о том, что любое врачевание — процесс строго индивидуальный. Одинаковых людей на свете нет. Ни один врач не имел дела с двумя одинаковыми больными, а тем более с двумя одинаковыми заболеваниями. Каждый больной единственен в своем роде, каждый неповторим. К тому же в реальности никаких «болезней» нет — есть только больные, и каждый из них недужит по-своему. Нефритики — одно; ревматики — другое; неврастеники — третье. Только в учебниках говорится о «заболеваниях» и «симптомах», а в действительности есть утратившие равновесие организмы и страдающие люди. Поэтому мы, врачи, должны видеть в каждом из своих пациентов индивидуальность, своеобразие и постоянно изучать их.

Для каждого больного я должен создать в себе воображаемый, но точно соответствующий ему «препарат», достоверный «*imago*»³⁸ своего страдающего брата и через эту живую картину-образ созерцать, понимать, судить, постоянно быть наготове, чтобы вносить в него необходимую корректуру... Мне кажется, что этот процесс имеет в себе нечто от искусства, нечто от художественного творчества; значит, хороший врач должен быть как бы художником своего пациента; значит, мы, врачи, должны постоянно работать над совершенствованием своего восприятия. Нам задано *вчувствование*, и притом *вчувствование* созерцающее, которого не заменит и никогда не вытеснит абстрактное мышление.

Больного можно уподобить некоему «живому острову», у которого есть своя история и своя предыстория. Последнее не совпадает с содержанием истории болезни пациента, потому что имеет свои естественные границы;

история же обманчива и сбивчива. Поэтому содержание ее должно подтверждаться и пополняться из источника знаний и сведений самого врача — сначала гипотетически, методом выслушивания, а потом — в предельном молчании. Так называемая «*historia morbi*»³⁹ есть, по сути, история жизни пациента. Заглянув в недуги его прошлого, я сумею найти ключ к его здоровью в будущем. Тогда его теперешние страдания станут для меня низшей точкой, с которой я начну шкалу подъема к исцелению...

Будучи живой индивидуальностью, человеческий организм являет собой таинственную систему самосохранения, самосодержания, самообновления — некую целокупность, в которой все сопричастно, все взаимосвязано. Поэтому мы не должны ограничиваться только симптомами. С виду одинаковые, они могут иметь различные источники происхождения и для целостности организма иметь совершенно разное значение. Симптом — это всего лишь исходный пункт; это дверь-прорыв исследователя; это вход в шахту. Его надо рассматривать в контексте организма человека, чтобы высветить его изнутри и понять изнутри.

Как часто я думал о том, что филологи убивают и утрачивают смысл своего предмета в абстракциях слова, формы, резонерства. Так примерно обстоит дело и у нас, врачей, в то время как все живет только в контексте этой Богозданной, органическо-художественной взаимосвязи, конкретно *этой* человеческой личности с ее только ей присущим наследственным грузом прошлого, настоящего, с органичностью ее среды. Сравнительная анатомия учит нас по одной-единственной кости «выстраивать» в синтетическом созерцании весь организм. Медицинский диагноз требует от нас, чтобы мы по одному-единственному верно угаданному симптому чутьем, на ощупь, исследуя, созерцая, шаг за шагом выстраивали и восстанавливали систему дыхания человека, питания, циркуляции крови, рефлексов, внутренней секреции, нервного тонуса, образа жизни в целом. Осторожными вопросами, чтобы не обидеть и не насторожить пациента, наблюдениями и прогнозами про себя, о которых он не должен подозревать, мы должны, все суммируя, постепенно вносить поправки в выстраивающуюся линию органического наблюдения. Без любви это, конечно, не-

мыслимо. Без художественного созерцания этого не осуществить. Практикующий врач как бы уподобляется «идеографическому»⁴⁰ исследователю истории.

Человек, в сущности, — то, что он ежедневно делает или не делает. Достаточно ему забросить привычный для него ритм или целительный сон, как тут же из этих по небрежности упущенных факторов повседневности начинается развиваться недуг. Стоит ему хоть раз в день поразмяться греблей или овладеть искусством пятиминутного сна посреди жизненной круговерти, как он из этих, казалось бы, малозначительных факторов составит себе немалый капитал здоровья.

Вот почему здоровая «программа дня» может восстановить (и восстановит!) утраченное равновесие, принесет исцеление и поправку.

Истинная терапия не просто пытается устранить симптомы, а побуждает организм самостоятельно преодолеть и исключить эти симптомы навсегда. Дело не в том, чтобы отвести или предотвратить «exitus letalis»⁴¹, а в том, чтобы наметить такой образ жизни для данного больного, чтобы он был в радость ему. Вот тут и будет уместным сказать: не горько, а сладко лекарство; оно избирается в содружестве с больным, оно сугубо индивидуально; оно должно вызвать у него жажду жизни, доставлять ему счастье, выше поднимать в нем дух. Здоровье есть равновесие и радость. Терапия — это путь из мрака страданий к свету упований.

Есть поговорка: «Подбирай не Сеньку по шапке, а шапку по Сеньке». Применительна она и к лекарствам, и к самому больному. Нет панацеи на все случаи жизни, нет всеисцеляющих «инъекций». Кажется нелепостью, когда врач какое-нибудь новое средство или новый образ жизни навязывает всем без разбору пациентам, экспериментируя, внушая, победно торжествуя. (Я все это называю «прокрустовым методом»). Такие врачи всегда были и есть. Такой врач «любит» тех из своих жертв, которым его лекарство «помогает», то есть которые дают пищу его тщеславию; и холоден, если не сказать враждебен, к тем, кому его мнимая панацея не помогает.

Тем самым я никоим образом не отказываюсь ни от лабораторий, ни от методов анализа, ни от рентгеноско-

пии, ни от разного рода измерений и калькуляций. Я хочу только сказать, что все эти арифметические и механистические выкладки имеют в нашей практике определенное значение лишь как азбука в тексте терапии, то есть как естественнонаучные азы диагноза, но не сам диагноз. Диагноз — это живое, художественно-любственное созерцание страждущего брата, а терапия — это дифференцированно-исследовательский подход к восстановлению утраченного равновесия организма.

Однако и это не все. Горе тому из нас, кто упускает из виду, кто не принимает в расчет *духовную проблематику* пациента! Врач и пациент — это духовные величины, имеющие обоюдную причастность к судьбе страдающего. И это надо понимать. Ведь человек не гриб, не лягушка. Энергия его физической сущности — его соматическое «я» — дана ему затем, чтобы он потреблял и сжигал свой физический потенциал в духовном труде. Есть люди, которые слишком неэкономно расходуют этот потенциал, слишком «горят» и от этого немало страдают. Есть и такие, которые пытаются пустить в расход только физическую энергию своего «я», духом не живут совершенно, и от этого терпят большой крах. Есть недуги аскезы и недуги разнузданности. Есть болезнь пренебрежения телом — отсюда его истощение; есть болезнь пренебрежения духом — отсюда его немощность. Врач все это должен увидеть, найти подход к пациенту и начинать лечение; главное, чтобы все это было не явно заметным для больного. Нельзя лечить тело без учета духа, но дух зачастую и слышать не желает о том, чтобы им занимались. Поэтому всем нам надо проникаться тонкостями исцеления духа, всегда иметь при себе как бы «очки наблюдения» невропатолога...

Только так мы подойдем к методу синтетического, творчески живого созерцания. Только так постигнем сущность страждущего брата. Только так проследим за тайной только ему свойственных страданий.

Дорогой друг! Эти сбивчивые замечания я хотел бы вручить вам как своего рода кредо. В них — ничего от выдумки; я высказал лишь то, чему следовал всю свою жизнь. Все это — в традициях русской культуры и все это надо, по возможности, передать идущим на смену

нам поколениям. А так как я свой земной путь закончу, безусловно, раньше вас, то попрошу об одном одолжении: опубликуйте строки сии, когда и где сочтете целесообразным, не упоминая моего имени. Дело ведь не в имени, как Вы понимаете, а в истине».

Письмо заканчивалось дружеским приветом и было подписано полным именем автора.

34. О ПОЛИТИЧЕСКОМ УСПЕХЕ

Забытые аксономы

Самые опасные людские предрассудки, как правило, замалчиваются. Особенно это касается политики; один из предрассудков которой примерно такой: «что такое политика — известно каждому, об этом и говорить не стоит...»

Но откуда это «известно»? Откуда к людям приходит правильное понимание всех тонкостей, хитросплетений, предопределений судеб, которые таит в себе политика? Неужто это дано им от природы? Или открывается во сне? Откуда этот предрассудок о политике, как о чем-то само собой разумеющемся в то время, как сущность ее дано ухватить только глубокому, острому, благородному взору? Не обязан ли современный политический кризис именно этому предрассудку? Не является ли поэтому наш век отрезком величайших политических крушений в мировой истории? И не пришла ли пора извлечь уроки из них и подумать о более светлом?

Было бы увлекательной, захватывающей задачей проследить историю человечества, дабы установить, какие предпосылки ведут к *политическому успеху* и что надо сделать, чтобы обеспечить его. Человеческий опыт в этом аспекте богат и поучителен — начиная с античности до наших дней... Кто имел политический успех? Как это ему удалось? А кто потерпел фиаско? Почему? Из-за чего? И наконец, что такое вообще политический успех?

В пространной и зачастую вырожденческой сфере политики отдельные люди и даже целые партии могут иметь *мнимый* успех, который на деле вовсе не является таковым; скорее — это фатальный провал. Очень часто под «политикой» понимаются всякие действия и домогательства, направленные на *завоевание государственной*

власти; тогда все средства хороши для ее достижения. Все, что делается *ради* власти, за власть и посредством власти, большинство именует «политикой», независимо от того, что является *содержанием*, *целью* и *ценностью* подобных устремлений.

История знает немало людей и партий, которые ни на йоту не пеклись об *истинных* целях и задачах политики, о политическом сообществе, о благосостоянии народа, об Отечестве своем, но — «делали политику». Они жаждали власти, жаждали господства, они даже не знали, с чего начать. Порой открыто заявляли, что преследуют исключительно интересы какого-то одного класса, а о народе или Отечестве в целом мало или вовсе не помышляют. Порой они лицемерно прикрывались социальной программой, чтобы потом, придя к господству, преследовать собственные цели и интересы...

Если на их долю выпадал «успех», им как-то удавалось вырвать власть и превратить свою жизнь в триумф деспотизма и честолюбия, это означало победу только в их личной жизни, а для истории народа это было *мощным политическим провалом*, возможно, даже *катастрофой*. Их борьба и карьера по форме были «политическими», поскольку они рвались к власти, а дорвавшись — злоупотребляли ею; но по содержанию их поведение было по меньшей мере *аполитичным*. Личное их процветание было бедой и горем для народа. Захваченное оружие — государственный аппарат — было «политическим», но поставленные цели и следствия их были *антиполитическими*. Путь, которым они шли, был и для них самих, и для множества людей вроде бы «политическим», но способ действий их и все затеваемое ими было *противным природе государства и общества*, было *асоциальным* и *противоправным*, служило источником *несправедливости*, *ненависти* и *страданий*, то есть было *аполитичным* и *антиполитическим* в прямом смысле слова.

Значит, не стоит смотреть на политику с формальной стороны, не стоит оценивать ее *извне*. Это не гонка тщеславных за власть. И вообще не стоит судить о деяниях рода человеческого только по методам и способам претворения их в жизнь — будь то сфера медицины, искусства, экономики или политики. Определяющей и задающей

мерой здесь остается, как всегда, более высокая, более предметная жизненная цель, о которой мы и поведем речь.

Государственная власть — это всего лишь средство, орудие политики; основополагающим же остается великое, содержательное: *для чего* все эти домогания? Политика — это не только «форма» или «метод», это и *форма* и *содержание* одновременно. В ней есть целеполагание и целенаправленность. А потому политический успех состоит не в захвате государственной власти, а в правильном использовании и применении ее.

Значит, есть мнимый и есть истинный политический успех. Мнимый успех — это частный успех владыки. *Истинный успех — это общий успех народа в целом, это общественный успех.* Кто довольствуется только своим личным преуспеянием, не заботясь о благе народа, тот становится предателем его.

Следовательно, истинный политический успех отвечает *насушной потребности здоровой политики.*

Так что же такое политика?

Политика — это прежде всего служение. Это не «карьера», не личный взлет, не удовлетворение амбиций, не властолюбие. Это *служение народу*; не отдельным классам и группам, а народу в целом. Сущность политики не в том, чтобы разделять или вносить раскол, а в том, чтобы *объединять*. Народная жизнь *органична*: одна часть нуждается во всех остальных и служит им; никто не должен, не имеет права процветать за счет других; каждый реально заинтересован в благополучии другого, страдание одного является бедою для другого и для всех в целом. Вот почему политика — это то, что способствует *органической солидарности всех*; а истинный политический успех дается только тому, *кто живет органическим мышлением и созерцанием.*

Программа *всеобщей органической солидарности* понятна не всем; близоруким и своекорыстным она вообще недоступна. История знает немало таких ситуаций, когда массы отвергали истинно политическую программу, клюнув на аполитичные или антиполитические выверты демагогов. Но это не обескураживало провидца или человека твердых убеждений. Он оставался верным своей программе даже тогда, когда оказывался в полном оди-

ночестве. Надо иметь немало гражданского мужества («civil-courage»), чтобы пережить это одиночество, как бы перечеркнув сиюминутный жизненный успех. Политический успех придет к нему позже, со стороны грядущих поколений. Если же он найдет сегодня у людей понимание своей политической программы, он будет бороться до конца, создавая все большее число единомышленников.

Ибо политика есть *искусство объединять* людей, приводить к *одному* знаменателю множество желаний, зародившихся во множестве людских голов. Речь идет не о любом «объединении» людей. Можно ведь объединиться и на аполитичной основе антиполитических содержания, и тогда политика становится неполитикой, потому что блуждает по окольным путям всеобщей порчи. Значит, дело не просто в *единении*, а в *политическом единении по форме и содержанию*; лояльном по форме и жизнеустроющим по содержанию. Добиться этого — задача истинной политики.

А это означает, что политика есть *волевое искусство*, искусство *общественного волеизъявления*, которое надо организовать, но организовать так, чтобы *единение множества* индивидуальных волей не утратило по дороге *силу единого волеизъявления*. Истории известны случаи, когда «единение» состоялось, но реальной волевой силы под собою не имело. Добиваясь «единства», люди делали так много «уступок», что в результате никто уже не хотел его, и оно обрушивалось, как карточный домик. Политика — это искусство общественного волеизъявления в его целокупности.

Единение не должно исключать *свободы воли*. Истинное единение свободно, то есть совершается оно без принуждений извне, без устрашения воли индивидов. Однако удастся это не всегда. Единение всех до одного — это или исключение, или несбыточность. Значит, *множество* должно объединяться свободно. В авторитарных государствах правит компетентное меньшинство, которое свободно объединяется и пытается вызвать к жизни единение большинства. В тоталитарных государствах свобода объединения исключена напроочь. Истинная же политика есть *искусство свободного единения*.

И чтобы оно состоялось, надо, чтобы лучшие люди из народа (те, кто намерен служить делу всеобщей органической солидарности) сплотились сами и приступили к сплочению общества. Если лучшие политики не делают этого в верном направлении, это сделают неполитики или антиполитики. Это означает, что политика требует *отбора лучших людей* — служителей и провидцев, обладающих искусством единения или способных к нему. В этом плане *любое* здоровое государство стремится к *такому отбору* и поступает правильно. Народы, которым такой отбор не удается, ждет большая беда. Вот почему все, что вредит политически деловому отбору лучших, все, что извращает или губит его, неправомерно по отношению к народу; неправомерна всякая конспиративная спайка, всякая честолюбивая клика, всякая продажность, всякая ложная протекция, всякое кумовство и келейность. Кто по-настоящему стремится к политическому успеху, тот должен неуклонно, последовательно проводить *деловой отбор лучших людей*.

То, что этот отбор способен дать народу, есть *возможный оптимум в пределах органической солидарности всех*. В связи с этим возникает ряд вопросов: куда идем? какова цель? в чем состоит солидарность? что делать для достижения ее? за какие меры приняться? какие законы издать? Отвечая на эти вопросы, надо исходить из *лучшего*. А это и есть *оптимум*. Он находится на линии, ведущей к осуществлению идеала народной жизни. Значит, истинная политика *без идеала невозможна*: она ставит пред собою стратегически прекрасную цель и стремится к ней. Она не бродит в тенетах случайностей, не путается в безыдейной и беспринципной меркантильности, не предаётся легкомыслию, не страдает недалекостью. Истинная политика видит четко свой идеал, а потому ее можно назвать *идеалистической*. Но этот оптимум может стать чистой иллюзией, или химерой, если не содержит в себе *реальных возможностей данного народа на данном отрезке времени*, если не принимать в расчет духовные, хозяйственные, военные и дипломатические аспекты. Этот оптимум должен иметь почву под собою, должен быть *реально обоснованным* и хорошо продуманным. Истинная политика *реалистична*, по сути дела —

идеально реалистична; она всегда зрит в даль, она не конъюнктурна, но ответственна, трезва, далека от утопий. Безыдейная политика и сама немощна, и силы народа изматывает. Мечтательно-утопическая политика — это самообман, разочарование, растрата энергии. Истинная же политика стремится к возможному оптимуму и к реализуемому максимуму этого оптимума.

Чтобы на деле осуществить все это, политика нуждается в *возможно лучшем государственном устройстве и возможно лучшем подборе правительственных кадров.*

Государство — это властное образование и в то же время — свободное образование. Две этих координаты определяют его задачи и его границы. Если *власть «сдаст»*, все рассыпается в беспорядке, читай — в анархии, и государство превращается в хаос. Если она отрекается от служения *свободе*, все сжимается от страха, принуждения и террора, и государство превращается в каторжную тюрьму. Верное решение задачи состоит в том, *чтобы государство черпало свою силу в свободе и грудью стояло за свободу*; другими словами, граждане должны видеть в свободе свою духовную силу, а свободу и силу свою возводить на ступень государственной власти.

Власть должна повелевать и, если надо, понуждать и наказывать. Ее воля, ее импонирующий народу императив твердости не должны покидать государство. Но верховность его должна гарантировать, уважать и соблюдать свободу. Внешняя сторона государства (порядок, налогообложение, законодательство, судопроизводство, администрация, военное дело) не есть нечто независимое, не есть *чисто внешнее отправление*. Будь это только внешним, механистичным способом жизнеустройства, без души и сердца, государство рано или поздно рухнуло бы. Жизнь государства есть *выражение внутренних процессов народного духа* — его мотиваций, волеизъявлений, импонирования, акцентирования, самоограничения, послушания, дисциплины. Государство и политика живут правосознанием народа, черпая из него свою силу; живут правосознанием и лучших, и посредственных. Есть правосознание народа — есть и государство; разлагается правосознание — разлагается и государство, а зиждется оно на *свободной лояльности*.

Вот почему всякая истинная политика есть политика воспитания и упорядочения национального правосознания — воспитания в свободной лояльности и к свободной лояльности. Вот почему истинный политик должен заботиться о том, чтобы государственное устройство и правление были приемлемы для национального правосознания и на деле воспринимались им. Авторитарное правосознание народа исключает демократию; индивидуалистическо-свободный настрой не потерпит тирании. Бессмысленно навязывать народу с республиканским укладом жизни монархию; ущербно заманивать в республику народ с монархическим правосознанием. Государственное устройство и правление — это функция внутренней жизни людей, функции их правосознания, то есть *духовного акта* в его конкретно историческом *своеобразии*.

Настоящий политик знает, что государственная власть черпает силу в свободе своего народа, а потому должен давать для нее простор и возможности проявления. А народ должен видеть в своем государстве и гарантированный источник свободы, и, так сказать, творческое отражение ее. Поэтому истинная государственная власть должна не только связывать, но и освобождать; не только давать свободу, но и повязывать своих граждан; повязывать, чтобы освобождать; освобождать, чтобы люди подчинялись и объединялись.

Власть не призвана, однако, *развязывать злые силы*. Горе народу, познавшему это! Свобода не есть разнузданность зла, разгул темных деяний. Негативное надо обуздать; иначе начнется злоупотребление свободой, компрометация ее и смерть. Зло надо обуздать, дабы добро стало свободным и смогло реализовать себя. Поэтому истинная политика *властно связует жизнь в целях настоящего освобождения ее лучших сил*. Но и скованные негативные силы не должны исчезнуть бесследно: истинная политика бережлива и экономна; она обладает искусством направить в позитивное русло, найти верное применение, использовать по назначению и отрицательные заряды в народе (все дурное, завистливое, разрушительное, разбойное, преступное, центробежное, продажное).

Такова сущность истинной политики; таков путь к истинному политическому успеху.

Политика — это *искусство свободы*, т. е. заботы о самостоятельном творящем правосубъекте. Государство, презирающее, подавляющее или исключаящее свободу человеческой личности, есть тоталитарное государство, достойное гибели или распада.

Политика — это *искусство права*, т. е. заботы о ясной, гибкой правовой теореме. Государство, издающее законы в неудобоваримой форме, в закостенелой лексикологической жесткости, в мрачном педантизме изложения, подрывает в народе доверие и лояльность, порождает произвол, коррупцию, приводит к застою.

Политика — это *искусство справедливости*, то есть бережного отношения к каждому в отдельности, понимания своеобразия личности каждого. Государство, не способное внимать своеобразию человека и социальной справедливости, накапливает в себе отрицательный заряд, который однажды непременно взорвет его изнутри.

Такова сущность истинной политики. Она проводится в жизнь через государственную власть; орудие власти должно сохраняться в чистоте; нечистая власть — ценность пагубного свойства. Политика дает человеку власть, но не для злоупотребления ею, не для произвола. Грязный политик, манипулирующий властью по своему усмотрению, совершает преступление перед народом. Истинный политик смотрит на свои властные полномочия как на *служение*, как на *долг*, как на *бремя*, и стремится постигнуть *искусство власти*. И даже если его искусство не справилось с решением проблемы созидания и свободы, он, *оставаясь верным своему долгу*, все равно должен нести бремя служения народу со всей ответственностью, не сдаваясь даже тогда, когда речь идет о жизни и смерти.

Государственная власть — это не легкая комедия, не оперетка, не маскарад. На ней скорее *отпечаток трагедии*, потому что в любой момент она может стать *трагедией* и в жизни вождей и в жизни народа. Поэтому истинному политику приходится рисковать, как солдату на поле боя. Тем самым мы хотим сказать, что политика — не для сластолюбивых людей.

Итак, истинный политический успех возможен только тогда, когда человек берется за дело со всей ответственностью и любовью...

Нет ничего плачевнее, чем безответственный политик, не желающий отдаться целиком своему делу; ни в грош не ставящий свои собственные начинания; не способный расплачиваться реалиями своей личности; убегающий от своей собственной тени. Трус по рождению не может рассчитывать на успех.

Нет ничего опаснее и политика без души: человек, лишенный этого самого главного органа духовной жизни; не любящий ни своих ближних, ни своего Отечества; не знающий верности (верность ведь выражение любви!); заведомо обрекающий на провал любое свое начинание; не получивший из царства Божия ни единого луча для своей земной страны, — циник по призванию; политического успеха ему не видать. Вокруг его имени может подняться шум и даже очень большой шум; могут пролиться реки крови; могут произойти катастрофические бедствия, но путей для своего народа он не проложит.

Может быть, нам удалось хотя бы обозначить ориентиры, которые ведут к истинному политическому успеху.

35. О ХУДОЖЕСТВЕННО СОВЕРШЕННОМ

В том, что современное искусство, называемое модернистским, сбилось с пути и блуждает где-то на задворках, единодушно сходятся все истинные друзья искусства, которым не изменил еще здоровый вкус. Прекрасное будущее принадлежит не модернизму — этому выродившемуся искусству, создаваемому, восхваляемому и вкушаемому людьми без рода, без племени. После всех этих блужданий и тяжких страданий человек обязательно духовно окрепнет и создаст здоровое искусство; нет сомнений в том, что тонкие натуры уже предугадывают искусство грядущего, предчувствуют его приход.

Пытаясь себе его представить, нужно прежде всего отказаться от необходимости идеи неслыханного новаторства и сокрушительного переворота. Вся эта погоня за «новшествами», «потрясениями», «головокружениями» и пр. суть порождение беспомощного тщеславия у автора и скучающего, ищущего острых ощущений снобизма

публики. Будущее, конечно же, подарит нам новое искусство, но это новое будет создано *истинным духом и глубиной сердца*, ведь именно в них зачиналось когда-то истинное искусство и ими вынашивалось. По-настоящему духовная глубина имеет свои законы, не подверженные субъективному произволу, не подменяемые преднамеренными измышлениями или надуманными конструкциями. Новое искусство даст нам *новое содержание*, а не новую пустоту и пошлость. Оно создаст *новую форму*, а не новую бесформенность, своего рода новую разнузданность в житейском мире. Оно многое разрешит себе, но исключительно в рамках *духовной необходимости*, ибо в ней — критерий дозволенного и мера допустимого: в искусстве верно только *необходимое*.

Искусство будущего снова станет *укорененным, органичным, обретшим под собою почву*. Это вовсе не означает школярство, педантизм, тяжелую поступь, суровую мину, занудные наставления. Нет. Это будет совершенно другое измерение, не связанное ни с цензурой содержания, ни с предписанием формы. Это будет измерение, связанное с *первоисточником замысла, разворачиванием его и способом воплощения в художественном образе*.

Пока искусство придерживается верного пути, оно не нуждается в цензуре *содержаний*, потому что оно являет собою (внутри и изнутри) самую строгую и самую доверительную цензуру, какая только возможна; цензуру *предметной необходимости*, которая впоследствии поверяется и подтверждается художественной критикой. Что же касается *формы искусства*, то и вовсе нет надобности предписывать: она не подчиняется никаким поползновениям извне — ни рыночному спросу, ни прямому нажиму политической диктатуры, разве что требования подобного рода совпадают с духом художника, с его внутренним голосом. Поэтому мы вправе ждать от искусства новых, т. е. исконно первичных содержаний и новых, т. е. *оригинальных*, форм. Это будут пра-образы на пра-языке оригинала; одним словом — неиссякаемый поток духовной пищи и благословенного счастья...

Это новое искусство будет пр-истекать из выстраданных людьми испытаний, лишений и бедствий; из обновленных первоисточников, родников и методов творчест-

ва. Человечество неуклонно идет навстречу возрождению *здорового художественного акта*.

Структура его по существу своему *свободна* и является отражением творческих потенций художника. Тут ничего не предпишешь; тут нет обязательных рецептов. Но внимательный зоркий глаз должен уловить те ограничительные рамки, несоблюдение которых грозит вырождением искусства.

Художественный акт, как бы он ни складывался в голове творца, *не может получать направление извне*, иначе ему — конец. Художник не должен идти на поводу у *моды*, потому что те изначальные пласты, в которых залегают художественные содержания и которые питают их непосредственно, ничего не знают о моде. Художник (портретист, архитектор и т. д.) не должен принимать от своих заказчиков каких бы то ни было «авансов» относительно содержания; другое дело, если обыкновенный смертный выносил в себе нечто подобное (в плане художественного созерцания) и по-братски обменивается им с художником... Художник с самого начала должен преодолеть в себе мысль о «неуспехе», «непонимании», «нерентабельности» своего труда в материальном плане — все это не должно его пугать. Искусство не есть направленный вовне промысел, оно есть *внутри ориентированное служение*, художник же, непонятый и отвергнутый бессребреник, должен спокойно и достойно идти своей дорогой дальше.

Ведь ему предстоит важное, высокое служение во благо всего человечества; он ведь *свободный и неподкупный «прорицатель»* самых значительных и сокровенных *содержаний духа*. Это его призвание, которому он отдает себя; это его должность, в которую он добровольно вступает. Его призвание предполагает в нем определенные склонности и умения, которые ему придется совершенствовать. Не каждому дано созерцать сокровенные содержания духа, развивать это созерцание, следовать увиденному со всей ответственностью, в строгом послушании вынашивать задуманное и изображать его в оправданно необходимых (адекватных) образах. К этому все и сводится. Искусство, не знающее этого или не желающее об этом знать, не есть искусство; это скорее безответствен-

ная игра или доходный промысел, а может, и то, и другое вместе: в жизни всякое бывает. Но если такие затеи начинают вытеснять или подменять искусство, наступает период кризиса и декаданса, то есть отпадение от своего призвания и от своего предназначения.

Настоящий художник *служит в духе*. Ему ни к чему развлекать и увеселять публику, поддакивать ей; его дело — глядеть внутрь, прислушиваться к своему духу, служить ему, повиноваться, погружаться в него, «черпать» из него, вызывать его, возвещать о нем. Не его дело продавать и торговаться. Он должен как бы заклинать в себе «дух земли», пробиваться в пространство духовных содержаний и черпать из него *предметность своих медитаций*. Он должен поставить себя на службу миру, его сокровенной борьбе и страстям, погружаясь в них без остатка. И чем ответственнее будет его служение, тем глубже будут его медитации; чем категоричнее он изгонит из себя произвол, тем «истиннее» будут его «прорицания»; чем строже и серьезнее будет его внутренняя дисциплина, тем благоуханнее и слаще будет мед его искусства...

Но для этого ему нужна и внутренняя, и внешняя свобода, которая в принципе доступна любому человеку*. Ему нужна свобода выбора, чтобы нести в одиночку свою ответственность, чтобы сполна удовлетворять требованиям, которые выдвигает художественное творчество. К источникам его искусства не дотянуться никакой цензуре; и только конгениальный критик может со временем сказать, справился ли он со своей задачей. А чтобы справиться, художник в своей «лаборатории» должен быть и должен оставаться свободным — в созерцании, суждении, выборе, красках, тональностях, в слове, жестах, символах. Он должен быть *субъективно свободен*, чтобы ухватить и выразить объективную необходимость; ту самую, изнутри увиденную необходимость, которая есть главное в искусстве.

Эта своеобразная необходимость суть *критерий истинного искусства*. Основательно схваченная и целостно

* Смотри этюд 29 «Творческий человек».

выраженная, она придает произведению искусства ту свободную *«убедительную силу»*, ту законную *полноту* и ту *власть*, которые вызывают в нас чувство удовлетворения и счастья и по которым *узнаются шедевры*.

У настоящего художника всегда такое ощущение или даже осознанное убеждение, что он в своем творчестве *не все может*, что выбор материала и формы ни в коей мере не диктуется его произволом или тщеславием; просто он *должен*, он *смеет* сказать. И вот это «смею-должен» является основополагающим в художественном творчестве; и хотя крайне осложняет работу, зато ставит ее на соответствующий уровень. Этим, как нечто несостоятельное, невозможное, исключается бесчисленный выбор вариантов. Наивному новичку кажется, что он «сможет все», что захочет; он принимает всерьез любую «выдумку», любую субъективную, прилепившуюся к нему идею, принимая ее за художественное вдохновение; он считает «замечательным» все, что доставляет ему радость. Но настоящий художник знает, что он должен всего лишь *посметь* и что если нет этого чувства «*смею*» для выражения себя, значит, он и *не смеет*. Его творчество духовно *связанно*; и связанность эта состоит в том, что он, созерцая и вопрошая, ищет именно ее. Спокойно и уверенно он чувствует себя только тогда, когда в своем «смею» он осознает и свое окончательное «должен», то есть он не столько может провести такую-то линию, нанести такую-то краску, ввести такую-то модуляцию, взять такой-то речевой оборот, сколько *должен*; то есть все это не просто допустимо, не просто возможно, а *необходимо*, и надо уступить этой необходимости. Он *не смеет* иначе, а потому и *не хочет* иначе; а потому и *не может* иначе. Только тогда он чувствует себя уверенно; только тогда на него нисходит покой. Потому что не субъективный произвол задавал ему меру, а *внутренняя необходимость* правила им, и он с радостью внимал ей.

Серьезный художник всегда старается уловить в себе эту необходимость и следовать ей. Всякая линия, проводимая им, остается для него проблематичной, остается «просто возможностью», «не более чем возможностью» до тех пор, пока он не почувствует ее чем-то твердо вписавшимся, чем-то органически живым, чем-то строго

соответствующим задуманному. Порой для него бывает невозможно или предельно трудно сказать, куда вписывается такой-то штрих, как описать такой образ. Но внутренний опыт подсказывает ему недвусмысленно и четко, что найденный штрих действительно соответствует существенному, задающему меру, хотя и сокрытому содержанию. Он «верен», «обоснован», носит характер таинственной, но очевидной «подлинности», так что его можно даже назвать исходной точкой в своем роде. Он сродни прочному камню на болоте: на него можно уверенно встать, оглядеться и нащупать путь вперед.

Это ощущение *органической необходимости* не иллюзорно и не обманчиво в художественном творчестве, а полно значения, и значения — решающего. Это как бы расшифровка текста: мы ничего не сочиняем от себя, не фантазируем, а стараемся правильно разобрать объективно-данную, лежащую перед нами криптограмму. Настоящий художник пытается выразить криптограмму своей концепции в образах — *адекватно, точно, соответствующе* — в словах, звуках, красках, жестах.

Им владеет верное, безошибочное чувство, что он не создает, а воссоздает предмет; и в этом он абсолютно прав*. А когда, закончив свое произведение, показывает кому-нибудь или отдает на выставку, ему все время кажется, что не совсем закончены какие-то места, штрихи, речевые обороты; не до конца обоснованы они, не вполне предметны, недостаточно точны. Тогда он начинает прислушиваться к критике и сразу же чувствует, кто говорит исходя «из предметного созерцания» и художественной необходимости, а кто застрял снобистски во внешнем, в условностях абстрактных форм или аутистических спекуляциях и потому говорит только «по поводу».

Скупые, но пронизательные замечания истинного критика он принимает и знает им цену; соглашается, видит, что его поняли, его поощряют; критик становится ему другом и помощником. А самоуверенных резонеров, «рецензентов по поводу», он не принимает в расчет, хотя их разглагольствования нередко задают тон обществен-

* Смотри этюд 29 «Творческий человек».

ному мнению. Должно быть, их имел в виду Л. Толстой, не без юмора заметив однажды: «Критика — это когда глупый человек пишет об умном»⁴²...

В любом произведении искусства надо различать три аспекта, скорее три слоя, которые в реальности лежат не *один над другим, а один в другом*; то есть тут есть как бы ядро и две скорлупы; ядро «просвечивает» через обе скорлупы, и внутренность одной можно узреть только посредством другой. Однако такая образность далеко не точна, это всего лишь намек.

Внешний слой искусства можно было бы обозначить как *«эстетическую материю»*. Это *чувственно уловимый компонент художественного произведения*: слово в литературе, краски и линии в живописи; звуки в музыке; камень, дерево и металл в скульптуре и архитектуре; пластика тела в танце. Чувственно уловимый материал искусства имеет свои законы: фонетические, грамматические и стилистические правила в литературе; физические, математические и акустические законы в музыке; физиологические и анатомические данные как основа для танца. И чтобы художественное произведение удалось, надо соблюдать эти законы. Фонетическая несурaziца, грамматические погрешности, стилистическая беспомощность могут вконец погубить стихотворение. Нечистые, фальшивые, диссонансные, монотонные, с параллельными ходами аккорды могут испортить любой музыкальный труд. Противоестественные, искусственные, неповоротливые, акробатически вымученные движения в танце сделают его несносно фальшивым.

Но все эти столь нужные, элементарные как азбука законы чувственной материи, *не являются высшими и последними необходимыми* в искусстве. Осязаемая материя — далеко не самое важное в искусстве; ее нельзя рассматривать как нечто самодовлеющее. Напротив, это нечто вспомогательное, то есть что служит лишь носителем, инструментом, символом того самого содержания, которое предстоит выразить в образах. Носитель должен соответствовать содержанию, быть на высоте его. Инструмент должен быть послушным. Символ должен быть выразительным и содержательно насыщенным. Повелевателем же является *художественное содержание (эстети-*

ческий образ и говорящий с нами его языком эстетический предмет). Это оно властно выбирает и подыскивает слова, краски, тона, плоскости, жесты. И в материи художественно добротны только те, что затребованы содержанием. Вот почему эстетическая материя должна рождаться из содержания, должна быть обоснована им и оправдана им. Художественно только содержательно необходимое; художественно совершенно только точное, неизбежное, берегающее силы, выразительное, прозрачное, направленное к сущности художественного произведения. Эстетическая материя должна отдаться в распоряжение содержания с предельной гибкостью, податливостью, готовностью; она должна покорствоваться ему, но, имея свою протяженность, не отрекаться от собственных законов.

Второй «слой» художественного произведения есть заявляющий о себе, требующий восприятия эстетический образ. Это схваченная воображением художника картина, требующая для своего воплощения материю, из которой она могла бы светить. Эстетический образ может носить на себе отпечаток чувственной природы (материальных вещей — цветка, дома, ландшафта); может иметь и нечувственную природу (душевный настрой, характер, духовная борьба). У всех этих образов — свои, особые законы; каждый должен представлять нечто подлинно объективное, наглядное, правдоподобное, неповторимое, законченное, в самом себе достоверное, связанное, возможно, и с другими образами. Расплывчатое, смутно поданное, взятое в дурном ракурсе, противное природе вещей, фрагментарное характерно для плохого искусства. Не до конца продуманные, не до конца выношенные, ступенчатые человеческие характеры, поданные в психологически неестественных ситуациях, безжизненные, аффектированные слова и противные природе поступки рождаются только у плохих художников, их искусство есть явный провал. Все оказывается надуманным, фальшивым, неприемлемым, разочаровывающим, утомительным.

Однако законы второго слоя тоже не самостоятельны, не самодовлеющи, поскольку весь строй художественного произведения подчиняется опять же чему-то самому высокому и самому важному, а именно — *главной идее* его, «эстетическому предмету».

К этому третьему, глубинному слою, к этой *«говорящей из себя сущности»* сводится все остальное. Все образы художественного произведения должны проистекать из нее, разворачивать ее содержание, следовать ее ритму, выразить ее волю. Слой образов должен четко, верно и экономно передавать *«эстетический предмет»*; как бы служить для него в качестве достоверной, проницаемой светом Среды, чтобы он светился ею и из нее, скрываясь и раскрываясь одновременно. Вот почему все образы художественного произведения — романа, драмы, картины, симфонии, балета — должны быть в распоряжении эстетического предмета со всей возможной для них готовностью, гибкостью, податливостью.

Вот это самое ядро произведения, ради которого все делается, к которому все сводится и без которого все распадается, и есть основополагающая концепция художника, которая приводит в движение его творчество. Именно она находит нужные образы и нужный чувственный материал. Она как *«духовный цветок»*, который встретился художнику на просторах духа, пленил его, и он взял его с собой, для своего произведения, чтобы показать другим. Этот «цветок» можно было бы назвать «идеей», но — без рационалистического налета, т. к. «идея» постигается *иррациональным*, а это уже не мышление, а «созерцание», и созерцание не в чувственной форме, а *сердцем: луч света*, идущий из него, выхватывает сущность предмета и надолго удерживает ее*.

Этот «цветок духа» — не субъективное измышление, не аутистичная химера творца. Это — реальность, и притом духовная реальность. Ее можно было бы назвать *«прообразом»* или живым способом бытия, классическим, доступным любому человеку *жизнеобстоянием*, которое «прочитывает», переживает или созерцает художника. Оно открывается ему в Боге, в человеке, в природе вещей. Ведь только в Боге — совершенство, вечность, милость; только в человеке — греховность, совесть, мотивы, борение страстей, ненависть, зависть, раскаяние; только в Боге, человеке и природе вместе — покой, кипенье,

* Смотри дальше этуод 41 «Сердечное созерцание».

свет; только в человеке и природе — сон, жажда, просветление, увядание... Все это открывается ему в статике, динамике, простоте, необычайной сложности и пр. В выборе этих духовных «прообразов» и «первичных состояний» он свободен. Главное — пережить в действительности состояние, охватывающее его, чтобы заговорить *о нем* и *из него*; заговорить языком истины. Духовный опыт такого рода не есть монополия художника. Он доступен каждому, в том числе и самому наивному, лишенному критичности обывателю, и критику по призванию, способному к восприятию художественного произведения во всей его целостности и в отдельных пластах.

Произведение искусства как бы хочет сказать человеку: «Позволь мне войти в твою жизнь, позволь вселиться в душу твою; я подарю тебе муку, счастье, свет, глубину, очищение, мудрость»... Короче, «возьми меня, и я дам тебе радость и разумение»; или: «вот тебе новая духовная медитация в образах, сделай ее своим переживанием»... Человек, действительно воспринявший в себя такое произведение, медитирует сокрытой в его образах медитацией, приобщается через материю к протянутому ему «цветку духа».

Смысл истинного искусства, сущность его и призвание — щедро дарить тонкий аромат духа. Художнику не приходится поучать, не приходится быть «тенденциозным»: непроизвольно, непреднамеренно (*desinvolto*) цветет он сам среди цветов духа и дарит людям их чистое, дивное благоухание.

Тем самым обретается и критерий совершенного искусства. В качестве установки можно его сформулировать так.

Будь верен законам *эстетической* материи. Законы ты должен знать, а материей хорошо владеть. Только тогда твой художественный аппарат будет полностью удовлетворять запросам художественного образа и твоим размышлениям над ним.

Будь верен законам *художественного* образа. Ты должен правильно ухватить своеобразие его и полностью подчинить его себе. Только тогда ты сможешь точно, в строгом соответствии своему замыслу и медитации, вы-

разить целый хоровод созерцаемых тобою образов духовного царства цветов.

Загляни в глубины своего созерцания сердцем и попроси Бога, белый свет и людей поведать тебе о тайне их бытия, чтобы загореться замыслом, чтобы постигнуть суть эстетического предмета.

Погрузись в пучину тебе предстоящего и вынырни из нее с жемчужиной в руках. Затеряйся в таинственных луговых просторах духа и сорви там самый милый цветок. Останься верным и этой жемчужине, и этому цветку. Только тогда ты, предметно одержимый художник, сможешь адекватно выразить образ и найти для него адекватный материал.

Давай необходимое, и только необходимое! Только укорененное! Ничего лишнего, ничего сверх меры! Давай только то, из чего сияет сам первообраз предмета!..

Вот — правило, вот — критерий совершенного искусства. Пройдя через горнило страданий, окончательно пробудившись от них, люди будущего снова обретут путь, по которому когда-то ступали великие художники прошлого, и начнут создавать новое, прекрасное искусство.

36. ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ?

Если философия еще хочет сказать что-нибудь существенное и жизненно важное сегодня заблудшему, до основ потрясенному миру, ей надо прежде всего творчески задаться вопросом: в чем ее смысл, что является предметом ее, каков ее метод? Ей надо снова обратиться к честному, преисполненному живого огня исследованию сущности духа. Если она не подступится к этому, не обретет в себе мужества поглубже заглянуть в себя и начать заново, она очень скоро превратится в доисторический гербарий под названием «Найден в середине XX столетия в засушенном виде»...

Первое, что должны сделать философы, — это отказаться от произвольного конструирования каких бы то ни было систем. Не надо нам никаких систем! Их изобретение — это всего лишь мнимая задача культуры, а не нечто само собой разумеющееся. Одно из двух: или философия есть продукт субъективной фантазии (и тогда ей не следует брать на себя задачу «выстраивания» не-

противоречивой, без сучка, без задоринки «системы», и каждый может как угодно фантазировать в меру своих способностей); или же философия есть предметно связанное исследование с вытекающими из него выводами (тогда ей и вовсе ни к чему заниматься выстраиванием системы и поисками логической безупречности). Тогда надо неукоснительно следовать сущности исследуемого предмета и преподносить его таким, *каким он в действительности есть*. Откуда это известно, что предмет, который мы исследуем всю свою жизнь, имеет отношение к какой-то «системе» и руководствуется законами какой-то логики? И кто нам дал право выдавать непомерные требования своего рационалистического рассудка за законы бытия самого предмета? Сущее бытие предмета не подчиняется трезвому рассудку... Добытая им «истина» должна соотноситься с «истинным бытием» самого предмета, а не наоборот. А это «бытие» куда глубже, живее, обширнее, богаче вымышленных нами «системок». Было бы куда как смешно, если бы шапка искала по себе голову. Все должно быть наоборот.

Так что философу не следует изобретать «систему», достаточно добиться *предметного* созерцания и мышления и спокойно предоставить «системность» на «усмотрение» самого предмета: если предмет есть действительно система, тогда философ должен точно следовать ей; если же предмет есть какой-то бессвязный конгломерат, тогда он должен указать нам на это «своеобразие». Исследующий свой предмет философ не должен себя навязывать; он ведь не бухгалтер и не унтер-офицер, чтобы строго выстраивать понятийный ряд. Ему не дано предопределять власть Всевышнего, от которого мы получили свой предмет (будь то Вселенная, природа, дух или что другое); не дано предписывать, делать вид всезнайки, рационалистически штопать «бреши» действительности. Сколько хорошего погубило под вывеской таких философских построений! Сколько превратных определений и пустых «конструкций» появилось на свет!

Значит, философии будущего придется раз навсегда покончить с предрассудком, а точнее — с навязчивой идеей систематизации. Надо не «конструировать», а честно, предметно исследовать. Надо проводить философ-

ский *опыт*, настраиваться на философское созерцание, а не сооружать «здание» методом дедукции. В философии, как и в других областях знаний, действуют следующие правила: самое легкое, самое непродуктивное, более всего импонирующее толпе есть дедукция; самое трудное, самое значительное, самое строгое, что отличает серьезного исследователя, есть *созерцающая индукция*. Философу необходимо реально пережить свой предмет, свои пережитые содержания перепроверить, дать их описание, представить на рассмотрение другим. И при этом — оставаться исследователем, абсолютно независимым от того, на каком языке он излагает познанное: в специфических терминах, с обилием цитат и примечаний или в скромном облачении обиходного словаря, без «кондуита» особых примечаний, без набранных петитом «великих откровений», рассчитанных на благосклонность читателя.

На вопрос, является ли философия наукой, не следует отвечать ни «да», ни «нет». Достаточно сказать, что разумно поступает тот философ, который смотрит на свою работу как на *исследование*; тем самым он берет на себя *ответственность* исследователя, демонстрирует *волю к предметности*, возлагает на себя *бремя доказательств*, совершенно не заботясь о том, что выйдет из всего этого: «монизм», «дуализм», «реализм», «идеализм», «рационализм» или «интуитивизм». Об этом будут судить со временем его критики, скажут кое-что друзья в надгробном слове, упомянут историки, а может, и во все ничего этого не будет... Неважно. Важно то, что он как истинный ученый сделал бы все лучшее, что мог, к чему стремился, исследуя предмет и чувствуя свою ответственность перед Всевышним.

Все вместе это означает, что есть *философский опыт*, который надо всячески культивировать.

Структура акта его далеко не однородна; философу-исследователю придется изначально смириться с тем, что ему предстоит все свои силы, все свои способности применять в самых разнообразных связях и самым чутким образом — сообразно требованиям исследуемого предмета, который, разумеется, является ему в самых разных аспектах.

Философ должен приниматься за дело только тогда, когда у него появляется ощущение в себе *Божьего луча*, который просится наружу. Это ощущение должно задавать ему меру в его поисках и находках, хотя в ходе исследований может оказаться, что это не «эврика» вовсе, а чистой воды иллюзия; а может наоборот — ведь человеку Божий луч дается в действительности множественным способом. Явления и переживания такого рода можно обозначить термином «*дух*». Он есть в человеке, природе, в том, что совершает творец с помощью Божией. *Духовное* как собственно предмет философии смотрит на нас из цветка и из горной цепи. Мы воспринимаем его в качестве очевидности, в коей раскрывается истина, прозреваемая нами. Оно завладевает нами в любви и в совести. Оно открывается нам в видениях искусства, которое создает непосредственно сам человек. Оно говорит с нами языком свободы и правосознания. Оно светит нам из источников религиозного откровения. И всякий раз требует от нас *по-иному структурированного опыта*, в который мы вкладываем все свои способности и умения.

Тот, кто намеревается заняться познанием истины, то есть посвящает себя проблемам очевидности и, следовательно, выступает *теоретиком познания*, должен прежде всего накопить собственный опыт очевидности в различных областях знаний. Тот, кто не испытал очевидности, кто не знает, из чего слагается и как выглядит изнутри это своеобразное переживание*, создаст в теории познания выхолощенную игру понятий и пустых конструкций. Однако очевидность дается человеку не только в теоретическом творчестве. В религии она воспринимается по-другому, чем в науке; в искусстве принимает формы, отличные от моральной сферы; в разнообразных отраслях знаний (в логике, математике, химии, астрономии, истории, юриспруденции) акт очевидности имеет свою структуру. Вне этого реально переживаемого, постоянно обогащаемого опыта очевидности любая теория познания безжизненна и пуста. Философ, не вкусивший ду-

* Смотри в моей книге «Я вглядываюсь в жизнь» этюд 73 «Очевидность».

ховной культуры, не почувствовавший себя ни в одной науке компетентным, а может, и вовсе отрицающий акт очевидности (тот же скептик, агностик, нигилист), немислим в качестве теоретика познания, напиши он хоть тысячи страниц на профессионально специфическом жаргоне. Ведь акт очевидности требует от исследователя дара всеобъемлющего созерцания, способности проникновенности, чувства глубокой ответственности, искусства ставить вопросы, подвергать достигнутое сомнению, упорной воли к окончательному уяснению его и живой любви к предмету*.

Кто, в свою очередь, хочет в качестве исследователя обратиться к Божественному лучу в сфере нравственности, тот прежде всего должен обогатить и углубить свой нравственный опыт. Нравственное не поддается никаким абстрактным конструкциям, никаким умозрительным уловкам, никаким теоретическим выкладкам и понятийным атрибутам. Нравственное надо реально пережить. Философ, толкующий о любви, радости, добродетели, долге, добре и зле, силе воли, свободе воли, характере и пр. по чужим книгам и понаслышке, не знает ничего; для него все это — темный лес, потому что нравственный опыт требует всего человека: его любви, его страстности, его деяний. Он должен отдать всего себя — все свои силы и жилы, свой жизненный успех, свою судьбу. Он должен предстать ответчиком перед своею совестью, руководствоваться ею в делах своих, провидеть в них свой конец и смело глядеть в глаза смерти, преодолев страх. Нравственный опыт не дается ни одному лежебоке, ни одному шелкоперу, ни одному дезертиру жизни. Кто хочет сказать слово об этике, тот должен знать, что такое любить, бороться, страдать, молиться в минуты сомнений, скромно воспринимать успех; должен испытать редкостную связующую, освобождающую, дающую твердую опору власть совести; рисковать в пределах совестного акта и чувствовать себя спасенным**. Только тогда раскроется ему этическая проблема и природа художественности.

* Смотри ниже этюд «Сердечное созерцание».

** Смотри в моей книге «Поющее сердце» этюд 30 «О совести» и в книге «Вечныс основы жизни» гл. IV «Совесть».

Философия искусств также требует от ученого разностороннего, глубокого опыта созерцания. Здесь крайне важно заглянуть под чувственно-формальную скорлупу внешнего проявления предметов искусства, открыть для себя органическое ядро совершенных по форме и содержанию художественных образов и убедиться в том, что субъективность вкуса в оценке их не есть решающий момент. Хорошо, если бы сам философ-исследователь был причастен к какому-нибудь виду художественного творчества — такой опыт носит совершенно другой отпечаток, если он сам способен пережить процесс зарождения замысла, вынашивания его, борьбы за идею, образ, форму; если он смотрит на все это изнутри, а не извне. Из сноба никогда не получится философа; холодное наблюдение, погоня за чем-то остреньким, возбуждающим никогда не заменят истинно художественного опыта. Искусство — это высокое служение во благо человеку и чистая радость воплощения Божественного. Вот почему исследовательский акт предполагает долгую, самоотверженную работу философа по облагораживанию своего вкуса и своих суждений, чуткое религиозное сердце, культуру вчувствования, созерцающую мысль*.

Исследователь, занимающийся *философией религии*, также должен обладать немалым опытом в этой области и живым созерцанием, которые позволят ему понять религиозный опыт других, сравнить его, поверяя своим собственным. Неверующий ученый в лучшем случае соберет сухую коллекцию чужих переживаний (по типу Уильяма Джемса⁴³). А глубоко верующий, склонный к религиозной отрешенности поступит правильно, ограничившись рамками дедуктивной теологии (вероисповедания), оставив в стороне необозримое поле чужих («неверных») догм.

Философу религии надо проникнуться толерантным, способным к вчувствованию, гибким актом созерцания, который откроет ему доступ в глубины человеческой религиозности, в многообразие Божественных лучей; заставит его понять их и воспринять в себя.

* Смотри выше этюд 35 «О художественно совершенном».

Что может сказать о красках мира человек, не способный их видеть? Что знает он о сущности цвета, если воспринимает только один-единственный цвет, считая «ложными» все остальные? Сердце Божие богаче и объемнее любой конфессиональной теологии, а поэтому вряд ли добьется чего философ религии исключительно дедуктивным методом*.

Наконец, *философ* права также должен найти свой предмет, вступить с ним в непосредственное исследовательское общение, обрести здесь своеобразный опыт познания и умело реализовать его. Назовем его пока здоровым, нормальным *правосознанием***.

Сущность его складывается в столкновении инстинкта самосохранения, духа личности и автономного волеизъявления; здесь инстинкт вынужден свободно покориться духу, а вместе они пробуждают автономную «волю к свободной лояльности». На этом пути в формировании свободного правосознания участвуют все силы человека: творческий инстинкт, любовь к родине и к ближнему; проникающее глубины духа созерцание; лояльная воля и концептуальность мышления; все тесно переплетено одно с другим, все укоренено в духе, притягивающем на лучшее в человеческой жизни; все станет в будущем основой для истинного учения о здоровом правосознании.

Итак, в целом философия есть наука, проистекающая из *духовного опыта* людей. Ее задача — сберечь этот опыт. Когда-то Сократ поставил перед античным миром такой вопрос: «Можно ли исследовать и познать добродетель?» Этот вопрос не утратил своего значения и поныне. Ответ же, который Сократ имел в виду и который пытался довести до ума своих современников, был в своей основе тем же, что и вопрос, а именно: человек только тогда постигнет сущность добродетели, когда сам будет ею жить и претворять на деле. В этом плане можно сказать, что человек, утверждающийся в духе, есть мера вещей, или: *философ, стремящийся продвинуться в*

* Смотри этуод 43 «Что такое религиозность?»; в книге «Вечные основы жизни» смотри гл. I «Вера» и гл. II «Любовь».

** Смотри «Вечные основы жизни», гл. VII «Правосознание».

своих исследованиях, должен реально пережить свой предмет и тем самым реализовать его. Иначе он не может и не смеет: он должен душу и жизнь свою сделать органом познания предмета. Став орудием духа, он и познает, и испытает его. А это означает, что философ по призванию должен неустанно трудиться над очищением своей души.

Он должен бороться за свой предмет или воспитывать себя к нему. Он должен выхаживать, проверять, перепроверять в себе *очевидность*; усвоить аскезу суждения; отточить «глазомер»; овладеть подспудными страстями; сделать акт восприятия более разносторонним и гибким; желать совершенного и добиваться его.

Он должен тренировать, укреплять в себе *совестный акт*; доверять ему, очищать свое сердце ради него, отдаваться ему; поступать *согласно ему* и *в свете его* подниматься на более высокую духовную ступень.

Он должен воспитывать, очищать свое *художественное созерцание* и свой *художественный вкус*; в каждом образе искусства находить сокровенный смысл; придерживаться аскезы суждения; и до тех пор добиваться идентификации своих работ с шедеврами искусства, пока оно не станет для него «языком богов», или иероглифом Божьим.

В *религии* он должен научиться созерцанию и молитве; и так укрепиться в молитве, чтобы твердо стоять против всего аналитического, сомнительного, скептического, иронического в аргументах безбожия. Он должен ощутить в своем сердце силу Божия огня и всю свою жизнь нести в себе горячий уголь веры: она откроет ему сущность религии и подарит живой орган для понимания всех религий мира.

Он должен растить, крепить, очищать и укоренять в себе свое *правосознание*. Он должен направить его на встречу Божию лучу, попытаться, где самые последние, самые благородные, самые чистые источники, мобилизовать свою волю к совершенству. Он обязан «ввести» свое правосознание в жизнь, поступать согласно ему, бороться, исповедоваться перед ним, научиться понимать его установки. Он должен остаться в его распоряжении, стать светлым инструментом его.

В этом истинный путь философа, на котором обнови́тся и обретет жизнеспособность философия будущего. Основной девиз ее будет таков: сначала быть, потом *действовать* и только затем *из добытого* в борьбе и муках деяния *философствовать*.

VI. ИЗНАЧАЛЬНОЕ

37. СВОБОДА

Во всем сомневается современный человек. Во всем абсолютно, не исключая свободу.

Сомневаясь в ней, он, разумеется, теряет ее. А мы ничуть не сомневаемся в свободе, потому что знаем точно, что она значит для нас.

Дыша свободой, человек мало думает о ней: он живет в ней, вкушает ее, плавает себе в ее легком потоке. Для него она как воздух; он дышит, не задумываясь о нем: вдох — выдох; легкие то поднимаются, то опускаются в своем природном ритме. О воздухе задумываются тогда, когда его не хватает, когда он тяжел, нечист, когда начинают задыхаться. Тогда вдруг не без ужаса спохватываются и начинают понимать, что без воздуха нет жизни, что не ценили его, а он, оказывается, так *необходим*...

Так и со свободой: человек не может жить без нее, она ему нужна, как воздух. Почему?..

Потому что любить он может только свободно. Любовь ведь искренна, цельна, не вынуждена, нелицемерна; она свободно зарождается и свободно дышит... Или же она не зарождается вовсе, но — заменить ее ничто не может...

Потому что *веровать* и *молиться* можно только свободно... А вера или охватывает последние глубины души (куда не дано пробиться чужим диктатам и запретам и где человек *автономно* созерцает и *автономно* верует), или же не возникает вовсе — и тогда человек остается неверующим. А молитва — как вздох, как песнь, как священное пламя; ее не вызовешь к жизни никаким предписанием извне.

Человек *мыслит* только свободно, потому что истинная мысль — это *самостоятельная мысль*. Самостоятельно мыслящий человек умеет ценить и чужую мысль, по-

тому что по себе знает спонтанную способность ее, и, может быть, именно поэтому его не собьет никакой авторитет, никакая видимость его.

Человек *зрит в корень* только свободно; только *свободное убеждение* чего-то стоит; только в нем и сила его; только его он и отстаивает; только за него идет на смерть...

Человек может *творить только* свободно — спокойно, без нажима, без запросов, руководствуясь собственным таинственным побуждением, благосклонно внимая сокровенным источникам жизни...

И *страждущий* человек, стремящийся творчески, осмысленно передать свои страдания, должен сполна пережить их, свободно созерцать их, свободно молиться, чтобы очиститься и просветлиться душою. Только пламя, бьющее из страданий, приподнимает человека выше — к Господу. Только свободное осмысление, только свободное обращение дает человеку орлиные крылья...

Любить, молиться, думать, исследовать, очищаться, прозревать, убеждаться, творчески формировать, образно отражать — разве все это не *самое важное* в нашей жизни, разве это не есть, собственно, наше предназначение на земле? Но тогда, значит, жизнь без свободы невозможна...

Да, так оно и есть. Все истинно великое в жизни возникает каким-то таинственным образом *из себя и через себя*. Это уже заметил Аристотель... Так живет природа, так воспламеняется любовь, так молится человек, так зарождаются науки и искусство, так преодолеваются духовные кризисы. Надо понять раз навсегда, что предписанное мышление есть не мышление, а звук пустой и механическое, сухое резонерство; что вынужденная любовь не есть любовь; что навязчивая молитва, идущая не от сердца, есть видимость одна, есть незадачливая попытка молитвы. Мертв и сух человек без свободы; расколот, неискренен, беспомощен, ненадежен. Его здоровый инстинкт и живой дух изменяют ему: они покидают захваченную диктатом извне его жизненную сферу и образуют потайную катакомбную жизнь, подчиняясь в ней свободному зову вдохновения, прислушиваясь к свободному голосу побуждений.

Так обстоят дела во всех областях жизни; *в хозяйстве* — тоже. Только свободный труд действительно жиз-

ненно необходим и производителен. Только непринужденный, добровольный, радостный труд благословен. Свободу принуждением не заменить. Тщетны все попытки такого рода, где бы они ни возникали, какие бы цели ни преследовали.

Кто этого не знает, тот все равно когда-нибудь все это на себе испытает и поймет.

Две большие опасности подстерегают свободу человека; первая — *недооценка свободы*, ведущая совершенно неожиданно к *отречению от нее и предательству*; вторая — *злоупотребление свободой*, ведущее к *разочарованию в ней и утрате ее*.

Любой человек, любой народ может однажды *спохватиться*, увидев, что свободы у него нет, а все оттого, что он или *недооценивал* здоровую, благодатную ее стихию, или злоупотреблял ею. Позора в этом особого нет, но налицо *беда* и — *урок*: придется идти дорогой страданий, терпения и освобождения.

Тому, кто утратил свободу, не сожалея о ней, придется изрядно пострадать прежде, чем он ощутит явную в ней потребность. А потом ему придется долго *терпеть* несвободу, пока он не поймет, что надо снова начинать *борьбу*. Избавление же, возврат к свободе станут возможными только тогда, когда он поймет, что надо ценить свободу, надо не злоупотреблять ею. Гнет порождает тихое накопление сил; накопление сил пробуждает потребность в свободе — осмысление, притязание, волю; в дальнейшем воля диктует борьбу за свободу и, что гораздо важнее, формирует способность удержать отвоеванную свободу, закрепить, дать ей достойное наполнение...

Свобода — это не нечто данное одними другим. Нет. Ее надо *взять самому*, правильно распоряжаться ею, наполнить ее *жизненными содержаниями в достойных формах*. Иначе снова начнется отречение от нее, злоупотребление ею, и все повторится сначала...

Свобода — это духовный воздух человека. Культура без свободы — видимость одна. Народы медленно, но верно идут к истинному пониманию свободы. А история, этот великий спиралевидный путь страдания, терпения и освобождения, идет тем временем своим ходом...

Мы не сомневаемся в свободе, так как точно знаем, что она значит для нас.

38. ДОБРОТА

Когда-то давным-давно было мне одно мрачное видение, которое время от времени посещает меня и сейчас...

В бесконечном, сумеречном мировом пространстве развернулась жестокая битва, которой не видно конца. Из первородного лона выходят все новые и новые единичные образы, каждый из которых жаждет для себя *все-го* и домогается *всего*. Прежде, когда все они покойно почивали в Боге, вездесущем и всемогущем, каждый был «всем во всем». Потом, пробудившись, они стали отделяться помалу и получать четкое очертание единичности. Но своего утраченного Богом благословенного состояния они уже забыть не могли и стали пытаться вновь обрести его, чтобы утвердиться в нем, хотя это были уже вполне единичные существа. Дело, конечно, безнадежное, как и сама борьба...

Но... начинаются алчность, домогательства, гонка, вытеснение, притязание, зависть, ненависть, убийства; один стоит у другого на пути; никто не собирается уступать; каждый старается хватануть и проглотить как можно больше; и ни один не понимает, что именно его *притязание* делает невозможным *достижение цели*... А борьба все жестче и жестче, все беспощаднее, и за что? — за невозможное; пока в изнеможении, муках и отчаянии не рухнет каждый, так и не осознав трагизма своих заблуждений. Тогда каждый теряет свое собственное обличье, растворяется в лоне предвечного и обретает утраченное благословение. Но в лоне универсума просыпаются все новые единичности, постепенно отделяются они от него и начинают отчаянную схватку снова.

Бывают времена, когда это видение кажется мне не призраком, а *слепком с реального лица, с человеческой истории*. Та же безнадежная борьба монад за обладание целым, та же ожесточенность посягательств, та же алчность и властолюбие, тот же трагизм незрячих экзистенций! И тогда я начинаю искать спасительный путь, искать целительное средство и открываю опять и опять дорогу, смиренную доброту самого обыкновенного человека.

Первое, что связано с ней, — это неучастие доброго человека в этой безысходной борьбе. Вся эта гонка, диктат, зависть, ненависть для него невыносимы, потому что нет у него к тому внутренних побуждений; и он устраняется от всего этого с отвращением и болью. Нет у него и потребности говорить всему на свете свое вечное «нет», выпячиваться или, как говаривал Леонардо, жить за счет других. Да, доброта гасит ненависть; в ней не зарождается зависть; у нее нет желания мстить. У нее нет охоты ни к насилию, ни к мести, ни к порицанию ни с того ни с сего, ни к легальному сутяжничеству. Она ищет мира; она добивается его своим искренним благоволением и печалуется при виде свары людской.

Истинная доброта отворачивается от этого зрелища и *прислушивается совершенно к другому строю вещей*. Она помнит о своем благословенном Богом состоянии, которое является ей в образе дивных видений — то в виде всепроникающей «эфирной субстанции Божией ткани», то рупором «вечного согласия», то «мировым органом»⁴⁴, то хоралом, поющим осанну, то вселенской симфонией, то усеянной звездами небесной сферой, от которой веет покоем и равновесием. Преисполненная таинственного предчувствия, проистекающего как бы из воспоминаний и обетований, созерцает доброта это Богу угодное всеединство, тоскует по нему, готовая в любую минуту взяться за его воцарение на земле.

Из всеединства Божией ткани исходит при этом доброта; она видит разрывы, пропасти и раны мира и пытается их исцелить. А жестокая злоба порождает эти раны, копается в них, живет расколотостью мира, даже не подозревая о существовании сокровенной, уповающей на обретение своей целостности ткани царства Божия.

Когда мы смотрим в глаза по-настоящему доброму человеку, мы ощущаем струящийся из них мягкий свет, в котором нам сразу же становится тепло и уютно. В них нет сарказма, настороженности, жесткости, неприятия, а только участливое внимание к нашим тяготам, к нашим бедам. Это не яркий свет потенциального прищуря; нет, это — приветный лучик из темноты в светящемся окне родного дома. Тогда удивимся мы близости далей, родст-

венности нам чужого, любви к незнакомцу, свершению невероятного.

Доброе сердце взором своим изливает в мир свое творчески неисчерпаемое «да». Потому что доброта — это открытая дверь, вечное гостеприимство, братский привет. Добрый человек — брат всякой твари, потому что помнит о своем родстве со всеми в Боге Всемогушем, потому что в нем течет вселенская кровь. Дверь в его сердце — это дверь в отчий дом, из которого мы все когда-то вышли, а теперь он принимает всех нас снова, суля спасение. Светит нам его добрый свет, а у нас такое чувство, что мы не заслужили и на йоту ни этой благодати, ни этого благословенья, ни любви. Но это истинная человеческая доброта самого Господа, а она, как известно, не ищет заслуг, изливая на нас свою благодать. И когда Божественная доброта лучится из человеческого сердца, льется потоком, сияет, тогда несносные раздоры и распри начинают среди людей стихать и, устыдившись, смолкают вечная борьба, и гнет, и зависть, и ненависть.

Добрый человек живет в Божией ткани и чувствует сердцем свою сокровенную связь со всем миром. Он не стоит, как холодный наблюдатель, в стороне; не претендует на свою исключительность. Нет, он сердцем откликается на жизнь другого, всегда готовый броситься на помощь. Благоклонно взирает он на мир. Любое существо, попадающее в его поле зрения, пробуждает в нем свет благоволения, зажигает в нем огонь Божией доброты, дарует ему тем самым радость. Вот почему преподобный Серафим Саровский встречал каждого человека со словами: «Радость моя», а его наставление «Человек человеку — радость» — бессмертное слово мудрости.

Доброта — это бальзам для страждущего мира, мягкое целительное средство на раны и язвы его. Она живет мечтою о благословенном первобытии в лоне вещей, пророчествуя о единении грядущем в Боге, оберегая ткань благоволенья, мира и всеединства теперь.

39. СМИРЕНИЕ

Не слишком ли много — требовать от нас, смертных, смирения? Может быть, оно, как добродетель, есть удел избранных?.. Что ж, может быть... Должно быть, не случайно мы так довольны видеть хоть искру неподдельного смирения, немедля ощутив, что мы соприкоснулись с превосходным человеком.

Удивительное это дело — смирение. Достаточно заметить в выдающемся человеке (будь то наука, искусство или политика) признак гордыни, самодовольства, высокомерия или тщеславия, как он тут же меркнет в наших глазах и мы теряем к нему всякий интерес. И происходит это не потому, что мы чувствуем себя приниженными, отодвинутыми в сторону или вовсе стушевавшимися, как если бы величие его сделало нас маленькими, а его гордыня окутала нас тенью презрения. И не потому, что нас возмущает в нем недооценка наших качеств (ведь это и понятно: поскольку нам самим не хватает смирения, апломб другого нам кажется невыносимым), но у нас еще появляется ощущение, что *его заносчивость снижает его собственную ценность*. На деле так оно и есть. «Однажды возомнив себя великим, не скоро станешь им на деле ты...» Кто считает себя «звездой», кто думает, что он всего «достиг» или все «совершил», тот явно ограничен, близорук. Чем больше носится он с манией величия, чем больше и требовательнее его притязания, тем ничтожнее и глупее кажется он нам и, наконец, «выдающееся» в нем мы воспринимаем как чванство предельно ограниченного субъекта...

В истинной скромности, напротив, есть нечто милое, трогательное, пленительное. Конечно, скромный человек не так скоро обретет значение и вес, как самоуверенно ступающий по жизни, сыплющий искрами фейерверка самообожатель. Фейерверк мгновенно гаснет, оставляя после себя уголь, сажу и пепел, — и тут-то и начинают пробиваться световые лучи скромности.

Можно бы сказать: велик и самовозвышен — значит мал; мал и скромнен — значит причастен к истинному величию. Гордыня разочаровывает и обесценивает. Скромность будит любовь и повышает ценность. Будь неприятелен и терпелив; примиришь с тем, что тебя не заметят;

пусть блистают другие. Время твое придет тогда, когда начнется настоящее. Ты попадешь в его сферу и станешь реальностью. Даже если ты не станешь реальностью, все равно будешь значить больше всех, кажущихся предметными, гномов. Тщеславие злоупотребляет пространством человеческого общения, чтобы добиться мнимой значимости без особых помех. Умно и кстати поступает тот, кто снисходительно относится к тщеславию и на время уходит из его пространства — тогда оно мгновенно меркнет; тогда наступает миг реальности и на арену жизни во всей своей строгости и благолепии выступает смирение.

Оно-то и ведет в царство *настоящей реальности*.

Тщеславный человек совершает три ошибки: считает себя чем-то *важным* в жизни; «важность» эта заключается в том, что он, как ему кажется, необычайно «*многого*» достиг или — совершил; полагает, что «великие» достижения его *признаны и почитаемы всеми*.

Борьбу с тщеславием надо начинать с третьей ошибки; подумать сначала о том, что не всякий обладает силой суждения и компетентностью, чтобы их принимать всерьез; что существует ложное, извращенное, своекорыстное, кем-то оплаченное, легкомысленное, безответственное «признание»; что на белом свете есть тьма тайных сообществ, члены которых поддерживают друг друга и продвигают, замалчивая или попросту уничтожая «чужих». Надо считаться с тем, что толпа часто следует моде, внушениям партий, наемной «клаке» (в Италии ее называют «*ladri in guanti gialli*»⁴⁵); что множество людей превозносит сиюминутный «модерн» из снобизма и тщеславия; что похвалу безвкусице, пошлости и разлагающему духовность нигилизму можно принимать со стыдом и печалью. Честь, оказываемая мне нечестивцем, унижает меня. На лстящего мне шельмеца я смотрю как на своего хулителя. Все это видя, захочешь признания *только чистого сердца и мудрого в суждениях своих созерцателя*. Но такие натуры похвалят меня и признают только тогда, когда я почувствую себя оправданным своей *собственной совестью* и осиянным *светом Божиим*. Прав был Пушкин, рекомендуя поэту не дорожить успехом у черни, быть высшим судьей самому себе.

Победив тщеславие, связанное с популярностью извне, став строгим судьей своей души изнутри, обретя критерий своих деяний в свете Божием, можно приступить к преодолению другой своей ошибки, сделав *второй* шаг к смирению.

Человек на все, чего он достиг или свершил, должен смотреть как на нечто незначительное. Если крепок, не кичиться особо силой; если смьшлен, не считать себя всезнайкой; если порядочен, не шуми, не переоценивай свою добродетель; если талантлив, не выпячивай своего «величия» и «гениальности». К чему это? Зачем?

«Достигший» чего-то успокаивается, утопает в самодовольстве, прекращает поиски и борьбу. Достаточно «познавший» считает, что «больше» ему уже знать не надо. «Всезнайку» ничему не научишь. «Совершенному» и море по колено. «Безупречный» не видит в себе слабостей. «Заумному» даже невдомек, что завтра появится сверхумник, который поставит его в положение глупца, повергнет в смущение и растерянность. Одаренный художник, мнящий из себя гения, послезавтра уже не создаст ничего и не заметит, как все втихую похихатывают над ним.

Вот почему однажды что-то создавший должен сразу же зримо обозначить рамки своих достижений, побольше думать о своем совершенствовании, всячески стремиться к лучшему. Подобно пограничнику, он должен напряженно вглядываться в даль; подобно скупому, сердцем реагировать на недочет; подобно осажденному полководцу, постоянно чинить и отстраивать свою крепость. Надо жить не достигнутым, а тем, чего достигнуть не успел.

Кто знает то, что он не знает ничего, тот остается *верным студентом* и при случае *становится исследователем*. Кто знает пределы своим духовным возможностям и осторожно следит за ними, тот постоянно растет. Кто знает о слабостях и недостатках своих, тот борется с ними и совершенствуется. Верный диагноз — путь к исцелению, запущенные раны трудно поддаются лечению. Словом, настоящий человек борется за культуру ликвидации своих недостатков, не пытаясь преуменьшать или преувеличивать их серьезность. А это и его источник истинной скромности, стимул истинно духовного роста.

Если я смотрю вширь и ввысь, я всегда вижу Божественное, которого лишен и в котором так нуждаюсь. Когда же я обращаюсь после этого к достигнутому и свершенному, я и смущен, и пристыжен: ничего-то я не имею, ничего-то толком не знаю; *ничего во мне от Божественного*; нет такой области, где бы я чувствовал себя одаренным, великим. «Нищий я духом, — мелькает вдруг у меня в голове. — Мне не хватает мужества сознаться в этом себе; надо набраться мужества и закрепиться в нем».

Остается теперь сделать *третий шаг*: переложить центр тяжести жизни своей и стремлений со своей особы *на предметную стихию бытия, на Божию ткань универсума*. Если у человека нет цели в жизни или она определяется сугубо корыстными интересами, скромность будет ему казаться чем-то странным, а до смирения ему, как до небес. Его желание показать себя будет причиной заносчивости, тщеславия и убежденности в том, что «скромность подобает только черни».

Скромность же начинается там, где человек чует над собою нечто Высшее, а смирение — там, где он преклоняется пред этим Высшим. У него должно быть нечто такое, что он ценит, любит, чему служит как главной цели. Ей он отдает все свои силы, всю свою энергию; за нее борется и жертвует собой. И если случится такое, он очень скоро поймет, что *все ему удастся тем лучше, чем меньше он думает о себе, чем больше он отдается предметной стихии своего служения*. Тогда он уже не станет считать свой маленький успех в жизни чем-то самым важным; тогда он выйдет из жесткой скорлупы своего эгоизма, из замкнутой только на себя субъективности, развернется во всю свою мощь и достигнет таких свершений, которые ему и не снились.

Великое дело требует его целиком, а он медлит и медлит, растрачивая по пустякам свое время, силы, любовь; подводит баланс своим якобы «несбывшимся» мечтам. Все кажется ему, что жизнь его обделила, что обоснованные претензии его рассыпались в щепу; что должна быть какая-то компенсация за все это, а ее нет как нет...

Тогда он сам прерывает свою карьеру и подобно раненому льву зализывает свои застарелые раны, которые

можно исцелить разве что отвлечением, забвением, любовью, служением. Надо резко изменить курс своей жизни, иначе так и застрянешь в тисках собственной пошлости, станешь пленником своей незначительности, и будешь плакать, как баба над уже непоправимым прошлым своим и бурно несущимся настоящим...

Великое дело требует его целиком; и он должен отдаться ему. Он должен свой личный успех «влиять» в успех великого дела так, чтобы первый показался ему крайне ничтожным по сравнению со вторым — успехом дела Божьего на земле. Его устремления и воля должны получить *предметное наполнение* и тем самым — обновиться. На первый взгляд, он как бы теряет себя; но *в действительности он впервые обретает себя в ткани Божией*. Он теряет себя, свое слишком человеческое, а находит себя «предметно преисполненным», созидательным, смиренным, достойным ткачом за ткацким станком Господним.

Тем самым оно обретает свое истинное достоинство — не в глазах других, не в собственном самодовольстве, не в отличиях трудовых будней, не в запоздалой славе, а в основополагающем, человеческо-духовном, укорененном в Божественном. И если такое достоинство налицо, тут гордыне места нет, ибо гордыня не от Бога, а достоинство — от Бога. Гордыня не ведает смирения; вот почему ей предстоят немалые унижения... Настоящее достоинство рождается из смирения, его унижить невозможно. Смирение же ведет к Богу; достоинство пребывает в Боге. Вот почему Марк Отшельник был прав, говоря, что «умное смирение — путь ко Всевышнему»⁴⁶, а Ефрем Сирин — говоря, что «превозношение ослепляет умные очи»⁴⁷...

Получается, что смирение как добродетель подобает любому из нас; каждый может и должен вкусить от него, чтобы обрести в себе истинное достоинство, приоткрыть для себя тайну жизни, полюбить прекрасное, послужить Божественному. А если кто спросит, как легче всего приобщиться к смирению, ответим просто и ясно: никогда не сравнивать «малость» других с «величием» себя, *а по возможности чаще выставлять ничтожность свою пред Ликом бесценного Творца-Спасителя.*

Тогда смирение со всеми своими благами как бы само собою поселится в сердце, и человек потребует от себя столько, что ему уже будет не до других. Тогда честолюбие в смущении замолкнет, и станет ясно, что не столь важно, *где ты стоишь*, куда важнее — *что и как ты делаешь в жизни*. Ведь в жизни и в мире речь идет только о работе над всеединою вечной тканью Господней, а в ней отмечаются прежде всего неброские, неприметные с виду свершения, «ничтожных» же или «малых» дел не бывает...

Поняли бы только это люди!

40. УТРАЧЕННАЯ ТАЙНА

В ранней молодости человек — существо ко всему любопытное, обо всем расспрашивающее: ребенок видит многое, а понимает малость, а потому так и сыплет вопросами, но удовлетворительных ответов не находит. Очень скоро у него появляется чувство, что взрослые «играют с ним в жмурки» — что-то скрывают от него, от чего-то уклоняются, чего-то избегают, не касаясь сущности вещей. Обиду и разочарование испытывает тогда дитя: «Неужели они думают, что я настолько глуп, чтобы поверить нелепым ответам? Так и быть, сделаю вид, что всем доволен и до всего дойду своим умом»...

И вот начинается заглядывание, подглядывание, подслушивание, головоломка, построение теорий, которые могли бы пролить на все полную ясность. Начинается внутреннее беспокойство, маскируемое безразличием извне и как бы спокойствием, в то время как за фасадом их таится жадное внимание и исследовательский настрой... «Тайна» *не должна* быть больше тайной, она должна стать *явью* и — все! Тайна — это как *обман*. «Тайна» означает, что взрослые дурачат нас, детей, и держат в состоянии зависимости, а все из-за чего? Из-за жажды командовать... На деле-то ведь все *просто, легко и доступно*. Вот почему в речах детей то и дело слышишь: «О-чень просто!», сказанное безапелляционным тоном. Верным остается в этой связи и такое наблюдение педагогов: чем таинственнее держатся родители, тем глубже невежество детей, тем больше овладевает ими «все» разъясняющая, редуцированная, упрощенная, пло-

ская мысль. А потому целесообразнее было бы не уводить детей от тайны, не «запрещать», а постепенно, уважительно, осторожно, с любовью приоткрывать, как бы дарить ее (но не столь грубо, как это у Руссо): гляди и восхищайся в благоговении!

Этим детским чувством обиды, этой ребячливой волей к упрощению как заболело в XVIII веке просвещенное человечество, так не может избавиться от этого недуга и по сей день. При этом западная церковь лицедействовала собою «родительский образ»: она не давала детям свободы исследования, считая великую тайну мира и Бога тайной только для непосвященных. Однако выросшие и окрепшие «дети» восстали против этого и, охваченные «*esprit tradiction*»⁴⁸, отринули довлеющий церковный авторитет; началось самостоятельное, самодеятельное наблюдение; заработала любовь. Противоположность между *церковной опекой* и *автономным мышлением* со временем не исчезла, не разрешилась, а, наоборот, укрепились и обострились до предела, когда рядом с разумной наукой проступила полунаука полупросвещенной толпы и спустились сумерки полуобразованщины.

В XVIII веке во главе всего этого стояли французские энциклопедисты. Новый менталитет задавал всему тон и победно вступил в XIX век. Считалось, что церковь есть дело рук законченных невежд; что она насаждает обскурантизм; что вера — это суеверие; что Христос — это мифический образ; что всякое чудо есть обман, подлежащий разоблачению и изобличению; что есть только *один* достоверный источник знания, а именно — чувственный опыт. Что же касается так называемой «тайны», то ее вообще нет нигде — ни в природе, ни в человеке: все просто и ясно; стоит только понаблюдать и подумать, как сразу откроется природная целесообразность и необходимость любого явления объективной действительности. Мир однозначен, детерминирован, трезв, прозаичен; бездушным, механическим образом катится он по рельсам каузальности. А если кто еще как-то привержен романтике, мистике, фантастике и прочим сантитаментам, то это «*vir obscurus*»⁴⁹, реакционер, вредитель.

Как из этого сенсуализма и материализма возникло позднее, воинствующее безбожие, объяснять не надо.

Надо сказать, что по-настоящему серьезные ученые таким менталитетом не отличались, но к механистической теории все же нередко прибегали и, применяя ее на практике, не замечали, как эта продуктивная в известных пределах, но плоская и далеко не исчерпывающая проблему теория превращалась в самодовлеющее, «все объясняющее», «единственно научное» мировоззрение; как зарождалась позитивистская традиция, согласно которой любой уважающий себя ученый обязан всякую «мистику» *устранять*, всякое явление сводить к его простейшим элементам и первоисточникам, «чудесам» мироздания не удивляться, а самым *беспристрастным* образом сводить их ко всеобщим законам, *разворачивая и разлагая* все, что именуется «таинственным». То была традиция поколения, которым владело чувство «неполноценности», ребяческой уязвленности, детской потребности в упрощении. То была традиция вражды ко всему, что несет в себе тайну; традиция высокомерного, избалованного «всезнания». То было упоение опошлением и уплощением всего и вся. В конечном счете это было восстанием против библейского сведения всего существующего к Творцу. Более того: это было ярким бунтом против Бога, желанием низвергнуть Его с престола и самим взойти на престол.

Если же отвлечься от этой традиции и проследить творческую линию великих, гениальных естествоиспытателей, то очень скоро убедишься в том, насколько глубоко и проникновенно воспринимали они тайны универсума, поражаясь им и их созерцая*. Можно сказать, *серьезный ученый приступает к исследованию с чувством, что он стоит пред лицом великой тайны, а завершает свой труд с убеждением в том, что он не справился с этой тайной — не познал ее до конца*. Всякое истинно научное толкование мира — это всего лишь шаг в глубины его, которые ни исчерпать, ни измерить, потому что таинственность их — это не плод нашего воображения, а объективно предстоящая нам сущность вещей.

* Смотри в этой связи книгу Е. Деннера «Религия естествоиспытателя» (Лейпциг, 1927), с. 67 и далее.

Стоит только представить эту мощную, реально осязаемую данность — Вселенную в ее непомерно *тотальных объемах вовне* и в ее неизмеримой *глубине внутри*; Вселенную, которая разворачивает перед нами свои бесконечные, неохватные дали, закрывая к ним доступ, то указывает на бесконечно микроскопические частицы, которых нам не видать; Вселенную, в которой есть все: большое и малое, необозримая даль и непостижимая близость; в которой взаимосвязано, переплетено, едино, динамично, целесообразно, величественно. Нам остается только оживить, расширить свое предметное созерцание, представить себе *чудо этого спонтанного равновесия*, из которого проглядывает какая-то *непостижимая разумность*, какая-то *неизъяснимая сила*. И тогда мы увидим, что речь идет не о каком-то субъективистском мифотворчестве, не о праздной мистификации умов, а о великой, прекрасной тайне мироздания, которую открыто признавали такие гении, как Ньютон, Коперник, Лейбниц, Кеплер, Бойль, фон Галлер, Либих, Шлейден, Мейер, Фехнер, Дюбуа-Раймон и др.

Из этой сверхсложной, сверхдетерминированной мировой ткани мы выхватываем в процессе исследования только отдельные *лоскутки и нити*, которые в изолированном, теоретически сглаженном виде не существуют. Это мы из-за своей ограниченности, из-за слабости мышления, из-за неопытности «вытягиваем» эти лоскутки и нити и разглядываем вне всякой связи, вне всяких закономерностей. А ведь они суть не что иное, как *препараты для наших опытов или умозрительные построения*, стоящие на службе наших познаний. Эти «элабораты»⁵⁰ применяем мы и на практике; и это нас ослепляет: возвращаясь к объективному миру, мы все чаще упускаем из виду, все чаще забываем сделать нужную поправку на динамическую взаимосвязь, на таинственное сплетение, на сверхсложность и сверхдетерминацию единства всех этих обрывков и нитей. Мы забываем, что в реальной действительности эти фрагменты связаны с другими тысячами все дальше и дальше уводящих в необозримую ткань нитей, туда, где царствуют законы взаимовлияния, взаимообмена, законы вечного движения духа и материи. И если нам на миг удастся в жизни с некоторым эффек-

том потянуть хотя бы за одну ниточку, мы готовы считать себя чуть ли не «заправилами» мира и думать, что нам уже известны все его тайны. А на деле мы стоим перед ним, как хвастливые нищие, считающие себя обладателями несметных богатств с грошом в кармане; или как наивные дети, задумавшие исчерпать море игрушечным ведром.

То, что в научном и созерцательном плане от нас ускользает тайна мира, делает нас *духовно беднее*, а наши исследования *поверхностнее*, но на самой природе вещей это не сказывается абсолютно. Все в мире, как и прежде, полно неизведанных чудес, все создано какой-то *сокровенной разумной силой, поддерживается ею и движется к какой-то отдаленной, сокрытой для нас цели*. И кто настолько слеп или туп, что не может внять этому с воображением, или кто усвоил себе рассудочно-сухую установку, не *желая* этого видеть, тому вряд ли чем можно помочь.

Человек всю свою жизнь проводит на Земле, среди Божиих даров, таинственных чудес природы, души и духа. Сама по себе жизнь есть тайна, начиная с зарождения и саморазвития одноклеточных организмов и кончая тончайшим, сложнейшим телесно-духовным образованием, каковым является человек. А взять психические корреляты *plexus-solaris*, физические корреляты экстатической идентификации Христа — разве это не тайна спонтанного развития мира? Разве разложить или редуцировать этот феномен по силам для науки?

Всюду, где жизнь самоутверждается и развивается, пусть это движение в пространстве или проявление физической активности — от бактерии до слона, от трудовика или жемчужной раковины до акулы, от прелестной бабочки типа «*Neoptolemus*» до никчемной морской свинки, — всюду перед нами тайна, присущая сокрытым образом всякому живому существу. А по нему нам надо научиться угадывать, наблюдая, и *неживую материю* в ее таинственном строении, распаде, в ее таинственном покое и движении. Мир прост для дураков, для них закон не писан.

В основе всякого серьезного исследования лежит предпосылка, что в мире *нет ничего простого*, что наука в любой вещи, в любой твари имеет дело с предметом сверхсложным, сверхдетерминированным, короче —

имеет дело с *тайной*. Такая предпосылка не должна пугать ученого, сковывать, тормозить; она ведь не для того, чтобы отнять у него способность от души восхищаться и удивляться, отбить охоту к процессу исследования, погрузив его в благодное отупение. Как раз наоборот: предпосылка как бы приближает к ученому его истинную цель, повышает и укрепляет в нем чувство ответственности.

Кто признает тайну мироздания, тот как исследователь правильно поймет стоящую перед ним задачу: научиться проводить различие между самим *предметом* и тем, что является *содержанием познания* в процессе наблюдения и описания. Это различие является и мерой, и принципом любого исследования.

Человеку не дано наблюдать и объяснять мир как объективную реальность в его *целостности* и *таинственной сущности*. Исследователь вынужден в процессах познания намеренно «вырвать» из нее «кусочек» или «ниточку», довольствуясь ими, как аскет, сосредоточась на «урезанном» содержании. Так историк выделяет из мирового процесса какой-нибудь отрезок времени — эпоху, или какой-нибудь отдельный образ из нее; юрист изучает какой-нибудь кодекс или конституцию; энтомолог — бабочку «неоптолема»; экономист — формы английского кооперативного движения в Англии XIX века; физиолог — секреты гипофиза и пр. То, что ученый выделяет для себя, *реально встроено в огромный пространственный временной процесс развития единого, преисполненного тайны универсума*. Только целенаправленное внимание ученого «отделяет», «редуцирует», абстрагирует предмет. Иногда ему сопутствует даже успех — какой-нибудь редкий экземпляр, иногда он сам себе готовит препараты. Но, как правило, ученый имеет дело с *содержанием своего опыта*, которое он в проекции мысленно соотносит с картиной мира в целом. Поэтому этот «отрезанный кусочек» или «ниточку» вряд ли целесообразно называть *предметом*.

Но главное, от чего зависит смысл исследования, состоит в следующем: ученый смотрит на сущность его в свете мировой тайны или нет?

Если он фрагмент своего познания считает изначальной, самодовлеющей величиной, он теряет *глубинную тайну* и *предмета*, и его *содержания*, потому что лишает

его целостности, уплощает и омертвляет его. Тогда чувство ответственности в нем неустойчиво и слабо, а наблюдения его — близоруки, поверхностны, рассудочны, легковесны. Тем самым оно как бы затворяет дверь, которая ведет его «монаду» в глубь предмета в целом; он обрывает нити, связующие содержание части с объемом предмета как такового, обрывок нити между его лабораторией и творением Божиим. Такого ученого обычно называют самонадеянным «толмачом», который горазд что хочешь объяснить. Жажду познания он может утолить глотком воды из лужи. Он слеп как крот. Он «умудряется» измерить бездны Божьего творения сантиметрами. Он думает, что белый свет так же скуден и убог, как и его воображение, и что величие предмета кончается там, где исчерпало себя содержимое его мысли. Он любую свою гипотезу считает достаточной, потому что природа, как ему кажется, не идет дальше его собственных предположений. Начав с утраты тайны, он заканчивает мертвой, механической картиной мира и все опошляющим безбожием.

Совсем иначе обстоит дело у того, кто способен ощущать Божественную тайну космоса и восторгаться ею. С нее начинал и Аристотель; к исследованию сущности вещей его подвигали изумление и восторг. Это изумление было предвосхищением тайны Вселенной и в то же время предчувствием Бога. Все это пробуждает в ученом своеобразную *исследовательскую совесть*, без которой наука или деградирует, или вообще не имеет места. Эту совесть можно было бы назвать *волей к предметности познания* или *повышенным чувством ответственности*, постоянной готовностью проявить *максимум осторожности, гибкости, вчувствования*, чтобы приблизиться к великой и глубокой тайне мира. Если он чует ее в большом (в макрокосме), он узрит ее и в предельно малом (микрокосме), и тогда неизбежность «редукции» не будет столь ущербной. Наоборот, отдельный «кусочек» мира станет для него как бы *частным носителем мертвой тайны, иероглифом Божиим*, своего рода дверью в предметную глубину бытия.

Так начинается всякое истинное исследование: с *аскезы в ограничении* и с *волею к беспредельному*. Тогда лю-

бой фрагмент — это целая шахта для разработки, это подземный родник, в который надо войти, чтобы заглянуть в священный центр тайны мироздания. Так каждая ниточка ведет к сокрытой, но не утраченной тайне; каждая клеточка Вселенной — это живая тень или отблеск Всевышнего; а наука — позитивная, эмпирическая, доказующая — становится своего рода *проводником* в царство созерцания сущности Божией.

Именно так подходили к этой проблеме все великие естествоиспытатели и историки культуры. Так должно быть и в будущем. Тогда наука снова превратится из гербария Нового времени в живой Божий цветущий сад, и ее уже не спугнет никакое рассудочное доктринерство. А мысль ученого обретет былую силу *созерцания* и достигнет небывалых высот.

Утраченная тайна мира снова заговорит в человеке. А это станет свидетельством того, что структура его познавательного акта изменится. Тайна ведь никогда не открывалась ни чувственному наблюдению, ни аналитическому резонерству с его склонностью к экспериментированию и препарированию. Предметная тайна мира доступна только *созерцающему вчувствованию* и только через него она откроется наблюдателю или аналитику. Таким был этот акт у великих ученых. С открытым, любящим, восхищенным сердцем подступались они к миру; наблюдали, созерцали, раздумывали; мыслили с чувством, воспринимали с душой; изначально знали о существовании тайны и никогда не сомневались в ней. Их сердце жило *во Вселенной и с Вселенной*. А потому и она жила в них, раскрывая им свои тайны. Так что они были не просто исследователями природы, но и мудрецами, любимцами ее.

Будущее нам их подарит, их оно нам обещает.

41. СЕРДЕЧНОЕ СОЗЕРЦАНИЕ

Созерцание возвышает наш дух; человек созерцающий — это человек окрыленный. А если он еще как надо воспользуется своими крылами, он исполнит свое предназначение на земле. Так что пожелаем человеку будущего обрести эти дивные крылья и добиться по возможности лучшего. Начинать же надо сегодня; надо решиться на большую перестройку себя изнутри: пере-

смотреть *структуру своего культурно-творческого акта, перепроверить его, дополнить и тем самым обновить*. Это единственный путь, способный вывести нас из сегодняшнего кризиса к радикальному обновлению; это единственная возможность положить конец дальнейшему скольжению в пропасть и начать восхождение. Созидание культуры нам не дается, потому что мы не вкладываем в него душу свою, заставляем ее умирать. Мы хватаемся за негодные инструменты в своей жизни и пытаемся что-то изобретать, забывая, что она требует *других* сил и что только благодаря им мы хоть в чем-то да преуспеем.

Такая установка как основополагающий принцип вывела бы нас, наконец, из кризиса. И будущая история, настолько покрытая туманом, что ничего не видно в ней пока, зависит от того, пойдем ли мы свои блуждания и если пойдем, то сделаем ли мы, или наши дети, или внуки соответствующие выводы из прошлого, чтобы начать новую жизнь...

На развалинах недавно «нового», а теперь уже «отжившего» мира все мы — европейцы Востока и Запада, азиаты, американцы — должны по-настоящему одумать-ся, основательно заглянуть в себя и во *все сферы культуры*.

То, что происходит с нами в последнее время, именуется распадом культуры, которая не справилась с глубокими внутренними и мощными внешними потребностями эпохи и выпестовала в своем лоне чудовищную антикультуру, которая взяла бразды в свои руки и погоняет. От этого факта, от этого печального зрелища мы отворачиваться уже больше не должны; мы просто обязаны поставить такому ходу событий барьеры, дать ему частную оценку, собрать всю свою творческую волю и силу и встать на новый путь.

Почему же засохла наша философия? Почему запуталась в мертвых абстракциях «гносеологизма»? Чего ей не хватало? Почему процветает дедуктивная теология именно теперь, в эпоху всеохватного воинствующего безбожия? Почему она все «основывает», «обосновывает» без грана тепла, света, перспективы? Откуда это разложение в современном искусстве, именуемое модернизмом? Откуда эта «политональность» и «атональность», эта беспочвенная погоня за шумовыми эффектами в музыке; откуда

эта беспредметность и эта вызывающая наглость «палитры» в живописи? Откуда эта рыночная конкуренция за приманку чувственности? Чего ждут люди от искусства? Куда дальше покатятся художники? Откуда этот исторически неслыханный кризис государства с его тоталитарными вывертами и экстремистскими позывами? Не стоит ли этот кризис в прямой зависимости от кризиса современного правосознания? Не связан ли он с релятивизмом толкования права и с абстрактно-выхолощенным формализмом в юриспруденции? Как могло произойти, чтобы новейшие открытия в естествознании, новейшие изобретения в технике стояли непосредственно на службе тоталитарного рабства людей и самых опустошительных в истории войн? И почему человечество так неистово в разрушительном (атомные бомбы!) и так скромно в созидательном (новая социальная жизнь)? Неужто люди так долго, так успешно боролись за свободу частной инициативы и за самоуправление только для того, чтобы затем обкорнать эту свободу, капитулировав перед тоталитарным государством? Где же новые, созидательные, зовущие вперед идеи демократов?..

Этим самообличительным вопросам нет конца!.. Но мы-то знаем, мы испытали на себе, мы понимаем, куда все это ведет. Знать бы еще, *как* все это изменить...

Помочь здесь может критический пересмотр, преобразование унаследованного нами культурно-творческого акта, поскольку в нем не хватает самой глубокой и самой благородной компоненты в человеческой сущности — *созерцания сердцем* и всего, что с ним связано, что открывается посредством его или привносится благодаря ему. К этой духовной компоненте снова должно пробиться человечество, должно побороть в себе ложный стыд; будить его с пленок в детях и лелеять во внуках; научиться ценить его плодотворную силу; внести целительные, живительные поправки во все сферы жизни — в религию, архитектуру, в научные лаборатории, в концертные залы, в судопроизводство, в землепашество, в парламент, в народную школу; доверить ему, наконец, свою судьбу!..

Человек — это целый клубок *восприятий*, основанных на чувственных ощущениях, *мыслей, инстинктов, воли,*

силы воображения и жизни чувств. Нынешний культурно-творческий акт покоится на чувственном восприятии и считает его дверью во внешний мир; а пред той дверью сидит критически настроенный страж — мысль; из союза их зарождается позитивная наука и техника; результаты последних подхватываются инстинктом и волей: инстинкт становится стимулом экономики, воля — стимулом государства. *Воображение*, разумеется, тоже не остается в стороне, оно в нужный момент тут как тут, но — всегда под строгим контролем мысли. А *жизнь чувств* вообще вытеснена из культуры общества и имеет место только в частной жизни. В мире бизнеса они ни к селу, ни к городу; в культуре им особо сказать нечего, а в частной жизни — дело твое: хочешь предавайся им, хочешь нет...

Взятые сами по себе чувственные ощущения духовно слепы и творчески бесплодны; надо, чтобы ими непременно управляла какая-то более высокая, осознанная инстанция. Если этого нет, они служат только инстинктам и похоти — бездуховному инстинкту самосохранения во всей его безоглядности и безудержности. К примеру, это путь нынешнего модернистского искусства.

В науке стражем и контролером является *теоретическое мышление*. В познании оно, конечно, ведет к успехам, но успехи эти духовно мертвы и отвлеченны, потому что мысль, взятая сама по себе, слепа, умозрительна, бездушна, бездуховна. Представленная своей собственной мощи и неколебимости, она аналитична: все разлагает, расщепляет, разъединяет. Еще совсем недавно ее объявляли великой силой просвещения и аргументации; рупором истины и «радио», а теперь она на глазах превращается в плоский, произвольный конструктивизм, обретает характер пустого, скептического рассудка. Так голая мысль, духовно индифферентная, мертвая для созерцания и жизни, стала серьезной опасностью для человеческого рода, стала органом лжи и мнимых доказательств, стала пагубной пропагандой...

Не стоит доказывать, что *человеческий инстинкт* есть нечто весьма «полезное» в плане «стимулирования» жизни и весьма незначительное в плане духовно-истинного*. В то

* Смотри в этой книге этюд 16 «Дух инстинкта».

время как страж духа дремлет или вовсе замер в инстинкте, животное начало в нем бодрствует, и притом довольно гибко, цепко, изворотливо, не зная и крохи о *достойной жизни, о духовной жизни, о социальной жизни.*

В биологическом плане инстинкт — это очень немало, в духовном — очень мало. Истинную мощь и власть свою он получает только тогда, когда духовное око пробудится в нем, станет задавать тон, станет руководить им, станет облагораживающим моментом в его жизни. И прийти к этому можно не путем «примирения» инстинкта и духа, а, как уже говорилось, путем превращения «волка» инстинкта в «ангела» духа так, чтобы волк полюбил его, Богом хранимого, благословенного, руководимого, и служил ему добровольно и радостно...

Что же *касается* человеческой воли, то она, взятая сама по себе, есть сила формальная и духовно индифферентная. Она есть способность выбирать, но не имеет верного критерия для выбора; она есть способность устоять, но не имеет убеждений в ценности того, ради чего стоит это делать; она есть средоточие сил, но оно лишено очевидности; она есть способность повелевать, но не обладает верой в духовный источник своих повелений. Воля — это очень немало, когда идет речь о «линии» и «ритме» жизни; и очень мало, когда идет речь о верном выборе истинно духовных жизненных обстоятельств. Самые отвратительные, самые вероломные, самые богопротивные организации мира могут держаться волей, потому что взятая сама по себе — это жестокая, холодная, бездушная сила.

Что до *воображения*, то оно само по себе есть самодостаточная, свободно парящая, ничем не сдерживаемая способность представлять в образах мысленно желанное. Оно легко возбуждимо, безответственно, потворствует желаниям человека, рабски угодливо. Оно может и так, и сяк, и вовсе никак; вечно беспочвенно, беспредметно; случайно может даже в сферу духа вознестись, но и тогда по-прежнему бесплодно, то есть в творческое состояние не переходит.

Сердце — вот источник любви, и притом духовной любви к истине драгоценному предмету. В нем укоренены и все другие способности. Оно предметно служит Богу

на Земле*. *Выбор*, и притом правильный и окончательный выбор, есть дело истинной любви. Кто никого не любит и ничему не служит, тот пуст, стерилен, духовно мертв. Ему не хватает нужного руководства; все его способности блуждают в потемках. Чувственные ощущения для него — отрада и услада; мысль механистична, холодна, по своей однозначности в выводах невыносима (таковы дедукции полуобразованных умов, таков все разлагающий анализ скептиков). Человеком с пустым и мертвым сердцем правит жадный до удовольствий инстинкт; воля его становится жесткой и циничной; воображение — легкомысленным и творчески полым. Ведь в конечном счете все в человеческой судьбе решает сердце, решает любовь. Только любовь может предсказать человеку, что делать, чем жить, за что бороться, за что стоять, за что идти на смерть... А все прочие духовные и физические потенции имеют своей задачей верно и надежно служить любви.

Более высокий духовный заряд получают тогда и все прочие дарования человека. Любовь превращает *воображение* в предметное созерцание сердцем — в результате просыпается *религиозная вера*; любовь наполняет *мысль* живым содержанием и придает ему силу предметной *очевидности*; любовь укореняет *волю* и делает ее носительницей *совести*; любовь очищает и освящает *инстинкт* и открывает в нем *духовное око*; любовь углубляет и облагораживает *чувственные восприятия*, делает их *художественно осмысленными*, *направленными на служение искусству*. Все это никоим образом не преувеличение, а простые, основополагающие истины духовной жизни, в которых сразу же узнаешь основополагающие истины христианства.

Значит, смысл сердечного созерцания надо понимать так: если человеческая любовь вбирает в себя такое жизненное содержание, за которое не жаль и живот положить, она становится *духовной любовью*; если же духовная любовь овладевает *воображением*, наполняя его светом, предметностью, реальностью, то человек становится спо-

* Смотри мою книгу «Вечные основы жизни», гл. I «Вера» и гл. II «Любовь».

собным к *сердечному созерцанию*, то есть обретает чудесный орган жизни и познания, который возвышает и окрыляет его. Заботливо взлелеянный и воспитанный, он открывает перед человеком новые культурно-творческие возможности. Тогда человек ступает в мир, чтобы *предметно вчувствоваться в него*, связуя тем самым *объективность предметной культуры со всею силой самоотдачи субъекта*. Тогда его творческий акт потенциально становится более возвышенным. А если еще он наделен и художественным даром, то его способности приобретают небывалую силу. Его восприятие являет тогда собою своеобразную *художественную идентификацию с сущностью вещей и людей* и нередко дает ему такой заряд, о котором ни он, ни другие даже не подозревали. Постоянный труд над совершенствованием этого качества может дать поистине чудеса в смысле проникновенности и точности творчества, а у самого творца выработать дар своеобразного ясновидения, которое может стать для него и бременем, и мукой, поскольку в мире полно злых духов, злых побуждений, злых преступлений; в нем царит хаос.

Этот духовный акт — *акт созерцающего вчувствования* — постепенно может включить в себя и все прочие способности души: инстинкт, волю, мысль, короче — все сферы духа. Тогда человек становится, как воск, податливым и гибким, умеет внимать своему предмету, как если бы предмет был *тем, что человек в самом себе* воспринимает и опознает. У гениальных натур тогда образуется целый арсенал художественных прозрений, целый клад разнообразных образов мироздания, словно они и вправду ясновидцы. Это восхищает нас в Леонардо, Шекспире, Достоевском; нам кажется, что эти гении все знают, все видят, все у них под рукой и все им по плечу — «чужое» и «свое»; кажется, всюду они побывали, проникаясь первообразами мира, постигли в совершенстве первозданность всех вещей, их духа...

Такое *созерцающее вчувствование* можно бы обозначить как сердечное созерцание или просто — созерцание. Именно этой творческой компоненты не хватает и современному человеку, и современной культуре. Нам надо опять взглянуть на нее как на бесценный дар, воз-

родить ее в себе, укрепиться в ней, чтобы очистить, обновить, сделать более содержательной нашу культуру.

Созерцать — почти то же самое, что «видеть» или «рассматривать», но созерцание означает *духовное* видение и рассмотрение, способное очистить наше чувственное зрение, символически углубить его, придать ему действенность.

Созерцать — почти то же самое, что и «наблюдать», но это такое наблюдение, которое *прозревает сущность* вещей.

Созерцание можно было бы назвать и воображением, если бы не *интенциональность* его, то есть вживание в объективность бытия любой вещи; ответственное, концентрированное вживание.

Созерцание как бы сродни «фантазии», но созерцающая фантазия руководствуется любовью, а потом она сосредоточивается и всей мощью своей интенции «обрушивается» на духовно милый ей предмет.

Созерцание можно было бы назвать и «непосредственным восприятием», но только в том смысле, что оно *целиком и полностью проникается тем или иным жизненным содержанием*, сначала, может быть, мысленно — в желании, молитве, чувствах, мечтах, в рисунке, лепке, наброске, мелодии, слове. Оно может предаться постижению и культурно-творческому воплощению любого содержания, любого предмета. При этом оно всегда обращено к *реальности*, выбранной любовью и с любовью воспринимаемой.

Поэтому сердечное созерцание может приобщиться к любому акту культуры, в результате чего последний обретает уверенность в себе, доходит до первопричин бытия, светится живой, творческой силой, несет на себе отпечаток духовной глубины. В *познании* созерцание может возвыситься до «интеллектуального видения», в *целеполагании* и *деянии* обрести волевой характер; в *искусстве* стать символично-художественным прозрением; в *правоведении* облагородить и конкретизировать теоретическую и практическую *интуицию права*. В ученом оно вызовет любовь к своему предмету, направит его волю к вживанию в него, отшлифует его способности до уровня искусства, сделает его исследователем сути и знатоком сердец. Что обретут священник и духовник от созерцания — ясно без слов. Обогатится им и практика вдум-

чивого, подходящего с особой меркой к каждому отдельному случаю заболевания врача. Совсем иначе станут проходить в школе уроки геометрии, географии, истории, педагогики, согретые образно и теоретически лучом сердечного созерцания. Кто хоть раз встречал в его же свете адвоката, или судью, или налогового клерка, или командующего батальоном, тот сразу поймет, о чем мы ведем речь, и верно оценит перспективу. Что до художественного творчества, то исключительно в созерцании его источник, в нем его и надо искать. Вчувствование — это как бы слово-заклинание художника о Сезаме, который открывает ему все кладовые мира. Нет ничего на свете, что бы могло заменить художнику силу любви и луч созерцающего сердца — в замысле, вынашивании образа и совершенном воплощении его*.

А если подумать, что в человеческой жизни есть такие *реальности*, которые воспринимаются *только посредством сердечного созерцания*, которые доставляют нам радость, которые надо всячески культивировать в себе, которые и есть те самые предметы, что определяют нашу жизнь, то станут понятными весь смысл и вся важность всей этой проблемы. *Бога* можно для себя открыть, можно в него уверовать, только предавшись созерцанию сердцем; и никакое волевое решение, никакие доводы не могут заменить его, потому что вера зарождается из *вчувствования в совершенство*. Обрести свою *Родину*, служить ей верой и правдой можно только посредством сердечного созерцания; кто не любит ее, не умеет беречь ее в

* В качестве классических примеров сердечного созерцания и его результативности приведем ряд произведений. Прежде всего — как образец — в *философии* работы Платона: «Апология Сократа», «Критон», «Федон» и «Пир»; «Теодицея» — Лейбница; «Лекции по эстетике» — Гегеля; труды Песталотци и Лафатера. В *истории* «Античный полис» Ф. де Куланжа, работы Г. Буассье, Карлейля, Гердера и И. Забелина. В *естествознании* — как образец — книга Фехнера «Нанна, или Душевная жизнь растений». В *литературе* этому духу родственны прежде всего великие русские писатели, унаследовавшие его, с одной стороны, от славянства, с другой — от православной церкви (смотри мою книгу «Сущность и своеобразие русской культуры»). На Западе это Шекспир, Диккенс, Эйхендорф, И. Готхельф. Все они создавали для нас духовный ориентир.

своем любовном созерцании, кто не понимает ее сущности, ее своеобразия, процессов ее развития, грозящих ей опасностей, тот не способен отдать за нее жизнь свою, свою волю; тот — не патриот. В конечном счете сердечное созерцание составляет самую исконную сущность творческих взаимоотношений людей: без него нет истинной дружбы, нет истинных семейных уз; есть только бледные, обманчивые тени взаимопонимания и супружеских отношений...

Вот почему я в самом начале сказал: созерцание возносит наш дух и дает нам крылья. Об этом знали все великие основатели религии и философы. Кое-что знает об этом и любой счастливый человек. Вглядываясь в далекое будущее с надеждой найти в нем утешение, мы должны помнить одно: обновление человеческой культуры наступит только благодаря обновлению нашего духа, нашего сердца.

42. БЛАГОДАРНОСТЬ

Из частного письма

Как я понимаю тебя, мой друг, и как сочувствую тебе! Ты абсолютно прав: страдания нашей эпохи непомерны, скажем проще — беспрецедентны в мировой истории, а для нежной, чувствительной к чужой боли души — почти невыносимы, и тем не менее — надо терпеть.

Едва ли отыщется в истории эпоха, которая была бы так сильно *заражена завистью*, как наша: в ней столько соблазнов; так велика погоня за ними; так слабы препоны для нее; так обременительна деликатность; а число жителей Земли все растет, и все яростнее цепляются они за мнимые блаженства суетного мира. Современный человек знает, что он смертен, и спешит как можно больше получить удовольствий, но о своем бессмертии он не знает ничего, а потому пытается ухватить «конъюнктуру» времени. Он жаждет власти, упования; он — субъект без тормозов. Борьба, которой правит зависть, разворачивается все круче: человек против человека, партия против партии, класс против класса, народ против народа. *Одержимость завистью* — суть нашего времени.

А главное, люди никогда прежде не были столь едины в мучительстве и порабощении других; и современная техника — большое подспорье в деспотизме. Ведь прежде человек не был столь вооружен для пыток и убийств в войне; для опустошения земель и испепеления культуры. Такое впечатление, что охотник за удовольствиями заряжен динамитом и единственное, что ему осталось завоевать, — это воздух. Дом сумасшедших! Но — этот дом уже горит!

И все же мы не должны отчаиваться. Одержимые отбеснуются и иссякнут, а вызванные ими страдания отрежут людей, очистят, заставят образумиться. В страданиях рождается человек, через страдания приходит к созиданию. Нечто подобное происходит и теперь. Первые признаки уже налицо. И я ничуть не сомневаюсь в том, что человек с трудом, но обретет в себе *благодарность*; да, именно благодарность, потому что именно способность благодарения он потерял и должен снова обрести ее.

А тем, кто с удивлением воспринимает сказанное, я посоветую: открой глаза свои и оглянись — каждое мгновение жизни есть экзамен нашей способности, нашей готовности к благодарению. Кто выдержит его, тот *избранник будущего*, тот будет соучастником предстоящего обновления мира; а кто не сдаст его, тот слепой завистник, тот *рухнет в небытие, отжив свое*. Вот императив жизни, вот мера, о которых очень многие знают и о которых редко кто задумывается.

Как только мы открываем духовное око свое и посмотрим на белый свет сквозь жесткую оболочку повседневности, которой все наглухо затянуто и жизни как бы нет, мы видим вокруг себя потрясающее множество даров. И что же? Уверенно и равнодушно воспринимаем мы эти дары, как благо само собою разумеющееся, как нечто нам причитающееся, как нечто, что «так и должно быть», как нечто доступное каждому, как нечто, что нам ни о чем не говорит. Мы подходим к ним с меркою личной выгоды и негодуем, если что-то не так, если что-то не то. Мы шагаем по жизни как властные, самодовольные господа, которые хотят — заметят их, хотят — пренебрегут, примут или отклонят, одобряют или предадут забвению. Мы выбираем нужное, предпочитаем то, что

сулит удовольствие, отмечаем все остальное и совершенно не думаем о Том, Кто дал нам все это богатство жизни, оставил на каждом, даже самом мельчайшем, даре отпечаток своей Божественной ипостаси.

Когда мы открываем свое духовное око, мы видим везде и во всем неиссякаемое богатство таких даров, которые даны нам не столько в биологическом плане (для злоупотребления ими), сколько для изучения, истолкования, изумления, воспевания. И то, что мы этим великим чудесам разучились удивляться, что несемся мимо с холодным и черствым сердцем, пытаюсь по случаю лишить их «божественности» методом механистически полных «объяснений», есть признак глубокого распада, есть результат одержимости завистью. Ведь если человек, получивший от Бога дар, начинает злоупотреблять им с холодным равнодушием, он неблагодарен, он завистник; зависть делает его слепым: не видит он сущности того, чем обладает.

«Мир преисполнен Божественных чудес». Это древнее изречение и сегодня ничего не утратило из истинных, до-научных времен, несмотря на все открытия, на все теории познания. Так было, так и есть. Никакое наблюдение не лишит нас священного; никакое познание не отнимет у нас таинственного смысла Божиих даров. Мы начинаем свое бытие осыпанными этими дарами — пространством, временем, живой материей, нашими душевными способностями, нашими духовными данными; мы живем *в этих дарах*, живем *из них*, живем *посредством их*, наслаждаемся ими, злоупотребляем ими и уходим из жизни с таким чувством, что получили от нее необычайно много, а взамен дали жалкие крохи.

Подумать только: как драгоценный дар получить единственное в своем роде, собственное, покорно-непокорное *тело*, внимать ему, вступить с ним в борьбу, сделать его символом жизни, символом самостояния и вдруг в момент изнеможения покинуть его! А этот дивный дар *пространства* с его светом, с его полнотой, с его богатством форм и красок, со всеми радостями движения и относительного покоя, с неисчерпаемыми возможностями в сфере искусства! А этот таинственный дар *времени*, этот кратчайший миг, который вечен, вечно

нов; эта длительность, которую мы заполняем своим трудом, молитвой, музыкой, любовью; которую расточаем в безделье; которой злоупотребляем! А этот дар неиссякаемой *природы* в его единстве, в его сокрытой целесообразности, в его покое и волнениях, в его готовности доставить человеку радость, служить ему, открыть ему свою разумность и красоту!

И каждый дар прекрасен; и каждый указывает человеку его задачи, его вовек недостижимые горизонты. Каждый говорит о сокровенной благодати и любви к человеку, зовет его к счастью.

Не счастье ли владеть своей душой, крепить характер, обогащать свой дух, совершенствоваться в его деяниях? Не счастье ли творчески работать, привносить в мир новую красоту? Не счастье ли искренне общаться с людьми, делаясь с ними лучшим в себе и получая то же самое взамен? Не счастье ли иметь отца и мать, стать матерью, отцом, служить Отчизне, своему народу? *Счастье* — любить и быть любимым. Счастье — обмениваться взглядами любви, выразить всю полноту ее любимой женщине. Счастье — обрести в себе духовность и, по возможности, сберечь ее. Счастье — пережить в исследовании очевидность, акт совести, художественность созерцания, по-настоящему политическую свободу, послужить делу общественной справедливости.

Но высшее счастье — отыскать *Божий луч* в своем сердце, следовать ему в молитвах, в поступках, во всем его заметить и приоткрыть другим.

И вот когда наше разверстое духовное око видит эти дары во всей их неисчерпаемости и совершенстве, видит сокрытую в них милость и любовь, наступает момент как-то ответить на них. Если мы не отвечаем на них с благодарностью, значит, мы их не достойны. И тут уже нам не придется оправдываться своею прежней слепотой, все объясняя ею. Значит, сердце в нас не вострепелось, не преисполнилось благодарности; значит, застыла она в дорогах зависти.

Что есть благодарность? Благодарность — это ответ здорового сердца на дарованную ему благодать; оно отвечает любовью на любовь, добром на добро; за благодать платит верным служением. Благодарность — это не всегда слово, чаще всего ее выражают без слов. Не есть она?

только признание чужого благоволения: озлобленное сердце такое признание переживает как новый укол или как унижение. Нет: истинная благодарность — это *радость и любовь*, причем легкая, произвольная радость и искренняя, произвольная любовь. Ее принимают и радуются ей. Чуют в дарении любовь и радуются тому, что в их сердцах зарождается ответное чувство. Чувствуют себя призванными и в какой-то мере обязанными найти в себе достойный свет. Любовь пробуждает волю, и воля принимает решения: надо ответить, надо приступить к действиям, ибо действия, свершающиеся в любви и согласии, *обновляют жизнь*.

Когда человек видит неисчерпаемость Божиих даров, в нем появляется чувство, что сполна ему не ответить на них благодарностью. И чем глубже погружается он в благодатное содержание их, тем шире разворачивается перед ним панорама символической тайнописи Всевышнего, тем сильнее ощущение, что ему не постигнуть премудрости Его и Его благодати. Сколько гениев пронесло эту мысль по жизни, точно зная: не найти им ответа!..*

И вправду, чем можно ответить Великому Подателю сих даров? Какая благодарность была бы достойна Его? Видимо, правы те, кто после всех своих созерцаний, после всех своих размышлений завершают жизнь свою молитвой: «Прости мне, Господи, что я не сумел достойно возблагодарить Тебя, что не нашел в себе самозабвенной любви для того, чтобы понять Тебя до конца, чтобы искренне возрадоваться Твоему творению и Твоим дарам...»

Так отверстое духовное око приемлет дары Творца. Так ведет к Нему истинная благодарность. Так становится она потребностью в Боге, в Его световом луче. Каждое мгновенье жизни — это испытание человеческого сердца: способно ли оно на благодарность, созрело ли оно для нее; потому что каждое мгновенье дарит ему неисчислимое множество даров, а из них благодатным потоком изливается на него свет Всевышнего. Последний смысл бла-

* Можно прочесть в брошюре проф. Е. Денерта «Die Religion der Naturforscher». Смотри соответствующую выписку в моей книге «Вечные основы жизни», с. 33 — 38.

годарности состоит, однако же, в том, что она открывает доступ человека к Богу, потому что благодарность есть не что иное, как взметнувшееся вверх пламя, как отклик на вечный зов праотцев из раскаленного горнила Вселенной...

Благодарность очищает человеческую душу от ненависти и зависти, и будущее принадлежит только благодарным сердцам.

43. ЧТО ТАКОЕ РЕЛИГИОЗНОСТЬ?

Из частного письма

Дорогой друг!

Довольно нелегко ответить на вопрос, который ты ставишь с неумолимой строгостью, ведь это один из самых тонких и самых запутанных вопросов, касающихся человеческого бытия. Он задевает интимную сферу духовных интересов, где все, как воздух, неуловимо; где все, как слово, невыразимо; где все, как аромат, неопишимо; где зачастую не знаешь, с какой стороны подойти к исследуемому предмету, не говоря уже о жесткой логике определений или достоверности познаний. К тому же между верой и неверием, между религиозностью и безбожием существует множество своеобразных промежуточных состояний, где человек пребывает в нерешительности, неуверенности, сомнениях, колебаниях, раздвоенности и откуда он приходит или к подлинной вере, или к окончательному очерствению. Порою за «фасадом» теоретического неприятия кроется по-настоящему глубокая религиозность, а бывает и так, что за ярко выраженной церковной набожностью скрывается зашедший окончательно в тупик локомотив гонимой страхом и суетностью безрадостной души... Ты только посмотри: мир просто кишит множеством конфессий и множеством неверующих людей; кишит «христианами», давно не признающими Христа и не способными хоть что-нибудь рассказать о нем своим детям. И трудно сказать, проснется ли в них, как и когда, действительно религиозное чувство?..

Потому не следует требовать в этой области скоропалительных исчерпывающих «дефиниций». Появись таковые, и ты — уже скептик по праву. Попробую

обрисовать несколько существенных, эвристически окрашенных признаков, по которым распознается религиозный человек.

Прежде всего: религиозность — это нечто *целостное*, а не единичное. В ней заключена удивительная способность сделать человека единым в себе, цельным, так сказать, «*тотальным*». Эта тотальность — инстинктов, души и духа, отдельных влечений и жизнеустановок в целом — в различных религиях достигается по-разному, но во всех она налицо. Религиозный человек подобен монолиту, и называть его религиозным можно только тогда, когда он достигает в себе этой *духовной монолитности*. Бывает так, что ему это удается в самую трудную годину испытаний, наподобие тех, которые претерпевают торговцы детьми у В. Гюго в романе «Человек, который смеется»: их корабль настигает в море шторм; впервые в жизни они с мольбой взывают к Спасителю, но, стоя на коленях, исчезают в волнах... Если человек расколот, растерян, скован, значит, его религиозность или еще в становлении, или уже на стадии распада. Тогда и молитва ему не поможет. А если кто и прибегнет к ней, то ясно, что это всего лишь попытка собраться с духом, обрести в себе *цельность* хоть на мгновенье.

Так что можно было бы сказать: религиозен тот, *кто способен молиться*. Но молиться — это не значит сложить руки в молитвенной позе и бросать на ветер известные слова*. Молитва — это и не просьба. Бывают молитвы без слов, чисто созерцательного свойства, тихой благодарности, растворения себя в небесной благодати. Бывают молитвы в форме вопрошания, велевого решения, зова о помощи, вслушивания в ниспосланную Богом мелодию; в форме деяний, упорных исследований. Но всегда события такого рода сохраняют за собой неизменное свойство — *восхождения пламени человеческого к огнищу Божию и озарение человеческих сумерек Божественным светом*.

* Смотри в моей книге «Поющее сердце» этуод 15 «Горное озеро» и этуод 17 «О молитве».

Сущность религии вообще состоит в том, что *человеку дается откровение*; дается высшее озарение, полное и истинное прозрение, или, иначе — *очевидность*. Но это не то «прозрение», которое зрит только взглядом, не задевая сущности вещей или оставляя на них холодный след. Это — откровение, которое не дается жадному до новизны воображению; оно не поверхностно, оно врезается глубоко в душу человеку, чтобы предельно охватить собою сокровеннейшее чувствилище ее. Оно подобно не касательной, а секущей линии. Оно проникает до самой *сердцевины*, до первоисточника воли и, словно молнией, освещает сумрачные углы *инстинкта*, придавая ему *отпечаток духовности**. Подобно яркому лучу, оно пробуждает око инстинктивно-сокровенного духа, чтобы осчастливить и засветиться из него. Своим пламенем оно распялет тлеющий уголь воли, чтобы эта воля, укрепленная в своей благодати и духовности, слилась с пламенем Единосущего и стала тем, что Макарий Египетский, этот живой сосуд Господень, обозначал словом «*κρᾱσις*» («срастание»). Религиозность есть жизнь, возникшая из этого свободного, сердцем воспринятого, таинственного, священного срастания, этой «кон-крестенции» (то есть кон-кретности⁵¹).

Образно представить это можно было бы так. В дуб ударяет молния, и его охватывает мощным огнем; чем выше дуб, тем ближе к нему небесная молния, тем ярче пламя. Или: молния бьет в уснувший вулкан, и он приходит в движение сразу и надолго. *Новая жизнь* дается с приходом откровения. Пронизанный лучом благодати, человек становится цельным. А молитва есть не что иное, как желание встречи — духовное око раскрывается и устремляется навстречу лучу, спешит на зов, исходящий из недр огнища Божия.

Вот почему религия — это не какая-то там «точка зрения», или «мироощущение», или «диктуемое догматом мышление и трактовка ценностей». Нет; религия — это *жизнь*, жизнь целостная, творческая. Это *новая ре-*

* Смотри этуод «Дух инстинкта».

альность, воплотившаяся в мире человеческом, чтобы творчески включить в себя и весь остальной мир. Это соприкосновение универсума с Богом непосредственно *в новой точке*; более того — это новое шествие Бога в миру человеческих тварей; новое излияние Божественного света, милости и силы в сердца их, а в целом — *событие мирового значения*: становление царства Божия на земле.

Люди, стоящие в стороне от происходящего, мало знают об этой реальности и чаще толкуют о «субъективной точке зрения», об «обращении» в личностном плане и пр. Но человек, включенный в этот процесс, воспринимает это все по-другому. Он ощущает в себе новую реальность, которая его захватила, вернула ему его цельность, по-своему ввела его в обновленный мир. Он чувствует в себе иные силы, чувствует, что вроде бы он «тот же», что и был, — отсюда его *ответственность*, — и вроде бы он уже могущественнее того, чем был, — отсюда его *смирение*. В нем появилась новая сила, сделавшая его намного крепче того, чем он когда-то был и на что когда-то мог только уповать. Теперь его заботой будет одно: стать этой силы достойным и пребывать в таком состоянии до конца...

То внутреннее воссоединение, которое он переживает, состоит в том, что в его собственных пределах возникает *новый, властный* центр. Этот центр светит ему в его внутренней жизни то как сияние раскаленного угля, то становится бьющим и манящим, как пламя. Этот свет, как молитва, заструившись однажды, уже не *иссякает* вовек. Религиозный человек может жить обычной жизнью, предаваться всякого рода исследованиям, ощущениям и страстям, как бы вовсе не замечая источника света, но он от этого не исчезает, а по-настоящему лучится, сияет, ведет. Иногда кажется, что этот центр просто «посылает» свет — непрерывный, тихий, мягкий, но властный. Иногда кажется, что он «зовет», — то нашептывая, то увещевая, то предостерегая (как у Сократа); то требовательно и увлекающе (как у Пушкина и Фихте); то в виде всепобеждающей любви (как у Исаака Сирина и Франциска); то открывая и даруя созерцающую очевидность

(как у всех великих философов и гениальных естествоиспытателей). А когда человек после мирских «занятий» и земных влечений возвращается к себе, в свой центр, он убеждается, что пребывание его вне «центра» (ведь он «охотится» в непроходимых дебрях, вдали от своего святилища-храма) не разлучало его с ним, а пламя Божественного алтаря не угасало. Постепенно приучается он к ощущению — с помощью тихо светящейся, без слов, молитвы — собственной глубины и пониманию того, что ему уже никогда не выйти из фокуса «лучей этого прожектора» даже в ситуациях, казалось бы, безразличных, периферических по отношению к его жизненным установкам...

Так складывается характер религиозного человека. Его духовный центр, в котором он в себе самом обретает Бога или растворяет себя в Боге, становится как бы *вездесущим*. Это не проявляется в том, что он то и дело складывает молитвенно руки, осаждаст других своею мнимой «набожностью», держится чопорно или елейно либо морализирует на богословские темы. Нет; вовсе нет; сосредоточенность остается его сугубо личным делом, и притом предельно подлинным в своей интимности и предельно интимным в своей подлинности. Но *все в нем излучает свет*, все *несет на себе* его отпечаток: душевный настрой, задумки, различные обстоятельства, труд. Свет излучают его глаза. Светла его улыбка. Он чувствуется в звуках его голоса; им дышит его поступь. Человек становится ясною, прозрачною средой для своего центра, верным рупором своего сердца; становится как бы воздухом, промытым грозовыми ливнями; становится чистым, как стеклышко Божие. Центр такого человека *светится в нем не угасая**. Он светит ему в одиночестве; светит во всех начинаниях, посылая свои лучи *из себя* во внешний мир. Счастливы те, кто в лице такого человека обрел свободно искреннее, духовное, чистое существо.

Вот почему религиозному человеку *чужда ложь*; это качество — чудесный, верный знак религиозности. Конечно, исходя из только ему ведомых сердечных побуж-

* Смотри мою книгу «Поющее сердце», этюд 32 «Об искренности».

дений, человек может и умолчать о некоторых деяниях своих, накинуть завесу тайны на их сущность, ведь жизнь сложна, многообразна, и правда напрямую не всегда и не во всем благотворна. Но *никогда-никогда* не солжет человек *перед* своим центром, о нем и из него. Он не солжет пред ликом Божиим и не совершит предательства уже только потому, что он неразделим со своим световым лучом, что он «чист, как стеклышко Божие». Вот почему *падкий на ложь от Господа далек*; он — нерелигиозен, а изолгавшаяся церковь — это лишенное святости безбожное место.

Обо всем этом можно было бы и так сказать: религиозного человека легко узнать по тому свету, который *исходит от него в юдоль земную*. Один светит добротой; другой искусством; третий — провиденьем, тихим, умиротворяющим душу покоем, за сердце хватающей мелодией, скромным, но благородным трудом. Именно это имеет в виду Евангелие, говоря: «по плодам их узнаете их» (Мф. 7, 16). Этот свет религиозности едва ли скроешь: он все равно пробьется и засветит миру. И только совсем равнодушные и духом слепые люди пройдут мимо него, не заметив. Внутренняя жизнь религиозного человека *стремится и должна* проявиться вовне: люди должны напиться ключевой воды; надыхаться озоном; насытиться светом мира; искупаться в его лучах. А живая религиозность — это весенний воздух Спасителя, веющий в загоревшемся сердце; это ключ Спасителя, который пробился в сердце и звенит по-новому, таинственно; это свет Спасителя, который должен излучаться в мир свободно, без помех.

Вот так, дружище! По таким свойствам, установкам, влиятельности узнается религиозный человек. В нем дышит все, поет и светится. Он всегда чуть больше самого себя — и богат духовно так, что даже подозревает об этом. И все, что заложено в нем, и все, что он излучает в мир, есть царство Божие, к которому он по-своему причастен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Об излучении

Мы, поколение нового времени, не должны предаваться иллюзиям. Переживаемый нами кризис касается

не столько политики или экономики, сколько духа. Это — кризис духовный; истоки его глубоки и речь идет о *последних вещах*. Не следует преуменьшать трагизм эпохи. Надо найти в себе мужество и трезво оценить все, что происходит вокруг; надо собрать свою волю, заглянуть правде в глаза и встать на путь обновления. Надо отряхнуться от мелочевки быта и *посмотреть в даль*, чтобы понять, куда правит мир, что нас ждет, что надо делать, чтобы избежать еще худшего и начать новую славную жизнь.

Но *дальнее* видится только из *глубины*. Значит, нам надо спуститься в живительные глубины своей сущности, в ту самую духовную энтелехию, о Божественности первоисточника которой возвестил нам Иисус Христос. Во всех уголках мира люди должны прийти в себя — будь то отдельный человек, небольшой кружок, церковный приход, философское общество, культурное течение и пр.; надо сосредоточиться на последних вещах нашей жизни; подключиться к ней живым созерцанием сердца, чтобы осознать, как должно быть, как есть на деле и чего нам всем недостает. И чем серьезнее, чем искреннее, чем основательнее займемся мы собою, тем лучше для нас. Ибо тяготы нашего времени непомерны и преодолеть их можно только тогда, когда будут задействованы *последние глубинные пласты человеческого духа*, когда люди начнут свое *возвращение к Богу*.

Только тогда наступит «эпохальное» обновление истории, ибо, как мы видим теперь, бывшие дороги исхожены; прежняя структура созидательно-культурного акта привела нас к предельной очерствелости сердца и к механицизму мысли. Близится час, когда мы, осознав неизбежность духовного обновления, станем искать помощи у Спасителя.

Мы живем в *поворотное время*: никогда прежде черная изнанка человеческой сущности так самоуверенно, так самодовольно не проступала наружу; никогда не случалось столь наглых поползновений на власть, на угнетение себе подобных; никогда в распоряжении человека не было таких технических возможностей, таких разрушительных средств. Начинается пе-

релом, и мы, как видно, находимся в центре его. Былое равновесие утрачено. Худшему извне, которое грядет, мы можем противостоять, только начав *свое обновление изнутри*. Первые признаки его мы узнаём по своеобразному излучению, которое начнет исходить от обновленных людей, по излучению животворной доброты, сердечного созерцания, совести, мужественно-спокойной веры. И пока мы не разбудим в себе духовность инстинкта, пока не заставим заговорить свое сердце, пока не приведем его в движение, нам не коснуться последних пластов человеческо-божественной глубины. Живое сердце начнет посылать свое излучение в мир, и исходящий от него свет будет нечто *большее, чем просто человеческий свет*.

Все чаще раздаются голоса, что народы спасутся только через «новое» откровение... Как если бы «старое» уже себя исчерпало; как если бы христианство уже свое отжило; как если бы пути Спасителя, сына Божия, вконец исхожены... Как если бы нынешний кризис был кризисом Бога, а не нашим собственным; как если бы Господь открыл нам «слишком мало» или «слишком давно» и теперь спешит наверстать упущенное. На деле же мы просто не сумели воспользоваться дарованным нам Откровением, не сумели, как надо, зажечь им.

Однако лучей Божественного Откровения у нас пока никто не отнял; они светят нам и поныне; и кто, как не мы, должны воспринять их в себя и идти в их свете по жизни. Надо в себе отыскать акт такого устройства, которое позволило бы нам не только светиться *самим*, но и светить *другим*; надо, чтобы лучи, исходящие из нашего сердечного созерцания, освещали не только наше близкое, но и далекое; и — звали туда.

Современный человек должен понять, что судьба его зависит от того, *что он сам излучает в мир*, и притом во всех сферах жизни; что речь идет об очищении, об оживлении его сердца, о его творческой самоотдаче. Ведь заглухшее сердце бессильно, незряче, и когда оно вглядывается в жизнь, ничего хорошего ждать от него не приходится.

Только *излучающее сердце* способно обновить культуру; только в нем зарождаются *новые творческие идеи*.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий том вошли две большие работы Ильина, написанные на немецком языке. Они резко контрастируют одна с другой и по стилю, и по форме подачи материала. Первая — философско-политическое исследование (правильнее было бы сказать: «расследование») замыслов и планов Коммунистического Интернационала по подрыву основ сложившегося миропорядка, разжиганию пожара мировой революции и установлению «диктатуры пролетариата» во всемирном масштабе. Вторая — это лирико-философские размышления (этюды, поражающие своей глубиной) о человеке, свойствах его души и духа, проблемах его духовного обновления.

В книге «Большевистская политика мирового господства», написанной в первой половине 30-х гг., Ильин поднимает ныне порядком подзабытый пласт, о котором очень многие сегодня предпочитают не вспоминать, умалчивать: вроде бы ничего и не было. Ведь Коминтерн давно «умер» — в 1943 г. К чему ворошить старое?

Но об этом знать надо. Стратегическая линия III Интернационала в той или иной форме, с теми или иными изменениями (в соответствии с требованиями момента) вплоть до недавнего времени проводилась в жизнь (вспомним хотя бы «интернациональную помощь» Анголе, Мозамбику, Афганистану, закончившуюся столь трагично для их народов). Менялась лишь тактика, однако от стратегических замыслов никто не отказывался. Все воспитание советских людей проходило под знаменем «неизбежной исторической гибели капитализма, победы социализма и коммунизма во всемирном масштабе». Их симпатии умело формировались и неизменно были на стороне революционеров в других странах, государством всячески поддерживались национально-освободительные движения и войны, порицался и клеймился «мировой империализм». С позиций здравого рассудка иногда дело доходило до нелепостей и абсурда. Например, теоретически обосновывалась и на весь мир пропагандировалась «политика мирного сосуществования» двух систем и в то же время она объявлялась «формой классовой борьбы», которая неизбежно приведет к гибели капитализма как обще-

ственной системы. И это наше не столь отдаленное прошлое. То, о чем говорит Ильин, многим покажется невероятным: столь радикальным и чудовищным был замысел коммунистов-интернационалистов. Но это реальность. По этому пути мы шли. И оказались в тупике.

Есть второй путь — либерально-демократический. Его рассматривают как единственную альтернативу первому, тупиковому. Что он собой представляет, Ильин показал в своем ярком и глубоком политическом сборнике «Наши задачи».

Современный исследователь социализма как феномена мировой истории И. Р. Шафаревич охарактеризовал оба пути метко и афористично: «две дороги — к одному обрыву».

Ильин в книге «Взгляд в даль» (по-русски она должна была бы называться «О грядущей русской культуре») предлагает свой вариант: естественный, верный, истинный путь — путь духовного и религиозного обновления современного общества на примере России. И это не «третий путь», отличный от первых двух, который обосновывают отдельные нынешние теоретики новой геополитики. Это религиозное, нравственное и художественное осмысление коренных вопросов человеческой жизни, переустройство которой, по Ильину, произойдет не «сверху» (извне, механически), на безрелигиозной основе, а «снизу» (изнутри, органично), на уровне каждого отдельного человека, из его «поющего сердца» и «верующей души».

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЛИТИКА МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

ПЛАНЫ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА ПО РЕВОЛЮЦИОНИЗИРОВАНИЮ МИРА

Настоящая работа — это монография И. А. Ильина «Bolschewistische Weltmachtpolitik. Die Plaene der 3. Internationale zur Revolutionierung der Welt» на немецком языке, подписанная псевдонимом Dr. Alfred Normann. Издана в Берне (Швейцария) в 1935 г. издательством «Gotthelf-Verlag».

Профессор Н. П. Полторацкий и мы за ним в библиографии трудов И. А. Ильина (см. т. I наст. Собр. соч.) называли эту работу «Большевистская великодержавная политика». В письмах самого Ивана Александровича встречается его собственный русский вариант названия «Большевистская мировладычественная политика». Избегая двусмысленности в переводе Н. П. Полторацкого (термин «великодержавная» — можно понимать и как «положительная политика страны огромного масштаба, призванной решать великие задачи») и не-

которых неудобств неологизма И. А. Ильина, мы даем свой вариант, отвечающий содержанию книги.

На русском языке публикуется впервые. Перевод с немецкого сделан О. В. Колтыпиной.

Приводимые Ильиным в обилии цитаты из русских источников даются в обратном переводе с немецкого. В тексте автор указывает в скобках номера источников в соответствии со списком использованной литературы, помещенным в конце.

Учитывая специфику работы, мы посоветовали бы читателю поступить нетрадиционно и начать ознакомление с ней с раздела «Список литературы», где проясняются и объясняются некоторые важные моменты. Тогда сами собой отпадут многие вопросы, которые в противном случае могут невольно возникнуть по ходу чтения.

¹ *Мотта* Джузеппе (1871 — 1940) — президент Швейцарской конфедерации в 1915, 1920, 1927, 1932, 1937 гг., лидер Католической консервативной партии. С 1920 г. глава Политического департамента (министерство иностранных дел), возглавлял швейцарские делегации на заседаниях Лиги Наций.

² *Белл* Даниел (1919 — ?) — американский либеральный социолог, профессор Колумбийского и Гарвардского университетов. Один из авторов антимарксистской концепции «постиндустриального общества», опровергавшей марксистское положение о социальной революции и неизбежной гибели капитализма. В 30 — 40-е гг., до перехода на позиции либерального реформизма, участвовал в леворадикальном движении, увлекался марксизмом и социализмом.

³ *Трихина* (трихинелла) — червь класса нематод, паразитирующий в стенках кишок и мышцах преимущественно плотоядных или всеядных млекопитающих и человека. Вызывают трихинеллез.

⁴ *Fiat коммунизм — pereat mundus!* (лат.) — Да свершится коммунизм — да погибнет мир.

⁵ *Инсинуация* (от лат. sinus — пазуха) — «инсинуация — значит вкладывание другому за пазуху того, чего там заведомо нет» (комментарий И. А. Ильина из письма к генералу А. А. фон Лампе от 24 июля 1950 г.).

⁶ Аббревиатура от нем. Reichsgewerbeordnung — государственное ремесленническое объединение.

⁷ *Веддинг и Нойкёльн* — районы города Берлина.

⁸ «В-третьих» выпало в отточии.

⁹ *Tertius gaudens* (лат.) — «третий радующийся», т. е. третье лицо, извлекающее пользу из борьбы двух противников.

ВЗЛЯД В ДАЛЬ

КНИГА РАЗМЫШЛЕНИЙ И УПОВАНИЙ

Эта работа была написана И. А. Ильиным на немецком языке «Blick in die Ferne. Ein Buch der Einsichten und der Hoffnungen» и издана в Цюрихе (Швейцария) в 1945 г. издательством «Ahren-Verlag». Она составляет третью, завершающую часть его знаменитого триптиха философских этюдов, две из которых опубликованы в т. 3 настоящего собрания сочинений («Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий» и «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний»). Ильин планировал написать и русский вариант под названием «О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд», однако не успел осуществить свой замысел. Отдельные отрывки из немецкого издания он печатал на русском языке в журналах (например, «День Русского Ребенка»), включал в свои книги (например, «Наши задачи», «Путь к очевидности»), но, как правило, в других редакциях.

Полностью книга переведена и публикуется впервые. Перевод с немецкого сделан З. Г. Антипенко.

Составитель выражает признательность Магнусу Лjungгрену (Швеция) и профессору Алексею Евгеньевичу Климову (США), которые прислали для перевода копии этой редкой книги.

¹ *Самум* (араб.) — местное название сухого горячего ветра в пустынях Северной Африки и Аравийского полуострова; часто сопровождается песчаными бурями.

² Известное выражение Томаса Гоббса — английского философа XVII в.

³ *Hic Rhodus — hic salta!* (лат.) — Здесь Родос — здесь прыгай! В басне древнегреческого баснописца Эзопа говорится о хвастуне, похвалявшемся необыкновенными прыжками, которые он якобы совершил на острове Родосе. При этом хвастун ссылался на свидетелей. На это один из слушателей сказал, что если это правда, то свидетели не нужны, прибавив: «Здесь Родос — здесь прыгай!».

⁴ «Клеветы, клеветы — что-нибудь да останется!» (фр.)

⁵ *Ego* (лат.) — я.

⁶ *Штирнер* Макс (наст. имя и фамилия — Каспар Шмидт) (1806 — 1856) — немецкий философ-младогегельянец. В своей философии проводил идеи крайнего индивидуализма и последовательного эгоцентризма.

⁷ *Que s'excuse, s'accuse* (фр.) — кто оправдывается, тот виноват.

⁸ *Виланд* Кристоф Мартин (1733 — 1813) — немецкий писатель эпохи Просвещения. Романы «Агатон» (1766), «Абдеритяне» (1774), фантастическая поэма «Оберон» (1780).

⁹ *plexus solaris* (лат.) — солнечное сплетение.

¹⁰ Мф. 7, 13 — 14.

¹¹ Перевод З. Г. Антипенко.

¹² В древнегреческой мифологии 50 дочерей царя Даная за свои злодеяния несут в Аиде наказание, наполняя водой дырявый сосуд.

¹³ В русском варианте этой книги Ильин дает другое, более широкое по смыслу название этюда: «О справедливости».

¹⁴ *caput mortuum* (лат.) — мертвое дело.

¹⁵ *Фашина* — связка прутьев, хвороста, камыша для укрепления насыпей, дорог по болоту. От корня этого слова происходит слово фашизм.

¹⁶ *Шефтсбери* Антони-Эшли Купер (1671 — 1713) — английский философ-моралист.

¹⁷ *Лафатер* Иоганн Каспар (1741 — 1801) — швейцарский писатель, автор популярного в конце XVIII — начале XIX в. трактата по физиогномике «Физиогномические фрагменты».

¹⁸ *Сегантини* Джованни (1858 — 1899) — итальянский живописец.

¹⁹ *in magnis et voluisse sat est* (лат.) — в великом достаточно и желания. Высказывание принадлежит римскому поэту Сексту Проперцию (ок. 50 — ок. 15 до н. э.).

²⁰ «Маугли».

²¹ «Мыслитель».

²² Русский вариант названия этой книги «Путь духовного обновления».

²³ *vox populi vox Dei* (лат.) — глас народа есть глас Божий.

²⁴ *dissecta membra* (лат.) — распавшиеся части.

²⁵ *de profundis* (лат.) — из глубины.

²⁶ *splendid isolation* (англ.) — прекрасное одиночество.

²⁷ *primum movens* (лат.) — первоначало движения.

²⁸ *Альберих* — альв (в скандинавской мифологии низший природный дух), хранитель клада нибелунгов.

Клингсор — персонаж стихотворного романа «Парцифаль» немецкого писателя конца XII — начала XIII в. Вольфрама фон Эшенбаха. Клингсор — это злой волшебник-чародей, убивающий в людях чувства.

²⁹ Ср. 1 Ин. 4, 7; 20 — 21.

³⁰ *realia* (от лат. *realis* — вещественный) — вещественность.

³¹ *Цевница* — народный духовой музыкальный инструмент, род свирели.

³² *Исида* — в египетской мифологии сестра и супруга умирающего и возрождающегося бога Осириса, богиня плодородия, воды и ветра, символ супружеской верности и материнства.

³³ *Этос* — термин греческой философии, обозначающий внутреннюю суть, характер лица или явления.

³⁴ *Экзегеза* (греч.) — богословское толкование текстов Священного Писания.

³⁵ *Маммона* — слово арамейско-сирийского происхождения; означает богатство, земные блага.

³⁶ *Энтелехия* (греч.) — букв. осуществленность. Сложный философский термин, введенный Аристотелем. В его философии означает актуальное, действительное существование предмета в отличие от его потенции, возможности бытия. В своей психологии он рассматривает душу как энтелехию естественно-го тела, которое лишь потенциально обладает жизнью.

³⁷ Имеется в виду его пьеса «Укрощение строптивой».

³⁸ *imago* (лат.) — образ.

³⁹ *historia morbi* (лат.) — история болезни.

⁴⁰ В данном случае термин «идеографический» следует понимать как способ анализа исторических событий путем конкретного рассмотрения каждого из них и последующего их обобщения.

⁴¹ *exitus letalis* (лат.) — смертельный исход.

⁴² Более точно: «Критики — это глупые, рассуждающие об умных». См.: Толстой Л. Н. Что такое искусство? //Собр. соч.: В 22 т. Т. 15. — М., 1983. — С. 139.

⁴³ *Джеймс Уильям* (1842 — 1910) — американский философ и психолог, автор знаменитой книги «Многообразие религиозного опыта» (1902).

⁴⁴ В переводе с греческого *орγανον* — музыкальный инструмент.

⁴⁵ *ladri in guanti gialli* (ит.) — негодяи в желтых перчатках.

⁴⁶ См.: Добротолюбие. — Т. 1. — С. 516.

⁴⁷ См. там же. — Т. 2. — С. 424.

⁴⁸ *esprit tradiction* (лат.) — дух противоречия.

⁴⁹ *vir obscurus* (лат.) — обскурант.

⁵⁰ *элабораты* (от лат. *elaboratio* — ревностная работа) — здесь: продукты нашего ума.

⁵¹ Ключевое слово в ильинской интерпретации гегелевской философии.

СОДЕРЖАНИЕ

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ПОЛИТИКА МИРОВОГО ГОСПОДСТВА

Планы III Интернационала по революционизированию мира

Предисловие	7
Введение	8
Глава первая. Завоевание мира	9
Глава вторая. III Интернационал	21
Глава третья. Программа	31
Глава четвертая. Стратегия Коминтерна	44
Глава пятая. Борьба за массы	59
Глава шестая. Обработка рабочих	76
Глава седьмая. Забастовочное движение	95
Глава восьмая. Партия и ее вспомогательные организации	116
Глава девятая. Женщины и дети	143
Глава десятая. Молодежь	156
Глава одиннадцатая. Среднее сословие и крестьянство	170
Глава двенадцатая. Колонии	188
Глава тринадцатая. Нелегальная работа	203
Глава четырнадцатая. Армия	229
Глава пятнадцатая. Вооруженное восстание	259
Глава шестнадцатая. Война и гражданская война	275
Глава семнадцатая. Нападение на Советский Союз	304
Заключение	322
Список литературы	328
Источники	329
Персоналии	333

ВЗГЛЯД В ДАЛЬ

Книга размышлений и упований

Предисловие. О новом человеке	343
I. Раны	345
1. Жизнь без святыни	345
2. Властолюбие	350
3. О лестях	354
4. О национальном высокомерии	359
5. Клевета	364
6. Бегство от света	367
7. Демонизм и сатанизм	374
8. Власть зла	377

II. Кризис	381
9. Благословенно неудовольствие!	381
10. Оправдание удовольствия	384
11. Избавительная мера	387
12. Бессердечная культура	390
13. Так дальше идти нельзя	394
14. Туман	399
III. Воспитание	403
15. Наказанное дитя	403
16. Дух инстинкта	409
17. Вопрос	415
18. Ответ	418
19. Воспитание способности суждения	420
20. Слово	428
21. Дело	431
22. Стань цельным!	433
IV. Тяготы жизни	439
23. Хвала труду!	439
24. Божий муравей	445
25. Мужество гражданина	447
26. Машина	450
27. Неравные братья	457
28. О социальных аспектах хозяйствования	461
V. О творческой жизни	470
29. Творческий человек	470
30. Мы, академики	474
31. О пасторском призвании	479
32. Женщина	483
33. Мой врач	492
34. О политическом успехе	499
35. О художественно совершенном	507
36. Что такое философия?	517
VI. Изначальное	525
37. Свобода	525
38. Доброта	528
39. Смирение	531
40. Утраченная тайна	536
41. Сердечное созерцание	543
42. Благодарность	552
43. Что такое религиозность	557
Послесловие. Об излучении	562
Комментарии	565

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

Собрание сочинений

в 10 томах

Том 8

Редактор В. Н. Шмельков

Художественный редактор Г. Л. Шацкий

Технический редактор И. И. Павлова

Корректоры А. З. Лазуткина, Н. Д. Бучарова

Компьютерный набор О. В. Лисица

Компьютерная верстка В. В. Горшкова, А. М. Токер

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 010058 от 23.10.96.

Подписано в печать с оригинала-макета 07.09.98. Формат 84×108/32. Бумага книжно-журнальная. На вкл. — офсетная. Гарнитура Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 30,35 (в т. ч. вкл. 0,11). Уч.-изд. л. 30,96 (в т. ч. вкл. 0,03). Тираж 9000 экз.

Заказ № 2080. С-011. Изд. инд. НА—57.

Набор и верстка выполнены в издательстве "Русская книга"

Комитета Российской Федерации по печати. 123557, Москва, Б. Тишинский пер., 38.

Отпечатано на издательско-полиграфическом предприятии "Правда Севера".

163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.